

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

К. М А Р К С

И

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

XXIX

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1946

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС
СНИМОК СДЕЛАН В 1893 Г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

XXIX томом завершается издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, подготовленное Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). В том вошли письма Ф. Энгельса за 1892—1895 годы. Письма отражают жизнь и деятельность Энгельса за этот период; они показывают Энгельса как теоретика научного социализма, как вождя пролетариата, подлинного вдохновителя международного социалистического движения, как человека, посвятившего всю свою жизнь великому делу освобождения трудящихся.

В последние годы своей жизни Энгельс считал главной своей задачей издание научного наследства Маркса. Письма день за днем рисуют его огромную работу по подготовке к печати III тома «Капитала». Как и II том «Капитала», III том представляет собой, по выражению Ленина, «труд двоих: Маркса и Энгельса» (*В. И. Ленин*; Соч., изд. 4-е, т. 2, стр. 11).

Много времени и труда Энгельс посвящал многочисленным переизданиям и переводам произведений Маркса, потребность в которых вызывалась растущей тягой масс к научному социализму. Энгельс следил за тем, чтобы подлинные слова Маркса в искаженном виде доходили до читателя: «...меньше всего я мог бы допустить, — писал он, — чтобы старые работы Маркса и мои подвергались бы даже самым незначительным искажениям, в целях приспособления к существующим в данный момент условиям печати» (письмо Фишеру, 15 апреля 1895 г.).

Разрабатывая теоретическое наследство Маркса, Энгельс особенно часто возвращался к вопросам исторического материализма. В письмах к Штаркенбургу, Ф. Мерингу, К. Каутскому и другим он резко выступает против всякой вульгаризации материалистического

понимания истории, подчеркивает значение обратного действия надстройки на базис, предостерегает против недооценки идеологического фактора. Он сам дает ряд блестящих образцов применения метода исторического материализма к конкретной истории отдельных стран. Его очерк истории Германии в XVI — XIX веках (в письме к Мерингу, 14 июля 1893 г.) до сих пор звучит обвинительным актом против прусского юнкерства и немецкого филистерства. Энгельс считал необходимым критически пересмотреть немецкую традиционную историографию и расчистить «дорогу в этой навозной куче прусской истории» (письмо Ф. Мерингу, 11 апреля 1893 г.); он указывал, что «разрушение монархически-патриотических легенд» является одной из форм борьбы против прусской гегемонии в Германии (письмо Ф. Мерингу, 14 июля 1893 г.).

Выход в свет II тома «Капитала» вызвал в буржуазной и социал-демократической печати полемику, в которую вовлечен был и Энгельс. В своих письмах он решительно выступает против идеалистического метода в политической экономии, вскрывает неокантовский характер ошибок ряда германских социал-демократов, в дальнейшем приведших их к откровенному ревизионизму (письмо К. Шмидту, 12 марта 1895 г.).

После смерти Маркса Энгельс являлся признанным вождем всего международного социалистического движения. Со всех концов Европы и Америки к нему обращались за советами. Направляя все международное движение к общей цели, Энгельс учил рабочих каждой страны выковывать свою тактику в зависимости от конкретной обстановки. Так же как и в предыдущих томах переписки, в письмах Энгельса за 1892—1895 гг. вырисовываются те «две линии» советов и наставлений, о которых писал Ленин в своем «Предисловии» к русскому переводу книги «Письма к Зорге»: борьба против филистерского, мещански-интеллигентского оппортунизма в германской социал-демократии, борьба против узкого сектантского духа в англо-американском движении (см. *В. И. Ленин*, Соч., т. XI, стр. 174).

В своих письмах к А. Бебелю, К. Каутскому, В. Либкнехту Энгельс продолжает ту систематическую, неуклонную борьбу против оппортунизма в германской социал-демократической партии, которую он и Маркс вели на протяжении десятилетий. Он упрекает В. Либкнехта в примиренчестве по отношению к баварским оппортунистам в центральном органе партии «Vorwärts» (письмо от 24 ноября 1894 г.), осуждает К. Каутского за пристрастное к фабианцам освещение английских выборов в «Neue Zeit» (письмо от 12 августа

1892 г.). Лидеры германской социал-демократии Э. Бернштейн, К. Каутский и другие еще при жизни Энгельса пытались исказить основные положения революционного марксизма. В марте 1895 г., за несколько недель до смерти, Энгельс написал «Введение» к переиздаваемой работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», в котором призывал партию готовить пролетарские массы к вооруженному столкновению с господствующими классами. Известно, что этот призыв и ряд других аналогичных мест были опущены руководством германской социал-демократии при опубликовании «Введения», а В. Либкнехт даже поместил в «Vorwärts» отдельные выдержки из «Введения», совершенно искажавшие его общий смысл. В письме к Каутскому (1 апреля 1895 г.) Энгельс выразил глубокое возмущение тем, что его изобразили «в виде миролюбивого поклонника законности во что бы то ни стало...», требовал, чтобы «это позорное впечатление было изглажено».

В Англии и в Америке, где не было еще массовых марксистских партий, Энгельс с напряженным вниманием следил за стихийным стремлением рабочих к единству. «В массах инстинктивное понимание того, что рабочие должны образовать свою собственную партию в противовес обеим официальным партиям, все более крепнет», — писал он Ф. А. Зорге 10 ноября 1894 года. Он резко осуждал английскую социал-демократическую федерацию и немецких социал-демократов в Америке, которые держались в стороне от рабочих масс и превращали марксистскую теорию в «окостенелую догму правоверной секты» (в том же письме).

Во Франции в 1894 г. в парламенте образовалась социалистическая фракция в результате объединения гэдистов и POSSIBИЛИСТОВ с группой радикал-социалистов. Энгельс одобрил этот союз, но предостерегал против влияния на фракцию буржуазных элементов и предсказывал неизбежный в дальнейшем раскол (письмо В. Адлеру, 17 июля 1894 г.). Энгельс неоднократно обращался к революционным традициям французского народа (письмо к Э. Вайяну, 5 марта 1895 г.), призывал французских рабочих к созданию социалистической партии «более сильной, более многочисленной, более испытанной, более сознательной» (письмо к П. Лафаргу, 2 июня 1894 г.).

В ряде писем Энгельс возвращается к вопросам буржуазной демократии и вскрывает сущность парламентской системы. Он настойчиво предлагает рабочим не пренебрегать буржуазным парламентаризмом, но предостерегает их против каких-либо иллюзий относительно возможностей мирного использования буржуазного государства для социалистических преобразований; он клеймит

Фольмара за попытки заставить партию «заняться государственным социализмом» и сотрудничать с реакционной германской империей в ее социал-демагогических «экспериментах» (письмо к Зорге, 12 декабря 1894 г.). Однако касаясь в своих письмах вопроса о форме пролетарского государства, Энгельс не пошел дальше сформулированного им в 1891 г. положения о том, что парламентарная демократическая республика «является... специфической формой для диктатуры пролетариата» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 109). «Республика по отношению к пролетариату, — пишет он в письме к П. Лафаргу 6 марта 1894 г., — отличается от монархии только тем, что она является *готовой* политической формой для его будущего господства». Ленин, как известно, исходя из опыта двух революций в России и из теории марксизма, показал, что «наилучшей политической формой диктатуры пролетариата является не парламентарная демократическая республика, а республика Советов» (История ВКП(б). Краткий курс, стр. 340).

Последние годы жизни Энгельса совпали с большим оживлением политической жизни в Европе и Америке; огромный рост массового движения, международные рабочие конгрессы, празднование 1 Мая, ряд крупных стачек и другие события нашли отражение в письмах Энгельса. В эти годы уже давали себя чувствовать первые признаки новой стадии в развитии капитализма — империализма. Некоторые моменты, связанные с назреванием новой исторической эпохи, были подмечены Энгельсом. Но Энгельс не смог выявить черты складывающегося империализма в целом. Он предвидел первую мировую войну, видел, что она ускорит взрыв пролетарской революции. «Если война разразится, — писал он Ш. Бонье 24 октября 1892 г., — то на долю *потерпевших поражение* выпадет возможность и обязанность совершить революцию». Но Энгельс не уловил характера этой войны как схватки двух групп империалистических держав и придерживался прежней схемы о революционной войне против царизма, которую развивала еще «Новая Рейнская Газета». В этом сказывалась недооценка нарождавшегося хищнического германского империализма.

Значительный интерес представляют письма Энгельса к русским политическим деятелям: Г. В. Плеханову, В. Засулич, Н. Ф. Даниельсону и другим. Энгельс уделял России большое внимание, правильно оценивал огромные творческие силы и революционные возможности, которые таились в русском народе. В письмах к Даниельсону он продолжает начатую еще при жизни Маркса полемику против народников по вопросу о судьбах русской общины. Разобла-

чая иллюзии народников о самобытном пути развития России, Энгельс указывает на развитие капитализма в России, на проникновение его в деревню. Он отмечает заслуги революционного народничества, но вместе с тем показывает, что нежелание считаться с новыми, вступившими в силу экономическими факторами заводит народников 90-х годов в тупик, приводит их к реакционным выводам (письмо к Плеханову, 26 февраля 1895 г.). Энгельс не сомневался в том, что «революционизирование всех традиционных отношений *развивающейся промышленности* революционизирует также и головы» (письмо к Зорге, 31 декабря 1892 г.). Он видел близость революции в России, верил в ее победу и предугадывал ее решающее влияние на ход мировой истории.

* * *

В настоящий том включены некоторые письма Маркса и Энгельса за годы 1849—1891, не вошедшие в ранее изданные тома Сочинений. Всего в том вошло 302 письма Энгельса и 18 писем Маркса, из них 174 публикуются впервые. Большая часть этих писем хранится в архиве ИМЭЛ в оригинале или в фотокопии с оригинала.

Перевод всех писем для настоящего издания заново сверен с оригиналом. При подготовке тома использованы переводы отдельных мест из писем Энгельса, цитированные В. И. Лениным.

Слова, написанные Энгельсом по-русски в оригинале, даны в томе **особым шрифтом**.

Примечания справочного характера, помещенные под строкой, принадлежат редакции. Примечания, сделанные самим Энгельсом, оговорены особо.

В конце тома помещены указатели упоминаемых имен и периодических изданий.

Настоящий том подготовлен к печати *И. А. Бах* под общей редакцией **В. В. Адоратского**.

Институт Маркса — Энгельса — Ленина
при ЦК ВКП(б)

I

Ф. ЭНГЕЛЬС

**ПИСЬМА
1892—1895**

1892 год.

I.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 6 января 1892 г.

Дорогой Зорге,

Нашу открытку с новогодним поздравлением ты, надеюсь, получил. Сегодня отвечаю на твои письма от 20 и 23 ноября и 9 декабря.

Я благополучно отпраздновал 71-ю годовщину своего рождения и в общем чувствую себя здоровее и крепче, чем 5—6 лет тому назад. Если доживу до 1900 г. — не знаю, впрочем, будет это хорошо или плохо, — то надеюсь увидеть еще много интересного. У вас, в Америке, движение, развивающееся приливами и отливами, постоянно приносит разочарование и поэтому легко может привести к пессимизму. У меня же здесь перед глазами европейское движение, идущее в общем и целом гигантскими шагами вперед; в центре его — немецкое движение, которое развивается равномерно с непреодолимостью естественной силы, и поэтому я скорее склонен к другой крайности. Я написал кое-что об этом во французский календарь¹, который пошлю тебе, как только получу второй экземпляр.

Война с Россией, к счастью, откладывается на 3—4 года, если только нигде не натворят глупостей. Раз равномерное развитие движения в Германии обещает нам, хотя и несколько более позднюю, но зато тем более верную, победу при *самых благоприятных* обстоятельствах, то у нас нет никаких оснований желать итти ва-банк, между тем в случае такой войны, мы вынуждены будем это сделать.

¹ Статья Энгельса «Социализм в Германии» опубликована на французском языке в «Almanach du Parti Ouvrier pour 1892», стр. 93—105. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 239—254.

В Америке, мне кажется, еще нет места для *третьей* партии. На этой обширной территории различие в интересах настолько велико, даже *внутри* одной и той же классовой группировки, что в каждой из двух больших партий представлены, в зависимости от местности, совершенно различные группы и интересы. Несмотря на то, что в настоящее время крупная промышленность в целом составляет ядро республиканской партии, а южное крупное землевладение — ядро демократической, в очень значительной мере каждая прослойка имущего класса имеет своих представителей и в той и в другой партии. Это кажущееся случайным смешение как раз и создает великолепную почву для коррупции и эксплуатации государства, которые в Америке так пышно процветают. Лишь тогда, когда земля — государственный фонд — целиком окажется в руках спекулянтов, и колонизация, встречая таким образом все большие препятствия, станет поприщем для мошенничества, — лишь тогда, мне кажется, при *равномерном* развитии наступит время для третьей партии. *Земля* является основой спекуляции, американская же спекулятивная лихорадка и самая возможность спекуляции — вот главные рычаги, посредством которых коренные американские рабочие удерживаются под влиянием буржуазии. Лишь тогда, когда появится поколение коренных американских рабочих, которым больше *ничего* будет ждать от спекуляции, лишь тогда мы обретем в Америке твердую псычу под ногами. Но кто же может рассчитывать на равномерный ход развития в Америке! Там в экономической жизни совершаются такие же скачки, как в политической жизни во Франции, и, конечно, такие же временные повороты назад.

Мелкие фермеры и мелкие буржуа едва ли когда-нибудь создадут сильную партию, это слишком быстро сменяющиеся элементы; крестьянин к тому же часто странствует, обрабатывая последовательно 2, 3, 4 фермы в разных штатах и территориях; в этих слоях иммиграция и банкротства способствуют быстрой смене людей, а экономическая зависимость от кредиторов препятствует самостоятельности, но зато они представляют благодарнейший элемент для политиканов, которые спекулируют на их недовольстве, чтобы затем продать их одной из двух больших партий.

«Упорство» янки, воскрешающих даже надувательство с гринбеками¹, вытекает из их теоретической отсталости и англо-саксонского презрения ко всякой теории. Они расплачиваются за это сле-

¹ «Гринбек» (Greenback) по-английски — зеленая спинка; так прозвали бумажные деньги, выпускаемые в Америке во время гражданской войны (1861—1865).

пой верой во всякий философский и экономический вздор, религиозным сектантством и нелепыми экономическими экспериментами, а некоторые буржуазные клики нагревают себе на этом руки.

Луиза просит тебя посылать ей *впредь только* «Woman's Journal» (*Бэстон*), и то *лишь до 31 марта*, если только до этого ты не получишь от нас других указаний. Газета нужна ей для венской «Arbeiterinnen-Zeitung» (она вместе с Лаурой и Тусси — главный штаб); она говорит, что ей и в голову не приходило навязывать работницам вздор надутых американских мещанок. Благодаря твоим любезным посылкам она снова вошла в курс дела и убедилась, что эти дамы попрежнему высокомерны и ограничены; она хочет еще, на пробу, сохранить на два-три месяца одну эту газету. Кстати она искренне благодарит тебя за твою любезность.

Лафарг на первый раз несколько растерялся в палате от реплик и шума. Но это обойдется. Французы всегда совершенствуются в непосредственной борьбе.

История с Гомперсом *такова*: он написал мне и прислал подробные материалы своего общества. В то время — это было летом — я подолгу не бывал дома, а в промежутках был страшно занят, да и суть дела мне вовсе не была ясна. Я полагал, что *Placet extra rescatur muros et intra*¹. Затем разнесся слух, что Гомперс приедет в Брюссель, а следовательно и сюда; и я рассчитывал все разрешить устно. Позже, так как он *не* приехал, я об этом позабыл. Но я разыщу бумаги и тогда отвечу ему, что отказываюсь от такой роли.

На-днях я написал К. Каутскому и поручил ему поговорить с Дитцем об отдельном издании твоих статей, и пока жду ответа. Тихе едешь — дальше будешь, — говорят в Германии, а в особенности в Штукерте², на берегу Неккара.

Блечфорд вылетел из «Workman's Times», и это большое достижение. Вообще же в газете проявляются недостатки, неизбежные в *частном* предприятии такого рода, пока за ним не стоит партия, достаточно сильная, чтобы его контролировать.

Сейчас мне предстоит: 1) корректура нового издания «Положения рабочего класса в Англии», 1844 г.; 2) просмотр перевода «Развития социализма», сделанного Эвелингом; 3) кое-что из мелочей, а затем 4) снова III том³, где мне как раз предстоит наиболее трудные главы. Думаю, однако, что если решительно отказаться

¹ *Лат.* — «Много творится грехов и внутри и вне стен Илионских» (*Гораций*, Послания, кн. 1).

² Штутгарт.

³ III том «Капитала».

от всего остального, дело пойдет на лад. А дальнейшее, я думаю, представит для меня трудности только со стороны формы.

Сердечный привет твоей жене и тебе самому от Луизы Каутской и меня.

Твой Ф. Энгельс.

2.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 26 января 1892 г.

Дорогой Барон,

Корректуру статьи¹ я вчера сразу же отослал. Смотреть корректуру «Анти-Прудона»² я не могу, потому что должен как можно скорее снова приняться за III том, и я решительно ничего больше не могу на себя взять, так как мне еще нужно просмотреть английский перевод «Развития»³, от чего я не могу отказаться, поскольку ответственность за такого рода издания в Лондоне ложится на меня.

Если берлинцы будут возражать против чего-нибудь в моей статье, то прошу поставить *многоточие*. Смягчения недопустимы: ведь французский оригинал доступен каждому, и всякое смягчение может быть истолковано *только как фальсификация*.

За корректурные листы «Нищеты»⁴ буду тебе благодарен, а предисловие мне все равно придется снова просмотреть.

Дитцу, который взвалил на меня составление адреса Бебелю к 25-летию его парламентской деятельности, я написал, чтобы отныне он *весь* мой гонорар пересылал Адлеру. Берлинцам и без того достается львиная доля, так как я не могу не передавать им того, что причитается мне за выпускаемое издательством «Vorwärts». Таким образом, это только справедливо.

Итак, Юлиус, поработав как крот, в воскресенье в 3 часа дня благополучно выставил Гиллеса из Союза 48 голосами против 21. Он отлично провел всю кампанию и в воскресенье вечером зашел ко мне. Он был очень доволен и рассказывал о переговорах с членами Союза с великолепным юмором: люди как живые вставали

¹ Статья «Социализм в Германии» была опубликована в «Neue Zeit» за 1891/92 г., т. 1, стр. 580—589.

² Речь идет о работе Маркса «Нищета философии». См. Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 295—416. Предисловие Энгельса ко второму немецкому изданию «Нищеты философии», см. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 285.

³ Речь идет о работе Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке». Английский перевод, сделанный Э. Эвелингом, вышел в 1892 г. под заглавием «Социализм утопический и социализм научный».

⁴ Работа Маркса «Нищета философии».

перед глазами. Повторилась старая история: сперва эти тьюфики думали, что их всего 7 человек, а когда осмотрелись, их оказалось около 50, все хорошие парни, но лодыри, и после того как их хорошенько встряхнули — Гиллесу пришел конец. Это очень важно, потому что лишает его возможности дальше действовать среди англичан; теперь он цепляется только за Гайндмана, который никак не может от него избавиться.

Но и Гайндман тоже потерпел крупные поражения. Прочитай в «Workman's Times» за прошлую неделю прения делегатов в помещении Социал-демократической федерации на Стрэнде, об открытом митинге в Челси, на Уорлдс-энд. Там ему крепко досталось и от Шоу, и от Бернса, и от Тусси. Бернс заявил, что когда дойдет до дела, ораторов, надо надеяться, не придется разыскивать в уборных (как Гайндмана во время событий в Трафальгарском сквере) и т. п., что Гайндман мог бы спасти дело, если бы вместо такой трудно обороняемой позиции, как Уорлдс-энд (триста человек создают там такой затор уличного движения, что полиция *вынуждена* вмешаться!), он оставил за собой Слоон-сквэр, но что он от него отказался, когда был присужден к штрафу в 1 шиллинг! Рабочие газовых заводов заявили, что пойдут на митинг, даже если готовится драка, и выставят своих ораторов, если Гайндман будет председателем. Словом, он был, наконец, изобличен в трусости. В воскресенье на собрании делегатов по этому же поводу ему досталось еще больше. Один из членов Социал-демократической федерации сказал, что Федерация сама по себе слишком слаба, чтобы провести дело, а так как она, повидимому, одинока, то надо ее распустить. Другой заявил, что нельзя допустить ареста Гайндмана, так как Федерация существует лишь на денежные взносы буржуа, в особенности Гайндмана и Хантера Уотса. Осел так запутался в своих собственных интригах, что ему, пожалуй, придется туго. Вся штука заключалась, как он сам заявил в частном разговоре, в следующем: если бы удалось оттянуть скандал по поводу права на митинг в Уорлдс-энде до роспуска парламента, *то его избрание в Челси* (где он выставил свою кандидатуру) *было бы обеспечено.*

Большой привет. Поздравляю со вторым сыном. Но теперь пора бы перейти к более умеренным темпам. Очень рады, что мать и дитя здоровы. Тут у нас все еще свирепствует инфлуэнца. Перси болел инфлуэнцей, а затем воспалением легких. Я с тревогой жду известий от Пумпс. Прихворнула и Луиза, а также Эвелинг.

Итак, еще раз сердечный привет от Луизы и твоего

Генерала.

3.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 28 января 1892 г.

Дорогой Барон,

С тем, что ты опустил Б. и Л.¹, — согласен. Это абсолютно не меняет сути дела.

«Шесть веков и т. д.»², конечно, более заслуживала бы перевода, чем книга того же автора «Экономическое объяснение истории», большая часть которой несомненно заимствована из «Капитала» и написана довольно-таки посредственно, хотя и там есть отдельные проблески. В «Шести веках» есть много фактического материала, в Германии неизвестного, наряду с отдельными неправильными толкованиями, что у буржуа ведь неизбежно. Но я думал, что ты найдешь более приятным и необходимым писать свои собственные работы, чем заниматься переводами.

Сердечный привет.

Твой *Генерал*.

4.

Герману Энгельсу

в Бармен.

Лондон, 28 января 1892 г.

Дорогой Герман,

Мне, пожалуй, пора снова подать признаки жизни, тем более, что небольшой деловой вопрос дает к этому повод. В твоей последней конто-коррентной выписке ты зачислил на мой счет 79 марок 40 пфеннигов от Ф. Э. и К⁰; это, очевидно, издержки по составлению доверенности, которая, по желанию Рудольфа, была заверена у нотариуса и консула? В остальном все, как будто, в порядке.

Затем я просил бы тебя сообщить мне, какова на сегодняшний день стоимость, т. е. курс и номинал, тех шафгаузенских акций, которые я поместил у вас; они однажды упали в цене, и я уже не знаю, чем в точности располагаю, а ведь может случиться, что я захочу избавиться от этого хлама.

В общем мне жаловаться не на что; со здоровьем у меня до-

¹ Энгельс имеет в виду А. Бебеля и В. Либкнехта. Их имена в немецком переводе статьи Энгельса «Социализм в Германии» были опущены К. Каутским при публикации в «Neue Zeit».

² Книга Т. Роджерса «История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век».

вольно благополучно. Зрение значительно окрепло, и я должен соблюдать осторожность только в том, чтобы не писать при искусственном свете, что, правда, бывает зимой затруднительно.

Хороший стол и доброе вино я все еще ценю, да и хожу я еще довольно бодро, и вообще считаюсь одним из самых молодых стариков в Лондоне. Зато в курении я принужден сильно себя ограничивать, потому что табак, так же как и хорошее вино и, к сожалению, пильзенское пиво, несколько нарушает работу сердца и мешает сну. Но и это бывает только после Нового года и до наступления весны; я принимаю раз в неделю сульфонал — получаю его постоянно от Байера в Эльберфельде — и так благополучно проходит и это скверное время года; а как только начинается хорошая погода и я могу больше бывать на воздухе, мое состояние снова улучшается, а там — лето, и можно поехать к морю, а на море я снова молодцом. Прошлым летом я провел сперва четыре недели на острове Уайт и затем 14 дней в Шотландии и в Ирландии, большей частью на воде — это для меня полезнее всего, с тех пор как пришлось оставить верховую езду. Если бы я мог здесь зимой ездить верхом, а лето проводить на море, то, наверное, совершенно окреп бы. Но так как это невозможно, то я должен довольствоваться восхождением на лондонский Чимборозо, именуемый Хемпстед-хис, расположенный приблизительно на такой же высоте над уровнем моря, как твой дом в Бармене, т. е. около 150 метров. К счастью, и этого достаточно, чтобы, на худой конец, сохранить хорошее настроение.

Инфлуэнцы я пока счастливо избежал. Но здесь настоящий мор. Наши соседи заболевают один за другим, хотя и выздоравливают в конце концов в большинстве случаев; это, повидимому, отвратительная болезнь, из-за нее впадают в такую ужасную меланхолию, что от одного этого можно потерять аппетит.

Ну, теперь ты тоже должен мне рассказать, что слышно у вас, как вы поживаете, ты и Эмма, ваши дети и дети ваших детей, Рудольф, Гедвига и их обширное потомство, Бланки, обитатели Энгельс-кирхена и весь этот бесчисленный, кажущийся отсюда необозримым рой. С тех пор как Рудольф Бланк уехал отсюда, никакие сведения о вас до меня больше не доходят, — в частности и потому, что браки и рождения стали совершаться, повидимому, в более медленном темпе; это все же были определенные вехи, по которым можно было до некоторой степени судить о том, что у вас происходит.

Сердечный привет Эмме и всем твоим, семейству Рудольфа, Гедвиге и К⁰ и К⁰.

Твой старый Фридрих.

5.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 1 февраля 1892 г.

Дорогой Барон,

Прилагаю письмо Лабриолы к Тусси; не думаю, чтобы его можно было опубликовать, не попортив кровь кое-кому в Италии, а от этого в конечном счете пострадала бы германская партия, так как именно *ее* стали бы обвинять в том, что она выступает за — или против — тех, кто чувствует себя задетым этой статьей; а при царящем в Италии разброде, различные люди, с основанием или без основания, непременно почувствуют себя задетыми — об этом я Л.¹ тоже писал. А это значило бы бросить их в объятия POSSИБИЛИСТОВ, ГАЙНДМАНОВЦЕВ, ФАБИАНЦЕВ и невесть еще каких завистников.

Я писал Л., что по-моему лучше не печатать, но что я это дело всецело передал на твое усмотрение, и уж вы сами договаривайтесь. Во всяком случае *Тусси хочет, чтобы письмо ей было возвращено.*

На-днях мне пришло в голову, что было бы весьма полезно обрисовать фигуру *Лютера* на основании его произведений и практической деятельности. Во-первых, было бы очень своевременно разоблачить как протестантскую легенду, так и ту узколобую борьбу католицизма против нее, которую ведет Янсен (пользующийся теперь таким успехом в Германии), и уже прямо необходимо показать с *нашей* точки зрения, до какой степени реформация была *буржуазным* движением. А затем было бы очень важно специально провести параллель между Лютером *до* Карлштадта, анабаптистов и крестьянской войны и Лютером *после* всего этого — с одной стороны, а с другой стороны — между буржуазией *до* 1848 г. и *после* него, показав подробно, как постепенно произошел этот поворот у Лютера. Это можно было бы сделать успешно даже и без чрезмерных научных исследований, а ты своей работой над Т. Мором как раз к этому подготовлен. К тому же в Штукерте к твоим услугам знаменитейшая библиотека по протестантизму. Право же, это было бы лучше, чем переводить Роджерса, которого может перевести и ребенок.

Привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

¹ Повидимому, Лабриола.

6.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 2 февраля 1892 г.

Дорогой Август,

Рад, что статья¹ тебе понравилась. С предложением опустить во второй раз оба имени я вполне согласен. Для Франции повторение было необходимо, для Германии это могло бы быть вредно и уж во всяком случае излишне.

Почему русские все-таки проявляют воинственный задор и концентрируют войска на западе? Очень просто. Уже в первом письме, где я утверждал, что голод охладит воинственный пыл России, я говорил тебе, что бряцание оружием от этого отнюдь не прекратится, а скорее даже усилится. Они всегда так поступают. Но все это делается лишь для публики внутри страны и за границей; от иностранной дипломатии вовсе не требуют, чтобы она этому *верила*, а только чтобы она этому *не мешала*. В глазах общественного мнения отступление России должно выглядеть как отступление других перед Россией. Но на этот раз здесь действует еще одно обстоятельство: юго-восток и восток истощены голодом и не в состоянии прокормить войско. Область недорода ограничена примерно линией Одесса — Москва — Вятка — Пермь до Уральских гор, затем вдоль Урала до северных берегов Каспийского моря, а оттуда к восточным берегам Азовского моря, назад к Одессе. Это доказывает, что только на запад от линии Одесса — Москва можно прокормить войско; весь север сам постоянно нуждается в привозе зерна. Кроме того, русские распространяют теперь заведомо *ложные* сообщения о передвижениях войск на запад.

В «Vorwärts» от пятницы помещена заметка, которая абсолютно не соответствует тому, что ты сообщаем о своей переписке с французами относительно Эльзас-Лотарингии. Вероятно, ее составили, не посоветовавшись с тобой. С «Figaro» ты должен быть начеку, это — подлейшая газета.

Нас очень позабавила твоя беседа с Келлером. Это истый прусак. Уже Геркнер указывал этой публике на то, как неумно ласкать офранцузенных, неистовствующих нотаблей, а рабочих, которые даже не понимают по-французски и по языку своему и всему своему складу являются чистейшими немцами, отталкивать от себя и гнать в объятия франкофилов. Это был прекрасный случай для применения с

¹ «Социализм в Германии».

огромным успехом демагогии сверху. Достаточно было даровать хотя бы только германское фабричное законодательство, законы о союзах и т. п. и терпимо относиться к рабочим, чтобы привлечь их на свою сторону в какие-нибудь десять лет, и тогда они вместе с протестантами, с крестьянами — виноделами и табаководами — составили бы больше, чем просто противовес офранцузенным буржуа, мещанам и дворянам. Но разве могли пойти на это те самые люди, которые ввели в Германии закон против социалистов и всячески боролись с рабочими? Ты видишь, немецкие буржуа всегда опаздывают, и даже прусское правительство, которое все еще сохраняет в отношении их такую свободу действий, не могло рискнуть на *такого рода* бонапартистскую политику. Как ты правильно говоришь, прусский бюрократ, военный и юнкер по своей природе не способны добровольно отказаться от какой бы то ни было формы власти, хотя бы она и была для них бесполезна или даже вредна: ведь от этого пострадала бы мелочная живодерская политика, которая для них — все!

Что Гиллеса, наконец, с треском выставили, ты уже знаешь. Но со стороны «Vorwärts» было нелепо именно в *этом* сообщении опустить имя. Незачем умять свои собственные успехи, выбрасывая из сообщения самое главное. Да и Союз, и те лица, которые добились для него этого успеха, тоже ведь заслужили, чтобы их действия в интересах партии были, по крайней мере, правдиво освещены в официальном органе партии. Я, правда, знаю, что вы пока ничего не можете сделать, но мне почти кажется, что кто-то задался целью спровоцировать конфликт.

Мой совет Юлиусу сокращать свои речи подействовал бы не больше, чем совет, ранее данный Либкнехту, не писать нескромных писем. В дела Юлиуса я, конечно, не вмешиваюсь, кроме тех случаев, когда *вынужден* к этому. Эта чета умышленно изолируется от всех нас и мне ничего другого не остается делать. Тетка¹ требует визит за визит, а такой формальный мещанский этикет у нас, коммунистов, не признающих условностей, во-первых, абсолютно не в моде, а во-вторых, абсолютно неприменим. Это мещанское времяпрепровождение, эта, как здесь говорят, social treadmill, общественная толчея, годится только для тех, кому некуда девать время, а кто хочет работать, тот не может и не станет этим заниматься. Даже в среде манчестерских буржуа я этого не делал, а теперь и тем более не могу. Если есть дело к кому-нибудь, то просто

¹ — прозвище жены Ю. Моттелера.

идешь к нему, и баста. Но именно это-то и является источником всех огорчений на Гуго-род.

О том, что Гейзер опять в «Vorwärts», я уже догадывался по непревзойденной, только ему одному свойственной скуке и бессодержательности некоторых статей. Вообще же «Vorwärts» во время сессии дрезденского ландтага был заметно лучше.

Да, о «Положении рабочего класса»! Уже в который раз милейший Дитц пристаёт ко мне и получает один и тот же ответ, который я ему уже письменно сообщил: как только будет закончен III том «Капитала» — с удовольствием, а до тех пор я ничего не могу взять на себя. Твое предложение поручить ему переговоры с Вигандом встречает всяческие возражения; я убедился, что в таких случаях совершаются излишние и часто уже непоправимые ошибки. Прежде всего я должен все же знать, каково мое правовое положение по отношению к Виганду. Если ты по прилагаемой записке, где изложены все обстоятельства дела, раздобудешь, как ты уже однажды сделал это для меня, юридическое заключение, то мы сможем продолжать переговоры. Присланное тобой прежнее заключение разъяснило мне полностью, что в силу остроумного саксонского законодательства, защищающего издателей и приносящего в жертву авторов, я все еще в лапах у Виганда, но оно не учитывало непредвиденной тогда возможности отказа Виганда от переиздания на прежних условиях. Если и *тогда* я еще буду в его когтях, то надо, во всяком случае, выяснить, что можно предпринять.

Печатники пожинаяют то, что сами посеяли. Если это теперь заставит их войти в партию, то это уже неплохо.

Читая вчера приказ принца Георга Саксонского по корпусу, я от радости чуть было не вскочил на стол. Ну и ярость это вызовет в верхах! И как только такая штука попала в безбожную социал-демократическую печать? Неужели у наших ребят действительно уже такие связи в «Моем доблестном воинстве»? В сегодняшнем «Daily News» уже помещена об этом телеграмма в целый столбец — это наделает страшный шум во всем мире. И они воображают, что таким обращением доведут солдат до того, что те будут готовы «расстреливать всех» — в особенности родителей, братьев и т. п.? Ну и тупицы же эти пруссаки!

Что Луиза превосходная хозяйка, это я вопреки некоторым противоположным утверждениям готов отстаивать против всех и вся, равно как и то, что она отличная повариха. Но я подозреваю, не основана ли эта любовь к домашнему очагу, между прочим, на том, что мы с ней не состоим в браке; если действительно так, то

это для меня счастье, поскольку из-за разницы наших возрастов возможность как брачных, так и внебрачных отношений между нами исключена, а потому и не остается ничего другого, кроме домашнего уюта.

Сердечный привет твоей жене и тебе от Луизы и твоего

Ф. Э.

7.

Конраду Шмидту

в Цюрих.

Лондон, 4 февраля 1892 г.

Дорогой Шмидт,

В соответствии с Вашим письмом от 12 декабря мы 19-го того же месяца осушили бокал за Ваше здоровье и за здоровье Вашей молодой жены и торжественно закрепили это на следующий день, в воскресенье, выпив после обеда вместе с Эвелингами благородного портвейна 1868 года. Надеюсь, что теперь Вы уютно, по-домашнему, устроились в Цюрихе и находите, что вдвоем живется лучше, чем в одиночестве.

Большое спасибо за Вашу статью против Вольфа. Но она вынудила меня все же прочесть и произведение Вольфа, которое я спокойно отложил было в шкаф до худших времен. Так как немецкий язык существует, на взгляд автора, только для того, чтобы прикрывать отсутствие у него мыслей, то чтение этого вздора — довольно трудная работа, хотя быстро обнаруживается, что за словами не содержится ровно ничего. Суть дела Вы изложили совершенно правильно и ясно, и хорошо сделали, что оставили в стороне все второстепенные моменты; они ведь только для того и включаются, чтобы читатель, увлекшись ими, упустил из виду главную ошибку. Что этот человек — гений экономической глупости, я понял уже по одной его статье в «Neue Freie Presse», в которой он старается еще больше запутать и без того уже путанные головы венских буржуа. Но на этот раз он превзошел все мои ожидания.

Сведем его аргумент к математическим выражениям: C_1 , C_2 — два капитала в их полном составе, причем их соответствующие переменные составные части = v_1 , v_2 , а их соответствующие массы прибавочной стоимости = m_1 и m_2 . При одинаковой норме прибыли для обоих капиталов (предположим пока равенство прибыли к прибавочной стоимости) получается таким образом:

$$C_1 : C_2 = m_1 : m_2, \text{ следовательно } \frac{C_1}{m_1} = \frac{C_2}{m_2}.$$

Теперь мы должны определить нормы прибавочной стоимости, необходимо вытекающие из этого условия. Умножая для этого одну часть уравнения на $\frac{v_1}{v_1} = 1$, а другую на $\frac{v_2}{v_2} = 1$, мы получим:

$$\frac{C_1 v_1}{m_1 v_1} = \frac{C_2 v_2}{m_2 v_2} = \frac{C_1}{v_1} \times \frac{v_1}{m_1} = \frac{C_2}{v_2} \times \frac{v_2}{m_2}.$$

Если мы перенесем соответствующие множители в другую часть уравнения, где дробь примет таким образом обратный вид, мы получим:

$$\frac{C_1}{v_1} \times \frac{m_2}{v_2} = \frac{C_2}{v_2} \times \frac{m_1}{v_1} \quad \text{или} \quad \frac{C_1}{v_1} : \frac{C_2}{v_2} = \frac{m_1}{v_1} : \frac{m_2}{v_2}$$

или, иначе говоря, для того чтобы получилась вольфовская равная норма прибыли, нормы прибавочной стоимости должны относиться друг к другу, как соответствующие совокупные капиталы, разделенные на их соответствующие переменные составные части. В противном случае вольфовская равная норма прибыли пропадает. Но что нормы прибавочной стоимости 1) *могут* именно так относиться друг к другу, и 2) что они *всегда должны* так относиться, — вот тот экономический факт, который г. Вольф и должен был доказать. Вместо этого он преподносит нам дедукцию, *содержащую в себе в качестве предпосылки* то самое, что должно быть доказано. Ибо, как выяснено выше, уравнение норм прибавочной стоимости есть только другая форма уравнения равных норм прибыли.

Пример:

$$C_1 = 100; v_1 = 40; m_1 = 10$$

$$C_2 = 100; v_2 = 10; m_2 = 10$$

$$\frac{C_1}{v_1} : \frac{C_2}{v_2} = \frac{m_1}{v_1} : \frac{m_2}{v_2}$$

$$\frac{100}{40} : \frac{100}{10} = \frac{10}{40} : \frac{10}{10}$$

Правильно.

Я все же думаю, что Вы идете слишком далеко, утверждая, что для совокупного крупного производства существует безусловное равенство норм прибавочной стоимости. Экономические рычаги, посредством которых достигается равенство норм прибыли, по-моему, являются гораздо более сильно и быстро действующими, чем те, которые оказывают давление на уравнение норм прибавочной стоимости. Однако такая *тенденция* налицо, и практически различия

лишь незначительны, а ведь в конце концов все экономические законы являются лишь выражением постепенно прокладывающих себе путь и взаимно перекрещивающихся тенденций.

Когда выйдет предисловие к III тому, г. Ю. Вольф обрадуется.

Я очень рад, что Вы так удачно начали свою доцентскую деятельность. Надеюсь, что так будет продолжаться и впредь. Г-ну Вольфу это будет особенно приятно — так ему и надо.

Конечно, очень хорошо, что некоторые из недовольных ходом партийных дел господ студентов снова принимаются за ученье. Чем больше они будут учиться, тем терпимее они будут относиться к людям, занимающим действительно ответственное положение и старающимся добросовестно выполнять свои обязанности; со временем они увидят, что для достижения великой цели и сплочения необходимой для этого миллионной армии, надо всегда помнить о главном и не давать сбивать себя с пути мелочными придирками. Они должны будут обнаружить также, что «образование», которым они так кичатся перед рабочими, оставляет еще желать очень много и что рабочие инстинктивно, «непосредственно» — выражаясь по-гегелевски — уже обладают тем, что им, студентам, приходится приобретать с таким трудом. «Молодые» попали в Эрфурте в весьма плачевное положение, а их газета ¹, судя по тому, что я видел, — только убогий пересказ здешней анархистской автономии.

Если при чтении Гегеля Вы забредете на «болотистую почву», пусть это Вас не останавливает: через полгода Вы в том же самом болоте обнаружите опорные точки, по которым благополучно выберетесь на противоположную сторону. Законченная последовательность ступеней в развитии понятия относится у Гегеля к *системе*, к переходящему, и эту последовательность я считаю наиболее слабой, хотя и наиболее остроумной, ибо Гегель пытается преодолеть все трудности посредством остроумных каламбуров: положительное и отрицательное гибнут (*gehen zu Grunde*) и поэтому приводят к категории основания (*des Grundes*) («Энциклопедия»). Это, конечно, на всяком другом языке пришлось бы сделать по-иному. Переведите последовательный ряд понятий в «Учении о сущности» на другой язык, и по большей части переходы окажутся невозможными.

Большой привет.

Ваш Ф. Энгельс.

¹ «Der Sozialist».

8.

Филиппо Турати

в Рим.

Черновик.

Лондон, 6 февраля 1892 г.

Милостивый государь,

Почтенный Бовио мне уже давно хорошо известен, еще со времени I Интернационала, когда в итальянской социалистической литературе повсюду встречались его статьи. Я тогда тратил немало времени на чтение этих статей, но чем больше я их читал, тем меньше их понимал. В общем, выражаясь его же словами, «не помню времени, более путанного», только я, в конце концов, уже не знал, кто из нас путаник, он или я. Все же это добрый малый, правда, педант, но его педантизм носит благородный и привлекательный характер (чего никогда не бывает у наших немецких педантов), и, как Вы правильно сказали, он в духе Виктора Гюго, величественная натура, человек с широкими взглядами, который может примирить со своей личностью даже тех, кто борется с той партией, которую он защищает. Вполне понятно, что он кумир вашей молодежи. Будь я молод, я был бы от него без ума и боготворил бы его, но, к сожалению, мне не 17 лет, а 71.

Вот Вам ответ, проникнутый, разумеется, легкой иронией, — иначе я не смог бы обратиться к Бовио, — но, надеюсь, корректный. Не откажите в любезности перевести его на итальянский язык¹.

«В статье, помещенной в «Tribuna» от 2 февраля, почтенный Джiovанни Бовио упрекает итальянских депутатов-республиканцев, перешедших за последнее время в монархический лагерь, в том, что они совершенно пренебрегают вопросом о форме правления. Это, по правде сказать, весьма мало меня трогает; гораздо больше трогает меня то, что он использует мою статью о немецком социализме («Critica Sociale», 16 января 1892 г.), чтобы бросить тот же упрек по адресу немецких социалистов вообще, и по моему в частности.

Вот подлинные его слова:

«Отсюда также ясно, как и почему ошибаются те социалисты, которые вместе с Фридрихом Энгельсом говорят о грядущем приходе социалистов к власти и не определяют, какая это власть. Энгельс доходит до того, что с цифрами в руках (а мне всегда цифры

¹ Текст ответа Энгельса Бовио печатается здесь по «Critica Sociale» № 4 от 16 февраля 1892 г.

в истории казались хорошим доводом) определяет тот недалекий год, когда социалистическая партия получит большинство в германском парламенте. Превосходно: а затем?

«— Она возьмет власть.

«— Великолепно: но какую? Будет ли это королевская власть, республиканская или же партия вернется к утопии Вейтлинга, оставленной позади «Коммунистическим Манифестом» еще в январе 1848 г.?

«— Форма нам безразлична.

«— В самом деле?.. Но можно говорить о власти лишь тогда, когда она имеет конкретную форму. Можно считать, что новая субстанция, новая идея сама создаст форму и произведет ее из самой себя, но нельзя отвлекаться от формы».

В ответ на это я решительно отвергаю истолкование почтенного Бовио.

Начать с того, что я вовсе не говорил, будто «социалистическая партия получит большинство и затем возьмет власть». Напротив, я подчеркивал в десять раз большую вероятность, что наши правители еще задолго до этого времени применят против нас насилие; а это перенесет нас с арены парламентской борьбы на революционную арену.

Но идем дальше.

«Она возьмет власть — но какую? Будет ли это королевская власть, республиканская или же партия вернется к утопии Вейтлинга, оставленной позади «Коммунистическим Манифестом» еще в январе 1848 г.»

Здесь я позволю себе воспользоваться одним выражением самого почтенного Бовио. По истине, нужно быть «оторванным от мира отшельником», чтобы питать малейшее сомнение относительно природы этой власти.

Вся правительственная, аристократическая и буржуазная Германия обвиняет наших друзей в рейхстаге в том, что они республиканцы и революционеры.

Маркс и я в течение сорока лет неустанно повторяли, что для нас демократическая республика является единственной политической формой, в которой борьба между рабочим классом и классом капиталистов может сперва сделаться всеобщей, а затем притти к своему завершению вместе с решительной победой пролетариата.

Почтенный Бовио не настолько уж наивен, чтобы вообразить, что какой-нибудь германский император назначит своих министров из среды социалистической партии и что он — если бы и захотел

это сделать — примет условия, подразумевающие его собственное отречение, без чего эти министры не могли бы рассчитывать на поддержку своей партии. Впрочем, по правде сказать, опасение, что мы можем «вернуться назад к утопии Вейтлинга», заставляет меня думать, что наивность моего собеседника действительно очень велика.

Или почтенный Бовио, говоря о Вейтлинге, хочет дать понять, что немецкие социалисты придают *социальной* форме не большее значение, чем они, по его мнению, придают *политической* форме?

В таком случае, его ошибка не меньше. Он должен бы иметь достаточное представление о немецком социализме, чтобы знать, что немецкий социализм выдвигает требование обобществления всех средств производства. Каким образом совершится эта экономическая революция? Это будет зависеть от условий, при которых наша партия захватит власть, от момента и способа, каким это будет достигнуто. Как пишет тот же Бовио, «новая субстанция, новая идея сама создаст форму и произведет ее из самой себя». Кстати сказать, если бы завтра, благодаря какому-нибудь неожиданному повороту событий, наша партия была призвана к власти, я отлично знаю, что именно предложил бы в качестве программы действия.

«Форма нам безразлична?»

Считаю необходимым заявить, что ни я, ни кто-либо из немецких социалистов никогда не говорил ни этого, ни чего-либо подобного; говорил это только почтенный Бовио. И мне хотелось бы знать, кто дает ему право приписывать нам подобную глупость.

Впрочем, если бы почтенный Бовио дождался второй половины моей статьи («*Critica Sociale*», 1 февраля) и прочитал ее, то он, быть может, не стал бы затруднять себя смешением немецких революционных социалистов с итальянскими монархическими республиканцами».

6 февраля 1892 г.

Фридрих Энгельс.

9.

Станиславу Мендельсону

в Лондон.

Лондон, 11 февраля 1892 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой гражданин Мендельсон,

Прилагаю предисловие¹, оно невелико, но большего, к сожалению, я в настоящий момент Вам дать не могу. К выходу в свет

¹ Предисловие Энгельса ко второму польскому изданию «Коммунистического Манифеста». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 281—282.

следующего издания «Манифеста» я надеюсь настолько овладеть польским языком, чтобы без труда следить за вашим рабочим движением, тогда я смогу говорить о нем со знанием дела.

С этой же почтой посылаю Вам две американские газеты о самоубийстве С. П. ¹

Передайте, пожалуйста, Вашей супруге привет от меня и г-жи Каутской.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

10.

Герману Энгельсу

в Бармен.

Лондон, 17 февраля 1892 г.

Дорогой Герман,

Меня вполне устроит, если ты пришлешь мне выписку из моего текущего счета еще до 30 апреля; я попросил бы только в этом случае известить меня *открыткой* о поступлении соответствующего дивиденда и о том, какова его сумма. Это лучше всего разрешило бы дело.

У нас здесь со вчерашнего дня стоит чудесная немецкая зимняя погода со снегом и холодом; я был сегодня в Ричмонде, навещал одного своего старого больного друга ²; затем поехал в город. Погода подействовала на меня очень ободряюще, и пиво, которое я потом выпил, показалось мне удивительно вкусным. Привет Эмме и всем остальным.

Твой Фридрих.

11.

Эдуарду Эвелингу

в Лондон.

Лондон, середина февраля 1892 г.

Черновик.

Дорогой Эдуард,

Мы вполне определенно условились, что я буду просматривать Ваш перевод ³ в рукописи и после этого придам ему характер авторизованного перевода, написав к нему новое предисловие.

¹ С. Падлевский.

² Дж. Дж. Гарни.

³ Перевод на английский язык работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», сделанный Э. Эвелингом.

После шагов, которые предприняли гг. Сван Зонненшейн и К^о, не посоветовавшись ни с Вами, ни со мной, и в прямом противоречии с вышеупомянутым соглашением, я вынужден пересмотреть свое отношение к делу.

Ваш перевод, поскольку Вы делали его, зная, что я буду его просматривать, конечно, не более как черновик; кроме того, Вы как переводчик чувствовали себя обязанным буквально следовать оригиналу, я же в качестве автора мог бы в большей или меньшей степени отклоняться от него, что придало бы книге при чтении характер оригинальной работы, а не перевода. Такого рода просмотр не в рукописи, а в сверстанных листах, неизбежно повлечет за собой известную переверстку.

Теперь, насколько я понимаю, остается два выхода.

Либо я получаю полную свободу правки в корректуре, совершенно так же, как если бы это была рукопись, не взирая на издержки, которые это может повлечь. В этом случае наше первоначальное соглашение остается в силе, перевод является авторизованным, и я пишу предисловие. В таком случае нам потребуется еще не меньше четырех экземпляров корректуры, и тогда я начну просмотр.

Либо я должен считаться с тем, что листы уже сверстаны, и вношу только стилистические поправки в пределах каждой страницы. В таком случае я всячески попытаюсь привести перевод в возможно лучший вид, но никоим образом не желаю, чтобы он был связан с моим именем в глазах читателя, и оставляю за собой право публично отказаться от всякой ответственности за него, если таковая будет мне приписана.

Само собой разумеется, что издержки и в том и в другом случае должны нести гг. Сван Зонненшейн и К^о, которые сами навлекли их на себя.

Прежде чем что-либо предпринять, я должен получить их письменное решение по всем этим вопросам.

12.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 19 февраля 1892 г.

Дорогой Виктор,

На-днях, когда я, наконец, собрался ответить тебе на письмо из Сало, мне помешало одно важное дело. Эвелинговский перевод моего «Развития социализма», который я должен был предварительно просмотреть в рукописи, был по злонамеренности или глупости

издателя — быть может и по тому и другому — уже набран и при-
слан мне на сверку в окончательно сверстанном виде с пронуме-
рованными страницами. При здешнем законодательстве, которое
отдает автора, связанного по рукам и ногам, во власть издателя, я
рисковал, что книга попадет к читателю в этом виде и опозорит меня
на веки вечные, так как рукопись была лишь черновым наброском.
Пришлось отложить все дела, пока я не просмотрел перевода и
не заставил издателя, воздействуя на него окольными путями, при-
нять на свой счет издержки, в которых он сам виноват. Теперь это
в основном улажено и первый, кому я отвечаю, — это ты.

Известие, что твоей жене стало лучше и можно с уверенностью
рассчитывать на ее выздоровление, нас очень обрадовало. У тебя,
право, так много хлопот и дел, и все твои силы настолько нужны
австрийскому движению, что мы не могли не вздохнуть с облегче-
нием, узнав, что с тебя свалилась хоть эта, самая тяжелая, забота.
Позволь нам не только как членам партии, но и как твоим личным
друзьям порадоваться тому, что твоя жена скоро будет возвращена
тебе совершенно здоровой и что такая прекрасная женщина, как
твоя Эмма, избежит страшной участи, которая ей, казалось, одно
время угрожала.

Если же тебе самому при таких обстоятельствах стало тошно,
то это слишком понятно. А между тем обстоятельства помогли вам,
австрийцам, сдвинуться с мертвой точки, задержка на которой
не без основания внушала тебе опасения. Проект прокладки улиц
Большой Вены дал вам повод, который ты с присущим тебе тактом
немедленно ухватил и правильно использовал, повторив предложе-
ние Вайяна и других наших товарищей парижскому муниципали-
тету. (Поссибилисты всего лишь ускорили его проведение в муници-
палитете, причем, *продавшись* радикальной буржуазии в обмен за
услуги в других вопросах, они своей глупой хитростью оказали
услугу нам, и, к тому же, подготовили *собственную* гибель.) Поэтому
мне неясно, в каком направлении я должен дать тебе «толчок», о чем
ты пишешь Луизе, и зачем ты вообще его от меня требуешь. Фран-
цузы обладают особой способностью придавать таким требованиям
правильную политическую форму; так случилось и на этот раз. И
здесь французские требования уже частично приняты лондонским
Советом графства, частично же они фигурируют в избирательных
манифестах всех рабочих кандидатов. Смотри «Workman's Times»
за последние три недели. Так как выборы в Совет графства состоятся
здесь 5 марта, то эти манифесты имеют в настоящее время большое
значение, и «Workman's Times», который ты, надеюсь, аккуратно

получаешь, даст тебе разнообразный агитационный материал. Дело такое, что стоит его исчерпывающе использовать, прежде всего для агитации вообще и ради всегда возможных единичных успехов, а затем, в особенности, для устранения неизбежной иначе взаимной ненависти венских рабочих и импортированных голодающих кули, которые снижают заработную плату. Этот пункт ты особенно удачно подметил.

Свою ежедневную газету вы со временем получите, но в основном ее надо *создать самим*. При вашем законодательстве о печати шаг от еженедельной газеты к ежедневной мне кажется очень большим; чтобы сделать его, нужно твердо стоять на ногах, это еще в большей степени отдало бы вас в руки правительства, которое стремится разорить вас штрафами и издержками. Тут опять-таки обнаруживается все возрастающая изощренность вашего правительства *в мелочах*; пруссаки для этого чересчур глупы и полагаются на грубую силу. Ваши государственные деятели проявляют глупость лишь тогда, когда стоят перед крупным шагом. Для меня вопрос, сможете ли вы с ежедневной газетой устоять против штрафов хотя бы в течение шести месяцев; а если бы ее пришлось закрыть, тяжело было бы перенести это поражение.

Желая сделать со своей стороны что-нибудь для австрийцев, я рассудил, что раз весь мой гонорар за работы, выходящие в издательстве «Vorwärts», все равно неизменно и обязательно передается в кассу *германской* партии, то весь гонорар за напечатанное у Дитца надлежит получать вам, и я дал вышеупомянутому Дитцу *соответствующие указания*.

Мне жаль Рудольфа Мейера; судя по твоему сообщению и полученным с тех пор сведениям, будто он находится в Моравии, а не в Палермо, ему приходится очень плохо с его диабетом. При всей своей удивительной, часто комической, мании величия, он единственный консерватор, который чем-то рискнул и попал из-за своих социал-демагогических планов и социалистических симпатий в изгнание. Там он понял, что хотя французские и австрийские аристократы, в большей степени чем прусские паршивые юнкера, являются джентльменами в обхождении, они не менее упорно цепляются за свои земельные ренты, карьеры и пр. Он дошел до того, что, как единственный оставшийся подлинный консерватор, тщетно ищет теперь людей, с которыми мог бы основать действительно консервативную партию.

В остальном дела принимают критический оборот. В немецком рейхстаге идет порядочное брожение. Вильгельмхен, повидимому,

захотел испытать свою *regis voluntas*¹ и гонит в оппозицию даже жалких национал-либералов; в воздухе уже чувствуется конфликт. К тому же во Франции министерский кризис, который для нас очень важен, ибо Констан — воплощение рабочененавистничества, и его падение многое изменит во внутренних делах, а снова проявляющаяся неустойчивость французских министерств весьма пагубна для русского союза, который и без того разваливается.

Прилагаемое появилось в «*Critica Sociale*».

Луиза прилагает письмо. Она целый день извлекала кислород — на бумаге; она изучает химию при сугубо тяжелых обстоятельствах — английские учебники и отсутствие опытов².

13.

Августу Бебелю

в Берлине.

Лондон, 19 февраля 1892 г.

Дорогой Август,

Прежде всего от всей души поздравляю тебя с днем твоего рождения и желаю тебе, как здесь говорят, *many happy returns of the day*³, поздравляю тебя также с 25-летним юбилеем твоей парламентской деятельности — твоей серебряной свадьбы с парламентаризмом, — который тоже ведь наступает на-днях. Как раз в эти дни ты показал публике, с кем она имеет дело в твоём лице, и мы здесь очень этому порадовались.

Положение в Германии действительно обостряется. Дело зашло, повидимому, далеко, если даже у национал-либералов неоднократно прорываются оппозиционные настроения, а Рихтер может мечтать о германской «великой либеральной партии». Капиталистическое общество, которое формально еще не подчинило себе государства, вынуждено предоставлять действительное управление монархически-бюрократически-юнкерской наследственной касте и довольствоваться тем, что в общем и целом решающую роль все же играют в конечном счете его собственные интересы. Это общество в силу своего положения в Германии колеблется между двумя течениями. С одной стороны, течение, ведущее к блоку всех официальных и имущих слоев общества против пролетариата, — это течение ведет в конечном счете к «единой реакционной массе» и при *мирном* развитии в конце концов одерживает верх. С другой стороны — течение, которое все снова и

¹ *Лат.* — воля монарха.

² Конец письма отсутствует.

³ *Англ.* — чтобы этот день счастливо повторялся много раз.

снова ставит в порядок дня старый, из-за трусости еще не разрешенный конфликт между монархией с ее абсолютистскими пережитками, земельной аристократией и мнящей себя выше всех партий бюрократией и противостоящей им всем промышленной буржуазией, материальные интересы которой ежедневно и ежечасно терпят ущерб от этих отживших элементов. Какое из этих течений в тот или иной момент берет верх, зависит от личных, местных и случайных обстоятельств. Сейчас в Германии как будто побеждает второе течение, причем промышленные короли вроде Штумма и акционеры промышленных обществ в большинстве стоят, конечно, на стороне отжившей реакции. Но это, неоднократно воскрешаемое подражание старому конфликту 1848 г. может стать вполне серьезным лишь в том случае, если правительство и земельная аристократия, упоенные достигнутыми до сих пор успехами, натворят слишком уже больших глупостей. Я не считаю это невозможным, ибо доходящие до курьеза личные вожделения там, в верхах, находят себе опору во все растущем убеждении юнкеров, что промышленность долго *не сможет выдержать* пошлин на сырье и продукты питания. Далеко ли зайдет этот конфликт, зависит, как я уже сказал, от случайных поступков отдельных лиц.

Характерно, что при этом остается в силе старая манера: бить по мешку, имея в виду осла ¹ (или, вернее, обоих). Бьют по социал-демократии, но заодно здорово достается и буржуазии: ее ущемляют сначала политически, в ее либеральных принципах, которыми она вот уже 60 лет так гордо щеголяет, и в ее крохотной доле *непосредственного* участия в государственной власти; а затем, если это сходит гладко, ущемляют также и экономически — принося ее интересы в жертву интересам крупного землевладения.

Итак, подготавливается, повидимому, резкий поворот вправо, причем поводом к этому выдвигается необходимость сокрушить *наши* подъем. Чем это может угрожать *нам*?

1) Закон против социалистов? Мы однажды справились с ним, а теперь, когда мы морально на 100%, а материально не менее чем на 50% сильнее, чем 1 октября 1890 г. ², справимся шутя; к тому же теперь такой закон не легко соберет большинство.

2) Реакционные поправки к законам против печати, союзов и собраний? На это не согласится центр, а без центра это не пройдет.

¹ Энгельс приводит немецкую поговорку: Den Sack schlägt man, den Esel meint man, что соответствует русской поговорке: кошку бьют, невестке поветки дают.

² День отмены исключительного закона против социалистов в Германии.

93 консерватора обеих фракций и 42 национал-либерала нуждаются в 66 депутатах центра, чтобы составить большинство; если таковые найдутся, центр распадется, а это тоже чего-нибудь да стоит. Распад центра и страшная ярость народа, которая может быть вызвана подобными реакционными мерами, вполне вознаградили бы нас за эти притеснения.

3) Ограничение избирательного права и тайного голосования? На это центр ни за что не пойдет; попы не так уж глупы, чтобы самим себя зарезать. А без центра опять-таки не хватит 60—70 голосов.

4) Государственный переворот? Он провалится из-за князей. Каждое нарушение конституции угрожает империи распадом, освобождает князей от каких-либо обязанностей по отношению к империи. И даже если бы удалось склонить их всех на нечто подобное (а этого *никогда* не будет), потребовалось бы еще согласие их престолонаследников — по большей части несовершеннолетних! — если хотят обеспечить устойчивость империи. Следовательно, это исключено.

5) Остается единственная возможность — более суровая административная полиция и судебная практика, которые уже проявили себя в неслыханном приговоре по делу Пеуса. Мы и против них устоим и скоро научимся с ними справляться. Возможно, что для полноты картины будет введено еще и обычное осадное положение, но оно опасно лишь в течение первых недель, а затем само собой сходит на нет, да и ввести-то его можно лишь в отдельных областях империи. К тому же оно будет стеснять и буржуазию, что может еще больше толкнуть ее в оппозицию.

Итак если господа пруссаки не сделают каких-нибудь совершенно новых гениальных открытий, не выдумают, так сказать, интеллектуальных и моральных митральез и пулеметов, то они смогут лишь досаждают нам придирками, но при всех условиях принесут нам больше пользы, чем вреда. Немного подлинно юнкерского хозяйничанья было бы совсем невредно. Но я боюсь, что для этого эти господа недостаточно сильны — желания хватит, но силенок маловато, дух жаждет, да плоть немощна. В том-то и беда, что у нас обе стороны — и юнкеры, и буржуа — такие жалкие ничтожества.

Твою речь против Штумма в пятницу 12-го я прочел вчера вечером с истинным восхищением. Какая великолепная импровизация! И видно, что удар попал в цель. Полученная нами сегодня речь по военному вопросу тоже обрадовала меня несказанно.

Очень порадовало нас твое обещание приехать сюда к 10 или 11 апреля, все уже приготовлено для тебя, а если приедет Шорлеммер, устроим и его, об этом уже позаботились.

Майнонез из омаров, в соответствии с твоим сегодняшним письмом Луизе, тебе также обеспечен. Я было разработал по этому случаю небольшой план, но он, повидимому, уже не понадобится. Ответственность за устрицы и выбор напитков я тоже беру на себя. К счастью, Луиза не меньше, чем мы с тобой, увлекается и тем и другим, а на такой основе всегда можно прийти к соглашению. Что она Ведьма, это она знает сама и немало этим гордится, так как, по ее словам, в Вене все ведьмы очаровательны. И, между нами говоря, мне кажется, что, не будь она Ведьмой, и мы с тобой не ладили бы с ней так хорошо.

Что касается Отто Виганда, то я могу лишь повторить, что до окончания III тома «Капитала» не могу связывать себя *ничем*, на что может *потребоваться работа*. Письма, ежедневно получаемые мной со всех концов света, и прочие текущие дела и без того достаточно меня задерживают, поэтому дайте мне, наконец, свалить эту гору с плеч, чтобы я снова мог свободно располагать собой. Как раз теперь я дошел до такого раздела, для окончания которого мне надо спокойно поработать без помех два-три месяца. Если Дитц желает сам переговорить с Вигандом, *никак меня не связывая*, пусть попытается, если надеется добиться каких-нибудь результатов. Пусть он скажет, что у него есть основания предполагать, будто я думаю, что он, Дитц, располагает лучшими возможностями для распространения нового издания, чем Виганд, и что поэтому я склонен передать книгу ему, Дитцу, если он сговорится с Вигандом. Я только не могу 1) заранее считать себя связанным всем тем, что Дитц скажет Виганду, и 2) послать его к Виганду в качестве своего представителя. Официозно, но не официально! Пусть он его прощупает, и если условия окажутся для него подходящими (так, чтобы для меня, т. е. для партийных целей, был обеспечен соответствующий гонорар), то пусть действует, а я уж, конечно, его не подведу. Мне бы только не хотелось очутиться между двух стульев, т. е. в таком положении, чтобы Виганд *не хотел*, а Дитц *не имел бы права*.

Просто удовольствие, насколько все кругом опять зашевелилось. Кто знает при разыгравшихся страстях, не будут ли распущены ваш рейхстаг и французская палата. Ничего для нас лучшего и быть не могло бы. Одного я не могу понять, как это теперь, когда в рейхстаге завязываются действительно решающие бои, Либкнехт сидит в дрезденском лягушечьем болоте. Я бы отдал десяток саксонских мандатов за право сказать теперь свое слово в рейхстаге.

Кто знает, впрочем, не обвиняют ли нас обоих потихонечку и в партийных кругах в том, что мы не во-время подняли шум и спровоцировали грозные реакционные меры! Моя статья¹ в «Neue Zeit» попала в точку, это подтверждается упорным молчанием буржуазной и правительственной прессы, а та и другая вообще всегда готовы придаться к подобному случаю. Между тем статья появилась на итальянском, польском и румынском языках и вовлекла меня в Италии в полемику с полным благих намерений старым ослом Бовио.

Г-же Юлии я сегодня, к сожалению, уже не смогу ответить на ее любезное письмо, так как все утро у меня было совещание с Эвелингом по сверке его перевода «Развития социализма», а это письмо, чтобы ты получил его в понедельник, должно уйти сегодня, в субботу. Но при ближайшей же возможности я это наверстаю, а пока могу только еще раз повторить, как я огорчен тем, что нам не придется ее также увидеть здесь. Надеюсь, мы когда-нибудь дождемся и этого!

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

14.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 5 марта 1892 г.

Дорогой Барон,

Твоя рукопись² сегодня будет отправлена *заказным*. Я смог прочитать только первые 16 страниц. Из этого введения я вычеркнул бы большую часть. Обоснование, почему программа нуждается в комментариях и т. д. и т. д., — словом все твои соображения, *почему* написана брошюра, ослабляют впечатление и удерживают читателя от дальнейшего чтения. Сразу к сути дела, вот для тебя — самое лучшее обоснование. О плане остального, главной части, я судить не могу. Я так завален всякого рода работой, что просто не знаю, с чего начать. Это все только мелочи, но поглощают столько времени, что просто стыдно. Я жажду иметь свободное время для III тома, но у меня его каждый день буквально выкрадывают из рук. Ничего, я все-таки дорвусь до дела.

Десять экземпляров номера «Neue Zeit» с моей статьей³ с благодарностью получил.

¹ «Социализм в Германии».

² К. Каутский, Эрфуртская программа.

³ «Социализм в Германии».

Имя Годскин и число 1824 в новом издании я просто-напросто исправлю и укажу в сноске, что в оригинале так и так, *очевидно описка или опечатка* ¹.

Менгер был и остается ослом. Вся его критика гражданского права не что иное, как апология «полицейского государства» по отношению к «правовому государству». Конечно, право — особенно гражданское — во всяком случае более строго и сурово, чем полицейский произвол, который, ведь, порою может проявлять и гуманность, именно потому, что он произвол. Будь у меня время, я бы быстро положил конец этой болтовне, возможной лишь в таких отсталых странах, как Германия и Австрия.

Очень рад, что ты согласился писать о Лютере. Ведь с этим можно не спешить.

Письмо Кунова возвращаю с благодарностью. Очень любопытно посмотреть, как он разработает вопрос о классах. В области перуанских родовых отношений он сделал кое-какие очень интересные открытия. Он прислал мне свои работы, и я ответил, чтобы поблагодарить.

Общинный строй перуанцев ² ты тоже получишь; я только что отыскал эту статью.

Не думаю, чтобы в ближайшее время тебе угрожала какая-нибудь опасность. Берлинские вожделения настолько неустойчивы и многообразны, что ни одно из них не получает действительного удовлетворения, — теперь вдруг либеральные буржуа стали жупелом. Корни социализма — в либерализме, и следовательно, если действовать *радикально*, необходимо уничтожить либерализм, а социализм захиреет сам собой. Этот весьма хитроумный маневр мы можем пока наблюдать, посмеиваясь втихомолку. Когда либерального филистера доведут до бешенства, а его, повидимому, против его воли действительно приводят в ярость, тогда минует время холостых выстрелов и против нас. Не говоря уже о том, что некоторым правителям в Германии могли бы быть приятны эти берлинские веяния, противопоставив себя которым они могли бы дешево приобрести популярность и нажить капитал в пользу партикуляризма, закрепив свои особые права. Когда в Берлине начались уличные волнения, я немного забеспокоился, что они могут превратиться в столь желанную для некоторых перестрелку, но когда бунтовщики ограничились нападками на молодого

¹ См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 285. Предисловие Энгельса ко второму немецкому изданию книги Маркса «Нищета философии».

² Работа Г. Кунова «Древняя перуанская сельская община и маржа».

Вильгельма, и последнего это успокоило, все оказалось в порядке. Лишь когда «Kölnische Zeitung» сядет за решетку вместе с Пеусом, вот тогда может завариться каша.

Итак, по-моему, если и есть какая-нибудь опасность, то она прежде всего ограничивается одной Пруссией, и чем она там больше, тем лучше пойдут ваши дела в мелких государствах.

А теперь мне еще нужно написать Зорге — сегодня отходит почта в Америку, — итак, до свидания. Только что пришел Эвелинг и очень тебе кланяется.

Привет всем вам от нас всех.

Ф. Э.

15.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 5 марта 1892 г.

Дорогой Зорге,

Твои письма от 15, 22 и 29 января и открытки от 2, 4 и 13 февраля я получил, а также газеты с заметками об Анне¹. Она, очевидно, погибла от модной болезни — мании величия. Странная вещь, люди такого рода, подобно Гартману и другим, годны только на одно какое-нибудь дело, хорошее, плохое или безразличное, но раз оно уже сделано, как выражается Шорлеммер, «с них больше ничего не возьмешь»².

Твою последнюю статью в «Neue Zeit»³ я, к сожалению, не имел времени прочесть, но возьмусь за нее непременно, ибо лишь с твоей помощью я могу, не запутываясь, следить за американским движением.

Я непомерно загружен разной работой и всякими пустяками. Посмотрел бы ты на груды немецких, французских, итальянских, испанских, польских, русских, датских, американских, английских, а иногда и румынских газет, которые я получаю и которые должен хоть бегло просмотреть, чтобы оставаться в курсе движения. Наряду с этим — серьезные работы, поглощающие остаток моего времени. А переписка! У меня ее накопилось на неделю вперед! А между тем надо же закончить III том. Это ужасно. Но ничего, я справлюсь. Только и вы должны проявлять терпение, если с моей стороны в переписке бывает задержка.

¹ Энгельс имеет в виду С. Падлевского, покончившего самоубийством 29 октября 1891 г. в Сан-Антонио (Техас).

² Эти слова написаны Энгельсом на одном из немецких диалектов.

³ Статья Ф.-А. Зорге «Программа сторонников денежных реформ в Соединенных Штатах», опубликованная в «Neue Zeit» за 1891/92 г., т. 1, стр. 651—657.

Во Франции дела идут очень хорошо. Лафарг, используя свое депутатское вознаграждение и бесплатный проездной билет, ездит по всей стране от Лилля до Тулузы и агитирует, и пригом с блестящим успехом. Все остальные социалистические фракции отеснены нашими на задний план, и даже в Париже POSSИБИЛИСТЫ из-за своей собственной внутренней склоки и благодаря энергичному наступлению наших все больше теряют позиции. Наши снова подумывают об ежедневном партийном органе; у такой газеты сейчас есть шансы на успех. Очень хорошо, что Констана выгнали из министерства внутренних дел; этот субъект хотел актами насилия спровоцировать стрельбу, которая нам совершенно ни к чему. Так как 1 Мая наша демонстрация совпадает с муниципальными выборами по всей Франции, то ни один министр, не спекулирующий, подобно Констану, на мимолетном эффекте, не посмеет стрелять.

Здесь продолжается прежняя грызня, но все-таки дело подвигается вперед — чисто по англо-саксонски, — медленно, но верно. Здесь все постоянно принимает форму отдельных стычек, о которых невозможно вкратце рассказать, пока не обнаружился результат. В настоящий момент речь идет о праздновании 1 Мая. С одной стороны — наши, с другой — наши противники — Совет тред-юнионов (допотопные тред-юнионы) и Социал-демократическая федерация. Этим двум прошлогодним врагам пришлось объединиться против нас, что тоже уже является успехом. *В наших руках* Гайдпарк: Possession is nine parts of the law¹. Как развернутся дела — покажет будущее. На нашей стороне будут, вероятно, рабочие газовых заводов, ряд мелких союзов и радикальные клубы (почти сплошь рабочие).

А теперь о Германии. Там все идет так замечательно, что ничего лучшего мы бы и желать не могли, хотя, вероятно, скоро на нас обрушатся и довольно тяжкие удары. Вильгельмхен был с самого начала великолепным экземпляром «последнего отпрыска древнего рода», способного, как никто, разрушить династию и монархию. Но теперь его безумие приняло острую форму, мания величия не дает ему ни сна, ни покоя. К счастью regis voluntas², которая становится даже suprema lex³, обращается сегодня против нас, а завтра — против либералов. Он только что сделал открытие, что все беды идут от либералов, а мы всего лишь их последыши; это ему внушили

¹ Англ. — Обладание — девять десятых права.

² Лат. — воля монарха.

³ Лат. — высший закон.

попы. Теперь он преследует «Kölnische Zeitung» за оскорбление величества и не успокоится до тех пор, пока не вгонит мирного немецкого филистера в оппозицию. Можно ли желать лучшего! Четыре недели тому назад, когда Штумм произнес свою речь в рейхстаге, еще можно было думать о новом законе против социалистов, но теперь это уже не пройдет, потому что Вильгельм злится на буржуа за их оппозицию против его поповского закона о народных школах гораздо больше, чем на всех социал-демократов, и скорее оставит в покое нас, чем сделает уступку им. Ведь в парламентах сильнейшую оппозицию против него составляют как раз буржуазные партии, а не те 35 человек, которых мы имеем в рейхстаге, — в прусской палате наших вовсе нет. Тем не менее, и нам, возможно, предстоят жаркие схватки, но если корона испортит свои отношения сразу с буржуазией и с рабочими, что может быть лучше! Министры — все сплошь люди второго и третьего ранга; Каприви brave филистер, но его положение ему не по плечу, а Микель не умнеет от того, что с каждым днем все больше погружается в грязь. Словом, если так будет продолжаться, скоро может наступить кризис. В Пруссии и прусско-германской империи нельзя, как в Баварии, долго терпеть полоумного монарха; меня не удивит, если для Вильгельмхена скоро соорудят собственный сумасшедший дом. А там и регентство, т. е. как раз то, что нам нужно.

Насчет России и высокой политики мне нечего добавить к своей статье¹ в «Neue Zeit». Сердечный привет от Эвелинга, он сейчас здесь. Тусси агитирует в Плимуте. Луиза прилагает несколько строк. Сердечный привет твоей жене, будьте здоровы.

Твой Ф. Э.

16.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 8 марта 1892 г.

Дорогой Август,

Мы все были очень рады, что твой парламентский юбилей прошел так оживленно. Что касается адреса, то я, разумеется по просьбе товарищей, послал набросок, который — поскольку я должен был принять во внимание неизвестные мне пожелания 35 членов фракции, по большей части мне лично даже не знакомых, — мне самому показался довольно бледным; после этого я больше ничего не слышал ни о нем, ни об его дальнейшей судьбе. В приветствии, которое

¹ «Социализм в Германии».

послали тебе французы и которое напечатано в сегодняшнем номере «Le Socialiste», они смогли быть более откровенны.

Итак, Либкнехта выкинули из дрезденского лягушечьего болота. При мелочности этих филистеров вряд ли можно было ожидать иного; поводы ведь всегда находятся; мстительность этих ослов получила небольшое личное удовлетворение, а выгод это им не принесло абсолютно никаких. Кстати, «Vorwärts» последнее время стал много лучше.

Я рад, что волнения в Берлине прекратились и что наши так твердо держались в стороне от них. Ведь в любой момент могла произойти небольшая перестрелка и этого было бы достаточно, чтобы навлечь на нас всевозможные неприятности. Случись в Берлине перестрелка, национал-либералы были бы способны сторяча проголосовать закон о народных школах и окончательно направить против нас переменчивый гнев известных лиц. Все более подготавливающееся сплочение единой реакционной массы нам сейчас не на руку: в наших интересах, пока *мы* еще не можем сами активно творить историю, чтобы историческое развитие не останавливалось, а для этого нужна грызня буржуазных партий между собой. И для этого нынешний режим, создающий для нас эти условия, не оценим. Если же стрельба начнется *слишком рано*, т. е. прежде чем старые партии по-настоящему вцепятся друг в друга, это приведет их к взаимному примирению и к единому фронту против нас. Это так же верно, как дважды два — четыре, но если это произойдет, когда мы будем вдвое сильнее, чем сейчас, то это нам уже не повредит. Впрочем, случись это даже сейчас, самодержавный режим все равно даст повод для драки между нашими противниками. Но что лучше, то лучше. Сейчас дела идут великолепно, и мы можем только желать, чтобы их дальнейшее продвижение ничем не нарушалось.

Во всяком случае история с безработными может в будущем году принять худший оборот. Протекционистская система имела точно такие же последствия, как и свободная торговля: перенасыщение национальных рынков, и притом почти повсеместное, только здесь еще не такое острое, как у вас. Но и здесь, где с 1867 г. нам пришлось пережить два-три небольших затяжных кризиса, кажется, в конце концов опять готовится острый кризис. Огромные урожаи хлопка последних 2—3 лет (более 9 миллионов кип в год) снизили цены до уровня худших времен кризиса 1846 г. и оказывают сильное давление на производство, так что здешние фабриканты вынуждены производить в избытке из-за перепроизводства на американских плантациях! При этом они непрерывно терпят убытки, потому что

при падающих ценах на сырье их продукция, изготовленная из более дорогого хлопка, всегда обесценивается, попадая на рынок. *Это также одна из причин воплей о помощи германских и эльзасских прядильщиков*; но об этом они в рейхстаге молчат. И в других отраслях промышленности здесь дела немногим лучше; доходы железных дорог и вывоз промышленных изделий за последние 15 месяцев решительно снизились, так что и здесь будущей зимой, пожалуй, опять будет скверно. Едва ли можно ожидать улучшения в протекционистских государствах на континенте: торговые договоры могут оказать некоторое кратковременное облегчение, но через год все опять сойдет на нет. И если будущей зимой опять начнутся, в еще более широком масштабе, те же волнения в Париже, Берлине, Вене, Риме, Мадриде, а Лондон и Нью-Йорк откликнутся тем же, то дело может принять более серьезный оборот. Но в таком случае хорошо, что, по крайней мере в Париже и Лондоне, в муниципалитетах сидят люди, которые *слишком хорошо знают* свою зависимость от рабочих избирателей и не оказывают серьезного сопротивления таким уже теперь выполнимым требованиям, как организация общественных работ, сокращение рабочего времени, нормирование заработной платы по требованиям профессиональных союзов и т. п., потому что видят в них прекрасное и единственное средство предохранить массы от гораздо более социалистических, *действительно социалистических*, ересей. Посмотрим, не потянутся ли тогда за ними волей-неволей также и берлинские и венские муниципалитеты, избранные на основе классового и ценового избирательного права.

Во вчерашнем «Standard» помещена телеграмма из *Петербурга*: после речи Вильгельма в Бранденбургском ландтаге некий господин обратил его внимание на то, что на пути предсказанной «славы» стоит и Россия. На это Вильгельм якобы ответил: «I shall pulverise Russia»¹; скорее всего, он сказал: «Я сокрушу Россию». Шувалов будто узнал об этом и, убедившись в точности сообщения, доложил о нем *своему* монарху. После этого Александр при первом же удобном случае принял Швейдница и дал ему такое поручение: «Сообщите Вашему монарху, что если он снова возымеет желание сокрушить Россию, я охотно пошлю ему через границу полмиллиона солдат».

В субботу Россия одержала здесь в Лондоне победу, которая, впрочем, теперь ей уже пользы не принесет. При выборах в Совет графства (в Лондоне Советом графства называется то же, что в

¹ *Англ.* — «Я сотру Россию в порошок».

других местах — муниципальным советом) либералы одержали исключительно блестящую победу и теперь уже нет сомнения, — если они вообще были, — что после новых выборов в парламент у руля окажется Гладстон. Но Гладстон — фанатичный друг русских, туркофоб и австрофоб; его приход к власти был бы для Александра новым мотивом к войне, ибо означал бы благожелательный нейтралитет Англии и вместе с тем давление Англии на Италию, дабы и она оставалась нейтральной. Впрочем, голод и вызванные им внутренние конфликты, которые, надо надеяться, возникнут в России, смягчат остроту положения, если только никто не натворит глупостей, что всегда возможно и по ту и по эту сторону русской границы.

Впрочем, для внутренней жизни Англии победа либералов весьма полезна. Консерваторы лишь тогда чего-нибудь да стоят, когда их возглавляет человек вроде Дизраэли, который всю партию водит за нос и заставляет ее делать как раз обратное тому, чего она в сущности желает. Нынешние лидеры — просто ослы и фаты — предоставляют местным вожакам, т. е. самым глупым из глупых, определять программу партии. К тому же они замкнуты в себе и исчерпали себя за шесть лет пребывания у власти. Нужна перемена, и в этом, в конце концов, смысл всего фарса.

Меринг, как рассказывает Эде, написал ему, что ни «*Neue Zeit*», ни «*Vorwärts*», ни остальная партийная печать не обращают ни малейшего внимания на его работу против Рихтера, что это непростительно, что у него желание отойти от всякой политики и т. д. Я понимаю, что автору, сжившемуся с литературными порядками — говорю это не в укор, ибо в буржуазной прессе даже в области чисто литературной это стало не только правилом, но и необходимым условием существования, — и завоевавшему себе известность вне социал-демократической печати, эти социал-демократические нравы должны быть очень неприятны. Но ведь этак пришлось бы нам всем поднять крик: ты, я, все прочие в таком же положении. И все же, как это подчас ни тяжело отдельным лицам, я считаю это величавое равнодушие нашей печати одним из самых больших ее достоинств.

Работы Меринга раскупаются и читаются и без рекламы в «*Vorwärts*», и уж лучше совсем ничего не проталкивать, чем проталкивать различный партийный хлам, который, к сожалению, тоже в изобилии появляется на свет. Если выделить кого-нибудь одного, то согласно известным правилам демократического приличия, тотчас же потребуются «равные для всех права». В таком случае я для себя предпочитаю равноправие в смысле полного замалчивания в прессе.

Но вот что ваши могли бы сделать: заключить с издателем Меринга соглашение о частых и регулярных объявлениях по дешевой цене. Но этому препятствует неизменная безграничная беспомощность в делах, которая у наших работников печати в крови.

На этих днях мне попалась, между прочим, «Германская социал-демократия» Меринга, 3-е издание, и я просмотрел историческую часть. В «Капитале и прессе» он несколько легкомысленно совершил свой переход в связи с известным казусом¹. Но для нас это не плохо; нам его упрекать не в чем, а может ли он сам себя в чем-нибудь упрекнуть, это уж его дело, нас это не касается. Я на его месте открыто признал бы перемену позиции; в этом решительно нет ничего позорного, и это всегда избавляет от лишних склок, раздражений и траты времени. Во всяком случае было бы нелепо с его стороны действительно думать отойти от политики; он бы этим только оказал услугу власти имущим и буржуазии; его передовые в «Neue Zeit» на самом деле великолепны, и мы всякий раз поджидаем их с большим нетерпением. Нельзя допустить, чтобы такое острое перо заржавело или растрачивалось на критику паршивых беллетристов.

Зигель нам всем очень понравился. Это еще один из тех немецких рабочих, с которыми не стыдно показаться перед другими нациями. За то, что он уехал, чтобы избежать исключительно тяжелых и систематических преследований, упрекать его нельзя. Горняки именно *потому* подвергаются особенно жестоким преследованиям, что только вступают в движение; по этой же причине пострадавшие никак не могут надеяться на поддержку товарищей по профессии, да и полной солидарности между ними еще нет. Кеннингем-Грехем и Кейр Гарди нашли ему работу в Шотландии; его семья последует за ним. Компания, которая приняла его на работу, дает ему аванс с последующим вычетом из жалованья. Но ему будет тяжело отработать этот аванс. Я дал ему пять фунтов на поездку в Шотландию и на первое обзаведение, но едва ли смогу сделать больше. Пожалуй было бы уместно, чтобы вы выдали ему еще, скажем, 100—150 марок. Я читал письма Шредера к нему, — из этого источника он едва ли дождется помощи. Обсудите это дело.

Из прилагаемого рецепта кухни Ведьмы ты увидишь, что твой

¹ Энгельс, очевидно, намекает на так называемый «казус Линдау», в связи с которым Меринг впервые присоединился к платформе социал-демократии. Буржуазный журналист Пауль Линдау использовал свои связи в театральной среде, чтобы лишить свою бывшую возлюбленную, актрису, всякой возможности найти работу.

майонез из омаров, выражаясь языком Арнольда Руге, в «силу истинного течения» времени вступит в стадию появления и затем в последующий момент в стадию исчезновения. Будем надеяться, что этот диалектический процесс беспрепятственно увенчается потом отрицанием отрицания.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

10 апреля — вербное воскресенье. Ты должен выехать не позднее 8-го и будешь здесь самое позднее 9-го вечером, в субботу. Это было бы лучше и удобнее всего. К тронной речи ты не нужен. Итак, ждем тебя 9-го.

17.

Юлии Бебель

в Берлин.

Лондон, 8 марта 1892 г.

Дорогая г-жа Бебель,

К сожалению, я лишь сегодня могу поблагодарить Вас за Ваше милое письмо от 18 февраля, причем я с огорчением вынужден констатировать, что Вы окончательно решили порадовать своим посещением не нас, а Вашу дочь в Санкт-Галлене. Но мы не можем упрекать Вас за то, что Вы предпочитаете поехать к г-же Симон, и утешаем себя надеждой и твердой уверенностью, что тем вероятнее увидим Вас у себя весной (или летом?) 1893 года. Летом каминные бездействуют, плум-пудинги строжайше запрещены, а туманы бывают лишь очень редко, и поэтому Вы увидите Англию в ее наиболее привлекательном виде. Правда, какой-то язвительный француз сказал однажды, что английское лето состоит всего-навсего из трех очень жарких дней и одной грозы. Но это — злостное преувеличение, и, надеюсь, Вы дадите нам возможность доказать Вам это в будущем году. При этом Вы также сможете убедиться в том, что здесь прекрасно можно обойтись и без английского языка.

Приеду ли я в Германию, как Вы полагаете, — зависит по теперешним изменчивым временам от многих обстоятельств, мне не подвластных. Прекрасная пора первой любви нового императора ко всем, на кого гневался Бисмарк, давно отошла в прошлое, и нельзя знать, что еще может произойти до лета. Итак, я все это предоставляю случаю и жду, куда забросит меня этим летом судьба — в Германию ли, в Норвегию, на Канарские острова, куда меня также зовут, или еще куда-нибудь. Мне только жаль будет — что, если я лишусь возможности совершить приятную летнюю поездку в Германию—

то снова упущу случай познакомиться с Вами лично. Я испытываю постоянное желание снова увидеть настоящую германскую пролетарку, и именно такой мне всегда изображали Вас. Моя жена тоже была потомственной ирландской пролетаркой, и ее прирожденная горячая любовь к своему классу была мне бесконечно дороже и всегда больше поддерживала меня в критические моменты, чем это могли бы сделать вся утонченность и умничание «образованных» и «чувствительных» дочерей буржуазии. Но моя жена умерла уже больше 12 лет тому назад, тогда как Августу посчастливилось до сих пор иметь Вас около себя, и в этом вся разница.

Луиза снова написала Августу сумасбродное письмо. Вы не можете себе представить, как оживилась эта милая женщина, с тех пор как снова стала самостоятельной. Посмотрели бы Вы, как мы распиваем утреннюю кружку пильзенского пива! Сколько тут бывает смеха и сколько говорится всякого вздора. Я рад, что могу еще вместе с ней участвовать в этих юношеских дурачествах; в конце концов, так стареешь во всех отношениях, что, право, приходится радоваться тому, что не разучился еще смеяться. И я не смогу достаточно отблагодарить Луизу за все то, что она делает, чтобы предохранить мою старую рейнскую жизнерадостность от ржавчины. Еще раз сердечный привет и наилучшие пожелания благополучия от преданного Вам

Ф. Энгельса.

18.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 15 марта 1892 г.

Милостивый государь,

Мне почти стыдно отвечать на Ваши любезные и интересные письма от 12 и 21 ноября прошлого года. Но я был так завален работой, а писать при газовом освещении все еще причиняет такой вред моим глазам (хотя в других отношениях они служат мне довольно исправно), что эта перегруженность работой и непродолжительность зимнего дня в наших краях должны послужить мне оправданием.

Ваша страна действительно проходит теперь через очень важный период, огромное значение которого трудно переоценить. Мне кажется из Ваших писем, что нынешний **неурожай** представляется Вам не несчастной случайностью, а необходимым следствием, одним из неизбежных спутников начавшегося в России с 1861 г. экономического развития. Это также и мое мнение, поскольку я могу судить

на расстоянии. С 1861 г. в России начинается развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа. Давно уже созрело убеждение, что ни одна страна в настоящее время не может занять подобающего ей места среди цивилизованных наций, если она не обладает промышленностью, использующей паровые двигатели, и сама не удовлетворяет — хотя бы в значительной части — собственную потребность в фабричных изделиях. Исходя из этого убеждения, Россия и начала действовать и действовала с большой энергией. Если она оградилась стеной покровительственных пошлин, то это вполне естественно, ибо конкуренция Англии принудила к такой политике почти все большие страны; даже Германия, где *крупная промышленность* успешно развивалась *при почти полной свободе торговли*, присоединилась к общему хору и перешла в лагерь протекционистов только для того, чтобы ускорить тот процесс, который Бисмарк называл выращиванием миллионеров (*die Züchtung von Millionären*). А если Германия вступила на этот путь даже без всякой необходимости, можно ли порицать Россию за то, что для нее *было* необходимо, раз уж определилось новое направление промышленного развития?

До некоторой степени ваше нынешнее положение, мне кажется, можно сравнить с положением Франции при Людовике XIV. Там тоже мануфактуры были поставлены в благоприятные условия развития покровительственной системой Кольбера; и через 20—30 лет стало ясно, что отечественная мануфактурная промышленность при существовавших тогда условиях могла быть создана только за счет крестьянства. Крестьянское натуральное хозяйство было подорвано и вытеснялось денежным хозяйством; сложился внутренний рынок и одновременно снова оказался почти совсем разрушенным, по крайней мере на время, вследствие самого этого процесса и той беспримерной силы, с которой экономическая необходимость прокладывала себе путь, а также вследствие роста поборов деньгами и людьми, вызванного тогда введением постоянных армий и рекрутчины, подобно тому как в наши дни оно вызывается введением прусской системы всеобщей воинской повинности. И вот, когда в довершение всего случился недород год или два подряд, вся страна была охвачена тем состоянием всеобщего расстройтва, описание которого мы находим у Буагильбера и маршала Вобана.

Но тут есть также и огромная разница: разница между старинной «мануфактурой» и современной «крупной промышленностью», которая (в отношении влияния на крестьянина, мелкого сельскохозяйственного производителя, владеющего собственными

средствами производства) соответствует разнице между старинным, гладкоствольным, кремневым мушкетом 1680 г. и современной автоматической 7,5-миллиметровой винтовкой образца 1892 года. Более того, в то время как в 1680 г. мелкое земледелие все еще было обычным способом производства, а эксплуатация больших имений только исключением, правда, *все возраставшим*, но все же всегда лишь исключением, — теперь обработка земли в крупном масштабе с применением машин становится правилом и все более является единственно возможным способом сельскохозяйственного производства. Так что крестьянин в наши дни, повидимому, обречен на неизбежную гибель.

Вы помните, что говорил наш автор ¹ в письме по поводу Жуковского ²; если Россия и дальше пойдет по тому пути, на который она вступила в 1861 г., то русская крестьянская община обречена на гибель. Мне кажется, что именно сейчас это начинает сбываться. Повидимому, приближается момент, когда — по крайней мере в некоторых областях — старые социальные устои русского крестьянства в своей совокупности не только потеряют свою ценность для отдельного крестьянина, но и станут для него путями в точности так, как это происходило ранее в Западной Европе. Боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией. Нет сомнения в том, что таким образом будет утрачена великая возможность, но против экономических фактов ничего не поделаешь. Любопытно только то, что те самые люди в России, которые не устают восхвалять несравненное превосходство первобытных русских учреждений над учреждениями гнилого Запада, — что эти же люди делают все, чтобы разрушить эти первобытные учреждения и заменить их учреждениями гнилого Запада!

Но если русский крестьянин обречен на превращение в пролетария — промышленного или сельскохозяйственного, — то русский помещик, повидимому, тоже обречен. По моим сведениям этот класс чуть ли не более обременен долгами, чем крестьянство, и вынужден постепенно распродавать свои имения. А между крестьянством и помещиком, повидимому, протискивается вперед новый класс землевладельцев — деревенские кулаки и городские буржуа — отцы, быть может, будущей русской земельной аристократии??

¹ Маркс.

² Маркс, Письмо в редакцию «Отечественных Записок». См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 375—378.

Прошлогодний неурожай вынес все это на яркий дневной свет. И я вполне разделяю Ваше мнение, что причины его чисто социального порядка. Что касается обезлесения, то оно является в не меньшей степени, чем разорение крестьянства, одним из жизненных условий буржуазного общества. Нет ни одной «цивилизованной» европейской страны, которая бы не пережила его. Америка же ¹ — и Россия тоже, без сомнения, — переживает его сейчас. Поэтому обезлесение, на мой взгляд, по своей сути в такой же мере социальный фактор, как и социальный результат. Но оно также очень часто используется заинтересованными сторонами для того, чтобы свалить с себя вину за экономические неудачи, сведя их к такой причине, за которую, как будто, никто не может быть ответственен.

Неурожай, по-моему, только сделал *очевидным* то, что в *скрытом состоянии* существовало уже и раньше. Но он ужасающе ускориł совершающийся процесс. Этой весной к моменту сева крестьянин будет бесконечно слабее, чем он был прошлой осенью во время осеннего сева, и ему придется восстанавливать свои силы в гораздо менее благоприятных условиях. Нищий, по уши в долгах, без скота, что может он поделать даже в тех местностях, где ему удалось перезимовать, не покидая своей деревни? Мне кажется поэтому, что потребуются целые годы, чтобы справиться вполне с последствиями нынешнего бедствия, а когда это удастся, Россия будет совсем иной страной, чем она была даже еще 1 января 1891 года. Пока же нам остается утешать себя мыслью, что все это в конце концов должно послужить делу прогресса человечества.

Прошлой осенью я послал Вам небольшую книжку «Происхождение семьи», 4-е издание. Я отправил ее заказным и поставил свой адрес на конверте. Поскольку она не была мне возвращена, я полагаю, что Вы ее получили.

Очень Вам благодарен за многочисленные присланные мне статьи и журналы, — работа Менделеева оказалась особенно интересной. Но я очень жалею, что именно сейчас, будучи очень занят, не могу уделить им все то внимание, которого они заслуживают. Вы поймете, до какой степени я был завален экстренной работой, если я скажу, что с Нового года и до сегодняшнего дня — обычно самое спокойное для меня время — я не имел возможности посвятить III тому ни одной минуты.

¹ В Америке я сам наблюдал это четыре года назад. Там прилагаются огромные усилия для смягчения его последствий и исправления совершенной ошибки. (*Преписка Энгельса.*)

Ваши поздравления были своевременно переданы в Париж.
Сердечный привет!

Ваш П. В. Рошер.

Есть ли какие-нибудь сведения о нашем общем друге¹?

19.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 16 марта 1892 г.

Дорогой Август,

Сегодня обращаюсь к тебе с просьбой прислать стенограмму заседания, на котором наши говорили об Эльзас-Лотарингии², а Зингер будто бы сделал заявление по этому поводу от имени фракции. Я уверен, что ко мне будут обращаться с вопросами на этот счет, и хотел бы поэтому располагать *точными* данными.

Здесь по поводу 1 Мая снова разгорелась старая борьба, но дело обстоит пока благополучно. То, что я тебе пишу, *не должно попасть в «Vorwärts»*, который Гиллес читает и обрабатывает для Гайндмана по-своему, т. е. так, чтобы прославить независимых и опорочить фракцию; а так как бой еще не решен, то все, что попало бы в печать, было бы использовано *против* нас.

Итак, первоначальный комитет Лиги борьбы за закон о 8-часовом рабочем дне, под председательством Эвелинга, и Совет тред-юнионов, руководимый Шиптоном (который в настоящий момент объединился с Гайндманом и Социал-демократической федерацией), почти одновременно приступили к делу. Комитет Лиги предложил Совету тред-юнионов выступить совместно, как в прошлом году, но получил резкий отказ. Он обратился одновременно к столичной Радикальной федерации (охватывающей свыше 50 радикальных «рабочих», отчасти и социалистических, клубов), но к ним обратился и Совет тред-юнионов. Между тем Эвелинг, подстроив Совету такую же каверзу, как тот подстроил ему два года назад, обеспечил себе преимущественное право на парк. После этого Комитет снова обратился к Совету и снова получил резкий отказ. Но сейчас же вслед за этим Радикальная федерация столицы, которая тоже неоднократно подвергалась третированию со стороны Совета тред-юнионов (в прошлом году Совет пустил на предоставленные ему трибуны только тред-юнионистов, и ни одного оратора от клубов), вынесла решение идти вместе с Комитетом при всех обстоятельствах, но сделать еще

¹ Г. А. Лопатин.

² Заседание рейхстага 3 марта 1892 г., на котором обсуждался вопрос об осадном положении в Эльзас-Лотарингии.

одну попытку примириться с Советом. В воскресенье Комитет заседал и договорился с Радикальной федерацией, что она эту попытку сделает, а затем уж будут приняты дальнейшие решения. Вот как сейчас обстоит дело. Комитет находится пока что в наиболее выгодном положении. За ним парк, рабочие газовых заводов, *вся масса мелких* профессиональных союзов Ист-Энда, радикальные клубы, словом масса по меньшей мере вдвое больше той, которая стоит за Советом тред-юнионов и гайндмановской федерацией. Эта последняя ведет себя пока тише воды, ниже травы и предоставляет Совету тред-юнионов работать за себя. Если Комитет не натворит глупостей или бестактностей, то Совет должен будет либо уступить, либо, как два года тому назад, играть на демонстрации вторую скрипку, да еще вдобавок расстроенную.

Теперь я уже прочел и «Легенду о Лессинге» Меринга в «*Neue Zeit*», она доставила мне большое удовольствие. Это действительно превосходная работа. Я бы кое-что мотивировал и оттенил по-иному, но в общем он попал в самую точку. Отрадно видеть, что материалистическое понимание истории, после того как оно в течение 20 лет, как правило, оставалось в работах молодых членов партии только трескучей фразой, наконец, начинает применяться надлежащим образом в качестве руководящей нити при изучении истории. Каутский и Эде написали несколько неплохих в этом отношении работ, но у Меринга своя специальная тема — прусский закоулок истории Германии, который он более досконально изучил; у него вообще более свободный взгляд и главным образом более твердый, определенный стиль. Я надеюсь, что эта работа появится отдельным изданием, как только закончится печатание в «*Neue Zeit*». Это лучшая из всех известных мне, проведенная по всем правилам осада цитадели прусской легенды: говорится о Лессинге, а подразумевается старый Фриц. Между тем прусская легенда обязательно должна быть развеяна, прежде чем Пруссия сможет раствориться в Германии. О *предпосылках* восточно-эльбской Пруссии как в германской, так в европейской и всемирной истории я бы кое-где сказал иначе, но все это — темы, которые Меринг лишь затронул.

Однако дело подходит к обеду, надо дать возможность Ведьме пока зать свое колдовское искусство. Что касается истории с Ист-Эндом, то не особенно огорчайся, я думаю, что там ничего опасного не предвидится.

Сердечный привет г-же Юлии и тебе самому.

Твой Ф. Энгельс.

20.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 30 марта 1892 г.

Дорогой Барон,

Предисловие я вчера вечером прокорректировал и отослал обратно, прибавив несколько строк ко второму изданию¹. Думаю, этого достаточно. Старое предисловие все еще годится для одной цели — препятствовать воскрешению родбертусовского мошенничества, которое, как всякий модный товар, обладает тенденцией к периодичности. Во всяком случае это предисловие удивительно быстро сделало свое дело. А я не виноват, что тех великих мужей, которых против нас выставляют, можно на смерть сразить двумя предисловиями. Кроме того, для немцев экономические рассуждения в предисловии все еще будут полезны; беспомощность многих наших товарищей в экономической полемике поражает, но мало радует.

Поздравляю тебя с окончанием трудных родов твоей программной брошюры. Это дитя пробьет себе дорогу в свет. Новая популярная работа обобщающего характера и теперь еще очень полезна; по речам ораторов часто обнаруживается, насколько необходим такой повторный курс, а читать толстые книги могут и хотят очень немногие.

Свои жалобы на неряшливость немецких литераторов ты должен претворить в такой принцип: отсылать автору для исправления, с подчеркнутыми цветным карандашом местами, те статьи, которые ты предполагаешь принять; тогда они быстро научатся писать иначе. Разумеется, если редакция так любезна, что предоставляет к их услугам литературную обработку, авторы будут писать все более небрежно.

Что ты жалуешься на корреспонденцию, мне понятно: ты говоришь с товарищем по несчастью. Но зато ведь ты редактор, а я нет; ты имеешь право ограничиваться чисто деловой перепиской, и если делаешь больше, то лишь для своего собственного удовольствия; а я как раз этого-то и не могу себе позволить.

Кстати, статью Маркса о Прудоне² из берлинского «*Sozial-Demokrat*» я в корректуре не смотрел, у меня не было времени.

¹ Предисловие к первому немецкому изданию работы Маркса «Нищета философии», написанное Энгельсом в 1884 г. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 174—188. В издании 1892 г. Энгельс перепечатал это предисловие, добавив небольшое предисловие ко второму изданию. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 285.

² *Маркс*, О Прудоне. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 23—30. Статья была помещена Энгельсом в приложении к 1-му и 2-му немецким изданиям «Нищеты философии» Маркса.

По поводу Адлера ты от Дитца знаешь, пожалуй, больше моего. Я сообщил твои замечания Луизе и попросил ее приготовить мне для тебя меморандум, который я и прилагаю. Из ее сдержанности в разговорах со мной я заключаю — да, верно, и ты тоже, — что в данном случае и от нас всех требуется величайшая сдержанность и что каждое неосторожно сказанное слово может повлечь за собой самые скверные последствия. К сожалению, существует много участливых людей, которые в подобных случаях от чрезмерного участия не могут удержать язык за зубами, и если эту историю уже так бесцеремонно обсуждали в Берлине, то хорошего в этом мало.

«Положение рабочего класса», наконец, появилось здесь; к сожалению, у меня нет экземпляров для рассылки; но я дал Свану Зонненшейну и К⁰ указание относительно «Neue Zeit». «Развитие социализма» теперь также готово, но так как книжка оказалась слишком уж мала для цены в 2 шиллинга 6 пенсов (что ослу издателю было известно и раньше!), то я должен увеличить ее объем длинным предисловием¹. Ну, посмотрим. Но это моя последняя работа, затем я возьмусь за III том. Из Петербурга я слышал (*между нами!*), что «Происхождение семьи», вероятно, скоро выйдет в русском переводе. Статья «Социализм в Германии» появилась теперь на итальянском, румынском (в «Critica Socială»), английском («The People», Нью-Йорк), польском («Przedświt», здесь); два последних перевода по тексту «Neue Zeit».

Привет всем вам от нас всех.

Твой Генерал.

21.

Герману Шлютеру

в Нью-Йорк.

Лондон, 30 марта 1892 г.

Дорогой Шлютер,

Прежде всего я должен тебя поблагодарить за твое прошлогоднее письмо, которое доставило мне так много ценных сведений. К сожалению, я не мог отплатить тебе той же монетой. О политической обстановке в Европе можно в общих чертах узнать достаточно из газет, хорошо подобранных, но, чтобы сохранить свободное время для работы, я вынужден по возможности не касаться

¹ Введение к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 286—308.

внутренней жизни отдельных социалистических партий, иначе у меня ничего бы не получалось. Поэтому о внутреннем развитии партийной жизни в различных странах, поскольку, как это по большей части бывает, оно принимает форму склоки между главарями, я ничего сообщить не могу, ибо даже то немногое, что я об этом знаю, сообщается мне часто только по секрету.

Если бы я знал, что статья в «Figaro» вас так заинтересует, я бы послал ее вам, так как Лафарг мне ее доставил. Теперь она уже давно забыта и канула в вечность. Я напишу в Париж, но думаю, что едва ли мне удастся раздобыть еще один экземпляр и получить от Лафарга точные сведения. Лафарг, вероятно, давным-давно забыл об этом; с тех пор как его избрали, он непрерывно разъезжает по всей Франции, пользуясь бесплатным билетом, агитирует и пропагандирует (я имею в виду не размножение рода человеческого) и, повидимому, с большим успехом. День 1 Мая из-за муниципальных выборов, назначенных именно на это число во всей Франции, кроме Парижа, — будет на этот раз для французов решающим днем. Честолюбие побуждает их не отставать от немцев.

Для вас в Америке большим препятствием, как мне кажется, является исключительное положение коренных американских рабочих. До 1848 г. о постоянном коренном рабочем классе можно было говорить только в виде исключения: немногочисленные первые его представители в городах на востоке все еще могли надеяться превратиться в крестьян или буржуа. Теперь такой класс уже развился и по большей части организован в тред-юнионы. Но он все еще занимает аристократическое положение и оставляет — имея на то возможность — черную низкооплачиваемую работу пришлым рабочим, из которых лишь очень немногие вступают в аристократические тред-юнионы. Но эти пришлые рабочие разделены на бесчисленное множество национальностей и не понимают ни друг друга, ни в большинстве случаев местного языка. А ваша буржуазия умеет еще гораздо лучше, чем австрийское правительство, натравливать одну национальность на другую — евреев, итальянцев, чехов и т. д. на немцев и ирландцев, и каждого из них против всех остальных; так что, думается мне, в Нью-Йорке встречается такая разница в жизненном уровне рабочих, о которой в других местах и не услышишь. И к этому присоединяется еще полное равнодушие общества, развившегося на чисто капиталистической основе, без всякого идиллического феодального фона, к погибающим в борьбе за существование человеческим жизням; их и так много, больше чем нам нужно,

этих проклятых «голландцев»¹, ирландцев, итальянцев, евреев и венгерцев — а тут еще на заднем плане стоит китаец Джон (John Chinaman), который далеко превосходит всех остальных своей способностью жить бог знает чем.

В такой стране неизбежны постоянно возобновляющиеся приливы, за которыми следуют столь же неизбежные отливы. Только приливы становятся все более мощными, а отливы все менее парализующими, и в целом дело движется вперед. Одно я считаю несомненным: чисто буржуазная основа, без всякого добуржуазного хлама, и соответствующая ей колоссальная энергия развития, которая проявляется даже в нелепых преувеличениях теперешней покровительственной системы, приведет в один прекрасный день к повороту, который повергнет в изумление весь мир. Раз уже американцы начнут, то поведут дело с такой энергией и стремительностью, что мы в Европе по сравнению с этим окажемся просто младенцами.

Сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

22.

Анри Брисаку

в Париж.

Черновик.

Лондон, около 10 апреля 1892 г.

Дорогой гражданин,

Я только что получил Ваше письмо от 7 сего месяца (почтовый штемпель от вчерашнего числа). Брошюра, которую Вы любезно послали мне, еще не дошла. Прочту ее с интересом. Но, к моему величайшему сожалению, не смогу удовлетворить Вашу просьбу. Если бы я дал Вам критический разбор Вашей работы для печати, то прежде всего вежливость, быть может, помешала бы мне свободно высказаться. Далее, то, что было сделано для Вас, я должен был бы сделать для каждого честного социалиста — французского, немецкого, английского, итальянского, испанского, датского и т. д. и т. д., и куда бы это меня привело? Я бы ни минуты не был хозяином своего времени. Наконец, что важнее каких-либо других соображений, передо мной сейчас очень трудная работа, которая уже много лет камнем лежит на моей совести — редактирование III тома «Капитала» Маркса — и я уже много месяцев тому назад

¹ «Голландцами» (Dutchmen) в Америке называли немцев.

принял решение не браться ни за какую новую работу, пока не выполню эту неотложную задачу.

Примите уверения в моих лучших чувствах.

23.

Августу Бебелю

в Санкт-Галлен.

Лондон, 16 апреля 1892 г.

Дорогой Август,

Твоя телеграмма, надо признаться, принесла дьявольское разочарование. Ну что ж, против болезни ничего не поделаешь, надеюсь, что ты настолько поправился, что благополучно перенес путешествие и теперь наслаждаешься альпийским воздухом. Но зато теперь ты обязан привезти с собой в мае г-жу Юлию; в прилагаемых здесь строках я делаю в этом направлении все от меня зависящее и прошу тебя поддержать меня самым энергичным образом.

Что касается парижан, то два человека заходило еще до получения твоего письма. Я назначил им притти на следующий день, в среду, когда уж непременно должно было быть письмо от тебя. Когда оно было получено, я пошел к Юлиусу, а Луиза отправилась к одному из парижан — это на том конце города, — но не застала никого и оставила записку. Наконец, в четверг вечером пришел один из них (другой уехал еще в среду утром) и сказал мне, что по некоторым обстоятельствам дело откладывается, они надеются закончить его без вашей помощи и обратятся к вам лишь в случае крайней необходимости. О дальнейшем устно, когда ты приедешь, это не к спеху.

Нам непонятно, почему ты хочешь вернуться из Санкт-Галлена в государственную песочницу¹. Ты снова попадешь в самую гущу работы, так будет проходить день за днем и твое здоровье опять пошатнется, потом придет доктор и без долгих разговоров пошлет тебя в Карлсбад. Я в восторге от Карлсбада, — т. е. для других, а не для себя, — потому что видел, как там поставили на ноги Маркса; если бы он мог начать лечиться там на восемь лет раньше, то был бы вероятно жив до сих пор. Карлсбад оказывает чудотворное действие на все болезни желудка и печени, и я стою за то, чтобы ты в июне, в течение 4—6 недель, пил эту воду-капитал (капитал потому, что она создает физиологическую прибавочную стоимость для тебя и экономическую для владельцев карлсбадских

¹ Берлин.

гостиниц), а уж д-р Флеклес, друг Маркса и Гусси — она тебе о нем расскажет, — позаботится о том, чтобы ты не скучал; это один из самых остроумных людей в Европе.

Я написал бы тебе раньше, но мне пришлось, во избежание всяких злословий, написать весьма скверное предисловие. Это чисто английская история. Эвелинг переводит мое «Развитие социализма» для Социальной серии, каждый том которой стоит 2½ марки. Я говорю, что продавать эту маленькую книжку за такую цену — мошенничество. Нет, говорит Эвелинг, это уж его, издателя, дело, — один томик выходит потолще, другой потоньше, и в общем получается нечто среднее (особенно для того, кто случайно находит интересующие его вещи только в тонких томиках). К тому же издатель видел немецкий оригинал и обо всем осведомлен. Хорошо. Дело сделано. При чудовищном разгоне шрифта получилось около 117 страниц. Теперь же издатель — его фамилия Зонненшейн¹, но, кажется, он и при самом ярком солнечном свете иной раз ничего не видит — обнаруживает, что это никуда не годится и просит меня написать очень длинное предисловие. Это, однако, не так просто. Я должен впервые, так сказать, предстать перед «образованной» британской публикой, тут надо поломать себе голову. И в результате получился длинный трактат о том и о сем, обо всем и ни о чем, через который красной нитью проходит злая насмешка над английской буржуазией; любопытно, что скажет на это английский филистер. Я дам это предисловие по-немецки в «Neue Zeit», — надеюсь, оно вас позабавит.

Итак, чтобы не опоздать к закрытию почты, мы с Луизой просим тебя передать привет Фриде и Симону — они ведь тоже как-нибудь соберутся в Лондон? — и остаемся с известными или же неизвестными чувствами.

Твой Ф. Э.

24.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 20 апреля 1892 г.

Дорогой Барон,

Введение к английскому изданию «Социализм и т. д.» ты получишь, конечно, по-немецки, — это само собой разумеется. Появиться в свет оно должно, а где еще мне напечатать такую длинную вещь, кроме «Neue Zeit»? Вчера я отослал это введение и, стало быть, пока не получу корректуры, не могу дальше действовать. Оно вышло

¹ Der Sonnenschein по-немецки — солнечный свет.

дьявольски длинным. Я излил в нем всю накопившуюся ненависть к английским буржуа и с нетерпением жду, что скажет на это британский филистер.

С 1 Мая у нас здесь, наконец, все улажено, или, вернее, как раз наоборот. Совет тред-юнионов и Социал-демократическая федерация приложили все усилия к тому, чтобы на этот раз забрать дело целиком в свои руки и совершенно вытеснить Лигу борьбы за 8-часовой рабочий день. Социал-демократическая федерация действует в данный момент рука об руку с самыми реакционными элементами из Совета тред-юнионов — Шиптон и др. — и в вопросе о первомайской демонстрации полностью подчинилась Совету. Предполагалось, что последний предпримет кампанию против независимых элементов Ист-Энда, и федерация думала пожать плоды этой затеи. Элементы, об устранении которых шла речь, группируются, разумеется, вокруг Эвелингов и их опорой были: 1) Союз рабочих газовых заводов, 2) Радикальная федерация столицы, 3) ряд мелких союзов, которые предпочитают приобрести вес в Лиге борьбы за 8-часовой рабочий день, чем подчиняться обмещанившимся старым союзам Совета тред-юнионов. Обе стороны усиленно маневрировали, и на митинге делегатов лондонских рабочих организаций, на котором, конечно, было создано искусственное большинство, Совету тред-юнионов удалось захватить руководство демонстрацией. Хотя Совет тред-юнионов и решил сначала не входить *ни в какие* переговоры с Лигой, он все же был вынужден допустить в Исполнительный комитет сперва одного, а затем двух делегатов Лиги, а также предоставить в ее распоряжение две трибуны в парке. Кроме того и у Радикальной федерации столицы есть две трибуны, которые тоже в нашем распоряжении, тогда как у Социал-демократической федерации всегонавсего две трибуны. Так как для людей, имеющих большинство в Совете тред-юнионов, 8-часовой рабочий день означает только лишь одно, а именно, что за восемь часов должна выплачиваться обычная заработная плата, а за всякую работу сверхурочно — заработная плата в полуторном или двойном размере, *вследствие чего 8-часовой рабочий день этих людей нечто совершенно отличное от нашего*, — то в текущем году, после 1 Мая, конфликт только и разразится по-настоящему, и борьба начнется заново. И этот пункт будет, наконец, поставлен здесь в порядок дня. Поэтому не прислушивайся к тому, что толкуют о 1 Мая в Англии «Vorwärts» и др. С нашей точки зрения вся эта история — чистое надувательство; это 8-часовой рабочий день в «пиквикском смысле», давно пора это вывести на чистую воду, и тогда прекратится то двусмысленное положение,

которое используют сейчас Социал-демократическая федерация и фабрианцы.

«Workman's Times» можно использовать *только* для фактического материала. Редактор — провинциал, увлекающийся беллетристикой, старается со всеми ладить и поэтому болтает и печатает всякий вздор. Но все *отчеты* поступают от самих рабочих, хотя «Мальчик на побегушках» и его мать, «Марксиан» (исключительный болван), «Пролетарий» и другие, конечно, в высшей степени нелепы. «Workman's Times» слился с бывшим «Trade Unionist» и принял в свою редакцию известного тебе Нэша. Поэтому туда проникло и влияние также тебе известного Тойнби-Холла¹.

Матушка Вишневецкая подверглась солдафонским выходкам со стороны своего мужа, разошлась с ним, снова называет себя г-жей Келли и живет в Чикаго со своими тремя детьми, которые оставлены ей по приговору суда.

Очень хочется знать, чего добьются наши французы на муниципальных выборах 1 мая. Это их первое настоящее испытание.

Привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

25.

Иоганну Дитцу

в Штутгарт.

Лондон, 23 апреля 1892 г.

Дорогой г. Дитц,

Прилагаю несколько строк на тот случай, если бы Вы захотели показать их О. Виганду.

Как только будут закончены предварительные переговоры, можно будет приступить к печатанию, если мы с Вами согласны в том, чтобы книга вышла не только без изменений, но и без добавлений, снабженная лишь кое-какими краткими примечаниями, в крайнем случае, и только с новым предисловием². Вы могли бы тогда прислать мне корректуру в гранках, и я вставил бы несколько необходимых примечаний (подстрочных).

Так как английское издание только что вышло, я смог убедиться в том, что этого достаточно. Большое количество примечаний или такое приложение, которое дополнило бы книгу соответственно

¹ Помещение, в котором происходили собрания христианских социалистов. Названо по имени А. Тойнби.

² Предисловие Энгельса к «Положению рабочего класса в Англии» изд. 1892 г. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 262—278.

современному положению вещей, удвоили бы ее объем, потребовали бы от меня целого года работы (чего я не могу сделать) и затащили бы таким образом издание до бесконечности. К тому же в I томе «Капитала» содержится в этом отношении все, что нужно. Моя книга сегодня — исторический документ, отражающий определенную ступень развития, и этого достаточно, тем более, что мы в Германии стоим теперь приблизительно на той же ступени. Все необходимое об этом будет сказано в предисловии.

Есть ли у Вас экземпляр, с которого бы можно было печатать?

Английское издание (т. е. вновь изданное здесь, перепечатанное с американского) тоже уже вышло.

В ожидании известий от Вас сердечно кланяюсь.

Ваш Ф. Энгельс.

26.

Иоганну Дитцу

в Штутгарт.

Лондон, 23 апреля 1892 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой г. Дитц,

В ответ на Ваше любезное письмо от 20 сего месяца подтверждаю со своей стороны мое согласие на то, чтобы Вы, по соглашению с г. Отто Вигандом, издали в своей Интернациональной библиотеке «Положение рабочего класса в Англии» на условиях, которые еще будут нами уточнены.

В ожидании Ваших предложений на этот счет шлет Вам искренний привет

Ф. Энгельс.

27.

Иоганну Дитцу

в Штутгарт.

Лондон, 26 апреля 1892 г.

Дорогой г. Дитц,

С условиями, поставленными в Вашем вчерашнем письме, я согласен и сообщу Вам несколько позже свои распоряжения относительно гонорара.

Если я правильно Вас понимаю, наши мнения также сходятся относительно того, что, хотя книга и перепечатывается без изменений, я все же должен дать к ней: 1) новое предисловие и 2) краткие подстрочные примечания в отдельных местах, там где они необ-

ходимы для *понимания*, но не ставя себе целью довести изложение до сегодняшнего дня.

Если дело действительно обстоит так, дальнейшее формальное подтверждение не требуется.

У меня был отложен один экземпляр на случай переиздания; посылаю его Вам заказной бандеролью.

С сердечным приветом, преданный Вам

Ф. Энгельс.

28.

Иоганну Дитцу

в Штутгарт.

Лондон, 5 мая 1892 г.

Дорогой г. Дитц,

В ответ на Ваше письмо от 28 апреля я послал Вам 2-го сего месяца *заказной* бандеролью непереплетенный экземпляр «*Положения рабочего класса*», который Вы, надеюсь, получили.

Из Ваших сообщений не видно, *как далеко* простираются права на перепечатку в Интернациональной библиотеке, предоставленные Вам Вигандом: разрешил ли он только одно издание с определенным тиражем или столько изданий и в те сроки, на которых мы с Вами сойдемся. Судя по вышеупомянутому Вашему письму, последнее предположение как будто правильно, но Вы не откажите при случае сообщить мне об этом подробнее; мне важно знать, каково мое положение в деловом отношении.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

29.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 6 мая 1892 г.

Дорогой Август,

Итак, мы ждем тебя здесь ровно через неделю, в субботу вечером; надеюсь, ты внушишь Паулю достаточное доверие к воде, чтобы он предпринял поездку через Остенде как репетицию путешествия в Чикаго. Если у него после этого хватит мужества, он сможет *все* путешествие в Чикаго совершить морем — из Ливерпуля в Монреаль по реке св. Лаврентия и оттуда через Большие Озера, — тогда он будет застрахован на всю жизнь, ибо на Больших Озерах даже матерые морские волки страдают морской болезнью, и мы

четверо вызывали удивление всего общества, когда безболезненно перенесли бурю на озере Эри¹.

Но если ты полагаешь, что я сейчас отвечу подробно и в письменной форме на твои три письма, то ты заблуждаешься. Луиза только что вернулась из города и ей так захотелось пить, что мы рискнули выпить по второй кружке пива до обеда и пришли в прекрасное настроение. На дворе очень жарко, и уж тут необходимо, выражаясь по-пруски, осуществить должные перемены.

Мендельсона и его жену тебе надо будет повидать. В воскресенье они опять были у нас. Ты сможешь также побывать у них дома.

Что у нас была хорошая погода 1 Мая, а у вас нет — вам поделом. Будь ты здесь, ты бы увидел, как выглядят собравшиеся вместе 600 тысяч человек. Это было поистине нечто величественное, и после этого впечатления трудно подвергать даже необходимой критике предшествовавшие жалкие интриги и происки, а все же это необходимо.

Когда ты приедешь сюда, то в силу врачебного запрета будешь избавлен от всякой общественной помпы, в том случае, разумеется, если сам будешь соблюдать этот запрет. Ты ведь знаешь, как это бывает, кто даст уговорить себя *один* раз, тот уж пропал окончательно.

Лаура Лафарг пишет, что на французских муниципальных выборах наши до сих пор добились успеха в целом ряде местностей, но окончательные результаты выяснятся лишь на следующей неделе, после перебаллотировки. В прессе я пока очень мало что видел об этом.

Итак, приезжай с достаточно крепкими мозолистыми кулаками! Мы уже писали в департамент общественных работ о предоставлении нам в лондонских парках необходимого количества старых деревьев, чтобы ты мог ежедневно к завтраку выкорчевывать по крайней мере по одному.

Сердечный привет от Луизы.

Твой Ф. Э.

30.

Иоганну Дитцу

в Штутгарт.

Дорогой г. Дитц,

Лондон, 12 мая 1892 г.

Я вполне согласен с Вашим предложением от 9-го сего месяца. Я предоставляю Вам право, поскольку это в моей компетенции,

¹ Энгельс имеет в виду свое путешествие в Америку в августе — сентябре 1888 г. вместе с К. Шорлеммером, Э. Маркс-Эвелинг и Э. Эвелингом.

напечатать 10 000 экземпляров¹; со своей стороны Вы оплатите мне следующий гонорар:

за 2 500 экземпляров 500 марок — осенью 1892 г., после напечатания;

» 2 500 » 500 » — к 1 января 1893 г.;

» 5 000 » 1 000 » — после напечатания этой второй половины, но в течение 6 месяцев после начала печатания.

Я думаю, что при все еще неясном характере соглашения с Вигандом Вы правы, действуя таким образом. Назовете ли Вы это одним изданием или сделаете из него несколько — дело Ваше; для меня, разумеется, важно снова дать читателю эту работу, а вовсе не хвастаться несколькими изданиями.

С сердечным приветом.

Ваш Ф. Энгельс.

31.

Карлу Каутскому
в Штутгарт.

Лондон, 17 мая 1892 г.

Дорогой Каутский,

Открытку относительно Вернера-Вейлера ты получил. Сейчас же после эдинбургского конгресса Мейер сообщил мне, что обнаружил там Вейлера.

Придуманый для меня эпитет — просто глупость. Ты доставишь большое удовольствие мне и наверное и другим также, если объяснишь Мейеру, хоть на будущее, что он должен научиться нашей манере выражаться, избегая рекламы, если не хочет, чтобы ты исправлял все, что он пишет.

Гирш, конечно, во Франкфурте, и Мейер перед ним в долгу, так как Гирш по его просьбе в соответствующий момент предостерегал его: «г. Мейер, не надо пить так много». Я никогда не видел ничего забавнее этой закадычной дружбы еврея — да еще с таким носом! — и антисемита! Не могу удержаться от смеха и теперь, когда пишу тебе.

Что же касается Луизы, то я бы на твоём месте не стал поднимать этой истории. Твою фамилию она носит в результате брака, который ты по своему собственному желанию с ней заключил. Разошлись вы тоже по твоей инициативе. Если теперь возможны недоразумения, то опять-таки вследствие твоих действий. Она носит

¹ Речь идет о книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

теперь ту фамилию, которую только и имеет право носить по австрийским законам, и я не вижу абсолютно никакого основания, почему она должна этого избегать.

Буду с тобой откровенен. Все мы здесь, и я не менее других, очень полюбили Луизу еще с того времени, когда вы были здесь вместе. Когда началось дело с разводом, она с начала до конца вела себя так великодушно, что мы не могли на нее налюбоваться, а с тех пор как она поселилась здесь, она стала мне так же дорога, как Пумпс, Тусси, Лаура, так же дорога, как если бы она была моей дочерью. Она показала тебе, когда ты был здесь, что не сохранила против тебя никакого неприязненного чувства. И этого должно быть достаточно. Никто не может требовать от нее, чтобы она взяла на себя какие-либо неприятные последствия *твоих* поступков. Если бы ты предложил ей то, о чем ты мне пишешь, и она спросила бы у меня совета, то я безусловно посоветовал бы ей ответить: нет!

Недоразумения случались также и у нее: она над этим только смеялась. Если бы она и сделала тебе это одолжение, что бы получилось? Наряду с Луизой Каутской и Луизой Каутской появилась бы на сцене еще третья Луиза Штрассер-Каутская, и тут то комедия ошибок и дошла бы до предела. *Тебе* бы это не помогло, а ей пришлось бы тогда еще чаще направо и налево давать объяснения, кто, как, когда и где?

Повторяю, оставь ты эту старую историю. Очень хорошо, что вы разошлись, Луиза тоже чрезвычайно удовлетворена этим. Твои поступки обратно не вернешь, ну и отвечай в конце концов сам за последствия. Но *эти* последствия совсем не так уж тяжелы, чтобы стоило придавать этому какое-либо значение.

Тусси придерживается того же мнения, и Август, которому я прочитал и твое письмо, и написанное выше, вполне с этим согласен.

Итак, не беспокойся, все это само собой уладится.

Твой старый Ф. Энгельс

32.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 17 мая 1892 г.

Дорогой г. Шорлеммер,

Я недавно получил от Карла ¹ такое же странное письмо, как и Вы, и обратился тогда же к лечащему его врачу, старому моему другу и другу Маркса, д-ру Гумперту. Тот ответил, что здоровье

¹ К. Шорлеммер.

Карла, как мы все это замечали, с некоторых пор очень пошатнулось: весной он перенес инфлуэнцу со всевозможными неприятными осложнениями, и больше всего доктора поражает та медлительность, с которой восстанавливаются истощенные силы. Поставить точный диагноз пока еще нельзя, но, повидимому, что-то не в порядке; он напишет мне, как только сможет сказать что-нибудь более определенное. Приезжать пока в Манчестер, как я ему предложил, нет необходимости, да и Карл сам этого не хочет.

Карла я не видел с прошлого лета; на рождество он не смог приехать, так как у него был шум в ушах, что ему очень мешало на лекциях и во время экзаменов и что, по его словам, всегда ухудшается от поездок в Лондон. На пасху он заболел инфлуэндой, так что опять ничего не вышло. Как только состояние Карла это позволит, д-р Гумперт собирается услать его из дымного Манчестера; возможно, что мы вместе поедем куда-нибудь, где воздух чище, однако, пока еще не могу ничего сказать об этом.

Я думаю, Вам лучше всего не сообщать Карлу, что мы ведем переписку о его здоровье — он, повидимому, очень болезненно все воспринимает; лучше всего, мне думается, если Вы ему при случае опять напишете, сообщите семейные новости и попросите известить о себе. Время от времени я буду получать известия от Гумперта, как он мне обещал, и буду, не дожидаясь особых просьб с Вашей стороны, сообщать их Вам.

Август здесь и живет у нас; Пауль-толстый¹ тоже здесь, живет у Бернштейнов. Август сейчас занят, иначе он наверное послал бы Вам привет; г-жа Каутская сердечно благодарит за Ваши приветствия, и я также прошу Вас принять привет от меня и засвидетельствовать мое почтение всей Вашей семье.

Ваш Ф. Энгельс.

Моя племянница, г-жа Рошер, по прозвищу Пумпс, также здесь и шлет всем Вам свой сердечный привет.

33.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 19 мая 1892 г.

Дорогой Виктор,

Я сговорился с Дитцем, а он — с Виганом относительно нового издания «Положения рабочего класса в Англии», и мне в

¹ П. Зингер.

ближайшее время причитается гонорар в 1 000 марок, из которого Дитц обещает уплатить половину осенью, а вторую половину к 1 января 1893 года. Август — он сейчас здесь — надеется, однако, выжать у него эту сумму раньше, хотя бы по частям. Кроме того еще кое-какой гонорар мне причитается за статьи в «Neue Zeit». Мне хотелось бы снова отдать эти деньги вам, австрийцам, но я позволю себе сделать относительно их применения кое-какие оговорки, которые я обсудил с Августом и с которыми он согласен.

Дело в том, что мне известно, если и не в подробностях, то все же в достаточной мере для практических выводов, что твоей партийной деятельности постоянно мешает неспособность австрийской партии обеспечить тебе такое материальное положение, которое позволило бы тебе отдать партии все свое время и силы. Знаю также, что постигшие тебя за последнее время несчастья требуют расходов, на которые партия не может дать тебе средств. Поэтому я рассматриваю как одно из первых условий дальнейшего развития австрийского движения, во-первых, предоставление тебе возможности пережить сейчас требующие исключительных расходов времена и, во-вторых, обеспечение тебе на будущее тех дополнительных средств, которые тебе необходимы, но которые у вас там пока еще достать нельзя. Первое — это самое необходимое, а второе с этим же связано. Я хочу предложить тебе предоставить в твое распоряжение упомянутый выше гонорар, для первой, для второй ли цели или для обеих, все равно — применение целиком зависит от обстоятельств, судить о которых можешь только ты сам. При этом, само собой понятно, отпадает всякая необходимость официально отчитываться в этих суммах.

Надеюсь, ты доставишь мне удовольствие и примешь мое предложение. Я знаю по собственному опыту, хоть это и дела давно минувшие, до какой степени борьба за существование отражается на работоспособности, желании работать и рабочем времени, и мы здесь все трое того мнения, что ты не сможешь оказать австрийской партии большей услуги, чем согласиться с этим маленьким планом.

Ваш первомайский праздник произвел здесь прекрасное впечатление, тем более что Париж, из-за царящей там склоки, в этом году фактически выпал. Зато Лафарг пишет, что в 22 местностях (самые крупные — Рубе и Марсель, где мы провели *всех* своих кандидатов) у нас большинство в муниципалитете, при первом туре выборов мы завоевали 400 мест, а при перебаллотировке еще 200.

О впечатлении ты можешь судить по орлеанистскому «Soleil», который я тебе посылаю.

Итак, большой привет от твоего

Ф. Энгельса.

34.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 19 мая 1892 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой г. Шорлеммер,

Только что получил письмо от д-ра Гумперта, судя по которому, состояние Карла изменилось, к сожалению, к худшему. Он пишет, что Карл физически стал слабее и умственно менее активен; появились признаки паралича левой руки, которые за последние восемь дней обнаруживаются все более резко; по его мнению, едва ли Карл настолько поправится, чтобы быть в состоянии выехать из Манчестера куда-нибудь на чистый воздух для поправки. Его умственные силы также в таком состоянии упадка, что Гумперт счел нужным попросить у него указания относительно завещания, которое вчера составлено было адвокатами, а сегодня должно было быть подписано Карлом. Карл крайне вял, апатичен и не выказывает ни малейшего желания повидать кого-либо из друзей; д-р Гумперт определенно заявил, что если я буду писать в Германию кому-либо из его родных, то я непременно должен сообщить: «приезжать кому-либо из родных совершенно бесполезно».

Спешу сообщить Вам это с первой же почтой. Я также напишу Гумперту, чтобы он продолжал извещать меня, и все, что я от него узнаю, я тотчас же буду сообщать Вам. К сожалению, перспективы теперь очень печальны, Гумперт врач очень искусный и особенно в отношении диагноза очень опытный, так что боюсь, что мы должны быть готовы к самому худшему. Как отнесется Ваша бедная старая матушка к тому, что снова жизнь одного из ее сыновей в опасности!

Сердечный привет.

Ваш *Ф. Энгельс.*

35.

Августу Зигелю

в Мьюверв

(Шотландия).

Лондон, 28 мая 1892 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ,

Г-жа Эвелинг в субботу благополучно возвратилась, и мы были очень рады, что дело так быстро и хорошо уладилось. Разумеется,

не Ваша вина, если управляющий рудником Вас провел, но пусть это все-таки послужит Вам предупреждением — ни в коем случае не решать ничего окончательно с администрацией рудника, не сговорившись предварительно с шотландскими горняками и здесь с нами. Немцы не без некоторого основания слынут здесь штрейкбрехерами и людьми, которые сильно сбивают заработную плату, и поэтому-то гг. Берт, Фенвик и другие не хотели достать Вам здесь абсолютно никакой работы; и если бы теперь немцы в Мьюкерке дали хоть малейший повод к подтверждению этого старого убеждения против них, это представило бы величайшую опасность для интернациональных отношений между немцами и англичанами вообще и притом для рабочих всех отраслей производства, а не только для горняков. Итак, если Вы хотите продолжать действовать в интересах рабочего дела, постарайтесь изучить английский язык настолько, чтобы быть в состоянии, не опасаясь недоразумений, столкнуться с шотландцами, и общайтесь с шотландскими рабочими ежедневно и даже, по возможности, ежечасно. Вы увидите, что шотландские рабочие — люди очень славные, очень крепкие и, если только с ними как следует столкнуться, очень надежные, так что с ними вполне можно ладить; рудничная же администрация гораздо хитрее, лживее и втрое искушеннее в эксплуатации, чем немецкая. Однако пока Вы еще не вполне владеете английским языком, вы сделаете лучше всего, если в каждом сколько-нибудь сомнительном случае будете писать *по-немецки* г-же Эвелинг, 65 Chancery Lane, Лондон W. C.; она охотно придет Вам на помощь своим знанием условий жизни здешних рабочих.

Весьма кстати здесь как раз оказались два члена рейхстага и Правления партии, которые тотчас же смогли вмешаться в дело и ссудить нужные деньги. Иначе история могла бы принять неприятный оборот и создать очень дурную славу всем здешним немецким рабочим.

Г-жа Эвелинг Вам, вероятно, говорила, что в Германии ходят слухи, будто Шредер всякими ложными сообщениями побудил Вас уехать и что из-за этого Вы лишились очень хорошего места, а опасность между тем была далеко не так велика, как Вас уверяли. Должен сказать, что у меня с самого начала было такое подозрение, и я был бы очень рад, если бы оказалось, что такой человек, как Вы, не совсем потерян для движения немецких горняков. Ведь мандат члена рейхстага почти наверняка был бы Вам обеспечен, и если Вы с течением времени вернетесь, отсидите несколько полуженных месяцев и затем будете продолжать свое дело, направляя

горнорабочих по правильному пути, то это будет только к лучшему.

Газеты Вы получите на-днях.

Сердечный привет от г-жи Каутской и от меня Вашей жене, о которой г-жа Эвелинг рассказала нам много хорошего, а также и Вам.

Ваш Ф. Энгельс.

Я, конечно, не хочу сказать, что Вы должны тут же, немедленно, ехать в Германию; наоборот, будет крайне полезно, если Вы сначала подробно изучите положение здешних рабочих, чтобы потом на основании собственного опыта разъяснить немцам, насколько лучше им жилось бы даже в условиях капиталистического хозяйства, если бы они научились защищать свои интересы.

36.

Генри Роско

в Лондон.

Черновик.

Лондон, 28 мая 1892 г.

Дорогой сэр Генри,

Большое спасибо за Вашу вчерашнюю записку. Гумперт действительно подробно сообщил мне о консультации с Дрешфельдом, которого он уже три или четыре недели тому назад предлагал Шорлеммеру пригласить, но Шорлеммер и слышать об этом не хотел. Так как оба врача вполне сходятся в своем диагнозе, боюсь, что у нас осталось мало надежды.

У меня сейчас до середины будущей недели гостит мой друг Бебель, депутат германского рейхстага, и я намерен поехать в Манчестер приблизительно в четверг, если Гумперт не вызовет меня раньше.

Я не пользуюсь той формой обращения, которую Вы употребили в своей записке¹, только потому, что она написана не Вашим почерком, и, следовательно, не вполне исключена возможность невольной ошибки.

Искренне Ваш

37.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 28 мая 1892 г.

Дорогой г. Шорлеммер,

К сожалению, я не могу сообщить Вам сегодня ничего утешительного. Физическая и умственная слабость Карла не только

¹ Г. Роско в своей записке к Энгельсу от 27 мая 1892 г. обращается к нему со словами: «Дорогой Энгельс».

не уменьшилась, но даже увеличилась, так что Гумперт пригласил второго врача, д-ра Юлиуса Дрешфельда из Мангейма, профессора медицины Оуэновского колледжа и личного друга Карла. К сожалению, мнение этого известного врача совпадает с мнением Гумперта: начался постепенный упадок сил, и осталось весьма мало надежды на выздоровление.

С прошлой субботы Гумперт уложил его в постель и пригласил к нему из больницы сиделку, которой он, по его словам, вполне доволен. Я сам рассчитываю поехать в Манчестер в будущую среду или четверг, если Гумперт не вызовет меня раньше, и тогда уже сообщу Вам подробно о моих личных наблюдениях. Если же Гумперт вызовет меня раньше, то, разумеется, я выеду немедленно.

Бебель еще здесь, в середине будущей недели он уезжает с Зингером обратно. Он здесь очень поправился, а это было необходимо, так как его здоровье действительно сильно пошатнулось. Но публичные выступления еще запрещены ему на несколько месяцев. А силы Бебеля надо беречь. Это такой великолепный парень, что второго такого нам не сыскать.

Недели через три у наших в Париже будет ежедневная большая газета под редакцией Гэда и Лафарга, которая сможет помериться силами с лучшими газетами.

Сердечный привет Вашей матушке и всей семье, также и от г-жи Каутской.

Ваш Ф. Энгельс.

Завещание Карла оформлено, он все завещает своей матери. В случае, если Вас из Англии будут запрашивать относительно рукописей Карла, я могу только настоятельно посоветовать Вам не давать никаких обещаний, пока Вы через д-ра Гумперта, меня или других хорошо знакомых Вам людей не узнаете, о чем в сущности идет речь.

38.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 5 июня 1892 г.

Дорогой г. Шорлеммер,

Вчера вечером я вернулся из Манчестера и, к сожалению, не могу сообщить Вам о Карле ничего утешительного. Он лежит в постели, весьма безучастен, требует покоя, но никаких болей не испытывает. Сознание у него не вполне ясно, и память ему нередко

изменяет, при этом он часто неправильно понимает, что ему говорят. Я был у него шесть раз минут по 5—10, не больше, дольше он выдерживает с трудом.

Я могу теперь сообщить Вам то, о чем до сих пор умалчивал, а именно, что за последние недели выяснилось с полной несомненностью образование в правом легком раковой опухоли, занимающей почти всю верхнюю треть легкого. Вследствие давления этой опухоли на нервные стволы и крупные кровеносные сосуды — нарушена деятельность мозга и правая рука парализована и опухла. Наличие этой опухоли объясняет и прежние явления: большую слабость после инфлуэнцы и неспособность справиться с ней. К сожалению, выяснение этой причины лишает нас всякой надежды на его выздоровление, и нам сейчас остается только желать, чтобы то же безболезненное состояние, что и теперь, продолжалось до конца. Гумперт говорит, что конец может наступить каждую минуту; вместе с тем, если не будет никаких осложнений, Карл сможет находиться в таком состоянии, при все увеличивающейся слабости, еще несколько недель, а возможно и дольше.

Я убедился, что уход за ним хороший. Сиделка, которую нашел ему Гумперт, повидимому, хорошо знает свое дело и ухаживает за ним очень заботливо, совсем не так, как лондонские сиделки, о которых я вынес очень нелестное впечатление. Также хозяйева, у которых он прожил 14 лет, делают все, что могут. Хозяин показал мне довольно объемистые рукописи Карла и твердо обещал мне выдать их только его душеприказчикам и больше никому. С одним из этих двух душеприказчиков, химиком и нашим старым другом¹, я уже беседовал и сообщил ему свое мнение относительно того, что прежде всего — в первую минуту — должно быть сделано для охраны рукописей и связанных с ними интересов наследников; он вполне со мной согласился, так что с этой стороны я спокоен. Так как есть люди, которые не прочь присвоить себе лавры Карла, и так как подобные попытки уже делались, я счел нужным принять соответствующие меры предосторожности. Подробнее об этом позже.

Если Вы, или кто-нибудь из Ваших родных, пожелаете для своего успокоения приехать сюда посмотреть собственными глазами, как обстоит с Карлом, то д-р Гумперт — в Манчестере, точно так же как я — здесь, охотно сделаем все, чтобы облегчить Вам эту поездку.

¹ Душеприказчики К. Шорлеммера — Л. Зибольд и Ф. Клепш; Энгельс имеет в виду Зибольда;

Мы узнали, что одна Ваша племянница из Бордо находится здесь, в Лондоне, но мы не можем добиться от Карла ее адреса; не будете ли Вы так любезны достать нам его? Мы могли бы быть полезными этой молодой даме.

Кроме того, прошу Вас обратной почтой написать д-ру Гумперту, адрес которого прилагаю ниже, будет ли Вам доставлена телеграмма, если адресовать ее: Людвигу Шорлеммеру, Дармштадт, или же требуется более подробный адрес и какой именно.

Сердечный привет Вашей матушке и всей Вашей семье.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

Д-ру Гумперту
203, High Street, Oxford Road.

Манчестер, Англия.

Бебель и Зингер в среду уехали в Германию.

Г-жа Каутская тоже шлет Вам сердечный привет.

39.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 11 июня 1892 г.

Дорогой Барон,

Я написал бы тебе о Шорлеммере и раньше, но хотел сперва сам его повидать. Это удалось мне только на прошлой неделе; после отъезда Августа и Пауля я в тот же день, в среду, отправился в Манчестер. От Гумперта, который его лечит, я уже знал, что он лежит в постели совершенно апатичный и что в правом легком у него, вероятно, развивается раковая опухоль. Таким я его и нашел: ко всему безучастный, ни на что не реагирующий, но без каких-либо болей; к тому же сознание у него было не совсем ясное, ему часто казалось, что он находится где-то в другом месте. Разговор, продолжавшийся больше 5—10 минут (причем чаще всего он механически повторял слова собеседника), его утомлял, и покой был его самой большой потребностью. Опухоль в легком развивается; кроме ясно выраженных тупых звуков при выстукивании, давление на все кровеносные сосуды и нервные сплетения вызвало нарушение мозговой деятельности и вместе с тем паралич и водянку правой руки. Ноги, наоборот, не опухли, но очень слабы, мускулы вялы и дряблы. В таком состоянии он может пролежать еще несколько недель, но также возможно, что в любой момент его может погубить

какое-либо осложнение. Надежды, конечно, никакой. Я сообщил его семье все необходимое. О его довольно объемистых рукописях позаботились, они смогут еще послужить предметом интересных споров. Завещание Гумперт заставил его сделать своевременно.

Итак, опять уходит от нас один из лучших наших товарищей. Правда, последние четыре года он уже был не прежний, он все больше и больше терял интерес ко всему, что не касалось непосредственно его работ, да и работал он уже с трудом, часто бывал расстроен все увеличивавшейся глухотой и восприимчивостью к сквознякам и простуде, которая немедленно увеличивала эту глухоту. В прошлом году я снова пытался уговорить его поехать на пароходе в Ирландию и Шотландию, но сравнительно небольшое недомогание свалило его в 24 часа, и мы вынуждены были отказаться от этого плана. Опухоль в легком, которая теперь явственно обнаружилась, объясняет многое, в том числе и его слабость после инфлуэнцы в марте, с которой началось его последнее заболевание.

Мой перевод введения к английскому изданию «Социализм утопический и социализм научный»¹ закончен; как только книга выйдет (почему она еще не вышла — мне неясно), я пошлю тебе это введение для «Neue Zeit». Пока что посылаю итальянский перевод этой книги, второе издание, напечатанное в Милане.

Здесь изобилие всяких конгрессов. Тусси и Эвелинг приехали в четверг с конгресса рабочих газовых заводов в Плимуте. Там они преподавали великолепный пример тред-юнионистам старой школы. Один *либеральный* кандидат, пожертвовавший 10 фунтов стерлингов на стачку рабочих газовых заводов, вернее одной из их фабричных секций, потребовал, чтобы его на этом основании допустили на конгресс в качестве почетного гостя, что раньше обычно разрешалось. Но рабочие газовых заводов ответили отказом: мы не имеем ничего общего с буржуазными кандидатами, и этому господину нет места на нашем конгрессе.

Затем здесь заседают горняки. Третьего дня у меня были немецкие делегаты, и среди них один český tovaryš². Как на зло, здесь не было Тусси для перевода и консультации. Для тебя будет достаточно, если я скажу, что эти люди попали в руки Юлиуса, который перепутал все, что относится к английским и французским делам, не знает ни местных условий, ни людей, но должен был

¹ Под таким заглавием была опубликована на английском языке работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

² Чешск. — чешский товарищ.

делать вид, будто знает и понимает все, и потому всячески старался изолировать этих людей. Кроме того, у них был еще англазированный немец, который не знает ни того, ни другого языка и интригует со старыми тред-юнионами. К счастью, Эвелинги успели еще к последнему и самому важному дню. Англичане публично осрамлились: континентальные делегаты требуют 8-часового рабочего дня для всех горнорабочих, а англичане — только для тех, кто работает под землей! Это теперь ясно для всех, и англичане сами же положили конец хвастовству о превосходстве своих тред-юнионов.

Сердечный привет.

Твой *Генерал*.

40.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 16 июня 1892 г.

Дорогой г. Шорлеммер,

Ваше письмо от 7-го сего месяца получил. Гумперт также сообщил мне 9-го, что он получил от Вас несколько строк. О Карле он пишет: «Он попрежнему не испытывает никаких болей, ест достаточно и спит в общем хорошо. За последние дни он очень апатичен и сразу же забывает о только что происшедшем». В остальном — без перемен. Так как я с тех пор ничего не получал от Гумперта, то могу быть уверен в том, что никаких существенных изменений не произошло; я хотел только написать Вам эти несколько строк, чтобы успокоить Вас.

Сердечный привет Вам и всей Вашей семье также и от г-жи Каутской.

Ваш *Ф. Энгельс*.

41.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 18 июня 1892 г.

Милостивый государь,

Я должен поблагодарить Вас за Ваши очень интересные письма от 24 марта, 30 апреля и 18 мая и извиниться за то, что не ответил на них раньше. Но я был до такой степени занят, что не мог уделить ни одной минуты даже III тому, — надеюсь, однако, вернуться к нему на будущей неделе.

Я убежден, что мы с Вами действительно совершенно согласны как относительно фактов, выражающих современное экономическое состояние Вашей страны, так и относительно их значения. Только

Вы, повидимому, истолковали некоторые *иронические* выражения в моем последнем письме так, как будто они были сказаны всерьез, — в частности то, что я писал о некоторых вещах, служащих в конце концов делу человеческого прогресса. Ведь действительно, нет ни одного факта в истории, который в конечном итоге не служил бы тем или иным путем делу человеческого прогресса, но это бывает очень долгий и окольный путь. И так, может быть, обстоит и с нынешним экономическим преобразованием вашей страны.

Я особенно хотел подчеркнуть тот факт, что прошлогодний *неурожай* — употребляя официальное выражение — вовсе не изолированное и случайное явление, а неизбежное следствие всего развития России после окончания Крымской войны; что это результат перехода от общинного земледелия и патриархальной домашней промышленности к современной промышленности; и что, по моему мнению, это преобразование со временем поставит под угрозу существование земледельческой *общины* и введет капиталистическую систему также и в сельское хозяйство.

Из Ваших писем я заключаю, что относительно самих этих фактов Вы согласны со мною; что же касается вопроса — нравятся нам эти факты или нет, — это другое дело; но нравятся они нам или нет, эти факты все равно будут продолжать существовать. И чем больше мы отрешимся от своих чувств приязни и неприязни, тем лучше сможем судить о самих фактах и их последствиях.

Не подлежит сомнению, что нынешний внезапный рост современной *«крупной промышленности»* в России был вызван искусственными средствами — запретительными пошлинами, правительственными субсидиями и т. п. То же самое имело место во Франции, где запретительная система действовала уже со времен Кольбера, в Испании, в Италии, а с 1878 г. даже в Германии, хотя эта страна почти уже завершила свой промышленный переворот, когда в 1878 г. ввела у себя покровительственные пошлины, чтобы дать возможность капиталистам принудить отечественных потребителей платить им за товары такие высокие цены, которые позволили бы им продавать эти же товары за границей дешевле себестоимости. И Америка поступила точно так же, чтобы сократить тот период, в течение которого американские промышленники не будут еще в состоянии на равных условиях соперничать с Англией. Что Америка, Франция, Германия и даже Австрия смогут со временем достигнуть такого положения, при котором они окажутся способными успешно бороться с конкуренцией Англии на открытом мировом

рынке — по крайней мере в отношении некоторых важных товаров, — в этом я не сомневаюсь. И теперь уже Франция, Америка и Германия сломали в известной мере промышленную монополию Англии, и это ощущается здесь очень сильно. Но сможет ли Россия достигнуть такого же положения? Относительно этого у меня есть сомнения, так как Россия, подобно Италии, страдает от недостатка каменного угля в наиболее благоприятных для промышленности местностях, и, кроме того, как Вы сами превосходно показали это в своем письме от 12(24) марта, ей приходится иметь дело с совершенно иными историческими условиями. Но тут перед нами возникает другой вопрос: могла ли Россия в 1890 г. существовать и удерживать независимое положение в мире как чисто сельскохозяйственная страна, живущая исключительно вывозом зерна и покупающая за него заграничные продукты промышленности? Я думаю, что мы с уверенностью можем ответить — *нет*. Стомиллионная нация, играющая важную роль в мировой истории, не могла бы при современных экономических и промышленных условиях продолжать оставаться в том состоянии, в каком Россия находилась вплоть до Крымской войны. Введение паровых двигателей и машин, попытки изготовлять текстильные и металлические изделия при помощи новейших средств производства, хотя бы только для отечественного потребления, *должны* были иметь место раньше или позже, но во всяком случае в *какой-либо* момент между 1856 и 1880 годами. Если бы это не произошло, ваша отечественная патриархальная промышленность все равно была бы разрушена конкуренцией английского машинного производства, и в результате получилась бы Индия — страна, экономически подчиненная великой центральной фабрике — Англии. И даже Индия выставила покровительственные пошлины против английских хлопчатобумажных товаров; что же касается остальных британских колоний, как только они добивались самоуправления, так немедленно же ограждали пошлинами свои местные мануфактуры от подавляющей конкуренции метрополии. Английские писатели, ослепленные отечественными интересами, никак не возьмут в толк, почему подаваемый Англией пример свободы торговли повсюду отвергается и вызывает в ответ установление покровительственных пошлин. Конечно, они просто не *осмеливаются* видеть, что эта, ныне почти всеобщая, покровительственная система является более или менее разумным, а в иных случаях и совершенно нелепым, средством самозащиты против этой самой английской свободы торговли, которая подняла английскую промышленную монополию до ее наибольшей высоты. (Это средство нелепо, например,

в Германии, которая стала крупной промышленной страной при свободе торговли и где протекционизм распространен теперь на сельскохозяйственные продукты и сырье, что увеличивает издержки промышленного производства!) Я рассматриваю этот всеобщий поворот к покровительственной системе не как простую случайность, а как реакцию против нестерпимой промышленной монополии Англии. *Форма* этой реакции, как я сказал, может быть неадекватной и даже хуже, но историческая необходимость такой реакции кажется мне вполне ясной и очевидной.

Все правительства, даже самые абсолютистские, в *конечном счете* только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они делают свое дело по-разному — хорошо, плохо или посредственно; ускоряют или замедляют экономическое развитие с вытекающими из него политическими и юридическими следствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием. Были ли те средства, с помощью которых осуществилась промышленная революция в России, наилучшими для данной цели, это особый вопрос, обсуждение которого завело бы нас слишком далеко. Для *моей* цели достаточно будет, если я смогу доказать, что эта промышленная революция была сама по себе неизбежна.

То, что Вы говорите о неизбежных спутниках таких потрясающих экономических перемен, вполне правильно, но это относится в большей или меньшей мере ко всем странам, которые прошли или проходят через этот процесс. Истощение почвы — *смотри* Америку; обезлесение страны — *смотри* Англию, Францию, а в настоящий момент также Германию и Америку; изменение климата, обмеление рек, вероятно, сильнее в России, чем где-либо, вследствие равнинного характера страны, снабжающей водой эти огромные реки, и вследствие отсутствия альпийских вечных снегов, подобных тем, которые питают Рейн, Дунай, Рону и По. Ломка старых условий сельского хозяйства, постепенный переход к капиталистической обработке обширных ферм, все это — процессы, которые завершились уже в Англии и в Восточной Германии и в настоящее время протекают повсюду в других местах. И мне кажется очевидным, что «крупная промышленность в России убьет земельную общину», если только не произойдут иные великие перемены, которые помогут сохранить эту *общину*. Вопрос в том, есть ли еще время для такой перемены в общественном мнении России, которая сделала бы возможным привить *общине* современную промышленность и современное земледелие и в то же время видоизменить ее так, чтобы

Она могла стать подходящим и удобным орудием для организации этого современного производства и для его преобразования из капиталистической формы в социалистическую? Согласитесь, что для того, чтобы можно было хотя бы только подумать о такой перемене, должен сперва произойти громадный прогресс в общественном мнении вашей страны. Успеет ли это произойти прежде, чем капиталистическое производство вместе с последствиями нынешнего кризиса подорвет общину слишком глубоко? Я ничуть не сомневаюсь в том, что во многих округах община оправилась от удара, полученного ею в 1861 г. (как это описано у В. В. ¹). Но сможет ли она выдержать непрерывные удары, которые наносит ей промышленный переворот, неудержимо развивающийся капитализм, разрушение домашней промышленности, отсутствие общинных прав на пастбища и леса, переход натурального крестьянского хозяйства в денежное, рост богатства и власти кулаков и мироедов?

Я должен еще поблагодарить Вас за книги, которые Вы так любезно мне прислали, в особенности за Каблукова и Карышева. В настоящее время я до такой степени завален работой, что в течение шести месяцев не имел возможности прочесть целиком ни одной книги ни на каком языке; я отложил Ваши книги до своего летнего отдыха в августе. То, что Вы пишете о Каблукове, кажется мне совершенно правильным, насколько я могу судить, не прочитав самой книги. Сельскохозяйственный рабочий, не имеющий ни собственной, ни арендованной земли, находит занятие только на известную часть года, и если ему платят только *за эту работу*, то он должен голодать во время безработицы, если не найдет другого рода работу на остальную часть года; но современное капиталистическое производство отнимает у него всякую надежду на такую работу. В Западной и Центральной Европе эти трудности разрешаются, насколько возможно, следующим образом: 1) капиталист — фермер или землевладелец — держит часть сельскохозяйственных рабочих круглый год на ферме, кормит их по возможности собственными продуктами фермы, с тем, чтобы тратить возможно меньше наличных денег. Это широко практикуется в северо-восточной Германии и в меньшей степени здесь, в Англии, хотя при здешнем климате многие земледельческие работы возможны в зимнее время. Кроме того, *в капиталистическом фермерском хозяйстве* всегда бывает много работы на ферме даже зимой. 2) То, что еще необходимо сверх этого для поддержания жизни сельскохозяйственного рабочего

¹ В. П. Воронцов.

в течение зимы, но только для поддержания жизни, не больше, довольно часто добывается трудом женщин и детей, работающих в новых отраслях домашней промышленности (см. «Капитал», т. I, гл. 13, разд. 8). Так обстоит дело на юге и западе Англии, а по отношению к мелкому крестьянству — в Ирландии и Германии. Понятно, что в то время, когда происходит переворот, особенно ярко выступают пагубные последствия отрыва земледелия от патриархальной домашней промышленности; именно это имеет место в данное время в вашей стране.

Это письмо становится слишком длинным, чтобы я мог еще вдаваться в подробности Вашего письма от 18 мая, но мне кажется, что и тут приводимые Вами факты свидетельствуют о разорении крестьянства и вместе с тем об истощении почвы, по крайней мере на некоторое время. Я вполне согласен с Вами в том, что оба эти процесса совершаются в настоящее время с возрастающей быстротой. Если теперешняя система будет продолжаться и далее, это приведет к разорению и помещиков и мужиков, и к возникновению нового класса буржуа-землевладельцев. Но есть и другая сторона вопроса, и я боюсь, что Ваш «Вестник Финансов» не видит нужды заниматься ею. Это — состояние государственных финансов. Последний парижский заем (1891 г.) должен был дать 20 миллионов фунтов стерлингов. Заем этот был покрыт подпиской несколько раз, но здесь ходят слухи, что в действительности были выплачены только 12 миллионов, а 8 миллионов так и не дошли до петербургского казначейства. Если это произошло во Франции после Кронштадтских демонстраций, то что же будет, когда начнутся переговоры о заключении следующего займа? А можно ли отложить надолго новый заем после тех страшных жертв, к которым последний **неурожай** принудил государственное казначейство? Окажется ли Вышнеградский вторым Калонном и явится ли после него второй Некер??

Искренне Ваш

П. В. Рошер.

42.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 18 июня 1892 г.

Дорогой Зорге.

Не знаю, подтвердил ли я уже получение твоего письма от 28 апреля с почтовым переводом и открытки от 3 мая. Я был так

завален перепиской и разными другими делами, что несколько выбился из колеи. Деньги благополучно прибыли, и я передал Мендельсону причитающуюся ему половину.

Во второй половине мая у меня гостил Бебель, одновременно с ним был и Зингер, живший у Бернштейнов. Мы отлично провели время и обсудили все, что надо было обсудить в отношении немецкого движения. С Бебелем я лажу великолепно. Мы почти во всем придерживаемся одинаковых взглядов или легко приходим к соглашению уже в течение ряда лет, и это — благодаря его ясному, не только правильно воспринимающему факты, но и теоретически замечательно развитому уму — ни разу не составило для меня затруднения. У Зингера большая практическая сметка и сноровка в более узкой области; когда он выходит за ее пределы, он может, правда, наделать промахов, но тут он беспрекословно подчиняется указаниям Бебеля, превосходство которого он сам открыто признает. Оба они не только поняли, но и убедились на практике, что Либкнехт совершенно выдохся и положительно стал помехой для партии. Он уже много лет не движется вперед, в то время как партия и теоретически чрезвычайно выросла, как это показывает вся партийная литература (даже небольшие газеты, которым я просто изумился). Я знал это давно, но что было делать? После отмены закона против социалистов Либкнехт *был* абсолютно неизбежным редактором «Vorwärts», который сейчас редактируется им отвратительно. Беда в том, что Либкнехта нельзя устранить, не причинив еще большего вреда, чем он приносит теперь. Я посоветовал им под благовидным предлогом перевести его на пенсию, но он этому противится, не говоря о прочих трудностях. Пока что приходится предоставить вещи их течению; к счастью, у партии теперь такая широкая спина, что она многое вынесет, и в конце концов из всякого положения тот или иной выход найдется.

Все это, разумеется, *сугубо между нами*, написано только для тебя. Как далеко, однако, зашло дело, можешь судить по тому, что Либкнехт во всех членах Правления партии видит врагов, интригующих против него, за исключением, пожалуй, Зингера, который, впрочем, понимает положение так же ясно, как и все остальные. Мне было больно за Либкнехта, но я давно уже это предвидел, и все дело в том, что он сам запутался. Все готовы облегчить ему путь к отступлению, и надо надеяться, что он, наконец, и сам это поймет.

Делегаты немецких и австрийских горняков на здешнем международном конгрессе были у меня несколько раз: два вестфальца,

рейнский рабочий из Саарской области, саксонец и чех. Это, по большей части, славные, дельные люди; Зигель, который работает сейчас в Шотландии, тоже был очень дельный парень. Горняки для нас блестящее пополнение; это — все сплошь крепкие ребята, большей частью испытанные бойцы и избиратели. Помехой являются многочисленные переселившиеся в их края силезские и прочие поляки (в Дортмундском округе — 22 000 человек, в Эссенском — от 16 до 18 000), все — ярые католики и непроходимо ограничены; но это зло преходящее, со временем и они будут вовлечены в движение и станут тогда главным элементом брожения в Верхней Силезии. Познани и Западной Пруссии.

С нетерпением жду подробностей о торговле голосами в связи с вашими президентскими выборами; мне раньше не удавалось проследить за тем, как это стряпается, на этот раз я наблюдаю внимательно. Достаточно один раз исследовать это в деталях, и дальше все станет понятным.

По поводу твоего дела¹ я Дитцу еще не писал, потому что, во-первых, твои статьи еще не готовы; во-вторых, мне пришлось переписываться с ним по поводу предстоящего у него в ближайшее время выхода нового издания «Положения рабочего класса в Англии», и я не хотел путать два дела; в-третьих, Бебель сказал мне, что для него, Дитца, перепечатка из «Neue Zeit» по большей части не особенно выгодна; в-четвертых, вполне возможно, что я в августе лично увижусь с Дитцем и Бебелем в Штутгарте. Я, однако, уверен, что твою работу охотно перепечатают, в особенности, если ты добавишь новый материал и этим расширишь ее на треть или наполовину. Если я с Дитцем не сговорюсь (хотя я убежден в обратном), твою работу возьмет берлинское издательство «Vorwärts». На мой взгляд ее следовало бы расширить, пополнив фактическим материалом, причем в *книге* ты мог бы говорить о глупостях немецких социал-демократов свободнее, чем ты счел это целесообразным в «Neue Zeit».

Очень рад, что твоя жена поправляется. И здесь зима натворила немало бед, особенно по части инфлюэнцы. Наш друг Шорлеммер так и не оправился после своего заболевания, теперь у него рак легкого, так что он уже едва ли встанет. Когда я посетил его две недели тому назад, бедняга лежал в постели, все более теряя физические и умственные силы. К счастью, все это протекает

¹ Издание отдельной книгой статей Ф.-А. Зорге об американском рабочем движении, опубликованных в «Neue Zeit».

безболезненно, и будем надеяться, что это так протянется до его скорого и, к сожалению, неизбежного конца.

Сердечный привет тебе и твоей жене от Луизы и твоего

Ф. Энгельса.

Флоренс Келли-Вишневецкая писала мне несколько раз.

43.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 20 июня 1892 г.

Дорогой Август,

Прилагаю «Еврейские ружья»¹ в закрытом конверте, так как бандеролью ее могли бы конфисковать.

С Шорлеммером все попрежнему. Я нашел его слабым, апатичным, сознание слегка затуманено, но болей нет. Гумперт пишет, что опухоль в легком медленно, но неуклонно растет; в той же мере (вследствие давления на крупные сосуды, подающие кровь верхней части тела) все больше нарушается мозговая деятельность, слабеет память и усиливается апатия. Но он все еще принимает пищу в достаточном количестве. Так может тянуться еще некоторое время, если не произойдет каких-либо случайностей.

Тебя не должно удивлять, что Варкен все еще держится в *Саарской области*, раз Шредер может держаться в *Рурской*. Я написал Зигелю несколько строк и сообщил ему то, что тебе говорил Бунте об его бегстве. Это письмо Зигель переслал Шредеру, приложив к нему свое очень искреннее письмо, в котором писал, что Бунте будто был уличен в растрате; Шредер дал мне прочесть оба письма, Зигеля и мое. Правду ли он сообщает о Бунте, не знаю. Из этого во всяком случае ты видишь, что Шредер еще очень прочно сидит в седле. В таком молодом движении, как горняцкое, всегда надо как следует взвесить, не лучше ли в течение некоторого времени предоставить таким ненадежным молодчикам, как Шредер и Варкен, самим скомпрометировать себя, во всяком случае до тех пор, пока против них не накопится определенных и осязательных фактов. И, наконец, ведь это старая история: там, где движение впервые возникает, первые вожаки, пролезающие вперед, довольно часто оказываются карьеристами и негодьями.

¹ Брошюра Г. Альвардта «Новые разоблачения. Еврейские ружья» вышла в Дрездене в 1892 г. и была конфискована.

Бакс теперь, до конца июля, редактор «Justice», и газета стала приличней; вчера она в приличном тоне сообщила о речах Эвелинга в Эбердине и высказалась против личных дрызг (стало быть, косвенно против Гайндмана). Бакс вчера немедленно же явился сюда за одобрением, что Ведьма со своим тонким чутьем предсказала, как только взяла в руки газету. Куда, собственно, гнет Гайндман, мне еще не совсем ясно. Всего вероятнее, он видит, что провалился со своей прежней политикой и должен сделать поворот. Его газета приносит лишь убытки, его Социал-демократическая федерация далеко не принимает в общем росте здешнего движения того участия, которое могло бы ей дать право занять руководящую роль, его соперничество с фабианцами также не имеет успеха, — наоборот, его заграничные союзники Брусс и Гиллес посадили его в лужу и затем покинули его. Одним словом, весьма возможно, что он счел за благо переменить политику и хотел бы сблизиться с нами. Это было бы совсем неприятно, ибо, как я при случае говорил каждому, Гайндман мне больше нравится в роли врага (когда он сравнительно бессилен), чем в роли друга (за которым пришлось бы непрерывно следить, тратя на это много времени). На этот путь Гайндмана могла также толкнуть потеря всяких шансов быть избранным в Челси, где он хотел вытеснить сэра Ч. Дилка, но где на выборах в Совет графства выдвинутый им для пробы кандидат Герлет получил только 153 голоса, и где он сам с той поры потерял всякую надежду на успех. Во всяком случае, ему трудно будет в августе возобновить прежний тон, так открыто осужденный Баксом в той же газете, а если он захочет успешно конкурировать с фабианцами, то он и этого не сможет сделать. Ну, посмотрим.

У нас уже избирательная кампания в полном разгаре, и тори и либерал-юнионисты направо и налево предлагают деньги, желая оплатить рабочих кандидатов, которые бы отняли голоса у либералов. Чемпион — один из главных агентов тори по этим делам — предлагал Эвелингу средства, чтобы выставить свою кандидатуру в Нортгемптоне против Лабушера, но Эвелинг, разумеется, отказался. Среди рабочих лидеров эти денежные приманки вызывают сильнейшее возбуждение, и эти молодцы, надеющиеся кое-что урвать, выбиваются из сил, доказывая своей совести, что все же возможен и честный способ принять не краснея деньги тори; большинство, правда, краснеет из опасения, что эти деньги в конце концов могут принести им самим больше вреда, чем пользы. Когда знаешь, как глубоко вся здешняя политическая жизнь пронизана парламентской коррупцией, то можно только удивляться, что люди еще сохранили хоть этот минимум стыдливости.

Несомненно, у Герлахерлизель много родственного с Ведьмой, но Ведьма мне все же милей. Конечно, Анценгрубер местами идеализирует своих австрийских крестьян, и фон, на котором разыгрываются его превосходные сценки, сильно ограничен, но все же, читая его, делается больно за то, что этот чудесный народ отделен от остальной Германии, с которой, однако, его воссоединение возможно только, когда мы придем к власти.

Мне бы очень хотелось написать несколько строк бухгалтеру без оклада — г-же Юлии, чтобы отблагодарить ее за последние письма, которые, к сожалению, остаются пока без ответа, но я по уши увяз в работе. Мне нужно написать еще два длинных и довольно щекотливых письма и затем надо, наконец, опять взяться за III том. Поэтому приходится откладывать в сторону всю ту корреспонденцию, которая доставляет мне только удовольствие, и ограничиться деловой. Будь поэтому моим заступником перед твоей женой, пусть она не очень на меня сердится. Я это искуплю, может быть, даже до приезда в Берлин, или уж когда буду там; я буду так рад с ней познакомиться! Знаю наперед, что мы прекрасно сойдемся.

Итак, сердечный привет ей и тебе от нас обоих.

Твой старый *Генерал*.

44.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 25 июня 1892 г.

Дорогой Барон,

Ты меня не понял, если думаешь, что в вопросе о перемене фамилии я считал бы согласие Луизы на твое предложение — жертвой с ее стороны. Я хотел только дать тебе понять, что при данных обстоятельствах, по моему мнению, подобное требование не должно было бы исходить *от тебя*. Ведь Луиза, действительно, сделала для тебя больше, чем можно было от нее требовать, и, кроме того, она приняла здесь тебя так, как ты, видимо, сам не ожидал, и благодаря этому вы оба чувствовали себя друг с другом, а также и со всеми нами, непринужденно и свободно. Зачем же тебе понадобилось из-за такого пустяка снова ворошить эту старую историю? Положение разведенной жены в обществе и без того достаточно тяжело, так как по теперешним понятиям, для того чтобы реабилитировать себя перед всем светом, ей нужно еще представить доказательства того, что не *она* «виновная сторона». Неужели ты не понимаешь, что разведенную жену должно глубоко оскорбить, если ее разведенный муж *требует*

от нее, чтобы она не носила в обществе свою законную фамилию, а приняла бы другую, которую к тому же он же ей произвольно навязывает?

Об обычаях, которыми, по-твоему, руководствуются разведенные жены, мне ничего не известно. Знаю только, что Иоганна Моккель, впоследствии Кинкель, которая была замужем за Матье и развелась с ним, после своего развода и до своей свадьбы с Кинкелем была вообще известна только как И. Матье, также и по своим опубликованным песням и т. п.

Что же касается Шак, то она просто воспользовалась аристократической привилегией, которую ей дает прусское гражданское право: часть II, отдел 1, § 740: «Если она (разведенная жена) не признана виновной стороной, то она может вернуться в то более высокое сословие, к которому она принадлежала до брака». И § 741: «Как правило, жена, в особенности в случае, предусмотренном в § 740, имеет право выбирать, принять ли ей свою прежнюю девичью, или вдовью фамилию». Даже если бы Шак приняла швейцарское подданство или оставила его, то в Пруссии она могла бы воспользоваться этим правом, а за пределами Пруссии ссылаться на него.

Вишневецкая *никогда* не отказывалась от своей фамилии Келли, и если теперь она откажется от фамилии — Вишневецкая, то она может это сделать, так как в Америке основой является английское обычное право, согласно которому, как говорит Сэм Мур, фамилией человека признается та фамилия, под которой он известен, и он может ее менять по своему желанию.

Итак, к Луизе все это совсем неприменимо, поскольку она связана с австрийским полицейским государством, которое не разрешает ей носить никакой другой фамилии, кроме твоей.

Почему же Луиза непременно должна в угоду тебе официально носить не свою законную фамилию, а какую-то иную? Неужели каждая женщина, выступающая публично под фамилией Каутская, должна быть твоей женой? И так как миру неизвестно имя твоей теперешней жены, то не должна ли была бы также и твоя мать найти себе какую-то новую, особую фамилию, чтобы ее не принимали за твою жену? Мир делится на две части: на тех, кто знает твою жену, и на тех, кто ее не знает. Первые *знают*, что Луиза Каутская из Лондона, Луиза Каутская из «Arbeiter-Zeitung» и «Arbeiterinnen-Zeitung» не твоя жена. А для остальных то изменение фамилии, которое ты предлагаешь, абсолютно ничего не разъяснит, так как они не могут знать, какая девичья фамилия была у твоей жены.

Я передал Луизе, что ты считаешь это дело исчерпанным: Боюсь, что для нее это не так; боюсь, что, подняв эту историю, ты пробудил в ней столько воспоминаний, что снова забыть это не так-то легко. Своим требованием ты глубоко оскорбил Луизу, я боюсь, настолько глубоко, что ты уже не в силах будешь это исправить. Она все время переживает это молча, теперь она хочет сама тебе написать.

Зонненшейн хочет отложить английское издание «Развития»¹ до окончания выборов. К тому же сейчас здесь неблагоприятный мертвый сезон, и потому до конца сентября ничего не выйдет. Я поэтому снова напишу Зонненшейну, чтобы получить от него *точные* сведения, затем пошлю тебе рукопись, которую ты сможешь тем временем отдать в набор, но *не опубликовывать* раньше того срока, который тебе будет указан.

О бедном Шорлеммере я больше ничего не слышал, следовательно никакого значительного улучшения не наступило.

Очень благодарен тебе за сообщение по делу Зорге — Дитца. Для меня это было важно, так как Зорге мне не написал, насколько далеко зашли переговоры, которые ты вел, а мне это необходимо было знать, прежде чем самому начать действовать. Дитц добывается исключительно массового сбыта. Если он хочет, чтобы у него издавалась литература по *научному* социализму, то ему следует открыть отдел, где было бы место книгам, которые расходятся медленнее. Иначе придется искать другого издателя. Подлинно научная литература не может расходиться в десятках тысяч, и *издатель* должен это учесть.

На выборах здесь пока еще царит величайшая неразбериха. Но *первый* урок от рабочих либералы все же получают.

Твой Генерал.

45.

Карлу Каутскому

в Штутгарте.

Лондон, 27 июня 1892 г.

Наш славный Шорлеммер тихо скончался сегодня утром. Завтра выезжаю туда.

Некролог появится в «Vorwärts».

Твой Ф. Э.

¹ Английское издание книги Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

46.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Манчестер, 30 июня 1892 г.

Дорогой г. Шорлеммер,

Вы уже получили от Гумперта первое известие о смерти Карла, последовавшей 27-го сего месяца. Я приехал сюда вчера и узнал, что по желанию врачей было произведено вскрытие, результат которого полностью подтвердил поставленный ранее диагноз: рак правого легкого. По желанию профессоров, которые вместе со студентами хотят принять участие в похоронах, но заняты в четверг серьезным экзаменом, похороны состоятся только в пятницу, в половине двенадцатого дня. Гумперт уже заказал венок согласно Вашей телеграфной просьбе. На ленте будет надпись: «Нашему дорогому Карлу — мать, братья и сестры».

Я возложу также венок от имени Правления Социал-демократической партии Германии.

Сегодня, во второй половине дня, я привел в некоторый порядок деловые бумаги, так что смогу обсудить с душеприказчиками самое необходимое. Рукописи я также, насколько возможно, привел в порядок; их довольно много, но кое-что, вероятно, уже напечатано.

Карла я больше не видел; когда я пришел сегодня утром, гроб был уже закрыт.

В одном отношении вы все можете быть совершенно спокойны: лучшего ухода, чем тот, которым он пользовался, он нигде не мог бы найти, а более легкое течение болезни и более тихая кончина едва ли возможны. Нам остается только высоко чтить его память в наших сердцах и перед всем миром. Я завтра пошлю некролог в «Vorwärts»¹. Очень хороший некролог в «Manchester Guardian», посланный Вам Гумпертом, написан д-ром Шустером, одним из учеников Карла, ставшим затем его коллегой в качестве профессора физики.

Пока желаю Вам всего лучшего. В пятницу Вы мысленно будете с нами, и я тоже буду, конечно, помнить о его матери, братьях и сестрах. Наша общая потеря очень тяжела, но вот уже несколько

¹ Некролог К. Шорлеммера, написанный Энгельсом. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 310—312.

месяцев, как она стала неизбежной. Это должно послужить нам утешением.

Сердечный привет Вашей матери и всем братьям и сестрам.

Ваш Ф. Энгельс.

После похорон я Вам снова напишу.

47.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Манчестер, 1 июля 1892 г.

Дорогой г. Шорлеммер,

Пишу Вам сегодня сразу же после похорон Карла, состоявшихся утром. Процессия была внушительная: впереди ехали экипажи личных друзей, а также душеприказчики, затем д-р Гумперт и владелец дома, где жил Карл, далее следовали профессора Оуэновского колледжа, явившиеся почти в полном составе, в том числе и Роско, за ними много бывших и настоящих учеников Карла. Душеприказчики просили г. Штейнтала, унитарного проповедника (некто, подобное нашей «свободной общине»), руководить похоронами и сказать у гроба несколько слов, и он сделал это вполне удачно — это был хороший знакомый Карла. Если его речь не появится завтра утром в газете, Гумперт пришлет Вам ее в рукописи. Было прислано много очень красивых венков; кроме венков от семьи и от Правления партии в Берлине возложен огромный очень красивый венок с надписью: «Немцы в Манчестере своему знаменитому соотечественнику»: венок от его бывших учеников, от слушателей его последнего курса, от его коллег и т. д.

Когда я приехал, меня спросили, не возражаю ли я против намеченного порядка похорон, в которых сохранялась некоторая видимость церковного обряда. Полагали, что такой образ действий больше всего соответствовал бы намерениям семьи покойного. Не скажу, чтобы этот план мне особенно понравился. Но при сложившихся здесь, в Манчестере, обстоятельствах, мне ничего не оставалось, как только заявить: пусть решают душеприказчики, и если уж необходим обряд в общепринятой форме, то Штейнталь, конечно, подходит лучше всех, и он действительно очень хорошо справился с этой задачей. Если бы я протестовал, то я, возможно, и добился бы чисто гражданских похорон. Но, во-первых, я не знал,

понравится ли это *всем* членам Вашей семьи. Во-вторых, вся ответственность тогда легла бы на меня, *мне* одному пришлось бы говорить, и на первый план выступил бы тогда не химик Шорлеммер, а *социал-демократ*; между тем было лучше не подчеркивать в нем социал-демократа, чтобы химик получил полное признание. Вся английская буржуазная пресса повторяла бы, что я использовал смерть Карла для бесцельной и бесполезной социалистической демонстрации перед публикой, холодно и даже враждебно относящейся ко *мне* и к социализму и вынужденной молчать лишь из уважения к открытой могиле. И если мне претят все, даже самые необходимые, публичные выступления, то мне тем более неприятно было бы превращать похороны дорогого мне друга в вызывающую демонстрацию. Если бы Карл сам распорядился на этот счет в своем завещании, тогда было бы, конечно, другое дело. Но при всем том алые ленты с надписью «От Правления Социал-демократической партии Германии» выглядели достаточно убедительно и, ярко выделяясь на фоне белых цветов и лент других венков, являлись и так дерзким нарушением английских обычаев.

Сегодня я показал одному из душеприказчиков (они оба немцы), г. Филиппу Клепшу, все бумаги; мы еще кое-что привели в порядок и переговорили о самом необходимом, так что я завтра смогу выехать обратно в Лондон.

Завещание должно быть сперва зарегистрировано в суде по делам о наследстве, затем должен быть уплачен налог с наследства, и только тогда можно будет предпринять дальнейшие шаги.

Я сговорился с г. Клепшом, что семейные письма будут Вам возвращены. Если Вы хотите сохранить на память еще что-нибудь, то прошу Вас написать ему:

Ф. Клепшу

по адресу Штадельбауэра и К^о,

Манчестер.

Я также предложил ему отложить для Вас — на тот случай, если Вы пожелаете их иметь, — различные произведения Маркса и мои, которые мы дарили Карлу со своими посвящениями.

О рукописях и издательских договорах — в другой раз.
Сердечный привет Вашей матери и всей семье.

Ваш Ф. Энгельс.

48.

Панажотиусу Аржириадесу

в Париж.

Черновик.

Лондон, начало июля 1892 г.

Дорогой гражданин,
«Almanach de la question sociale» за 1891 и 1892 гг. я получил — очень Вам благодарен.

Вы выражаете желание считать меня в числе своих сотрудников на 1893 г., однако, как я вижу, Вы и без моего ведома уже объявили о моем сотрудничестве на 1892 год. Если в альманахе за 1893 г. я и буду числиться в качестве сотрудника, то боюсь, что это сотрудничество будет точно такое же — невольное. Когда наши австрийские друзья попросили у меня месяц назад статью для своего альманаха, мне пришлось им ответить:

1) что я не могу братья ни за какую новую работу, большую или малую, пока не закончу издание III тома «Капитала» Маркса, которое затянулось на целых десять лет;

2) что сотрудничество в том или ином социалистическом альманахе повлекло бы за собой, если желать быть беспристрастным, сотрудничество в большей части других, — и тогда уж я не был бы хозяином своего времени.

Правда, в прошлом году я сделал исключение для французского «Almanach du parti ouvrier». Но тогда положение было очень серьезно. Это был момент, когда в Кронштадте официальная французская республика склонилась к ногам царя, наследственного главы европейской реакции. Война грозила разразиться, и, по моему мнению, ей помешал только голод в России. В такой критический момент для меня было необходимо, по мере моих сил помешать всякой возможности недоразумения между немецкими и французскими рабочими; я воспользовался представившимся случаем и сказал свое слово. Вот и все.

49.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 5 июля 1892 г.

Дорогой Август,

Ты запрещаешь мне писать тебе, другими словами, я должен отказаться от единственной переписки, которая всегда доставляет мне радость, и засесть за ту, которая наводит на меня тоску. Но этого удовольствия я тебе не доставлю.

И будь я даже таким послушным, то все равно разразился бы по случаю невероятных глупостей «Vorwärts» о *здешних выборах*. Промолчать об этом было бы уж слишком позорно. Газета дошла до того, что превратила южный Паддингтон в *сельский округ* Лондона; южный Паддингтон, расположенный в центре города, немного севернее Гайд-парка и западнее Риджентс-парка, где сельскими только и можно назвать несколько зеленых скверов — таких же сельских, как и Денгоффплац!

Англия, описанная в «Vorwärts», существует только в воображении автора. Мнение, что тори теперь благожелательнее относятся к рабочим, чем либералы, противоположно действительности. Напротив, все манчестерские предрассудки либералов 1850 г. являются теперь символом веры только для тори, а либералы прекрасно знают, что для них встал вопрос об улавливании рабочих голосов, если они хотя бы продолжают существовать как партия. Так как тори — ослы, то могут время от времени под влиянием такого далеко превосходящего их всех человека, вроде Дизраэли, выкинуть смелую штуку, на что либералы неспособны. Но за отсутствием такого человека, у них господствуют ослы, как это наблюдается сейчас. Партия тори уже не состоит только из представителей крупных землевладельцев, как это было до 1850 г.; сыновья Кобденов, Брайтов и т. д., сыновья крупной буржуазии и противников закона о хлебных пошлинах — все они между 1855 и 1870 гг. перешли в лагерь тори, а сила либералов сейчас в той мелкой и средней буржуазии, которая не принадлежит к государственной церкви. А после гладстоновского билля о гомруле 1886 г. последние остатки вигов и *старых* либералов (буржуазии и интеллигенции) перешли в лагерь тори (в качестве либерал-диссидентов или либерал-юнионистов).

Отсюда — необходимость для либералов делать рабочим мнимые или реальные уступки — главным образом, первое. И все же они слишком глупы, чтобы понимать, с чего следует начать, к тому же многие из них чересчур связаны своим прошлым.

Выборы протекают пока что как по нашему заказу. Либералы получают незначительное большинство, во многих округах они даже теряют голоса по сравнению с последними выборами, так что бурный либеральный поток, который должен был затопить Англию, пока не наблюдается. Сегодня — очень важный день, результаты которого станут, вероятно, решающими; если либералы одержат сегодня блестящую победу, это подтолкнет колеблющегося филистера — этой твари весьма и весьма много — на их сторону, и тогда они

окажутся на гребне волны. Что нам требуется, это умеренное либеральное большинство (включая ирландцев), которое поставит Гладстона в зависимость от ирландцев; иначе, если он сможет обойтись без них, то, наверняка, на них наплюет.

Но замечательно то, что в Вест-Хэме, в восточной части Лондона, рабочим кандидатом был Кейр Гарди — один из тех немногих, кто не взял денег от либералов и ничем им не обязан; пока что он единственный превратил консервативное большинство, с перевесом в 300 голосов на последних выборах, в антиконсервативное, с перевесом в 1 200 голосов. И очень хорошо также, что кое-где в других местах — в Эбердине и др. — рабочие кандидаты, выступавшие *против* либералов и консерваторов, собрали до 1 000 голосов. Можно предвидеть в скором будущем появление независимой рабочей партии.

Здесь есть три разновидности рабочих кандидатов:

1) Те, которых оплачивают тори, чтобы отнять голоса у либералов; эти почти все проваливаются и знают это.

2) Те, которые берут деньги у либералов и обязаны нести службу в их рядах. Их кандидатуры обычно выставляются в тех местах, где нет никакой надежды пройти. К их числу относятся также те люди, которые по самой своей природе либералы, например кандидаты горнорабочих.

3) Настоящие рабочие кандидаты, которые действуют самостоятельно и не задумываются над тем, выступать ли им против либералов или против тори. Из их числа либералы признают только тех, кого *вынуждены* признать (Кейр Гарди и Бернс), и выступают против остальных. В Шотландии таких кандидатов *много*. Каковы их шансы — сказать трудно.

Будь здоров. Сердечный привет твоей жене.

Твой старый Ф. Э.

50.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 5 июля 1892 г.

Дорогой Барон,

Я вернулся из Манчестера в субботу; в пятницу хоронили Шорлеммера. Если ты хочешь некролог для «Neue Zeit», то прежде всего нужно найти химика, который бы популярно изложил его открытия и его заслуги перед наукой. Это было бы, конечно, очень

хорошо, но для этого требуется человек, знающий историю органической химии 50-х и 60-х годов.

Разумеется, я должен держать перед тобой ответ в том, как Луиза узнала о предложении, которое ты собирался сделать. Получив твое письмо от 13 мая, хотя я и был заранее того мнения, что у Луизы нет оснований соглашаться с тобой, я все же счел нужным заговорить с ней об этом. Я сделал это так, *nota bene*, как будто это *мне* пришло в голову: не считает ли она желательным во избежание путаницы дополнительно указывать и свою девичью фамилию, как это часто делают оба супруга в западной Германии и Швейцарии. Она посмотрела на меня вопросительно, потом ответила: не беспокойся, я знаю, в чем тут дело, это исходит от Карла, а его настроила его мать. Ее невозможно было разубедить. Более того, через некоторое время она рассказала об этом Гине как об установленном факте, и Гина тогда сказала ей — без всякой задней мысли и совершенно естественно, что при данных обстоятельствах само собой разумелось, — что ты написал об этом и Эде, после чего они обсудили этот вопрос вместе.

Когда же Луиза начала упрекать меня, мне почти ничего другого не оставалось, как прочитать ей соответствующее место из твоего письма от 13 мая; это, по крайней мере, сразу положило конец всем дальнейшим догадкам и соображениям, а потому могло подействовать только успокаивающе. К тому же, мне казалось, что это место нарочно так написано, чтобы я мог в случае необходимости прочитать его Луизе.

Таков был ход дела. Но никак не скажу, чтобы я был им очень недоволен. Ибо после того, как ты поручил мне посоветоваться с Гусси и одновременно написал об этом Эде, было ясно одно: если четыре человека, которые почти каждый день встречаются с Луизой, знали об этом деле, едва ли могло пройти много времени без того, чтобы кто-нибудь из них не проболтался в присутствии Луизы, а это было бы в десять раз хуже; она бы сказала: так-то вы распоряжаетесь за моей спиной делами, которые касаются меня одной, и т. д.

Разумеется, Луиза прочитала мне письмо, которое она написала тебе, т. е. черновик его, после того как письмо ушло. Письмо это лишний раз доказывает, что третьи лица никогда не должны вмешиваться в отношения настоящих или бывших супругов, так как никогда не знают всего, что между ними происходило. Так, например, только из письма Луизы я узнал, что уже тогда, когда развод только намечался, вы между собой обсудили и решили,

какую фамилию будет носить Луиза. Если это верно, а сомневаться нет оснований, то мне очень жаль, что я не знал этого раньше. Я бы тогда немедленно и ни с кем не советуясь, попросил бы тебя ради всего на свете прекратить дело.

Ты видишь, что Луиза написала письмо совершенно самостоятельно. Ты достаточно знаешь ее независимый характер, чтобы не сомневаться в этом и без особых заверений с моей стороны. Не мое дело судить об этом письме, да я и не считаю себя компетентным, — это личное дело разведенных супругов; одно только могу сказать: поскольку меня касается, то, что произошло, не отразится ни на моих отношениях к Луизе, ни на моих отношениях к тебе.

Немецкое введение¹ я пошлю тебе сегодня *заказной* бандеролью. Зонненшейн хочет выпустить книгу только в сентябре, поэтому прошу не печатать эту вещь в «*Neue Zeit*» до 1 сентября, после этого срока мне будет безразлично, — довольно я дожидаясь этого дурака. К сожалению, немецкий текст — это перевод; по-английски оно написано гораздо свободнее и больше тебе понравится.

Очень благодарен за сообщение по делу Зорге. Будет сделано, как только немного освобожусь.

Выборы здесь проходят пока великолепно. Либералы побеждают, но если дело и дальше пойдет так, как сегодня, то это будет с *незначительным* большинством, и они попрежнему будут зависеть от ирландцев, а это хорошо, ибо в противном случае Гладстон опять надует ирландцев, и ирландский вопрос никогда не будет разрешен. Вчерашние голосования показывают переход большинства к либералам, но нет и следа той мощной, всепоглощающей либеральной волны, на которую рассчитывали приверженцы Гладстона. Зато либералам уже досталось от только еще возникающей рабочей партии. *Единственный* кандидат, добившийся огромного большинства в свою пользу, это Кейр Гарди в южной части Вест-Хэма, один из немногих рабочих кандидатов, который *не брал* денег от либералов и не связал себя никакими обязательствами по отношению к ним. В других же местах кандидаты рабочих, поскольку они конкурировали с либералами, отняли у последних много голосов и, во всяком случае, сделали им предупреждение на будущие времена. Надо надеяться, что это последняя избирательная кампа-

¹ Речь идет о введении к английскому изданию работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

ния, в которой борьба происходит *только* между двумя официальными партиями; в следующий раз рабочие сыграют в этой борьбе совсем иную роль.

Твой Генерал.

51.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 6 июля 1892 г.

Дорогой Август,

Как видишь, я уже снова пишу. К некрологу о Шорлеммере для «Vorwärts» я приложил записку с просьбой прислать мне 12 экземпляров отиска — только той страницы, где напечатан некролог, а не всякие там прочие приложения. Это мне нужно для некоторых лиц в Манчестере и для здешних крупнейших химиков, чтобы они знали, чьим духовным детищем был Шорлеммер вне пределов химии. Я, конечно, не получил *решительно ничего*. Не скажешь ли ты им — записку они, вероятно, проглядели, — что это имеет большое значение для партии? Пусть они пришлют мне это пока не поздно, пока интересами здешней публики не завладели другие дела.

Здешние выборы принесли сегодня либералам разочарование. До сих пор они выиграли 9 мест, т. е. правительственное большинство упало с 68 до 50 (68 — 9 = тори; 0 + 9 = либералы; 59 — 9 = 50 при голосовании). За вчерашний день они не выиграли ни одного места, но при приросте в 25 голосов 50 — 25 нейтрализуются + 25, и было бы прямо великолепно, если бы ни правой, ни левой не удалось образовать настоящего большинства. Но незначительного большинства либералы все же добьются, а это тоже неплохо.

Ваш бисмарковский конфликт с каждым днем разгорается. Этот человек, повидимому, окончательно помешался; судя по сегодняшним телеграммам, он хочет решительным образом разделаться с Каприви. И это может обернуться очень хорошо. Только бы наши газеты не твердили все время, что это собственно дело для уголовного суда! Неужели и мы должны во что бы то ни стало выступать так же бюрократически, так же по-полицейски и по-прокурорски, как и наши противники? Неужели мы не можем позволить старому ослу Бисмарку, который трещит по всем швам, скомпрометировать себя сколько его душе угодно? И разве трех дней тюрьмы не было бы достаточно, чтобы превратить его в мученика? Даже не верится, насколько прусский дух крепко засел у людей в крови.

«Vorwärts» просто рехнулся. Сегодня он пишет: Англия, Уэльс, Шотландия, Ирландия, колонии и Индия — все это вместе

называется Великобританией! Но ведь под этим названием подразумеваются только Англия, Уэльс и Шотландия, *даже не Ирландия* (официальный титул такой: Соединенное королевство Великобритании и Ирландии), не говоря уже о прочем! Неужели им непременно нужно выставить себя и нас на посмешище перед всем миром?

Ведьма внизу созерцает младенца нашей бывшей служанки и так им поглощена вот уже в течение двух часов, что я не могу ее дозваться, чтобы приписать тебе привет. Итак, я вынужден отправить тебе и г-же Юлии свой сердечный привет в полном одиночестве, если только Ведьма не появится в последнюю минуту перед закрытием почты.

Твой старый Ф. Э.

52.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 7 июля 1892 г.

Дорогой Август,

Вот что получается, когда ты запрещаешь мне с тобой переписываться. Я снова пишу тебе. Сегодня утром прибыли экземпляры «Vorwärts» с некрологом, так что с этой стороны все в порядке.

Выборы проходят великолепно.

1) Успехи либералов так незначительны, до такой степени уравниваются успехами противника или другими убедительными симптомами (перевес голосов в их пользу становится все меньше, часто почти сходит на нет и т. п.), что в будущем парламенте у Гладстона будет в лучшем случае *незначительное* большинство, а может быть его вовсе и не будет ни у Гладстона, ни у тори (т. е., практически, вообще не будет большинства). Это означает роспуск парламента в ближайшем будущем и новые выборы, а также и *подготовку к ним* посредством законов, сулящих либералам увеличение числа голосов, а этими голосами могут быть только новые рабочие голоса. И даже если тори останутся у власти — что едва ли возможно, — они должны будут попытаться укрепить свои позиции привлечением новых голосов, а искать их они смогут опять-таки только среди рабочих. Итак, можно предвидеть: 1) устранение всякого рода мелочных придирок, которые теперь в каждом отдельном случае затрудняют рабочим осуществление предоставленного им в общей форме избирательного права; 2) социальные мероприятия в пользу рабочих.

Либералы выиграли у противников 16 мест; последнее министерское большинство было 68. Если вычесть, во-первых, потеря-

ные тори 16, а затем те же 16, выигранные противником, то получится 32. У тори остается еще большинство в 36 мест. Итак, если либералы выиграют еще 18 мест, голоса партий уравниются. Я думаю, что будет выиграно еще несколько мест; как раз в так называемых графствах оппозиция против феодального гнета крупных землевладельцев наиболее сильна, и там поэтому мелкая буржуазия не голосует за консерваторов, как она делает это здесь в Лондоне и в других больших городах, где она отдает свои голоса консерваторам из желания противопоставить себя участвующим в выборах рабочим и из приверженности к филистерской моде. Большинство в 20 голосов, включая, разумеется, и ирландцев, Гладстон может, пожалуй, получить, но с таким большинством он управлять не сможет. Ирландцы неизбежно будут требовать гомруля, а с большинством в 20 голосов Гладстон окажется не в состоянии провести это против палаты лордов. Вот тогда начнется кутерьма.

2) Единственные блестящие победы достались лишь на долю новой *рабочей партии*. Большинство в 300 голосов, которое имели тори на последних выборах, Кейр Гарди превратил в большинство в 1 200 голосов за свою кандидатуру. Джон Бернс — его либеральный предшественник имел большинство в 186 голосов — имеет сейчас большинство в 1 560 голосов. А в Миддлсборо (район железных копей в Йоркшире) Вильсон, секретарь союза моряков и грузчиков — карьерист, который, однако, всеми своими успехами обязан исключительно новому тред-юнионистскому движению, — получил 4 091, победил либерала (4 062 голоса) и тори (3 333 голоса). Жалкие цифры перевеса голосов у либералов выглядят по сравнению с этим весьма печально.

3) В трех местностях, где были выставлены подходящие и как следует подготовленные рабочие кандидатуры, рабочие хоть и не провели своих кандидатов, но *провалили также и либералов*.

В Салфорде рабочий Холл получил 553 голоса, либерал же, которому нехватало только 37 голосов, провалился.

В Глазго (Комларси) Кеннингем-Грехем (906 голосов) провалился, но провалился и либерал, которому до большинства нехватало 371 голоса.

В Глазго (Тредстоун) рабочий кандидат Бэрли (впрочем, ничемный парень) получил 783 голоса, но либерал — на 169 голосов меньше, чем тори.

Далее во многих других местах — Эбердине, Глазго (Колледж), Бредфорде — либералы, правда, победили, но потеряли от 990 до 2 749 голосов в пользу рабочих кандидатов, выступавших против

обеих партий; таким образом, в следующий раз рабочие будут для них прямой угрозой.

Одним словом, рабочая партия заявила о себе ясно и недвусмысленно, а это значит, что в следующий раз обе старые партии будут искать союза с ней. Тори в счет не идут, покуда ими руководят теперешние ослы. Либералы же должны быть приняты в расчет. А также и ирландцы. Когда Парнелл подвергся гонениям из-за смехотворной истории нарушения супружеской верности, он внезапно стал другом рабочих, и господа ирландцы в парламенте, как только они увидят, что одни лишь рабочие могут дать им гомруль, поступят точно так же. Тогда начнется соглашательство, тогда и фэбианцы, которые на теперешних выборах блистали своим отсутствием, опять полезут вперед, но подобных вещей здесь не избежать. Все-таки дело, как ты видишь, подвигается вперед, а это главное.

Великолепная ирония мировой истории: каждая из двух старых партий вынуждена прибегать к рабочим, делать им уступки, чтобы остаться у власти или пробиться к ней, и каждая при этом чувствует, что именно этим укрепляет позиции своего собственного преемника. И все же они не могут действовать иначе! Что значат крохи нашего остроумия по сравнению с гигантским юмором, который прокладывает себе путь в историческом развитии!

Привет от Луизы и от меня г-же Юлии и тебе.

Твой Ф. Э.

Если будешь писать Шоу, можешь порекомендовать ему статью Конрада Шмидта в «Neue Zeit» в качестве опровержения их «австрийской теории стоимости».

53.

Эдуарду Бернштейну

в Цюрих.

Лондон, 14 июля 1892 г.

Дорогой Эде,

Ваша открытка от 24 июня 1892 г. (списываю с почтового штемпеля за отсутствием другой даты) и письмо от 2 июля пришли своевременно. С тех пор твои виды на урожай, я не сомневаюсь, настолько улучшились, что ты стоишь уже не 50 сантимов, а целый франк, и так как денежная стоимость — оплаченная или нет — представляет работу мускулов, то я также полагаю, что твое здоровье только выиграло от этого сенокоса. Почему, однако, ты в жаркое послеобеденное время потеешь телесно, а в прохладное предобеденное —

духовно, это не совсем понятно; разве что ты лечишься от ожирения, в чем, однако, ты еще не нуждаешься. Впрочем, ты теперь в Цюрихе, и все мои комментарии запоздали. На смену сенокосу, вероятно, уже пришла *nutrimentum spiritus*¹ (выражаясь латынью старого Фрица) в «Музеуме», или в «Тонхалле», или как они там называются. Все же принимай *spiritus* в виде вина или пива, а не в виде абстрактных спиритуальностей, иначе у тебя не будет настоящего летнего отдыха. О том, как обстоят дела с английскими выборами, в редакции «Vorwärts» все равно знают лучше, чем мы с тобой.

Повидимому, с деятельностью Бакса как редактора «Justice», покончено. После одного номера, в котором он решительно изменил принятый ранее тон, произошла заминка: возобновился прежний тон — по крайней мере в пассивной форме, т. е. по части замалчивания движения во Франции, Германии и т. д., хотя и без прежней агрессивности. Последний же номер снова насквозь гайндмановский, на Кейр Гарди нападают, о Бернсе — гробовое молчание, все передовые написаны Гайндманом. Ходят слухи, что нападение Бакса на африканца Стенли (который совершенно неожиданно выступил как юнионистский кандидат в северном Ламбете² против сторонников Гладстона) вызвало разрыв между ним и Гайндманом, Гайндман в своем избирательном округе Фанорлески повел Социал-демократическую федерацию в бой за Стенли. Я сообщаю тебе это в том виде, в каком мне это передавали, ты сам увидишь Бакса в Цюрихе недели через две; не знаю, даже не соберется ли он раньше, после своего выхода из редакции «Justice».

Характерные черты выборов таковы:

1) Абсолютное отсутствие какого-либо воодушевления в Англии по поводу гомруля.

2) Приобщение рабочих к избирательному праву подтолкнуло массы мелкой буржуазии в консервативный лагерь, по крайней мере в больших городах. Мелкий буржуа начинает опасаться рабочего и, во всяком случае, не хочет, чтобы его с ним смешивали; консерватизм — это респектабельно и поэтому он голосует против Гладстона.

3) Главная опора либеральной партии — в средней и мелкой буржуазии менее крупных городов и сельских округов (графствах), где гнет полуфеодалов землевладельцев и попов епископальной

¹ Лат. — духовная пища.

² Район Лондона.

перкви еще велик. В более крупных городах даже диссиденты — былой оплот либеральной партии — начинают колебаться: к примеру, Бирмингам.

4) При таком почти полном равновесии сил обеих буржуазных партий (из 3 300 000 поданных голосов *вся* оппозиция против правительства имеет сегодня перевес лишь в какие-нибудь 76 000 голосов) рабочие становятся решающим фактором. Энтузиазм проявлялся только при рабочих кандидатурах: К. Гарди, Бернс, Вильсон и другие. Я говорил еще до выборов: это последние выборы, где борьба будет протекать только между двумя официальными партиями; однако они дадут либералам понять, что их ждет в следующий раз. И именно так и случилось. На следующих выборах рабочая партия выступит совсем по-иному. Эти выборы *должны* внушить ей веру в свои силы.

5) Новый парламент — явление недолговечное, Гладстон не получит большинства, независимого от ирландцев и рабочих депутатов, так что скоро опять предстоит роспуск. Тем лучше.

Кстати. Тусси хочет послать в «Neue Zeit» статью о выборах, в которой будут изложены и обсуждены такие закулисные дела, которые известны *только здесь*, да и то не *каждому*. Это не должно помешать тебе написать в «Neue Zeit» об общих итогах со своей точки зрения. А в ее сообщениях будут отдельные факты, касающиеся интриг различных партий, — нечто совсем отличное от того, о чем можешь написать ты.

Сердечный привет от Луизы и от меня вам обоим.

Твой Ф. Э.

54.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 23 июля 1892 г.

Дорогой Август,

Со своей обычной пронизательностью ты правильно угадал, что данное письмо будет тебе передано через Вельму. Итак, прежде всего приношу свою благодарность за императорское и королевское расписание поездов и заверения в том, что впредь буду стремиться сообразовать свое «расписание» с этим августейшим изданием. Я уже проник в самую суть некоторых из встречающихся там таинственных знаков и загадок и надеюсь за ближайшие две недели окончательно все постигнуть и благодаря этому нигде не терпеть задержек.

Итак, мои планы таковы. В среду я отправляюсь к Пумпс в Райд, куда мне будут пересылать все письма. Пробуду там до 10—15 августа, смотря по обстоятельствам. Дело в том, что я еще жду одного письма из Бармена, от которого зависит день моего отъезда. В Бармен я не поеду, у меня там столько племянников и племянниц, что я и в две недели не управлюсь со всеми визитами. Но в Энгельскирхен, куда по очереди выезжают на дачу мои братья, я все же заеду на несколько дней. Оттуда 18-го или 19-го — в Цюрих, где я уже давным давно обещал посетить мою кузину г-жу Бейст и ее семью. Я сейчас же сообщу тебе о своем приезде и 24-го или 25-го приеду в Санкт-Галлен; если ты заедешь за мной — тем лучше. Затем мы тронемся в Штутгарт на Неккаре, прихватим дядю Георга и оттуда в Мюнхен, а там, может быть, через Альпы, в Вену и т. д. Об остальном она расскажет тебе устно (подразумевается не г-жа Бейст, которая является здесь подлежащим, а Ведьма, которая ведь никаким правилам не подлежит).

По словам Тусси, выборы вызвали здесь в Ист-Энде неистовый энтузиазм. Рабочие, наконец, увидели, что могут добиться своего, если только захотят. Либеральные чары рассеяны, и «Workman's Times» тоже провозглашает везде и повсюду: единственное, что сейчас нужно, — это независимая рабочая партия. Твердолобому Джону Булю импонируют только факты, но зато уж они действуют наверняка.

Речь Фольмара лишний раз доказывает, что этот человек потерял всякий контакт с партией. Не в этом году, так в будущем с ним, наверное, придется порвать; он, повидимому, хочет насильно навязать партии государственно-социалистические бредни. Но так как он прожженный интриган, а у меня есть известный опыт в борьбе с подобными людьми — Маркс и я часто делали по отношению к этой публике тактические промахи, за что потом приходилось соответственным образом расплачиваться, — то я себе позволю дать тебе здесь некоторые указания.

Во-первых, эти люди добиваются того, чтобы мы *формально* оказались неправы, и вот этого-то и надо избежать. Иначе они будут цепляться за такой второстепенный момент, чтобы затемнить основной пункт, слабость которого они чувствуют. Итак — осторожность в выражениях как в публичных выступлениях, так и в частных беседах. Ты видишь, как ловко этот субъект использовал твои слова о Либкнехте, — он ведь прекрасно знает ваши отношения, — чтобы посеять раздор между ним, Либкнехтом и тобой и посадить тебя между двух стульев.

Во-вторых, так как самое важное для них — затемнить основной вопрос, надо всячески избегать повода к этому; возможно короче и резче отвечать на все выдвигаемые ими второстепенные вопросы, чтобы с ними сразу было покончено; сами же мы должны по возможности избегать всяких отступлений и второстепенных вопросов, как бы они ни были заманчивы. Иначе область дискуссии будет все расширяться, и первоначальный спорный пункт будет все больше исчезать из поля зрения. А тогда и решительная победа станет невозможной, что для интригана явится уже достаточным успехом, а для нас — по меньшей мере моральным поражением.

В-третьих, как это следует из первого и второго пунктов, против подобных людей *чисто оборонительная* тактика является наилучшей до тех пор, пока они сами не зарвутся окончательно; а как только это случится, — короткий и сокрушительный артиллерийский огонь и решительная штыковая атака. Именно здесь, больше чем где-либо, надо до последнего момента приберечь снаряды и резервы.

Всякий раз, когда мы в борьбе с бакунистами, прудонистами, германскими профессорами и тому подобной швалью не соблюдали этих правил, нам потом приходилось раскаиваться, и поэтому я еще раз тебе напоминаю о них.

Итак, сердечный привет тебе и г-же Юлии от твоего

Генерала.

По желанию Зигеля прилагаю его последнее письмо.

55.

Регине Бернштейн

в Цюрих.

Лондон, 25 июля 1892 г.

Дорогая Гина,

Ваше и Эде письмо получили, очень ему обрадовались и вчера сообщили о нем Тусси. Судя по изображению, «Маленький замок» — просто великолепный дворец, ресторан на открытом воздухе человек на 500, и рядом с двумя гигантскими тополями несколько таинственных деревьев, смахивающих на стыдливые пальмы, а внизу у обрыва виноградные лозы, дающие в изобилии местное кислое вино. Ну что ж, и к нему можно привыкнуть, оно все же лучше лондонского эля, а горный воздух во всяком уж случае гораздо лучше воздуха в Хайгейте¹, и я очень рад, что он идет Эде на пользу

¹ Район Лондона.

и что Вы можете надеяться привезти его обратно с нормально функционирующими нервами.

Здесь тоже начинается летний разезд. Луиза уехала вчера днем в Кельн и сейчас — в 5 часов дня — она, вероятно, уже подъезжает к Берлину. Послезавтра я уезжаю на две недели к Пумпс; а затем, к тому времени, когда Вы будете готовиться к отъезду, хочу посетить еще разок дорогое отечество. Возможно даже, что вскоре после Вашего отъезда я отважусь появиться в Цюрихе — но это под строгим секретом. И зачем только Вы взяли этот несчастный обратный билет! Какая досада, что это помешает нам прокатиться вместе по озеру. Очень рад, что Ваша матушка все еще так бодро взбирается на горы; если я действительно попаду в Берлин — ах, эта мечта слишком хороша, чтобы можно было поверить в ее осуществление, — то я непременно с ней там повидаюсь.

Скажите Эде, что Луиза была так ошеломлена его трижды произнесенными над ней еврейскими заклинаниями и благословениями, что я должен был дать ей на дорогу крепкого коньяку, чтобы она оправилась от испуга.

Дальнейшее предназначается для Эде. А именно:

во-первых, статья Тусси и Эдуарда была здесь написана уже в прошлое воскресенье (неделю тому назад) и отправлена в Штукерт;

во-вторых, успех выборов здесь теперь общепризнан. Положение таково, что Гладстон, ввиду решительного перевеса *радикального* крыла в собственной партии, должен сильно обновить свой кабинет, чтобы сделать его жизнеспособным;

далее, его билль о гомруле будет немедленно отвергнут верхней палатой;

но чтобы распустить палату с уверенностью в дальнейшем успехе, он должен в то же самое время добиться реформы, представляющей каждому избирателю не более одного голоса, и рациональной системы избирательных списков, которая бы действительно обеспечила рабочим то, что отнималось у них по частям, после того как оптом было обещано на бумаге в 1867 и в 1884 гг., и привела бы, следовательно, к увеличению числа рабочих избирателей на 1—1½ миллиона голосов; не исключено и предоставление второй баллотировки;

и Гладстон распустит палату только лишь после того, как *это* будет проведено.

Итак, великолепная ситуация для нас.

Тысяча приветов Эде и Вам самой.

Ваш Генерал.

56.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 25 июля 1892 г.

Дорогой Шорлеммер,

Давайте отбросим впредь торжественное обращение «господин». Я счастлив, что некролог в «Vorwärts» Вас удовлетворил. Мне пришлось написать его в самый день похорон, наспех и без каких-либо материалов; если бы я мог подождать до своего возвращения в Лондон, то смог бы написать подробнее. Но в таких случаях приходится работать, как истому журналисту, т. е. быстро и довольствоваться тем материалом, который есть под рукой.

Английская социалистическая газета «Justice» тоже напечатала выдержки из этого некролога. Эта газета — орган г. Гайндмана, который лично воплощает в себе руководство Социал-демократической федерации, организации в принципе марксистской, а на практике антимарксистской. Гайндман — мелочный интриган, вззирающий с невыразимой завистью на германскую партию, потому что его маленькая организация не может добиться того, чего наши люди добиваются шутя, и который поэтому объединяется со всеми противниками германской партии; так, например, здесь — с благородным *Гиллесом*, с французскими поппулистами бруссистского направления и т. д. А тут он на восемь недель предоставил редактирование газеты Баксу. Бакс — талантливый и вообще порядочный человек, прекрасно говорит по-немецки и часто бывает у меня и у Эвелингов. Гайндман хотел этим переманить его, но, повидимому, Бакс убедился в том, что ему в «Justice» не место; во всяком случае в последнем номере, который он редактировал, он поместил эту заметку. Он очень хорошо знал Карла, часто встречался с ним у меня и в других местах. Постараюсь прислать Вам этот номер.

Теперь должен Вам сообщить кое-какие деловые подробности о наследстве, так как Вы едва ли так скоро узнаете об этом из Манчестера.

По здешним законам каждое завещание сдается в суд по делам о наследстве, где любой желающий за плату в 1 шиллинг, т. е. 1 марку, может с ним ознакомиться. Но предварительно оно должно быть утверждено этим судом, должен быть подсчитан и уплачен налог, который в Вашем случае составит 1 или 3% со всего состояния брутто, точно я этого не знаю. Душеприказчики должны под присягой подтвердить объявленную ими стоимость наследства, и, вообще,

это такого рода дело, что его с начала до конца должен вести адвокат, если не хочешь попасть жалким образом впросак. Вам, следовательно, придется еще запастись терпением, а также рассчитывать на известные расходы, по немецким понятиям весьма крупные. Но это уж неизбежно.

От продажи оставшихся книг можно будет выручить немного. Главное в наследстве — это вложенные в банк деньги и авторские права на печатные труды.

Денег около 1 800 фунтов; из них надо вычесть расходы на похороны, мелкие текущие долги, налог с наследства, судебные издержки, гонорар адвокату и т.д., все это вместе составит фунтов 200—250, здесь я не могу всего предусмотреть, но я считаю все же, что Вы можете рассчитывать на сумму, по крайней мере, в 1 500 фунтов — 30 000 марок чистоганом.

Авторское право на книги по химии имеет весьма кратковременную ценность. Наука так быстро идет вперед, что такие вещи за 1—2 года устаревают, если их постоянно не пересматривать. Поэтому смерть выдающегося химика всегда дает возможность молодым людям, более или менее достойным, брать на себя подготовку новых изданий, а тем самым и получать большую часть прибыли. Так будет и в этом случае. Душеприказчики советуются со мной, а также с Гумпертом по поводу своих переговоров, так что ничто не будет предпринято опрометчиво. Кроме того, я поддержал их намерение ничего окончательно не решать в этом отношении без согласия семьи. Это не только их долг, но и прекрасное средство для нажима на противную сторону. Эта сторона — издатели, а также и соавторы вроде Роско — торопится закончить дело, душеприказчики, напротив, располагают временем и потому имеют возможность заставить противоположную сторону притти к ним первой и купить быстрое завершение дела ценой каких-либо новых уступок. Так что и здесь в Ваших собственных интересах не настаивать на быстром окончании дела.

Я слышал от Гумперта, что Вы ему писали, будто Ваша матушка не вполне здорова и даже слегла. Надеюсь на благополучный исход, но она так стара, а удар, который постиг ее — смерть Карла — очень, очень тяжел! Тем не менее я надеюсь, что Вы скоро сообщите нам лучшие вести.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

57.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Райд, 28 июля 1892 г.
The Firs, Brading Road.

Дорогой Шорлеммер,

Я никак не ожидал, что мои опасения за здоровье Вашей матушки так быстро оправдаются. Но удар, нанесенный смертью Карла, был чересчур тяжел для старой, уже слабой и болезненной женщины; с другой же стороны она была умственно еще настолько крепка, что скрыть от нее это известие было невозможно. Так одно семейное несчастье влечет за собой другое, будем только надеяться, что это — последнее. Я вполне могу понять Ваше горе; 18 лет тому назад я тоже потерял свою 77-летнюю мать и знаю, как объединяет всех членов многочисленной семьи родительский дом и как он незаменим, даже при самой большой сплоченности между детьми. Родительский дом объединяет все младшее поколение в одну большую семью; когда умирает мать, отдельные младшие члены семьи начинают чувствовать себя гораздо самостоятельней и невольно все больше обособляются друг от друга. Таков естественный ход вещей, но вызываемая им перемена не становится от этого менее чувствительной, и вот почему в моей семье, как и в Вашей, где мать на много лет пережила отца, потеря матери была вдвое болезненней.

Прошу Вас передать также Вашим братьям и их семьям мое искреннее соболезнование.

Вам от всей души желаю, чтобы Ваша дочь как можно скорее окончательно поправилась.

Со вчерашнего дня я здесь, у моей племянницы, у которой пробуду дней десять; она ведь тоже знавала Вашу мать и хочет приписать несколько строк.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

58.

Герману Энгельсу

в Бармен.

Райд, 28 июля 1892 г.
The Firs, Brading Road.

Дорогой Герман,

Большое спасибо за твои письма; мне, право, очень неприятно, что мои планы пошли несколько вразрез с вашими, но я был более

или менее связан в сроках уговором с другими лицами и ничего не мог изменить, не получив от тебя положительного ответа. Теперь все в порядке, я приеду 12-го (по всей вероятности, с первым кельнским поездом), если не сообщу о противном, и, во всяком случае, из Кельна протелеграфирую.

Я здесь со вчерашнего дня и думаю пробыть до 9 или только до 8 августа. Стоит великолепная, безоблачная погода, 16—17° по Реомюру, свежий восточный ветер, под окном цветы и прекрасные деревья, дивный воздух, какой-нибудь один километр от моря, и все это на высоте почти 200 футов, среди холмов и зелени.

Итак, в ожидании скорого свиданья, сердечный привет Эмме и детям.

Твой старый *Фридрих*.

59.

Герману Энгельсу
в Энгельскирхен.

Райд, 8 августа 1892 г.
The Firs, Brading Road.

Дорогой Герман,

После всех приготовлений и переписки мое путешествие, в конце концов, провалилось. Моя старая болезнь — паховая грыжа, которая первоначально была приобретена при падении вместе с лошадей во время охоты на лисиц и лет десять тому назад стала причинять мне беспокойство, а в последние пять лет как-будто затихла, — неожиданно дала о себе знать: бандажи больше не помогают. Предпринятая мною в субботу прогулка — около двух английских миль, т. е. три километра, — почти сделала меня неспособным к передвижению. История эта мне знакома — мне нужно четыре недели абсолютного покоя и воздержания от пива и вина, и тогда все наладится. Но о путешествии не может быть и речи. Вчера я написал Рудольфу в Бармен на тот случай, если ты еще там; сегодня посылаю эти несколько строк в Энгельскирхен.

Мне чрезвычайно жаль, что так вышло. Но ничего не поделаешь, приходится мириться. Итак, до конца августа я остаюсь здесь (адрес на обороте).

Почта закрывается. Сердечный привет вам всем. Очень спешу.

Твой *Фридрих*.

60.

Августу Бебелю

в Берлин.

Райд, 8 августа 1892 г.
The Firs, Brading Road.

Дорогой Август,

Твою открытку получил сегодня утром. Дорогой мой, все рухнуло, и если кто не сможет приехать, так это именно я! Старое недомогание, из-за которого я вынужден носить сложный бандаж и которое я тебе уже подробно описывал, после пятилетнего перерыва вновь дало о себе знать и сразу уложило меня в постель. Кое-какие симптомы его я заметил, когда ты был еще здесь, но они были столь незначительны, что я не обратил на них внимания и полагал, что все пройдет само собой, как это частенько бывало и раньше, особенно здесь, на морском воздухе. В субботу я прошел около $1\frac{3}{4}$ километра, отдохнул с полчаса и повернул обратно — сделал всего-навсего только $3\frac{1}{2}$ километра — и к вечеру убедился, что наступил кризис, и я вместо того, чтобы ехать в Германию, должен, чтобы снова стать на ноги, проделать здесь четырехнедельный курс лечения покоем и воздержанием от всего спиртного. Теперь стоит мне пройти всего хотя бы несколько тысяч шагов и я окажусь дней на 8—10 прикованным к дивану. Так рушатся самые лучшие планы!

Я не нахожу другой причины, кроме той, что с прошлой осени потреблял больше алкоголя, чем делал это в течение многих лет, и накопление его действия на организм и привело, в конце концов, к такому результату. Я, по крайней мере, не могу найти другого объяснения; тем более, что воздержание от алкоголя на то время, пока заметны признаки местного воспаления, необходимое условие лечения. То-то обрадуется твой зять!¹ Однако к выводам, которые он, пожалуй, сделает, я не присоединяюсь!

Во всяком случае, в таком состоянии я абсолютно не способен совершить задуманную поездку. Я, в крайнем случае, мог бы доехать до Энгельскирхена к братьям, но никак не до Цюриха. И во всей этой беде я могу еще поздравить себя с тем, что болезнь не застала меня в дороге и не скрутила меня где-нибудь на чужбине. Здесь у Пумпс я могу по крайней мере лечиться и через четыре недели надеюсь опять встать на ноги. История эта, кроме скуки, ничем мне не угрожает, мне уже раза три-четыре приходилось это

¹ Ф. Симон.

испытать, и лечение мне тем более известно, что дошел я до него собственным опытом, а господа врачи все, за исключением одного, который умер, ничего в этом не смыслят.

Вчера я тотчас же написал Луизе и просил ее ни под каким видом не менять своих планов и не сокращать своего отсутствия ни на один день. Все же очень возможно, что вы оба предпочтете теперь какой-нибудь другой распорядок, о чем вам надо будет списаться.

Передай своей жене и дочери, что я вдвойне сожалею, что лишен таким образом удовольствия лично познакомиться с ними, а также и с твоим зятем. Но отложить еще не значит отменить, и горький опыт этого года сделает меня умнее на будущий год, когда, как я надеюсь, я еще буду жив и снова буду на ногах. Тогда-то уж мы совершим такое же или еще лучшее путешествие.

До конца августа пиши по адресу, указанному в начале письма. Фамилия Рошеров не требуется, но без указания адреса (The Firs, Brading Road) письма будут задерживаться.

Итак, сердечный привет вам всем, выпейте стакан за мое выздоровление. Надеюсь, что д-р Симон также позволит себе на сей раз выпить глоточек, ведь теперь вместо него приходится воздерживаться мне!

Твой старый Ф. Энгельс.

61.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Райд, 12 августа 1892 г.
The Firs, Brading Road.

Дорогой Барон,

Корректуру возвращаю с благодарностью.

Август, вероятно, уже сообщил вам, что поездка моя к вам провалилась. Последствия старой истории, из-за которой я девять лет тому назад лежал в постели, когда ты посетил меня в день моего рождения, теперь снова, и очень некстати, дали о себе знать; итак я вынужден лежать здесь на диване, вместо того, чтобы распивать с вами пиво. К счастью для меня, здесь прекрасный морской воздух — дом расположен совсем за городом, высоко и с видом на море, — и это поможет мне при покое и воздержании от алкоголя в 3—4 недели снова встать на ноги. Жаль только, что это случилось именно теперь. Ну, что же делать, отложить не значит отменить.

Спасибо за твою книгу. К сожалению, из-за волнений последних дней я еще не смог приступить к ее чтению.

Жаль, что места о Социал-демократической федерации и фабианцах, а также о кандидатуре Нейлора выпали из статьи Тусси. Я их потом читал в рукописи, они являются *почти необходимым* дополнением к картине выборов. Полное крушение федерации, как только дело дошло до действительного испытания, характерно для долготелетнего хвастовства этой «единственной» социал-демократической организации и единоспасающей церкви. Я не знаю, видел ли ты в Цюрихе Бакса, но в вопросах федерации Бакс весьма плохой авторитет. Он был в течение полутора месяцев редактором «Justice», очистил газету от всех ее непристойностей, но был абсолютно не в состоянии (иначе он бы это сделал) придать газете иной, не сектантский характер. Социал-демократическая федерация — это же секта в чистом виде. Она превратила марксизм в окостенелую догму, и поскольку она отворачивается от *всякого* не ортодоксально-марксистского рабочего движения (причем ее собственный марксизм полон ошибок), т. е. делает как раз обратное тому, что рекомендуется «Коммунистическим Манифестом», то она сама для себя исключает возможность стать чем-либо иным, кроме секты. По ряду поводов Бакс возобновил сношения с этими людьми, но если они не изменятся, он скоро поймет, что они хотят его эксплуатировать и политически, и материально, и что он не сможет взять на себя никакой ответственности за них. Но он должен в этом убедиться на личном опыте, а пока что он так увяз, что принужден отчасти брать их под защиту. Впрочем, у самого Бакса *нет никакого контакта с рабочими*.

Фабианцы стали сейчас настоящей помехой: они плетутся в хвосте «великой либеральной партии» под тем предлогом, что хотят навязать ей своих кандидатов. Это может удаваться некоторое время при выборах в Совет графства, где можно проводить POSSIBILITISTскую программу муниципальных реформ, но и там эта благая ложь может иметь успех лишь до тех пор, пока буржуазия не раскусила в чем дело. При парламентских выборах это отпадает, там либералы предоставляют фабианцам, как и остальным так называемым рабочим кандидатам, только *безнадежные* избирательные округа. Если уж желать навязывать либералам рабочих кандидатов, то надо делать это так, как сделали Бернс и Кейр Гарди, т. е. приставив им нож к горлу, а не как фабианцы, которые пролезают за их спиной под фальшивыми предложениями. К счастью, призыв к независимой рабочей партии стал теперь таким настоящим и всеобщим, что и изысканный соблазн фабианской лести и фабианских денег окажется преодолен.

Бергесс из «Workman's Times» теперь хочет сам создать независимую рабочую партию, новый конкурент для тех двух! Бергесс — пустой, честолюбивый парень и потому очень ненадежный; посмотрим, насколько удастся и удастся ли ему вообще эта затея. Во всяком случае его теперешняя деятельность характерна для нынешнего положения вещей.

Очень добрая весть: фабричные рабочие севера так гордились своим старым законом о 10-часовом рабочем дне, что были главными противниками 8-часового (смотри: Ньюкастлский конгресс тред-юнионов). Теперь положение меняется, массы постепенно переходят на сторону 8-часового рабочего дня, а вожди остаются одни с 10-часовым. Это до известной степени отразится на конгрессе тред-юнионов уже в этом году. Эвелинги уехали в Норвегию. Перед самым отъездом Тусси получила от Грейлиха письмо, в котором он просит ее от имени цюрихского комитета по созыву конгресса Интернационала составить по-английски проект приглашения на имя английского конгресса тред-юнионов, а также перевести на английский другие их документы. Происки г. Зайделя, который хотел отстранить от этого проклятых марксистов (что могло кончиться только водворением в комитете г. Адольфа Смит-Хидингли), повидимому, благополучно провалились.

Пумпс и Перси шлют сердечный привет.

Твой Ф. Э.

62.

Августу Бебелю

в Берлин.

Райд, 14 августа 1892 г.
The Firs, Brading Road.

Дорогой Август,

Твое желание, чтобы я к началу сентября настолько поправился, чтобы быть в состоянии проехать хотя бы в Берлин, конечно, совпадает с моим. *Если* только я достаточно поправлюсь, то обязательно прикачу в Берлин, и притом прямым рейсом, потому что к тому времени обитатели Энгельскирхена разлетятся во все стороны.

Вопрос только в одном — удастся ли это? А об этом я тебе сегодня еще решительно ничего не могу сообщить. Я знаю по опыту, что в таких случаях 3—4 недели покоя безусловно необходимы для восстановления устойчивого состояния и достаточно малейшей попытки преждевременно или чрезмерно начать двигаться, чтобы

снова свалиться на 8—14 дней. Была ли, однако, попытка преждевременной или чрезмерной, к сожалению, замечаешь лишь тогда, когда уже поздно.

К этому следует прибавить, что я теперь на 5—6 лет старше, чем был при последнем приступе, и за последний год пропустил через свой организм больше алкоголя, чем пропускал обычно за три года. Я, следовательно, должен настроиться на несколько более длительное лечение, даже в том случае, если воспалительные явления не вызовут органических изменений в виде спаек, расслаблений или уплотнений.

Во всяком случае, лишь в самые последние дни я по своему состоянию смогу решить, как обстоят дела. Поэтому ты должен держать меня в курсе адресов, по которым я смогу тебе писать или, в случае надобности, телеграфировать, особенно в Вене, а также в курсе того, сколько ты там пробудешь, чтобы Луиза не выехала в Лондон в то время, когда я выеду в Берлин.

В прошлый понедельник и вторник я был в Лондоне, повидал Эвелингов и привел дом в порядок, так что лечение было прервано до среды. Теперь я лежу совершенно спокойно и чувствую, разумеется, существенное улучшение. Через неделю, надеюсь, я смогу безнаказанно позволить себе немного походить. Ты получишь бюллетень, как только будет о чем сообщить.

Конечно, теперь мне придется снова соблюдать «умеренность и умеренность» в отношении алкоголя. Я ведь и так удивлялся, что сравнительно хорошо переносил его, и потому роскошествовал. Ну, будем надеяться, что последствия не затянутся на слишком долгий срок. Мне придется снова вернуться к прежнему принципу — время от времени воздержание на две недели, а то и на месяц. Впрочем, воздержание от алкоголя, как и от табака, не является для меня большой жертвой, если только у меня есть для него достаточные основания.

Луизе я написал неделю тому назад, но ответа от нее еще не получил. По воскресеньям почта работает здесь отвратительно.

Хорошее известие. Интриги г. Зайделя, целью которых было устранить влияние проклятых марксистов на подготовку Цюрихского конгресса, повидимому, окончательно провалились. Грейлих от имени Цюрихского комитета обратился к Тусси с просьбой составить для них приглашение на имя английского конгресса тред-юнионов, а также сделать для них необходимые переводы на английский язык. Письмо пришло перед самым отъездом Эвелингов

в Норвегию, и Тусси, конечно, сейчас же составила приглашение и вообще предоставила себя в распоряжение комитета. Письмо Грейлиха она прислала мне уже с парохода.

Второе известие. Плохая конъюнктура и угроза фабрикантов снизить заработную плату на 10% внезапно излечили ланкаширских текстильщиков от их увлечения 10-часовым рабочим днем и убедили их в приемлемости 8-часового. Даже вожди будто бы переменили позицию. Это победа 8-часового рабочего дня в Англии. Спротивление фабричных рабочих, имевших узаконенный 10-часовой рабочий день, было излюбленным коньком буржуазии. На сентябрьском конгрессе с этим будет покончено.

Прилагаемые места из статьи Эвелингов К. Каутский опустил в «Neue Zeit». Он мне пишет, что это произошло по *техническим* причинам, что, конечно, возможно; но также возможно, что здесь известную роль сыграло комическое уважение Эде к фабианцам и заинтересованность Бакса (он в Цюрихе) в Социал-демократической федерации. Во всяком случае, тебя эти места интересуют, они необходимы для общей картины.

В «Vorwärts» ты мог бы поставить следующие вопросы:

Верно ли:

1) что лондонские «независимые», т. е. те, кого выбросили из Коммунистического рабочего просветительного союза, основали клуб и для этого сняли Грэфтон-Холл, большое здание близ Фитцрой-сквера?

2) что для уплаты необходимой для этой цели крупной суммы денег г. Багинский, зарабатывающий не более 3 фунтов в неделю, внес 500 фунтов стерлингов, т. е. 10 000 марок?

3) что г. Гохгюртель, также рабочий, внес еще 500 фунтов стерлингов; что на вопрос, откуда у него деньги, он дал достойный удивления ответ: он будто бы развелся с женой и получил таким образом *ее* деньги?

4) что пивовар, поставляющий клубу пиво, ссудил 1 200 фунтов стерлингов?

5) если все это верно, то откуда появились эти деньги и кто дал пивовару гарантию, ибо без гарантии никакой глупец не даст займы такой суммы?

Сердечный привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

Рошеры сердечно кланяются.

63.

Регине Бернштейн
в Цюрих.

Райд, 15 августа 1892 г.
The Firs, Brading Road.
(этого достаточно).

Дорогая Гина,

Меня и всех нас здесь очень огорчило, что Ваш летний отдых оказался так неприятно нарушен, но мы все же надеемся, что теперь всякая опасность миновала, так как в противном случае я, наверное, услышал бы что-нибудь о Вас. К сожалению, и мои планы путешествия совершенно расстроились; как раз когда я уже собирался в путь, обнаружились явные симптомы старой болезни, которую я в течение пяти лет считал обузданной и которая теперь обрекает меня на полную неподвижность по крайней мере на две, а быть может и на четыре недели. Вот мне и приходится торчать в Райде; мне пришлось предварительно съездить на несколько дней в Лондон, привести там все в порядок, но в результате этой поездки и множества писем, которые пришлось писать из-за сложившегося «по воле божией» положения, мое здоровье пришло в такой беспорядок, что лишь сегодня могу написать Вам.

Легко могу себе представить, как Эрнст изнурен после тифа. Дайте ему только время как следует поправиться, прежде чем он вернется к напряженным занятиям в школе. Но, впрочем, у Вас в семье со всех сторон столько врачей, что мне лучше помалкивать.

Здесь у нас со времени моего приезда великолепная погода, я почти весь день, большей частью до 6—7 часов, могу сидеть в саду в кресле; за последние три недели было только два дождливых дня. Надеюсь, что погода не изменится, свежий воздух и покой — для меня лучшие лекарства.

Очень рад, что Эде совершит или уже совершает еще одну высокогорную экскурсию. Это ему совершенно необходимо, хотя я с большим удовольствием увидел по «Neue Zeit», что он уже опять стал прежним Эде. Критика Прудона *очень хороша*; к нему снова возвратился его прежний юмор. Но что лучше, то лучше. Надо окончательно вылечиться, раз представляется возможность, и совсем стряхнуть обиду по поводу Лассалья¹, а ведь именно она во всей этой

¹ Энгельс имеет в виду написанное Э. Бернштейном по его поручению предисловие к Собранию сочинений Ф. Лассалья, изданному в Берлине в 1892 г. Это предисловие вызвало нападки бывших лассальянцев — членов Германской социал-демократической партии и части членов Правления партии — за критическую оценку Э. Бернштейном Ф. Лассалья.

истории и имела решающее значение. И Вы тоже должны еще немного поправиться после тяжелых дней и ночей, так безжалостно испортивших Ваш летний отдых.

Здесь, т. е. у Пумпс. в общем все в порядке, поскольку позволяют «обстоятельства»; событие ожидается в октябре; дети гораздо здоровее, чем в Лондоне. Семейство весьма многочисленно: две собаки, три кошки, канарейка, кролик, две морские свинки, петух и 14 куриц.

Привет от Рошеров и в особенности от меня самого Вам, Эде и Эрнсту!

Ваш старый *Генерал*.

64.

Виктору Адлеру

в Вену.

Райд, 19 августа 1892 г.
The Firs, Brading Road.

Дорогой Виктор,

Вот плоды излишней самонадеянности. Вместо того, чтобы прогуливаться с тобой и твоими по Лунцу или Вене, я, к сожалению, вынужден здесь в Райде ухаживать за своим, как говорит Гейне, «уже не совсем здоровым» телом; мне нельзя ни ходить, ни пить, можно только скучать. Я так радовался тому, что увижу Вену, побуду с тобой и лично познакомлюсь со всеми, и в частности с твоей женой и детьми, — как вдруг началась эта проклятая история. А ведь, помимо всего прочего, я еще собирался посоветоваться об этом запутанном случае с венским, а быть может и берлинским врачом и хотел просить тебя, ознакомившись предварительно со всей историей, порекомендовать мне какого-нибудь специалиста. Дело в том, что здесь столько же медицинских факультетов, сколько больниц, и домашние врачи всегда рекомендуют только врачей из тех больниц, в которых сами учились. Это имеет и свою хорошую сторону, потому что они прекрасно знают людей, но это до крайности сужает круг лиц, к которым можно обратиться за советом, и сводит медицинский Лондон к размерам маленького немецкого университетского города. Таким образом, это внезапное обострение болезни причиняет мне и прямой ущерб.

Осталось одно утешение: отложить не значит отменить; и то, что не удалось в этом году, осуществится, надо надеяться, в будущем. Во всяком случае, я на этот раз получил урок, повторения которого я так скоро не допущу. Лишиться летней поездки — да еще какой! — слишком обидно; зимой я особенно это почувствую:

я ведь отлично знаю, что такая незначительная перемена климата, как поездка из Лондона в Райд, не может иметь такого влияния на мое брненное тело, как путешествие на континент и, особенно, в Альпы. Так хорошо, как я себя чувствовал после путешествия в Америку, затем после путешествия в Норвегию и в прошлом году после поездки по Шотландии и Ирландии, в этом году я не буду себя чувствовать. Но я рассчитываю с этим справиться, и тогда уже в будущем году свое возьму. В Вене я должен побывать непременно, а также, по возможности, и в австрийских Альпах. Швейцарские Альпы слишком густо населены швейцарцами и чересчур превращены в выставку, — мне же милее крестьяне Анценгрубера. И тогда я, надеюсь, застаю тебя и твою жену в полном здравии и сам буду опять в состоянии карабкаться по горам. Итак, до будущего года!

Занимаюсь здесь ранним христианством, читаю Ренана и библию. Ренан ужасно плоский, но как светский человек обладает кругозором более широким, чем немецкие университетские теологи. Впрочем, его книга — роман, и к ней применимо то, что он сам говорит о Филострате: ее можно использовать как исторический источник, примерно так же, как можно использовать романы Александра Дюма-отца для изучения эпохи фронды. В отдельных частностях я поймал его на ужасающих ошибках, при этом он списывает у немцев с безграничным бесстыдством.

Луиза, наверное, передала тебе то, что я позавчера написал ей о рабочих хлопчатобумажной промышленности в Ланкашире и об их повороте к 8-часовому рабочему дню. Так дело с каждым днем подвигается вперед. Вчера снова собрания делегатов целых районов единогласно высказались за 48-часовую рабочую неделю, голосование в других округах дало тот же результат, — *повсюду* большинство голосов, большей частью большинство в две трети. Это окончательно сломит сопротивление *внутри рабочего класса*.

Русским не везет. Сперва голод, который повторится и в этом году, правда, в более хронической форме, потом холера. А теперь, когда их друг Гладстон пришел к власти, он вынужден взять в качестве министра иностранных дел Розбери, который и знать не хочет о руссофильстве Гладстона.

Август хочет, чтобы я, по возможности, все-таки приехал в Берлин. Я и сам бы рад, но удается ли? Вот уже десять дней, как я не делаю и десяти шагов за ограду сада, и не знаю еще, действительно ли я на пути к выздоровлению. Все дело в том, что если я начну двигаться чуточку слишком рано или слишком много, мне

снова придется начать все лечение сначала. А решение я должен принять не позже чем через 10—14 дней, — впрочем, увидим.

Итак, передай привет всем друзьям и прежде всего твоей жене и детям и скажи им, как я сожалею, что в этом году не смог приехать. Надеюсь наверстать это в будущем году. Сердечный привет тебе самому от твоего старого калеки.

Ф. Э.

Я пробуду здесь во всяком случае до 31 сего месяца.

65.

Августу Бебелю

в Санкт-Галлен.

Райд, 20 августа 1892 г.

Дорогой Август.

Твое письмо от 17-го получил сегодня утром. Пишу тебе сейчас же, потому что иначе из-за завтрашнего английского воскресенья эти строки могут уже не застать тебя в Санкт-Галлене. Дело в том, что я хотел попросить тебя быть поосторожнее с К. Каутским из-за Эде. Эде, судя по его статье в «Neue Zeit», теперь решительно на пути к выздоровлению, и этому мы не должны мешать. К. Каутский в своей дружбе с Эде отнюдь не является образцом скромности, и если его письма наведут Эде на мысль, что мы втихомолку что-то замысливаем, чтобы противодействовать его слабости к фабианцам, то это снова может резко ухудшить его состояние. Неврастеники мнительны, и я полагаю, что обида по поводу Лассалья была не только первым симптомом его болезни, но несомненно явилась тем поводом, который положил ей начало. Мы должны поэтому воспрепятствовать ее повторению. За счет его болезни я отношу и его переоценку фабианцев, но думаю, что это обойдется, если мы не будем слишком затрагивать эту тему.

Вчера, наконец, пришло письмо от Ведьмы. Она ворчит, что я не приехал, — но что же я могу поделать? Что бы она сказала, если бы я свалился в Энгельскирхене или в Цюрихе? А это обязательно случилось бы, если б я выехал, причем дело обстояло бы тогда гораздо хуже, чем здесь, где я захватил болезнь еще во-время.

Я *очень* доволен, что мне, если моя поездка и состоится, не придется пускаться в путь раньше 7 сентября. Это даст мне целый месяц покоя, и тогда я, надеюсь, снова смогу путешествовать. Со вчерашнего дня я, наконец, обнаруживаю симптомы улучшения, правда, еще очень незначительные, но все же они есть. Как будет

дальше — увидим. Кстати: есть ли у нас в Кельне еще адвокаты — члены партии? Я попрежнему не особенно доверяю своему прусаку¹, и если бы у меня был адрес такого адвоката, я был бы вооружен на все случаи.

То, что ты пишешь о Викторе, меня очень огорчает. Надеюсь, что тебе удастся найти выход. От этого зависит также и здоровье его жены — тревога о будущем, очевидно, играет большую роль в ее болезни. Я никак не предполагал, что дело обстоит так скверно. Но австрийцы подобны французам и ирландцам: *регулярно* получать у них деньги невозможно. Тут сказывается кельтская кровь их восточноальпийских предков, которые подверглись сначала романизации, а потом германизации. Если ты хочешь получить представление о том, как обстояли дела Генерального Совета Интернационала с французами по поводу их взносов, прочти два послания Павла к коринфянам — вечные жалобы на то, что «членские взносы не поступают»; в особенности второе послание. Не можете ли вы вынести решение о постоянной субсидии для австрийской партии, с тем чтобы ее получал Виктор? Из Германии его немедленно бы выслали, потому что он вынужден был бы работать не в научном журнале, как К. Каутский, а в агитационной газете.

Резолюции ланкаширских текстильщиков за 8-часовой рабочий день (48 часов в неделю) следуют одна за другой. Сегодня собрание делегатов в Манчестере. Вчера — в Престоне 3 600 за, 600 против. А Ланкашир является для Англии решающим в этом вопросе, потому что еще в прошлом году там наблюдалось повсеместное сопротивление.

Историю с лондонским клубом независимых рассказала Гусси г-жа Кроснел (эта особа еще лучше, чем ее фамилия)². Но это дело может без вреда подождать, пока мы все опять соберемся в Лондоне. Что касается источника денег, то где-то, вероятно, еще имеются кое-какие остатки вельфского фонда, а глупость полиции безгранична. Во всяком случае, в распоряжении Гиллеса было много денег, а может быть и *сейчас* еще есть. Остальные все являются его подставными лицами.

Сегодня приятная весть: Вильгельм и слышать не хочет о двухгодичной военной службе. Но раз уж этой приманкой однажды помахали перед носом филистеров, то даже национал-либералам трудно будет от нее отказаться; таким образом, увеличиваются шансы на роспуск рейхстага.

¹ И. Дитц.

² Cross по-английски — ворчливая.

Что за жалкие людишки эти немецкие буржуа! При ежегодно возрастающей потребности правительства в деньгах, в их руках прекрасная возможность добиваться при каждом голосовании за кредиты той или иной политической уступки, как это с давних времен по мелочам делали англичане. Но они не *хотят* этого, они оставляют всю власть правительству и лишь торгуются из-за каких-то грошей.

Сердечный привет г-же Юлии и г-же Фриде с супругом.

Твой старый Ф. Э.

Сердечный привет от Рошеров.

Я останусь здесь и после 31-го.

66.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Райд, 23 августа 1892 г.

Дорогой Зорге.

Я еще не переговорил с Дитцем о твоей книге по следующим обстоятельствам.

Я стоворился с Луизой Каутской, которая сейчас в Вене, и с Бебелем, который гостит у своего зятя в Санкт-Галлене, что мы с Бебелем в конце месяца поедem вместе в Штутгарт, а оттуда через Вену, где захватим с собой Луизу Каутскую, отправимся в Берлин. В Штутгарте я и хотел *устно* уладить это дело с Дитцем.

Но здесь, в Райде, где я гостил у Пумпс, моя застарелая болезнь, не беспокоившая меня целых пять лет, снова дала себя знать настолько, что я уже дней двенадцать как стал инвалидом и обречен на полную неподвижность. Это расстроило мне всю поездку, и я теперь не знаю, смогу ли я, хотя мне уже и значительно лучше, недели через две предпринять, даже более короткое путешествие. Но в Штутгарт я, во всяком случае, не поеду и поэтому немедленно спишусь с Дитцем, как только удостоверюсь в том, что он не отправился в какую-нибудь поездку с Бебелем. Дело ведь само по себе уже улажено, речь идет лишь о подробностях. Ты, следовательно, спокойно можешь работать над добавлениями, и чем подробнее они будут, тем лучше. В особенности, если бы ты захотел подробнее обработать период с 1870 г., было бы хорошо обрисовать также и судьбы партии, *заведомо* социалистической (немецкой), и сделанные ею промахи. Ты должен помнить о том, что пишешь для читателя, который абсолютно ничего не знает о ваших делах и которому должна

быть сказана правда. Если затем господа вожди в Нью-Йорке и Цинциннати и будут ворчать, тебе на это наплевать, и тебе это не впервые.

Сообщаю тебе известие, которое, однако, следует держать в тайне от всех журналистов, пока я тебе не напишу о дальнейшем: Гэд и Лафарг подписали с несколькими капиталистами договор на издание большой ежедневной газеты, политическими руководителями которой будут они сами. На это дело ассигновано будто бы 500 000 франков, и газета должна появиться 1 октября. Но так как я в таких вещах всегда несколько сомневаюсь, новых известий из Парижа сейчас не имею, и что-нибудь еще может измениться, то об этом *абсолютно ничего не должно попасть в печать*.

Как ты, вероятно, заметил по муниципальным выборам в мае и департаментским в июле, французы все больше и больше вступают на путь, проложенный немцами, и учатся использовать всеобщее избирательное право, вместо того чтобы его поносить. И дело прекрасно подвигается. Марсельский съезд создаст «марксистам» совершенно иное положение, чем было раньше.

Кроме того, великолепные успехи здесь, в Англии. Выборы прошли блестяще. Ты, вероятно, заметил, насколько с начала июля изменился тон в «Workman's Times» и как г. Бергесс (Аутоликус) уже пытается основать свою собственную «независимую рабочую партию» под *своим личным* руководством, наряду с той, на руководство которой претендует Социал-демократическая федерация. Из заметок Тусси и Луизы Каутской в венской «Arbeiter-Zeitung» и в «Neue Zeit» ты, вероятно, узнал все необходимое; еще кое-что ты найдешь в предисловии к новому изданию «Положения рабочего класса в Англии», которое я тебе пошлю, как только снова попаду в Лондон. Конгресс тред-юнионов, который состоится в Глазго через две недели, ознаменует собой большой шаг вперед. Тому причиной: 1) успех выборов, который усугубляется еще и тем, что Парламентский комитет, избранный в прошлом году в Ньюкастле и, как ни странно, сплошь из одних только *старых* тред-юнионистов, относится с презрением ко всем политическим решениям этого конгресса и оставил их все без движения; 2) перелом в настроении текстильщиков, которые в прошлом году составляли основную массу противников 8-часового рабочего дня, а сейчас вследствие застоя в делах всей массой внезапно высказались *за него*. На прошлой неделе весь Ланкашир во *всех* округах голосовал значительным большинством за 8-часовой рабочий день вместо 10-часового. Словом, и здесь дела идут великолепно, а на будущий год вслед за

Германией двинутся не только Австрия и Франция, но и Англия, и это, наконец, окажет на ваших англо-американцев соответствующее воздействие, в особенности, если ваша милиция к тому же слегка постреляет, чтобы немного сбить с этих людей республиканскую спесь и великодержавное высокомерие.

В Германии дела идут отлично; следы в «Vorwärts» за партийными сообщениями; ты увидишь, что среди сельского населения *даже на Востоке*, где это нужнее всего, мы делаем гигантские успехи.

Ты хочешь знать, приеду ли я в будущем году? Это не исключено, но уже наверняка не в июльскую и августовскую жару, с меня достаточно было и августа в Нью-Йорке. Бебель подумывает о посещении Америки после Цюрихского конгресса, следовательно в сентябре — октябре. Если он поедет, то я, возможно, присоединюсь к нему. Впрочем, все это воздушные замки. Как видишь, мой план на этот год провалился уже через две недели, после того как был окончательно принят, где же мне тут составлять планы на год вперед!

Что с этим сумасшедшим Гепнером надо будет когда-нибудь порвать, мне давно было ясно. У него куча причуд, и он ничему не учится, а если и учится, то шиворот-навыворот.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

Кланяйся также Шлютеру.

67.

Августу Бебелю

в Луиц.

Райд, 25 августа 1892 г.

Дорогой Август,

Письмо от 23-го из Санкт-Галлена получил сегодня утром. Я прекрасно знаю, что пруссаки не могут причинить мне никакой серьезной неприятности, но осторожность не повредит, с этими господами никогда нельзя быть уверенным, что не будет какой-нибудь каверзы. Какому-нибудь ревностному полицейскому гению всегда может притти в голову под фальшивым предлогом создать мне затруднения, хотя бы для того, чтобы раздобыть таким образом пресловутые письма М.¹ к Марксу. А ведь ты знаешь, что у пруссаков есть правило — не срамить перед публикой попавшего впросак чиновника, а, в лучшем случае, сначала оправдать публично его действия и уже втихомолку устроить ему головомойку.

¹ И. Микеля.

Впрочем, мои планы путешествия снова очень шатки. За последние дни я несколько раз прошелся в ближайшую почтовую контору в каких-нибудь 300 шагах от дома, а в результате этой попытки испробовать свои силы — снова полная неспособность сделать теперь больше двух-трех шагов, колоссальная чувствительность к давлению бандажа и т. д., — так что я опять лежу скрючившись. Сегодня, так как я соблюдаю покой, мне опять немного лучше, но еще под вопросом, поправлюсь ли я через 13 дней, оставшихся до 7 сентября, настолько, чтобы быть в состоянии отправиться в путь. Ну, там видно будет.

От Луизы больше никаких вестей, зато Дитц пишет мне, что вторую часть гонорара за «Положение»¹ в размере 500 марок он, по твоему желанию, уплатил Виктору, чему я очень рад. В начале сентября в «Neue Zeit» снова появится кое-что мое², и гонорар будет выплачен Виктору, так как я поручил Дитцу *все* причитающиеся мне с него суммы выплачивать Виктору. Этой зимой я *должен* закончить III том «Капитала», а когда эта гора свалится с моих плеч, я снова смогу получать больше гонорара.

Ты безусловно прав, было бы просто безумием со стороны правительства по требованию военной клики распустить рейхстаг из-за отклонения законопроекта о двухгодичной военной службе. Тем не менее не исключено, что нечто подобное может случиться, принимая во внимание, какие факторы в настоящее время являются в стране «руководящими».

Что Россия сейчас не в состоянии воевать в Европе, ясно из того, что она бросила свои силы на другой конец шахматной доски, — в Среднюю Азию. Это весьма глупо с ее стороны. Англичан это не запугает, а приведет в ярость, Гладстона же лишит всякой возможности проявлять свои симпатии к русским. Гладстон мог бы пожертвовать Константинополем, но позволить угрожать Индии — это не пройдет.

Мне на острове Уайт становится бесконечно тоскливо при мысли о том, что ты теперь один совершаешь поездку, в которой я должен был тебя сопровождать. А тут еще Луиза воображает, что я лишь притворился больным! Вместо того, чтобы посылать

¹ Второе немецкое издание книги «Положение рабочего класса в Англии» вышло в 1892 г.

² Введение Энгельса к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке» опубликовано на немецком языке в «Neue Zeit» за 1892/93 г., т. 1, стр. 15—20, 42—51, под названием «Über historischen Materialismus» («Об историческом материализме»).

в Лунц это письмо, я бы в тысячу раз охотнее приехал сам. Сегодня две недели, как я вынужден жить, точно в тюрьме, в маленьком домике с садиком. Всего три раза за четыре дня я сделал по 300 шагов по улице, а в результате — снова строжайший домашний арест. Сегодня выставка цветов на пристани, завтра лодочные гонки. Пумпсы все идут туда, а я должен торчать дома — нечего сказать, удовольствие! Единственное, что меня действительно радует, это то, что история эта случилась не в пути, — пренеприятное вышло бы приключение.

Итак, кланяйся Виктору, его жене и детям, а также Ведьме, которая за это время мне, вероятно, уже написала, и передай им всем, как я сожалею, что не могу быть с вами. Но в будущем году, если буду жив, приеду непременно.

Твой Ф. Э.

68.

Карлу Каутскому
в Штутгарт.

Райд, 4 сентября 1892 г.

Дорогой Барон,

Эде спрашивает, когда я вернусь в Лондон, но вместо адреса он лишь сообщает, что уезжает из Кильхберга в Цюрих, причем в определении сроков у него царит неопределенность, которая на таком расстоянии делает всякую переписку невозможной. Предполагая, что ты лучше осведомлен, прошу тебя сообщить ему, что я возвращаюсь в Лондон послезавтра, 6-го.

Мое состояние все еще абсолютно исключает какую-либо дальнюю поездку; мне, повидимому, и в Лондоне придется недели две пролежать на диване. Впрочем, это не имеет значения.

Статью Зорге об «Участках свободной земли», конечно, надо пустить в первую очередь. С моей же ¹ я вовсе не так спешу, лишь бы только немецкий текст появился одновременно с английским или *немного* позже его. А о последнем, разумеется, вот уже два месяца как ничего не слышно.

Если бы ты был здесь во время последних выборов, то иначе отзывался бы о фабианцах. В нашей тактике одно остается неизменным для всех современных стран нашего времени: вести рабочих к созданию собственной независимой партии, противостоящей всем буржуазным партиям. На последних выборах английские рабочие

¹ Введение к английскому изданию книги Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

впервые, правда, еще только инстинктивно, подталкиваемые ходом событий, сделали в этом направлении решительный шаг; этот шаг имел поразительный успех и способствовал прояснению сознания рабочих больше, чем какое-либо событие за последние 20 лет. А что делали фабианцы — не отдельные члены организации, а все Фабианское общество в целом? Оно проповедывало и осуществляло на практике *присоединение рабочих к либералам*, и произошло то, чего и следовало ожидать: либералы выделили для них четыре округа, завоевать которые было невозможно, и кандидаты фабианцев провалились с треском. Парадоксальный беллетрист Шоу — как беллетрист очень талантливый и остроумный, но решительно ничего не стоящий как экономист и политик, хотя он и честен и не карьерист, — писал Бебелю: если они, мол, не будут проводить эту политику, состоящую в том, чтобы навязывать либералам своих кандидатов, то не пожнут ничего, кроме «поражения» и «позора» (как будто «поражение» зачастую не бывает почетнее победы); ну, вот теперь они эту свою политику провели и пожинают и то и другое.

В этом суть всего вопроса. В тот момент, когда рабочие впервые выступают самостоятельно, Фабианское общество предлагает им оставаться в хвосте у либералов. И об этом нужно открыто сказать социалистам на континенте, замалчивать — означало бы стать соучастником. Поэтому меня очень огорчило, что заключительная часть статьи Эвелингов не была напечатана. Это вовсе не было запоздалое размышление *post festum*¹, а лишь упущение, вызванное спешкой при отправке статьи. Последняя остается незаконченной без характеристики позиции двух социалистических организаций по отношению к выборам: читатели «*Neue Zeit*» имеют право знать и это.

Я, кажется, сам писал тебе в последнем письме, что как в Социал-демократической федерации, так и в Фабианском обществе члены на местах лучше центрального руководства. Но толку от этого нет, пока позиция центра определяет позицию всей организации. Из этих замечательных ребят, кроме Баннера, я не знаю никого. Баннер, как ни странно, не показывался у меня со времени своего вступления в Фабианское общество. Я полагаю, что его толкнуло на этот шаг отвращение к Социал-демократической федерации и потребность состоять в какой-либо организации, а, может быть, и кое-какие иллюзии. Но эта ласточка еще не делает весны.

Ты усматриваешь в Фабианском обществе нечто еще не сложившееся. Напротив, эти люди *слишком* сложились. Это клика

¹ *Лат.* буквально — после праздника, т. е. с опозданием.

буржуазных «социалистов» различного пошиба, от карьеристов до сентиментальных социалистов и филантропов, объединенных только страхом перед грозящим господством рабочих и готовых на все, чтобы предотвратить эту опасность, обеспечив руководство *за собой*, за «образованными». И если они при этом допускают нескольких рабочих в свой руководящий орган, для того чтобы эти рабочие играли в нем роль всегда бессильного меньшинства на манер рабочего Альбера в 1848 г., то это никого не должно вводить в заблуждение.

Средства, которые пускает в ход Фабианское общество, абсолютно ничем не отличаются от политики продажных парламентариев: деньги, интриги, карьеризм. Чисто по-английски: считается само собой разумеющимся, что каждая политическая партия (только у рабочих должно быть по-иному!) так или иначе оплачивает своих агентов деньгами или вознаграждает их должностями. Эти люди погрязли по уши в интригах либеральной партии, занимают должности у либералов, как например Сидней Вебб, являющийся вообще типичным английским политическим деятелем. Эти господа практикуют все то, против чего необходимо предостерегать рабочих.

При всем том я не требую, чтобы ты рассматривал этих людей, как врагов. Но, на мой взгляд, тебе, как впрочем и всякому другому, не следует ограждать их от критики. А ведь именно так выглядел пропуск относящегося к ним места в статье Эвелингов. Если ты, однако, хочешь, чтобы Эвелинги дали тебе статью об истории и позиции различных английских социалистических организаций, ты только скажи, и я предложу им это.

Твоя статья о Фольмаре мне очень понравилась. Она нанесла ему больший удар, чем вся перебранка в «Vorwärts». Нельзя было так долго оставлять без осуждения эти вечные угрозы об изгнании из партии. Это сейчас совершенно несвоевременные отзвуки диктатуры периода закона против социалистов. Теперь следует давать гнилым элементам время прогнить настолько, чтобы они отпали почти сами собой. В миллионной партии дисциплина совсем иная, чем в секте, насчитывающей сотни. Ты только мог бы, пожалуй, побольше сказать о том, как и каким образом «государственный социализм в себе» на практике, и именно в той единственной стране, где он практически возможен, т. е. в Пруссии (что ты очень хорошо показал), неизбежно превращается в мероприятия фискального характера.

Критика Прудона в статье Эде тоже очень хороша, особенно меня порадовало, что он снова стал прежним.

Твой Ф. Э.

69.

Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Райд, 5 сентября 1892 г.

Дорогой Кугельман,

Из моей поездки в Германию в этом году ничего не выйдет, я болен и вынужден соблюдать покой по крайней мере еще в течение двух недель, прежде чем приобрету хоть некоторую подвижность. Между тем, завтра я возвращаюсь в Лондон. В будущем году я все же рассчитываю совершить инспекционную поездку на родину, не знаю только, будет ли у меня при этом возможность попасть в Ганновер, я этого сейчас не могу заранее обещать, тем более, что этим летом я увидел, с какой быстротой такие планы разлетаются ввух и впрах: ведь в этом году я лишился большого и приятного путешествия, а кто знает, будем ли мы еще живы в будущем году. В одном ты можешь быть уверен, что общение с «померанскими грандами» я предоставлю другим. Последний из них, с которым я встречался, был мнимый барон Грумбков, совершенно опустившийся субъект, который в качестве профессионального нищего месяцев шесть тому назад хотел вытянуть у меня денег, но сам вылетел вон. Хватит с меня и этого. С большим приветом.

Твой Ф. Энгельс.

Прилагаемое прошу передать Зингеру.

70.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 11 сентября 1892 г.

Дорогой Август,

Итак, ты хочешь задержать у себя Ведьму еще на один день, очевидно, для того чтобы еще раз как следует проинструктировать ее, как ей держать в руках Генерала по части питания и других грехов; а в то же время ты подстрекаешь меня зорко следить за ней. Не думай, пожалуйста, что я тебя не вижу насквозь. Ты хочешь нас поссорить, бог весть из каких коварных побуждений, но погоди, мой милый, так просто это дело не выйдет. В отместку я навалю на тебя столько работы, что тебе не поздоровится, причем начну сейчас же.

Конгресс тред-юнионов в Глазго объявил нам, континентальным социалистам, войну. Со стороны лидеров старых тред-юнионов —

коварство, со стороны лидеров новых — глупость. Недостаток уверенности в себе, доверия друг к другу и веры в необходимость организовать *как партия* обнаружались на конгрессе, где старые показали свою складывавшуюся десятилетиями спаянность. Когда эти люди поймут, что они наделали, то в большинстве своем сами об этом пожалеют.

Итак. Цюрихский комитет послал Парламентскому комитету письмо, адресованное *конгрессу*, с приглашением приехать в 1893 г. в Цюрих; текст составила Тусси. Парламентский комитет попытался это письмо скрыть. Вилл Торн тщетно добивался, чтобы об этом сообщили на конгрессе и огласили письмо. Неизменный отказ: конгресс должен предоставить Парламентскому комитету право решать, какие материалы он огласит на конгрессе!! Наконец, Мэткин (Ливерпуль) вносит предложение: конгресс тред-юнионов должен созвать 1 мая 1893 г. *международный конгресс* для принятия решения и подготовки международного законодательства о 8-часовом рабочем дне. Парнелл, который был в Париже, возражает: надо послать делегатов на Цюрихский конгресс и решить этот вопрос там. Возникают большие прения, причем старые спрашивают, зачем ехать в Цюрих, не собираются ли присоединиться к сумасбродным (диким) планам континентальных социалистов и т. п. Снова раздаются требования, чтобы огласить цюрихское письмо, и, наконец, решают его огласить. И, таким образом, уже перед самым голосованием, цюрихское приглашение зачитано со скандалом, и тут же вслед за этим предложение Мэткина о созыве конгресса (но не 1 мая 1893 г., а *немедленно*) принимается 189 голосами против 97; этим самым цюрихское приглашение не то что отклоняется, а небрежно бросается под стол. Зато «скверно организованному» континентальному пролетариату милостиво разрешается приехать на конгресс в Англию, чтобы истинные вожди движения за 8-часовой рабочий день, — те самые, которые еще вчера не на жизнь, а на смерть боролись против этого движения, — как следует их обучили, натаскали и организовали. Из пространного отчета в одной шотландской газете, которую я тебе пошлю, как только получу ее, ты увидишь, что старые оскорбляли нас сколько их душе было угодно, а новые вели себя при этом, как школьники.

Пока посылаю тебе единственный отчет, которым располагаю.

Не следует воспринимать дело трагически. Новые тред-юнионы в таком восторге от перехода старых к требованию законодательного установления 8-часового рабочего дня, что попались на удочку. Большинство, наверное, уже сожалеет об этом, и все последуют

этому примеру, как только поймут, что они наделали. Разъяснить им это должны, по-моему, континентальные товарищи, и если они будут действовать единодушно, дело может принять дурной оборот для старых.

1) Франция и Германия должны выступить единодушно. Тогда все остальные последуют за ними. Поэтому я сегодня через Лауру предлагаю французам связаться с вами, чтобы на ваших конгрессах в Марселе и Берлине была по этому поводу принята резолюция, *по возможности даже текстуально* совпадающая. Насколько я сейчас могу судить (я не видел Эвелинга, который был в Глазго, и еще ни с кем не совещался), лучше всего было бы, если бы вы в решительной, но спокойной и не враждебной форме *категорически* отклонили новоиспеченный проект конгресса о 8-часовом рабочем дне и снова предложили бы отдельным тред-юнионам послать своих делегатов на конгресс в Цюрих. (То же должен сделать и Цюрихский комитет, и притом в специальном циркуляре. Тусси им об этом напишет, но толчок с вашей стороны тоже не повредит.)

2) Если бы, однако, понадобилось пойти еще дальше и хорошенько пристыдить этих младенцев, которые не ведают, что творят, тогда следовало бы послать туда от немцев и французов *по одному человеку*, чтобы разъяснить положение вещей и опротестовать вынесенное в Глазго решение. Но это должны быть делегаты от Центрального комитета *профессиональных союзов и подлинных рабочих*, в настоящем или прошлом, иначе они не будут допущены.

Если Марсель и Берлин будут действовать заодно, то за ними последуют Австрия, Испания и Италия. За Швейцарию можно поручиться: она получила непосредственный пинок; вероятно последует и Бельгия, а также и Скандинавия. Пусть тогда г. Нивенгейс, POSSИБИЛИСТЫ и БЛАНКИСТЫ присоединяются к тред-юнионам, тут-то они и окажутся вне главного русла европейского движения.

Таково пока мое мнение на сегодня. Как только услышу о дальнейшем, напишу опять. Тем временем вы можете обсудить это дело. Во всяком случае высокомерие старых и мягкотелость новых тред-юнионов дает вам великолепный повод разъяснить англичанам свою точку зрения и показать им, что классово-сознательный континентальный пролетариат вовсе не думает становиться под руководство людей, для которых система наемного труда — вечный и непоколебимый мировой распорядок.

Просто счастье, что ограниченное и одностороннее, *исключительно профессиональное* движение так ярко обнаружило в настоящее время свой реакционный характер.

Другая история: на последней конференции Социал-демократической федерации г. Гайндману формальной резолюцией (говорят, принято единогласно) было предложено еще больше устраниваться и впредь не принимать участия в руководстве Социал-демократической федерацией.

Главное для нас всех, это чтобы Марсель и Берлин выступили заодно и сплоченно; все остальное второстепенно. Если там будут вынесены одинаковые решения, то их подхватит вся Европа, а такое событие обойдет всю здешнюю печать. И ваши съезды профессиональных союзов тоже должны протестовать.

Шотландскую газету с отчетом посылаю тебе *этой же* почтой.

Сердечный привет г-же Юлии, Ведьме, тебе и всем друзьям.

Твой Ф. Э.

71.

Конраду Шмидту
в Цюрих.

Лондон, 12 сентября 1892 г.

Дорогой Шмидт,

Вот уже несколько дней, как я вернулся из Райда, где мне поневоле пришлось задержаться на шесть недель у Пумпс. Довольно надоедливое, но в общем незначительное недомогание испортило мне каникулы и расстроило путешествие на континент, во время которого Вы, по всей вероятности, увидели бы меня в Цюрихе.

Я с нетерпением жду Ваших дальнейших исследований о норме прибыли. Фиреман не прислал мне своей статьи, — можно ли получить этот выпуск отдельно? Я бы заказал его себе, если бы Вы точно указали мне номер выпуска и заглавие статьи. Напечатать отдельно раздел о норме прибыли, не дожидаясь остального, решительно невозможно; как Вы знаете, у Маркса все так связано одно с другим, что ничего нельзя вырвать из этой общей связи. И к тому же, если я буду здоров и *меня оставят в покое*, я этой зимой закончу III том (но, пожалуйста, об этом никому не говорите, я знаю, как часто у меня возникали неожиданные помехи), — тогда бедная профессорская душа в этом отношении успокоится, но *лишь* для того, чтобы прийти немедленно в состояние еще большего беспокойства.

О марксовом понимании истории вы найдете в ближайшем номере «*Neue Zeit*» написанную мной статью. Здесь она уже вышла на английском языке.

По вопросам денег и кредита пользоваться трудами немцев абсолютно бесполезно. Сам Маркс жестоко высмеял Кнуса уже много лет тому назад¹. Две наиболее пригодные английские работы — это Тук, «Исследование об основах денежного обращения», 1844 г. и Фуллартон, «О регулировании денежного обращения», второе издание, 1845 г.; и ту и другую можно теперь достать только через букиниста. Все необходимое о деньгах *как деньгах* сказано в I томе «Капитала». В III томе будет, разумеется, много о кредите и кредитных деньгах: это как раз тот раздел, который доставляет мне больше всего трудностей.

«Экономическое объяснение истории» Роджерса во многих отношениях поучительная, но с теоретической точки зрения крайне поверхностная книга. О чем-либо похожем на марксово понимание тут, разумеется, и речи нет.

Ваша статья в «*Neue Zeit*» очень меня порадовала: она была как будто нарочно написана для здешних условий; ведь последователи Джевонса и Менгера здесь страшно расплодились в Фабианском обществе и с высоты своего величия с бесконечным презрением поглядывают на давно уже превзойденного Маркса. Если бы здесь имелся журнал, куда ее можно было бы пристроить, я бы с Вашего разрешения поручил Эвелингу перевести ее под моим наблюдением. Но *сейчас* из этого вряд ли что-нибудь выйдет — такого журнала нет!

Что касается господ независимых², то они сами на себя навлекли свою судьбу. Партия годами с истинно голубиной кротостью переносила их твяканье и еще в Эрфурте дала им полную возможность привести что-нибудь в доказательство их лживой болтовни. Но миллионная партия не может вечно терпеть помехи в своей работе со стороны пятидесяти заносчивых молокососов, которые претендуют на право бросать позорящие обвинения, не считая обязательным для себя приводить доказательства. Теперь они вышли из партии, теперь они могли бы показать, на что они способны, но кроме веч-

¹ В письме к Энгельсу от 25 июля 1877 г. См. *Маркс и Энгельс*, Соч. т. XXIV, стр. 485.

² Полуанархическая оппозиция «молодых», которая после исключения ее из Германской социал-демократической партии на Эрфуртском съезде (1891 г.) безуспешно пыталась организовать самостоятельную партию так называемых «независимых» социалистов.

ной лжи и брани ничего не слышно. Все эти когда-то подававшие надежды Кампфмайеры, Эрнсты, Мюллеры и прочие — что они сделали с тех пор, как освободились от гнета партийного руководства? Их газета¹ абсолютно бессодержательна, а кроме нее они ничего не делают. Если эти господа думают, что были на что-то способны, почему же они этого не делают? Полемика «Vorwärts» против них, как и вообще его полемика, не всегда удачна; газета частенько хватается через край, но это абсолютно не меняет существа дела. Разве эти господа еще до раскола не выступали против фракции и партийного руководства с такими же злостными речами, с какими «Vorwärts» выступает теперь против них? И к тому же они в общем *абсолютно безвредны*. В Германии они мертвы, как всякий, кто отходит от главного русла движения. С тех пор как движение в самой Германии окрепло и руководство находится внутри страны, благоприятная почва для таких склок имеется только в немецких союзах за границей, в чем я лично убедился на примере здешнего Союза в течение 45 лет. До 1860 г. лучшие люди, как правило, находились за границей, теперь же как раз наоборот. На чужбине состав союзов постоянно сменяется, и их члены очень редко достигают среднего уровня людей на родине; находясь вне отечественного движения, с которым они связаны только внешне, они обычно мало заняты действительной работой, поэтому скучают, и это делает их гораздо более склонными ко всяким дрязгам.

Я знаю, что Вы имеете среди «молодых» много товарищей по университету и друзей юности, но это нужно преодолеть. Кроме того, можно и сохранить дружеские личные связи, несмотря на политический разрыв. Но через это всем нам пришлось пройти, а мне так даже в моей собственной набожной и архиреакционной семье. И к тому же Вы все еще сможете оказывать благотворное влияние на Ваших старых друзей, толкая их на путь научных занятий, вместо пустой болтовни. Пусть только эти господа продолжают учиться, и наиболее дельные из них скоро одумаются. Боюсь только, что им помешает в этом свирепствующая среди них эпидемическая мания величия. А что касается травли и ожесточения, то без этого нельзя обойтись. «Не мир принес я на землю, но меч».

На этих днях я вышлю Вам «Положение рабочего класса». С сердечным приветом.

Ваш Ф. Энгельс.

¹ «Der Sozialist».

72.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 16 сентября 1892 г.

Дорогой Барон,

Эде просит меня переписать для тебя один отрывок из «Немецко-Французского Ежегодника». Он указывает только откуда начать, а не *где кончить*. Поэтому посылаю тебе в переписанном виде все до конца письма, а ты уж сам увидишь, что тебе оттуда нужно.

Ковалевский сейчас здесь и выражает готовность послать тебе для «Neue Zeit» статью о большой книге Лаврова на русском языке «Задачи истории мысли», но ему придется написать статью по-французски. Если тебе это подходит, то дай мне, пожалуйста, знать.

В Глазго на конгрессе тред-юнионов шел дым коромыслом. Старые приложили все усилия к тому, чтобы победить, а так как они были организованы, все между собой знакомы и по старой памяти обладали авторитетом, то им удалось добиться многого за счет новых, которые, еще не зная всей механики, попались в сети регламента, были незнакомы между собой, неизвестны также многим более честным элементам из числа старых — и потому мало могли выставить таких лиц, которые, даже и независимо от своего партийного положения, лично вызывали бы всеобщее уважение. (Как Гарди, так и Том Мэн в *широких* кругах не популярны. Бернс, который многое мог бы изменить, отсутствовал.) Таким образом случилось, что большинством голосов Парламентский комитет был выбран из старых, а Фенвик оставлен секретарем. Так как старые, ввиду безнадежности сопротивления, перестали возражать против 8-часового рабочего дня и даже выступали против законодательного установления его лишь для формы, для соблюдения приличий, то большинство новых было в полном восторге; обрадовавшись победе требования о законодательном установлении 8-часового рабочего дня, они махнули рукой на все остальное, и так получилось, что не только были потребованы меры против иммиграции «пауперов», но и приглашение на Цюрихский конгресс было презрительно и для нас прямо-таки в оскорбительной форме отклонено (между прочим, и на том основании, что Цюрихский конгресс созывается не конгрессом английских тред-юнионов!). Наряду с этим было решено немедленно созвать международный конгресс по вопросу о 8-часовом рабочем дне. О ходе прений ты прочтешь в шотландской газете, которую тебе послала Тусси.

Ясно, что наши континентальные товарищи должны занять определенную позицию по этому вопросу. Это подходящий случай, чтобы сделать точку зрения ясной зазнавшимся тред-юнионам. Французы в Марселе, разумеется, положат этому начало.

К сожалению, я, во всяком случае в ближайшее время, не смогу посылать тебе «Workman's Times». Бергесс довольно долго посылал по одному экземпляру Бебелю и некоторым другим на континенте, но вдруг прекратил это; этот господин не желает иметь дела с теми континентальными товарищами, у которых «нет даже тред-юнионистской организации». Поэтому тот экземпляр, который все это время оставался свободным для тебя, я теперь опять вынужден посылать Бебелю, так как у Правления *должен быть* один экземпляр, а до ноября я не смогу изменить число получаемых экземпляров; мне стоит немало труда аккуратно получать те, которые уже заказаны. В ноябре я возобновлю подписку, и тогда будет возможность распорядиться по-иному.

На последней конференции Социал-демократической федерации Гайндману было предложено — говорят единогласно — отстраниться от руководства федерацией и ограничиться только литературной работой. Посмотрим, надолго ли это. Но для него это большой удар.

Жаль, что Эде пропустил также и конгресс тред-юнионов, но тут ничего нельзя было поделать. Ему самому продление каникул принесет только пользу.

Я все еще под домашним арестом, но понемногу поправляюсь.

Твой Ф. Э.

73.

**Национальному совету Испанской социалистической партии
в Мадрид.**

Черновик.

Лондон, 16 сентября 1892 г.

Дорогие товарищи,

Конгресс английских тред-юнионов, состоявшийся в Глазго, на своем заседании от 8 сентября принял резолюцию, которую социалисты континентальной Европы не смогут обойти молчанием.

Цюрихский комитет, которому поручена подготовка ближайшего конгресса Интернационала в 1893 г., в соответствии с брюссельскими резолюциями 1891 г., послал пригласительное письмо конгрессу тред-юнионов. Несмотря на повторные настояния секретаря Союза рабочих газовых заводов товарища Вилли Торна, письмо

это в течение трех дней заседаний конгресса не было зачитано конгрессу, который, следовательно, не имел случая высказаться о цюрихском приглашении.

Наконец, Мэткин предложил резолюцию: Парламентскому комитету конгресса тред-юнионов поручается созвать международный конгресс для обсуждения и принятия соглашения об установлении законодательным порядком в международном масштабе 8-часового рабочего дня.

Товарищи Парнелл (который участвовал в Парижском конгрессе 1889 г.) и Квелч ответили, что на 1893 г. уже созываются два международных рабочих конгресса: один — в Цюрихе, другой — в Чикаго; что Цюрихский временный комитет пригласил конгресс тред-юнионов принять участие в этом конгрессе и что вместо созыва третьего конгресса следовало бы принять приглашение в Цюрих.

Представители старых консервативных тред-юнионов возразили, что конгрессы в Цюрихе и в Чикаго созываются не английскими тред-юнионами; что рабочие континента плохо организованы, слабы и бессильны по сравнению с английскими рабочими; что англичанам не следует принимать на себя ответственность за всякие безрассудные теории континентального социализма и прочее и прочее. Лишь после всего этого было зачитано приглашение нашего Цюрихского комитета.

В заключение 189 голосами против 97 было отвергнуто приглашение Цюрихского комитета и принято предложение «немедленно» созвать международный конгресс для обсуждения и принятия соглашения об установлении законом 8-часового рабочего дня в международном масштабе.

Эти две резолюции являются оскорблением по адресу организованного социалистического пролетариата всего европейского континента. Будем надеяться, что более передовые элементы английского пролетариата, которые *по чувству* уже социалисты, но пока еще испытывают страх перед *названием* и дали увлечь себя старым консерваторам, что эти более понимающие и более отважные элементы сумеют на следующем конгрессе исправить совершенную ошибку.

Тем временем было бы уместно, чтобы континентальные рабочие выступили и оградили свое достоинство от оскорблений, содержащихся в приведенных резолюциях. Я сообщил нашим друзьям во Францию и Германию о событиях в Глазго, в надежде, что они придут к соглашению относительно той линии поведения, которой следует придерживаться; так как французские товарищи через

несколько дней соберутся на свой конгресс в Марселе, они смогут там дать первый отпор тред-юнионам.

Однако, в качестве бывшего секретаря для Испании в Генеральном Совете славного Интернационала, считаю своим долгом сообщить испанскому Национальному совету о событии, которое касается испанских товарищей не менее, чем товарищей других стран.

Привет и социальная революция!

74.

Регине и Эдуарду Бернштейн

в Цюрих.

Лондон, 17 сентября 1892 г.

Дорогая Гина,

От Луизы, которая вновь появилась здесь в среду, я узнал, что Вы еще в Цюрихе, а Кэте уже здесь; вчерашнее же Ваше письмо позволило, наконец, снова установить оборвавшуюся связь. Нам очень жаль, что Вы все еще так болеете, но ведь и этому придет конец, а тем временем Эде сможет еще немного продолжить свое пребывание на свежем воздухе, что ему будет очень полезно, а партии тоже не повредит, раз уж конгресс тред-юнионов он все равно пропустил. На этом конгрессе царила большая неразбериха, самое интересное для нас заседание было в четверг по вопросу о конгрессе. Если бы мы знали Ваш адрес, то послали бы Эде шотландскую газету с отчетом, теперь же несколько имевшихся у нас номеров разошлись по другим направлениям. Несмотря на всяческие старания Торна, цюрихское пригласительное письмо конгрессу тред-юнионов в Глазго упорно скрывалось целых четыре дня, а затем Мэткин, явно по сговору со старыми и с намерением воспрепятствовать посылке делегатов в Цюрих, предложил созвать свой собственный международный конгресс по вопросу о 8-часовом рабочем дне. Это вызвало заявление Парнелла, что лучше поехать в Цюрих. По словам Эд. Эвелинга, Парнелл и Квелч говорили очень хорошо. Но тут все старые точно взбесились: континентальные рабочие слабы и плохо организованы, но если бы англичане взяли их под свое крылышко, то все могло бы пойти хорошо; а Цюрихский конгресс во всяком случае не созван конгрессом английских тред-юнионов: неужели англичане хотят солидаризироваться со всеми этими дикими теориями и с социализмом, которые свирепствуют на континенте, и т. д. (последнее опасение особенно сильно высказывал один из ланкаширских ткачей, только что ставший сторонником 8-часового рабочего дня).

Словом, от радости, что установление законом 8-часового рабочего дня не встречает больше почти никакой оппозиции, конгресс в угоду малосознательным ланкаширским рабочим хлопчатобумажной промышленности без дальнейшего бросил под стол приглашение континентальных рабочих, и решение было принято 189 голосами против 97!

Хотя большинство едва ли понимало, что творило, — это, действительно, гнусное оскорбление, брошенное в лицо всему континентальному рабочему движению. Мы тотчас же дали об этом знать всем, и французы, конечно, в ближайшие же дни в Марселе дадут на это первый ответ. Слишком уж это удобный случай для того, чтобы, не принимая происшедшее слишком трагично, все же сбить спесь со *старых* тред-юнионистов, все более и более развивающихся в реакционном направлении.

Прилагаю номер «Pall Mall Gazette» со статьей Эвелинга о гамбургских социалистах и о холере.

В «Daily Chronicle» появилась длинная критическая статья о «Развитии социализма», которую Вы, вероятно, видели. Вот умницы!

Французская ежедневная газета все еще находится в зачаточном состоянии, попрежнему ведутся переговоры, но это все же лучше, чем снова бросаться, очертя голову, в какую-нибудь кратковременную авантюру.

Луиза вернулась в прекрасном настроении, нашла свою мать и Игнаца здоровыми и бодрыми и шлет Вам сердечный привет.

Теперь еще несколько строк для Эде, поэтому желаю Вам всего хорошего.

С сердечным приветом.

Ваш Ф. Энгельс.

Дорогой Эде,

Требуемую выдержку я отправил вчера К. Каутскому, причем переписал, начиная с указанных слов и *до конца* письма; при этом я сказал ему, что ему, конечно, самому будет видно, надо ли использовать все или только часть и какую именно.

На последней конференции Социал-демократической федерации (в «банковский праздник»¹, в первый понедельник августа) Нейлор, кандидат, провалившийся в Хакней², предложил выбросить Гайнд-

¹ Bank holiday — празднуется в Англии банками и другими учреждениями четыре раза в год по понедельникам — после пасхи, после троицы, первый понедельник августа и 26 декабря.

² Район Лондона.

мана вон. Это встретило большое сочувствие, особенно среди делегатов из провинции, но Нейлора уговорили сформулировать свое предложение более мягко, чтобы получить возможно более значительное большинство. В результате постановили (как утверждает Нейлор — единогласно) предложить Гайндману отстраниться от руководства Социал-демократической федерацией и посвятить себя литературной пропаганде. Как долго это будет продолжаться, увидим. Во всяком случае для одержимого манией величия это жестокий удар. Каган из Нью-Йорка, который посетил его, ничего не подозревая об этой истории, нашел его в состоянии меланхолии, отрешенности и удивительного примиренчества по отношению ко всем, кого он прежде втапывал в грязь.

«Workman's Times», т. е. Бергесс, тоже хочет стать теперь вождем партии. Ты, вероятно, уже читал, что те 400 фунтов стерлингов, которые он во время выборов предложил Бернсу, Кейр Гарди, Нейлору и Бен Эллису, были им получены от Чемпиона (или через последнего от мыловаренных заводов Гудсон).

Словом, со времени твоего отъезда многое здесь изменилось, и тебе предстоит среди здешней публики много дела, и весьма интересного.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

Кэте я еще не видел.

75.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 22 сентября 1892 г.

Милостивый государь,

Итак, мы согласны пока в этом одном пункте: что Россия в 1892 г. не могла бы существовать как исключительно сельскохозяйственная страна, что она должна дополнять свое сельскохозяйственное производство и производством промышленным.

Так вот, я утверждаю, что промышленное производство в наше время означает крупную промышленность, пар, электричество, сельфакторы, механические ткацкие станки и, наконец, машины для производства машинного оборудования. В тот день, когда Россия ввела у себя железные дороги, введение этих современных средств производства было предрешено. Вы *должны* быть в состоянии отремонтировать ваши собственные паровозы, вагоны, железные дороги, а это можно сделать дешево, только если вы в состоянии *строить* у себя все то, что вам надо ремонтировать. С того момента, как военное

дело стало одной из отраслей крупной промышленности (броненосцы, нарезная артиллерия, скорострельные и магазинные ружья, винтовки, пули со стальной оболочкой, бездымный порох и пр.), крупная промышленность, без которой все это не может быть изготовлено, стала политической необходимостью. Все это нельзя производить без высоко развитой металлообрабатывающей промышленности, а последняя, в свою очередь, не может существовать без соответствующего развития всех других отраслей промышленности, и в особенности текстильной.

Я совершенно согласен с Вами, что начало новой промышленной эры для вашей страны следует отнести приблизительно к 1861 году. Крымскую войну именно характеризует безнадежная борьба нации с примитивными способами производства против наций с современным производством. Русский народ прекрасно понял это, и отсюда переход к современным формам, — переход, сделавшийся бесповоротным после освободительного акта 1861 года.

Раз уж признана эта необходимость перехода от примитивных методов производства, преобладавших до 1854 г., к современным методам, начинающим преобладать теперь, то становится второстепенным вопрос, был ли этот тепличный процесс поощрения промышленной революции путем покровительственных и запретительных пошлин выгодным или даже необходимым, или наоборот.

Эта тепличная атмосфера в области промышленности придает острый характер процессу, который в противном случае мог бы стать более затяжным. Она втискивает в какие-нибудь двадцать лет процесс, который при других условиях занял бы шестьдесят лет или более. Но это не влияет на самую природу этого процесса, который, как Вы сами говорите, ведет свое начало с 1861 года.

В одном можно не сомневаться: если Россия действительно нуждалась в отечественной крупной промышленности и твердо решила иметь ее, то она не могла ее приобрести иначе, как посредством хотя бы известной степени протекционизма, — и это Вы допускаете. С этой точки зрения вопрос о протекционизме становится тогда только вопросом степени, а не принципа; самый же принцип был неизбежен.

И еще в одном можно не сомневаться: если Россия нуждалась после Крымской войны в отечественной крупной промышленности, то она могла получить ее лишь в одной форме: в капиталистической форме. Ну, а вместе с этой формой она должна была принять и все те последствия, которые сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах.

Но я не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались в чем-нибудь от того, что мы видим или видели в Англии, Германии, Америке. В Америке условия сельского хозяйства и земельной собственности иные, и это действительно *создает* известные различия.

Вы сетуете на медленный рост числа рабочих в текстильной промышленности по сравнению с ростом продукции. Но то же самое происходит повсюду. Иначе откуда бы взялась наша многочисленная «промышленная резервная армия»? («Капитал», т. I, гл. 23, разд. 3 и 4).

Вы доказываете постепенное вытеснение мужского труда трудом женщин и детей («Капитал», т. I, гл. 13, разд. 3а).

Вы сетуете, что товары машинного производства вытесняют продукты домашней промышленности и, таким образом, губят подсобное производство, без которого крестьянин не может жить. Но мы имеем тут совершенно неизбежное последствие капиталистической крупной промышленности: создание внутреннего рынка («Капитал», т. I, гл. 24, разд. 5), явление, которое произошло в Германии уже в мое время и на моих глазах. Даже то, что Вы говорите о вторжении хлопчатобумажных товаров, которые губят не только кустарное прядильное и ткацкое производство крестьян, но также и крестьянскую *культуру льна*, — то же наблюдалось в Германии между 1820 г. и нынешним временем. Вообще, что касается этой стороны дела, т. е. разрушения домашней промышленности и подсобных ей отраслей сельского хозяйства, то мне кажется, что в действительности вопрос для вас стоит здесь так: русским надо было решить — будет ли их домашняя промышленность уничтожена их *собственной* крупной промышленностью, или же это дело будет выполнено *ввозом английских товаров*. При протекционизме это сделают *русские*, без протекционизма — *англичане*. Мне все это кажется вполне очевидным.

Ваше вычисление — что общая сумма текстильной продукции как крупной, так и домашней промышленности не возрастает, а остается той же самой или даже сокращается — не только совершенно правильно, но оно было бы неправильным, если бы вы пришли к другому результату. Пока русская промышленность ограничена только своим внутренним рынком, ее продукты могут только покрывать внутреннее потребление. А последнее может возрастать лишь медленно и, как мне кажется, при нынешних условиях русской жизни скорее должно было бы падать.

Ведь одно из необходимых последствий крупной промышленности заключается в том, что она *разрушает* свой собственный

внутренний рынок в ходе того самого процесса, посредством которого она его *создает*. Она создает рынок, разрушая основу крестьянской домашней промышленности. Но без домашней промышленности крестьяне не могут существовать. Они разоряются *как крестьяне*; их покупательная способность доходит до минимума, и пока они, как *пролетарии*, не создадут себе новых условий существования, они представляют из себя весьма жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов.

Капиталистическое производство, будучи преходящей экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся явными по мере его развития. Эта тенденция — разрушать свой собственный рынок одновременно с его созданием — представляет как раз одно из таких противоречий. Другое противоречие это — то **безвыходное положение**, к которому приводит капиталистическое производство и которое в стране *без* внешнего рынка, как Россия, наступает скорее, чем в странах, более или менее способных конкурировать с другими на открытом мировом рынке. В последних это, казалось бы, безвыходное положение находит себе разрешение в героических средствах торговой политики, в насильственном открытии новых рынков. Однако и в этих случаях бросается в глаза, что они снова попали в тупик. Взгляните на Англию. Последний новый рынок, который, если бы он был открыт для английской торговли, мог бы привести к временному возрождению процветания, это — Китай. Поэтому английский капитал и настаивает на постройке китайских железных дорог. Но китайские железные дороги означают разрушение всей основы мелкого китайского земледелия и домашней промышленности; а так как там не будет создано, в противовес, китайской крупной промышленности, то сотни миллионов населения будут поставлены в условия, невозможные для существования. Последствием этого будет такая массовая эмиграция, какой свет еще не видывал, — она затопит Америку, Азию и Европу ненавистными китайцами, которые начнут конкурировать в области труда с американским, австралийским и европейским рабочим на основе китайского уровня жизни, самого низкого из всех; и если к тому времени вся система производства еще не будет изменена в Европе, то ее необходимо будет тогда изменить.

Капиталистическое производство готовит свою собственную гибель, и Вы можете быть уверены, что так будет и в России. Оно может вызвать, и если просуществует достаточно долго, то непременно вызовет коренную аграрную революцию, — я разумею революцию в условиях земельной собственности, которая разорит

и помещика, и мужика и заменит их новым классом крупных земельных собственников, вышедших из деревенских кулаков или из городских буржуа-спекулянтов. Во всяком случае я убежден, что консервативные элементы, насаждавшие в России капитализм, будут в один прекрасный день ужасно поражены последствиями своих собственных дел.

Искренне Ваш

И. В. Рошер.

76.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 25 сентября 1892 г.

Дорогой Виктор,

Твое дело со Степняком улажено, и даже до получения твоей телеграммы и двух писем. Дело в том, что Степняк (после того как Луиза по твоему поручению проспла его закончить дело) прислал мне твое письмо от 15-го с припиской, что им уже получено формальное согласие Зонненшейна и что он зайдет завтра (т. е. в прошлый четверг, 22-го) обменять это согласие на 15 фунтов стерлингов, присланных на мое имя. Хотя я и не получил никакого уведомления от тебя, все же я слишком хороший коммерсант, чтобы не поверить подписи известной фирмы В. А., даже если формальное уведомление еще до меня не дошло. Ведь ты приставил нож к горлу Степняку, но в известной мере и мне, иначе, будь у меня хоть какой-нибудь выход, я бы попытался в твоих же интересах уклониться пока от выплаты. И это только потому, что в настоящее время ты уже уплатил Степняку *все*, что *ему* причитается, поэтому в издании твоего перевода он заинтересован только как автор, но не в денежном отношении, а это, насколько я знаю своих русских друзей, не очень-то верный способ заставить его работать над вторым томом. Словом, тут больше ничего нельзя было поделать. Я мог бы, правда, попросить его дать мне письменное обещание, что он представит свою работу в определенный срок, но это было бы совершенно бесполезно; у тебя уже достаточно расписок от него, и еще один росчерк пера не заставил бы его работать быстрее.

Итак, я довольствовался его обещанием, данным в присутствии Луизы, сдать тебе все, что полагается, не позже чем через две недели (улита едет, когда-то будет!), после чего я уплатил ему по прилагаемой расписке и на основании вполне достаточного заявления Зонненшейна 15 фунтов стерлингов, которые, согласно твоему

обещанию, он должен был получить у меня. Ты пишешь ему: Вы можете также передать г. Энгельсу документ и *немедленно получите от него 15 фунтов*. Как видишь, против такого категорического заявления ничего нельзя было поделать.

Когда ты пишешь, что требовал от него и *его* работу «до уплаты», то это ошибка. Я очень хотел, чтобы твои слова позволили мне предъявить такое требование. Но ты связал уплату, да еще «немедленно», только с формальным документом от Зонненшейна.

Я при этом растолковал Степняку, что он своей халатностью подвел сам себя и что при рациональном ведении дела можно было удовлетворить С. Зонненшейна и К^о *самое большее* 5 фунтами, и он, Степняк, получил бы соответственно больше (Эвелинг утверждает, что С. Зонненшейн и К^о дали бы разрешение и *безвозмездно*, ибо перевод и так является рекламой для книги). Это было для него новостью, и он, верно, запомнит этот урок. Но наибольший ущерб потерпел на этом ты.

Общий вывод: в дальнейшем в подобных случаях лучше сообщай мне о деле заранее, и тогда я либо дам тебе совет, отнюдь не обязательный, либо сразу начну — сам или через Луизу или через Эвелингов — переговоры от твоего имени здесь на месте. Даже в литературных делах «знакомство с местными условиями» — первое требование, если не хочешь, чтобы тебя надули.

Мы радуемся тому, что твоя жена так хорошо поправляется, и надеемся, что и дальше так будет продолжаться. Шлем вам наши наилучшие пожелания.

Андреаса Шея мы уже несколько лет не видели, несколько месяцев ничего о нем не слышали и бесконечно долго здесь о нем не говорили. Не знаем о нем решительно ничего. По поводу дяди Юлиуса и Тетки можешь быть спокоен — мы с ними никогда почти не видимся, так как они систематически нас избегают, а рассказываем им и того меньше.

Сообщение о Гайндмане не следовало печатать. Это было непроверенное частное сообщение, в котором могли быть *формальные* неточности. *По существу* оно верно: Гайндман отстранен, хотя и самым деликатным образом. Одна *угроза* того, что подобное предложение может быть внесено и поддержано большинством делегатов, могла так подействовать. Хуже всего то, что на опровержение заметки нельзя возразить, не сделав тем самым его позицию здесь более выгодной. Сам он написал в «Justice», причем высказал предположение, что «Vorwärts» не перепечатает его письма. Значит, теперь выходит, что осрамился-то он.

«Социальные отношения в России» ты получишь в двух экземплярах. Что касается «Бакунистов за работой», то я пока нашел только *один* (переплетенный с другими работами) экземпляр, мой рабочий экземпляр. Одалживать книги с агитационной целью я по неволе отучился, и тебе советую то же. Орудия моего ремесла я раз навсегда решил не отдавать из дому.

Мое здоровье попрежнему «*immer langsam voran*»¹. Луиза говорит, что ты спрашивал, давно ли у меня эта история, — она обнаружила лет десять тому назад вследствие неосторожности, а начало ей было положено падением вместе с лошастью на охоте лет 25 тому назад. Далее могу сообщить, что уже через несколько лет после того как болезнь обнаружилась, я вынужден был из-за неприятных ощущений в области пахового канала носить особый бандаж, и кроме того в этой области с левой стороны образовалось, повидимому, небольшое расширение вен. За последние несколько дней я наблюдаю как будто решительный перелом к лучшему, но все-таки еще остается чувствительность при надавливании, особенно после непродолжительной ходьбы или стояния. Во всяком случае, я должен еще запастись терпением и соблюдать покой. Луиза передавала мне, что ты любезно согласился узнать о каком-нибудь здешнем специалисте, это было бы мне очень кстати, так как всякая...²

77.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 26 сентября 1892 г.

Дорогой Барон,

Прилагаю совершенно, на мой взгляд, необходимые исправления обоих мест.

I. О решении, принятом в последний день, все же послать делегатов на Цюрихский конгресс я ничего не читал и ничего не слышал от присутствовавшего там Эвелинга. Что-то в этом роде было, как будто, напечатано в «Daily Telegraph», теперь это трудно установить. Эвелинга, который собирался прийти, до сих пор — 4 часа 40 минут — все еще *нет*, и поэтому я не могу его расспросить. В отчете «Daily News» ничего подобного нет. Нет ничего и в «Workman's

¹ Нем. — «всегда вперед, не спеша».

² Окончание письма не сохранилось.

Times». Возможно, что Бебель прочел что-нибудь такое в «Frankfurter Zeitung». Поэтому я считаю самым правильным оговорить это место, как я указал.

II. Что ряд лиц, называющих себя «независимой рабочей партией», собрались в Глазго под председательством Кейр Гарди, — это верно. Но это независимая рабочая партия, которую на свой страх и риск пытается сколотить Бергесс (Аутоликус) из «Workman's Times», и ни в коем случае не настоящая, признанная партия, вроде нашей в Германии или Австрии; это пока простая секта, вроде Социал-демократической федерации, с которой она конкурирует. Имя Кейр Гарди, повидимому, ввело Бебеля в заблуждение и заставило отнестись к этой истории более серьезно, чем она того заслуживает. Но Кейр Гарди — шотландец и очень хитер в своей дипломатии. к тому же жаждет как можно лучше использовать свое новое положение в качестве члена парламента (причем он кое в чем осрамился); но со временем он исправится, пусть только обломает себе рога. Я считаю его лучше, чем он сейчас кажется.

Обо всем этом я тут же пишу Бебелю. На-днях напишу больше. Эде должен возвратиться завтра или в среду. Твои поручения будут исполнены.

Твой Ф.мЭ.

78.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 26 сентября 1892 г.

Дорогой Август,

О Кугельмане Луиза кое-что тебе уже рассказала. Вначале, в 60-х годах, он был в весьма дружеских отношениях с Марксом, многое сделал для того, чтобы сломить заговор молчания, которым печать встретила появление в свет *I тома «Капитала»*, а также убедил Маркса поехать в Карлсбад, что принесло ему большую пользу; но, проведя там некоторое время вместе, они совершенно разошлись. После смерти Маркса он стал писать мне чаще, но я старался держаться холодно, так как не был убежден, что на него можно положиться. Во всяком случае он имеет связи не только в одном лагере.

По поводу экземпляров «Господина Фогта»¹ я написал ему с просьбой сперва сообщить мне, сколько их у него. Тут есть ряд привходящих соображений. Мне кажется, что даже Тусси и Лаура

¹ См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 247—543.

не имеют своего экземпляра. Насколько возможно, и тебя примем во внимание.

Ардт — студент, был в Женеве, затем уехал в Испанию, встречался с нашими товарищами в Мадриде, а потом приехал сюда. Здесь Юлиус взял его под свое крылышко; иногда он заходил и к нам, затем неожиданно уехал в Париж. О своем намерении писать корреспонденции в «Vorwärts» он не говорил нам ни слова — возможно, что Юлиус был в этом посредником. Я дал ему записку к Лауре, но не знаю, явился ли он туда; справлюсь об этом. Лаура могла также направить его к Вайяну, а так как тот находится в Париже, Лафарг же вечно в разъездах, то этим и объясняется преимущественное внимание, которое он уделяет бланкистам и их союзникам — аллеманистам. Можешь ли ты мне достать адрес Ардта? После конгресса, а главное, когда начнет выходить ежедневная газета, Лафарг будет больше бывать в Париже, и парня надо будет направить прямо к нему и к Гэду.

Майера из Сен-Луи я как будто вспоминаю, но ведь столько народу носит эту фамилию! Надо надеяться, что К.¹ чего-нибудь добьется, он так любит хвастать своими связями.

Пипер был в свое время домашним учителем у здешнего Ротшильда; сейчас он преподает в одной из гимназий в Ганновере, где Маркс встретил его однажды, кажется в 1867 г., на улице в образе надутого филистера.

Целиком разделяю твое мнение, что надо придерживаться ежегодного созыва партийных съездов. Вам, как Правлению, хотя бы для соблюдения устава, следует этого придерживаться; в противном случае вы дадите отличный повод крикунам. Да и вообще важно, чтобы сама партийная масса высказывалась хоть раз в год; это необходимо всегда, а сейчас вдвойне — как против «независимых», так и против Фольмара.

Очень жаль, что вы ни с того, ни с сего пустили мои сообщения о Гайндмане в печать. По этому случаю я определенно и раз навсегда заявляю на будущее время, что мои сообщения в частных письмах предназначены для вашей информации, и в случае надобности могут быть использованы — с соблюдением надлежащей сдержанности, — чтобы исправить неверные сообщения или воспрепятствовать появлению в «Vorwärts» ошибочных отчетов и статей; но для непосредственного опубликования их можно использовать только в том случае, если это прямо указано. В противном случае мне надо было бы

¹ Повидимому, Л. Кугельман.

либо молчать обо всем, чего я не могу прямо доказать, либо же рисковать тем, что в большинстве случаев мне придется выдать свой источник и из-за этого лишиться его на будущее время.

Само сообщение по существу *безусловно правильно*, как доказывает каждый номер «Justice»; нападки на здешних и континентальных деятелей прекратились, и от всего гайндмановского духа не осталось и следа. Однако вполне возможно, что в сообщении были *формальные* неточности — например, что Гайндман подал в отставку при одной лишь *угрозе* такой резолюции и т. д. Досадно только, во-первых, что эта история закрывает нам этот и другие источники осведомления о событиях внутри Социал-демократической федерации, во-вторых, что она улучшает положение Гайндмана, и, в-третьих, что мы против этого ничего не можем предпринять без того, чтобы не улучшить его положения еще больше.

Гайндман написал кое-что в «Justice», где выражает уверенность, что вы *не* перепечатаете его письма. Таким образом, он с этой стороны осрамился. Постараюсь достать для тебя один экземпляр.

Кугельману я написал, что, поскольку это входит в *мою* компетенцию, тебе разрешается прочесть письма Маркса к нему. Кажется, у него имеется также «Рыцарь благородного сознания»¹.

Сегодня я получил от К. Каутского оттиск твоей статьи. Он меня спрашивает относительно двух мест:

I. О постановлении, принятом в Глазго, все-таки послать делегатов в Цюрих «Daily News» ничего не сообщает; ничего не слышал и Эвелинг, иначе он сказал бы об этом. Он собирался сегодня зайти, но не пришел. Луиза говорит, что на обратном пути в Лондон она что-то в этом роде читала в «Daily Telegraph». При таких обстоятельствах я посоветовал К. Каутскому вставить слова: *«если соответствующие сообщения газет правильны»*. Это вполне снимет с тебя ответственность.

II. «Нарождающаяся независимая рабочая партия — ее сторонники впервые собрались после окончания конгресса в Глазго. чтобы конституироваться, —» и т. д., и т. д. Я посоветовал К. Каутскому при всех условиях вычеркнуть слова между тире: «ее сторонники... конституироваться». Нарождающаяся здесь независимая партия еще далека от того, чтобы конституироваться, и отнюдь не желательно, чтобы уже сейчас она делала попытки в этом направлении. Для этого она еще не созрела. Независимая рабочая

¹ «Рыцарь благородного сознания» — памфлет Маркса, написанный в 1853 г. против авантюристической «левой» фракции А. Виллиха — К. Шаппера в Союзе коммунистов. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. VIII, стр. 559—582.

партия, члены которой более или менее сконституировались в Глазгопод председательством Кейр Гарди, это секта, организованная Аутоликусом (Джозефом Бергессом) из «Workman's Times», которая пока насчитывает около 2 000 членов и конкурирует с Социал-демократической федерацией в вербовке чуть затронутых социализмом рабочих. Пока что она не в большей мере *действительно* независимая рабочая партия, чем Социал-демократическая федерация, и ничуть не лучше и не хуже той. Посмотрим еще, что из нее выйдет; но *мы* ни в коем случае не должны безоговорочно провозглашать ее *действительно* независимой рабочей партией, подлинной и единственной, на этом мы здорово могли бы обжечься.

Кейр Гарди после своего избрания выдвинулся на первый план отчасти смешным, отчасти недостойным образом и стал важничать. Успех вскружил ему голову; ему необходимо несколько поубавить спесь. Он хочет, повидимому, насильно отеснить на задний план Бернса, который ведет себя очень скромно и сдержанно (он передал мне о своем намерении зайти, чтобы посоветоваться относительно позиции, которую следует занять). Думаю, что все это уладится; Кейр Гарди лучше, чем он себя сейчас проявляет; но из того, что *он* участвует в каком-нибудь деле, вы еще отнюдь не должны заключать, что это дело безусловно заслуживает одобрения.

В остальном я вполне согласен с твоей статьей: спокойно, достойно, решительно.

Состоявшийся в Марселе конгресс профессиональных союзов (Congrès des Syndicats), следуя тому предложению, которое я сделал Лафаргу, постановил *не принимать участия в созываемом тред-юнионами международном конгрессе, а пригласить их приехать на Цюрихский конгресс*. (Это не буквальный текст решения, я его еще не получил. Либкнехт, вероятно, пошлет его вам, он зашел как раз в то время, когда Лафарг писал.) Конгресс Рабочей партии примет такое же решение. Я обратил внимание Лафарга на то, что тред-юнионы не считают конгрессы и резолюции рабочих партий полноценными, а к конгрессам и резолюциям профессиональных союзов, напротив, относятся с полнейшим уважением. Если бы вы могли добиться в Германии резолюций профессиональных союзов в том же духе, это возымело бы здесь свое действие; этим ни в коем случае не следует пренебрегать.

Ты мог бы прислать *нам* экземпляров 12 твоей статьи для распространения в здешних газетах. Тут очень мало кто знает иностранные языки, если кто-нибудь заглянет в статью, это будет чистейшая случайность. Чтобы поместить здесь что-нибудь в печать, надо

прибегать к иным средствам. Если, например, Эвелинг с *готовой статьей* явится в редакцию «Pall Mall Gazette», то, вероятно, сможет ее пристроить. В тот же вечер мы разослали бы оттиски по другим редакциям, так чтобы они *все* получили ее одновременно, тогда можно было бы рассчитывать, что та или иная газета что-нибудь скажет по этому поводу. Но раз *одна* газета сообщила о чем-нибудь подобном, то никакая другая уже не возьмет об этом материала, — такое уж здесь правило. Поэтому мы должны иметь возможность здесь на месте определить момент рассылки. Зато во Францию ты мог бы послать экземпляры прямо в газеты, специально указав, что статья *написана тобой*, возможно там это удастся; во Франции у нас нет ни одной газеты, в которой мы могли бы что-нибудь поместить. Ты мог бы послать в «L'Éclair» (эта газета скорее всего напечатала бы что-нибудь), «Le Figaro», «Le Temps», «Le Matin», «La Justice», «L'Intransigeant», «Le Parti ouvrier» (поссибилистская), «Le Parti Socialiste» (49, rue de Rivoli, бланкистская, еженедельная).

Сообщи мне, пожалуйста, продолжает ли редакция «Workman's Times» посылать тебе свою газету или нет. Здесь говорят, что посылка за границу бесплатных экземпляров прекращена. Если это верно, я буду посылать ее тебе вместо Фишера, который сможет читать ее у тебя или после тебя.

Я с удовольствием приписал бы несколько слов для твоей жены, но уже десятый час вечера и я, вопреки запрету врача, уже слишком долго пишу при искусственном освещении. Сегодня весь день пришлось писать — Виктору и К. Каутскому, так что ты попроси ее извинить меня. Но она получит от меня отдельное письмо. А пока передай ей мой сердечный привет.

Твой *Генерал*.

Я сейчас узнал от Луизы, что ты давно уже не получаешь «Workman's Times». Следовательно, этот вопрос выяснен.

79.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 27 сентября 1892 г.

Дорогой Виктор,

Не успело вчера мое (заказное) письмо к тебе отправиться, как явился посыльный из Лионского кредита и вручил мне в погашение выплаченного мною аванса пресловутые 15 фунтов, о получении которых спешу с благодарностью уведомить.

Марсельский конгресс профессиональных союзов (синдикатов), состоявшийся до конгресса Рабочей партии, постановил *не* посылать делегатов на созываемый тред-юнионами в Глазго конгресс по вопросу о 8-часовом рабочем дне, а вместо этого пригласить тред-юнионы приехать в Цюрих. Съезд партии, как пишет Лафарг, примет аналогичное решение. Если бы ваши профессиональные союзы высказались в этом же духе, это произвело бы здесь впечатление, ибо решения *политических* рабочих конгрессов надутые господа из старых тред-юнионов не признают полноценными!

Привет твоей жене и детям и тебе самому от Луизы, а также от твоего

Ф. Э.

80.

Францу Мерингу

в Берлин.

Лондон, 28 сентября 1892 г.

Уважаемый г. Меринг,

Каутский прислал мне отрывок из одного Вашего письма, в котором содержится вопрос ко мне. Если Вы считаете неудобным писать мне прямо, потому что я когда-то не ответил на два Ваших письма, то я не имею права быть на это в обиде. Но ведь тогда мы принадлежали к разным лагерям, в силе был закон против социалистов, и это заставляло нас придерживаться правила: кто не с нами, тот против нас. К тому же Вы сами, если я не ошибаюсь, говорили в одном из писем, что не можете рассчитывать на ответ. Но это было давно, с тех пор мы оказались в одном лагере. Вы напечатали в «*Neue Zeit*» превосходные работы, на признание которых я не скупился в своих письмах, например, к Бебелю. Поэтому я с удовольствием пользуюсь случаем ответить Вам непосредственно.

Разумеется, претензия приписывать открытие материалистического понимания истории прусским представителям романтической исторической школы является для меня новостью. У меня у самого есть «Наследство» Марвица, я читал эту книгу уже несколько лет тому назад, но ничего не обнаружил в ней, кроме превосходных мест о кавалерии и непоколебимой веры в чудодейственную силу пяти ударов кнута, когда дворянство применяет их против плебса. Вообще же я с 1841—1842 гг. абсолютно не следил за этой литературой, знакомился с ней только весьма поверхностно и, конечно, абсолютно ничем не обязан ей в упомянутом отношении. Маркс во время своего пребывания в Бонне и Берлине познакомился с Адамом Мюллером, «Реставрацией» г. фон Галлера и т. п.; он отзывался довольно

презрительно об этом пошлом, высокопарно-болтливом подражании французским романтикам — Жозефу де Местру и кардиналу Бональду. Если бы он и натолкнулся на такие места, как приводимая Вами цитата из Лавернь-Пегилена¹, то они в то время не могли произвести на него абсолютно никакого впечатления, даже если бы он вообще и понял, что эти люди хотели сказать. Маркс был тогда гегельянцем и для него это место было абсолютной ересью; о политической экономии он абсолютно ничего не знал и, следовательно, при словах «форма хозяйства» вовсе ничего не мог себе представить, и потому упомянутое место, даже *если* он его и знал, должно было в одно ухо войти, а в другое выйти, не оставив в его памяти сколько-нибудь заметного следа. Но я не думаю, чтобы в произведениях романтических историков, которые Маркс читал между 1837 и 1842 гг., можно было найти отзвуки чего-либо подобного.

Это место, действительно, в высшей степени примечательно, но мне бы хотелось, чтобы цитата была проверена. Я не знаю этой книги, автор ее мне, конечно, известен как последователь «исторической школы». Это место в двух пунктах расходится с современным пониманием: 1) в том, что оно выводит производство и распределение из формы хозяйства, вместо того чтобы, наоборот, выводить форму хозяйства из производства, и 2) в той роли, которую оно приписывает «соответствующему использованию» формы хозяйства, под чем можно подразумевать что угодно, пока не узнаешь из самой книги, что имеет в виду автор.

Но всего удивительнее то, что правильное понимание истории обнаруживается *in abstracto*² у тех людей, которые *in concreto*³ всего больше искажали историю и в теории, и на практике. Эти люди уже на примере феодализма могли бы увидеть, каким образом *здесь* форма государства развивается из формы хозяйства; потому что здесь, так сказать, все неприкрыто и ясно как на ладони. Я говорю *могли бы*, так как, помимо вышеупомянутого непроверенного места — Вы сами говорите, что получили его *из вторых рук*, — я нигде ничего подобного не смог обнаружить, кроме того, что, само собой разумеется, теоретики феодализма менее абстрактны, чем буржуазные либералы. Если уж один из них это представление о взаимосвязи развития культуры и формы государства с формой хозяйства

¹ Выдержка из книги М. Лавернь-Пегилена «Законы движения и производства», Кенигсберг 1838. См. Ф. Меринг, Об историческом материализме, Москва 1918, стр. 12.

² Лат. — в абстрактной форме.

³ Лат. — в конкретной форме.

в феодальном обществе обобщает настолько, что распространяет его на все формы хозяйства и государства, то как же тогда объяснить полнейшее ослепление того же романтика, лишь только речь идет об *иных* формах хозяйства, о буржуазной форме хозяйства и о соответствующих различным ступеням ее развития формах государства — о средневековой цеховой коммуне, об абсолютной монархии, о конституционной монархии, о республике? Ведь это же трудно согласовать одно с другим. И тот же человек, который видит в экономической форме основу всего общественного и государственного строя, принадлежит к школе, для которой уже абсолютная монархия XVII и XVIII веков есть грехопадение и предательство по отношению к истинной государственной доктрине!

Но это также означает во всяком случае, что форма государства так же неизбежно вытекает из формы хозяйства и из ее *соответствующего использования*, как ребенок рождается от мужчины и женщины. Принимая во внимание всемирно известную доктрину школы, к которой принадлежит автор, я могу объяснить это только таким образом: истинная форма хозяйства это — феодальная. Но так как люди по злобе своей против нее в заговоре, надо таким образом ее «соответственно использовать», чтобы защитить ее неприкосновенность от этих нападков и сохранить навеки, и чтобы «форма государства» и т. д. постоянно ей соответствовала, т. е. была по возможности возвращена к тому состоянию, в котором находилась в XIII—XIV веках. Тогда одновременно нашел бы свое осуществление лучший из миров и осуществились бы прекраснейшие исторические теории. Обобщение Лавернь-Пегилена опять сведено было бы к своему истинному содержанию: что феодальное общество порождает феодальный государственный строй.

Впредь до выяснения новых данных могу только предположить, что Лавернь-Пегилен сам не понимал, что писал. Некоторые животные, согласно пословице, тоже иной раз находят жемчужину, а среди прусских романтиков эти животные широко представлены. Во всяком случае их всегда следует сравнивать с их французскими образами — не заимствовано ли также и это.

Вас я могу только благодарить за то, что Вы обратили мое внимание на этот вопрос, который я, к сожалению, не смогу разобрать здесь подробнее в настоящий момент.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

81.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 29 сентября 1892 г.

Дорогой Барон,

Эде и Гина самые удивительные люди на свете. Сегодня утром пришла от них из Берна открытка с видом, от 27 сентября, а сегодня днем, в 1 ч. 30 м., они вваливаются собственной персоной, оба прекрасно выглядят, особенно Гина, хотя она еще продолжает лечить горло; но, главное, Эде производит впечатление человека, преодолевшего всякую неврастению. Так как в последнее время у них творилась невообразимая путаница с адресами, я спешу опередить их и сообщаю тебе, что они пока что поселились 23, Compton Terrace, Хайберн, возле самой станции Хайберн и Излингтон Лондонской северной железной дороги.

Письмо Меринга, которое при сем возвращаю, вынуждает меня, если я не хочу его обидеть — а это, разумеется, не приходит мне в голову, — ответить ему лично, что я и делаю на прилагаемом листке, который прошу тебя ему передать.

Ковалевскому в пятницу я сказал, чтобы он послал тебе статью. «Zentralblatt»¹ здесь получают у нас дома и Эвелинги. Мужская половина семьи Браун, повидимому, никак не может решиться окончательно порвать с катедер-социалистами. Респектабельность!

Поскольку ты спрашивал меня насчет статьи по истории социалистических организаций Англии, я тебе рекомендовал Тусси, так как она единственная, вместе с Эвелингом, может справиться с этим делом. По этому вопросу существует большая по объему, но неполноценная литература, причем в ней ничего не пишут о том, что происходило в действительности и чего публика не должна узнать. Кто сам не участвовал в движении, тот *не может* о нем судить, т. е. знать отдельные его эпизоды и объективно их изложить. Эде, например, пришлось бы перевероршить комплекты «Justice», «To-Day», «Labour Elector», «Commonweal» и т. д. за все годы до его приезда в Лондон, а потом еще расспросить Тусси о значении событий, и все же это все было бы из вторых рук. Между тем, довольно затруднительно разъяснить все это самому Эде, который только что оправился от неврастении, и так как это дело не спешное, то временно я ничего не предпринимаю. Ты с Эде виделся чаще, чем

¹ «Sozialpolitisches Zentralblatt» выходил в Берлине с 1892 г. под редакцией Г. Брауна.

я, и если ты думаешь, что это не причинит ему излишних волнений, то было бы, пожалуй, лучше всего, чтобы предложение исходило от тебя. Во всяком случае, предоставляю тебе в дальнейшем действовать самому.

Статья Бебеля, по поводу которой я вчера написал тебе все необходимое, превосходна.

Не имею никаких возражений против того, что моя статья появляется только теперь¹. Я даже не знаю, вышла ли уже книга. Мендельсон говорил мне, что заказал ее, но получил ответ, что ее еще нет в продаже. В «Daily Chronicle» появилась комичная фабианская рецензия — все больше выдержки на два с половиной столбца.

Судя по тому, что писал мне К. Шмидт, разгадать загадку ему не удалось, все же я жду самой статьи. Его статья о Менгеро-Джевонсовском направлении была очень недурна. К сожалению, здесь ее никуда нельзя пристроить.

Работы Меринга, как передовые статьи, так и его «Лессинг», я нахожу превосходными, они очень меня порадовали.

Твой Ф. Э.

82.

Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 4 октября 1892 г.

Дорогой Кугельман,

Большое спасибо за Лейбница.

Что касается «Господина Фогта», то прошу тебя один экземпляр послать Бебелю и два — мне. Если же у тебя самого нет экземпляра, то, конечно, один оставь себе, а мне пришли только один.

Я разыскал еще по одному экземпляру «Рыцаря благородного сознания» и брошюры о Пальмерстоне «Что он сделал»²; прилагаю их.

«Новая Рейнская Газета» имеется у меня только в одном экземпляре, но нет отдельных номеров, а «Обозрения» сохранилось лишь несколько выпусков; когда мне бывает нужен полный комплект, приходится его занимать. Пусть Микель возвратит тебе твой; ведь

¹ «Об историческом материализме». См. примечание 2 на стр. 112 настоящего тома.

² Отдельное издание двух статей Маркса из «Нью-Йоркской Трибуны» за 1853 г. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. IX, стр. 487—551.

теперь обладание этими выпусками может быть опасно только для *него*, и он будет тебе благодарен, если ты его от них избавишь. Впрочем, выпуск I, как и остальные разрозненные выпуски, можно иногда встретить в каталогах букинистов.

Вообще я чувствую себя сносно, но если ты ожидаешь полного клинического изложения моего несколько сложного и, пожалуй, несколько темного случая, то я его тебе, к сожалению, дать не могу. Я состою в переписке с таким большим числом врачей в пяти или шести странах, и все требуют от меня того же, а это ведь втянуло бы меня в медицинскую переписку, которая отняла бы у меня больше времени, чем политическая, а это уже никуда не годится. У меня и без того более чем достаточно дел, мешающих моей работе над III томом. Поэтому уж извини меня, пожалуйста! Ничего серьезного в этой ерунде ведь нет, только временами она мне мешает.

Сердечный привет твоей жене и дочери.

Твой Ф. Энгельс.

83.

Августу Бебелю

в Берлин.

Дорогой Август,
Прежде всего о деле.

Лондон, 7 октября 1892 г.

Лафарг прислал прилагаемое при сем сообщение «La France» о запросе буланжиста Милльвуа. Он хочет воспользоваться случаем и ознакомить палату со всем тем, что немецкие социалисты сделали в 1871 г. и в последующие годы для сохранения или установления добрососедских отношений между Францией и Германией, и что они за это претерпели. Он хотел бы иметь:

«Даты протестов немецких социалистов, речи, произнесенные ими в рейхстаге и других местах, приговоры, которым они подвергались».

Так как часть этих данных у меня отсутствует, а то, что есть, мне стоило бы огромного труда разыскать среди заполняющих множество ящичков коллекций газет — причем я легко мог бы упустить самое важное, — то ты очень обяжешь меня и французов, если отберешь самые острые моменты и перешлешь все это мне с точными датами и выписками (из официальных стенограмм) главных мест. Итак:

1) выступления в 1870 г., которые повлекли за собой заключение членов Брауншвейгского комитета в Летцен, с указанием даты и сроков тюремного заключения;

2) ваши протесты против аннексии в рейхстаге и, пожалуй, несколько ярких мест из «Volksstaat» против войны и аннексии;

3) несколько сильных мест из позднейших речей, произнесенных в рейхстаге тобой и Либкнехтом, с указанием дат и предмета прений;

4) все, что тебе еще покажется важным.

Очень много не требуется; ты знаешь приблизительно, сколько можно использовать в одной речи, и если про запас останутся еще одна-две цитаты, то этого вполне достаточно. Мне бы хотелось, чтобы ты привел несколько *своих собственных* высказываний, чтобы французы не думали, будто все делал только Либкнехт, или чтобы они, чего доброго, не сказали, что Либкнехт, мол, исключение, а остальные думали иначе.

Вчера мы послали тебе вместе с «Workman's Times» две французские газеты с отзывами о речах Либкнехта, в том числе заметка Гада, которая, вероятно, тебе понравится.

Лафарг будет выступать с речами в Кармо и других южных городах и числа 16—17 сего месяца возвратится; к этому времени соберется палата, и материал ему тотчас же понадобится.

Он пишет, что ура-патриотическая пресса, которая вся оплачивается Россией (в особенности «La France»), яростно напала на Либкнехта. Русское посольство якобы оплачивает теперь газеты сдельно: столько-го за каждую принятую статью. Это тоже признак того, что русским приходится туго с деньгами. Несомненно одно: Либкнехт произвел фурор. Я радуюсь такой популярности старика и имею лишь два пожелания: 1) чтобы эта популярность не сделала его еще более своенравным в деле редактирования «Vorwärts» и 2) чтобы выведенный из себя злостными шпильками *немецких* ура-патриотов и обвинениями в государственной измене и т. п., он вдруг не заявил в рейхстаге обратное и тем самым не посадил бы в лужу не только самого себя, но и нас. Один репортер из «Gaulois» приписывает ему такие слова: если Германия начнет против Франции захватническую войну, то немецкие социалисты объявят войну своему правительству, и я сам возьму в руки винтовку, чтобы защищать *неприкосновенность французской территории*. Не исключена возможность, что при опровержении этого явно хватившего через край отчета он ударится в противоположную крайность, в случае если юнкеры и буржуа будут как следует поддавать ему жару в рейхстаге.

Лафарг пишет, что Лубе и министр общественных работ Вьет были бы не прочь мирным путем уладить стачку в Кармо и заставить Общество пойти на уступки, но Фрейсине будто бы против этого.

Он метит на пост президента республики и хочет поэтому сохранить голоса правых и центра.

В общем Лафарг очень доволен конгрессом.

12 экземпляров «Neue Zeit» прибыли сюда и переправлены Тусси. Надо было послать их прямо ей, а не мне; из-за этого пропал целый день. К сожалению, «Pall Mall Gazette» на этих днях перешла в другие руки, и мы пока еще не знаем, что можно в настоящее время сделать с этой газетой.

То, как ты изображаешь движение среди горняков, совпадает с тем, что наблюдается здесь: и здесь горняки остаются в стороне от рабочих других отраслей промышленности и подвигаются вперед медленнее, чем остальные. Но то обстоятельство, что у нас в Германии сильная рабочая партия стоит наготове за их спиной, в конце концов, поможет нам справиться со всеми трудностями; эти люди неизбежно придут к нам, раз уже они захвачены движением. С другой стороны, как здесь, так и там вожди плохи и ненадежны и невозможно внушить им доверие к рабочим других отраслей. А здесь к этому добавляется мелочное соперничество между рабочими отдельных угольных бассейнов, которое до сих пор препятствовало даже образованию единого профессионального союза всех горняков.

Я сделаю все от меня зависящее, чтобы не допустить отказа французов от твоего сотрудничества. Весьма важно, чтобы хоть время от времени в Париже появлялись правдивые отчеты о немецком движении и, в частности, чтобы французам разъяснена была та общая политическая ситуация, в условиях которой вам приходится бороться. Справиться с этим можешь только ты, и для этого ты вовсе не должен вступать в конфликт с Либкнехтом, если только он не рассматривает сотрудничество во французской газете как свою монополию, что вообще недопустимо.

Пусть то, что Бернс держится в стороне, тебя не тревожит. Этот человек по части тщеславия мог бы тягаться с Лассалем. Но он решительно был прав, когда противопоставил свою сдержанность — поспешности, с которой Кейр Гарди лез вперед, пытаясь мелкими хитростями обеспечить за собой первенство.

Я сейчас как раз читаю Ганса Мюллера, но еще не дошел до конца. Это ведь все старые истории, которые нам давно известны. Он даже не сумел удачно выбрать приведенные им две-три скверные речи; если бы я хотел уличить партию или фракцию в мелкобуржуазности, то я привел бы совсем иной материал. По поводу одних только субсидий пароводным обществам имеется материала во много раз больше и гораздо лучшего качества, чем то, что он дал. Из речей

Либкнехта он приводит одну, произнесенную им в 1881 г., во время всеобщей растерянности, последовавшей за изданием закона против социалистов, вместо того чтобы взять более поздние речи, когда политическое положение делало миролюбивые и мещанские нотки еще менее простительными. Он доходит до утверждения, что насилие при любых обстоятельствах революционно, что оно никогда не бывает реакционным; осел не замечает, что когда нет реакционного насилия, против которого надо бороться, то не ставится вопрос и о революционном насилии; ведь нельзя же совершать революцию против того, что даже не требуется свергнуть.

Все это бессильная злоба выскочек-студентов, литераторов и стремящихся в литераторы экс-рабочих на то, что наша партия совершает свое победоносное шествие, нисколько не нуждаясь в их помощи. Если и совершаются какие-нибудь ошибки, то партия достаточно крепка, чтобы собственными силами их исправить. Так было с неоспоримым, покорным филистерством большинства парламентской фракции во времена пароходных субсидий; так было с традиционной, господствовавшей еще некоторое время *после* отмены закона против социалистов привычкой Правления действовать диктаторски (привычкой, как две капли воды похожей на *такую же* тенденцию прежних комитетов берлинской организации) и т. п. и т. п. Наша партия теперь настолько сильна, что могла бы, не опасаясь перерождения, переварить не только порядочное количество мещан, но также и «образованных» и даже господ независимых, если бы они сами не превратили себя в ничто.

Почта закрывается. Привет твоей жене и тебе от Луизы и твоего

Ф. Э.

84.

Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Дорогой Кугельман,

Лондон, 10 октября 1892 г.

Экземпляры «Фогта» с благодарностью получил. Выпиши себе антикварные каталоги по юридическим и политическим наукам, по новейшей истории Германии и специально по 1848 г., и там тебе время от времени будут попадаться отдельные выпуски «Обозрения». Я сам таким образом приобрел не менее двух выпусков.

Только что закончил 27-ю главу III тома; главы 29—34 составляют главную трудность.

Сердечный привет твоей жене и дочери.

Твой Ф. Э.

85.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 18 октября 1892 г.

Дорогой Шорлеммер,

Ваши письма от 31 июля и 9 сего месяца получил. В том, что Пумпс забыла свой брудершафт, виноват я. После такого долгого перерыва она не решилась сама писать по-немецки, и поэтому письмо писал я, а она переписывала. Я, конечно, ничего не знал о ее похождениях в Дармштадте и писал на «Вы». Ее муж в этом не повинен, он совершенно не знает немецкого языка. Пумпс не сегодня-завтра разрешится от бремени, это будет ее четвертый ребенок. Второй ребенок, мальчик, к сожалению, умер; младший, тоже мальчик — чрезвычайно милый и занимательный ребенок, — очень хрупкий и в настоящее время тоже не совсем здоров.

То, что Вы мне написали по поводу Аншютца, заставило меня отложить это письмо на несколько дней в надежде получить от него самого какие-нибудь известия. Но до сегодняшнего дня ничего еще нет. Дело вот в чем: прежде всего мне надо знать, насколько подробной должна быть эта биография, предназначается ли она для журнала и для какого именно и пр., и пр.? Если Аншютц намеревается писать о нашем Карле только как о химике, то ему нужно лишь несколько данных, которые могли бы послужить ему канвой. Если же он хочет дать образ человека таким, каким он был, то спрашивается, годится ли он для этой цели и можно ли так просто предоставить ему для использования письма Карлу и от Карла. Тогда при естественном для химика, живущего в Германии, незнании условий жизни человека, проведенного свыше 30 лет в Англии, на мою долю выпала бы совсем иная и очень большая работа. Это меня не отпугнуло бы; я охотно потратил бы на это все то время, которое освободится у меня после окончания III тома «Капитала», за который я снова теперь взялся. Но кто мне даст гарантию, что эти сведения будут использованы в том духе, в каком я их давал? Находясь среди нас — а он проводил здесь в Лондоне все свои каникулы, за исключением летних поездок в Германию, — Карл был прежде всего социал-демократом, а социал-демократы среди химиков до сих пор встречаются не часто. Ведь нельзя же, чтобы биограф как бы извинялся перед читателем за то, что человек, жизнь которого он описывает, имел несчастье быть социал-демократом!

Если не ошибаюсь, Аншютц был некоторое время учеником Карла в Манчестере. Повторяю — я охотно помогу, в меру своего свободного времени, но прежде всего мне нужно знать, что именно требуется и какой должна быть эта биография.

Душеприказчики в Манчестере правы, желая урегулировать все, что возможно урегулировать, не касаясь вопросов авторского права. Последние потребуют больших сроков уже потому, что для издателей проволочка, пожалуй, даже выгодна; им это не к спеху. О Роско пока еще тоже ничего не слышно. Он, вероятно, явится только тогда, когда возникнут какие-нибудь реальные предложения, которые он сможет либо сам внести, либо принять или отклонить.

Надеюсь, что Ваша дочь продолжает поправляться и что она уже встает с постели.

Почему старик ¹ не приехал в Дармштадт, не знаю. Быть может, у его жены есть там родственники, с которыми он предпочитает встречаться пореже, но которых ему не хотелось бы и открыто игнорировать? О разводе Мюллеров — он ли порвал, его ли бросили — до Лондона пока еще никакие вести не дошли.

Сердечный привет от г-жи Каутской.

Ваш Ф. Энгельс.

86.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 23 октября 1892 г.

Дорогой Виктор,

По поводу международного конгресса тред-юнионов ты напрасно беспокоишься. Во-первых, вся затея была, вероятно, лишь средством протащить постановления против Цюрихского конгресса, и возможно, что Парламентский комитет этому вовсе не даст хода. Во-вторых, с участием отдельных представителей континентальных рабочих все дело обстоит не так скверно, раз уж даже парижская Биржа труда, где все еще — хотя теперь уже не безраздельно — господствуют POSSИБИЛИСТЫ, постановила добиваться от тред-юнионов отказа от их плана. Что же собственно еще может случиться? Разве что появление г. Гиллеса в качестве представителя немецких независимых?!

¹ В. Либкнехт.

Очень полезно будет сообщить постановление австрийских профессиональных союзов Парламентскому комитету. Адрес узнаю у Эвелинга, я не могу его разыскать.

Вчера я впервые снова прошелся по Примроз-Хилл и надеюсь, соблюдая надлежашую осторожность, к концу недели поправиться еще больше. Мак-Эвена я буду иметь в виду. Во всяком случае, он — хирург-консультант; это означает, что он дает советы только *другим врачам*, а не непосредственно больным. Об этом я разузнаю. Ты и представления не имеешь, насколько здесь все, даже медицина, подчинено этикету, и нарушить один раз этот этикет гораздо хуже, чем десять раз нарушить закон о нравственности. Мне знаком приговор третейского суда манчестерского медико-этического общества над моим другом Гумпертом в Манчестере. Придя выразить соболезнование в одну семью, где он *не* лечил (это было примерно в 1866—1867 гг.), он осторожно высказал свои опасения по поводу того, что домашний врач разрешил допустить к трупам двух детей, умерших от скарлатины, остальных детей. Тот врач подал на него жалобу. Приговор гласил: доктор Гумперт нарушил врачебный этикет, хотя в моральном отношении был прав! Итак, еще раз спасибо, твой совет я использую.

Степняку напишу завтра по поводу работы. Если через две недели, скажем до 7—8 ноября, ты еще ничего не получишь, напиши мне, пожалуйста, еще раз, я тогда ему снова напомню. Иным путем ты от русского человека ничего не добьешься.

Я занят теперь III томом «Капитала». Если бы за последние четыре года я мог хоть раз проработать три месяца без перерыва, он был бы давно готов. Но такой удачи у меня ни разу не было. На этот раз выкраиваю необходимое время ценой огромных усилий и пренебрегаю до крайности всей перепиской и прочими делами. Оказывается, в самом трудном месте я уже проделал основательную предварительную работу, когда занимался этим в последний раз, и поэтому до сих пор дело подвигалось довольно быстро; во всяком случае, я сейчас как раз дошел до самого трудного места, которое уже много лет мешало мне идти дальше, и работаю с удовольствием и пока что с неослабевающей энергией, так что на этот раз, наверное, что-нибудь получится.

Прилагаю документ, характеризующий анархистов чешской национальности. Тот принцип, что выборы — революционный акт, эти господа начинают обращать друг против друга. Всю эту пачкотню я могу оправдать только тем, что эти неучи, не будучи немцами, не вполне представляли себе, какое впечатление произведут на немцев их стилистические перлы.

Добрые вести о твоей жене всех нас необычайно порадовали. Надеемся, что так будет продолжаться и что скоро ты сможешь снова сообщить нам что-нибудь утешительное.

Сердечный привет тебе, твоей жене и детям от Луизы и от твоего

Ф. Энгельса.

Адрес Парламентского комитета:

Ч. Фенвик, эсквайр, член парламента,
12 Buckingham street,
Strand, W. C. Лондон.

87.

Шарлю Бонье

в Оксфорд.

Черновик.

Лондон, вторая половина октября 1892 г.

Дорогой Бонье,

Прото ¹ я получил — спасибо. Но начну с одной поправки.

Вы пишете: «В то время, как французские социалисты протестуют против союза с Россией и не хотят даже слышать о войне с Германией, вы, и в особенности Бебель, вполне допускаете мысль об оборонительной войне против Франции и России, в которой приняли бы участие немецкие социалисты», и «эти обвинения, которые встречают сильное сочувствие во Франции, Гэду неприятны».

Если французские социалисты и не оговаривают особо такой случай оборонительной войны, при котором они с готовностью помогали бы в отражении нападения со стороны императора Вильгельма, то это происходит только потому, что дело настолько известно, общепризнано и условлено, что о нем нет надобности и говорить. В Германии нет ни одного социалиста, который сомневался бы в том, что в подобном случае французские социалисты, не задумываясь, выполнят свой долг, защищая свою национальную независимость; нет ни одного, который бы поставил им это в вину, напротив, их бы за это только похвалили. Такова именно точка зрения, изложенная в моей статье ². Если бы я не исходил из положения, что в случае нападения извне французские социалисты возьмутся за оружие, чтобы защищать свои очаги, вся моя статья не имела бы смысла. Я требую только применения того же принципа к немецким социалистам в случае нападения России, даже если оно будет поддержано

¹ Энгельс имеет в виду брошюру Е. Прото «Шовинисты и реакционеры», Париж, 1892.

² «Социализм в Германии».

официальной Францией. То же относится и к речам Бебеля. Люди во Франции, выдвигающие против нас обвинения, очевидно принадлежат к числу тех, кто говорит: *quod licet Jovi Gallico non licet bovi Germanico*¹. Дело французских социалистов, по-моему, образумить этих людей, — и дело не слишком трудное².

Впрочем, предупреждаю Вас, что цитаты Прото из моей статьи — попросту грубая подделка.

Вы говорите, что брошюра хорошо написана. Я нахожу ее очень слабой; конец статьи, где этот жулик выступает в роли экономиста, более чем смешон. Сила его только в том безмерном презрении, которое он проявляет к своему читателю. В самом деле, нужно считать читателей неизлечимыми идиотами, чтобы осмеливаться преподносить им такое нагромождение явных фальшивок (в которых Вы видите только «отрывки из речей») и выдумок, противоречащих одна другой. Неужели достаточно прикрыться маской сторонника Деруледа, чтобы заставить людей, создающих в Париже общественное мнение, проглотить все что угодно? Неужели буланжизм оказался столь живучим, что сейчас он сильнее, чем был при жизни самого Буланже?

Такое нагромождение измышлений и лжи, действительно, неопровержимо. Против этих 32 страниц нужно было бы написать 3 200, чтобы восстановить истину. В них нет ни одной имеющей хоть какое-нибудь значение, которая не была бы бессовестно искажена; только сличив несколько текстов, я узнал полную меру нахальства г. Прото.

Таково мое мнение о литературной форме, которую я нахожу жалкой. В разительном контрасте с нею — подбор материалов, сделанный с большой старательностью. Тут явно чувствуется другая рука, немало потрудившаяся. Это, наверное, не Прото.

Это также и не кто-нибудь из независимых, как предполагает «Vorwärts». Их манифест («Классовая борьба» Ганса Мюллера) отличается небрежностью в подборе цитат.

Это также и не французская полиция; чувствуется, что руку к этому она приложила, но она, конечно, не стала бы заниматься внешней политикой румынских социалистов.

¹ *Лат.* — «Что позволено галльскому Юпитеру, то не позволено германскому быку».

² Далее в черновике Энгельса вычеркнут следующий абзац: «Что эти шовинистические глупости неприятны Гаду, я охотно верю, но в этом не виноваты ни я, ни Бебель. Впрочем, отправляя свою статью в Париж, я предостерегал наших друзей, выражал свои опасения, как бы не вадеть национальные предрассудки, но мне ответили, что, напротив, именно это и требовалось».

Если г. Прото обвиняет последних в враждебном отношении к святой Руси, если он два раза цитирует бухарестскую «Мунса» («Труд») и выдает тайну, что «Цыган» это — Надежде из Яссы, то он делает это в интересах русского посольства, которое, очевидно, снабдило его этими сведениями, а также, вероятно, и сведениями о немецких социалистах, собранными в Берлине каким-нибудь из их атташе.

Итак, пасквиль Прото написан не только в интересах полиции. Он служит также интересам России; он входит в систему тех напряженнейших усилий, с которыми Россия добивается союза с Францией. Именно Россия нуждается в этом союзе. Она до такой степени обессилена социальной дезорганизацией, вызванной экономическим переворотом, который она переживает с 1861 г., варварским уничтожением лесов, разорением сельского хозяйства и крестьянской домашней промышленности, голодом и холерой, что она не могла бы справиться с войной. Ее финансы и кредит пришли в состояние расстройств, которое напоминает Францию 1788 г.; если западная публика попрежнему не будет соглашаться на заем, то у России останутся только три возможности: 1) банкротство, 2) созыв национального собрания для санкционирования нового займа, который при таких условиях смог бы иметь успех на Западе, 3) война как жест отчаяния, *и вот на этот случай Франция необходима*; а после объявления войны и выступления французской армии можно биться об заклад, что царь сговорится с Вильгельмом и Францем-Иосифом, которые пойдут ему навстречу, а прекрасной Франции придется оплачивать расходы на банкет по случаю их примирения.

88.

Шарлю Бонье

в Оксфорд.

Черновик.

Лондон, 24 октября 1892 г.

Дорогой Бонье,

Гэд пишет в «Figaro»: «Подобно тому как Либкнехт заявил, что в случае нападения Франции он вынужден будет вспомнить, что он немец, так и мы в случае нападения Германии напомним Рабочей партии, что мы французы».

Следовательно, мы с Гэдом совершенно согласны, Вам нужно с ним сводить свои счеты.

Вы говорите о *неудачной* фразе Бебеля — о какой именно? Вы столько их ему ставите в вину! Если речь идет о фразе из «Figaro»,

что он стал бы стрелять в Гэда, так она принадлежит г. Юрэ; Бебель писал нам, что это — чистейшая выдумка этого господина.

Вы намереваетесь предотвратить войну и гордитесь тем, что голововали за Домела, — но, придерживаясь его плана, вы привели бы к разгрому всех социалистических партий Европы.

Слова о предотвращении войны, с какой бы стороны она ни грозила, — очень хороши. Но зачем терпеть себя иллюзиями? Разве французские социалисты в силах помешать молодому Вильгельму объявить войну в минуту безумия? Разве немецкие социалисты смогут запретить Карно или любому патриотическому министерству совершить такую глупость? Если бы еще истинная опасность заключалась в Вильгельме или в бульварных реваншистах! Ведь русское правительство заставляет плясать этих марионеток, подавая надежды одним, запугивая других. Пойдите, помешайте ему спровоцировать войну!

Если война разразится, то на долю *потерпевших поражение* выпадет возможность и обязанность совершить революцию — вот и все.

89.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 5 ноября 1892 г.

Дорогой Зорге,

Ты должен извинить меня за то, что я так мало пишу тебе; мне предстоит этой зимой закончить III том, это необходимо сделать и может быть выполнено, только если я отложу в сторону *всю* свою переписку. Вот уже три недели, как я приступил, и могу тебе только сказать, что работа против ожидания быстро подвигается вперед. Я успел основательно подготовить материал до того, как меня оторвали от работы в последний раз, и это теперь окупается. Впереди еще масса работы; но я все же настолько продвинулся, что могу предвидеть конец. И никто этому так не радуется, как я; эта задача камнем лежала на моей совести. Мне пришлось применить насилие, чтобы освободить для нее время — необходимо не менее четырех месяцев, совершенно свободных от всяких других дел; я знаю, что если не сделаю этого сейчас, то это вообще не будет сделано: наступают времена восстаний и войн. Но тебе и всем остальным придется из-за этого временно пострадать — так что ты уж извини!

Твой Ф. Э.

90.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 6 ноября 1892 г.

Дорогой Август,

Я все это время добросовестно трудился над III томом и, к счастью, не без успеха. Сейчас я уже могу сказать, что самое трудное — учение о кредите — в общем преодолено, и осталась еще только техническая редакция — дело, правда, очень сложное и отнимающее много времени. Работа эта доставила мне большое удовольствие, с одной стороны, потому, что там содержится множество блестящих новых взглядов — спроси Луизу, которой я многое читал оттуда, — а кроме того еще и потому, что эта работа мне доказала, что моя старая черепная коробка все еще способна работать, даже над сравнительно трудными вещами. Главное, в чем сказываются годы, это то, что в памяти уже не так легко находить и открывать отдельные ящички, и потому все идет медленнее. Но с этим еще можно мириться.

Но если основное уже позади, все же путь мой еще далеко не закончен. Кроме этого раздела, остаются два последних (немного меньше трети всего тома), которых я совсем еще не касался, а затем окончательная техническая редакция всей книги, работа хотя и не трудная, но зато очень скучная и кропотливая. Это у меня, вероятно, займет всю зиму, — а потом еще корректура и в то же время второе издание II тома.

Время для этого я отвоевал себе насильственным пресечением всякой переписки, кроме абсолютно необходимой. Но переписку с тобой я не прекращаю, хотя и не всегда смогу отвечать так аккуратно и обстоятельно, как бы мне этого хотелось. Думаю, что ты тоже ничего не будешь иметь против, если вместо меня Ведьма чаще будет братья за перо.

Лафарг еще не усвоил, что в среде буржуазных политиков слово только для того и дается, чтобы его нарушать. Впрочем, регламент, исключаящий прения по такого рода вопросам, и без того расстроил бы его планы. Он все еще слишком новичок в парламентских делах, но обещает теперь больше втянуться в дело. Они собираются теперь выпустить документы брошюрой.

Относительно Ганса Мюллера я неудачно выразился. Я вовсе не хотел сказать, что вы в качестве Правления партии обязаны откликнуться на эту стряпню, а тем более в подсказанной мною форме. Но *если бы* под вашим влиянием вообще открылась полемика против этого озлобленного юнца, *то тогда* и т. д. Мне кажется

совершенно необходимым, чтобы партия, используя такого рода случаи, подвергала критике свою прошлую деятельность и на этом училась бы лучшему образу действий. Глупости, наделанные во времена пароходных субсидий и т. п., правда, дело прошлое, но те же люди все еще тут, и некоторые из них, во всяком случае, способны снова выкинуть что-нибудь. Покрывать все совершенные фракцией и отдельными ее членами промахи плащом всепрощения означало бы, по-моему, выращивать «независимых». Пусть Фроме, Блос и пр. обзаведутся менее тонкой кожей. Разве я не прав, когда кое-какие отдающие «независимостью» золингенские предложения на съезде партии объясняю протестом против того, что Шумахер обуржуазился и пропитался филистерством? Капелька любви к истине в освещении прошлого на страницах «Neue Zeit» вовсе бы не повредила, и ты именно тот человек, который мог бы заняться этим с тактом и со знанием дела. Но не является ли это неуместным из-за твоего положения в Правлении — это уж другой вопрос. Однако так или иначе, с такой критикой надо будет когда-нибудь выступить.

Отчет вашего Правления я прочел вчера вечером с удовольствием. Очень хорошо. Спокойно, деловито, приведены только говорящие сами за себя факты и лишь в заключение несколько необходимых слов, исполненных гордым сознанием собственного достоинства. Посмотрим, не сможет ли Эвелинг поместить выдержки из него в газетах. Но здесь вас просто-напросто бойкотируют *из чистейшего английского шовинизма*. То, что в Германии существует рабочее движение, которое действует настолько отлично от английского, презирает все ставшие здесь евангелием тред-юнионистские и политико-парламентские правила и тем не менее идет от победы к победе, — это до крайности злит здешних людей. О буржуа я и не говорю. Но старые тред-юнионы в каждом вашем успехе видят свое собственное поражение и осуждение своей тактики. Фабянцев злит, что вы идете вперед, *несмотря на то*, что воюете против всех буржуазных радикалов. Руководители Социал-демократической федерации ненавидят вас за то, что вы не захотели принять участия в их интригах и вступить в союз взаимного восхваления, на который «Justice» уже столько лет старается склонить вас — то кнутом, то пряником. А при крайнем неведении английских масс по части положения за границей и врожденном высокомерии, в силу которого иностранец считается человеком низшей расы, а все события за границей лишены почти всякого значения, замалчивание дается легко. «Chronicle», по части рабочего движения, находится в руках

фабианцев; «Justice» по милости Гайндмана связалась с паршивцем Гиллесом, а «Workman's Times» тоже полагает, что без крупной тред-юнионистской организации в английском духе ничего не может получиться. Где же тут можно что-нибудь напечатать? Только в буржуазных газетах, в качестве сообщений, представляющих общий интерес. Если бы мы в течение хотя бы одного года располагали газетой, где могли бы помещать просто отчеты о немецком движении, всему бы этому наступил конец; ведь есть немало затаенного духа интернационализма, которому нужна только пища, чтобы расправиться с глупым британским высокомерием, во всяком случае у значительного числа людей. Но что же делать!

«Workman's Times» грозит прекратиться. Тут что-то кроется, и мы пытаемся разузнать что. Здесь такие вещи никогда не обходятся без надувательства.

А теперь относительно Фольмара. По-моему, нападение на него повели очень неумело. Ухватились за слова «государственный социализм». Они не выражают ясного понятия, а подобно словам «социальный вопрос» и т. п. являются просто-напросто журналистским выражением, чистой фразой, говорящей обо всем и ни о чем. Спорить о подлинном смысле таких слов — пустая трата времени: их смысл именно и заключается в отсутствии всякого смысла. В «Neue Zeit» без анализа этого выражения нельзя было обойтись, и то, что об этом сказал К. Каутский, не плохо (хотя и он думает, что за этим выражением во что бы то ни стало должен скрываться какой-то *истинный смысл*). Но в политических прениях Фольмару оказывают огромное и совершенно излишнее одолжение, когда пускаются с ним в споры о том, *чем* является, или не является, государственный социализм: это — переливание из пустого в порожнее, бесцельная болтовня политиканов. По-моему, на съезде партии надо было бы сказать: любезный Фольмар, нам совершенно безразлично, что ты понимаешь под государственным социализмом, но в твоих выступлениях ты то-то и то-то сказал о правительстве и нашем отношении к нему, и тут ты от нас не отвертись, — это так же противоречит тактике нашей партии, как и пустословие независимых, и *за это ты должен держать перед нами ответ*. Ведь только эти его пресмыкания перед Вильгельмом и Каприви и являются его уязвимым местом, но зато очень уязвимым, и на это-то я и хотел обратить твое внимание еще перед съездом партии.

91.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 15 ноября 1892 г.

Дорогой Август,

Вот видишь, как мне мешают работать! Глупые статьи из «*Berliner Volkstribüne*» заставляют меня вмешаться. Прошу тебя — на этой неделе все равно уж поздно — позаботиться о том, чтобы эта статья была помещена в ближайшем номере «*Tribüne*»¹.

Не можешь ли ты прислать мне *еще по одному экземпляру всех номеров с этими бакунистскими статьями?* Свой экземпляр я регулярно посылаю Зорге, так что статей у меня здесь уже нет, а между тем может понадобиться к ним вернуться. Вместо того, чтобы работать, я вынужден был копаться в этом старом хламе, но нельзя же было позволить плести эту ложь и дальше. Не можешь ли ты узнать, кто автор?

Привет Виктору. Луиза сегодня отправляет в Вену отчет о митинге в Трафальгарском сквере.

Сердечный привет г-же Юлии.

Твой Ф. Э.

92.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 19 ноября 1892 г.

Дорогой Август,

На этот раз ваш партийный съезд прошел не так блестяще, как прежние. Прения по вопросу об окладах носили весьма неприятный характер, хотя я того мнения, что в *этом* пункте французы и англичане вели бы себя не лучше, в чем Луиза, конечно, не хочет со мной согласиться. Я давно уже убедился, что это — одно из проявлений ограниченности кругозора рабочих, вытекающей из тех жизненных условий, в которых они до сих пор находятся. Те же люди, которые считают вполне естественным, чтобы их кумир Лассаль жил на собственные средства настоящим сибаритом, упрекают Либкнехта, когда тот в качестве оплачиваемого редактора проживает во всяком случае втрое меньше, хотя газета и приносит им в пять, в шесть раз больше. Быть зависимым, даже от рабочей партии, — тяжкий жре-

¹ Письмо Энгельса в редакцию «*Berliner Volkstribüne*», написанное им 15 ноября 1892 г. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 318—320.

бий. Но даже отвлекаясь от денежной стороны дела, быть редактором газеты, издаваемой партией, — неблагоприятный пост для каждого, кто обладает инициативой. Маркс и я всегда были согласны в том, что *никогда* не займем такого поста, а сможем только издавать газету, независимую в денежном отношении даже от партии.

Ваше «государствление» печати имеет свои большие неудобства, если заходит слишком далеко. Вам безусловно *необходимо* иметь в партии прессу, которая не находилась бы в *прямой* зависимости от Правления и даже от партийного съезда, т. е. такую прессу, которая могла бы в пределах программы и принятой тактики без всякого стеснения выступить против тех или иных шагов, предпринятых партией, и, не преступая границ партийной этики, подвергнуть свободной критике даже программу и тактику. Такую прессу вы как Правление должны поощрять и даже создавать, тогда вы будете иметь на нее большее моральное влияние, чем если она возникнет наполовину *против* вашей воли. Партия перерастает рамки существовавшей до сих пор жесткой дисциплины; при двух-трех миллионах членов и постоянном притоке «образованных» элементов требуется бо́льший простор, чем тот, который предоставлялся до сих пор и был не только вполне достаточен, но приносил даже пользу тем, что ставил известные границы. Чем скорее вы приспособитесь сами и приспособите партию к изменившемуся положению, тем лучше. И первое, что требуется, это *формально* независимая партийная пресса! Появится-то она непременно, но будет лучше, если *вы* вызовете ее к жизни при таких обстоятельствах, чтобы она с самого начала находилась под вашим моральным влиянием, а не возникла наперекор вам и против вас.

В вопросе о праздновании 1 Мая вы допустили большую ошибку, но не в Берлине, а в Брюсселе. Вам следовало тогда знать, что именно вы можете обещать и выполнить, а вы наобещали больше, чем теперь в состоянии выполнить. Я нахожу твою речь по этому поводу такой же удачной, как речь Виктора, и охотно верю тебе, что в Германии невыход на работу стоил бы жертв, несоразмерных с успехом. Но когда сильнейшая в мире партия вдруг трубит отбой, это повсюду производит *очень скверное* впечатление. Положение обязывает. Вы — боевой отряд современного рабочего движения, и то, что вы обещали в Брюсселе, вы были морально обязаны выполнить. Но, разумеется, совершив первую глупость, лучше не совершать второй, гораздо большей; и сейчас, действительно, самое главное это — не прерывать победного шествия немецкой партии, но все же подумайте о том, какое впечатление произведет во всем.

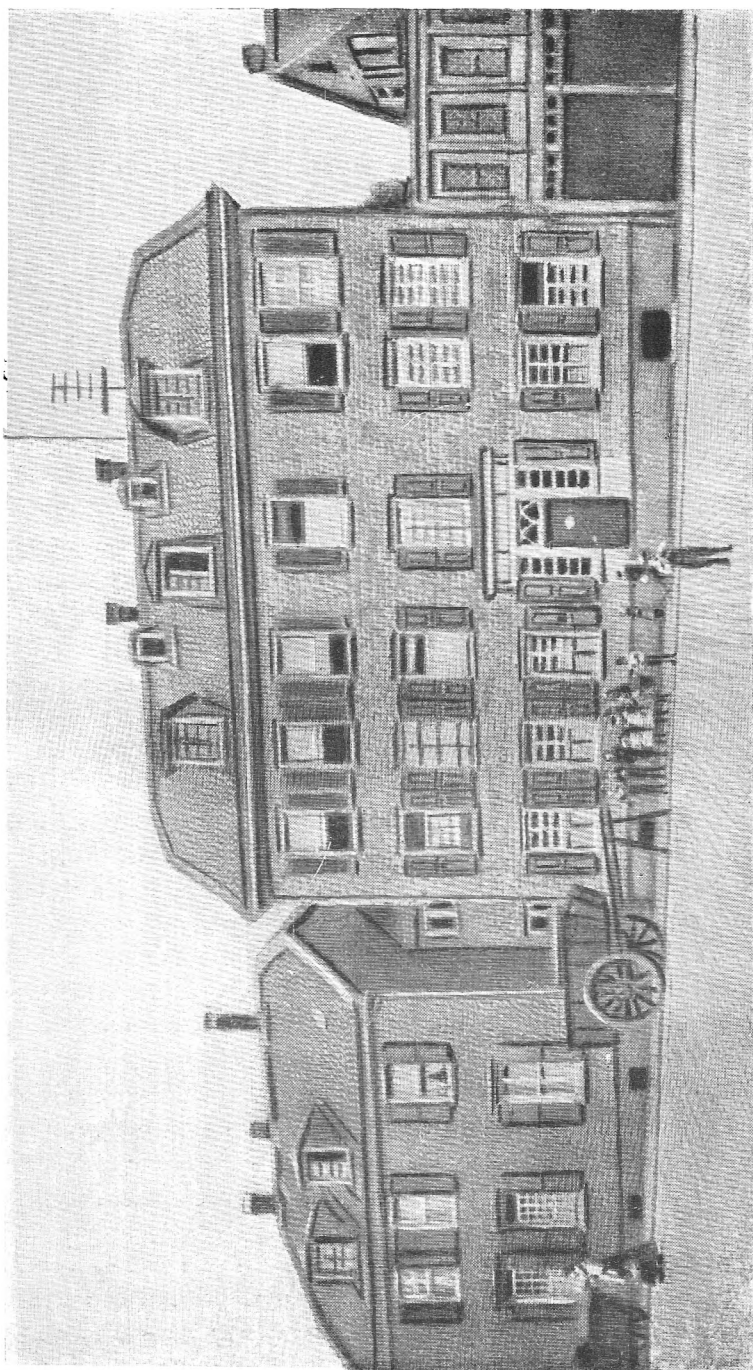
мире это берлинское решение. Повидимому, и во Франции эта история вызвала раздражение, и вам, вероятно, придется кое-что услышать оттуда. Такого морального ущерба вы себе вторично причинять не должны; итак, в Цюрихе имейте мужество защищать свое собственное мнение и скажите открыто, что не можете связать себя решением о невыходе на работу, — тогда можно будет на вас сердиться, но нельзя будет обвинить в нарушении слова и в отступлении. Нелепо стремиться придать движению во всех странах единую форму. Австрийцы, которым невыход на работу 1 Мая необходим и которые поэтому готовы на те жертвы, от которых вы в ваших условиях справедливо отказываетесь, так же правы в своем образе действия, как вы в своем. Но теперь они могут бросить вам упрек, на который вам нечего возразить, ибо их выступление как раз и доказывает, что тут нет предусмотренного в Брюсселе случая *полной невозможности*.

Прений о государственном социализме мы тоже не получили.

Я должен тебя поздравить с твоими резолюциями. Они превосходны: я знаю только одного человека, который мог бы сделать это еще лучше, это — Маркс. Как резолюция о государственном социализме, так и резолюция об антисемитизме — бьют в самую точку. И именно такого рода резолюции были до сих пор слабой стороной немецкого движения: они были вялы, нерешительны, неопределенны, полны фразерства, — словом, в большинстве случаев, позорны. К счастью, они настолько не поддаются переводу, что переводчик, на чужом языке, вынужден вкладывать в них смысл, которого они сами по себе не имеют.

Изображение на полях — театр, нарисованный Луизой или Эвелингом. Вот уже неделя, как мне все время снова подкладывают в почтовую бумагу этот разукрашенный листок, и вот он, наконец, дождался чести отправиться к тебе.

Из прилагаемого ты увидишь, какой вздор мелют о вашем партийном съезде семеро швабов из Лондона, сиречь фабианцы из «Chronicle». Беднягам туго приходится. После того как великий Шоу в мае всячески доказывал вам, что необходимо завести интриги с либералами и что вне этой политики возможны только поражение и позор, он признает теперь, в речи, произнесенной в Демократическом клубе, что либералы подло обманули их, что на выборах пришлось пожать только поражение и позор и что либералы собираются, теперь уже вместе с торг., обмануть рабочих! И эти люди хотят учить вас «практической политике»! Теперь он даже говорит, что обе старые партии придерживаются *одной и той же политики*

Дом в Бармене,
где родился Фридрих Энгельс

и что помимо них существует только социал-демократия! Думаю, что на милейшего Эде это подействует. как ушат холодной воды! Сердечный привет твоей жене и всем друзьям.

Твой Ф. Э.

Пусть Ведьма сама шлет привет: так далеко мое благодушие не распространяется.

93.

Юлии Бебель

в Берлин.

Лондон, 29 ноября 1892 г.

Дорогая г-жа Бебель,

Из многочисленных писем, полученных мною ко дню моего рождения, мне хочется прежде всего ответить на Ваше. Благодарю Вас от души! Я, действительно, провел этот день в «добром здравии», ибо если я все еще не в состоянии двигаться совершенно свободно и мне не разрешено ходить столько, сколько мне хотелось бы, то чувствую я себя достаточно крепким, и все говорят, что я выгляжу прекрасно. На этот раз мы превратили день рождения в английское празднование 1 Мая, т. е. отпраздновали его не в понедельник, а накануне, в воскресенье: Луиза решила, что раз уж мне придется немного покутить, то хватит и одного дня, двух же будет слишком много. У нас было полным-полно: наш африканец Сэм Мур, затем Бакс, Эвелинги, Бернштейны, Моттелеры, русский Волховской, двое рабочих из Союза¹; это как будто все; — нет, чуть было не позабыл о маленькой Инке, которую в Берлине откормили на славу, что ей очень идет — теперь-то у меня уж есть явные доказательства, что в Берлине научились наедаться досыта, и пусть мне больше не рассказывают о голодающем Берлине!

У нас еще оставался небольшой запас сушеных душистых трав, и вот мы с Луизой, взяв вина — мозельского, красного и шампанского, сварили такой майский пунш, лучше которого в эту туманную пору года нельзя ни сварить, ни даже себе представить. Так как всеми была заложена хорошая основа из холодных закусок, то этому пуншу был оказан энергичный прием, также в немалой мере и Вашим покорным слугой, пишущим эти строки, и, между нами, кое-кто из мужчин, а также... чуть было не проговорился, но вовремя умолкаю, — пришли в самое веселое настроение. Юлиус был как нельзя более в ударе, пел разные песенки и рассказывал

¹ Немецкий коммунистический рабочий просветительный союз в Лондоне.

веселые истории, хотя, по своей закоренелой привычке, потягивая только воду и кофе. Словом, нам было очень весело, и мы засиделись за полночь, а это что-нибудь да значит, если вспомнить о лондонских расстояниях и о том, что в воскресенье поезда и omnibusы прекращают движение в 11 часов. Таким образом, я смог лечь спать с приятным сознанием, что достойно вступил в 73-й год своей жизни. Надеюсь, что здоровье позволит мне в будущем году еще лучше отпраздновать день моего рождения. Тогда он придется на вторник, и мы сможем опять начать с воскресенья, но уж тогда мне хотелось бы прокутить до конца вторника.

В берлинской пирушке¹ я тоже с удовольствием принял бы участие; по рассказам Инки, она из-за тесноты не могла пробраться к Вам и Бебелю, народу было, очевидно, колоссально много. Что ж, когда-нибудь и я это увижу, если не в этом, так в будущем году, т. е. в том случае, если Вы приедете за нами. С тех пор как маленькая Фишер открыла так много духовного родства между Вами и моей доброй, милой Ленхен, я тем более могу довериться Вашему покровительству.

Так как Август оставил для Вас только *одну* узенькую страничку, то в наказание он получит теперь от меня тоже только одну.

С сердечным приветом.

Ваш Ф. Энгельс.

94.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 29 ноября 1892 г.

Дорогой Август,

Сердечное спасибо за твои дружеские пожелания, — все прошло очень хорошо, без каких бы то ни было неприятных последствий, и я бы не прочь хоть завтра снова отпраздновать свое рождение. Но я под слишком строгим контролем, чтобы мне было разрешено подобное излишество! Прусская полиция — ничто в сравнении с этакой медицинской Ведьмой. Я все думаю, кто знает, к добру ли это, и за какие грехи я попал под столь добросовестный надзор. Но я во власти глупого суеверного представления об «уравнительной справедливости», и поэтому пью минеральные воды и лимонад, каюсь в вышеуказанных грехах, собственно даже не зная, совершил ли я их. О политике в следующий раз, через несколько

¹ По поводу 25-летия парламентской деятельности А. Бебеля.

дней; необходимо поспешить с окончанием III тома. Во Франции сильно пахнет грозой. Это начало конца! Вновь наступают времена, когда французам представится случай показать свои *хорошие* качества. Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

Большое спасибо за великолепный клей, он сейчас же пойдет в дело для III тома.

95.

Чарльзу Резгену

в Манчестер.

Лондон, 29 ноября 1892 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Чарли,

Благодарю Вас за милое письмо и за добрые пожелания, которые, я надеюсь, все исполнятся, а так как Вы оказали мне честь родиться в тот же день, что и я, то примите, пожалуйста, искренние поздравления к *Вашему* дню рождения и пожелание прожить вдвое дольше, чем я уже живу на свете. Тогда Вы несомненно увидите что-то очень значительное и достойное внимания, и тогда Вы, может быть, будете вспоминать иногда обо мне, как об одном из тех, кто сделал все, что мог, чтобы добиться этой перемены.

Передайте мой сердечный привет Вашим родителям, братьям и сестрам.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

96.

Паулю Штумпфу

в Майнц.

Лондон, 30 ноября 1892 г.

Милый старый Штумпф,

К моему 72-летию ты ничем не мог меня обрадовать больше, чем выданным ультрамонтанами удостоверением в нашей победе на выборах в Майнце. Вы, жители Майнца, хоть и любите иной раз прихвастнуть — ведь вы прирожденные коммивояжеры по продаже вина, — но уж если приходится браться за дело, то вы беретесь за него так, что только держись. И вы не забываете, что ваш Майнц был единственным немецким городом, сыгравшим почетную роль в великой революции. Природа наделила вас бойким языком, это как раз то, что нужно для обработки крестьян, а в лице крестьян-

виноделов в окрестностях Майнца вы имеете массу материала. Если вы за него как следует возьметесь, то сможете кое-чего добиться и показать кельнцам, как это делается. От Майнца до Кельна и ниже до Клеве надо еще отвоевать у попов много заблудших душ и немало избирательных округов, а теперь как раз такой момент, когда господа из центра собираются либо основательно скомпрометировать себя в военном вопросе, либо окончательно расшатать весь центр.

Вообще же очень тебя благодарю и радуюсь, что тебе хорошо. а в последнее время и «еще лучше» живется. Я тоже хорошо себя чувствую. В воскресенье у нас собралась вся «серная банда»¹ и еще кое-кто, и мы все усердно прикладывались к пуншу.

Если в Париже и дальше будут продолжаться такие же скандалы, то мы, пожалуй, сможем снова разыграть старую брюссельскую пьесу осени 1847 года. Мир начинает казаться неустойчивым.

Твой старый Ф. Энгельс.

97.

Наталии и Вильгельму Либкнехт

в Берлин.

Лондон, 1 декабря 1892 г.

Многоуважаемая г-жа Либкнехт,

Большое Вам спасибо за Ваши дружеские строки и за поздравления к 72-му дню моего рождения, который мы отпраздновали в прошлое воскресенье, как обычно, в кругу друзей, причем засиделись до тех пор, пока не наступил настоящий день моего рождения — 28 ноября. У вас, повидимому, довольно рано установилась зима, если вам уже ниспослан снег и десятиградусный мороз по Реомюру; нам до этого еще далеко, мы довольствуемся прелестной сменой дождя и тумана — причем того и другого у нас больше, чем хотелось бы.

К сожалению, я не имел возможности отправить это письмо во-время, чтобы поздравить Вас с днем рождения Вашего Вилли. надеюсь, что Вы все же не откажетесь принять эти запоздалые поздравления. Я так и предполагал, что Теодор, которого, как и Карла, благодарю за поздравления ко дню моего рождения, сможет воскресными поездками к Вам прерывать будничную скуку своего житья в Миттенвальде, и радуюсь, что это осуществилось. От всей души желаю Вашему Карлу успеха в экзаменах! Хотя я за всю свою

¹ Так К. Фогт в своих клеветнических нападках на коммунистов называл сторонников Маркса.

жизнь и не сдавал ни одного экзамена, но все же отлично могу себе представить, каково на душе у молодого человека за три месяца до такого события. История с Штаттгагеном показывает, что нам можно доставить немало неприятностей и без закона против социалистов. Прения об окладах на съезде партии доставили, легко себе представить, Вашей семье немало тяжелых минут, но в общественной жизни этого не избежать; не везде так охотно голосуют кредиты, как в германском рейхстаге, в других странах министры, а иногда даже и венценосцы подвергаются таким же неприятностям. Тут всякий хочет доказать, что «в денежных вопросах нет места добродушию». Зато Либкнехт стяжал вполне заслуженный триумф разоблачениями об Эмской депеше, это его компенсирует за многое, да ведь его марсельская поездка тоже была сплошной овацией.

У Пумпе явилась потребность доказать свету, что вопреки своей преждевременной седине она еще молодая женщина, и недели две тому назад она подарила своему мужу дочку. И мать и дочь чувствуют себя хорошо. Мое здоровье в общем недурно, хотя я еще не вполне свободно передвигаюсь, но когда из окна наблюдаешь упорно морозящий дождь, то не придаешь этому особого значения.

Желаю Вам здоровья и шлю самый сердечный привет Вам и Вашей семье.

Ваш Ф. Энгельс.

Дорогой Либкнехт,

Тебе придется еще немного подождать моего следующего письма; с III томом надо спешить; во Франции, как мне кажется, снова наступил 1847 г., и Панама может положить конец всему буржуазному свинству. Это будет крепче скандалов 1847 г. и Второй империи. Напиши же своим парижским корреспондентам, чтобы они держали тебя в курсе событий и присылали *материал* в газету, за этими событиями ты должен следить *лично!*

Твой старый Ф. Э.

98.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 1 декабря 1892 г.

Дорогой Шорлеммер,

Сердечно благодарю за Ваши дружеские поздравления к весело проведенному дню. Я вступил в очередной год жизни хоть и не вполне годным для службы в рядах «доблестного воинства», но все же здоровым и в общем еще крепким, и я думаю, Вы правы, что я смогу еще за себя постоять.

Судя по Вашим последующим сообщениям об Аншютце, пожалуй, лучше, чтобы мы больше о нем не слышали. Старый Пфлюгер, в лаборатории которого работал один из моих племянников, насколько я могу судить, настоящий филистер, и если к тому же Аншютц — сын прусского офицера, то это только ухудшает дело. Действительно, трудно найти для биографии Карла подходящего человека, который был бы не только химиком, но и социал-демократом, и не только социал-демократом, но и химиком, да еще таким, который тщательно следил за историей своей науки, начиная с Либиха. Найдем ли мы такого человека или же придется примириться с тем, чтобы две стороны деятельности Карла были обрисованы отдельно, — этот вопрос придется пока оставить открытым. Я лично прежде всего должен, наконец, закончить III том «Капитала» и именно сейчас не могу оторваться от работы, — а тут еще корректура второго издания II тома!

К тому же теперь наступили необычайно бурные времена — военный вопрос и надвигающийся кризис в Германии, панамские скандалы и уже разразившийся кризис во Франции, почти неизбежный кризис здесь, будущей весной, из-за ирландского вопроса. В такие времена моя переписка вырастает вдвое и втрое; как же тут со всем справиться, когда вдобавок из-за глаз мне запрещено писать при искусственном освещении? А много ли дневного света в Лондоне зимой? Мы рады бываем, когда день продолжается четыре-пять часов, часто же дневного света и вовсе не бывает, и из-за тумана мы весь день сидим при газовом освещении.

А между тем все это должно делаться, и пока во внешнем мире все продвигается вперед, ничего не скажешь!

Сердечный привет Вашей семье от Вашего

Ф. Энгельса.

Сердечный привет от г-жи Каутской.

Чуть было не забыл сообщить Вам, что две недели тому назад в воскресенье Пумпс родила девочку; мать и дочь чувствуют себя хорошо.

99.

Шарлю Бонье

в Оксфорд.

Черновик.

Лондон, 3 декабря 1892 г.

Дорогой Бонье,

«Не остудишь — не хлебнешь». У Вас восхитительная привычка подавать все в горячем, очень горячем виде, но не рискую ли я как-

нибудь обжечь себе губы? Газета, о которой Вы знаете, до сих пор еще не начала выходить.

Вы просите меня передать немцам своего рода ультиматум от французов. Допустим, что я это сделаю; поручитесь ли Вы мне в том, что в ответ на прямой запрос из Берлина в Париж, Париж не только не дезавуирует меня, но и не скажет, что я преувеличил?

Что касается существа Вашего ультиматума, то:

1) посмотрим сначала, что произойдет до 1 Мая и как пройдет 1 Мая;

2) с мая до августа в Цюрихе может произойти тысяча событий, которые сейчас учесть невозможно;

3) а с августа 1893 до мая 1894 г. — тем более.

Принимая во внимание военный вопрос в Германии, Панаму во Франции, осложнения с Ирландией в Англии — неминуемых три острых политических кризиса, да еще повсеместный промышленный кризис, — я полагаю, что мы могли бы лучше использовать время, чем тратить его на споры о том, как праздновать 1 Мая 1894 г., день, который нам быть может придется отметить не «манifestацией», а кое-чем посерьезнее.

Что касается Вашего пресловутого Прото, — то я плюю на него и на его присных, провокаторов из немецкой полиции. Когда же и Вы поступите так же?

Во всяком случае мне кажется довольно странным, что Вы разрешаете англичанам — и только им одним — игнорировать брюссельские резолюции. Что скажет на это французская логика?

Впрочем, я знаю только одну партию, которая имела бы право бросить упрек Берлинскому съезду. Это австрийская партия. Первомайские празднования в Берлине до сих пор проходили ничуть не хуже, чем в Париже.

Сегодня я пишу Бебелю и сообщу ему Ваш ультиматум, но люка лишь как Ваше личное мнение.

100.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 3 декабря 1892 г.

Дорогой Август,

Меня очень порадовало то, что ты сообщил мне 22-го о вашем отрицательном отношении к дальнейшему огосударствлению партийной прессы. Следовательно, к этой теме можно больше не возвращаться.

Что касается празднования 1 Мая, то я ведь вполне оправдываю вашу *берлинскую* резолюцию. Тем не менее остается, что в Брюсселе вы оставили у всех такое впечатление, что в будущем тоже будете праздновать 1 Мая, а не прятаться за постановление, разрешающее не делать этого *в совершенно исключительных* случаях. Следовательно, вам нечего удивляться шуму, вызванному берлинской резолюцией. Но из вашего намерения провести через конгресс решение о том, чтобы в дальнейшем переносить празднование на воскресенье, все же ничего не выйдет. За исключением англичан, все будут против этого, причем некоторые мелкие партии — из чистого бахвальства. Это было бы явным отступлением, и меньше всего захотят официально его *провозгласить те*, которые втайне намереваются его *сами осуществить*, будет ли оно обнародовано или нет.

Как раз вчера вечером я получил от Бонье угрожающее письмо (других он вообще не пишет), в котором он, прочтя твою статью в «Neue Zeit», заявляет мне от имени французов: если будет решение о первом майском воскресенье, то они откажутся вообще от всяких разговоров о 1 Мая. «Никогда наша партия не согласится (на воскресенье), мы твердо решили в этом пункте не отступать». Он считает, что вы играете с огнем.

Я ему ответил: 1) его стряпню не остудив — не хлебнешь; 2) кто его уполномочил говорить от имени французской партии? 3) до мая 1893 г., затем от мая до конгресса в Цюрихе в августе 1893 г., а там до мая 1894 г. может произойти много неожиданного; принимая во внимание назревающие три острых политических кризиса (военный вопрос в Германии, Панама во Франции, ирландский вопрос в Англии) и всеобщий промышленный кризис, мы могли бы найти себе лучшее занятие, чем пререкания о том, как проводить демонстрацию 1 Мая 1894 г., день, когда, быть может, мы будем заняты совсем иной работой; 4) как совместить с французской логикой то, что он хочет разрешить *англичанам* праздновать в воскресенье, но только *им*; 5) мне известна лишь одна партия, которая имеет право бросить упрек немцам, — это австрийская; празднования 1 Мая в Берлине были ничуть не хуже парижских; и 6) я сообщил тебе его ультиматум, но только как его *личное мнение*.

Этот человек одушевлен непреодолимой жаждой подвигов, но тогда ему незачем было ехать в Оксфорд, где он сидит один с красным Вольфом, который отошел от всего. Идея управлять европейским рабочим движением из Оксфорда — единственного осколка подлинного средневековья, еще сохранившегося в Европе, — непод-

ражаема, но нам она доставляет досадную и ненужную работу, и я заявлю в Париже решительный протест против этого посредника. Беда-то, главным образом, в том, что он единственный, знающий немецкий язык, кроме Лауры, а та живет за городом.

В остальном съезд прошел довольно удачно; Фольмару было, вероятно, довольно-таки трудно присоединиться к резолюции, хотя в ней немало нелепостей.

Был здесь Эде и получил много писем от К. Каутского, который писал и мне — все по поводу «*Neue Zeit*», чтобы я тоже сказал свое слово. Мое мнение таково, что если вы примете предлагаемое Дитцем изменение, то вам нужно его хорошенько продумать, подготовить и осуществить в январе так, чтобы не поступить опрометчиво. Вообще же мне кажется, что с тех пор как «*Neue Zeit*» выходит еженедельно, журнал частично отказался от своих *прежних* особенностей, ради новых, которые все же он не смог полностью осуществить. Сейчас журнал рассчитан на двоякого рода читателей и ни тех, ни других не может удовлетворить вполне.

Если «*Neue Zeit*» должен стать популярным журналом, отчасти политическим, отчасти художественно-литературным, отчасти научным, вроде «*La Nation*», *то его надо перевести в Берлин*. Политический отдел еженедельника должен составлятья в центре, *накануне сдачи в печать*, иначе он всегда будет запаздывать. И сотрудники политического отдела все должны находиться *там же*, за исключением корреспондентов. Идея редактировать политический обзор в Берлине и в Лондоне, а печатать его в Штутгарте, представляется мне неосуществимой. Во всяком случае, между штутгартским и берлинским еженедельником разница в числе подписчиков будет не менее 20—30%. Я сужу с чисто издательской точки зрения; другие соображения, которые должны быть здесь приняты во внимание, мне неизвестны или известны весьма поверхностно, вам на месте все это должно быть виднее.

Но раз уж в «*Neue Zeit*» произойдут эти изменения, значит журнал рассчитан только на *часть* своих прежних читателей и уж должен *всецело* ориентироваться на них. Тогда в нем не место тем статьям, которые составляли до сих пор его самую большую и наименее преходящую ценность, — более или менее крупным научным статьям, переходящим из номера в номер на протяжении 3—6 номеров. Тогда наряду с «*Neue Zeit*» нужен ежемесячник — на худой конец трехмесячник, — по преимуществу научного характера, который также имел бы соответственно меньший круг абонентов и, чтобы окупать себя, возмещал бы это сокращение *более высокой ценой*..

Мне вообще кажется необходимым, чтобы партийные издатели, раз они все больше стремятся забрать в свои руки все партийные издания, в том числе и научные, не рассчитывали всегда на массовый сбыт, независимо от того, подходит данное издание для этого или нет. Настоящие экономические труды должны быть прежде всего детальными исследованиями и поэтому на массовый сбыт их нельзя рассчитывать. Также и настоящие исторические работы, результаты самостоятельных исследований, не годятся для издания выпусками. Короче, я полагаю, что должно быть произведено разделение на две области: одна для массового распространения, другая — для более медленного сбыта, как в обыкновенной книжной торговле, с более ограниченным тиражем и соответственно более *высокой ценой*.

Что получается, когда стремятся усилить массовый сбыт сверх тех границ, которые определяются содержанием, это я знаю по собственному опыту. Хотя мой «*Анти-Дюринг*» написан так популярно, как только возможно, но все же это книга не для *каждого* рабочего. И вот Дитц берет на себя часть цюрихского издания и пытается форсировать его сбыт тем, что продает книгу по удешевленной цене вместе с принудительным набором из одиннадцати других книжек — самой разнокалиберной ерунды. Это ни в какой мере не может быть приятно, и впредь я буду предусмотрительней. Это единственная более крупная книга, которую я написал после 1845 г., и если с ней поступают подобным образом, то это, в конце концов, унижительно. Впрочем, Дитцу ты можешь об этом не говорить — дело уже сделано и изменить его нельзя, я и тебе бы об этом не сказал, не будь это таким разительным примером тех неправильных приемов книготорговли, на которые я хотел указать.

Вообще же наступают критические времена. Когда я по утрам читаю «*Daily News*» и кое-какие французские газеты, то чувствую себя совсем, как в 1847 году. Тогда тоже каждое утро ждали новых скандальных разоблачений и редко обманывались в своих ожиданиях. Панамская авантюра побивает по части коррупции все, что было до сих пор как при Луи-Филиппе, так и при Бонапарте III. *83 миллиона франков* потрачено на учредительские расходы, включая подкуп прессы и парламента. На этом буржуазной республике придет конец, ибо радикалы не менее глубоко погрязли в этом болоте, чем оппортунисты. Конечно, со всех сторон стараются замазать дело, но чем больше замазывают, тем получается хуже. Раз уж разоблачения начались и некоторые лица безнадежно замешаны в этом скандале, им приходится спасать себя, выдавая своих сообщников, и доказывать, что сами они только плыли по течению. Комиссия уже

сейчас получила такие чудовищно компрометирующие показания, что приостановить дело нельзя. *Кос-кто*, быть может, и вывернется, но множество лиц уже названо по именам; а кроме того, чем меньше будет скомпрометировано *имен*, тем больше грязи прилипнет к буржуазной республике. Разумеется, может еще произойти много неожиданного, но это начало конца. К счастью, все монархические партии совершенно обанкротились, а второго Буланже не так-то легко найти.

Прилагаю выдержку из письма Лафарга для «Vorwärts», но последи за тем, чтобы в газете не проскользнуло ни *малейшего намека* на то, что *письмо написано депутатом*.

Вот что Либкнехт совершенно упустил из виду, когда говорил об Эмском подлоге Бисмарка: дипломаты втихомолку такие вещи *делают*, но ими не хвастаются. Если же кто-либо из них хвастается этим, то таким нарушением этикета он *тем самым делает себя неприемлемым для остальных*. Поэтому г. Бисмарка уж никогда нельзя будет вновь назначить на пост канцлера без того, чтобы дать повод любому иностранному правительству отказать иметь дело с человеком, который не только не стыдится подобных средств, но даже еще гордится ими. Имперское правительство рисковало бы вызвать против себя всеобщий международный бойкот, если бы Бисмарк снова стал канцлером. Мне думается, было бы очень полезно сказать об этом с трибуны рейхстага.

Большой привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

Передай, пожалуйста, фракции мою искреннюю признательность за ее дружескую телеграмму к прошлому воскресенью!

101.

Карлу Каутскому
в Штутгарт.

Лондон, 4 декабря 1892 г.

Дорогой Барон,

Большое спасибо за твои поздравления к очень весело проведенному дню, — к сожалению, я все еще не переносу выпивки и должен на несколько недель наложить на себя епитимью воздержания.

Спасибо также за присылку проспекта нового журнала¹. Знаешь ли ты этих людей? Мне они совершенно не знакомы.

¹ «Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte».

Последнюю статью Шмидта о норме прибыли я еще никак не смог прочитать; я принужден отказываться от всего, что может означать для меня дополнительную работу, пока не будет готов III том; мои занятия и без того то и дело прерываются.

О «Neue Zeit» мы с Эде много говорили, а вчера я написал Августу длинное письмо.

По-моему, если журналу предстоит стать более доступным, популярным и литературно «более интересным», как это задумали Дитц и Август, то его надо перевести в Берлин. Только там на месте можно писать политические обозрения, охватывающие события вплоть до *вечера накануне сдачи в печать*; только там можно сделать быстро и «актуально» целый ряд литературных и беллетристических работ, которые иначе будут запаздывать на целую неделю. В силу этих и других обстоятельств берлинское издание даст на 20—30% больше подписчиков, чем штутгартское.

Но в таком случае «Neue Zeit» пожертвует лучшей частью своего содержания, для которой потребуется более выдержанный, чем до сих пор, научный ежемесячный или трехмесячный журнал, рассчитанный на более ограниченный круг читателей и который поэтому надо будет продавать по *более высокой цене*.

Но как же быть, если два журнала выпускать не удастся? Тогда — это мне пришло в голову только сегодня — было бы, может быть, лучше всего снова сделать «Neue Zeit» ежемесячником, но при его теперешнем объеме, т. е. при 104 листах в год, 8—9 листах в месяц. Тогда более обширные статьи смогут входить в один, максимум в два номера и должны будут в последнем случае разбиваться на I, II или I, II, III, IV главы, что будет удобнее для чтения. При объеме в 2 листа в месяц ты *не сможешь* прерывать более длинные статьи там, где это потребуется по смыслу, так как отсутствие места и необходимость разнообразить содержание каждого номера почти всегда препятствуют этому. А тут ты мог бы приучить своих сотрудников, чтобы они сами разбивали статью на два номера. Тогда уж в каждом номере сможет поместиться «для всех понемногу». Но и в этом случае пришлось бы рассчитывать на более ограниченный сбыт и, следовательно, повысить цену, так мне, по крайней мере, кажется.

Во всяком случае раньше, чем попробовать, обдумайте все основательно. Трудно исправить уже совершенный ложный шаг.

Если еженедельник «Neue Zeit» будет переведен в Берлин, он сможет во многих отношениях заменить еженедельный центральный орган. А то дело затянется, пожалуй, еще на год. До того времени

может многое произойти. Наступают жаркие времена. Похоже, что панамский скандал станет поворотным пунктом в развитии Франции. Ты должен был бы не давать покоя Лафаргу, чтобы он собирал об этом материал для более длинной статьи, а также посылал бы тебе корреспонденции в решающие моменты отдельных этапов скандала. Это такие вещи, с которыми «*Neue Zeit*» может опередить ежедневные газеты даже в отношении фактической информации.

«*Vorwärts*» — ну, лучше уж помолчу!

Твой Ф. Энгельс.

Прилагаю небольшую вещицу для «*Neue Zeit*»¹. Если сообщение Штернберга слишком длинно для тебя — сократи его; раз уж взявшись за нее, я перевел всю штуку до конца.

102.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 22 декабря 1892 г.

Дорогой Август,

Недавно мы имели удовольствие видеть у себя, проездом из Оксфорда в Париж, Катона Цензора — Бонье. Я, кажется, произвел на него некоторое впечатление, разъяснив ему, что: 1) его ультимативный тон мало благоприятствует взаимному пониманию и 2) германской партии лучше сохранить свою кассу и свой кредит на случай роспуска рейхстага и новых выборов, чем растрачивать и то и другое на первомайскую стачку. Этот человек — сущее несчастье для французов и немцев, поскольку он является неизбежным посредником между ними; а Гэд, повидимому, склонен пользоваться только его услугами. Но его энтузиазм, разжигаемый оксфордским одиночеством и бездельем, при огромной жажде подвигов, способен скорее вызывать распри, чем совместные действия. А при нынешнем положении Европы именно единодушные совместные действия немцев и французов являются первостепенной необходимостью.

Большое спасибо за стенограмму заседания рейхстага. Твою большую военную речь я смогу прочесть только сегодня вечером, а твоя речь о законе Гейнце мне очень понравилась. Пока проституция не может быть полностью устранена, — наш первейший долг,

¹ Энгельс. Вновь открытый случай группового брака. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 321—324.

по-моему, освободить девиц от всяких исключительных законов. Здесь, в Англии, это осуществлено, по крайней мере, приблизительно: нет никакой «полиции нравов», никакого контроля, никаких врачебных освидетельствований, но власть полиции до сих пор еще огромна, потому что содержание дома терпимости карается законом, и каждый дом, где живет девица, принимающая посетителей, может рассматриваться как таковой. Это применяется все же лишь в исключительных случаях, и тем не менее девицы всегда подвергаются гнусным вымогательствам со стороны полицейских. Эта относительная свобода от унижительных полицейских оков позволяет девицам в общем сохранять самостоятельность и чувство достоинства в такой степени, в какой это едва ли возможно на континенте. Они рассматривают свое положение, как неизбежное несчастье, раз оно уж с ними приключилось, и с этим несчастьем им приходится мириться, но это отнюдь не должно затрагивать ни их личных качеств, ни их чувства чести; если же они находят возможность бросить свое ремесло, они стараются использовать эту возможность, и в большинстве случаев успешно. В Манчестере были целые колонии молодых людей — буржуа или служащих, которые жили с такими девицами, многие из них были законно повенчаны и жили не менее дружно чем буржуа с буржуазками. Если время от времени та или иная начинала пить, то это ни в какой мере не отличало ее от буржуазных женщин, которые здесь тоже знают толк в вине. Некоторые девицы, вышедшие таким образом замуж и уехавшие в другие города, где они не рисковали встретить «старых знакомых», приняты были в respectable буржуазном обществе и даже в среде сквайров — здешних помещиков, причем никто не замечал в них ровно ничего предосудительного.

По моему мнению, при обсуждении этого вопроса мы должны в первую очередь иметь в виду интересы самих девиц как жертв существующего общественного порядка и, по возможности, защищать их от клеветы — во всяком случае, насильно не доводить их до полного падения законами и полицейским свинством так, как это происходит на всем континенте. Здесь в некоторых городах, где стоят гарнизоны, также пробовали ввести и контроль и медицинское освидетельствование, но это продолжалось недолго; агитация против этих мер — единственная заслуга поборников общественной чистоты нравов.

Врачебное освидетельствование — сущий вздор. В тех местах, где оно было введено, сифилис и гонорея усилились. Я убежден, что инструменты полицейских врачей играют большую роль в рас-

пространении венерических болезней, на их дезинфекцию они едва ли тратят время и труд. Надо организовать для девиц бесплатные лекции о венерических болезнях, тогда большинство из них уже сами будут за собой следить. Блашко прислал нам статью о врачебном контроле и также вынужден признать, что этот контроль совершенно бесполезен; если бы он был последователен в выводах из собственных предпосылок, то должен был бы требовать полной свободы проституции и защиты девиц от эксплуатации, но для Германии это, повидимому, чистейшая утопия.

Я надеюсь, что лечение по системе Кнейппа приносит Дитцу пользу. Назе, по крайней мере, утверждает, что сумасшедший поп совершенно его вылечил. Судя по тому, что я слышал об этом лечении, людям, застывшим и окостеневшим в своей однообразной деловой жизни в городе, оно может принести некоторую пользу полным изменением образа жизни и вынужденным движением на свежем воздухе, но, в зависимости от характера заболевания, может иногда и повредить; это то же, что «лечение водами», при котором в большинстве случаев больше всего помогают не минеральные воды, а изменение рутинного образа жизни и строгая диета. Но в общем ты прав. Среди наших товарищей много таких, которые считают своим долгом носиться с каждым новоиспеченным «измом», так же как и с каждым разочарованным буржуазным или бюрократическим кляузником и с каждым непризнанным поэтическим или художественным гением. Ведь так приятно разыгрывать из себя защитника всех преследуемых и угнетенных и открывать в каждом «изме» спасающее мир учение, угнетаемое злодейским капиталистическим порядком. Это — великолепное средство использовать и применить как раз то, чего не изучал. Чего только не проделывал по этой части блаженной памяти «Volksstaat»!

Панамская афера с каждым днем становится все великолепнее. История эта протекает, как это часто бывает во Франции, в резко драматической форме. Каждую минуту кажется, будто старания замять это дело вот-вот увенчаются успехом, но вдруг оно снова прорывается в самом неожиданном месте и сильнее, чем когда-либо, и теперь положение таково, что никакие затушевывания более уже не помогают. Сначала рассчитывали замять дело в суде, но тут новые разоблачения вынудили создать следственную комиссию; потом попытались парализовать эту комиссию, но эта попытка удалась только наполовину, и только благодаря тому, что начато было новое, более серьезное судебное разбирательство. А теперь новые разоблачения и преследования депутатов и сенаторов посыпались

традом. Шар катится, но пока еще далеко не докатился до конца. За кулисами стоят: 1) Констан, который знает, что его роль сыграна, и хочет мстить, 2) Рошфор и буланжисты, которые тоже многое знают, 3) дом Орлеанов, который хочет использовать всю эту комедию для попытки реставрации. Все эти люди многое знают и почти все могут документально доказать. Наконец, если ничто другое не подействует, то Шарль де Лессепс и Рувье будут мстить тем, что запутают и потащат за собой как можно больше людей. Слова, характеризующие положение, произнес Ротшильд: «Мне нужна монархия, я покупаю ее раз навсегда; республика обходится мне слишком дорого — через каждые несколько лет мне приходится покупать новую шайку».

Чего бы не дал сейчас за все это осел Буланже, если бы он не застрелился! Теперь настала бы его пора, и я не буду удивлен, если попытаются найти второго Буланже. К счастью, это не так-то легко. И монархии тоже не везет. Правые все как один голосовали за панамскую лотерею и, что еще хуже, агитировали за нее в деревне и впутали в дело мелкую буржуазию и крестьянство. 1 700 миллионов франков, которые ухнули в это дело, это — большей частью такого рода сбережения мелкого люда (попалось будто бы свыше 800 000 человек!), отсюда страшный гнев — правые (клерикалы-монархисты), встретившие панамский скандал ликованием, теперь отступают.

Как это окончится — ясно: в конечном счете *нам* на пользу. Но во Франции, всегда полной неожиданностей, трудно предугадать промежуточные стадии. Во всяком случае, их будет еще немало, прежде чем на авансцену выступят наши. Только если в Париже совершат революцию, у руля окажутся социалисты, ибо в Париже *каждая* революция, как Коммуна, сама собой становится социалистической. Но Париж менее возбужден, чем провинция, и это хорошо. Париж равнодушен в значительной степени и потому, что рабочие разьединены, плохо осведомлены, настроены ура-патриотично (поскольку они чувствуют, что Париж *уже перестал быть мировым политическим центром*, что они воспринимают как несправедливость), не видят никакого выхода. Если скандалы будут продолжаться, то возможен президентский кризис — Карно замешан, по меньшей мере как *укрыватель*, во многие грязные дела — и, во всяком случае, в будущем году произойдут новые выборы в палату. Кроме того, предстоят новые выборы многих муниципальных советов в Париже. Здесь, следовательно, всевозможных законных выходов более чем достаточно. С другой стороны — неуверенность в надежности армии (где всеобщая воинская повинность еще новинка и

не так вошла в плоть и кровь, как в Пруссии) удерживает от государственного переворота, в то время как безоружность масс (которые теперь не могут, как раньше, получить оружие и патроны у национальной гвардии) удерживает от попыток восстания; и потому, вероятнее всего, кризис пройдет мирно. Но это нам и нужно, чтобы иметь время пожать плоды Панамы: спокойствие перед насильственным вмешательством и время, для того чтобы брожение успело охватить всю страну. В провинции марксисты почти не имеют соперников, в Париже все благополучно, пока бланкисты, аллеманисты, бруссисты взаимно изматывают друг друга.

Во всяком случае, *внутреннее* развитие Франции снова приобретает сейчас первостепенную важность, и скоро станет ясно, насколько люди созрели для вставшей перед ними задачи. Должен сказать, что я очень верю в их силы в случае таких крупных кризисов. Не то, чтобы они немедленно одержали блестящую победу — возможны еще пренеприятные временные проявления реакции, — но, в конце концов, они выйдут из этого с честью. Слишком быстрый ход событий для нас тоже нежелателен. Нам тоже еще требуется время для развития.

Строго между нами. С III томом основное уже позади. Трудные места в самом трудном отделе преодолены. Но пока я не справился с двумя последними отделами, я ничего не могу сказать определенного относительно срока окончания работы. Всегда могут встретиться некоторые трудные места, на которые потребуется время. Но я уж вижу берег; самое тяжелое, поглощавшее больше всего времени, преодолено, и на этот раз я закончу. Когда ты приедешь сюда, я тебе все покажу.

Тебе, во всяком случае, лучше ехать через Кале, из Штутгарта это едва ли дальше, пожалуй даже ближе, чем через Остенде.

Сердечный привет тебе, твоей жене и детям. Желая весело провести праздники.

До свиданья

Твой Ф. Э.

103.

Карлу Каутскому
в Штутгарт.

Лондон, 24 декабря 1892 г.

Дорогой Барон,

Я пытался уговорить Августа совершить зимнюю переправу через канал хоть на несколько дней, и у меня есть надежда, что он согласится. В таком случае не откажи мне в любезности, поскольку

он обязательно должен проехать через Штукерт, вручить ему для меня старую рукопись Маркса вместе с той частью рукописи, которую ты успел уже приготовить. Дальнейшее мы уже как-нибудь при случае уладим. Так как теперь есть все основания рассчитывать, что, наконец, закончится длительный утробный период III тома, мне важно иметь в своем распоряжении материал для IV тома.

Подробнее напишу в ближайшее время, когда буду отвечать на твое письмо, а пока желаю веселых праздников и шлю сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

104.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 31 декабря 1892 г.

Дорогой Зорге,

Прежде чем закончится старый год — еще несколько строк. Твои письма от 18 ноября и 16 декабря получил, большое спасибо. Получил ли ты посылку с книгами, которую я послал тебе по почте в сентябре? Там были: «Положение рабочего класса» в новом издании и «Развитие социализма от утопии к науке» в переводе Эвелинга, с моим предисловием. Если не получил, я pošлю тебе их вторично заказной почтой.

Здесь, в старой Европе, несколько больше оживления, чем в вашей «юной» стране, которая все еще не может выбраться из отроческого возраста. Удивительно, хоть и вполне естественно, насколько в такой молодой стране, никогда не знавшей феодализма и с самого начала развивавшейся на буржуазной основе, буржуазные предрассудки крепко засели также и в рабочем классе. Именно из протеста против метрополии, все еще носящей феодальную маску, американский рабочий воображает, что традиционная буржуазная форма хозяйства есть нечто по самой своей природе и на все времена прогрессивное и превосходное, нечто *pes plus ultra*¹. Совершенно так же как в Новой Англии пуританство, первопричина существования всей колонии, именно поэтому и стало традиционной и почти неотъемлемой частью местного патриотизма. Как бы там американцы ни хорохорились и ни изворачивались, они не могут дисконтировать как вексель свою несомненно гигантскую будущность; им уж придется дожидаться, когда наступит срок платежа по этому векселю, и именно *потому*, что их будущее так огромно, они в настоящем

¹ *Лат.* — не могущее быть превзойденным.

должны заниматься, главным образом, подготовкой к этому будущему; работа же эта, как в каждой молодой стране, преимущественно материального характера и обуславливает известную отсталость мышления, приверженность к традициям, связанным с формированием новой национальности. У англо-саксонской расы — у этих проклятых шлезвиг-гольштинцев, как постоянно называл их Маркс, — мозг и без того неповоротлив, а история этой расы в Европе, как и в Америке (успехи в экономической области и преимущественно мирное развитие в политической), еще усугубила это свойство. Тут помочь могут только крупные события, и если теперь к более или менее завершившемуся переходу государственных земель в частные руки присоединится еще расширение промышленности в условиях менее сумасбродной таможенной политики и завоевание внешних рынков, то и у вас все может пойти на лад. Классовая борьба и здесь, в Англии, была ожесточеннее *в период развития* крупной промышленности и затихла, как раз когда наступил период неоспоримого мирового промышленного господства Англии. В Германии развитие крупной промышленности с 1850 г. тоже совпадает с подъемом социалистического движения, и в Америке будет, вероятно, не иначе. Революционизирование всех традиционных отношений *развивающейся промышленностью* революционизирует также и головы.

Впрочем, американцы с давних уже пор доказали европейскому миру, что буржуазная республика — это республика капиталистических дельцов, где политика такое же коммерческое предприятие, как и всякое другое; французы же, у которых господствующие буржуазные политики уже давным давно знали это и втихомолку применяли на практике, тоже начинают, наконец, на панамском скандале осознавать эту истину в национальном масштабе. А чтобы конституционные монархии не слишком хвастались своей добродетелью, у каждой из них имеется своя собственная маленькая панама: в Англии — скандалы с так называемыми строительными компаниями, одна из которых, «Освободитель», начисто «освободила» множество мелких вкладчиков от 8 миллионов фунтов стерлингов сбережений; в Германии — скандальная история с Бааре и еврейские ружья Лева (доказавшие, что прусский офицер ворует, как прежде, но только совсем понемножку — единственное, в чем он скромнен); в Италии — Римский банк, который является уже приближением к настоящей Панаме и ухитрился подкупить около 150 депутатов и сенаторов; документальные данные об этом деле будут, как мне сообщают, скоро опубликованы в Швейцарии. Пусть Шлютер следит за всем, что появится в газетах по поводу Римского банка. А на святой

Руси исконный русский князь Мещерский возмущается равнодушием, с каким встречают в России разоблачения о Панаме, и объясняет это себе только тем, что русская добродетель испорчена французским примером и что «у нас самих имеется дома не одна панама».

Но панамская история — это все же начало конца буржуазной республики, и она скоро может поставить нас в весьма ответственное положение. *Вся* оппортунистическая и большая часть радикальной банды позорно скомпрометирована, правительство старается замять скандал, но это уже не удастся; компрометирующие документы в руках людей, желающих свергнуть нынешних властителей: в руках 1) Орлеанов, 2) министра Констана, свергнутого и окончательно скомпрометированного разоблачениями о его скандальном прошлом, 3) Рошфора и буланжистов, 4) Корнелиуса Герца, который сам сильно замешан во всякого рода мошенничествах и который явно бежал в Лондон лишь для того, чтобы выпутаться из этой истории самому, запутав в нее других. У всех этих людей имеются более чем достаточные улики против воровской шайки, но они их пока придерживают, во-первых, для того, чтобы не расстрелять сразу весь свой порох, а во-вторых, чтобы дать правительству, равно как и *правосудию*, время запутаться окончательно. Нам это только на руку: выходит наружу в изобилии все новый и новый материал, который дает возможность поддерживать возбуждение и все больше компрометировать заправил; но, кроме того, это дает время скандалам и разоблачениям оказать свое действие в самых отдаленных уголках страны еще до неизбежного роспуска палаты и новых выборов, причем, однако, нужно, чтобы эти выборы произошли *не слишком рано*.

Совершенно ясно, что дело все ближе подходит к тому моменту, когда наши люди во Франции станут единственно возможными руководителями государства. Только пусть бы это не наступило слишком скоро; наши люди во Франции далеко не созрели для господства. Обстоятельства, однако, теперь таковы, что абсолютно нельзя предвидеть, какие промежуточные ступени заполняют этот промежуточный период. Старые республиканские партии скомпрометированы до последнего человека, роялисты и клерикалы массами сбывали панамские акции и тем самым неразрывно связали себя с Панамой. Не застрелись этот осел Буланже, он был бы теперь хозяином положения. Мне очень хотелось бы знать, скажется ли и на этот раз издавна присущая французской истории неосознанная логика. Неожиданностей будет много. Только бы власть не захватил какой-нибудь генерал, воспользовавшись одной из промежуточных, выяс-

няющих положение пауз, и не вызвал бы войны; в этом единственная опасность.

В Германии происходит непрерывное, неудержимое, ровное движение партии вперед. Решительно повсюду мелкие успехи, свидетельствующие о дальнейшем росте. Если военный законопроект в основном будет принят, то к нам устремятся новые массы недовольных; если он будет отклонен, роспуск рейхстага и назначение новых выборов — и мы получим по меньшей мере 50 мест в рейхстаге, что при конфликтах часто сможет дать нам решающий перевес. Во всяком случае борьба, если она и загорится во Франции, что очень вероятно, может быть доведена до конца только в Германии. Хорошо, однако, что III том будет, наконец-то, готов — когда? Этого я, правда, еще не могу сказать. Наступают беспокойные времена, и волны уже вздымаются высоко.

Сердечное поздравление к Новому году, также и от г-жи Каутской, тебе и твоей жене.

Твой Ф. Энгельс.

1893 год.

105.

Марии Мендельсон

в Лондон.

Лондон, 10 января 1893 г.

Дорогая г-жа Мендельсон,

Благодарю за Ваше сообщение. Я немедленно написал небольшую статью о парижских арестах, которая сегодня же вечером ушла в Берлин, — через несколько дней Вы вероятно увидите ее в «Vorwärts»¹.

Всегда к Вашим услугам

Ф. Э.

Бebelъ уехал сегодня днем.

Привет от г-жи Каутской.

106.

Филиппу Паули

во Франкфурт-на-Майне.

Лондон, 11 января 1893 г.

Дорогой Паули,

Я вполне согласен с твоим предложением, чтобы каждый из нас послал Перкинсу взнос на устройство лаборатории имени Шорлеммера, но совершенно не согласен с тем, что размер этого взноса должен установить я без каких-либо предварительных переговоров или ознакомления с существующим положением. Сколько тут следует предложить — зависит от слишком многих обстоятельств, совершенно мне неизвестных. Комитет в Манчестере вероятно выпустит или уже выпустил какое-нибудь воззвание, где будет приблизительно указана требуемая сумма, а также предварительный список первых

¹ Статья Энгельса «Zum jüngsten Pariser Polizeistreich» («К новым бесчинствам парижской полиции») опубликована в «Vorwärts» № 11 от 13 января 1893 г.

взносов и т. д., и т. д. Все это ведь необходимо знать, чтобы составить себе приблизительное представление о том, выше или ниже каких пределов не следовало бы идти.

Поэтому будь, пожалуйста, любезен справиться у Перкинса, что уже сделано в этом отношении, и попроси его, если сочтешь это удобным, осведомить меня, для того чтобы у нас был масштаб, которым мы могли бы руководствоваться.

Просто позор, что за публика эти университетские ослы! Даже на Роско мне пришлось оказать давление, прежде чем он написал статью в «Nature». А немцы, ведь они могли бы гордиться Шорлеммером! Но он не принадлежал к той клике, где рука руку моет, и поэтому после смерти должен расплачиваться за то, что не участвовал в панамах университетской науки. Куда ни повернись — везде панама, сплошная панама, даже и в университетской химии!

Сердечный привет твоей жене и детям, равно как и тебе от твоего старого

Ф. Энгельса.

Пумпс вместе с семьей провела здесь рождество и Новый год. Новорожденная малютка очень хрупкое существо, но все же, несмотря на холод, они благополучно вернулись в Райд.

107.

Марии Мендельсон

в Лондон.

Лондон, 16 января 1893 г.

Дорогая г-жа Мендельсон,

Статья в «Vorwärts», которую Вы имеете в виду, написана в Париже. Автору, повидимому, сказали, что пять арестованных поляков принадлежат к той же социалистической школе, к которой среди русских принадлежат Плеханов и его друзья; в результате корреспондент допустил *qui pro quo*¹, которое мы все прочли с таким сожалением.

То, что я послал в «Vorwärts», помещено в следующем номере (№ 11 от 13 января).

Мы все же можем поздравить себя с тем, что эта новая низость французского правительства привела всего лишь к высылке.

Привет от г-жи Каутской и от преданного Вам

Ф. Энгельса.

¹ Лат. — путаница.

108.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 18 января 1893 г.

Дорогой Зорге,

Посылаю тебе сегодня два старых номера прекратившей свое существование «Berliner Volkstribüne», остальные затерялись во время рождественской кутерьмы; если я их найду, то вышлю их тебе дополнительно. Причина задержки с отправкой — статьи о Бакуanine, вынудившие меня в конце концов выступить с ответом¹; поэтому мне пришлось задержать эти номера здесь на случай возможной полемики. В последней (тринадцатой) статье, которая, к сожалению, затерялась, содержится еще больше анархистских рассказов, и автор называет себя. Это некий Эритье (молодой женевец, которого пригнул на своей груди старый И.-Ф. Беккер); он изолгался в своих попытках оправдаться в связи с моим ответом. Так как он мне написал, то я отвечу ему и укажу, что если он в обещанном новом опусе будет продолжать в том же духе, то крепко получит от меня по рукам.

Здесь, в Бредфорде, состоялась конференция Независимой рабочей партии, о которой ты знаешь по «Workman's Times». Как Социал-демократическая федерация, так и фабианцы не в состоянии были в силу своего сектантского образа действий справиться с бурным подъемом социалистического движения в провинции. Поэтому создание третьей партии было весьма кстати. Теперь же это движение, особенно в промышленных районах Севера, выросло настолько, что новая партия уже на своем первом съезде оказалась сильнее и Социал-демократической федерации и фабианцев, если не сильнее их обоих, вместе взятых. А так как в своей *массе* члены этой партии положительно очень хороши — ибо центр тяжести ее находится в провинции, а не в средоточии интриг — Лондоне, и программа в основном совпадает с нашей, то Эвелинг правильно сделал, что примкнул к ней и вошел в ее Исполнительный комитет. Если здесь удастся несколько обуздать мелкое честолюбие и интриги лондонских выскочек и если в тактике не будет допущено *слишком* больших извращений, то Независимая рабочая партия, пожалуй, сможет отвоевать массы у Социал-демократической федерации, а в провинции и у фабианцев, добившись тем самым единства.

В Социал-демократической федерации Гайндман совершенно оттеснен на задний план. В результате его политики интриг положение

¹ Письмо Энгельса в редакцию газеты «Berliner Volkstribüne».

в федерации ухудшилось настолько, что благодаря наплыву делегатов из провинции Гайндман оказался совершенно опороченным даже в глазах своих людей. Его попытка, хвастаясь своей революционностью, снова приобрести популярность в Комитете безработных, где сотрудничали и другие организации (причем его личная трусость общеизвестна и его лучшим друзьям), привела лишь к тому, что доставила Тусси и Эвелингу еще большее влияние в этом Комитете. Социал-демократическая федерация все еще продолжает кичиться своим старшинством — тем, что она здесь *старейшая* социалистическая организация, но в общем она стала много терпимее по отношению к другим, отказалась от брани и считает себя хотя и гораздо солиднее, чем она есть, но все же куда менее значительной, чем она себя изображала раньше.

Фабианцы здесь, в Лондоне, — шайка карьеристов, достаточно рассудительных, чтобы понимать неизбежность социального переворота, но ни в коем случае не желающих доверить эту исполинскую работу исключительно незрелому пролетариату. И поэтому они благосклонно берутся возглавить его. Их основной принцип — страх перед революцией. Они «интеллигенты» *par excellence*¹. Их социализм есть муниципальный социализм: *коммуна*, а не нация должна, по крайней мере на первых порах, сделаться собственницей средств производства. Свой же социализм они рисуют крайним, но неизбежным следствием буржуазного либерализма. Отсюда их тактика: не вести решительной борьбы с либералами, как с противниками, а толкать их к социалистическим выводам, т. е. надуть их, «*пропитывать* либерализм социализмом», не противопоставлять либералам социалистических кандидатов, а подсовывать и навязывать их либералам, т. е. обманным путем проводить их. Но что они при этом либо сами будут обмануты и одурачены, либо предадут социализм — этого они, конечно, не понимают.

Фабианцы издали с большой тщательностью, наряду с разной дрянью, и несколько хороших пропагандистских сочинений, и это наилучшее из всего того, что в этой области было сделано англичанами. Но как только они возвращаются к своей специфической тактике — затушевыванию классовой борьбы, так дело плохо. Из-за классовой борьбы они фанатически ненавидят Маркса и всех нас.

Фабианцы насчитывают, конечно, много буржуазных сторонников, и потому они и располагают деньгами. В провинции в их рядах есть много дельных рабочих, которые не хотели иметь ничего

¹ Франц. — по преимуществу.

общего с Социал-демократической федерацией. И пять шестых этих провинциальных членов партии более или менее разделяют нашу точку зрения и в критический момент решительно отойдут от фабианцев. В Бредфорде, где были и их представители, они неоднократно решительно высказывались против Лондонского исполнительного комитета фабианцев.

Как видишь, это критический момент для здешнего движения, и из новой организации может выйти толк. Одно время она чуть было не попала под опеку Чемпиона, который сознательно или бессознательно работает на тори, подобно тому как фабианцы — на либералов, Чемпиона и его союзника, известного тебе по Гааге Мальтмана Барри (Барри теперь признанный и постоянный платный агент тори и заправила «социалистического крыла консерваторов», см. «Workman's Times» за ноябрь и декабрь). Но Чемпион в конце концов предпочел снова издавать свой «Labour Elector» и тем самым противопоставил себя «Workman's Times» и новой партии.

Кейр Гарди поступил разумно, став во главе этой новой партии, а Джон Бернс, которому его абсолютная бездеятельность вне его избирательного округа и без того сильно навредила, совершил новую глупость, оставшись и на этот раз в стороне. Боюсь, как бы он не оказался в очень шатком положении.

Понятно, что и здесь такие люди, как Кейр Гарди, Шоу Максвелл и другие, преследуют всякого рода личные, честолюбивые цели, чуждые движению. Но проистекающая отсюда опасность уменьшается, по мере того как сама партия приобретает более массовый характер и становится сильнее; опасность эта еще умалывается необходимостью для каждого не компрометировать себя перед конкурирующими сектами. Социализм за последние годы глубоко проник в массы в промышленных районах, и эти массы, как я рассчитываю, приберут к рукам своих руководителей. Глупостей, равно как и всякого рода интриг, будет, конечно, немало; лишь бы только удалось удержать их в надлежащих границах.

На худой конец создание новой партии имеет то преимущество, что при наличии *трех* конкурирующих сект легче добиться объединения, чем при двух диаметрально противоположных.

Относительно того, что ты писал 23 декабря по поводу Польши: со времени Кронштадта пруссаки готовятся к войне с Россией — отсюда их *дружелюбие к полякам* (доказательства чего были нам даны). А поляки не прочь бы использовать это, чтобы *спровоцировать войну, которая при участии Германии принесет им свободу*. Но этого в Берлине ни в каком случае не желают, и если заварится каша,

то Каприви безусловно бросит их на произвол судьбы. Нам в настоящий момент война абсолютно не нужна. Мы располагаем верными средствами, чтобы двигаться вперед, и этому война только помешала бы.

Сердечный привет твоей жене и тебе от г-жи Каутской, которая написала тебе в субботу, но, к сожалению, не успела закончить до закрытия почты.

Твой Ф. Э.

Затерявшийся номер «Berliner Volkstribüne» г-жа Каутская, оказывается, тебе уже послала.

109.

Луи Эритье

в Женеву.

Черновик.

Лондон, 20 января 1893 г.

Дорогой гражданин,

Я испытал искреннее удовлетворение, узнав из Вашего письма от 25 декабря, что относящееся к Беккеру место в Вашей статье было искажено при переводе. В самом деле, я удивился, увидев в конце статьи Вашу подпись. Мне говорили о Вас с нежностью, поистине братской, и контраст между этими отзывами и Вашими презрительными выражениями производил слишком уж тяжелое впечатление. К сожалению, Вы все еще позволяете публике приписывать Вам эти выражения наряду с остальными местами статьи.

Ваш ответ на мои замечания, помещенный в «Volkstribüne», не заставил меня изменить свое мнение. Вам не безызвестно, что господа анархисты сочинили эту клевету относительно конференции на дому у Маркса с единственной целью доказать, что он всеми правдами и неправдами будто бы стремился подчинить делегатов своему господству. Вы сочли нужным пересказывать эту выдумку. А когда я доказываю ее лживость, то Вы объявляете это деталью, не имеющей никакого значения!

Вы заявили, что Лондонская конференция поставила юрцев под начало Женевского федерального совета. Я заявляю, что это противоречит истине. Вы отвечаете: «то, что я сказал, мне и сейчас представляется выражением истинной правды». Вы, неизвестно по какому поводу, призываете меня к вежливости; не желаете ли, чтобы я призвал Вас к правдивости?

Ваш № XII лишний раз доказывает, что Вы почти ничего не знаете о том, что происходило за пределами анархистской среды. Судя по Вашим замечаниям о женевских членах Интернационала,

мне представляется, что Вы в глаза не видели полного комплекта женевской «Egalité». Если в то время женевские члены Интернационала и были *в некоторой своей части* заражены мелкобуржуазными идеями, то они разделяли этот порок со своими противниками — анархистами, которых Вы предпочитаете, но которые представляют собою лишь обратную сторону мелкобуржуазной медали, — да и почти со всеми французскими и бельгийскими членами Интернационала, которые все за малым исключением были прудонистами. Из всех романских групп социал-демократами в настоящем смысле этого слова были в то время только испанские организации сторонников Генерального Совета. Впрочем, и нынешние женевцы еще ничем не доказали, что они лучше своих предшественников.

В том же № XII Вы воспроизводите изрядное нагромождение анархистских ошибок и лжи, которым Вы верите, хотя Ваша вера и должна была после моего предупреждения утратить долю своей первоначальной наивности. Вы обещаете вторую работу на ту же тему. Я надеюсь, что прежде чем приступить к делу, Вы заручитесь документами, которые проливают свет на утверждения и махинации анархистов¹ и позволят Вам составить себе беспристрастное суждение. Иначе, как бы мне снова не пришлось отвечать Вам. Мне решительно все равно, что говорят о старом Интернационале буржуазные газеты, но когда извращают его историю в органах самой партии, — это другое дело. И я прошу Вас об одном — не высказываться по вопросам такого рода, не изучив обе стороны по документам того и другого лагеря. Наш рабочий читатель вынужден урывать от отдыха и сна те несколько часов, которые он посвящает чтению, поэтому он вправе требовать, чтобы все, что мы ему предлагаем, было результатом добросовестной работы и не давало поводов для бесплодной полемики, за которой к тому же трудно следить.

110.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 24 января 1893 г.

Дорогой Август,

Продолжаю. Устные рассказы Эвелинга укрепили возникшее у меня ранее подозрение, а именно — что Кейр Гарди лелеет тайное желание руководить новой партией так же диктаторски, как Пар-

¹ Здесь в черновике Энгельсом зачеркнуты слова: «Главным образом Бакунина».

нелл руководил ирландцами, и что при этом его симпатии склоняются более в сторону консервативной, нежели противостоящей ей либеральной партии. Он открыто говорит о том, что на ближайших выборах следует повторить тот эксперимент Парнелла, которым последний принудил Гладстона пойти на уступки, и что там, где нельзя выставить рабочих кандидатов, надо голосовать за консерваторов, чтобы показать либералам свою мощь. Правда, это такая политика, которой я сам при известных обстоятельствах добивался от англичан, но если нечто подобное провозглашается заранее, не в качестве возможного тактического шага, а как тактика, которой необходимо придерживаться *при любых обстоятельствах*, то это сильно отдаёт Чемпионом. В особенности, если в то же время Кейр Гарди, говоря о расширении избирательного права и других реформах, — которые только и могут сделать реальным избирательное право рабочих, — отзывается о них пренебрежительно, как о вопросах второстепенных, чисто *политических*, которые якобы должны уступить первенство социальным требованиям о 8-часовом рабочем дне, охране труда и т. д. При этом он, однако, не говорит, каким иным способом, отказавшись от *принудительного* проведения этих требований рабочими представителями, он надеется осуществить их, не прибегая к милости буржуазии и не используя для косвенного давления на нее перевес рабочих голосов на выборах. Обращаю твое внимание на этот неясный пункт, чтобы ты на всякий случай был осведомлен. Я пока не придаю этому делу чрезмерного значения, потому что, в худшем случае, Кейр Гарди жестоко ошибется в своих расчетах на рабочих северных фабричных районов — они ведь не стадо баранов, — да и потому, что в Исполнительном комитете он встретит, вероятно, достаточно сильный отпор. Но такого рода течение нельзя целиком игнорировать.

Стенограмму речи Зингера о бирже я жду с большим нетерпением; в «Vorwärts» она была превосходна. Но один пункт в этой теме все наши легко упускают из виду: биржа — это учреждение, в котором буржуа эксплуатируют не рабочих, а *друг друга*; прибавочная стоимость, переходящая на бирже из рук в руки, является *уже произведенной* прибавочной стоимостью — это продукт *предшествующей* эксплуатации рабочих. Лишь после того, как эта эксплуатация завершилась, прибавочная стоимость может стать средством биржевой спекуляции. Биржа интересует нас сначала лишь косвенно, поскольку и ее влияние, ее обратное действие на капиталистическую эксплуатацию рабочих является лишь косвенным, осуществляется окольным путем. Требовать, чтобы рабочие непосредственно

интересовались и возмущались тем живодерством, которому подвергаются на бирже юнкеры, фабриканты и мелкие буржуа, означало бы требовать, чтобы рабочие взяли за оружие для сохранения за своими прямыми эксплуататорами прибавочной стоимости, выжатой из этих же рабочих. Благодарим покорно. Но как благороднейший плод буржуазного общества, как очаг величайшей коррупции, как теплица для панамы и других скандалов, а тем самым и как превосходное средство концентрации капитала, разложения и распада в буржуазном обществе последних остатков естественно сложившихся связей и в то же время как средство уничтожения и превращения в свою противоположность всех узаконенных понятий морали, как несравнимый элемент разрушения и могущественнейший ускоритель грядущей революции — в этом историческом смысле биржа представляет для нас и непосредственный интерес.

Я вижу, что центр предложил приостанавливать действие закона о давности на то время, на которое рейхстаг приостанавливает преследование. Так как центр — решающая партия, то это предложение, надо полагать, будет принято. В таком случае я считал бы уместным подарить правительству это ограничение прав рейхстага не безвозмездно. Возмещение должно состоять в том, чтобы за рейхстагом было признано бесспорное право приостанавливать также и приговоры к *тюремному заключению*, — иначе это опять означало бы уступку со стороны рейхстага, каковы бы ни были юридические доводы в пользу этой меры.

Военная шумиха (Kriegswauwau) снова начинается. Телеграмма Юл. Дальциля появилась в сегодняшнем номере «Daily Chronicle». Дальциль как молодой конкурент Рейтера, Вольфа и Гаваса более падок на такие продажные маневры. Само по себе сообщение нелепо. Русские вовсе не в состоянии воевать, с их стороны было бы просто безумием начинать сейчас. Правда, возможно, что после провала последнего парижского займа они лишь в том случае могли бы получить в Париже деньги, если бы война действительно угрожала или уже началась, — но ведь это бы означало безвыходное положение. Во все не исключена также и возможность, что оппортунисты и радикалы во Франции *стремятся* посредством войны спастись от Панамы или хотя бы имеют в виду этот спасительный выход на самый крайний случай. Но где найти предлог, который оправдал бы их в глазах всего мира? Я говорил уже, что в грядущей войне решающую роль будет играть Англия, в силу своего господства на море. А Англия как раз теперь сыграла с французами в Египте

скверную шутку. Для того чтобы при таких натянутых отношениях между обоими правительствами привлечь Англию на свою сторону, нужно было бы представить флистеру такой повод для войны, который воспринимался бы как воиющая провокация, а такого повода Каприви не даст.

Чем больше я собираю сведений на этот счет, тем мне становится очевиднее, что Бисмарк заключил союз с Австрией, или вернее основал тройственный союз, лишь с той целью, чтобы накануне неизбежной войны выдать России Австрию в обмен на Францию: вы предоставите мне Францию, а я вам предоставляю Австрию и Турцию и вдобавок через Триест и Триент натравлю на Австрию еще и Италию. И он явно воображал, что это ему удастся. Если ты вникнешь в суть исторических событий с 1878 г., то, я думаю, ты соединишься к моему выводу.

Речь Тутцауэра о платежах в отчете о заседании рейхстага от 21-го («Vorwärts») для меня непостижима. Ведь он говорит не как социал-демократ, а как торговец мебелью. Как это оказалось возможным? «Молодые» будут торжествовать.

Вчера вечером состоялся концерт и бал по случаю годовщины Союза ¹. Я был там до 11 часов, и теперь, вероятно, смогу отдохнуть некоторое время от выполнения подобных обязанностей; Луизе пришлось остаться дома из-за межреберной невралгии. Ей немного лучше, но сильные боли все еще не прекращаются; Фрейбергер говорит, что это продлится еще несколько дней. Вообще же ее простуда идет на убыль, голос и общее самочувствие гораздо лучше. Она шлет тебе и твоей жене самый сердечный привет, к которому присоединяется

Твой Ф. Э.

III.

Марии Мендельсон

в Лондон.

Лондон, 24 января 1893 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая г-жа Мендельсон,

Не откажите в любезности прислать мне еще шесть экземпляров циркуляра, изданного в ответ на циркуляр «Free Russia». Я хотел бы его послать друзьям в Германию и в другие страны; будьте добры сообщить мне также, послан ли циркуляр Бебелю и в «Vorwärts».

¹ Немецкий коммунистический рабочий просветительный союз в Лондоне.

Не опечатка ли это на стр. 1, абзац 4? Что предлагает Драгоманов — Полонизацию Литвы или ее колонизацию (русскими колонистами)?

Дружеский привет от г-жи Каутской.

Примите мой искренний привет.

Ф. Энгельс.

У г-жи Каутской насморк и приступ невралгических болей, иначе она давно бы уже навестила Вас.

112.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 26 января 1893 г.

Дорогой Барон,

Гина только что сказала мне, что ты ждешь от меня ответа относительно биографии Маркса. Я и в самом деле упустил из виду, что это срочно. Извини, пожалуйста.

Не знаю, что еще можно было бы добавить к указанным тобой материалам, разве только некоторые места из посланного тебе очерка в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften»¹; Эльстер — двоюродный брат Конрада Шмидта, который и направил его ко мне, — просил меня написать что-нибудь, я написал, причем совершенно в нашем духе, не подозревая, что он напечатает это, опустив лишь некоторые слишком уж неприемлемые для буржуазии места. Ну что же, я не возражаю.

Вопрос о «Neue Zeit» из-за лечения Дитца отложен, как видно, в долгий ящик, да к тому же ты ведь говорил с Августом. По его мнению, вернуться к ежемесячнику невозможно. В таком случае *внешняя* сторона дела остается приблизительно такой, как и была, а на редакцию ложится забота о том, чтобы сделать журнал более поучительным и занимательным для читателя. Во всяком случае, решительные перемены, по-моему, невозможны до возвращения Дитца к делам. Ты по своей части, вероятно, и без того свыше всякой меры завален благожелательными советами, итак избавлю тебя от них.

Тусси страшно занята агитацией, она была в центральных графствах — Эдинбурге и Эбердине. Сегодня она должна бы приехать. Как только я ее увижу, спрошу относительно ее личных воспоминаний о Мавре.

¹ Статья Энгельса «Маркс, Генрих-Карл». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 255—261.

Бразильскую газету я дал Эде, но предупредил его, что значение этих южноамериканских партий всегда обратно пропорционально широковещательности их программ.

Эде постепенно выздоравливает от своей неврастении и опять оживился, что заметно не только при личном общении с ним, но и в его статье о Вольфе, которому он, впрочем, оказывает уж *слишком много* чести. Я полагаю, что прежде всего сейчас необходимо его ободрить и развлечь, и тогда его здравый смысл снова полностью восторжествует над все еще несколько преувеличенными поисками справедливости.

Больше новостей нет. Поздравляю тебя задним числом с Новым годом.

Твой Ф. Э.

113.

Герману Энгельсу

в Бармен.

Лондон, 26 января 1893 г.

Дорогой Герман,

Что за напасть, чорт подери? Вчера прибыла телеграмма из Вены, другая из Дрездена, затем ночью, в 5 часов, еще одна из Нью-Йорка, а сегодня, в 11 часов утра, твоя, — и в каждой справляются о моем здоровье. А я уже давно не чувствовал себя так хорошо, как сейчас; я снова в состоянии пройти целую английскую милю, на рождестве вкусил благ земных более чем достаточно, нахожусь в великодушном настроении и работоспособен, — а тут ни с того ни с сего говорят, будто я серьезно болен!

Я тотчас же протелеграфировал тебе ответ. Я жив, здоров, что сим и подтверждаю. Надеюсь этим летом представить вам наглядные доказательства.

Сердечный привет всем братьям и сестрам, а также Эмме, твоим детям и внукам и, наконец, тебе самому.

Твой старый Фридрих.

114.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 29 января 1893 г.

Дорогой Либкнехт,

Прилагаю небольшое доказательство «все возрастающего упадка моих сил», после чего ты, надеюсь, будешь «ежечасно ожидать моей

кончины». Где первоначально была напечатана эта нелепость? Хотелось бы мне поймать прохвоста, который это написал.

Я построил статью¹ таким образом, чтобы ты мог напечатать ее либо в трех номерах, либо в одном приложении; последнее, пожалуй, было бы лучше. Я не подписал, так как этим мог бы навести молодых в Риме на след моего итальянского осведомителя²; последний не соблюдал осторожности в переписке и за ней, повидимому, очень следили. К тому же я еще не знаю, находятся ли уже соответствующие документы в безопасности за границей, и поэтому следует избегать всего, что могло бы передать их в руки итальянского правительства.

Я приводил имена лишь в тех случаях, когда описываемые факты уже опубликованы в итальянских газетах, которые, следовательно, могут быть приведены в подтверждение. Исключение составляют только *два* имени на третьей странице: *Арбиб* и *Мартини*, которые я не могу подкрепить никакими ссылками. Итак, если у тебя будут сомнения, вычеркни их.

«Лицо с именем высокочтимым» это — Менотти Гарибальди; человек, который уже много лет усиленно занимается грюндерством и пр.

Недавно в «Vorwärts» Бонги был назван *республиканцем*, а это — архиреакционер и бывший министр *правых*. Вообще, «Vorwärts» отличается такими ляпсусами при освещении иностранных дел, и в отношении Англии их там *не малое количество*.

Привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

115.

Марии Мендельсон

в Лондон.

Лондон, 7 февраля 1893 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогая г-жа Мендельсон,

Тысячу раз благодарю Вас за то, что Вы взяли на себя труд перевести для меня эти две статьи. Что касается *предостережения* — *osterzyenie* — то я уже сам разобрался в нем с помощью польского словаря, который перешел ко мне по наследству от Маркса. Номер «Gazeta Robotnicza» также неожиданно оказался мне весьма полезным в занятиях польским языком. Вы говорите, что польский язык

¹ Статья Энгельса «Об итальянской панаме». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 328—334.

² Антонио Лабриола.

этого листка слишком онемечен, повидимому, так же как и русский язык Лаврова, и этим объясняется, что как русский одного, так и польский другого представляют для меня так мало трудностей. Я действительно делаю успехи, если бы у меня было время серьезно позаниматься в течение трех месяцев, я бы осмелился даже заговорить по-польски.

Ваши рукописи я постараюсь использовать, а пока я просил бы Вас сообщить мне, могу ли я опубликовать из Вашего письма факты, касающиеся московских студентов и русских офицеров, — не выдавая, разумеется, источника, из которого я получил эти сведения.

Привет от г-жи Каутской.

Весь Ваш

Ф. Энгельс.

116.

Владимиру Шмуилу

в Дрезден.

Лондон, 7 февраля 1893 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ,

Большое спасибо за Ваше любезное пожелание по поводу 90 лет; я не прочь, при условии, что останусь таким, каков я сейчас, но если при этом мне суждено опуститься физически и духовно, как это случается со многими, тогда покорнейше прошу прощения! Лучше не буду с ними тягаться.

Вашу просьбу в отношении биографии Маркса я, к сожалению, смогу выполнить лишь в очень небольшой степени; у меня нет для этого времени, я занят III томом «Капитала» и не могу позволить отвлекать себя даже не надолго.

К пункту I. По биографии я не могу указать Вам больше того, чем Вы уже располагаете. По крайней мере, ничего достоверного.

К пункту II. Практическая деятельность Маркса в 1844—1849 гг. протекала частью в рабочих обществах, особенно в брюссельском обществе 1846—1848 гг., частью в Союзе. Но в печати Вы найдете кое-что только об его деятельности в Союзе, а именно — в наших предисловиях к *Манифесту* (последнее берлинское издание 1892 г.) и в «Разоблачениях о процессе коммунистов» с моим введением¹ (дюринское издание 1885 г.). — Об Интернационале —

¹ Энгельс, К истории Союза коммунистов. Опубликовано в качестве введения к дюринскому изданию 1885 г. книги Маркса «Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 208—226.

доверия заслуживает *только* Эйхгоф, который работал по заметкам Маркса; у *всех остальных* — сплошь *ложь и легенды*, начиная с Фрибура и кончая Лавеле и Захером. Легче самому написать толстый том с правильным освещением фактов, чем дать третьему лицу материал для переработки этих трудов. Но я могу предоставить Вам два издания Генерального Совета в связи с решающей битвой против Бакунина («Мнимые расколы»¹ и «Альянс социалистической демократии»²). — То, что Эритье преподнес читателям берлинской «*Volkstribüne*» об *Юрской федерации и М. Бакунине* проникнуто превышающей меру наивности слепой верой во все выдумки анархистов, а переводчик, как пишет мне Эритье, еще больше исказил, все это в анархистском духе. Впрочем, тут русская цензура своим вычеркиванием избавит Вас от многих ошибок.

К пункту III. «Святое семейство»³ Вам так или иначе придется раздобыть; со своим экземпляром я ни при каких обстоятельствах не расстанусь, а изложить содержание книги — непомерный труд, выписать важнейшие места — тоже неосуществимо. Вы должны познакомиться с книгой *в целом*. В Берлине ее наверное можно раздобыть.

О *генезисе* исторического материализма Вы найдете, на мой взгляд, вполне достаточно в моем «Фейербахе» («Л. Фейербах и конец классической немецкой философии») — приложение Маркса и *является* собственно этим генезисом⁴ — и далее, в предисловиях к «Манифесту» (новое берлинское издание 1892 г.) и к «Разоблачениям о процессе коммунистов».

Теорию прибавочной стоимости Маркс разработал в пятидесятых годах наедине с самим собой и упорно отказывался опубликовать что-либо о ней, пока не уяснил себе полностью всех ее выводов. Поэтому-то и не вышли в свет второй и следующие выпуски «К критике политической экономии».

¹ «Мнимые расколы в Интернационале — негласный циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 391—433.

² «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» — доклад, представленный Марксом и Энгельсом Гаагскому конгрессу Интернационала от имени Генерального Совета. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 537—649.

³ *Маркс и Энгельс*, Святое семейство, или критика «критической критики». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. III, стр. 21—244.

⁴ Тезисы Маркса о Фейербахе, которые Энгельс впервые опубликовал в приложении к своей работе «Людвиг Фейербах». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. IV, стр. 589—591.

Посылаю Вам «Расколы» и «Альянс» почтой и надеюсь, что этого Вам будет достаточно; к сожалению, это все, что я могу для Вас сделать.

Сердечный привет Граднауэру и всем местным товарищам.

Ваш Ф. Энгельс.

117.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 9 февраля 1893 г.

Дорогой Август,

Прежде всего поздравляю тебя с твоей великолепной речью от 3 февраля, которая чрезвычайно нас порадовала уже в выдержках в «Vorwärts», а в стенограмме оказалась еще лучше. Это шедевр, в котором даже отдельные мелкие теоретические неточности, неизбежные в устном докладе, ничего не меняют. Вы поступаете вполне правильно, распространяя эту речь в сотнях тысяч экземпляров, независимо от распространения наряду с ней полного текста прений в виде брошюры.

Эти прения, посредством которых господа буржуа рассчитывали рассеять скуку заседаний, — ставших бессодержательными, поскольку интриги ведутся за кулисами, — а также при случае поймать нас в ловушку, обернулись для нас величайшей победой. Они сами это чувствуют, это видно из того, что после речи Либкнехта они были сыты по горло и засвидетельствовали это устами Штеккера! Наконец-то эти господа сообразили, что если парламент посвящает пять дней подряд прениям о переустройстве общества в нашем духе, если к тому же этот парламент — германский рейхстаг, — то это является вехой, знаменующей новую победу рабочей партии.

Это последнее событие констатирует перед всем миром, перед лицом друзей и врагов, победоносные позиции, которые завоевала себе немецкая партия. Если так пойдет и дальше, то мы скоро сможем существовать без всяких усилий с нашей стороны, только за счет глупости наших противников.

Было ясно, что вся тяжесть прений ляжет на тебя. Насколько я могу судить о речи Фроме, она действительно дала некоторый повод к победным выкрикам Рихтера, Бахема и Гитце, и историю с Фомой Аквинским и Аристотелем надо бы тщательно проверить; если утверждение Гитце правильно, значит Фроме не умеет цитировать, если же нет, то он должен был реабилитировать себя в заявлении по

личному вопросу. Впрочем, все прошло удачно, и заключительная речь Либкнехта, хоть и была по своему содержанию незначительна, но полемически — хороша и «остра». Одним словом — это триумф. На радостях Ведьма вчера обозвала меня бережливой Агнесой, на что я ей заметил, что она настоящая плясунья Анни¹, последнее может подтвердить всякий, кто ее знает, но она, пожалуй, хуже той, которая плясала ногами, тогда как у этой вся пляска в голове.

В том, что ты говоришь о чрезвычайно ловком русском плане на случай войны, много правильного. Однако необходимо принять во внимание, что если Россия не может допустить разгрома Франции, то Италия и Англия в такой же мере не могут допустить удушения Германии. Каждая *локализованная* война находится в большей или меньшей степени под контролем нейтральных держав. Но грядущую войну, коль скоро она начнется, никоим образом не удастся локализовать, державы — континентальные по крайней мере — будут вовлечены в нее в первые же месяцы, на Балканах война вспыхнет сама собой, и одна лишь Англия сможет в лучшем случае некоторое время сохранять нейтралитет. А твой русский план как раз предполагает *локализованную* войну, я же не считаю ее более возможной при современных громадных армиях и губительных последствиях для побежденного.

В Египте все сводится к тому (со стороны русских, французы — лишь марионетки), чтобы создать англичанам затруднительное положение и тем самым по возможности сковать действия их войск и флота. Если затем дело дойдет до войны, у России будет что предложить англичанам за союз или, на худой конец, за нейтралитет, и в такой момент французы с наслаждением обменяют Египет на Эльзас. Подобную же игру русские пока что ведут в центральной Азии на индийской границе, где они еще долгие годы будут слишком слабы для серьезного наступления и где долго еще не будет для этого подготовлена почва. Кроме того, в истории с Египтом и Турция должна попасть в сети России. У меня только что снова был русский посетитель, который продержал меня больше часу, уже 4 часа и письмо поэтому будет короче.

Я вижу, что в Вашей военной комиссии числится также некий майор Вакс. Если это тот самый, который приходится двоюродным братом д-ру Гумперту из Манчестера, то я однажды там с ним встретился, лет 25 назад. Бывший кургессенский лейтенант, он тогда

¹ «Бережливая Агнеса» и «плясунья Анни» — персонажи из направленного против немецкой социал-демократии памфлета Е. Рихтера «Социал-демократические картины будущего».

только что поступил в прусскую армию и был весьма разочарован, обнаружив у своих победителей 1866 г. тот же педантичный формализм, который он считал причиной поражения Кургессена. Я утешил его тем, что оставаясь на службе у пруссаков, он еще познакомится и с хорошими сторонами армии. Затем он весьма отличился при Шпихерне: будучи ротным командиром, самостоятельно, *вопреки приказу своего майора*, занял железнодорожный узел и был лестно отмечен в труде генерального штаба — в числе очень немногих упомянутых там лейтенантов. С тех пор я читал некоторые его статьи по стратегическим и политическим вопросам, все больше о восточном вопросе; в них многое освещено очень не плохо, но и кое-что (по вопросам политическим), с чем я не согласен. Во всяком случае он дельный офицер, — если это тот самый.

Впрочем, компромисс кажется более вероятным, чем когда-либо; 28 миллионов марок соглашаются дать даже свободомыслящие и центр, 40 миллионов предлагает Беннигсен. Вероятно, будет еще так много уступок, что правительство вместо 60 миллионов получит свои 50 (а если проявит упорство, может быть, и больше), и буржуазное отечество опять будет спасено от разложения и конфликта.

«Бал» — это выдумка милейшей Ведьмы. Союз давал концерт, за которым следовал бал. В 11 часов закончилась *первая* часть концерта, после которой я почтительно раскланялся. Я думаю, что танцы начались не раньше 1 часа. Сама она говорит о танцах со снисходительностью, подобающей человеку значительно более солидного возраста, и если дело дойдет до вальса, то тебе, пожалуй, самому придется пройти с ней по паркету. Но я совсем не уверен, что тогда в ней снова не заговорит венская кровь.

В выходящем здесь польском «Przedświt» в ближайшем (февральском) номере, который сейчас печатается, будет сообщено следующее: в Граево, на границе Восточной Пруссии, назначен мелкий русский чиновник по фамилии Спадек, чех по происхождению, переводчик железнодорожных накладных. Этот человек, несмотря на мизерное жалованье, совершает большие поездки вплоть до Константинополя, живет на широкую ногу, часто переходит на прусскую территорию под предлогом охоты; он закадычный друг ландрата фон Гребена в Лике, который снабжает его разрешениями на охоту и пропусками для всевозможных поездок. Когда по случаю холеры закрыли границу, никого не пропускали, но г. Спадек с женой и другой русский, подозреваемый в шпионаже, могли беспрепятственно ездить в Кенигсберг. Целью этих штатий на немецкой территории, по мнению людей по ту сторону границы, является

исключительно разведывание расположенных между восточно-прускими озерами пограничных фортов, а премудрый прусский ландрат отдает себя в полное распоряжение своего русско-чешского приятеля. Эти зазнавшиеся прусские бюрократы всегда попадают впросак.

Далее, на-днях русские войска на границе получили целую партию литературы: много экземпляров брошюры артиллерийского поручика Александрова, из Ташкента, *о причинах и необходимости предстоящей войны*. На каждую роту досталось по одному экземпляру, для того чтобы офицеры могли надлежащим образом просветить солдат.

Может быть, ты сможешь использовать эти сведения в частных беседах с членами военной комиссии.

Здесь в парламенте выступил Кейр Гарди с поправкой к адресу (ответу на тронную речь), в которой коснулся безработных. Само по себе дело хорошее. Но Кейр Гарди совершил два крупнейших промаха: 1) поправка без всякой нужды была сформулирована *как прямой вотум недоверия* правительству, так что принятие этой поправки вынудило бы правительство к отставке и вся эта история практически превратилась в маневр тори; 2) он допустил, чтобы поправка была поддержана не кем-либо из рабочих представителей, а протекционистом тори Говардом Винсентом, что явилось завершением маневра тори и окончательно показало роль Кейр Гарди как марионетки в их руках. Потому-то за него подали голоса 102 тори и только 2 либерал-радикала, и ни один рабочий представитель — Бернс совершал агитационную поездку по Йоркширу. Кейр Гарди, как я тебе уже писал, со времени Бредфорда не раз прибегал к таким маневрам и выступал с такими заявлениями, которые заставляют подозревать влияние Чемпиона, теперь же это становится уже более чем подозрительно. Источник его средств к существованию неизвестен, а он за последние два года истратил на поездки много денег. Откуда они берутся? Английские рабочие требуют от своих депутатов и других вождей, чтобы они все свое время отдавали движению, но оплачивать их не хотят, поэтому они сами виноваты, если те берут деньги на свое содержание и на избирательные цели от других партий. Пока дело обстоит так, среди здешних вождей всегда будут панамисты.

Впрочем, этим маневрам г-на Кейр Гарди скоро будет положен конец или ему самому наступит конец. Рабочие в Ланкашире и Йоркшире не такие люди, чтобы ходить на поводу у консерваторов и таскать каштаны из огня для тори. Нужно только дать Кейр Гарди время на собственной шкуре почувствовать последствия своей политики и разоблачить себя в глазах всех.

Бернс отправился в Галифакс для предвыборной агитации и не участвовал в голосовании за предложение Кейр Гарди. В Геддерсфилде и Галифаксе, двух фабричных городах Йоркшира с населением свыше 100 тысяч в каждом, проходят дополнительные выборы. Независимая рабочая партия выставила в Галифаксе своего кандидата наряду с двумя другими партиями. Она предложила либералам: если вы снимете своего кандидата в Галифаксе, так чтобы против нас был только тори, то мы будем голосовать за вас в Геддерсфилде. Либералы отказались. Тогда, *во вторник, их кандидат провалился в Геддерсфилде*. Прошел тори, благодаря тому, что Независимая рабочая партия воздержалась от голосования. Далее, либералы потеряли на дополнительных выборах, в Бернли — Ланкашир, недалеко от Галифакса — 750 голосов против прошлых выборов, тоже из-за того, что мы воздержались от голосования. Сегодня происходят выборы в Галифаксе и, возможно, будет выбран тори. Это свело бы перевес гладстоновских голосов с 36, как теперь, до 34. Все это с каждым днем все больше раззадоривает либералов: пока что дела идут великолепно, Гладстон вынужден будет капитулировать перед рабочими. Главное — это политические мероприятия, расширение избирательного права для рабочих посредством осуществления того, что теперь остается на бумаге и что увеличило бы число рабочих голосов на 50%, сокращение срока парламентских полномочий (теперь 7 лет!), оплата расходов по выборам из общественных средств.

Между тем эти новые успехи независимой политики должны укрепить в рабочих понимание собственного значения, показать им, что они теперь почти повсюду держат в своих руках судьбу выборов и тем самым судьбу каждого министерства. Самое важное это — самосознание и уверенность класса в своих силах. Это поможет справиться со всеми жалкими интригами, которые только и обуславливаются недостаточной верой масс в свои собственные силы. Пусть только начнется подлинное массовое движение рабочих, и хитроумные маневры господ вождей прекратятся, так как будут приносить им больше вреда, чем пользы.

Письмо Луизы ушло в 5.30 вечера ночным пароходом. Мое пойдет в 9 часов вечера, т. е. с первым дневным пароходом. Если ты нам сообщишь, в котором часу ты получил каждое из них, мы будем знать, какая почта лучше.

Сердечный привет твоей жене и тебе самому еще раз от Луизы и от твоего

118.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 24 февраля 1893 г.

Дорогой Август,

Рукопись, отправленную тебе вчера заказным, ты, наверное, уже получил. Добавляю несколько слов по этому же поводу.

Я предполагал опубликовать эту работу¹ в виде восьми статей, помещенных в восьми номерах «Vorwärts» подряд. Но может быть вам представится более подходящий образ действия; в таком случае, не стесняйтесь.

Заглавие «Может ли Европа разоружиться?» не очень мне нравится. Но лучшего я не придумал. Нельзя же было озаглавить «Военный законопроект социал-демократии», это в крайнем случае могло бы подойти, если бы вы приняли все предложение в целом.

Я послал эту работу тебе, а не Либкнехту, потому что ты заседаешь в военной комиссии и требовал от меня «наставлений». Пусть это оправдает меня в его глазах. Кроме того, если, быть может, потребуются цензурные изменения, я предпочитаю доверить их не ему, а тебе. Вообще же рукопись предназначается не просто для «Vorwärts», а для всех вас, а у вас может быть свое собственное мнение насчет наилучшего способа и времени опубликования — во всяком случае, до вторичного рассмотрения на пленарном заседании.

Из «Workman's Times» ты мог убедиться, что теперь благодаря Эвелингу английские рабочие лучше информируются о континентальных партийных делах, и в особенности германских.

После недавнего опыта с выборами либеральное правительство вынуждено было пойти несколько более быстрым шагом. Мероприятия, собственно, носят «либеральный» характер, но они лучше, чем можно было ожидать. Новый закон об избирательных списках, — если он пройдет, — 1) увеличит число рабочих голосов не менее чем на 20—30% и даст рабочим абсолютное большинство еще в 40—50 избирательных округах; 2) избавит кандидатов от значительного ежегодного расхода; ведь они сами должны были позаботиться о том, чтобы их избиратели попали в списки, а это стоит здесь больших денег. Это можно согласиться принять как аванс. Содержание

¹ Статья Энгельса «Может ли Европа разоружиться?» напечатана в «Vorwärts» №№ 51—56, 58 и 59 от 1—7, 9 и 10 марта 1893 г. См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 335—360.

депутатам будет принято в ближайшее время, если не в эту, то почти наверняка в будущую сессию; Гладстон *в принципе* дал на это согласие. Далее, большим успехом является то, что для всех публичных выборов вводится единый список избирателей, стало быть, будет единое избирательное право, а это тем более важно, что должен обсуждаться билль об учреждении советов в приходях (здешние сельские общины), благодаря чему будут устранены последние остатки сохранившегося до сих пор в сельских местностях полуфеодалного строя. Если все это пройдет и станет законом в эту сессию, политические позиции рабочего класса значительно укрепятся, и это само по себе побудит людей использовать и это новое положение. При всех интригах и глупостях, которые здесь еще будут иметь место и притом в изрядном количестве, несомненно, что движение все-таки сильно пойдет вперед, и, может быть, вы уже через несколько лет будете удивляться англичанам.

Не понимаю, почему ты не можешь прямо сообщить об истории со Спапеком. Ведь она опубликована по-польски в февральском номере «Przedświt».

Если Вакс *рослый* человек, то это не тот. Тот, насколько мне помнится, был ростом приблизительно с тебя и брюнет. Непостижимо, откуда берутся все эти восковые майоры¹.

Ведьма уже готова, и стало быть письмо отправляется. Сердечный привет твоей жене и тебе.

Твой Ф. Э.

119.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 24 февраля 1893 г.

Милостивый государь,

Простите мое долгое молчание. Оно было вынужденным. Мне необходимо было сделать усилие — последнее усилие, — чтобы за эту зиму и весну закончить III том. Для этого я должен был отказываться от всякой посторонней работы, и даже от всей корреспонденции, кроме безусловно необходимой. При других обстоятельствах ничто не смогло бы помешать мне продолжать обсуждение занимающей нас столь интересной и важной проблемы.

В настоящее время я уже окончил — за исключением некоторых вопросов формы — *редакцию* раздела V (банки и кредит), наиболее трудного из всех как с точки зрения самого предмета, так

¹ Игра слов: «Wachs» по-немецки — «воск».

и по состоянию рукописи. Теперь остаются только два раздела, составляющие около $\frac{1}{3}$ всего труда, причем один из них — о земельной ренте — посвящен тоже очень трудному предмету, но зато рукопись этого раздела, насколько я помню, гораздо более отделана, чем рукопись раздела V. Поэтому я не теряю надежды справиться со своей задачей в положенный срок. Большая трудность заключалась в том, чтобы безусловно исключить в течение 3—5 месяцев всякие перерывы, с тем чтобы посвятить все свое время разделу V, и эта трудность теперь счастливо преодолена. Работая над этим томом, я часто думал о том огромном наслаждении, которое он доставит Вам, когда выйдет в свет. Буду высылать Вам чистые листы, как я это делал со II томом.

А теперь вернемся к нашей прерванной беседе.

Мы, повидимому, согласны во всех пунктах, за исключением одного, который Вы затрагиваете в обоих своих письмах, от 3 октября и 27 января, хотя каждый раз с иной точки зрения.

В первом письме Вы спрашиваете: должен ли был тот экономический переворот, который с 1854 г. стал неизбежным, в силу самой своей природы, вместо того, чтобы содействовать дальнейшему развитию исторически сложившихся в России учреждений, наоборот, подрывать их в самом корне? Иными словами, не могла ли сельская община быть положена в основу нового экономического развития?

А 27 января Вы выражаете ту же мысль в такой форме: крупная промышленность стала необходимостью для России, но было ли неизбежным ее развитие в капиталистической форме?

Так вот: в 1854 г., или около того, для России отправной точкой было, с одной стороны, наличие сельской общины, с другой стороны, необходимость создать крупную промышленность. Если Вы примете во внимание все состояние вашей страны в целом, каким оно было тогда, увидите ли Вы там хоть малейшую возможность привить крупную промышленность крестьянской общине, и притом в такой форме, которая, с одной стороны, делала бы возможным развитие крупной промышленности, а с другой, подняла бы эту первобытную общину до уровня социального учреждения, далеко превосходящего все то, что мир видел до сих пор? И это в то время, когда весь Запад до сих пор продолжает оставаться под властью капиталистического режима? Мне кажется, что такая эволюция, превосходящая все известное в истории, требовала бы совершенно иных экономических, политических и интеллектуальных условий, чем те, которые имелись в то время в России.

Нет сомнения в том, что община и, в известной степени, артель заключали в себе некоторые зародыши, которые при определенных условиях могли бы развиться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического строя. Я вполне присоединяюсь к письму нашего автора ¹ по поводу статьи Жуковского. Но и по его мнению, и по моему, первым необходимым для этого условием был *толчок извне*, — переворот в экономической системе Западной Европы, уничтожение капиталистической системы в тех странах, где она впервые возникла. Наш автор в своем предисловии к известному Вам старому манифесту ² в январе 1882 г., на вопрос о том — не могла ли русская община послужить отправным пунктом для нового, более высокого социального развития — отвечал так: если переворот в экономической системе в России совпадет с переворотом в экономической системе на Западе так, что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом нового общественного развития.

Если бы мы на Западе в свое время продвинулись быстрее в своем экономическом развитии, если бы мы оказались способными свергнуть капиталистический режим еще лет десять или двадцать тому назад, то тогда Россия, быть может, имела бы еще время приостановить тенденцию своей собственной эволюции в направлении к капитализму. К несчастью, мы движемся слишком медленно, и те экономические последствия капиталистической системы, которые должны привести ее к критическому пункту, в настоящее время только начинают развиваться в различных окружающих нас странах; в то время как Англия быстро утрачивает свою промышленную монополию, Франция и Германия приближаются к промышленному уровню Англии, а Америка грозит изгнать их всех с мирового рынка как по части промышленных продуктов, так и по части продуктов сельского хозяйства. Введение в Америке хотя бы отчасти фритредерской политики несомненно довершит гибель английской промышленной монополии и убьет в то же время промышленный экспорт Германии и Франции; а затем должен наступить кризис, который как нельзя лучше ознаменует «конец века». Между тем община у нас все больше сходит на нет, и нам остается только надеяться, что переход к лучшей системе совершится у нас на Западе достаточно скоро, чтобы спасти — по крайней мере в некоторых наиболее отдаленных местностях вашей страны — те учреждения, которые

¹ Карл Маркс.

² «Манифест Коммунистической партии».

при этих новых обстоятельствах могут оказаться призванными осуществить великое будущее. Но факты остаются фактами, и мы не должны забывать, что шансов такого рода с каждым годом становится все меньше и меньше.

В остальном я готов согласиться с Вами, что поскольку Россия — *последняя* страна, захваченная крупной капиталистической промышленностью, и в то же время страна с *несравненно более многочисленным крестьянским населением*, чем любая другая страна, потрясение, произведенное этим экономическим переворотом, должно оказаться здесь гораздо более сильным и острым, чем где бы то ни было. Процесс замещения не менее 500 000 помещиков и около 80 миллионов крестьян новым классом *буржуазных* земельных собственников может быть осуществлен лишь ценою страшных страданий и потрясений. Но история, пожалуй, самая жестокая из всех богинь, влекущая свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны, но и в периоды «мирного» экономического развития. А мы, весь человеческий род, к несчастью, так глупы, что никак не можем найти в себе мужества осуществить действительный прогресс, если нас к этому не принудят страдания, которые часто кажутся несоответствующими достигнутой цели.

Всегда Ваш П. В. Р.

Направляйте, пожалуйста, письма по адресу г-жи Каутской, а не г-жи Рошер.

120.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Истберн, 7 марта 1893 г.
28, Marine Parade.

Пришли же мне 6 или, если можно, *12 экземпляров* статьи¹ в Лондон. Я уже несколько дней здесь, в Истберне, куда приехал подышать свежим воздухом. Удивительный климат: то с удовольствием сидишь на воздухе, то опять холод и ветер; к счастью, до сих пор больших дождей не было.

Сердечный привет твоим.

Твой Ф. Э.

¹ Энгельс имеет в виду свою статью «Может ли Европа разоружиться?»

121.

Генри Ллойд**в Чикаго.***Черновик.*

Лондон, середина марта 1893 г.

Милостивый государь,

Подтверждаю получение двух Ваших писем от 3 февраля и 9 марта со вложенными в них бумагами. Очень сожалею, что не смогу ни сам присутствовать на сессиях вашего конгресса¹, ни снабдить вас докладами, о которых вы просите. Я прислал бы их вам с величайшим удовольствием, если бы все мое время не было сейчас занято рукописью III тома великого труда о капитале моего покойного друга Карла Маркса, которую я подготавливаю к печати. Этот III том должен был бы выйти в свет уже много лет тому назад, но до сих пор мне еще ни разу не удалось совершенно освободиться на длительный срок, без чего я не мог довести это дело до конца. Я вынужден отказываться от всякой другой работы, как бы соблазнительна она ни была, и брать только то, что абсолютно необходимо. К тому времени, когда соберется ваш конгресс, рукопись должна быть сдана в печать; но это окажется невозможным, если даже я и удовлетворю вашу просьбу. Ведь работа, которую вы от меня ждете, не может быть банальной болтовней журналиста; это должно быть лучшим из того, что я могу дать, и потребовало бы серьезных занятий и размышлений; а это означает большое количество времени, которым я по вышеизложенным причинам никак не могу сейчас пожертвовать.

Я, тем не менее, послал Вам бандеролью экземпляр английского издания «Коммунистического Манифеста 1848 г.» (написанного К. Марксом и мною) и экземпляр моего «Развития социализма от утопии к науке», изданного несколько месяцев тому назад; надеюсь, что этот скромный подарок окажется интересным для некоторых делегатов вашего рабочего конгресса.

122.

Ф. Визену**в Бэрд****(Техас).**

Истберн, 14 марта 1893 г.

Уважаемый товарищ,

Множество накопившейся у меня работы помешало мне ответить раньше на Ваше письмо от 29 января.

¹ Г. Ллойд приглашал Энгельса принять участие в рабочем конгрессе, созываемом в сентябре 1893 г. в связи с международной выставкой в Чикаго.

Я не вижу, в чем заключается нарушение социал-демократического принципа, если на какой-либо выборный политический пост выставляются кандидаты и за них голосуют даже и в том случае, если стремятся самый этот пост упразднить.

Ведь можно быть того мнения — и последовательно проводить его в жизнь, — что наилучший путь к упразднению сената и поста президента в Америке заключается в том, чтобы выбрать на эти посты людей, обязанность которых и состоит в том, чтобы осуществить эту меру. По мнению других, этот путь нецелесообразен; об этом можно было бы поспорить. Не исключены такие обстоятельства, при которых такого рода образ действий заключал бы в себе нарушение революционных принципов, но мне неясно, почему везде и всегда это должно быть именно так.

Ведь ближайшая цель рабочего движения — завоевание политической власти для рабочего класса самим рабочим классом. Если в этом мнения сходятся, то расхождения в отношении средств и методов борьбы, которые надо для этого применить, едва ли могут привести к принципиальным разногласиям между искренними людьми, если только они находятся в здравом уме.

На мой взгляд, наилучшая тактика для каждой страны та, которая скорее и вернее всего ведет к цели. Но именно Америка еще очень далека от этой цели, и, мне кажется, я не ошибусь, если объясню именно этим обстоятельством то значение, которое там еще иногда придают такого рода академическим спорам.

Предоставляю Вам право опубликовать это письмо, но без сокращений.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

123.

Мари Мендельсон

в Лондон.

Истбери, 15 марта 1893 г.
28, Marine Parade.

Дорогая г-жа Мендельсон,

Не могу Вам описать, с какой радостью г-жа Каутска я и я узнали сегодня утром, что Станислав снова вне опасности — еще вчера вечером мы не без тревоги говорили о нем. Но хорошо все то, что хорошо кончается, и мне не терпится увидеть его в субботу вечером; во всяком случае в воскресенье мы надеемся иметь удовольствие видеть вас обоих у себя.

Мы живем здесь уже две недели и послезавтра возвращаемся в Лондон. Погода была великолепна, и морской воздух принес нам большую пользу.

Итак, до свиданья! Г-жа Каутская всячески приветствует Вас.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

В понедельник или во вторник мы ждем Бебеля, а еще через несколько дней — г-на и г-жу Лафарг.

124.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 18 марта 1893 г.

Дорогой Зорге,

Мы провели две недели у моря, в Истберне; стояла великолепная погода, и мы вернулись оттуда очень бодрыми. Теперь снова можно будет приняться за работу. Правда, теперь начнется время визитов. В будущее воскресенье (через неделю) в Брюсселе состоится конференция по подготовке Цюрихского конгресса. Оттуда Бебель заедет сюда на несколько дней, к тому же времени приедут и Лафарги. Я очень рад снова заполучить сюда этого юношу, чтобы основательно обсудить с ним французские дела. Тем не менее, у меня все же останется достаточно времени, чтобы закончить III том, так как главные трудности остались позади.

Дело с «Socialiste» улажено.

История с серебряной валютой в Америке не может, повидимому, окончиться иначе, чем крахом. У Кливленда нехватает, кажется, ни силы, ни мужества, чтобы покончить с шайкой мздодателей. А было бы действительно неплохо, если бы дело дошло до крайности. Такая нация — *молодая* нация, — как американская, так много воображающая о своем «практицизме» и при этом теоретически настолько косная, может окончательно освободиться от такой глубоко вкоренившейся навязчивой идеи, только испытав ее вред на самой себе. Кажущаяся правдоподобной идея, будто, если нет денег, когда они нужны, так это происходит оттого, что вообще денег на свете недостаточно — представление ребяческое, свойственное как надувательству с бумажными деньгами на манер Келлога, так и мошенничеству с серебряной валютой. Надежнее всего оно искореняется опытом и банкротством; последнее к тому же может принять весьма выгодный для нас оборот. Если только этой осенью будет хоть

сколько-нибудь улучшена тарифная система, вы можете не беспокоиться, остальное последует своим чередом. Главное в том, чтобы поставить американскую промышленность в условия, в которых она сможет стать способной к конкуренции на мировом рынке.

Здесь все идет *великолепно*. Массы, несомненно, пришли в движение. О подробностях ты знаешь из напечатанных в «*Volkszeitung*» отчетов Эвелинга, несколько, правда, растянутых. Лучшим доказательством служит то, что *старые секты* теряют почву и меняют тактику. Социал-демократическая федерация фактически дала отставку г-ну Гайндману; от времени до времени ему позволяют немного поворчать и поскулить в «*Justice*» на международные темы, но его песенка спета — его собственные приверженцы его раскусили. Он целых десять лет провоцировал меня, где только мог, и лично и политически, а я ни разу не удостоил его ответом, будучи уверен в том, что такой человек сам себе уготовит конец; в итоге я оказался прав. После всех нападков в течение десяти лет, Тусси недавно предложили писать для «*Justice*» отчеты о международном движении, что она, конечно, отказалась делать до тех пор, пока «*Justice*» публично не откажется от той гнусной клеветы, которую она годами распространяла против нее и Эвелинга.

Точно так же обстоят дела и с фабианцами. Их, как и Социал-демократическую федерацию, переросли их собственные отделения в провинции; Ланкашир и Йоркшир и в этом движении, как в чартистском, снова стоят во главе. Люди вроде Сиднея Вебба, Бернарда Шоу и им подобных, желавшие «пропитать» либералов социализмом, теперь должны терпеть, чтобы рабочие члены их собственного Общества «пропитывали» их своими идеями. Как ни упираются они, как они ни выкручиваются, все бесполезно; они должны либо оставаться в одиночестве — офицерами без солдат, либо же итти в ногу с рабочими. Первое — более вероятно, да и более желательно.

Независимая рабочая партия, поскольку она возникла позже всех, в меньшей степени заражена закоснелыми предрассудками, в ее рядах есть хорошие элементы — рабочие Севера безусловно — и она пока вернее всего отражает ход теперешнего движения. Конечно, среди руководителей имеются всякого рода комичные фигуры, и даже лучшие в большинстве случаев — совсем как у вас в Америке — обладают свойственной парламентскому режиму роковой склонностью к интригам, но за ними стоят массы, которые либо научат их уму-разуму, либо выбросят за борт. Промахов будет еще сколько угодно, но главная опасность преодолена, и я ожидаю

теперь быстрого движения вперед, которое отразится также и на Америке.

В Германии положение обостряется и дело идет к кризису. Судя по последним отчетам о заседаниях военной комиссии, компромисс едва ли возможен. Правительство закрывает господам из центра и свободомыслящим путь к отступлению, а без 40—50 голосов из их среды не может быть большинства. Стало быть — роспуск рейхстага и новые выборы. *Если все пойдет хорошо*, я рассчитываю на 2½ миллиона голосов, поданных за нас, потому что у нас огромный прирост сторонников. Бебель рассчитывает на 50—60 мест, так как распределение избирательных округов — против нас, да и все другие объединяются тоже против нас, и при перебаллотировке нам даже значительное меньшинство не удастся превратить в большинство. Я предпочел бы, чтобы движение развивалось мирно до 1895 г., когда мы смогли бы произвести совершенно иной эффект. Но что бы ни случилось, все должно помочь нашему движению вперед, начиная с Рихтера и кончая Вильгельмхеном.

Некий юнец из Техаса, Ф. Визен, проживающий в Бэрде, потребовал от меня, чтобы я высказался против выставления кандидатов «на пост президента», так как мы, мол, хотим упразднить пост президента; выставление кандидатов является таким образом отказом от революционного принципа. Я ему ответил, копию прилагаю. Если мой ответ появится в печати в *извращенном виде*, то помести, пожалуйста, полный текст в «*Volkszeitung*».

Надеюсь, что ты и твоя жена чувствуете себя теперь лучше. Сердечный привет вам обоим от г-жи Каутской и твоего

Ф. Энгельса.

Мы послали тебе прения рейхстага о государстве будущего. Пока нас здесь не было, газеты прибывали несколько неаккуратно, но получены, как будто, все.

125.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 20 марта 1893 г.

Дорогой Барон,

Статья Лесснера¹ читается очень хорошо; правда, Эде пришлось проделать огромную работу, чтобы придать ей сколько-

¹ Энгельс имеет в виду «Воспоминания рабочего о Карле Марксе» Ф. Лесснера, опубликованные в «*Neue Zeit*» за 1892/93 г., т. 1, стр. 748—754. См. сборник «Воспоминания о Марксе», изд. «Молодая Гвардия», Москва 1940.

нибудь литературную форму. Что касается «Обозрения Новой Рейнской Газеты», то я как-то уже делился с тобой мелькнувшей у меня мыслью, — что недурно было бы перепечатать эту вещь целиком и что можно было бы предложить это Дитцу. При дальнейшем размышлении я, конечно, пришел к выводу, что это связано со всякого рода трудностями и загрузило бы меня новой работой, за которую я никак не смог бы взяться до окончания III тома; поэтому я перестал об этом думать. Но Лесснер, кажется, с таким же пылом отдался литературе, как в свое время — живописи.

О норме прибыли я принципиально больше ничего не читаю. Я не читал ни второй статьи Шмидта, ни статьи Ланде; с этим придется подождать, пока я не возьмусь за предисловие к III тому. Тем временем твой неугомонный противник Штибелинг снова прислал мне свой последний опус. Он наверное тоже надеется, — но, повидимому, напрасно — на благосклонное внимание.

Для меня совершенно непонятно, откуда взялась утка о моей болезни; для этого не было ни малейшего повода. Не могу я также дознаться, где она впервые появилась и в какой именно газете, так что я лишен какой-либо отправной точки. Впрочем, по случаю все увеличивающегося упадка моих сил и ежечасно ожидаемой кончины мы осушили здесь несколько бутылок.

По III тому из семи разделов сделаны пять, вплоть до окончательной редакции с точки зрения формы; главная трудность — раздел о кредите — преодолена. Теперь я дошел до земельной ренты, на которую, возможно, придется потратить еще известное время, так что я еще не могу сказать, *когда* я кончу. Это *между нами*.

Если бы я знал, что ты предполагаешь продолжить работу над рукописью «Теорий прибавочной стоимости», то я оставил бы ее у тебя, но так как я уже несколько лет ничего об этом не слышу, а при работе над III томом иногда полезно бывает сопоставить рукописи, то я и попросил тебя прислать ее. При том, как ты теперь занят, трудно с уверенностью сказать, когда ты справишься с этой и со следующими тетрадами. Этот подсчет мы произведем в ближайшее время.

Итак, различные планы по поводу «Neue Zeit», повидимому, преданы забвению; будем надеяться, что дело обойдется и без такого рода насильственных революций. Но основным недостатком я попрежнему считаю то, что содержание журнала предназначается для *одного* круга читателей, а цена рассчитана на *другой*.

Здесь движение развивается очень успешно. Опасность сектантства, угрожавшая как со стороны Социал-демократической федерации, так и со стороны фабианцев, в основном преодолена. Независимая рабочая партия либо поглотит их, либо заставит их пойти дальше, и таким образом отметет непригодных руководителей. Массы, в особенности на Севере, в промышленных округах, несомненно, втянулись, наконец, в движение. Глупостей и свинства будет еще сколько угодно, но с этим можно будет справиться. Эвелинг был третьего дня в Манчестере, где состоялось первое заседание Исполнительного комитета Независимой рабочей партии; принятые решения вполне удовлетворительны. Эвелинг избран представителем в Брюссель, а позднее — вместе с Кейр Гарди и Шоу Максуэллом — также и в Цюрих. Об остальном ты, вероятно, узнаешь от Эде (разумеется, сообщая все это в частном порядке, я не знаю, что именно они хотят опубликовать).

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

126.

Августу Радимскому

в Вену.

Лондон, 21 марта 1893 г.

Уважаемый товарищ Радимский,

В ответ на Ваше любезное письмо от 18-го сего месяца я могу лишь выразить Вам свою радость по поводу того, что «Коммунистический Манифест» появится также и в чешском переводе¹; это, разумеется, с моей стороны как лица заинтересованного, не встречает никаких возражений; напротив, это доставит величайшее удовлетворение не только мне, но и дочерям Маркса.

Если, однако, Адлер говорил Вам, что я «владею» чешским языком, то тут он на мой счет сильно прихвастнул: я бываю рад, когда мне удается с грехом пополам разобрать с помощью словаря один газетный столбец. Тем не менее я с интересом жду любезно обещанных Вами номеров «*Dělnické Listy*», это опять вернет меня несколько к моим занятиям.

Дружеский привет чешским товарищам и Вам лично.

Ваш Ф. Энгельс.

¹ «Манифест Коммунистической партии» на чешском языке был опубликован отдельной брошюрой в Праге в 1898 г. в переводе А. Радимского.

127.

Юлии Бебель

в Берлине.

Лондон, 31 марта 1893 г.

Дорогая г-жа Бебель,

Присутствие здесь Августа довело до моего сознания тот позорный факт, что я до сих пор не ответил на Ваше милое письмо; поэтому я тотчас же берусь за перо, чтобы Вы на меня больше не сердились за дальнейшее промедление. Могу Вас заверить, что Август чувствует себя отлично; сырые яйца с коньяком он принимает с пунктуальностью, достойной удивления, а блестящее состояние своего желудка он наилучшим образом доказал вчера вечером у Мендельсонов и затем дома еще лучше, так как после очень хорошего, но и очень обильного ужина, спал лучше нас всех.

Сегодня мы ожидаем Бернса; таким образом впервые в мировой истории произойдет встреча трех социалистических депутатов Германии, Франции и Англии. То, что возможна подобная встреча трех депутатов трех главнейших парламентов Европы — трех вождей социалистических партий, представляющих три решающие нации Европы, — это одно уже свидетельствует об огромных наших успехах. Если бы только Маркс дождал до этого!

Сейчас настало время напомнить Вам о Вашем обещании приехать летом к нам сюда и забрать меня с собой в Германию. Август боится, правда, что из-за возможного роспуска рейхстага придется поставить на этом крест; но мне представляется дело не так, ибо если рейхстаг вообще и будет распущен, то это произойдет еще в этом месяце, т. е. в апреле (в который мы вступаем завтра), а выборы будут не позже июня. И тогда Августу, да и Вам самим, тем более нужен будет отдых; а если бы Вы знали, какая у нас здесь прекрасная погода и весенняя зелень, к которой до конца июня прибавится еще масса цветов, то Вы приехали бы наверняка, несмотря ни на какие отпуска и перевыборы. Итак, я, как всегда, рассчитываю на Ваше слово и затем поеду вместе с Вами в Берлин; ведь Ваш приезд сюда, еще с прошлой осени, неразрывно связан, как условие, с моей поездкой в Берлин.

А теперь еще об одном. Август вбил себе в голову, что он должен выехать в понедельник, но пасхальный понедельник здесь уже почти в течение десяти лет — настоящий праздник, один из четырех так называемых «банковских праздников»; здесь это настоящее народное гулянье. В этот день все железные дороги заняты исключительно специальными поездками и экскурсиями, все вокзалы

переполнены, регулярным поездом администрация не уделяет внимания, так как нужно же обеспечить сверхприбыль. Эти «банковские праздники» — единственные дни в году, когда небезопасно пользоваться английскими железными дорогами, и поэтому путешествуют в эти дни только те, для кого это необходимо. Мы поэтому настоятельно просили Августа отказаться от своего плана и уехать только во вторник, что он и обещал. Я уверен, что Вы также согласитесь с тем, чтобы он не выезжал в такой день, когда ни отправление, ни прибытие поездов не соблюдается точно, и когда обычно происходят все те несчастные случаи, которые могли бы произойти в течение предыдущих трех месяцев.

А теперь пью за Ваш приезд — как раз подошло время предобеденной кружки пива.

С сердечным приветом.

Ваш *Ф. Энгельс*.

128.

Пабло Иглесиасу

в Мадрид.

Черновик.

Лондон, апрель 1893 г.

Дорогой друг Иглесиас,

Не могу ответить на твое письмо, не посетовав прежде всего на то, что ты обращаешься ко мне на Вы. Думаю, что я этого не заслужил. Мы старые члены Интернационала, более двадцати лет бок о бок сражались в одних и тех же боях; когда я был секретарем для Испании, вы мне оказывали честь называть меня на ты, так вот, прошу и впредь поступать по-старому.

Прилагаю несколько строк для вашего майского номера; кроме того, я написал Элеоноре Маркс-Эвелинг и Бебелю с просьбой прислать вам что-нибудь.

Привет и революция!

Твой

129.

М. Р. Котару

в Париж.

Черновик.

Лондон, 8 апреля 1893 г.

Ваше письмо от 31 марта я на некоторое время оставил без ответа. Так как Лафарг вместе с г-жей Лафарг собирались приехать сюда, то я хотел воспользоваться этим случаем, чтобы лично

посоветоваться по поводу Вашего запроса с *обеими* дочерьми Маркса.

Однако не только я, но и Лафарги абсолютно ничего не знают о Вас, и Вы сами понимаете, что нельзя совершенно незнакомому человеку поручить столь важное и трудное дело, как французский перевод II тома «Капитала».

Кроме глубокого знания немецкого языка, тут требуется еще не менее основательное экономическое образование, которое, к сожалению, встречается среди молодых социалистов лишь очень редко. Об этом тоже следовало бы сперва переговорить.

Затем, Вы рассчитываете на мое содействие; тут я могу лишь ответить, что мое время на годы вперед целиком отдано другим, отнюдь не менее важным работам.

Главное же, что только и могло бы придать Вашему предложению актуальный характер, это наличие издателя для перевода. Только в том случае, если таковой у Вас имеется, стоит утруждать себя обсуждением и всех остальных вопросов.

Искренне преданный Вам.

130.

Дж. В. Лемпלו

в Лондон.

Лондон, 11 апреля 1893 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Лемпло,

Благодарю Вас за то, что Вы отбросили всякие церемонии. Я, как видите, поступаю так же. Мы были бы очень рады видеть Вас у себя вместе с Вашей женой и детьми, но я знаю, каково приходится в Лондоне человеку, приехавшему осмотреть его со всей семьей. Поэтому мы принимаем Ваши извинения, но пусть это будет в последний раз.

Очень рад, что Вы так довольны своей профессией землемера. Это должно быть для Вас просто отдыхом после скучной конторы и хлебной биржи Ист Райдинга. Мне бы такая работа тоже понравилась на некоторое время, но только на короткий срок. Я не смог бы долго прожить в стороне от движения большого города. Я всегда жил в больших городах. Природа величественна, и, чтобы отдохнуть от движения истории, я всегда с любовью обращался к ней, но история мне кажется величественнее, чем природа. Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные

сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия для того, чтобы начать сознательно действовать сообща, сознавая не только свои индивидуальные поступки, но и свои действия как массы, выступая совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели. Теперь мы уже почти достигли такого положения. Наблюдать этот процесс, это все более близкое осуществление положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем, достойным созерцания, и я, связанный с этим процессом всем своим прошлым, не мог бы оторвать от него своих взоров. Но это утомительно, в особенности, если полагаешь, что призван содействовать этому процессу; и вот тогда изучение природы является величайшим отдохновением и облегчением. Ведь, в конце концов, природа и история — это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя.

Сердечный привет от всех друзей.

Всегда Ваш

Ф. Энгельс.

131.

Францу Мерингу

в Берлин.

Лондон, 11 апреля 1893 г.

Многоуважаемый г. Меринг,

Я, разумеется, не имею ни малейшего возражения против опубликования той выдержки из моего письма от 28 сентября, которую Вы мне прислали в переписанном виде. Я попросил бы только об одной перестановке в последней фразе:

«Обобщение Лаверьн-Пегилена опять сведено было бы к своему истинному содержанию: феодальное общество порождает феодальный государственный строй».

Первоначальный текст звучит слишком небрежно ¹.

Очень рад, что «Легенда о Лессинге» выходит отдельной книгой. Такие вещи сильно проигрывают, когда их читают по частям. Большой Вашей заслугой является то, что Вы расчистили дорогу в этой навозной куче прусской истории и показали истинную связь вещей. Современная прусская действительность делает это абсолютно необходимым, как ни неприятна эта работа сама по себе. В отдельных пунктах, и именно там, где Вы в различных местах устанавливаете

¹ См. письмо Энгельса Ф. Мерингу от 28 сентября 1892 г. (стр. 141 настоящего тома); исправления Энгельса касались только изменения порядка слов в указанной фразе.

причинную зависимость по отношению к предшествовавшим временам; я с Вами не вполне согласен. Это, однако, не мешает тому, что Ваша работа во много раз лучше всего, что имеется по этому периоду немецкой истории.

С совершенным почтением

Ваш Ф. Энгельс.

132.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 29 апреля 1893 г.

Дорогой Шорлеммер,

Я получил Ваше письмо от 22 марта, а затем также и печальную весть о смерти Вашей дочери. Примите уверения в моем сердечном участии. Ваши прежние письма уже подготовили меня к этому: судя по ним, едва ли можно было надеяться на то, что она переживет весну; когда же, подобно Вам, являешься постоянным свидетелем причиняемых болезнью страданий и знаешь, что средств к спасению нет, то легче бывает примириться с кончиной как с избавлением от страданий. Г-жа Каутская также выражает Вам свое искреннейшее сочувствие.

Здесь смерть тоже производит опустошение. В декабре прошлого года д-р Гумперт внезапно заболел неизлечимым пороком сердца и умер от него 20 апреля. В прошлый понедельник я присутствовал на его похоронах, или, вернее, на кремации, в Манчестере; к сожалению, я должен был уехать в тот же день, так что не мог воспользоваться случаем, чтобы повидаться с Зибольдом или Клепшем, и поэтому не мог узнать никаких новых подробностей относительно завещания. И этому делу смерть Гумперта приносит ущерб; Гумперт был энергичным человеком, именно он с успехом умел заставлять болезненного Зибольда действовать более энергично; в виду наших долгодетных дружественных отношений он охотно оказывал мне в этом деле услуги. Ни о рукописях, ни о договорах с издателями я больше не слыхал ничего нового, и если Вы не можете сообщить мне что-нибудь об этом, то я в ближайшее время снова напишу Зибольду.

Д-ра Шпигеля я, помнится, видел здесь однажды несколько лет тому назад; я думаю, что о жизни и деятельности Карла как химика он напишет достаточно хорошо; поместить в специальном журнале что-либо другое, к сожалению, не удастся.

Через неделю или две Вы, по всей вероятности, будете свидетелем осуществления своего пожелания насчет роспуска рейхстага;

Каприви зашел так далеко, что едва ли сможет теперь пойти на такие уступки, на которые могли бы согласиться жаждущие компромисса господа из центра и свободомыслящие, не подвергая смертельной опасности свои партии. Я предпочел бы, чтобы роспуск произошел не раньше 1895 г., к тому времени у нас будет совершенно иное положение, и мы сможем стать решающей партией в рейхстаге. Но так или иначе нам это всегда может быть на руку.

На пасху или, вернее, в страстную пятницу у меня впервые вместе собрались деятель германского рейхстага Бебель, французский депутат Лафарг и член английского парламента Бернс — все трое социалисты. Это ведь тоже века всемирной истории.

Искренний привет от г-жи Каутской и от меня.

Ваш Ф. Энгельс.

133.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобоен.

Лондон, 17 мая 1893 г.

Дорогой Зорге,

История с Линкольном произошла, когда я еще жил в Манчестере — в конце 1864 г.; я припоминаю ее довольно смутно, а среди моих бумаг и бумаг Маркса мне никогда не попадался ответ Линкольна. Возможно, что он где-нибудь и найдется, когда я соберусь, наконец, привести в порядок и обработать эту колоссальную грудку материала, но об этом нечего и думать, если не располагать тремя-четырьмя неделями. Все, что я смог найти, это следующий отрывок из брошюры Эйхгофа об Интернационале, Берлин, 1868 г. (по заметкам и материалам Маркса), стр. 53:

«Переизбрание Линкольна, обеспеченное голосованием от 8 ноября 1864 г., предоставило Генеральному Совету повод послать ему приветственный адрес. Одновременно с этим Генеральный Совет организовал массовые митинги сочувствия Северным Штатам. Поэтому в своем письменном ответе Линкольн открыто признал заслуги Международного Товарищества Рабочих в борьбе за правое дело».

Вообще должен сказать, что имеющиеся у меня материалы о Международном Товариществе Рабочих до 1870 г. весьма скудны: часть протоколов Генерального Совета, газетные вырезки, собранные Марксом и Лесснером и отчасти Беккером, и, наконец, письма Маркса ко мне. У меня нет даже полного собрания официальных документов Генерального Совета, воззваний и т. д., не говоря уже

о переписке секретарей, которую последние почти всю оставили у себя. Официальных протоколов конгрессов вообще не существует. Все же это много лучше того, чем может располагать кто-либо другой, и будет обработано мной при первой же возможности. Но когда?

С III томом дело неуклонно подвигается вперед. Я дошел до двух последних разделов и думаю, что и здесь самое трудное осталось уже позади. Но все же хватит работы еще на несколько недель. Затем перейду к окончательной редакции; мне хотелось бы еще до летнего перерыва в занятиях отослать в печать часть рукописи, не знаю, однако, удастся ли. Окончательная редакция может быть проведена уже во время печатания. С этим делом нельзя медлить; все указывает на то, что у нас в Германии надвигаются, повидимому, времена, полные тревог и борьбы, поэтому вещь должна быть закончена до их наступления.

С моими взглядами на положение дел в Германии ты можешь ознакомиться по интервью в «Figaro»¹, которое я посылаю тебе с этой же почтой. Как и во всяком интервью, в передаче отдельных выражений кое-что смазано, а в общем изложении есть пробелы, но в целом смысл передан правильно. Среди наших в Германии царит великолепное настроение; предвыборная кампания доставляет им истинное удовольствие, несмотря на все труды и усилия, которых она им стоит. Бебель, который после Брюссельской конференции провел здесь пасхальную неделю, судя по письмам, как бы переродился; кроме Гамбурга его кандидатуру выставили в Страсбурге, в Эльзасе — где в 1890 г. у нас было 4 800 голосов против 8 200, — и многие приверженцы Франции будут голосовать за него. Имеется от 100 до 110 избирательных округов, где мы выступим, располагая более чем $\frac{1}{3}$ общего количества голосов (считая по итогам 1890 г.); я думаю, что приблизительно в 80 избирательных округах мы пройдем либо сразу, либо при перебаллотировке. Сколько наших застрянет при перебаллотировке, зависит от того, какие будут кандидаты противника. Против консерваторов или национал-либералов у нас много шансов, против свободомыслящих меньше, против центра — в том случае, если кандидат противника займет твердую позицию в военном вопросе, — очень мало. Бебель рассчитывает в общей сложности на 50—60 мест.

¹ В «Figaro» от 13 мая 1893 г. опубликовано интервью с Энгельсом под названием «Conversation avec Frédéric Engels» («Беседа с Фридрихом Энгельсом»).

Настроение в Германии сильно изменилось. Сколько бы буржуазная пресса ни продолжала кричать в прежнем тоне, уважение, которое завоевали себе наши товарищи в рейхстаге, создало им совершенно иное положение. К тому же нельзя закрывать глаза на то, что мощь партии все увеличивается. Если в предстоящих выборах у нас снова обнаружится сильный прирост, то, с одной стороны, возрастет уважение к нам, но с другой стороны — и страх перед нами. И этот страх заставит господ мещан дружно перейти в лагерь правительства.

Здесь майский праздник прошел очень хорошо. Но он становится уже чем-то повседневным, или вернее ежегодным, прежней свежести уже нет. Тупоумие Совета тред-юнионов и социалистических сект — фабрианцев и Социал-демократической федерации — снова навязало нам две демонстрации, однако все прошло, как мы того хотели. Мы — Комитет борьбы за 8-часовой рабочий день — собрали гораздо больше народа, чем объединенная оппозиция. Особенно много народа привлекла наша интернациональная трибуна. Я считаю, что в парке в общем присутствовало 240 000 человек; из них наших сторонников было 140 000, а сторонников оппозиции не больше 100 000.

Чемпион со своими деньгами, полученными от тори и либерал-юнионистов (чуть ли не по 100 фунтов стерлингов за каждого из 100 рабочих кандидатов, которые соглашаются баллотироваться в безнадежных округах, лишь для того, чтобы отнять голоса у либералов), окончательно скомпрометирован нашим старым Мальтманом Барри. Этот болван — к тому же он шотландский спекулянт — перешел на службу к тори, платным агентом которых он состоит по всеобщему признанию и, повидимому, приставлен к Чемпиону, которому господа тори-толстосумы все-таки не очень-то доверяют, в качестве негласного компаньона и соглядатая или того, что иезуиты называли — *socius*. И вот, Барри во время болезни Чемпиона один редактировал «Labour Elector», и при этом так хвастливо разболтал все свои секреты, что эта мелкая игра оказалась совершенно испорченной, а Независимая рабочая партия на время застрахованной от опасности стать орудием в руках этих господ. К сожалению, Эвелинг вот уже месяц как серьезно болен, а ввиду царящих здесь бесконечных интриг его отсутствие очень некстати. Сейчас он в Гастингсе, чтобы немного подлечиться.

Если у нас будет сильный прирост голосов в Германии, то это окажет благоприятное влияние и на осенние выборы во Франции. Если наши проведут там в палату дюжину кандидатов (в одном

только Северном департаменте они рассчитывают на четыре места), то налицо будет уже достаточно крепкое ядро, чтобы принудить бланкистов и аллеманистов присоединиться.

Очень рад, что твоя жена и ты снова чувствуете себя лучше. Сердечный привет ей и тебе от Л. Каутской и твоего

Ф. Энгельса.

134.

Петру Лавровичу Лаврову

в Париж.

Лондон, 21 мая 1893 г.

Дорогой Лавров,

Третьего дня я отправил Вам по почте книгу Н. Ф. Даниельсона «**Очерки нашего пореформенного хозяйства**».

Он сообщил мне также, что родственники нашего друга Г. Л.¹ получили от него вести, судя по которым он жив и здоров.

Вы обещали прислать мне экземпляр брошюры, где Вы собирались опубликовать письмо Л.¹, в котором я фигурирую, — я ее до сих пор не получил. Поскольку брошюра, как мне говорили, уже вышла, нужно думать, что бандероль затерялась при пересылке. Не можете ли Вы мне выслать другой экземпляр?

Надеюсь, что Вы чувствуете себя так же хорошо, как я, а мне жаловаться не на что.

Ваш *Ф. Энгельс.*

135.

Исааку Адольфовичу Гурвичу

в Чикаго.

Лондон, 27 мая 1893 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Очень благодарю Вас за Ваше интересное исследование об экономике русской деревни, которое я прочел, надеюсь, не без пользы.

Что же касается жгучих вопросов революционного движения в России и той роли, которую крестьянству может быть доведется сыграть в нем, то я по совести не могу высказывать мнение о них в печати, не изучив сначала весь предмет заново и не пополнив свои весьма недостаточные знания фактов новейшими данными. Но на это у меня, к сожалению, сейчас нет времени. Вместе с тем

¹ Г. А. Лопатин.

у меня все основания сомневаться в том, возымеет ли такое мое публичное выступление то действие, которого Вы от него ожидаете. По собственному опыту 1849—1852 гг. я знаю, как неизбежно всякая политическая эмиграция раскалывается на враждующие между собою группы, пока на родине затишье. Страстное желание действовать наряду с невозможностью сделать что-либо полезное вызывает у многих умных и энергичных людей сверхинтенсивную работу мысли, попытки открыть или изобрести новые, чуть ли не чудодейственные средства борьбы. Слово постороннего человека произвело бы ничтожное, в лучшем случае преходящее, впечатление. Если Вы следили за русской эмигрантской литературой последнего десятилетия, то сами знаете, например, как отдельные места из произведений и переписки Маркса толковались различными группами русских эмигрантов самым противоречивым образом, так же, как если бы это были изречения классиков или тексты из Нового завета. Что бы я ни сказал по упомянутому Вами вопросу, мои слова, вероятно, подвергнутся той же участи, если вообще на них обратят внимание.

Итак, из этих различных соображений я заключаю, что для всех заинтересованных сторон, в том числе и меня самого, лучше мне воздержаться.

Уважающий Вас

Ф. Энгельс.

136.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 1 июня 1893 г.

Дорогой Барон,

Большое спасибо за то, что ты указал мне на Брентано. Этот человек явно не может простить мне, что я его снова заклеил по поводу старой истории с «Concordia». Он, видимо, намерен разделить с А. Мюльбергером смертельную вражду ко мне. Это мне совершенно безразлично. Но мне все же хотелось бы посмотреть, как этот господин проявляет себя в новой области; он мне кажется вполне способным блистательно сесть в лужу в вопросах первобытной истории. Я только не вполне уверен, имеешь ли ты в виду I или III выпуск указанного журнала; сообщи мне, пожалуйста, об этом открыткой, а также можно ли выписать *отдельный номер*, тогда я закажу его себе. Достаточно того, что Брентано защищает Вестермарка, последний — в высшей степени старательный, но в неменьшей степени плоский путаник, гений бычьей породы.

Я только что прочитал «Первобытные народы» Эли Реклю, — французского названия не знаю. Это тоже путаница и прагматизм беспримерные; к тому же материал ужасно разбросан, так что часто не знаешь, о каких племенах и народах идет речь; то, что можно было бы использовать, без точного сличения с первоисточником совершенно непригодно. При этом антитеологические предубеждения анархиста, который к тому же сын протестантского пастора. Кое-где встречаются удачные циничные замечания. Для англичан книга полезна, поскольку она смело и метко бьет по их respectable предубеждениям.

Выборам радуются только два лагеря: мы и Каприви. Невроятно комично, что центр и свободомыслящие — обе партии, которые в момент роспуска охотнее всего бы воздержались, так как они более всего боялись избирателей — теперь, *после* роспуска, обнаруживают в большинстве случаев больше страха перед правительством и возможным конфликтом, чем перед избирателями, и перепугались до такой степени, что уже до выборов раскололись, и одна часть прямо высказывается за правительство, тогда как другая пока еще несколько колеблется. Должен сказать, что такой быстрой эволюции в сторону «единой реакционной массы» я себе не представлял. Противодействие Рихтеров и Либеров тоже носит лишь половинчатый, вялый характер, если наш успех — в отношении числа голосов, мандаты не так важны — будет таким, каким нам сулит его эта неразбериха, это противодействие может и вовсе сойти на нет. Тогда мы останемся единственной оппозиционной партией, и тогда-то дело может начаться.

Достоин внимания, насколько все эти «просвещенные сословия» погрязли в предубеждениях своего общественного круга. Эти болтуны из центра и партии свободомыслящих, пребывающие пока в оппозиции, представляют крестьян, мелкую буржуазию, даже еще и рабочих. А эти слои несомненно охвачены возмущением против постоянно растущего налогового бремени и тяжести рекрутского набора, но эта народная ярость доходит до господ представителей через «просвещенные» органы, адвокатов, купцов, попов, учителей, врачей и пр. Это люди, которые благодаря своему общему образованию видят немножко дальше, чем партийные массы, они достаточно обучены, чтобы понимать, что в случае крупного конфликта они будут раздавлены между правительством и нами, и поэтому, желая избежать этого конфликта, доносят до депутатов рейхстага народную ярость в смягченном виде, лишь бы добиться компромисса! Они, разумеется, не видят, что *такой* способ

оттягивания конфликта лишь притягивает массы к *нам* и следовательно даст нам силу выйти победителями из этого конфликта, когда он наступит. Я рассчитываю на значительный успех на этих выборах — 2¼ миллиона, может быть и больше, но еще *гораздо больше* в следующий раз.

Каприви, впрочем, не долго будет радоваться. Если его требование пройдет, как теперь уже определилось, то это подтолкнет к нам массы и с противоположной стороны. В течение нескольких лет Германия, пожалуй, выдержит бремя исключительных налогов. Но это требование — не последнее. Через два-три года Россия может *внешне* несколько оправиться, тогда опять надо будет потребовать большего и тут может случиться, что даже «единая реакционная масса» будет настаивать на новом роспуске рейхстага. Вся Европа опять попадет в революционный фартатер и — да здравствует конец века!

С очерками Бакса тебе во всяком случае придется повозиться. Отдельные удачные места становятся у него все реже, и вся его манера писать рассчитана на здешний, к тому же еще довольно ограниченный круг фабианцев и прочих интеллигентов.

Твой берлинский корреспондент¹ бесспорно обладает крайней субъективностью, но пером он владеет. Материалистическое понимание исторических событий — я бы сказал, что к текущим это не всегда относится, — он очень хорошо усвоил. Его «Легенда о Лессинге» была великолепно, хотя я в некоторых пунктах представляю себе дело иначе.

Конгресс в Цюрихе вы сможете провести и сами. Мои планы еще не определились, но весьма вероятно, что я приеду в середине августа в Цюрих, где я надеюсь тебя встретить.

А пока будь здоров и бодр.

Твой Ф. Э.

137.

Герману Бару

Черновик.

в Лондон.

Лондон, начало июня 1893 г.

Милостивый государь,

К сожалению, я не смогу выполнить Вашей просьбы. Во-первых, мои партийные товарищи в Германии как раз в данный момент ведут избирательную борьбу также и против антисемитских кандидатов, и поэтому интересы партии запрещают мне в такое время

¹ Ф. Меринг.

высказывать независимое от позиции партии суждение об антисемитизме.

Во-вторых, я думаю, что мои партийные товарищи в Вене, и вообще в Австрии, никогда не простили бы мне, если бы я согласился дать интервью для «Deutsche Zeitung».

С совершенным почтением

138.

Джиованни Доманико

в Прато

(Тоскана).

Лондон, 7 июня 1893 г.

Черновик.

В ответ на Ваше любезное письмо от 2-го сего месяца приношу благодарность за то, что Вы сообщили мне о Вашем намерении опубликовать итальянское издание «Капитала» Маркса.

Но прежде чем иметь возможность дать Вам ответ на различные Ваши вопросы, мне необходимо знать, кто будет делать перевод и как, ибо это работа весьма трудная, предполагающая у переводчика глубокое знакомство с немецким языком и с политической экономией. Перевод с одного лишь французского издания не был бы совершенным, так как итальянский язык гораздо больше французского подходит к философскому стилю автора.

Я полагаю, что будут обеспечены средства, необходимые, чтобы довести до конца столь важное дело и выпустить в свет новое издание, достойное содержания книги ¹.

Приветствую Вас.

Ваш Ф. Э.

Копия послана Турати 6 июня 1893 г.

139.

Стояну Нокову

в Женеву.

Лондон, 9 июня 1893 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой гражданин Ноков,

Тысячу благодарностей за Ваше любезное посредничество между мной и редакцией и за присылку мне второго номера болгар-

¹ Предполагаемое Д. Доманико издание осуществлено не было. В 1893 г. в Кремонне вышел сокращенный итальянский перевод «Капитала», выполненный Э. Гвиндани под редакцией Г. Девиля, изд. «L'Eco del popolo».

ского «Социал-Демократа». Надеюсь, что Вы не откажетесь также передать от меня редакции прилагаемые строки¹. Если это Вас не слишком затруднит, то я попросил бы Вас также сообщить мне просто открыткой, не ошибаюсь ли я, отождествляя Севлиево² с городом, известным под названием Филиппополя? У меня нет болгарского словаря, а в сербском я не смог этого выяснить, но мне смутно помнится, будто я где-то читал, что по-болгарски этот город называется именно так.

Ваше молчание я пойму как подтверждение того, что я не ошибся.

Примите мой искренний привет.

Ф. Энгельс.

140.

Францу Мерингу

в Берлин.

Лондон, 14 июля 1893 г.

Дорогой г. Меринг,

Только сегодня могу, наконец, поблагодарить Вас за любезно присланную мне «Легенду о Лессинге». Я хотел не просто послать Вам формальное подтверждение в получении книги, а в то же время сказать что-нибудь о ней самой — об ее содержании. В этом причина задержки с ответом.

Я начинаю с конца — с приложения об историческом материализме, в котором главные факты Вы изложили превосходно и для всякого, кто свободен от предвзятого мнения, убедительно. Если у меня и возникают некоторые возражения, то лишь против того, что Вы приписываете мне большие заслуги, чем мне принадлежат, даже если считать все то, до чего я, быть может, додумался бы со временем самостоятельно, и что Маркс, обладая более проницательным глазом и более широким кругозором, открыл намного раньше. Тот, кому досталось счастье проработать в течение 40 лет вместе с таким человеком, как Маркс, при его жизни обычно не пользуется тем признанием, на которое мог бы, казалось, рассчитывать. Но когда великий человек умирает, легко случается, что его менее значительного соратника начинают оценивать выше, чем он заслуживал бы, и это, повидимому, выпало сейчас на мою долю. История,

¹ Письмо Энгельса в редакцию болгарского сборника «Социал-Демократ». См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 367.

² Севлиево — написано Энгельсом по-болгарски.

в конце концов, все приведет в порядок, но к тому времени я благополучно отправлюсь на тот свет и ни о чем ничего не буду знать.

Кроме того, опущен еще один только пункт, который, правда, и в работах Маркса и моих, как правило, недостаточно подчеркивался, и в этом отношении вина в равной мере ложится на всех нас. А именно — главный упор мы делали сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе — и так мы *должны были делать*. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п. Это дало нашим противникам желанный повод для кривотолков, а также для искажений — разительным примером чего является Пауль Барт.

Идеология, это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое человеческое действие кажется *основанным* в последнем счете на мышлении, потому что совершается *при посредстве* мышления.

Исторический идеолог (исторический означает здесь просто собирательный термин для понятий: политический, юридический, философский, теологический, — словом, для всех областей, относящихся к *обществу*, а не просто к природе) располагает в области каждой науки известным материалом, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и прошел свой собственный самостоятельный путь развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений. Конечно, на это развитие могли воздействовать в качестве сопутствующих причин и внешние факты, относящиеся к той или иной области, но факты эти, по молчаливому соглашению, считаются опять-таки просто плодами мыслительного процесса, и та-

ким образом мы все время продолжаем оставаться в сфере чистой мысли, которая как будто благополучно переваривает даже самые твердые факты.

Именно эта видимость самостоятельной истории форм государственного устройства, правовых систем, идеологических представлений в любой области прежде всего и ослепляет большинство людей. Если Лютер и Кальвин «преодолевают» официальную католическую религию, а Гегель — Канта и Фихте, если Руссо своим республиканским «Общественным договором» косвенно «преодолеывает» конституционалиста Монтескье, то это — процесс, который остается внутри теологии, философии, государственной теории, представляет собой этап в развитии этих областей мышления и вовсе не выходит за пределы мышления. А с тех пор как к этому прибавилась буржуазная иллюзия о вечности и абсолютном совершенстве капиталистического производства, — с этих пор даже «преодоление» меркантилистов физиократами и Адамом Смитом рассматривается как чистая победа мысли, не отражение в области мышления изменившихся экономических фактов, а достигнутое, наконец, истинное понимание неизменно и повсюду существующих фактических условий. Выходит, что если бы Ричард Львиное Сердце и Филипп-Август ввели свободу торговли, вместо того чтобы впутываться в крестовые походы, то можно было бы избежать 500 лет нищеты и невежества.

На эту сторону дела, которой я здесь смог коснуться лишь слегка, мне думается, все мы обратили внимания меньше, чем она того заслуживает. Это старая история: вначале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму. Повторяю, я сам это делал, и ошибка всегда бросалась мне в глаза уже после. Поэтому я не только далек от того, чтобы упрекать Вас за это, — наоборот, как виновный в том же еще раньше Вас я даже не имею на то права, — я только хотел бы обратить Ваше внимание на этот пункт для будущего.

В связи с этим находится также нелепое представление идеологов: так как мы за различными идеологическими областями, играющими роль в истории, не желаем признать самостоятельного исторического развития, то, значит, мы отрицаем за ними и всякое *воздействие на историю*. В основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно противостоящих полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто намеренно забывают о том, что, как только историческое явление вызвано к жизни другими,

в конечном итоге экономическими, причинами, так оно тоже воздействует на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины. Так, например, Барт по поводу сословия священников и религии, у Вас — стр. 475. Мне очень понравилось, как Вы разделились с этим до невероятности пошлым субъектом. И его-то назначают профессором истории в Лейпциг! Ведь там был старик Вакмут, правда, такой же узколобый, но обладавший очень большим чутьем в области фактов. совсем другого склада человек!

О книге же вообще я могу только повторить то, что я уже не раз говорил по поводу статей, когда они появлялись в «*Neue Zeit*»; это наилучшее из имеющихся изложений генезиса прусского государства, могу сказать даже единственно хорошее, в большинстве случаев вплоть до мелочей правильно раскрывающее все взаимосвязи. Мне жаль только, что Вы сразу же не охватили всего дальнейшего развития вплоть до Бисмарка, и у меня невольно рождается надежда, что Вы это сделаете в другой раз и дадите общую картину в связанном изложении, начиная с курфюрста Фридриха Вильгельма и кончая старым Вильгельмом. Ведь работа Вами уже проделана предварительно и, по основным вопросам по крайней мере, даже можно считать и окончательно. А это должно быть сделано, прежде чем сможет рухнуть все старинное сооружение. Разрушение монархически-патриотических легенд хоть и не является абсолютно необходимой предпосылкой для устранения прикрывающей классовое господство монархии (ибо *чистая*, буржуазная республика в Германии оказалась пройденным этапом, не успев возникнуть), но все же оно служит одним из наиболее сильно действующих рычагов для такого устранения.

Тогда у Вас будет больше простора и больше отдельных поводов для изображения прусской местной истории как частицы общегерманской жалкой судьбы. Это и есть тот пункт, в котором я кое в чем расхожусь с Вами, именно с Вашим пониманием причин раздробленности Германии и неудачи немецкой буржуазной революции XVI века. Если мне доведется заново переработать историческое введение к моей «*Крестьянской войне*», что случится, надеюсь, будущей зимой, то я смогу развить там соответствующие моменты. Не то, чтобы я считал неправильными приведенные Вами причины, но я выдвигаю наряду с ними и другие и несколько иначе группирую их.

При изучении немецкой истории, которая представляет собой одно сплошное убожество, я всегда считал, что лишь сравнение

с соответствующими эпохами истории Франции дает правильный масштаб, ибо там происходит как раз противоположное тому, что у нас. Там — образование национального государства из *disjecta membra*¹ феодального государства, у нас — в это время как раз период самого глубокого упадка. Там — редкостная объективная логика во всем ходе процесса, у нас — все более и более безнадежный развал. Там — в период средневековья чужеземное вторжение представлено английским завоевателем, который вмешивается в пользу провансальской национальности против северо-французской. Войны с англичанами представляют собой своего рода Тридцатилетнюю войну, но там эти войны оканчиваются изгнанием иностранных интервентов и покорением юга севером. Затем следует борьба центральной власти против опирающегося на свои иностранные владения бургундского вассала, роль которого соответствует роли Бранденбурга — Пруссии, но эта борьба оканчивается победой центральной власти и завершает образование национального государства. У нас — как раз в этот момент национальное государство разваливается окончательно (если только «немецкое королевство» в пределах Священной Римской империи можно назвать национальным государством), и начинается, в больших масштабах, разграбление немецких земель. Это для немцев в высшей степени постыдное сравнение, но оно тем более поучительно, и с тех пор как наши рабочие снова поставили Германию в первые ряды исторического движения, мы можем несколько легче проглотить позор прошлого.

Совершенно особой отличительной чертой немецкого развития является еще то, что две составные части империи, в конце концов, разделившие между собой всю Германию, не являются ни та, ни другая чисто немецкими, а были колониями на завоеванной славянской земле: Австрия — баварской, Бранденбург — саксонской колонией; и власть в самой Германии они добыли себе только потому, что опирались на свои иноземные, не немецкие владения: Австрия на Венгрию (не говоря уже о Богемии), Бранденбург на Пруссию. На западной границе, подвергавшейся наибольшей опасности, ничего подобного не было, на северной границе защищать Германию от датчан предоставили самим датчанам, а юг так мало нуждался в защите, что те, кто должен был охранять границы — швейцарцы, сами смогли отделиться от Германии!

¹ Лат. — разбросанные члены.

Однако я увлекся всевозможными рассуждениями; пусть эта болтовня послужит Вам по крайней мере доказательством того, как живо заинтересовала меня Ваша работа.

Еще раз сердечная благодарность и привет.

Ваш Ф. Энгельс.

141.

Рудольфу Мейеру

в Пругониц

(Богемия).

Лондон, 19 июля 1893 г.

Дорогой г. Мейер,

Весьма любопытно, что господа консерваторы воображают, будто Каприви мог бы уничтожить социал-демократию. Пусть только попробует. Новый закон против социалистов только приведет к усилению партии пропорционально числу погубленных им жизней: тот, кто справился с Бисмарком, может не бояться его преемника. Уничтожить или извратить всеобщее избирательное право? Вспоминается древний оракул: «Если Крез перейдет через Галис, он разрушит обширное царство!». Если Каприви уничтожит всеобщее избирательное право, он разрушит обширное царство, а именно царство Гогенцоллернов.

Итак, Вы обнаруживаете погрешности Бебеля против теории и практики сельского хозяйства в его книге «Женщина»¹. Но дать критику современного расточительного и в целом неэкономного ведения сельского хозяйства и промышленности, и вместе с тем указать, как при общественном строе, неизбежно вытекающем из самих экономических условий, можно было бы это сделать иначе и лучше и, в то же время, при сокращенном рабочем времени каждого человека все же производить значительно больше продуктов, — все это, говорю я, едва ли возможно без того, чтобы люди, практически знакомые с той или иной отраслью, не нашли бы слабых мест. Так, Бебель, очевидно, неудачно выразился или же неправильно понял свой источник, когда утверждает, что при полном использовании содержащегося в клейковине протеина продукция хлебного поля может быть увеличена втрое и больше. Об этом не может быть и речи. Таких мелких неточностей я смог бы указать Вам не меньше дюжины; по существу же это ничего не меняет.

¹ Книга А. Бебеля «Женщина и социализм».

Так же обстоит со ввозом мяса из заокеанских стран. Его там еще пока хватает, чтобы в том или ином виде привозить в Европу; но с ростом спроса и со все большим — и там — превращением пастбищ в пахотную землю, вывоз неизбежно скоро достигнет своего максимума, а затем начнет сокращаться. Продлится ли это на несколько десятков лет больше или меньше — все равно.

Но главное возражение, которое Вы выдвигаете, заключается в том, что сельский труд не может выполняться промышленными рабочими и что сокращение рабочего дня до такой продолжительности, которая была бы одинакова в течение всего года, в земледелии невозможна. Но тут Вы неправильно поняли токаря Бебеля.

Что касается рабочего времени, то нам ничто не мешает во время сева или уборки и вообще всякий раз, когда необходимо быстро увеличить количество рабочей силы, ставить на работу столько рабочих, сколько потребуется. При восьмичасовом рабочем дне можно установить две и даже три смены в сутки; даже если бы каждый должен был работать ежедневно только два часа — на данной специальной работе — то, коль скоро у нас имеется достаточно людей, обученных для этой работы, можно установить восемь, девять, десять последовательных смен. Именно это и говорит Бебель и ничего больше. Ведь и в промышленности никто не сделает такой глупости, чтобы, вводя двухчасовую работу, скажем, в прядильнях, увеличивать количество веретен настолько, чтобы потребность в пряже была удовлетворена двухчасовой работой каждого веретена. Наоборот, веретена заставят работать десять-двенадцать часов, а рабочих только по два часа, вводя каждые два часа новую смену.

Что касается Вашего предубеждения против бедных горожан, которые весь свой век остаются непригодными к полевым работам, то это, пожалуй, совершенно правильно. Я охотно готов признать свою неспособность пахать, сеять, косить и даже копать картофель, но ведь, к счастью, у нас в Германии такое многочисленное сельское население, что при рациональном производстве мы сразу же сможем весьма значительно сократить рабочее время каждого, и все же еще останется лишняя рабочая сила. Превратите всю Германию в хозяйства по 2 000—3 000 моргенов — больше или меньше, в зависимости от природных условий, — введите машинное производство и все современные усовершенствования: разве мы тогда не будем иметь среди крестьянского населения более чем достаточно обученных рабочих? Ведь тогда земледельческой работы нехватит, чтобы занять это население в течение всего года. Большие массы людей будут продолжительное время бездельничать, если мы не зайдем

их в промышленности. А наши промышленные рабочие тоже захиреют физически, если мы не предоставим им возможности поработать на свежем воздухе и особенно в сельском хозяйстве. Допустим даже, что нынешнее взрослое поколение не годится для этого. Но молодежь-то можно этому обучить. Если несколько лет подряд в летнюю пору, когда есть работа, юноши и девушки будут отправляться в деревню — сколько же семестров придется им зубрить, чтобы получить ученую степень пахаря, косаря и т. п.? Вы же не будете утверждать, что необходимо весь свой век ничем другим не заниматься, что надо так отупеть от работы, как наши крестьяне, чтобы научиться чему-нибудь путному в сельском хозяйстве? В книге Бебеля сказано только это и ничего другого, именно: «что само производство так же, как и духовное и физическое развитие людей, только тогда может достигнуть высшей ступени, когда будет устранено старое разделение труда между городом и деревней, между земледелием и промышленностью».

Что же касается вопроса о рентабельности латифундий по сравнению с мелким производством, то вопрос этот, на мой взгляд, просто сводится к тому, что производственная система латифундий с течением времени порождает мелкое производство, а последнее точно так же и столь же неизбежно порождает опять крупное. В точности так, как ничем не ограниченная конкуренция порождает монополию, а монополия — снова конкуренцию. Этот круговорот, однако, неизбежно связан с кризисами, острыми и хроническими страданиями, и периодически повторяющимся разорением целых слоев населения, а также с огромной растратой средств производства и готовых продуктов; но мы, к счастью, настолько продвинулись вперед, что можем обойтись и без господ владельцев латифундий и без крестьян-собственников, а сельскохозяйственное производство не менее, чем промышленность, достигло в своем развитии такой ступени, которая не только позволяет, но и требует, по нашему мнению, полного перехода его в руки общества, и поэтому нам предстоит задача прорвать этот порочный круг. Для такого перехода латифундии и крупные дворянские поместья, по сравнению с мелким крестьянским хозяйством, являются для нас материалом, настолько же более пригодным, насколько в промышленности крупные фабрики более подходят для этого, чем мелкие ремесленные предприятия. И это находит свое политическое отражение в том, что сельские пролетарии крупных поместий становятся социал-демократами наравне с городскими пролетариями, едва лишь последние их заденут за живое; между тем как разоряющийся крестьянин и

городской ремесленник приходят к социал-демократии только окольным путем через антисемитизм.

Трудно предположить, что вышедший из недр феодализма владелец дворянского поместья — лорд или сквайр — когда-нибудь научится хозяйничать, как буржуа, и станет подобно последнему считать своим первым долгом при всех обстоятельствах капитализировать ежегодно часть присвоенной прибавочной стоимости; это противоречит всему опыту во всех некогда феодальных странах. Я охотно верю Вам, что эти господа поневоле должны отказывать себе во многом из того, что считается необходимым для подобающего их сословию образа жизни, но что они когда-либо научатся жить соразмерно своим доходам и откладывать что-нибудь про черный день, в этом я должен сперва сам убедиться, этого еще никогда не бывало, разве только в виде исключения, и никак не у класса как такового. Ведь эти люди в течение 200 лет существуют только благодаря государственной помощи, которая каждый раз выводила их из кризиса.

Ваш *Фридрих Энгельс*.

142.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Истбери, 27 июля 1893 г.

Дорогой Либкнехт,

Послезавтра, т. е. 30-го числа, ваша серебряная свадьба, вот я и приношу вам обоим мои сердечные поздравления к этому радостному дню. Желаю вам встретить его в полном благополучии и с ничем не омраченным весельем, а также счастливо и в добром здравье прожить и следующие 25 годков до золотой свадьбы.

Когда у кого-нибудь из нас, старых боевых товарищей, наступает такой торжественный день, то невольно на память приходят минувшие времена, минувшие битвы и бури, первые поражения, а затем и победы, весь пройденный бок о бок путь, и становится радостно, что на старости лет на нашу долю выпало уже не закреплять первую брешь, — мы ведь давно перешли от обороны к общему наступлению, — а идти вперед в атаку все той же боевой шеренгой. Да, старина, мы пережили вместе не одну бурю и, надо надеяться, не одну еще переживем и, если все пойдет хорошо, переживем и ту, которая хоть и не принесет нам окончательной победы, но все же окончательно ее обеспечит. Голову, к счастью, мы оба еще можем держать высоко, сил у нас для нашего возраста тоже достаточно, так почему бы этому не случиться?

Бебель передаст тебе и твоей жене от нашего, Луизы Каутской и моего, имени небольшой подарок к вашему торжеству, который просим благосклонно принять на память.

Сердечный привет и поздравления.

Ваш Ф. Энгельс.

143.

Наталии Либкнехт

в Берлин.

Истберн, 27 июля 1893 г.

Дорогая г-жа Либкнехт,

Я очень обрадовался, получив фотографию того дома в Брухе, где я родился и провел свое детство. Снимок очень хорош и воспроизводит каждую из деталей, с которыми связано столько воспоминаний. Со стороны Либкнехта было очень мило заказать этот снимок; пожалуйста, передайте ему за это мою сердечную благодарность.

Если не произойдет ничего неожиданного, я в сентябре приеду на несколько дней в Берлин и буду тогда иметь удовольствие всех вас там приветствовать. Я приехал сюда к морю на несколько дней, чтобы набраться сил перед долгим путешествием. Г-же Каутской и мне это пошло весьма на пользу, завтра мы отправляемся обратно.

Если Вашему Карлу строят такие каверзы, это чистое пруссачество, в стане бюрократов ему никогда не простят его отца.

Еще раз искренне поздравляю Вас с Вашей серебряной свадьбой и шлю сердечный привет Вам и Вашим сыновьям.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

144.

Герману Энгельсу

в Бармен.

Цюрих, 16 августа 1893 г.

Merkurstrasse, 6.

Дорогой Герман,

Переехав со вчерашнего дня к Анне Бейст, я, наконец, настолько пришел в себя от сутолоки, что могу написать тебе. Поездка моя была премилая, сначала мы наслаждались пылью, затем пошел дождь, достаточно сильный, чтобы вся пыль прочно засела в одежде. В Цюрихе меня устроили в отеле «Baug-en-ville», где во всех отношениях было очень удобно, но я никогда не бывал дома; наконец, в субботу вечером самое трудное оказалось позади, и все последова-

тельно завершилось умеренной выпивкой (это следует понимать не в том смысле, что мы пили *полной мерой*, потому что подавали нам *полу*-литровые кружки) в сочетании с катанием по озеру. Передай Елизавете, что люди здесь тоже обнаружили мой талант напевать себе под нос; Бебель писал недавно в открытке, что я весь вечер ничего не делал, а только мурлыкал от удовольствия.

Цюрих сильно вырос и перещеголял даже Бармен. Когда-то в Бармене на каждый третий дом приходилась «гостиница», а здесь на каждые два дома — по три гостиницы. Бейсты поселились очень удачно; с гигантского балкона, где можно было бы давать балы, открывается чудесный вид. Анна Бейст прекрасно сохранилась — это одна из самых красивых старых дам на свете, притом жива и остроумна, умна, энергична, решительна, и бывать в ее обществе — одно удовольствие. Один из ее сыновей, Фриц, заведует школой; у другого, Адольфа, довольно приличная медицинская практика; у обоих премилые жены и у каждого по два бойких и шумливых мальчика. Адольф живет с матерью, а Фриц выстроил себе дом поблизости.

На будущей неделе я, вероятно, отправлюсь с Бебелем в горы, но дней через восемь вернусь, и числа 3—4—5 сентября мы уедем в Мюнхен и Вену.

На конгрессе были три-четыре русские женщины с такими же восхитительными глазами, как были у твоей невестки Берты, когда я видел ее много лет тому назад в Альтенаре. Но настоящей моей любимицей была все-таки одна прелестная работница из Вены¹ с на редкость очаровательным лицом и милыми манерами. Я никогда не прощу Бисмарку, что он исключил Австрию из состава Германии, хотя бы из-за одних венок.

Гостиница «Bellevue», как я слышал, не принадлежит к числу наилучших. Надеюсь все же, что ваш выбор был удачен. Ты бы мне написал, как вы провели время. Сердечный привет Эмме, Елизавете, Вальтеру и тебе самому.

Твой старый «Unkraut vergeht nicht»².

Фридрих.

Между прочим — не мешало бы вам как-нибудь навестить Анну Бейст, она уже несколько лет не видела вас и ничего о вас не знает.

¹ Адельгейда Дворжак.

² Немецкая пословица, на русском языке ей соответствует: «Худое споро, не сживешь скоро».

145.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Берлин, 25 сентября 1893 г.

Дорогой Барон,

Письмо ¹, о котором идет речь, я *ни в коем случае* не могу предать гласности без введения. Наши враги тотчас же с восторгом обрушились бы и на автора и на адресата, а скандал и без того будет не малый. Но так как письма у меня здесь под рукой нет, то я не могу написать введение. Вы должны были позаботиться об этом раньше; я до 30 сентября — 1 октября ничего не могу сделать.

Привет.

Твой Ф. Э.

146.

Юлии Бебель

в Берлин.

Лондон, 3 октября 1893 г.

Дорогая Юлия,

Нашу открытку, отправленную в пятницу, вы, вероятно, получили. Меня здесь ждала такая масса работы, что я пока еще с трудом проделал лишь самое неотложное, благодаря помощи Луизы, которая до сих пор, засучив рукава, ворочает груды печатного материала. Поэтому я, наконец, могу написать вам несколько строк.

Итак, в четверг, после нашего отбытия, мы еще успели несколько мгновений повидать на вокзале «Зоологического сада» Адольфа Брауна и поехали дальше. В купе с нами ехали два потрепанных парня, которые оказались несколько назойливыми; к счастью, один из них, англичанин, уже к 10 часам был совершенно пьян, и затем оба провели остаток дня в проходе вагона.

В Ганновере, пока мы ели суп и мясо, появился дражайший Кугельман с дочерью, которая гораздо милее его. Он преподнес мне снова кучу медицинских советов касательно моих жизненных правил, а вместе с тем и корзиночку с мясом, булочками, яблоками и полбутылкой красного вина! Но это был так называемый «красный портвейн», сладковатая смесь, которую мы передали кондуктору в благодарность за его любезность.

¹ Письмо Г. Гейне Марксу от 21 сентября 1844 г. Вступительную статью к этому письму Энгельс не успел написать, и оно было опубликовано после его смерти в «Neue Zeit» за 1895/96 г., т. 1, стр. 14—19.

Вскоре после этого между различными пассажирами и кондуктором разгорелись оживленные дебаты по вопросу: не следует ли пассажирам, едущим в Гук-голландский, пересесть в Лене и ехать через Рейн — Зальцберген. Мы же твердо держались направления на Обергаузен, так как у нас не было другого выбора из-за билета Луизы. Но в Миндене мы имели уже более чем полчаса опоздания, а так как в Обергаузене в нашем распоряжении могло быть только 17 минут, то, следовательно, и верную перспективу опоздать к пересадке. Тут нам очень пригодилась карта, которую Август дал мне утром. Мы пересели на старую Кельн-Минденскую железную дорогу, которая была мне известна как одна из лучших в Германии. По пролетам пути мы могли видеть, как наверстывается значительная часть опоздания, и, таким образом, прибыли в Обергаузен вовремя.

Угольный район от Гамма до Обергаузена — это кусочек британской «Черной Англии». И воздух и города точно так же черны от копоти, как в Англии; дома, из-за того что большинство из них покрыто светлой штукатуркой, производят своим грязным видом еще более неприятное впечатление, чем английские — из голых кирпичей.

Наслушавшись и в Голландии всяких темных слухов от пассажиров и кондукторов об опозданиях к пересадкам, мы все же прибыли в Роттердам в 8.42 по голландскому времени, т. е. в 9.42 по немецкому времени. Час разницы во времени все привел в порядок (в изложении Августа нам не вполне было ясно, где же вступает в силу разница во времени, и поэтому мы не были уверены в таком исходе).

Наоборот, хотя нам и пришлось в Роттердаме пройти пешком с одного вокзала на другой около десяти минут, все же у нас было еще свободное время, и мы прибыли *раньше* тех пассажиров, которые ехали через Лене — Рейн — Зальцберген.

Луиза, кроме нескольких кусочков из кугельмановских припасов, только выпила одну чашку бульона в Арнгейме и вторую в Роттердаме, я же питался кугельмановской снедью и пивом. Когда мы отплывали, дул легкий ветер, и я сейчас же улегся и, убаюканный качкой, безмятежно проспал целых восемь часов, пока не проснулся при ярком дневном свете — мы должны были бы уже давно быть в Гарвиче! Я встал — у меня была отдельная каюта, — на корабле полная тишина. Вышел на палубу — пустота, всюду мокрая палуба и признаки миновавшей бурной ночи. Наконец, появился какой-то молодой немец и сообщил мне, что мы перенесли ужасный

шторм. Вскоре после этого появилось несколько дамочек, а затем и Луиза; бедняжку втиснули с пятью другими в маленькую каюту, и она с героической выдержкой перенесла самое скверное, несмотря на окружение испытывавших морскую болезнь истерических соседей. В конце концов, после самой сильной качки, когда началась зыбь, она все же один момент не устояла против назойливости старого Нептуна.

Мы прибыли в Лондон с опозданием на два часа, нас на вокзале встречали Эвелинги; застали все в наилучшем порядке и, с презрением к смерти, которое обычно следует за героически перенесенным маленьким штормом, сразу набросились на работу. Нового здесь произошло, повидимому, мало; с происшедшими в здешнем движении небольшими переменаами и сдвигами нам предстоит постепенно ознакомиться.

Кстати. Эде Бернштейн утверждает, что Пауль Зингер совершенно неправильно понимает его статью¹. Он, мол, никогда не говорил, что необходимо в зависимости от обстоятельств вступать в компромиссы с консерваторами, национал-либералами, ультрамонтанами и пр., он, де, *имел в виду только свободомыслящих и Народную партию*. Я заявил ему, что я лично этого не смог вычитать из его статьи, и уж во всяком случае он дал возможность и такого толкования.

А теперь, дорогая Юлия, еще раз благодарю тебя и Августа за многочисленные проявления любви и дружбы, которые мы видели от вас и в Берлине и в Цюрихе — а я лично от Августа за все время нашей поездки, — и я могу только напомнить тебе о твоём обещании приехать к нам весной, чтобы мы, наконец, могли показать тебе Лондон.

Сердечный привет вам обоим и всем друзьям.

Твой Ф. Энгельс.

147.

Герману Блохеру

в Базель.

Лондон, 3 октября 1893 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Лишь сегодня, немедленно по возвращении сюда, я могу ответить на Ваше письмо от 11 августа.

¹ Статья Э. Бернштейна «Выборы в прусский ландтаг и социал-демократия», опубликована в «Neue Zeit» за 1892/93 г., т. 2.

Несколько экземпляров «*Святого семейства*» имеется в Берлине; в Швейцарии д-р Конрад Шмидт, приват-доцент Цюрихского университета, Klus-Hegibachstrasse, Hirslanden, пожалуй, сможет Вам помочь достать один экземпляр.

О карьере Б. Бауэра до 1843 г., его личной судьбе и его взглядах, Вы найдете указания в изданиях Руге, «*Hallesche Jahrbücher*», позднее «*Deutsche Jahrbücher*», а также в статьях самого Бруно. За 1844—1846 гг. равным образом в его статьях и в его «*Allgemeine Literaturzeitung*». Как Маркс, так и я с 1843 г. никаких отношений с Бауэрами не поддерживали, в Лондон они приехали лишь в конце 50-х годов — Эдгар на более продолжительный срок, Бруно лишь погостить, — и тогда Маркс снова с ними встретился. Насколько мне известно, никакого отношения к материалистическому пониманию истории, а также, следовательно, и к научному социализму Бруно вообще не имел; если, однако, нечто подобное и было, то это следует искать лишь в более поздних статьях Бруно 50-х и 60-х годов. Едва ли можно отрицать, что более поздние работы Бруно о древнем христианстве были написаны под некоторым влиянием идей Маркса; в целом, однако, понимание движущих сил истории у Бруно остается по существу своему идеалистическим.

Мне кажется невозможным успешно написать работу о Бруно без продолжительного пребывания в Берлине, где собран весь соответствующий материал.

С совершенным почтением, готовый к услугам

Ф. Энгельс.

148.

Джону Шипли

в Лондон.

Черновик.

Лондон, 3 октября 1893 г.

Милостивый государь,

По возвращении из-за границы я нашел у себя Ваше письмо от 10 августа. Боюсь, что не могу быть Вам полезным в Вашей тяжбе с семьей. Даже если бы Ваше *юридическое* право на эти деньги было мне гораздо яснее, чем сейчас, я мог бы только сказать, что у Вас, как у человека, не обладающего средствами, нет никаких шансов выиграть в английском суде дело против людей состоятельных, которые к тому же смогут бороться против Вас Вашими же деньгами. Но даже будь у Вас деньги для борьбы, я Вам все же посоветовал бы: оставьте их лучше у себя, не тратьте их на тяжбы.

Что касается адвоката, такого, как Вы мне изображаете, который согласился бы взяться за Ваше дело, то Вас не удивит, если я скажу, что я такого не встречал.

Очень сожалею, что не могу Вам дать более утешительного ответа.

Остаюсь и т. д.

149.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 7 октября 1893 г.

Дорогой Зорге,

В пятницу 29 сентября мы возвратились домой и вскоре получили твое письмо от 22-го. Я отсутствовал два месяца, выехал с Луизой Каутской в Кельн, где мы встретили Бебеля с женой, затем вместе поехали через Майнц и Страсбург в Цюрих, откуда я на восемь дней отправился в Граубинден, где встретился с одним из своих братьев. Однако я должен был обещать, что вернусь к закрытию конгресса, и тут они, вопреки моему желанию, устроили со мной заключительную историю ¹, о которой ты читал. Этим задан был тон всей поездке, и мое намерение путешествовать только в качестве частного лица целиком провалилось. Я остался еще на две недели в Швейцарии, а затем через Мюнхен и Зальцбург поехал с Бебелем в Вену. Здесь снова началась канитель с парадами. Сначала мне пришлось присутствовать на товарищеском банкете ², но так как там хватило места лишь на 600 человек, а остальным тоже хотелось меня видеть, то в последний вечер состоялось массовое собрание, где мне тоже надо было сказать несколько слов ³. Из Вены я отправился через Прагу в Берлин; там мне после сильного протеста против предполагавшегося массового митинга удалось отделаться товарищеским банкетом, на который собралось 3 000—4 000 человек ⁴.

¹ Чествование Энгельса на заключительном заседании III конгресса Интернационала в Цюрихе 12 августа 1893 г. Закрывая конгресс, Энгельс произнес речь на немецком, французском и английском языках. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 368—369.

² Собрание социал-демократической организации Вены 11 августа 1893 г., посвященное приезду Энгельса.

³ Речь на социал-демократическом собрании в Вене 14 сентября 1893 г. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 370—371.

⁴ Речь Энгельса на социал-демократическом собрании в Берлине 22 сентября 1893 г. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 372—373.

Все это, конечно, было очень мило с их стороны, но совсем не в моем вкусе; я рад, что все это уже миновало, и в следующий раз потребую письменной гарантии в том, что мне не надо будет выставлять себя напоказ перед публикой и что я смогу путешествовать как частное лицо по своим личным делам. Я был поражен — и сейчас еще поражаюсь — грандиозностью оказанного мне повсюду приема, но охотнее предоставил бы его парламентским деятелям и митинговым ораторам, это скорее подходит к их роли, но к моему роду деятельности едва ли.

Вообще же, после 17-летнего перерыва, я нашел Германию в корне преобразованной. Промышленность по сравнению с прошлым развилась колоссально, земледелие, как мелкое, так и крупное, *значительно* улучшилось, а как следствие этого — наше движение великолепно развивается. Ту небольшую свободу, которой наши люди теперь располагают, они должны были завоевать — специально отвоевывать у полиции и ландратов *после того*, как соответствующие законы уже существовали на бумаге. И поэтому бросается в глаза в их поведении уверенность и твердость, которой никогда не бывало у немецких буржуа. В отдельных случаях там, конечно, можно найти много недостатков. Например, партийная печать, особенно в Берлине, стоит не на подобающем партии уровне. Но массы великолепны и в большинстве случаев лучше вождей или, по крайней мере, лучше многих тех, кто оказался в роли вождей. С такими людьми можно достигнуть всего, вполне счастливыми они чувствуют себя только в борьбе, живут только для борьбы и скучают, если противник оставляет их в покое. Можно положительно утверждать, что большинство из них встретило бы новый закон против социалистов презрительной насмешкой, если не открытым ликованием — ведь тогда у них на каждый день находились бы все новые и новые дела!

Но наряду с нашими имперскими немцами не следует забывать и австрийцев. Они в общем и целом менее развиты, чем имперские немцы, но живее, больше похожи на французов, их легче увлечь на великие дела, но и на глупости тоже. В отдельности я предпочитаю среднего австрийца среднему немцу, среднего венского рабочего среднему берлинскому, а что касается женщин, то венских работниц я ставлю значительно выше. Они обладают той наивной непосредственностью, по сравнению с которой расчетливая старушечья мудрость берлинок нестерпима. Если господа французы не будут настороже и в ближайшем будущем не вернуться снова к своей старой традиции революционной инициативы, то может

•

случиться, что австрийцы ее перехватят у них и при ближайшем случае дадут движению первый толчок.

Вообще же, Берлин и Вена наряду с Парижем стали красивейшими городами мира; Лондон и Нью-Йорк по сравнению с ними — просто грязные захолустья, в особенности Лондон, на который мне после нашего возвращения как-то странно смотреть.

В ноябре господа французы должны будут показать, на что они способны. Двенадцать марксистов и четыре бланкиста, пять аллеманистов и два бруссиста плюс еще несколько независимых и примерно 24 радикал-социалиста, на подобие Мильерана, являются изрядной закваской в палате и должны были бы вызвать порядочное брожение, *если бы* все они действовали сообща. Но будет ли это так? Эти двенадцать марксистов по большей части совершенно неизвестные люди; Лафарг отсутствует, зато имеется Гэд, значительно более крупный оратор, но и гораздо более легковверный оптимист. С нетерпением жду дальнейшего. Наши марксисты уже заключили перед выборами своего рода картель с Мильераном и К^о, к которому теперь, благодаря сотрудничеству в мильерановской «Petite République Française», присоединились, кажется, и бланкисты, в частности Вайян. Кроме того, бланкисты очень решительно выступают сейчас против русского союза. У меня, однако, нет непосредственных сведений о позиции, занимаемой в настоящий момент различными партиями, вероятно, потому что они сами себе ее еще не уяснили.

Надеюсь, что ты и твоя жена здоровы.

Сердечный привет вам обоим от твоего

Ф. Энгельса.

Де Леона и Саниала я видел в Цюрихе. Сильного впечатления они на меня не произвели.

150.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 11 октября 1893 г.

Дорогой Виктор,

29 сентября мы снова прибыли сюда, и со все возрастающим презрением к смерти набросились на груды дел, которые нас ожидали.

«Кольцевых улиц, расположенных одна за другой», о которых говорил товарищ Хегер, я, правда, в Берлине не смог обнаружить, но все же город внешне действительно красив, даже в рабочих квар-

талах просто дворцовые фасады. Но что за ними скрывается — об этом лучше всего умалчивать. Нищета рабочих кварталов, разумеется, повсеместное явление; однако что действует на меня удручающе, так это «берлинская комната», немыслимое во всем остальном мире вместилище тьмы, затхлого воздуха и уютно чувствующего себя там берлинского филистерства. Благодарю покорно! В квартире Августа этого нет, и это единственная квартира, которая мне нравится; во всех остальных я погибал.

Но этот крик наболевшего сердца не является целью сегодняшнего письма. Напротив, я хотел поздравить тебя и венцев.

Тебя — в первую очередь по поводу произнесенной тобой у Швендера речи, которая снова показала, насколько ты всегда умеешь правильно разбираться в мудреных и запутанных австрийских условиях и в этой путанице все время не выпускать из рук ведущую нить. А именно в настоящий момент это важнее всего.

Во-вторых же, поздравляю тебя и вообще австрийцев с блестящим успехом вашей агитации за избирательную реформу — с проектом избирательной реформы Тааффе. Но тут уж я должен начать издалека.

По мере того как я присматривался к вашей стране и народу и к вашему правительству, мне становилось все более очевидно, что здесь мы можем добиться совершенно исключительных успехов. Охваченная процессом бурного развития промышленность, при производительных силах по большей части отсталых вследствие многолетнего применения высоких оградительных пошлин (то оборудование фабрик в Богемии, которое я видел, мне это подтверждает); сами промышленники, я имею в виду более крупных, в большинстве настолько же тесно сросшиеся с биржей, как и с самой промышленностью; в городах — политически совершенно индифферентное мещанство, которое, подобно племени феаков, прежде всего ищет покоя и наслаждения; в деревне — растущая задолженность мелкого землевладения и соответственно — его поглощение крупным; в качестве действительно господствующих классов — крупные землевладельцы, которые, однако, вполне довольствуются своим политическим положением, обеспечивающим им скорее косвенное господство, и крупная буржуазия (немногочисленные финансовые тузы и тесно связанные с ними крупные промышленники), политическая власть которой осуществляется *еще гораздо более косвенным путем*, но которая этим также вполне удовлетворяется; среди имущих классов, у крупных собственников — отсутствие какого-либо желания превратить косвенное господство в прямое, конституционное, а у

мелких — отсутствие сколько-нибудь серьезного стремления к действительному участию в политической власти. В результате: индифферентизм и застой, нарушаемые только национальной борьбой различных групп дворян и буржуа между собой, и растущая связь с Венгрией.

Над всем этим витает правительство, которое связано в своих абсолютистских поползновениях лишь формальными, по большей части мнимыми, ограничениями, на деле же почти не встречает препятствий. По природе своей оно консервативно, а дворянство, буржуа и бонвиван-филистер — также. Крестьянство же, будучи разбросано по всей стране, не может составить организованную оппозицию. Все что требуется от правительства это — *живи и жить давай другим*, и австрийское правительство издавна это понимало. Отсюда объясняемая также и другими причинами, но именно вследствие этого доведенная до крайности и возведенная в принцип фабрикация законов и предписаний, которые остаются только на бумаге, а вместе с тем поразительная административная неряшливость, действительно превосходящая все, что я мог себе представить.

Так вот! В подобном состоянии государственного застоя, когда правительство, несмотря на исключительно благоприятную позицию по отношению к отдельным *классам*, все же испытывает вечные затруднения: 1) потому, что эти классы разделены на *x* количество национальностей, и поэтому, вопреки стратегическому правилу, в походе — вместе (против рабочих), но в драке — врозь (а именно друг против друга); 2) из-за вечной финансовой нужды; 3) из-за Венгрии; 4) из-за внешних осложнений — короче говоря, в такой ситуации, думается мне, рабочей партии, у которой есть программа и тактика, которая знает, чего она хочет и как ей этого добиться, которая обладает достаточной силой воли при живом, впечатлительном темпераменте, обусловленном счастливым расовым смешением кельтско-славянских элементов с преобладающими германскими, — такой партии надо лишь развить соответствующим образом свои способности, чтобы достигнуть совершенно исключительных успехов. Среди партий, которые сами не знают, чего они хотят, и при правительстве, которое также не знает, чего хочет и едва сводит концы с концами, такая партия, которая знает, чего хочет и добивается этого упорно и настойчиво, не может, в конце концов, не победить. И это тем более так, что все, чего желает и *может* желать австрийская рабочая партия, это только то, чего требует также идущее вперед экономическое развитие страны.

Здесь, следовательно, положение так благоприятствует скорейшим успехам, как ни в одной стране, — даже в Германии, где развитие хотя и идет более быстрыми темпами и партия сильнее, но зато и сопротивление гораздо упорнее. К этому присоединяется еще и следующее: пришедшая в упадок великая держава Австрия все еще стесняется Европы, чувство, которое всегда оставалось чуждым выскочке из малых государств — Пруссии. И с тех пор как в 1866 г. Австрия вступила в ряды «современных» государств, там стыдятся также и *внутренних изъянов*, в чем не было надобности в прежней открыто реакционной Австрии. Да, чем меньше австрийцы действительно желают быть современным государством, тем более им хотелось бы казаться таковым, и чем сильнее становится на дыбы реакция в Пруссии — обузданная там в гораздо большей степени, чем в Австрии, — тем либеральнее, из чувства злорадства, становятся замашки в Австрии.

В Европе теперь положение — я имею в виду *внутреннее* в отдельных государствах — все более приближается к тому, которое было в 1845 году. Пролетариат все в большей степени занимает позицию, которая тогда принадлежала буржуазии. Тогда началось в Швейцарии и Италии: в Швейцарии — внутренней распрей между демократическими и католическими кантонами, разрешившейся войной Зондербунда; в Италии — либеральными опытами Пия IX, либерально-национальными преобразованиями в Тоскане, в мелких герцогствах, в Пьемонте, Неаполе, Сицилии; война Зондербунда и бомбардировка Палермо стали, как известно, непосредственным прологом февральской революции 1848 г. в Париже. Ныне, когда кризис может назреть через пять — шесть лет, к Бельгии, повидимому, перейдет роль Швейцарии, к Австрии — роль Италии, а к Германии — роль Франции. Борьба за избирательное право начинается в Бельгии и подхватывается в грандиозных масштабах в Австрии. Чтобы дело могло закончиться какой-либо половинчатой избирательной реформой, об этом не может быть и речи; раз уж камень покатится, толчок передастся по всем направлениям, и одна страна окажет обратное воздействие на другую. Наряду с возможностью больших успехов даны, стало быть, и условия, а, следовательно, также и вероятность этих успехов.

Вот приблизительно содержание того, что я вчера после обеда излагал Луизе в качестве своего взгляда на ближайшие судьбы Австрии. А в 8 часов вечера «Evening Standard» принес известие — еще не достоверное — о капитуляции Тааффе, а сегодня мы узнали о проекте, по крайней мере, в его самых общих чертах. Итак, камень

теперь *сдвинут* с места, а вы уж позаботитесь о том, чтобы он не оброс мохом. Я ничего не скажу о проекте, пока не узнаю о нем больше; одно лишь мне представляется несомненным: Тааффе хочет, по примеру Бисмарка, превратить представительство городов из сплошного либерального в разнородное и использовать рабочих против буржуазии. Это нам в известной мере может быть на руку: либералы и другие буржуазные партии будут пытаться еще больше ограничить доступ к избирательному праву, так что вы можете очутиться в приятном положении — поддерживать бравого Тааффе против его парламента. Во всяком случае, следует принять этот аванс, — и прежде чем я опять буду у вас, ты уже будешь полноправным депутатом рейхсрата. «Daily Chronicle» говорит уже о *верных* 20 рабочих представителях. С 20 п даже с меньшим числом рабочих рейхсрат будет учреждением совершенно иного рода, чем до сих пор. Почтенная публика еще подивится тому оживлению, которое охватит тогда это шаткое здание. А если наряду с немцами удастся провести туда несколько чехов, то национальной вражде будет поставлена преграда, и младочехи, старочехи и немецкие националисты будут смотреть друг на друга совершенно другими глазами. По этому случаю можно сказать: вступление первых социал-демократов в рейхсрат откроет собой новую эпоху для Австрии.

И этого добились вы, и так как теперь эта новая эпоха надвигается, то мы все радуемся, что у нас будет в рейхсрате такая светлая голова, как ты.

Сердечный привет от Луизы и твоего

Ф. Энгельса.

Привет от Луизы, а также и от меня Поппу, Рейману, Адельгейде¹, Ульбингу и всем прочим.

151.

Августу Бебелю

в Берлин.

Лондон, 12 октября 1893 г.

Дорогой Август,

Мы посылаем тебе экземпляр «Женщины» в издании Ривса. Юридическая сторона (которая только и имеет значение по отношению к такому субъекту, как Ривс) мне представляется такой:

1) Международное авторское право в отношении перевода охраняется в течение трех лет после появления оригинала, но только

¹ А. Дворжак.

в том случае, если уже в течение *первого* года действительно было опубликовано *начало* разрешенного автором перевода. Поэтому для тебя пресечено всякое право обжалования, если только перевод г-жи Вальтер не появился в течение года после выхода какого-либо нового немецкого издания, содержащего существенные изменения и добавления по сравнению с прежним; а это едва ли было так.

2) Остается, стало быть, право обжалования со стороны А. Вальтер. Обладает ли она таковым, зависит от того, сохранила ли она за собой при выходе первого английского издания право литературной собственности или уступила его издателю «Модерн Пресс», формально или по молчаливому соглашению. Это следовало бы выяснить. Если она формально не сохранила за собой этого права, то в условиях здешнего законодательства десять шансов против одного, что оно само собой перешло в руки издателя, и тогда она больше не имеет никакого права на обжалование.

3) Издатель, некий Фульджер, насколько мне известно, давно был вынужден ликвидировать свое предприятие и был, наверное, очень рад заключить какое-нибудь соглашение с Ривсом.

Таким образом, почти несомненно, что ты юридически ничего не сможешь сделать и очень мало вероятно, что сможет что-нибудь сделать г-жа Вальтер; все же следовало бы это точно установить. Если бы ты достал мне копию договора между г-жей Вальтер и «Модерн Пресс», то я смог бы в случае надобности посоветоваться с адвокатом. Если, однако, этот вопрос *не совсем ясен*, то с таким молодчиком, как Ривс, ничего нельзя будет сделать, он совершенно беззащитен в своих спекулятивных махинациях, и выколлотить из него деньги почти невозможно; к сожалению, мне тоже пришлось иметь с ним дело; даже угроза суда тут мало помогает, эти господа в подобных случаях переводят все на имя жены или инсценируют аукцион (списывание товарной наличности и т. д. на имя подставных или действительных кредиторов).

Вчера нами здесь получены два замечательных известия.

Во-первых, начало конца стачки углекопов. После того как локаут рабочих, который объявлен 28 июля *крупными* шахтовладельцами для того, чтобы 1) поднять цены и сократить производство, 2) иметь возможность *безнаказанно нарушить* легкомысленно заключенные ими разорительные для них договоры на годовичную поставку угля газовым заводам и другим городским предприятиям, ибо во всех таких договорах оговорено, что *стачка оправдывает нарушение договора*, 3) понизить заработную плату и 4) разорить мелкие предприятия и скупить их за бесценок — последнее все чаще становится постоянным

мотивом всех крупных локаутов, — итак, после того как этот локаут продолжался свыше двух месяцев и общественное мнение буржуазии, также страдающей от отсутствия угля, обернулось против шахтовладельцев, — наступил кризис. С первой неделей октября истек срок соглашения, по которому шахтовладельцы взаимно обязались под угрозой штрафа в 1 000 фунтов не открывать свои рудники иначе, как на условиях общего снижения заработной платы на 25% (с завоеванной в 1889 г. надбавки в 40% к прежней заработной плате, т. е. ставка 1889 г. плюс 15%) и при условии, если стачка будет закончена постановлением рудничного комитета. Немедленно отпал целый ряд мелких шахт, которые возобновили работу по *до-июльской* заработной плате (т. е. ставка 1889 г. плюс 40% надбавки). Тогда собрались мэры главных центров Йоркширского и Мидлендского угольных округов и внесли посредническое предложение, которое фактически сводилось к снижению заработной платы на 10%. Это было опасно; если бы хозяева на это согласились, то рабочие оказались бы в безвыходном положении, будучи вынуждены либо согласиться, либо воспротивиться против себя гнилое общественное мнение, с восторгом встречающее всякий компромисс. К счастью, хозяева — во главе с самыми крупными — в своем ослеплении немедленно ответили отказом, и тогда распад их ринга стал явным в течение 24 часов. Со вчерашнего дня, по *до-июльским* ставкам — следовательно, при полном отказе от требований предпринимателей — вновь приняты на работу 30—40 тысяч горняков, и теперь крах соглашения шахтовладельцев является бесспорным. Это первый пример, когда стачка, вызванная предпринимателями и инсценированная в ими же выбранный момент, полностью провалилась — и в этом заключается ее значение. Они теперь не так-то скоро попробуют снова, но и рабочие так пострадали и перенесли такую нужду, что их пристрастие ко «всеобщей стачке», пожалуй, немного приутихнет.

(Только что пришло письмо от тебя и Юлии.)

Второе известие касалось нового проекта избирательного закона в Австрии. Это блестящая победа наших, и я немедленно поздравил по этому поводу Виктора. «Daily News» полагает, что число избирателей в Вене возрастет с 80 000 до 350 000, а «Chronicle» оценивает в 3 000 000 их общее число по всей Австрии, — эти оценки, разумеется, из венских источников. Во всяком случае, это предварительный подсчет, который можно уже принять, — венские буржуа уже теперь считаются с фактом избрания 20 социал-демократических депутатов.

Весьма вероятно, что Тааффе рассчитывает на улучшение, то бишь искажение своего проекта при прохождении его через парламент, но это рискованный расчет, и наши уж постараются наставить ему палок в колеса. Великолепная ирония истории, если случится так, что нашим людям придется защищать премьер-министра против его парламента и против его собственного тайного я! Главное — сдвинуть камень с места; в Австрии же наше движение достаточно сильно для того, чтобы не дать ему остановиться. А Тааффе неудобно будет воспрещать демонстрации *за* свое предложение.

Мое впечатление от Австрии вообще таково, что мы в ближайшее время еще переживем там много радостного. При общей вялости всех партий, при общей нерешительности, национальной розни, при правительстве, которое никогда не знает, чего оно хочет, и едва сводит концы с концами, при законах, которые в большинстве своем существуют только на бумаге, при общей расхлябанности управления, о котором я получил настоящее представление, лишь увидев это собственными глазами, — при таких условиях партия, которая знает, чего она хочет, и знает, как этого добиться, которая действительно этого хочет и обладает для этого необходимыми качествами, — такая партия должна быть в конечном счете непобедимой, в особенности если, как в данном случае, все ее требования направлены к тому же, к чему идет экономическое развитие самой страны и являются лишь политическим выражением этого развития. Наша партия в Австрии единственная живая сила в политической области, остальные способны лишь на пассивное сопротивление или на все более ослабевающие наскоки, и это создаст нам в Австрии исключительно благоприятное положение. К тому же неустойчивые группировки буржуазных партий порой лишают правительство возможности оставаться консервативным, а когда оно перестает быть консервативным, то его деятельность просто перестает поддаваться учету, так как те партийные группировки, с которыми оно должно считаться, тоже не поддаются учету. Далее, австрийское правительство является правительством державы, хотя и пришедшей в упадок, но все же великой державы, и, по сравнению с правительством Пруссии, мелкого государства-высочки, оно все еще способно на крупного масштаба решения в такие моменты, когда консерватизм и простая приверженность к существующему порядку становятся для него невозможными. Так я объясняю себе «прыжок в неизвестность» г-на Тааффе.

К тому же еще подъем пролетарского движения во всех странах подготавливает кризис, и поэтому успехи, завоеванные в *одной* стране,

в свою очередь оказывают мощное воздействие на все остальные страны. Движение за избирательное право одержало первую победу в Бельгии, теперь последовала Австрия; нам это обеспечивает, прежде всего, *сохранение* всеобщего избирательного права, но побуждает также, как у нас, так и во Франции и Италии, к предъявлению дальнейших требований. Февральская революция была подготовлена внутренней борьбой в Швейцарии и конституционными переворотами в Италии, пока, наконец, война Зондербунда и бомбардировка Мессины неаполитанцами (февраль 1848 г.) не дали непосредственного сигнала для взрыва парижской революции. Лет пять-шесть, возможно, еще отделяют нас от кризиса, но мне кажется, что подготовительную роль на этот раз сыграет Бельгия и в особенности Австрия, развязка же на этот раз разыграется в Германии.

Наши товарищи в Австрии уже как-нибудь позаботятся о том, чтобы дело не замерло. Австрийский рейхсрат в неизмеримо большей мере, чем немецкий рейхстаг и даже чем саксонский и баварский ландтаги, является настоящим лягушечьим болотом. Участие дюжины социалистических депутатов даст там совершенно другой эффект, чем у нас, и к тому же нам особенно повезло, что мы в лице Виктора имеем человека, который так ясно разбирается в запутанных австрийских отношениях и умеет с такой проникательностью их анализировать. Его речь, опубликованная в последнем номере «*Arbeiter-Zeitung*», действительно превосходна ¹.

Эде и Гина были здесь сегодня утром. Он все еще не такой, каким должен быть. У него мания копать в мелочах и он все больше и больше напоминает своего премудрого дядю из «*Volkszeitung*», мне часто кажется, что передо мной старый Арон во плоти ². С Швейцарией он сам себе испортил все дело; ему заявили в Берне, что одного они, пожалуй, впустили бы, но не двух сразу, — тут ведь ясно, как ему следовало поступить: отправить сначала больного Юлиуса, а затем, через 6 месяцев, ссылаясь на это, возобновить просьбу. В этом случае ему едва ли отказали бы или, во всяком случае, отказали бы не надолго. Но его нетерпеливый нрав не мог с этим примириться. Интереснее всего то, что он теперь часто твердит, будто *сам* он охотнее остался бы здесь, но вот Гина рвется в Швейцарию. Его постоянная мечта — возвращение в Берлин, он воображает, что мог бы это осуществить, и обсуждает это со всеми юристами. Придется подождать!

¹ Речь В. Адлера на большом народном митинге в Вене 2 октября 1893 г.

² А. Бернштейн.

Если Шлютер разумный человек, он окажет себе и своей жене одолжение, дав согласие на оформление развода. Процесс против *отсутствующей* жены, якобы злостно покинувшей мужа, не представляет ничего приятного ни для той, ни для другой стороны, а полной свободой он, вероятно, и сам желает. Впрочем, он и без того пользовался свободой, где только мог. Вообще же всегда приятно бывает слышать, что знакомая женщина добивается самостоятельности. Решение окончательно разойтись со своим Германом, вероятно, стоило ей большой внутренней борьбы, вследствие чего ее характер раньше мог казаться нерешительным. Однако, какая растрата энергии буржуазный брак: сначала пока его добьешься, затем все время, пока эта канитель продолжается и, наконец, пока с ней снова развяжешься.

Мы только что вернулись с прогулки по парку. Великолепная осенняя погода, восхитительный заход солнца, безоблачное небо и красивая окраска листьев. Внизу накрывают на стол. Будет уэльсская баранья ножка, приготовленная на манер дичи, и знаменитая лапша. Поэтому спешу закончить. Луиза и я благодарим Юлию за ее милые письма и в ближайшее время на них ответим. Сердечный привет от нас вам обоим, а также Зингеру и его сестре, Либкнехтам и всем тем дорогим друзьям, имена которых я перечислять не могу, так как остынет жаркое.

Твой Ф. Энгельс.

152.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 17 октября 1893 г.

Милостивый государь,

Когда я получил Ваше письмо от 26 июля с извещением о Вашем возвращении домой, я сам как раз собирался на два месяца за границу и только сейчас вернулся из этой поездки. Вот причина моего долгого молчания.

Очень Вам благодарен за присланные экземпляры «Очерков»¹; три из них я отправил друзьям, способным их оценить. Книга произвела, как я с удовольствием заметил, значительное впечатление и даже вызвала сенсацию, и вполне заслуженно. Среди русских, с которыми я встречался, она была главной темой разговора. Не далее как

¹ Речь идет о книге Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», опубликованной под псевдонимом Николай — он, Петербург 1893.

вчера один из них писал мне: у нас на Руси идет спор о «судьбах капитализма в России». В берлинском «Sozialpolitisches Zentralblatt», третий год издания № 1, 1 октября 1893 г., некий П. Струве опубликовал о Вашей книге большую статью; я должен согласиться с ним в одном пункте, — что и для меня современная капиталистическая фаза развития в России представляется неизбежным следствием исторических условий, которые были созданы Крымской войной, способа, каким было осуществлено изменение аграрных отношений в 1861 г., и, наконец, общего политического застоя во всей Европе. Но где Струве решительно неправ, это там, где он, желая опровергнуть то, что он называет Вашим пессимистическим взглядом на будущее, сравнивает современное положение России с положением Соединенных Штатов. Он говорит, что пагубные последствия современного капитализма в России будут преодолены так же легко, как и в Соединенных Штатах. При этом он совершенно забывает, что само происхождение Соединенных Штатов современное, буржуазное; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество. Между тем в России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, над которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо это настоящая социальная революция). В Америке денежное хозяйство вполне установилось более ста лет тому назад, тогда как в России натуральное хозяйство было общим правилом, почти без всякого исключения. Поэтому ясно, что в России перемена должна носить гораздо более насильственный и резкий характер и сопровождаться несравненно большими страданиями, чем в Америке.

Но при всем этом, мне все же кажется, что Вы смотрите на дело более мрачно, чем это может быть оправдано фактами. Несомненно, что переход от первобытного, аграрного коммунизма к капиталистическому индустриализму не может произойти без ужасного перелома внутри общества, без исчезновения целых классов и превращения их в другие классы; а какие огромные страдания, какую растрату человеческих жизней и производительных сил это неизбежно влечет за собой, мы видели уже, хотя и в меньшем масштабе, в Западной Европе. Но от этого до полной гибели великого и высокоодаренного народа еще очень далеко. Быстрый прирост населения, обычный у вас, может приостановиться. Безрассудное истребление лесов,

в сочетании с экспроприацией старых помещиков наряду с крестьянами, может причинить колоссальную растрату производительных сил; и все же более чем стомиллионное население образует, в конце концов, достаточный внутренний рынок для весьма значительной *крупной промышленности*; и у вас, как и повсюду, все выровняется, конечно, если капитализм в Западной Европе продержится достаточно долго.

Вы сами признаете, что «социальные условия в России после Крымской войны не были благоприятны для развития той формы производства, которую мы унаследовали из нашей прошлой истории». Я пойду еще дальше и скажу, что в России, так же как и во всяком другом месте, невозможно было бы развить из первобытного аграрного коммунизма более высокую социальную форму, если только эта более высокая форма не была бы *уже воплощена* в жизнь в какой-либо другой стране и могла быть использована в качестве образца. Так как эта более высокая форма — всюду, где она исторически возможна, — является необходимым следствием капиталистической формы производства и создаваемого им социального дуалистического антагонизма, то она не может развиться непосредственно из первобытной земельной общины иначе, как в виде подражания примеру, уже где-либо существующему. Будь Западная Европа зрелой в 1860—1870 гг. для такого переворота, будь этот переворот начат тогда Англией, Францией и т. д., — тогда русские действительно были бы призваны показать, что могло быть сделано из их общины, в то время еще более или менее нетронутой. Но Запад пребывал в застое и даже не пытался произвести такого переворота, а капитализм, напротив того, развивался все быстрее и быстрее. Итак, России не было иного выбора, кроме следующего: либо развить общину в такую форму производства, от которой ее отделял еще ряд промежуточных исторических ступеней и для осуществления которой условия не созрели еще тогда даже на Западе — задача, очевидно, невозможная, — либо развиваться в направлении капитализма. Спрашивается: что оставалось делать, если не второе?

Что касается общины, то она возможна, лишь пока имущественные различия между ее членами ничтожны. Как только эти различия усиливаются, как только некоторые ее члены становятся должниками-рабами других, более богатых членов, — так ее дальнейшее существование невозможно. Афинские кулаки и мироеды до Солона разрушили афинский *род* с той же неумолимостью и беспощадностью, с какими кулаки и мироеды вашей страны разрушают общину.

Я боюсь, что это учреждение осуждено на гибель. Но, с другой стороны, капитализм открывает новые перспективы и новые надежды. Посмотрите на то, что он сделал и делает на Западе. Великая нация, подобная вашей, переживает любой кризис. Нет такого великого исторического бедствия, которое бы не возмещалось каким-либо историческим прогрессом. Лишь способ действия изменяется. Пусть же исполнится предопределенный жребий!

Ваш Л. К.

Как только III том будет в печати, я позабочусь о том, чтобы Вам высылать листы.

153.

Августу Бебелю

в Кельн.

Лондон, 18—21 октября 1893 г.

Дорогой Август,

Я только что получил извещение о том, что издательство «Vorwärts» *намеревается* переиздать «Анти-Дюринг», причем меня просят только сделать к новому изданию несколько кратких замечаний. О том же, что *намереваюсь* делать я сам, меня даже и не спрашивают.

Но ты, вероятно, помнишь, что во время нашего путешествия мы условились отдать «Анти-Дюринг» Дитцу, а мелкие популярные вещи — «Vorwärts». Об этом я и собираюсь уведомить берлинских господ, чтобы они не предавались дальнейшим иллюзиям, а тебе пишу об этом прямо в Кельн, так как знаю от Луизы, что ты поедешь оттуда в Штутгарт и сможешь, следовательно, переговорить с Дитцем. Я ставлю ему следующие условия издания, тираж которого он может установить сам, поставив меня в известность:

1) Гонорар в 15% с продажной цены, т. е. 15% с каждой марки. Мы столько получаем здесь, в Англии, за *переводы* моих вещей. Так как моя книга лишь в слабой мере подходит для массового сбыта, то он может назначить соответствующую цену.

2) Гонорар выплачивается д-ру Виктору Адлеру в Вене.

3) Дитц обязуется не снижать цены на весь тираж или на часть его без моего письменного согласия. Я оговариваю это для того, чтобы книга не была использована, как уже бывало, для облегчения сбыта кой-какому залежавшемуся товару.

Вот и все.

Ты знаешь, что Либкнехт просил меня (в воскресенье, в Груневальде) пригласить Лафарга на постоянную работу в качестве корреспондента; я обещал ему это сделать, как только он сообщит мне о том, что Правление утвердило Лафаргу гонорар. Недавно в «Vorwärts» появился отчет парижского корреспондента о конгрессе марксистов в Париже. Я справился у Лафарга (так как ничего не слыхал от Либкнехта), его ли это корреспонденция, он ответил — *нет*. Тогда я спросил у Либкнехта, как обстоит дело, и вот что он мне пишет: «Перед своим отъездом в Саксонию, откуда я только что возвратился, я написал Августу, чтобы он уладил это дело с Лафаргом. Во всем, что связано с особыми расходами, я завишу от Правления». Повидимому, на тебя снова собираются взвалить ответственность за упущения других. Правда, Правление в последнее время завалено работой, но я все-таки думаю, что вопрос о приглашении газетного корреспондента может быть улажен в несколько минут. Мне что-то сдается, что Либкнехт, при его все возрастающем исключительном пристрастии к Вайяну, не испытывает особенного желания заключить соглашение с Лафаргом, иначе он уладил бы это дело *до* Парижского конгресса, о котором получил бы тогда достоверный отчет (французы не допустили на конгресс ни репортеров, ни публики).

У нас полно народа. Вчера приехали Леман и г-жа Адамс Вальтер, сегодня приезжает Шмуилов, который собирается здесь жениться. Я спросил г-жу Адамс Вальтер по поводу ее соглашения с Фульджером; она не могла ответить ничего определенного, но обещала справиться у своего друга, который занимался этим делом, и сообщить мне результат. Судя по тому, что она могла сообщить, весьма вероятно, что право литературной собственности на ее перевод в порядке молчаливого соглашения перешло к Фульджеру, и тогда против Ривса абсолютно ничего нельзя предпринять, разве только поместить в газетах заметку о том, что этот текст давно уже устарел.

Я хотел послать тебе 20 марок, которые занял у тебя в день отъезда, но все никак не соберусь в город, чтобы достать немецкие ассигнации. Ты получишь их в следующий раз. Если я тебе еще что-нибудь должен, что вполне возможно, то напомни мне об этом в следующем письме.

Письма Лассалю переданы Тусси для перепечатки на пишущей машинке. Счет она представит вам по обычной расценке, а

я его оплачу. Но какой гонорар вы заплатите наследникам? Сколько получится листов, я по рукописи не могу еще определить.

21 октября. Это письмо вчера опять не удалось отправить, так как Шмуилов не знает английского языка и за отсутствием кого-либо другого мне пришлось сопровождать его в контору записей гражданского состояния и помочь уладить предварительные формальности. Акт наложения брачных цепей сможет свершиться не раньше чем через четыре недели.

Дела в Австрии идут превосходно. Всеобщая беспомощность партий, колебания императора, почти несомненный роспуск парламента и перевыборы дают повод для великолепной агитации со стороны наших и для того, чтобы как следует взбаламутить старое болото. Различные аристократические и буржуазные партии мечутся и копошатся, как муравьи в развороченном муравейнике. Старый порядок, и без того достаточно шаткий, погиб теперь навсегда, и нам остается только позаботиться о том, чтобы история снова не пришла в состояние покоя. А это не трудно.

Соответствующее воздействие на Германию, конечно, неизбежно. Это совсем как в 1848 г., когда Вена, выступив 13 марта, заставила этим Берлин 18-го последовать ее примеру. Брюссель — Вена — Берлин — таков теперь естественный «алфавитный порядок». Очередь дойдет и до прусской и других местных систем избирательного права, конституции города Гамбурга и т. д. Период застоя и реакции в законодательстве, последовавший за 1870 г., пришел к концу, правительства снова поступают под контроль живого политического движения народа, движения, на которое *мы* оказываем действие, то отрицательное, то положительное, сами оставаясь в тени. Мы теперь являемся тем, чем либералы были до 1848 г., и австро-бельгийские избирательные победы доказывают, что мы представляем собой достаточно сильный бродильный фермент, чтобы довести до конца начавшееся брожение. Но быстро и энергично этот процесс пойдет лишь после того, как мы и в Германии добьемся прямых или косвенных успехов — завоеваний в области гражданских свобод, усиления политического влияния рабочих, большего простора для их движения. И это тоже придет.

Если ты собираешься опубликовать выдержки из писем Микеля, то смотри, не расстреляй весь порох сразу. Помни, что раз вещь уже *появилась*, то эффект миновал и повториться снова не может, — разве только, если бы у нас были еще боеприпасы в резерве.

Всеобщая стачка представляла в Австрии большую опасность, и сейчас еще не исключена возможность, что она будет пущена в ход и притом *в пользу* министерства Тааффе и его избирательной реформы, что было бы, конечно, верхом иронии истории. При локауте английских горняков обнаружилось, в какие заблуждения вовлекает это путаное понятие. Основная идея такова: всеобщим угольным голодом принудить буржуазию к уступкам. Это имеет известный смысл, если рабочие ведут наступление, т. е. при благоприятной деловой конъюнктуре. Напротив, когда дела плохи, когда у промышленников слишком большие запасы и в рудниках больше угля, чем они в состоянии продать, когда капиталисты сами берут на себя инициативу путем локаута сократить производство и при этом заодно снизить и заработную плату, — тогда всеобщая стачка — вода на мельницу капиталистов, тогда добыча угля сокращается в *их* интересах. Правильная политика для англичан заключалась в том, чтобы побудить континентальных горняков *воздержаться* от забастовки, чтобы в Англию по возможности прибывал уголь с материка. Но фраза о всеобщей стачке совершенно сбила их всех с толку; бельгийская и французская стачки последовали за английским локаутом, и в той мере, в какой они отразились на Англии, это могло оказаться полезным только капиталистам.

Крупные шахтовладельцы еще сопротивляются; те, кто помельче, идут на все большие уступки. Около 80 000 человек возобновили работу, около 200 000 еще бастуют. Крупные хозяева угрожают крайними мерами: выбросить рабочих из домов, принадлежащих рудникам. Если бы нашлись штрейкбрехеры, согласные въехать в эти дома, владельцы рудников непременно бы это проделали и получили бы для этого в помощь войска. Но штрейкбрехеров не оказалось, а ради акта чистого произвола, единственной целью которого было бы оставить рабочих без крова *перед пустующими* домами, — правительство едва ли согласится повторить такой непопулярный шаг, как недавняя стрельба в Фезерстоне. Если же это все-таки произойдет, то прольется много крови. Такой крайней меры по отношению к себе рабочие не потерпят.

Сейчас придут Эвелинги, которые предупредили, что будут к обеду. У нас дома вечно народ. Итак, будь здоров, кланяйся всем, а если будешь в Штутгарте, — также Дитцу и К. Каутскому с супругой.

Твой Ф. Э.

154.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 3 ноября 1893 г.

Дорогой Барон,

1) О Хауэлле. Книга «Конфликты и т.д.» — только объемистая компиляция в 536 стр. и, на мой взгляд, вряд ли будет иметь успех в Германии, к тому же предистория, как и все остальное, списана у Брентано. Более кратким изложением является вышедшая в 1891 г. книга Хауэлла «Старый и новый тред-юнионизм», 235 стр., которая содержит данные еще за один год. Эта работа в сокращенном переводе под нашим контролем и снабженная примечаниями могла бы, пожалуй, иметь успех.

Только Дитц не должен снова позволить обмануть себя, как было в случае с Зонненшейном по поводу Степняка, когда он поплатился 25 фунтами; это были просто выброшенные на ветер деньги, которые вдобавок дали английским издателям ложное представление о коммерческих способностях их немецких коллег. Не следует выставять себя на посмешище перед подобными людьми; англичанам импонирует только умение отстаивать свои права.

Итак: по международному праву, для сохранения права на перевод требуется, чтобы в течение года с момента выхода оригинала было опубликовано хотя бы начало соответствующего перевода, тогда права автора на перевод в соответствующей стране, на соответствующем языке охраняются в течение трех лет. В противном случае — нет. В соответствии с этим ни у Хауэлла, ни у его издателя не может быть никаких юридических претензий. Речь может идти лишь о соблюдении приличий. Если Дитц пожелает поручить устные переговоры с Хауэллом Эвелингу (который хорошо осведомлен в этих делах) и уполномочит Эвелинга в крайнем случае предложить Хауэллу, скажем, 2 фунта 10 шиллингов, т. е. 50 марок, то Хауэлл, вероятно, даст разрешение на перевод *совершенно безвозмездно*. Я не вижу, с какой стати мы должны без нужды бросать деньги в пасть этим высокомерным англичанам, чтобы они потом кичились перед нами, людьми с континента, тем, что их книги имеют коммерческую ценность и у нас, тогда как мы, бедняжки, должны быть благодарными за ту великую честь, которую они оказывают нам, переводя наши книги без спроса. Да к тому же еще этот негодяй Хауэлл!

2) Я понимаю, что тебя тянет в Вену. Австрия теперь важнейшая страна в Европе, по крайней мере в настоящий момент. В ее

руках инициатива, которая через год-два найдет отклик в Германии и в других странах. Бравый Тааффе дал первый толчок камню, который не так скоро остановится. Таким образом вполне естественно, что каждому австрийцу хочется принять участие в движении, а дела будут достаточно. Мне радостно было смотреть на венцев, это великодушный народ, но сангвиники, сангвиники такие, что не уступят в этом отношении французам, и их, следовательно, нужно не подгонять, а скорее сдерживать, чтобы плоды многолетних трудов не пропали в один день. Вчера вечером Эде прочитал мне то, что ты написал ему относительно статьи о стачке как средстве политической борьбы. *Ему* я решительно отсоветовал писать такую статью. На мой взгляд, историей с трехклассной избирательной системой он уже достаточно упрочил за собой репутацию человека, который потерял контакт с массами и, оставаясь в стороне, в тиши своего кабинета по-доктринерски рассуждает о вопросах непосредственной практики. Но я и вообще того мнения, что подобная статья именно сейчас принесла бы большой вред. Как бы осторожно эта статья ни была написана, как бы она ни избегала пристрастного тона, венская «*Volktribüne*» все равно извлечет из нее *подходящие для себя* места, отпечатает их жирным шрифтом и использует их против людей, которым и без того так трудно удерживать венцев от безрассудных поступков. Ты сам говоришь, что баррикады устарели (хотя смогут снова оказаться нужными, когда армия станет на $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{5}$ социалистической, и дело дойдет до того, чтобы дать ей повод для выступления), но политическая стачка, если она не победит немедленно в результате простой угрозы (как в Бельгии, где армия была *очень неустойчива*), неизбежно окончится колоссальным конфузом, либо, наконец, прямо *приведет к баррикадам*. И это в Вене, где вас без лишних разговоров могут тут же на месте перестрелять руками чехов, хорватов, русинов и т. д. Когда дело в Вене так или иначе разрешится с помощью всеобщей политической стачки или без нее, тогда вопрос о стачке будет все еще достаточно актуален для «*Neue Zeit*». Но сейчас публичное обсуждение общетеоретических доводов за и против этого средства борьбы может только быть на руку тем, кто в Вене разжигает страсти. Я знаю, как трудно Виктору бороться против магического воздействия, которое оказывает на венские массы фраза о всеобщей стачке, и как он был бы доволен, если бы ему удалось отложить решение этого вопроса в долгий ящик; поэтому нам следовало бы, я полагаю, безусловно избегать всяких действий или высказываний, которые могут быть использованы крайними течениями.

Венские рабочие должны подождать, пока с избирательным правом они получают возможность *подсчитать* свои голоса и голоса своих друзей в провинции, тогда они узнают соотношение своих сил и сил противника.

Впрочем, дело может дойти до того, что всеобщая стачка будет проводиться под эгидой и более или менее в пользу министра избирательной реформы Тааффе. Это было бы верхом иронии.

3) «Парламентаризм»¹ ты преподнес мне лично в Цюрихе, еще раз спасибо за него.

4) Что касается письма Гейне, то Тусси сказала мне, что она заручилась для тебя также согласием Лауры. За последнее время, с тех пор как я возвратился, я Тусси почти не видел или видел всего лишь по несколько минут. Эвелинги оба чрезвычайно заняты, а по воскресеньям их почти не увидишь из-за митингов. Но мне все же хотелось бы посмотреть еще раз письмо, прежде чем сказать что-либо определенное; эта история может быть истолкована совершенно превратно, и это необходимо *как следует* продумать.

5) III том, чистые листы. Когда их начнут печатать, я позабочусь о том, чтобы эти листы поступали в твоё или Эде распоряжение *цельми раздѣлами*, если вообще мне удастся получить их у Мейснера. Дело в том, что один оттиск мне уже нужен для *русского* перевода, а Мейснер стареет и уже не так сговорчив, как был; но я сделаю все, что будет в моих силах. Всего имеется шесть разделов, и я хочу каждый из них посылать вам отдельно, по мере их напечатания.

Со времени своего возвращения я не смог даже дотронуться до этой работы, но надеюсь, что на будущей неделе снова засяду, наконец, за нее.

6) Только что получил от Лафарга книжку Гильомена и В. Парето². Выдержки сделаны Лафаргом, а введение, кажется, написано каким-то шарлатаном — вульгарным экономистом.

Возвращаюсь еще раз ко всеобщей стачке. Тебе не следует забывать, что никто так не радовался удачному исходу дела, как бельгийские лидеры. Они достаточно натерпелись страху, что им придется осуществить свою угрозу всерьез; они сами отлично понимали, как мало они в состоянии были что-нибудь сделать. И это в *промышленной* по преимуществу стране, при крайне неустойчивой, слабо дисциплинированной армии, похожей на милицию. Но если там еще

¹ Работа К. Каутского «Парламентаризм и демократия».

² Речь идет об изложении «Капитала» Маркса, изданном в Париже в 1893 г.

можно было надеяться добиться чего-нибудь при помощи этого оружия, то на что же можно было рассчитывать в Австрии, где преобладает крестьянство, где промышленность спорадична и относительно слаба, большие города малочисленны и разбросаны на далеких расстояниях, где национальности натравлены друг на друга, а социалисты не составляют и 10% всего населения (взрослого мужского населения, разумеется)! Здесь мы должны во что бы то ни стало избегать всякого шага, который мог бы толкнуть и без того нетерпеливый, жаждущий подвигов рабочий класс на то, чтобы поставить на карту решительно все, — да еще вдобавок в такое время, когда правительство этого желает и может этого добиться посредством провокации.

«Vorwärts» всегда останется «Vorwärts», в этом я убедился в Берлине. Я рад поэтому, что будет выходить еженедельник ¹, и партия получит возможность показаться хотя бы перед границей не в таком позорном виде. «Vorwärts» выходит в Берлине, читается почти исключительно в Берлине (⁹/₁₀ тиража) и как местное изделие всегда встречает там снисходительную оценку. Еженедельник станет также противовесом влиянию «Vorwärts» на остальную партийную печать. Как сложатся взаимоотношения обоих изданий, это будет видно, но не думаю, чтобы дело дошло до крайностей. Подзаголовок «Центральный орган», который носит «Vorwärts», не имеет значения. Эту фразу мы охотно ему предоставляем.

Во всяком случае, в нашей партийной печати происходят всевозможные преобразования. Мне любопытно, что же будет с «Neue Zeit»; обратное превращение в ежемесячный журнал все-таки связано с риском. Едва ли еженедельник *на долгое время* составит для «Neue Zeit» опасную конкуренцию.

Итак, счастливого пути в Вену. Когда будешь там, поклонись от меня ресторану «Löwenfrau» у городского театра, это была наша штаб-квартира по части обедов.

Привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

155.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 10 ноября 1893 г.

Дорогой Виктор,

При сем посылаю тебе отрывок из письма Августа. Я не разделяю его опасений; эти возможности, как мне кажется, весьма

¹ «Der Sozialdemokrat».

отдаленные и отчасти уже теперь исключаются. Позаботься о том, чтобы письмо было уничтожено, как он того желает.

Мое письмо от 10 октября разминулось с твоим от того же числа. Ты, вероятно, заметил, что мы вполне сходимся в общей оценке положения в Австрии. Это положение кажется мне, пожалуй, еще более благоприятным, чем тогда. Избирательная реформа с предложением Тааффе в качестве минимума теперь останется в Вене в центре внимания. Император одобрил ее и не может отступить; а ведь он в гораздо большей мере, чем рейхсрат, представляет Австрию. Повидимому, коалиционное министерство уже рухнет, едва успев возникнуть, но если даже это и не так, оно падет при первом положительном действии. Даже если оно, как предполагает Август, пустит в ход бернрейтеровщину¹, то это будет лишь кратковременной оттяжкой и не предотвратит его распада при первом же возникшем боевом вопросе.

Несомненно одно: Австрия стоит теперь на первом месте в политическом движении Европы, а мы все плетемся за ней; даже страны, в которых уже есть всеобщее избирательное право, не смогут уберечься от влияния австрийских событий. У Ронахера имела место *преднамеренная* попытка вызвать мятеж². Если только вам удастся сдержать своих людей, из этого ничего не выйдет, а единственно, что могло бы объединить Виндишгреца, Пленера, Яворского, это — расстрел мятежа в Вене.

Здесь дела обстоят плохо. В случае серьезной реформы либеральное правительство провалится самым жалким образом, даже общество фабианцев отказывает ему в повиновении и отрекается от всей своей политики «пропитывания». См. статью Аутоликуса (Бергесс) на первой странице «Workman's Times» о манифесте фабианцев, опубликованном в «Fortnightly Review». Если либералы не выправятся, то на ближайших выборах будет масса рабочих кандидатов, и 30—40 из них, вероятно, будут избраны в парламент. На муниципальных выборах 1 ноября рабочие Севера начали подсчитывать свои силы и имели известный успех.

Привет от Луизы и твоего

Ф. Э.

¹ Проект избирательной реформы либерала Бернрейтера ограничивал участие рабочих в парламентских выборах специальной курией «застрахованных от болезней рабочих».

² На 3 ноября 1893 г. в зале Ронахера, в Вене, было назначено собрание противников избирательной реформы, которое вызвало демонстрацию протеста со стороны рабочих социал-демократов. Между демонстрантами и полицией произошло кровавое столкновение.

156.

Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.

Дорогой Зорге,

Лондон, 11 ноября 1893 г.

Прилагаю письмо г-же Келли (бывшей Вишневецкой); не откажи передать его ей. Как только ты узнаешь ее *правильный* теперешний адрес, то передай ей, пожалуйста, прилагаемый чек лондонского Юнион банка на *1 фунт стерлингов 12 шиллингов 11 пенсов*.

Прочти на первой странице сегодняшнего «Workman's Times» статью Аутоликуса (Бергесс) о манифесте фабианцев. После того как эти господа в течение многих лет заявляли, что освобождение рабочего класса может быть осуществлено только «великой» либеральной партией, объявляли всякое самостоятельное выступление рабочих на выборах также и против либеральных кандидатов скрытым торизмом, и «пропитывание» либеральной партии социалистическими принципами провозглашали единственной жизненной задачей социалистов, — после всего этого они теперь заявляют, что либералы предатели, что с ними не надо иметь никакого дела и что рабочие на ближайших выборах должны, не считаясь ни с либералами, ни с тори, выставить собственных кандидатов, при помощи 30 000 фунтов стерлингов, которые тем временем должны быть предоставлены тред-юнионами, если последние — чего, конечно, не будет — захотят оказать фабианцам эту любезность. Это полное покаяние в грехах этих высокомерных буржуа, милостиво снисходящих к пролетариату, чтобы освободить его сверху, если бы только он захотел понять, что такая серая необразованная масса не может сама себя освободить и ничего не может достигнуть без милости этих умных адвокатов, литераторов и сентиментальных баб. И вот теперь первый же, возвещенный под звуки труб и литавр как призванный потрясти мир опыт этих господ так блестяще провалился, что они сами вынуждены были это признать. Вот он — юмор истории.

Сердечный привет тебе и твоей жене. Надеюсь, что эту зиму вы перенесете лучше, чем прошлую. Здесь наступление зимы уже дает себя чувствовать.

Твой Ф. Э.

157.

Наталии Либкнехт
в Берлин.

Лондон, 1 декабря 1893 г.

Уважаемая г-жа Либкнехт,

Сердечно благодарю за Ваше письмо и дружеские пожелания ко дню моего 73-летия, который я провел бодро и в добром здравье.

Вечером у нас были Эвелинги и Бернштейны, и пустые бутылки свидетельствовали об отличном самочувствии и хорошем настроении всех присутствующих. Если так будет продолжаться, то, с *моей стороны*, не возникнет никаких препятствий к повторному посещению Берлина, и тогда мы сможем снова пить кофе в Зоологическом саду и злословить по адресу четвероногих и двуногих, крылатых и бескрылых, рычащих и разговаривающих зоологических видов, которые наблюдаются там в клетках и на воле.

Бедный Гижидкий! Ходить он уж и так не может, а теперь ему хотят запретить еще и говорить, и только потому, что он поддерживает запрещенные связи с социал-демократами. Да, Пруссия не только культурное государство, но и государство интеллекта!

Очень сожалею о том, что Ваш Карл нажил себе на службе его величества воспаление сухожилий, но будем надеяться, что это скоро пройдет. Во всяком случае, коли уж попал в такое положение, самое лучшее — исправно нести службу. Охотно верю, что господа офицеры будут остерегаться показать перед Вашими сыновьями свои слабые стороны, ведь эти два новобранца слишком близко стоят к дверям рейхстага, и что бы ни говорил военный министр, офицеры побоятся фигурировать лично в парламентских прениях. А если Ваши сыновья вдобавок будут «примером для всей роты», как того требовал от нас, вольноопределяющихся, мой старый капитан, тогда и они, наверное, смогут, несмотря на своего отца, все же в конце концов дослужиться до унтер-офицерского чина. И это было бы совершенно в порядке вещей. Если Бебель — сын унтер-офицера, то почему бы Либкнехту не быть отцом одного или нескольких унтер-офицеров? Вот увидите, насколько галуны украшают мундир, и в Берлине, кажется, прекрасный пол гораздо благосклоннее к Молоху, когда он в галунах. Правда, это еще не все, ибо, как говорит Гейне:

Как-никак — сильны соблазны
Цезаревых эполет¹.

Но таких чинов едва ли мы достигнем.

Ну что ж, печальный год в солдатском мундире тоже минет, и тогда Карл отправится в Гамм, очень красивую, или, вернее, некогда красивую местность, — там родилась моя мать, и я часто там бывал в детстве. Но теперь все изменилось; Гамм превратился в прокопченное промышленное гнездо, хотя жить там все-таки можно.

¹ Из стихотворения Г. Гейне «Христова невеста».

А пока будьте здоровы и передайте мой сердечный привет Либкнехту и Вашим детям. Мы не забыли, что Либкнехт обещал нам приехать после Нового года.

Г-жа Каутская тоже шлет Вам привет.

158.

**Лондонскому Коммунистическому Рабочему
Просветительному Союзу
в Лондон.**

Лондон, 1 декабря 1893 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ,

Прошу Вас передать Правлению и членам Коммунистического рабочего просветительного союза мою искреннейшую благодарность за их любезное поздравление по случаю моего 73-летия. Да процветает Союз еще долгие годы и пусть всегда высоко держит старое красное знамя, которое он первый развернул здесь, в Англии!

С искренним приветом

Ф. Энгельс.

159.

**Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.**

Лондон, 2 декабря 1893 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Зорге,

Сердечно благодарю тебя и твою жену за дружеские пожелания и письмо от 19 ноября.

Меня очень огорчает, что ты страдаешь подагрой, надеюсь, что она мало-помалу уймется, эта болезнь имеет свои капризы.

Отмена закона о покупке серебра спасла Америку от тяжелого денежного кризиса и будет способствовать ее промышленному подъему. Не знаю, однако, не лучше ли было бы, если бы этот крах действительно наступил. Фраза о «дешевых деньгах» крепко, кажется, засела в головах ваших крестьян с Запада. Во-первых, они воображают, что если в стране налицо много средств обращения, то норма процента на капитал должна понизиться; тут они смешивают средства обращения со свободным денежным капиталом: в III томе будут

даны очень подробные разъяснения по этому вопросу¹. Во-вторых, всем должникам выгодно брать займы полноценную валюту, а выплачивать долги обесцененной валютой. Вот почему запутавшиеся в долгах прусские юнкеры и кричат о биметаллизме, который принес бы им в скрытом виде освобождение от долгов наподобие законов Солона. Если бы в Соединенных Штатах была возможность подождать с реформой серебряной валюты, пока результаты этого идиотизма сказались бы также и на крестьянстве, это внесло бы ясность не в одну тупую голову.

Тарифная реформа, как бы медленно она ни проводилась, все же, повидимому, вызвала уже своего рода панику среди фабрикантов в Новой Англии. Мне известно — из частных источников и газет — о многочисленных увольнениях рабочих. Но все это уляжется, как только вопрос о законе будет окончательно решен и исчезнет вместе с этим неопределенность положения. Я убежден, что Америка во всех крупных отраслях промышленности смело может выдержать конкуренцию с Англией.

Над немецкими социалистами в Америке тяготеет какой-то рок. Люди, которые прибывают к вам из Германии, по большей части не из лучших — лучшие остаются здесь, — и во всяком случае это отнюдь не «подлинные представители» германской партии. И как везде, каждый вновь прибывший считает себя призванным немедленно преобразовать все старое и создать все *заново*, чтобы своим появлением положить начало новой эре. К тому же большинство этих новичков застревает в Нью-Йорке надолго, а то и навсегда, число их постоянно пополняется вновь прибывающими, что избавляет их от необходимости изучать язык страны и как следует знакомиться с условиями жизни в Америке. Все это безусловно приносит очень большой вред, но, с другой стороны, нельзя отрицать, что американские условия заключают в себе очень большие и своеобразные трудности для систематического развития рабочей партии.

Во-первых, конституция, основанная, как в Англии, на принципе правящей партии, в силу чего каждый голос, не поданный за одного из кандидатов двух правительственных партий, считается как бы *потерянным*. А американец, как и англичанин, хочет оказывать влияние на свое государство и свой голос на ветер не бросает.

¹ Энгельс имеет в виду 22, 26 и 28 главы III тома «Капитала»: «Деление прибыли. Ставка процента. Естественная норма процента», «Накопление денежного капитала; его влияние на ставку процента», «Средства обращения и капитал; воззрение Тука и Фуллартона». См. *Маркс и Энгельс*, Соч. т. XIX. ч. I. стр. 388—400, 450—472, 481—501.

Далее — и это особенно важно — иммиграция, разделяющая рабочих на две группы, на коренных и иностранцев, а последних в свою очередь на: 1) ирландцев, 2) немцев, 3) множество мелких групп — чехов, поляков, итальянцев, скандинавов и пр., которые понимают друг друга только в пределах каждой группы. К тому же еще и негры. Чтобы из всего этого создать единую партию, требуются особенно мощные стимулы. Иногда внезапно наступает сильный подъем, но буржуазии достаточно бывает терпеливо его переждать, и разнородные элементы рабочего класса снова распадаются.

В-третьих, наконец, система покровительственных пошлин и постоянно растущий внутренний рынок не могли не поставить рабочих в условия такого процветания, от которого у нас здесь, в Европе (исключая Россию, где, однако, выигрывают от этого не рабочие, а только буржуа), давно уже не осталось и следа.

Такой стране, как Америка, когда она действительно созреет для социалистической рабочей партии, уж, наверное, не смогут помешать в этом несколько немецких социалистических доктринеров.

Из III тома готов к печати первый раздел (246 стр. рукописи, относящиеся приблизительно к 1859 году). *Это между нами*. Надеюсь, что теперь дело пойдет быстро.

Сердечный привет тебе и твоей жене и пожелания скорейшего выздоровления от Луизы Каутской и меня.

Твой Ф. Энгельс.

Луиза Каутская скоро пошлет тебе ответ; она благодарит тебя за любезность. По поводу «Arbeiter-Zeitung» (Вена) она уже написала. «Pionierkalender» не прибыл.

160.

Герману Шлютеру

в Хобовен.

№ 1:

Лондон, 2 декабря 1893 г.

Дорогой Шлютер,

Большое спасибо за поздравления, а также и за присланный тобою I том «Обзора переписи», который пришелся мне *очень* кстати¹. Том II будет мне еще приятнее. Итак, американцы тоже уже не так щедры, как были, и даже крупная газета не получает подобных

¹ Речь идет о материалах переписи 1890 г. в США.

вещей просто по требованию! Здесь все благополучно. Я опять сижу над III томом и с удовольствием вспоминаю о своем недавнем летнем путешествии. Наконец-то вы на пути к тому, чтобы избавиться от биметаллизма и от тарифа Мак-Кинлея; это значительно ускорит развитие Америки. Хотя для просвещения на редкость отсталого американского крестьянина с его представлением о «дешевых деньгах» основательный крах серебряной валюты был бы очень полезен. Привет от г-жи Каутской.

Твой Ф. Э.

По поводу «Переписи» смотри открытку № 2.

131.

Герману Шлютеру
в Хобокен.

№ 2!!

Лондон, 2 декабря 1893 г.

Дорогой Шлютер,

По поводу I тома «Переписи». Сначала я получил письмо из вашингтонского главного почтамта: книга, мол, упакована так, что подлежит оплате, *как письмо*, необходимо либо выслать 10 долларов 36 центов, либо указать адрес отправителя (я не знал, что в посылке и от кого), либо, по желанию, могу получить ее экспрессом. Я просил дополнительных сведений, но распорядился выслать *экспрессом*, что и было сделано, и я получил книгу, заплатив 6 шиллингов. При дальнейших пересылках будь добр указывать *свой адрес* на упаковке, чтобы предотвратить подобные недоразумения или чтобы они могли сразу же быть улажены на месте. Из письма вашингтонского главного почтамта было неясно, почему отправка не состоялась — только лишь из-за упаковки, или же тоже из-за того, что неполностью были оплачены почтовые расходы. Еще раз спасибо.

Твой Ф. Э.

162.

Карлу Каутскому
в Штутгарт.

Лондон, 4 декабря 1893 г.

Дорогой Барон,

Прежде всего сердечное спасибо за ваши поздравления к моему 73-летию, которое я провел весело и в добром здравье.

Либо вы неправильно поняли мои замечания об «издателях».. либо я плохо выразился. Мне в голову не приходило упрекнуть в чем-нибудь *Дитца* или вообще кого бы то ни было; для этого я слишком мало осведомлен о том, что произошло *у вас там* в связи с делом Степняка до того, как оно дошло до моего сведения. Я упомянул о нем только в качестве предостережения и как о примере, которого не следует повторять. При той позиции, которую занимают здесь издатели, ясно было одно: Зонненшейн неизвестно за что получил в подарок от немецкого *издателя* 25 фунтов (именно так он должен это расценивать) и от этого у него должно было сложиться довольно печальное представление о коммерческих способностях немецких издателей. И этого вы в Штутгарте не сможете оспаривать. Стремясь наилучшим образом предостеречь вас от повторения чего-либо подобного, я обратил ваше внимание на то, что здесь у нас *одно лишь* согласие автора не является гарантией, ибо в девяти случаях из десяти решающее слово принадлежит в Англии *издателю*, к которому по большей части переходят авторские права, включая права перевода (на всех бланках договоров Зонненшейна, например, это *уже напечатано*), или же за которым специально сохраняется право высказать свое мнение. Итак, передай, пожалуйста, Дитцу, что в мои намерения не входило бросить хотя бы малейшую тень на его деловые способности.

Что же касается международных договоров, то Сэм Мур в свое время разыскал их в парламентских публикациях и сделал из них выписки, а в отношении срока в один и три года — *тогда* это безусловно было верно. О Бернской конвенции¹ и установленном ею десятилетнем сроке авторских прав на *переводы* мне ничего не известно, и я прошу тебя сообщить мне дату этой конвенции, тогда я смогу достать ее текст, напечатанный для парламента.

Виктор пишет, что дело со всеобщей стачкой в Австрии заглохло и предано забвению и что поэтому дискуссия едва ли может повредить. Но в то же время к нам из австрийской *провинции* поступают запросы о том, какого мы мнения о всеобщей стачке.

Я продолжаю считать, что избирательная реформа, *по крайней мере* в той заумной форме, которую выдумали Тааффе и Франц-Иосиф, в Австрии обеспечена. Даже если коалиционное министерство составит и проведет проект расширения избирательного права по

¹ Бернская конвенция по охране авторских прав 9 сентября 1886 г. положила начало Международному союзу для защиты произведений искусства и литературы.

курциям, и не потерпит при этом — или еще до этого по какому-нибудь другому поводу — неизбежный крах, вопрос этим далеко еще не будет исчерпан. В государстве, так искусственно уравновешенном, как Австрия, устойчивое равновесие, однажды нарушенное, восстанавливается лишь с большим трудом, почти исключительно путем насильственных мер, и правительство отлично знает, что эти меры тоже помогают лишь на время, и в результате государство становится слабее, чем было до их применения. Тот факт, что Франц-Иосиф одобрил именно *этот* вид избирательной реформы и даже объявил его делом своих рук, раз навсегда сделал возврат к *прежней* Австрии невозможным. Теперь можно сказать:

Humptius in muro sedebat, Dumptius alto,
Humptius de muro Dumptius, heu, cecidit.
Nec equites regis, nec agmina cuncta tyranni
Humpti te Dumpti restituere queunt.

Или:

Гемпти Демпти сидел на стене,
Гемпти Демпти свалился во сне;
Вся королевская конница и вся королевская рать
Не смогут Гемпти Демпти снова собрать.

По всей вероятности, Тааффе после некоторого перерыва снова появится на сцене, он, повидимому, взял себе за образец Дизраэли 1867 года. Эта чрезвычайно хитрая бестия вместе с хилым Францем-Иосифом в данный момент против своей воли ставят Австрию во главе политического движения Европы, как Пий IX сделал это в 1846 г. с Италией.

Оставляя пока «Neue Zeit» в прежнем виде, вы поступаете правильно. Таких вещей не следует трогать без крайней нужды; *раз уж* журнал выходит еженедельно, пусть так и остается, пока действительно не возникнет необходимость в изменениях.

О III томе не беспокойся. Так или иначе вам должна быть представлена *возможность* сразу же с выходом тома дать на него рецензии. Сердечный привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

163.

Людвигу Шорлеммеру
в Дармштадт.

Лондон, 19 декабря 1893 г.

Дорогой Шорлеммер,

Если я только сейчас собрался поблагодарить Вас за Ваши любезные поздравления к моему 73-летию, то виною этому III том

«Капитала». Эту работу надо же, наконец, доделать, и для этого мне пришлось без пощады и жалости отложить в сторону всякую переписку; сейчас у меня остался еще только один раздел, и я могу воспользоваться несколькими днями, оставшимися до праздников, чтобы наверстать упущенное.

В Дармштадте я был только проездом — со мной были г-жа Катуская, Бебель с женой и один проживающий здесь врач из Вены¹; мы не могли заранее определить, каким поездом поедем, да и остановка продолжалась не более 10 минут, иначе я бы Вам протелеграфировал. Вообще же поездка была очень приятной, если не считать торжественных речей, которые мне пришлось произносить, раз уж я в Цюрихе положил этому начало. Я объездил с Бебелем Зальцбург, Вену, Прагу и Берлин и пробыл вне дома целых восемь недель, что очень пошло мне на пользу. Взглянуть собственными глазами на успехи, сделанные Германией как в промышленности, так и в рабочем движении, — это уже одно чего-нибудь да стоило, а видеть наших венцев за работой было просто удовольствием.

От Зибольда я узнал очень немного о наследстве Карла и ровно ничего о судьбе рукописей и о том, какие договоры заключены с издателями. Речь идет о трех вещах:

1) О большом труде Роско-Шорлеммера в английском и немецком изданиях.

2) О новом издании учебника Карла по соединениям углерода, над которым работа была уже начата.

3) О его рукописях по более ранней истории химии (как сообщает Шпигель в некрологе, Зибольд сам будто бы собирает их издать).

Английское издание работы Карла «Возникновение и развитие органической химии» готовится в Лондоне одним из его учеников, профессором².

Но по этим трем пунктам Зибольд не говорит почти ничего. Прежде чем я ему напишу, я попросил бы Вас уведомить меня, сообщил ли он *Вам* об этом и *что именно*, и удобно ли Вам, чтобы я потребовал у него более подробные сведения. Дело в том, что юридически я не имею абсолютно никакого права вмешиваться в это, и не хотел бы, чтобы Зибольд хотя бы даже намекнул на это. Если же я потребую сведений, за которыми *Вы* ко мне обратились, то это уж совершенно другое дело и дает мне совершенно иную позицию.

¹ Л. Фрейберггер.

² А. Смителс.

Зибольд честнейший человек, но по характеру не слишком энергичный, а за последние годы его силы подорваны болезнью, так что его не мешает немного подталкивать.

Надеюсь, что Вы благополучно покончили с инфлуэндой, а Ваша жена — с последствиями воспаления легких и что Вы собираетесь встретить праздники в добром здоровье, бодрости и веселье. Сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

164.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 21 декабря 1893 г.

Дорогой Либкнехт,

Вчера вечером я послал тебе статью об Италии. *Прошу тебя не печатать ее впредь до дальнейших сообщений.* Боюсь, что я неправильно понял данное мне разрешение на опубликование материалов; повидимому, оно *не* относится к делу о личных средствах короля. Так как речь идет о вещах, которые могут поставить моего осведомителя¹ в крайне затруднительное положение и закрыть для меня самый источник информации, то я одновременно посылаю тебе телеграмму. Если ты не получишь от меня дальнейших указаний, то в январе можешь привезти рукопись сюда, мы тогда ее отредактируем.

Еще раз сердечный привет вам всем.

Твой Ф. Э.

165.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобовен.

Лондон, 30 декабря 1893 г.

Дорогой Зорге,

Открытки от 29 ноября и 17 декабря с благодарностью получил. Прежде всего сердечные поздравления с Новым годом тебе и твоей жене от Л. Каутской и меня.

Ты, вероятно, не без некоторого удивления обнаружил во французской палате новоявленную социалистическую фракцию, численностью в 54—60 человек (они, кажется, сами не знают точно, сколько). Непосредственно после выборов по *точному* подсчету их было 24, из них 12 были избраны на основе марксистской программы, но из

¹ Антонио Лабриола.

этих лишь шестеро явились на конгресс партии в Париж и только четверо пока *согласились* вносить, как того требует решение конгресса, часть своего депутатского содержания в партийную кассу (что тоже еще не равносильно действительной уплате, ибо во Франции взносы «не поступают», как говорили еще в 1870 году!). А теперь вдруг их оказалось чуть ли не 60 человек благодаря присоединению радикал-социалистической группы Мильерана — Жореса, которые решились включить в свою программу обобществление средств производства — для одних как ближайшую, для других как при всех обстоятельствах весьма отдаленную, цель. Лозунгом теперь во Франции является «концентрация»; если прежде говорили о республиканской концентрации (т. е. подчинении *всех* республиканцев *правому* крылу, оппортунистам), то теперь говорят о социалистической концентрации, и я буду счастлив, если окажется, что это не означает подчинение всех социалистов мильеранистам, *практическая* программа которых безусловно скорее радикальная, чем социалистическая.

Первым следствием этого союза является то, что наши утратили почти все шансы на собственную ежедневную газету. «Petite République Française» Мильерана уже заняла это место, и теперь будет трудно создать конкурирующий орган. Достать средства трудно, и остальные подняли бы крик, что это вносит раскол в партию! Тем более, что у «Petite République Française» хватит умения, чтобы открыть свои столбцы для *каждой* из социалистических фракций.

Вторым следствием является то, что в заседаниях фракции мильеранисты располагают абсолютным большинством, около 30 или даже больше, против в лучшем случае 24: марксистов (12), аллеманистов (3—5), бруссистов (2), бланкистов (4—6).

И тем не менее, господа французы, вновь опьяненные успехом, трубят победу на весь мир и собираются снова возглавить движение. Одно предложение они внесли — о преобразовании постоянной армии в милицию (Вайян), а Гэд готовится внести второе — о созыве европейского конгресса по разоружению. План заключается в том, чтобы немцы и итальянцы внесли такое же предложение в своих парламентах, причем они естественно окажутся в роли последователей «ведущих» французов. Как поступят несколько итальянцев, к тому же весьма путаных, — это не имеет значения, но пойдут ли наши немцы так легко на поводу у французов — очень сомнительно. Люди, которые завоевали свое ведущее положение 25-летней упорной борьбой и за спиной которых стоят два миллиона избирателей,

имеют право сперва поближе присмотреться к разношерстной кучке лиц, внезапно объявивших себя командирами. Тем более что сами господа французы проявляют крайнюю чувствительность, если по отношению к ним допускается хотя бы малейшее нарушение этикета.

Ну, что ж, поживем — увидим. Во Франции, где всегда можно рассчитывать на всякие неожиданности, такой внезапный, минутный успех может стать началом длительного прогресса. Но все-таки лучше выждать.

Затем имею тебе сообщить — *но строго между нами*, — что первая треть рукописи III тома вчера упакована в прочную клеенку (как в свое время знаменитое кельнское собрание поддельных протоколов ¹) и в ближайшие дни будет отправлена в печать. Остальные две трети нуждаются еще в окончательной, главным образом технической, редакции. Если все пойдет хорошо, книга выйдет в сентябре.

Далее, еще вот что. Профессор Лабриола в Риме, с которым я переписываюсь в течение нескольких лет и которого я видел в Цюрихе, читает в Римском университете курс истории возникновения теории Маркса. Он строгий последователь Маркса. Для своих целей он раздобыл всю нужную литературу, но «Святого семейства» он никак не мог достать, хотя и поместил объявление в лейпцигской газете книготорговцев и в других газетах, предлагая за книгу «любую цену». Один экземпляр ему обещали дать на пользование из Швейцарии, но владелец его внезапно исчез и, говорят, путешествует по Венгрии. Теперь он добывается от меня, чтобы я ему во что бы то ни стало достал на 3—4 недели экземпляр. Но у меня самого только один, и если он пропадет, то я буду абсолютно лишен возможности в будущем подготовить новое издание в предполагающемся «Собрании сочинений». Так что этот экземпляр я никак не могу выпустить из рук. Тебе же, однако, я несколько лет тому назад послал свой запасной экземпляр. Не будешь ли ты так добр одолжить мне его для этой цели недель на пять-шесть? Ты мог бы послать его мне по почте *заказной* бандеролью или, если ты предпочтешь, через транспортную контору, *застраховав* его на любую сумму, а я возвращу его тебе тем путем, который ты укажешь. Я послал бы его в Рим, если это окажется возможным, через какое-нибудь агентство, под большой страховкой (скажем, 10 фунтов стерлингов), если же так

¹ Сборник подложных документов, сфабрикованных прусскими полицейскими шпионами в Лондоне. На Кельнском процессе членов «Союза коммунистов» в октябре 1852 г. этот сборник фигурировал в качестве главного материала обвинения.

нельзя, то почтой, *заказной* бандеролью. Лабриоле мы установим срок пользования *не больше четырех недель*. Незачем говорить тебе, что, не зная этой книги, Лабриола не может ни осуществить намеченный курс лекций, ни, еще меньше, — предполагающееся в дальнейшем издание этих лекций. Во всей германской партии едва ли найдется шесть экземпляров, а у кого они — я не знаю. Итак, подумай, пожалуйста, об этом.

Моего «Фейербаха» Лаура Лафарг переводит на французский язык с тем, чтобы издать его в Париже.

Сердечный привет твоей жене и тебе от Луизы Каутской и твоего

Ф. Э.

Здоровье, надеюсь, поправляется!

Луиза Каутская просит тебе передать, что газета, которую ты посылаешь в Вену, приходит регулярно.

Спасибо за поздравительную открытку!

1894 год.

166.

Петру Лавровичу Лаврову

в Париж.

Лондон, 4 января 1894 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Лавров,

Спасибо за Вашу открытку. Примите мои наилучшие пожелания к Новому году.

Повидимому, вопреки гармонии, достигнутой между Карно и царем, именно французам, а не русским эмигрантам, придется претерпеть преследования и мытарства, являющиеся неизбежными следствиями анархо-полицейских бомб. Тем лучше. В конце концов, есть признаки того, что даже парижский *филистер*, повидимому, слегка устыдился своих истерических выходов в октябре прошлого года.

Не можете ли Вы сообщить мне адрес г. Рапопорта, который только что вернулся в Швейцарию?

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса.

Наконец, появилась надежда, что Вы еще в этом году получите III том «Капитала». Русский перевод будет делаться так же, как и перевод II тома, я буду посылать корректурные листы Даниельсону.

167.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 9 января 1894 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Барон,

Эде тебе, должно быть, уже сообщил, что часть рукописи III тома (около $\frac{1}{3}$ кубического фута) отправлена. Так как она благополучно

Дом в Лондоне на Риджентс-парк-род,
в котором Фридрих Энгельс жил в 1894—1895 гг.

прибыла в Гамбург, я могу дать тебе теперь об этом для «Neue Zeit» краткую заметку, которую и прилагаю¹. Пошли, пожалуйста, один номер журнала издательству Отто Мейснера в Гамбург, *отчеркни эту статью*.

Вторая треть у меня в работе и, надеюсь, скоро будет готова. Твои дружеские пожелания к рождеству и Новому году приняли с благодарностью, мысленно ответили тем же.

Текст Бернской конвенции мне теперь, вероятно, удастся до-
стать.

С нетерпением жду книгу Кунова. Этот человек работает как вол над своим предметом и весьма наблюдателен.

Дитцу, вероятно, будет интересно узнать, что Лаура Лафарг переводит моего «Фейербаха» на французский язык для «Ère Nouvelle» и последующего отдельного издания. Первую половину я уже просмотрел. Ее перевод сделан добросовестно и легко читается.

Равэ, который меньше заслуживает подобной оценки, снова написал мне. Он попробовал свои силы на твоём «Томасе Море». Но как это неудобоваримо! Дело в том, что он, оказывается, не вполне владеет немецким языком, хотя родом он эльзасец и настоящая его фамилия, вероятно, Ра́ве.

Очень рад, что Виктор сразу же подхватил лучшие места из твоей последней статьи и сделал их доступными для венцев. Они были замечательно кстати при создавшемся там положении. Судя по последнему письму Виктора, глупостей можно больше не опасаться. В самом деле, и съезд профессиональных союзов, и чешский съезд отложили вопрос о всеобщей стачке в долгий ящик, до партийного съезда. А Виктор уже позаботится, чтобы он откладывался и дальше.

На сегодня хватит, у меня еще масса писем.

Привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

168.

Джону Лемпло

в Лондон.

Лондон, 10 января 1894 г.

Дорогой Лемпло,

Ваша посылка была для меня весьма приятным сюрпризом. Большое спасибо! К стыду своему должен признаться, что я в своем

¹ *Энгельс*, О содержании третьего тома «Капитала». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 375—376.

невежестве относил «Анатомию меланхолии»¹ к числу тех серьезных психологических изысканий XVIII века, к которым я питаю отвращение. И вот обнаруживается, что это произведение тоже продукт наилучшего периода английской литературы — начала XVII века. Я с удовольствием берусь за нее и уже прочел достаточно, чтобы убедиться, что эта книга будет для меня постоянным источником наслаждения.

Это напомнило мне, что я забыл послать Вам те две мои работы, которые были изданы на английском языке², — я позволил себе отправить их Вам по почте и надеюсь, что вы их благосклонно примете.

Декинс говорил мне в воскресенье, что Вы опасались, не схватил ли Ваш маленький мальчик инфлуэнцу. Хотя эта мерзкая болезнь чрезмерно распространена здесь, я надеюсь, что опасность миновала.

Со своей стороны, шлю Вам новогодние поздравления и сердечный привет г-же Лемпло.

Остаюсь искренне Ваш

Ф. Энгельс.

169.

Апри Равэ

в Пуатье.

Черновик.

Лондон, 10 января 1894 г.

Дорогой гражданин,

Тысячу раз благодарю за Ваши добрые пожелания к Новому году, который, надеюсь, принесет счастье и Вам!

Перевод моей книги³ в настоящем его виде мне кажется вполне удовлетворительным, к тому же, поскольку я правил его в корректуре, то сам несу за него долю ответственности.

Стиль «Томаса Мора», действительно, покажется французской публике довольно тяжеловесным. Но в книге есть удачные вещи и отдельные исторические наброски, ценность которых не так уже недолговечна.

В настоящее время я не могу предложить Вам никакой книги для перевода; если найду что-нибудь, то сообщу Вам об этом.

Искренне Ваш.

¹ Р. Бертона.

² «Положение рабочего класса в Англии», Лондон 1892 и «Развитие социализма от утопии к науке», Лондон 1892.

³ «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Париж 1893. Французский перевод А. Равэ.

170.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 11 января 1894 г.

Дорогой Виктор,

Прежде всего шлю вам свою благодарность и самые искренние ответные поздравления, в особенности тебе, твоей жене и детям. Благодарю также за булавку для галстука, которую буду носить, как только достану к ней подходящий галстук, — его необходимо специально для этого приобрести.

Охотно тебе верю, что у вас много дела, и нас всех удивляет только одно — как это ты со всем этим справляешься, да еще в труднейших условиях. Твое упорство вызывает наше восхищение и зависть. Особенно же меня радует твое заверение, что с безумными выходками, которых можно было у вас опасаться, покончено. С тех пор я получил отчеты обоих съездов¹ и смог просмотреть отдельные моменты, во всяком случае частично. В отношении этого основного вопроса² все, действительно, сошло прекрасно.

Для нормального развития движения было настоящим счастьем, что этот умник Хегер объявил избирательное право буржуазным надувательством, из-за которого, мол, не следует бастовать, и что горняки, по своему обыкновению, высказались против всякой стачки, целью которой не является в то же время борьба за 8-часовой рабочий день. А чехи в Будвейсе тоже помогли нам, обусловив право участия в съезде признанием программы и тактики (в духе Цюриха) и отложив вопрос о всеобщей стачке, который, повидимому, у них больше всего смущает умы, до партийного съезда, который в свою очередь отложит его еще дальше.

Статья К. Каутского, которую ты перепечатал, будет вам очень полезна. Но она является показателем того, насколько автор утратил контакт с подлинным партийным движением. Несколько месяцев тому назад — непостижимо бестактное намерение подсунуть движению, ведущему борьбу не на жизнь, а на смерть против болтовни о всеобщей стачке, чисто академическую, отвлеченную дискуссию о всеобщей стачке с общими рассуждениями за и против. А теперь — эта статья, в которой, по крайней мере в данных отрывках, он весьма удачно попал в точку.

¹ Съезд австрийских профсоюзов в Вене и съезд чешских социал-демократов в Будвейсе, состоявшиеся в конце декабря 1893 г.

² О всеобщей стачке.

Во всяком случае в ближайший месяц, в связи с проектом избирательной реформы, агитация у вас опять оживится. Очень недурно, что первому, острому приступу горячки был дан случай проявиться; теперь люди будут смотреть на дело несколько хладнокровнее. Что бы там ни произошло, правительство и рейхсрат *должны* будут дать вам новое оружие в руки, и в будущем году не менее тридцати, а то и все шестьдесят ваших людей будут заседать в парламенте. Пролетарии в этом допотопном, разделенном на сословия собрании! Ваши тогда докажут французам, что пролетариат это не четвертое сословие, как они любят говорить по ложной аналогии, а вполне современный полный молодых сил класс, который не может ужиться со всем этим старым сословным хламом и должен взорвать его, *прежде чем* сможет приняться за разрешение своей собственной задачи — взорвать буржуазию. Я заранее радуюсь при мысли о первом появлении наших в рейхсрате.

Я, впрочем, попрежнему считаю, что коалиционное министерство должно будет распаться, как только вознамерится начать серьезные действия. Мне кажется, что в Австрии еще не наступило время для единой реакционной массы — по крайней мере для сплочения ее на *продолжительный* срок. И даже если бы входящие в состав кабинета главари объединились, те, кто пониже рангом, не смогли бы добиться этого в парламенте; а когда еще позади всего стоит какой-нибудь Франц-Иосиф, тоскующий по своему Тааффе, то мне кажется, что дни Виндишгреца сочтены. А Тааффе теперь означает *на деле* — всеобщее избирательное право.

Мне очень любопытно, как будут держать себя 60 так называемых социалистов во французском парламенте. Это — разношерстная компания; даже давнишние социалисты (*socialistes de la veille*) в известной части своей являются людьми весьма неопределенного характера и к тому же, несмотря на всю жажду слияния, преисполнены всяческих отвратительных пережитков; но при всем этом они все вместе взятые составляют лишь меньшинство по отношению к мильерано-жоресовскому большинству, состоящему из новоявленных социалистов (*socialistes du lendemain*). Недаром на все вопросы о характере их фракции французы упорно отмалчиваются. В воскресенье здесь проездом из Парижа будет Бонье; я его порасспрошу и, наверно, кое-что узнаю.

III том, наконец, в печати. Первые 20 глав (664 стр. из рукописи, насчитывающей всего около 1 870 стр.) уже сданы, сейчас я занят второй третью, требуется еще только окончательная редакция, а там очередь скоро дойдет и до третьей трети, которая, пожалуй, потребует несколько больше работы. В сентябре мы, я думаю, выйдем в свет.

Теперь, однако, я должен опять приняться за мою любимую 23-ю главу. За праздники, к сожалению, мне пришлось потерять ужасно много времени.

Сердечный привет твоей жене и детям, Поппу, Ульбингу, Пернерсторферу, Рейману, Шраммелю, Адельгейде, маленькой Рибай и всем прочим, а в особенности тебе самому.

Твой Ф. Энгельс.

171.

Гейнцу Штаркенбургу.

Лондон, 25 января 1894 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Отвечаю на Ваши вопросы:

1. Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющей основой истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит *вся техника* производства и транспорта. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена и затем распределения продуктов, а следовательно, после разложения родового строя, также и разделение на классы, следовательно, отношения господства и подчинения и, следовательно, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается далее и *географическая основа*, на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие от прошлого остатки прежних стадий экономического развития, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря *vis inertiae*¹, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму.

Если, как Вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от *состояния* и *потребностей* техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, как была открыта его техническая применимость. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы они свалились с неба.

2. Мы считаем, что экономические условия в конечном счете обуславливают историческое развитие. Раса же сама является

¹ Лат. — сила инерции.

экономическим фактором. Здесь, однако, не следует забывать о двух пунктах:

а) Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *единственной активной причиной*, а остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь. Государство, например, оказывает влияние при помощи покровительственных пошлин, свободы торговли, хорошей или дурной финансовой системы. Даже смертельная усталость и бессилие немецких мещан, происходившие из экономически жалкого положения Германии в период с 1648 по 1830 г. и выразившиеся сначала в ханжестве, затем в сентиментальности и в рабском пресмыкательстве перед князьями и дворянством, не остались без влияния на экономику. Это было одним из величайших препятствий для нового подъема, и препятствие это было поколеблено только благодаря тому, что революционные и наполеоновские войны сделали хроническую нищету острой. Следовательно, нет автоматического действия экономического положения, как это для удобства кое-кто себе представляет, а сами люди делают свою историю, но в определенной, обуславливающей их среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в последнем счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию.

б) Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали ее, не руководясь общей волей по единому общему плану, даже в рамках определенного, ограниченного, данного общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому *необходимость*, дополнением и формой проявления которой является *случайность*. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь случайность, — опять-таки в конечном счете экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Но если мы этого человека устраним, то появляется спрос на его замену, и такой заместитель находится, — более или менее удачный, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необ-

ходим Французской республике, истощенной войной, — это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что к этому стремились многие, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано.

Точно так же обстоит дело со всеми другими случайностями и кажущимися случайностями в истории. Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет.

В Германии величайшим препятствием к правильному пониманию является непростительное пренебрежение в литературе к экономической истории. Не только очень трудно отвыкнуть от представлений об историческом развитии, привитых в школе, но еще труднее собрать материал, необходимый для этого. Кто читал, например, хотя бы старого Г. фон Гюлиха, который в своем сухом собрании материалов поместил столько ценного для объяснения бесчисленного множества политических фактов!

Вообще же я думаю, что тот прекрасный образец, который Маркс дал в «18 брюмера», должен Вам дать довольно полный ответ на Ваши вопросы как раз потому, что это — практический пример. Большинство вопросов, как мне кажется, затронуты в «Анти-Дюринге», ч. I, гл. 9—11, ч. II, гл. 2—4, а также в ч. III, гл. 1 или во введении, а кроме того, и в последней главе «Фейербаха».

Прошу Вас не относиться придирчиво к каждому слову из вышеизложенного, а иметь в виду все время общую связь; у меня, к сожалению, не было времени изложить Вам все так ясно и четко, как следовало бы, если бы это предназначалось для печати.

Г-ну... ¹ прошу передать привет и поблагодарить от моего имени за присылку... ¹, которая меня очень позабавила.

Уважающий Вас

Ф. Энгельс.

¹ В тексте пропуск.

172.

Джузеппе Канепа

в Диано Марина.

Черновик.

Лондон, январь 1894 г.

Дорогой гражданин,

Простите меня, пожалуйста, что я пишу Вам по-французски. За двадцать лет я утратил тот небольшой навык, которым обладал в пользовании итальянским языком.

Я пытался подыскать Вам одну строчку для такого эпитафия, как Вы просили, в произведениях Маркса, единственного социалиста нашего времени, достойного быть поставленным рядом с великим флорентийцем¹. Но я не нашел ничего подходящего, кроме разве следующей фразы из «Коммунистического Манифеста» (итальянское издание «Critica Sociale», стр. 35): «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями² приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Сформулировать в нескольких словах идею грядущей новой эры, не впадая ни в утопизм, ни в пустое фразерство, — задача почти невыполнимая.

Поэтому очень прошу извинить меня, если то, что я Вам предлагаю, не полностью отвечает поставленным условиям. Но поскольку Вы должны быть готовы к 21-му (дата, полная добрых предзнаменований, — день казни гражданина Людовика Капета), времени терять нельзя.

С искренним приветом.

Ваш

173.

Рихарду Фишеру

в Берлин.

Лондон, 1 февраля 1894 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Фишер,

Я вчера обсудил дело с Эвелингом. После Эрфуртского партийного съезда Эвелинг, снабженный доставленными тобой документами, еще раз отправился в «Daily Chronicle» и сообщил обстоятель-

¹ Д. Канепа просил эпитафия для нового журнала «L'Era Nuova», который выражал бы коротко основную идею грядущей эры — социализма, в противопоставление старой эре, определенной словами А. Данте: «одни люди властвуют, а другие страдают».

ства дела (он до этого уже был там один раз и изобличил Рейса как шпиона, и тогда ему сказали, что его удалят). Но вдруг выяснилось, что владелец газеты *желает* оставить Рейса, и что тут ничего не поделаешь. Но если Рейс все-таки заявляет, что 9 ноября 1894 г., т. е. непосредственно после этого инцидента, *он сам* подал в отставку, то это доказывает, что в результате сообщений Эвелинга отношение к нему стало таким, что он *вынужден* был подать в отставку — фактически его заставили уйти.

Но обо всех этих вещах вы не можете говорить публично, потому что рискуете, что редакция «Chronicle» публично вас дезавуирует, так как согласно здешнему этикету внутренние дела газеты строго оберегаются от гласности, и поэтому эти люди совершенно безнаказанно могут лгать, сколько им угодно. Я бы на твоём месте больше не поднимал этого вопроса, так как он уже не имеет абсолютно никакого значения. В крайнем случае, ты мог бы только сообщить следующее: Эрфуртский съезд состоялся в октябре 1894 г., сейчас же вслед за этим были посланы в Лондон сведения относительно Рейса, а уже 9 ноября Рейс, по его собственным словам, оказался вынужденным подать в отставку. Пусть читатель сам делает из этого выводы. Если же ты пойдешь хоть на один шаг дальше, то «Chronicle», поскольку *она* причастна к этому, объявит все ложью, и ни она, и ни одна из лондонских газет не напечатает ни строчки из вашего опровержения. Таков этикет здешней прессы.

О вторичном разоблачении Рейса в «Vorwärts» нам здесь ничего неизвестно. Об этом вы должны справиться сами.

Мой гонорар прошу уплатить партийному казначею. Пусть занесет его в месячный отчет как взнос от Ф. Э. из Л.

174.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Истберн, 13 февраля 1894 г.

Дорогой Барон,

Я снова здесь, в Истберне, из-за моего старого недомогания, но мне уже лучше. Пробуду здесь еще по крайней мере до 23-го сего месяца; если будешь писать, — мой адрес: 28, Marine Parade, Истберн. Статью из «Critica Sociale»¹ Виктор у тебя перехватил, он ее переводит; у меня сейчас абсолютно нет времени, надо закончить

¹ Статья Энгельса «Будущая итальянская революция и социалистическая партия». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 377—382.

оставшуюся часть корректуры III тома, притом корректурные листы сыпятся так же густо, как побои в Камеруне ¹.

Попроси Дитца, чтобы 8 марок он переслал, вместе с ближайшим *более крупным* переводом, в Вену.

Выражение «коммунизм» я не считал бы в данный момент подходящим для *всеобщего* употребления, а лучше оставлял бы его в резерве для тех случаев, когда необходимо более *точное* обозначение, и даже тогда оно нуждалось бы теперь в комментарии, после того как оно вот уже 30 лет практически вышло из употребления.

Пока я все еще считаю Бернса лучше, а Жореса менее значительным, чем их принято считать.

Сердечный привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

175.

Георгу Гижницкому

в Берлин.

Черновик.

Истберн, 17 февраля 1894 г.

28, Marine Parade.

Глубокоуважаемый г. профессор,

В ответ на Ваши любезные строки от 14-го сего месяца вынужден сообщить Вам, что я на долгий срок так завален работой, что не могу давать статьи даже для периодической печати той партии, к которой сам принадлежу. Тем менее позволительно мне сотрудничать в журналах, которые — как бы ни были искренни и благородны их тенденции — все же далеки от моего непосредственного направления ². По этой, а также и по другим причинам я вынужден, к сожалению, отказаться от Вашего любезного предложения и остаюсь с совершенным почтением

Преданный Вам

Ф. Э.

¹ Энгельс, повидимому, имеет в виду жестокое подавление экипажем германского крейсера восстания туземных солдат в Камеруне (Африка) 21 декабря 1893 г.

² Далее в черновике письма Энгельса вычеркнута неоконченная фраза: «Если бы я захотел дать Вам статью на предложенную Вами тему (которую я, признаюсь откровенно, не вполне понимаю) или на какую-либо иную тему, то мне, по всей вероятности, пришлось бы вступить в спор по поводу моей материалистической исходной точки зрения».

Г. Гижницкий просил Энгельса написать для издаваемого им журнала статью на тему: «Нравственное назначение женщины».

176.

Эдуарду Бернштейну

в Лондон.

Истберн, 22 февраля 1894 г.

Дорогой Эде,

Благодарю за письмо и за подарок — книгу о Дж. Бруно. Но я как раз сижу над главой 41 (земельная рента) и надеюсь к своему возвращению, ровно через неделю, в будущий четверг, приготовить еще несколько глав. Таким образом, мне придется отложить эту книгу до своего возвращения, когда я безусловно с удовольствием ее прочту. Фельетон из «Frankfurter Zeitung» о Бебеде и Фольмаре мне прислали. К сожалению, погода здесь чересчур холодная, чтобы можно было подолгу *сидеть* на открытом воздухе, а ходить я еще не очень-то могу. Итак, до будущей недели!

Наилучший привет тебе, Гине и Кэте от твоего

Ф. Э.

177.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Истберн, 23 февраля 1894 г.

Дорогой Зорге,

Из-за временного недомогания я снова на несколько недель попал сюда, но через шесть дней возвращаюсь в Лондон.

Извещение о свадьбе Луизы ты, вероятно, уже получил. Ее муж, д-р Фрейбергер, — молодой венский врач, отказавшийся от университетской карьеры в Вене из-за того, что ему не позволили разъяснить рабочим *социальные* причины их болезней, теперь устроился здесь. Он уже успел показать англичанам, что на континенте лучше изучают медицину, чем здесь. Пока мы остаемся все вместе на Риджентс-парк-род.

«Святое семейство» благополучно прибыло в Рим и будет послано мне обратно в середине марта; тогда я тотчас же перешлю его тебе.

Наша удивительная социалистическая фракция во французской палате все еще остается в известной мере загадкой. Ни численность, ни направление до сих пор еще не ясны. Гэд вносит массу законопроектов, из которых ни один, конечно, не проходит. Первые сенсационные успехи Жореса едва ли повторятся, так как своей возней с бомбами господ анархисты быстро достигли того, что создали министерству и сторонникам порядка сплоченное большинство.

Здесь среди официальных политиков царит полное разложение как у либералов, так и у консерваторов. Либералы могут удержаться только ценой новых политических и социальных уступок рабочим, но на это у них нехватает мужества. Поэтому они пытаются добиться того же результата, выступая с избирательным лозунгом против палаты лордов, вместо того, чтобы требовать депутатского вознаграждения, оплаты правительством расходов по выборам и второй перебаллотировки. Иначе говоря, вместо того чтобы усилить позиции рабочих против буржуа и лордов, они хотят только усилить позиции буржуа против лордов, а на эту удочку рабочие уже не попадутся. Во всяком случае, летом здесь предстоят всеобщие выборы, и если либералы не наберутся *как следует* мужества и не сделают *действительных* уступок рабочим, то они будут биты и их ждет распад. Сейчас их объединяет один только Гладстон, который не сегодня-завтра может протянуть ноги. Тогда образуется буржуазно-демократическая партия с дружественными рабочим тенденциями, а остаток либералов перейдет к Чемберлену. И все это благодаря только давлению все еще внутренне расколотого и наполовину еще не сознательного рабочего класса. А когда он постепенно станет более сознательным, тогда все пойдет совершенно иначе.

В Италии со дня на день можно ждать сильных потрясений. Буржуа сохранили в неприкосновенности все отвратительные черты отживающего феодализма и присовокупили к ним еще собственную низость и жестокость. Страна исчерпала свои последние ресурсы, там должна наступить перемена, но социалистическая партия до сих пор еще *очень* слаба и *далеко не* определилась, хоть в ней и есть вполне дельные марксисты.

И в Австрии мы можем кое-чего ожидать. Там происходят забавные вещи: социалисты опираются на императора, который, приняв план предложенной Тааффе избирательной реформы, высказался за нечто, приближающееся ко всеобщему избирательному праву, и действительно думает, что это — необходимое дополнение ко всеобщей воинской повинности. Коалиционное министерство ничего не проведет в жизнь, а если и проведет какой-либо избирательный закон, то он будет принят лишь как первый платеж в счет долга, а движение, встречая скрытое одобрение императора, будет спокойно идти вперед, пока не будут осуществлены хотя бы реформы Тааффе. Об остальном позаботятся наши.

Словом, дело везде весело идет вперед, и конец века все больше обещает быть интересным.

«Workman's Times», повидимому, при смерти. Независимая рабочая партия тоже не далека от этого. Удивительно, как медленно идет здесь движение, и с какими зигзагами.

Сердечный привет тебе и твоей жене от обоих Фрейбергеров и твоего

Ф. Энгельса.

178.

Полю Лафаргу ¹

в Париж.

Лондон, 6 марта 1894 г.

...Да! Но ведь у нас во Франции республика, скажут нам экстремисты; у вас — другое дело. А мы можем использовать правительственность для социалистических мероприятий!

Республика по отношению к пролетариату отличается от монархии только тем, что она является *готовой* политической формой для его будущего господства. Все ваше преимущество перед нами в том, что вы ее уже имеете; *нам придется потратить двадцать четыре часа, чтобы ее создать*. Но республика, как всякая другая форма правления, определяется по своему содержанию; пока она является формой буржуазной демократии, она так же враждебна нам, как любая монархия (если отвлечься от *форм* проявления этой враждебности). Таким образом, принимать ее за форму по существу социалистическую, или доверять ей, пока она во власти буржуазии, социалистические задачи — является совершенно необоснованной иллюзией. Мы сможем вырывать у нее уступки, но никогда не возложим на нее осуществление наших собственных задач, даже имея возможность контролировать ее меньшинством, настолько сильным, что оно в любой день могло бы превратиться в большинство.

179.

П. Мусою

в Бухарест.

Черновик.

Лондон, начало марта 1894 г.

Уважаемый товарищ,

Вследствие моего отъезда из Лондона я не смог ответить раньше на Ваше письмо от 24-го, своевременно полученное мною вместе с «Коммунистическим Манифестом» и «Социализмом утопическим и

¹ Отрывок, опубликованный в «Le Socialiste» № 115 от 24 ноября 1900 г.

социализмом научным»¹, за которые искренне Вас благодарю. К сожалению, я не настолько изучил румынский язык, чтобы быть в состоянии высказать суждение о достоинствах Вашего перевода; но я хотел бы предостеречь Вас против того, чтобы при работе над немецкими книгами брать за основу их французский перевод.

К сожалению, недостаток времени не позволяет мне исполнить Ваше желание и написать предисловие к новым изданиям Ваших переводов. Я занят окончанием III тома «Капитала», и так как печатание быстро подвигается вперед, я вынужден все свое время отдавать подготовке остающейся части рукописи, чтобы не произошло задержки.

С наилучшими пожеланиями

Ф. Э.

180.

Августу Момбергеру

в Висбаден.

Лондон, 9 марта 1894 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Вследствие моего отъезда из Лондона ответ на Ваше любезное письмо от 26 февраля несколько задержался.

Что касается английской социалистической литературы, то дело обстоит с ней не слишком блестяще. Главный издатель подобного рода книг — Зонненшейн — (В. Сван Зонненшейн и К^о, Paternoster Square); в его «Серии социальных наук» много низкопробного товара, но есть, между прочим, и следующие книги:

В. Моррис и Э. Б. Бакс, «Социализм, его развитие и пути»;

Э. Б. Бакс, «Религия социализма»;

его же, «Этика социализма»;

Эвелинг Э. и Э. М., «Рабочее движение в Америке»;

Лафарг, «Эволюция собственности»;

Э. Б. Бакс, «Перспективы развития с новой точки зрения»;

Гайндман, «Паники в коммерческом мире в XIX веке»;

Энгельс, «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.»;

его же, «Социализм научный и утопический» и т. д.

Правда, и эти вещи — весьма различного достоинства.

¹ Речь идет о первом румынском издании «Манифеста Коммунистической партии», Яссы, 1892, и «Развития социализма от утопии к науке», Бухарест, 1891.

Имеется также множество мелких пропагандистских брошюр *весьма* разнообразного содержания, некоторые недурны, некоторые никуда не годятся. Их трудно достать через книготорговцев. Большинство этих брошюр издано Социал-демократической федерацией и Обществом фабианцев.

Журнала подобного «Neue Zeit» здесь нет. Социалистические еженедельники имеются следующие:

«Justice» (орган Социал-демократической федерации), издатель Г. Квелч, 37а, Clerkenwell Green, E. C., Лондон.

«Workman's Times», 59, Tile street, Манчестер (Манчестерское общество рабочей печати).

Вот, примерно, и все сведения, какие я могу Вам дать. Боюсь, однако, что среди той категории англичан, с которыми Вы встречаетесь в Висбадене, едва ли найдется много подходящих кандидатов для нашей партии.

Уважающий Вас

Ф. Энгельс.

181.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 20 марта 1894 г.

Дорогой Виктор,

Несколько времени тому назад ты просил у меня разрешения перевести мою статью из «Critica Sociale» — о положении и т. д. Италии¹. Луиза тотчас же ответила тебе от моего имени открыткой, что статья целиком в твоём распоряжении, и я подтвердил это через несколько дней в письме к тебе. Вскоре затем пришел запрос от К. Каутского, не соглашусь ли я предоставить ему эту вещь для «Neue Zeit». На это я ему ответил, что ты уже перехватил ее у него.

Однако до сих пор в «Arbeiter-Zeitung» статья *не* появилась, и это ставит меня в неловкое положение перед К. Каутским. Поэтому я попросил бы тебя сообщить мне, как с ней обстоит дело. Я сам себе при этом напоминаю английскую квартирную хозяйку, у которой есть, с одной стороны, дочь, жаждущая выйти замуж, а с другой — квартирант-немец с чувствительным сердцем, и которая при первых признаках флирта спрашивает у него: каковы Ваши

¹ Статья Энгельса «Будущая итальянская революция и социалистическая партия».

намерения по отношению к моей дочери? Но конкуренция, объявленная тебе К. Каутским, должна послужить мне извинением.

Здесь все идет к новым выборам, и все, что происходит, только и связано с их подготовкой. Либералы по обыкновению трясют. Они не могут не знать, что им удастся удержаться только посредством укрепления политической мощи рабочих, и все-таки они боязливо топчутся на месте, колеблются, виляют. Ни слова о радикальном расширении избирательного права, об упразднении ценза для избираемых, который заключается в обременении кандидата *всеми* издержками по выборам и в отсутствии депутатского вознаграждения: ни слова также о предоставлении возможности выставлять *третьих* кандидатов (наряду с кандидатами двух официальных партий) посредством дополнительных выборов. При этом хотят упразднить палату лордов, но не предпринимается никаких шагов для создания такой нижней палаты, которая была бы на это способна и обладала бы необходимым мужеством. С другой стороны, тори делают одну глупость за другой; в течение двух лет они превращали парламент в настоящий фарс под тем предлогом, что надо покончить с гомрулем; они буквально издевались над терпеливо все переносившими либералами и, как доказал вчера вечером Ренди Черчилль, продолжают издеваться и сейчас, хотя с приближением выборов такое поведение становится опасным и могло бы жестоко поколебать мирного британского филистера в его доверии к консерваторам. К тому же и Солсбери попытался при обсуждении билля о приходских советах зло подшутить над своими либерал-юнионистскими союзниками Девонширом и Чемберленом, используя их для чисто торийских мероприятий, так что и этот союз уже не так прочен, как когда-то. Одним словом, положение очень запутывается, и пока трудно предугадать, что произойдет.

С тем, как ты унял горячку со всеобщей стачкой, — поздравляю, равно как и с твоими статьями об избирательной реформе коалиционного министерства и об общем положении в Австрии. В частности, статья в номере от 6-го сего месяца была блестяща. Ни минуты не сомневаюсь в том, что ваш партийный съезд пройдет прекрасно, и приветствую всех друзей, в том числе Августа, Пауля Зингера и Гериша, если они к вам приедут.

Сердечный привет от Луизы и твоего

Ф. Э.

182.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 20 марта 1894 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Сегодня отправил Вам *заказной почтой* листы 1—6 (до стр. 96 включительно) III тома, содержащие большую часть I раздела. Продолжение последует, как только дойдет до меня.

Ваши письма от 4 и 23 ноября и 24 февраля получил. Отвечу Вам при первой же возможности.

Искренне Ваш

Л. К.

183.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 21 марта 1894 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Зорге,

Сегодня с большой благодарностью отправил тебе обратно *заказной* бандеролью «*Святое семейство*», после того как оно благополучно совершило свое паломничество в Рим.

Книгу Бакса и Морриса и подготовленное Бернштейном берлинское собрание сочинений Лассалья отправлю тебе посылкой сейчас же после пасхи.

Только что была здесь тетушка Моттелер с Гертрудой Либкнехт, которая собирается, повидимому, временно обосноваться у Моттелер. Что Либкнехт (по ее словам, он желает ее возвращения) собирается с ней делать — тайна, вероятно, также и для него самого. Его старшая дочь, г-жа Гейзер, сама в очень стесненном положении, а его жена и Гертруда живут, как кошка с собакой. К тому же я не верю, чтобы *он* настаивал на ее возвращении.

Читал ли ты в «Vorwärts» роман старой мамы Каутской «Елена»? Она выводит на сцену массу живых партийных товарищей, между прочим Моттелера и его жену. Это — скверный перепев бульварных романов Грегора Самарова (шпиона Мединга). Мне очень хочется знать — неужели это так гладко сойдет? Меня несколько удивляет, что «Vorwärts» принял эту вещь. Беллетристика там проходит цензуру мамы Наталии Либкнехт ¹.

¹ В выпущенном немецким социал-демократическим издательством в 1906 г. сборнике писем к Зорге («Briefe und Auszüge aus Briefen von J.-Ph. Becker,

«Pionierkalender» получил, благодарю.

Здесь все упорно ведет к роспуску парламента. При новых выборах рабочих кандидатов будет выставлено больше, чем когда бы то ни было, но все-таки их будет далеко еще не достаточно, и я не уверен, что и на этот раз многие из них не будут выставлены на деньги тори. И либералы и тори упорно держатся за косвенный избирательный ценз, который сводится к обременению кандидата всеми издержками по выборам — от 100 фунтов стерлингов минимум и до 400—600 фунтов стерлингов и даже больше, на одни только *официальные* расходы: помещение для выборов и т. п. Если тут рабочие попадутся в лапы к Чемпиону, который предлагает им по 100 фунтов стерлингов на избирательный округ (он получил деньги от фабриканта мыла Гудсона), то пусть либералы тогда уж не посетуют. Вообще же они идут на выборы с поразительно упорным непониманием положения вещей. Они ведут себя так, точно собираются упразднить *верхнюю палату*, но отказываются так преобразовать *нижнюю палату* (посредством усиления позиций рабочих), чтобы она была в состоянии одна приняться за такое дело. С другой стороны, тори ведут себя так глупо, как никогда, а это кое-что значит. В течение двух лет они и в верхней и в нижней палате буквально издевались над либеральным правительством; либералы терпеливо это сносили, а ставший в массе своей консервативным филистер радовался, так как все это проделывалось под предлогом устранения «изменнического», «враждебного империи» билля о гомруле и правительства гомруля. Но они продолжают ту же игру и теперь в отношении важных мероприятий, касающихся самой Англии, и миролюбивому филистеру может все-таки показаться, что это уже слишком. Таким образом, положение вещей очень неопределенно, и новые выборы, во всяком случае принесут неожиданные результаты, и при всех обстоятельствах — усиление рабочих и необходимость для либералов сделать рабочим дальнейшие уступки.

В Австрии, Бельгии и Голландии избирательная реформа тоже стоит в порядке дня; скоро не останется ни одного европейского парламента без рабочих представителей. В Австрии дела идут очень

I. Dietzgen, Fr. Engels, K. Marx und andere an F. A. Sorge», Stuttgart, 1906) часть писем Энгельса напечатана с пропусками целого ряда критических замечаний, направленных против оппортунистического руководства немецкой социал-демократии и ее центрального органа «Vorwärts». В данном письме опущен целый абзац, повидимому, с целью скрыть от читателя резкую оценку «Vorwärts» и указания Энгельса на низкий уровень его редакторов. Факт произвольного сокращения писем Энгельса установлен на основании архивных материалов ИМЭЛ.

хорошо. Адлер необычайно искусно руководит движением, а партийный съезд, который состоится в воскресенье, поможет дальнейшему развитию.

Как только тарифные дела у Вас будут несколько приведены в порядок и пошлина на сырье будет упразднена, — кризис, вероятно, пойдет на убыль, и решительно проявится превосходство американской промышленности над европейской. Только тогда здесь, в Англии, дело примет серьезный оборот, но зато и пойдет быстро.

С двумя первыми третями III тома я справился скорее, чем предполагал, и так как печатание подвигалось быстро (12 листов корректуры уже прислано), мне пришлось дать эту небольшую заметку¹. Последнюю треть я еще не отредактировал окончательно, на будущей неделе снова примусь за нее.

Луиза Каутская известила тебя о своем бракосочетании с доктором медицины Л. Фрейбергером из Вены. Это — молодой врач, которому предстоит, как мне кажется, незаурядная научная карьера; он практикует в здешних больницах. Пока что он поселился у нас, так что адрес Луизы, за исключением фамилии, не изменился.

Сердечный привет тебе и твоей жене от Луизы и от меня.

Твой Ф. Энгельс.

Надеюсь, что со здоровьем лучше.

184.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 22 марта 1894 г.

Дорогой Виктор,

Я писал тебе третьего дня. Вчера тебе написала Луиза «заказным» на Коперникусгассе.

Твои сообщения о положении вещей у вас очень нас порадовали. В меньшей степени — виды на твой летний отдых в «закрытом помещении», о которых кое-что нам было уже известно из «Arbeiter-Zeitung» ♂ (в отличие от «Arbeiter-Zeitung» ♀)². О здешних делах я писал позавчера.

¹ О содержании третьего тома «Капитала».

² Употребляя условные знаки, принятые в биологии, ♂ — для женского пола, ♀ — для мужского, — Энгельс имеет в виду выходящую в Вене наряду с «Arbeiter-Zeitung» газету для работниц «Arbeiterinnen-Zeitung».

Однако исчезновение писем к тебе начинает принимать слишком уж злостный характер. После того как Луиза написала тебе вчера, мы восстановили, как могли, по памяти ее письма в Вену. Вот они:

1. В середине декабря она послала Адельгейде Дворжак статью о женских фабричных инспекторах, а также разные заметки для «Arbeiter-Zeitung» ♂, — Адельгейда пишет, что она этого письма не получила.

2. Незадолго перед рождеством Луиза написала тебе и просила сообщить ей некоторые сведения о докторе, которого ты рекомендовал Тусси.

3. В январе — тебе, между прочим, с просьбой извиниться за меня перед твоей женой ввиду моего нездоровья.

4. К концу января, когда Лафарг был здесь и Бернс встретился с ним у нас, вам было послано сообщение о его посещении и об английских делах вообще — письмо было от Луизы к тебе.

5. В феврале она написала тебе, что ты можешь использовать мою статью в «Critica Sociale».

6 и 7. Два письма от нее к тебе из Истберна, между 9 февраля и 1 марта.

8. Она написала Шахерлю на адрес «Arbeiter-Zeitung», что не сможет прислать статью немедленно. Письмо не дошло.

9. 4 марта она писала тебе с просьбой послать «Arbeiterinnen-Zeitung» д-ру Бонье, 49, Regent Street, Оксфорд, и сообщала кое-что о Жоресе и о социалистической фракции французской палаты.

Письма к тебе отправлялись частью по адресу редакции «Arbeiter-Zeitung», частью — на твою частную квартиру; те и другие, повидимому, одинаково аккуратно исчезали. Зато другие письма Луизы в Вену, в том числе и ее переписка с рабочими газовых заводов, очень аккуратно доходили, равно как и ответы на них.

Твое письмо к Луизе на восьми страницах также не дошло.

Ввиду этого мы попробуем теперь посылать письма заказным. Может быть, следовало бы иметь в Вене какой-нибудь условный адрес.

Прилагаю согласно твоей просьбе несколько строк для партийного съезда¹. Прошу передать искренний привет всем друзьям, в том числе и берлинцам. Луиза и Фрейбергер шлют сердечный привет, также как и

Твой Ф. Э.

¹ Статья Энгельса «Австрийскому партийному съезду». См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 403.

185.

Пабло Иглесиасу

в Мадрид.

Черновик.

Лондон, 26 марта 1894 г.

Дорогой друг Иглесиас,

Получил своевременно твое письмо от 24 ноября и начинаю свой ответ с заявления, что это письмо будет последним, если ты будешь упорствовать и обращаться ко мне на «Вь». Я, право же, имею некоторое основание чувствовать себя оскорбленным тем, что ты мне отказываешь в обращении, обычном среди старых членов Интернационала и товарищей по борьбе, в обращении, которого меня удостоивали в 1872 г. Ансельмо Лоренцо и многие товарищи, как старые, так и молодые ¹. Итак, переходим на *ты!*

Продолжаю по-французски; я не писал по-испански уже больше двадцати лет, и мне потребовался бы целый день, чтобы написать письмо по-испански. Сделай милость, извини!

Так вот. Весьма сожалею, что мне не посчастливилось повидать тебя в Цюрихе. В субботу утром, когда я явился в помещение конгресса до начала заседания, многие из друзей пришли в ресторан поговорить со мною; почти всех я просил разыскать испанскую делегацию и сказать тебе, что я тебя жду, но никто не пришел. По окончании конгресса меня заверили, что я тебя, несомненно, увижу днем на пароходе. Но я искал тебя напрасно, я теперь знаю вследствие чего. В воскресенье никто не мог мне сказать, где ты остановился, мне повторяли, что ты уехал, и я отчаялся с тобой встретиться. Я очень сожалел об этом, так как в числе мотивов, приведших меня в Цюрих, надежда повидать моего старого друга Иглесиаса и пожать ему руку была не из последних.

Спасибо за регулярную присылку газеты «El Socialista», которую я с удовольствием читаю каждую субботу вечером; из нее я к своему удовлетворению вижу, что сеть вашей организации распространяется постепенно по всей Испании, что в стране басков социализм утверждается на развалинах карлизма и что отдаленные провинции — Галисия и Астурия — начинают вступать в движение. В добрый час!

Что касается анархистов, то они, кажется, недалеко от того, чтобы самим себя прикончить. Этот буйный приступ горячки, этот фейерверк покушений, которые лишены смысла и, если разобраться,

¹ Далее Энгельсом вычеркнуты слова: «французские, немецкие, австрийские, швейцарские и др.».

оплачены и спровоцированы полицией, не могут не раскрыть, даже в глазах буржуазии, действительный характер этой пропаганды сумасбродов и агентов-provokаторов. Даже буржуазия с течением времени сочтет нелепым оплачивать полицию — а через полицию анархистов — для того, чтобы они взрывали на воздух тех же самых буржуа, которые их оплачивают. И если в настоящее время мы рискуем также пострадать от буржуазной реакции, то в конечном счете останемся в выигрыше, так как на этот раз нам удастся доказать всему миру, что между нами и анархистами — целая пропасть.

Здесь движение развивается довольно медленно. В рабочих массах бесспорно есть сильная тяга к социализму. Но исторические условия в Англии таковы, что эта тяга со стороны масс порождает в среде вождей множество различных, взаимно перекрещивающихся и даже враждующих между собой течений. Здесь, как во Франции, единство будет достигнуто лишь тогда, когда в парламенте появится достаточное число социалистических депутатов. Сейчас их только двое — это чересчур много или чересчур мало.

В Италии создается критическая и революционная ситуация. Посылаю тебе «*Critica Sociale*» со статьей, написанной мною по просьбе миланских друзей¹.

В Германии мы движемся, как обычно. Это хорошо организованная и хорошо дисциплинированная армия, растущая с каждым днем и идущая вперед к своей цели уверенным и неудержимым шагом. В Германии мы можем почти точно вычислить день, когда² государственная власть окажется в наших руках.

А пока обращаю твое внимание на Австрию. Там готовится великий бой. Правящие классы, как феодальное дворянство, так и буржуазия, исчерпали все свои ресурсы. Избирательная реформа стала неизбежной. Пытаются устроить дело так, чтобы рабочий класс не мог проводить слишком большого числа представителей в палату. Но рабочие преисполнены решимости, они заставят буржуа отступать шаг за шагом, пока всеобщее избирательное право не будет предоставлено. После Цюриха я посетил Вену. Судя по тому, что я видел, перед австрийскими социалистами, мне кажется, — большое будущее.

Дописав до этого места, я получил твое письмо от 22 марта. К сожалению, не могу послать тебе несколько строк к 1 мая, так

¹ «Будущая итальянская революция и социалистическая партия».

² Здесь Энгельсом зачеркнуты слова: «мы будем единственной партией, способной...».

как, завершая окончательную редакцию III тома «Капитала» Маркса, я вынужден отказываться от *какого бы то ни было* сотрудничества как в связи с 18 марта, так и в связи с 1 мая. И того, в чем я отказал французам, немцам, австрийцам и другим, я не мог бы сделать для вас.

Обнимаю тебя от всего сердца.

186.

Хантеру Уотсу

в Лондон.

Черновик.

Лондон, 3 апреля 1894 г.

Дорогой товарищ,

Весьма признателен Вам и товарищам из Социал-демократической федерации, чувства которых Вы выражаете, за лестное приглашение прочитать лекцию в вашем зале. Но, к сожалению, я вынужден отказаться. Мое участие в нашем общем деле протекает в другой области, где, думается мне, я могу быть более полезным и где я полностью нахожу применение всему тому времени, которым располагаю. Если бы я хоть раз прочитал лекцию (занятие, к которому, кстати сказать, я мало способен), то у меня уже не было бы достаточных оснований отказываться от других приглашений, и тогда мне пришлось бы совсем забросить мою теперешнюю работу. Вот почему я неизменно отклонял все такого рода предложения Фабианского общества, Независимой рабочей партии и других организаций, за одним исключением, сделанным мною в этом году для старого Коммунистического союза, что было оправдано моим пятидесятилетним пребыванием в его рядах.

Но поскольку дело касается Социал-демократической федерации, то тут нужно принять во внимание еще одно обстоятельство. Вы никак не можете не знать, что на протяжении многих лет, до сравнительно недавнего времени, официальный орган Социал-демократической федерации «Justice» взял себе за обычай обвинять меня во всякого рода проступках. Этих обвинений — большею частью туманных инсинуаций, касающихся каких-то таинственных преступлений, — этот орган ни разу не формулировал точно, ни разу не пытался доказать их, но и не брал их назад ¹.

¹ На этом набросок письма кончается. Далее следует ряд незаконченных и частично зачеркнутых фраз.

187.

Г. В. Ли

в Лондон.

Черновик.

Лондон, 16 апреля 1894 г.

Дорогой товарищ,

И Вам, и тем, кто подал Вам мысль пригласить меня прочитать у вас лекцию, вероятно, известно, что я до сих пор взял себе за правило нигде лекций не читать. Но независимо от этого, по отношению к Вам, т. е. — если только я правильно понял Ваше письмо — по отношению к Социал-демократической федерации, я нахожусь в особом положении.

Вы не можете не знать, что в течение долгих лет и до сравнительно недавнего времени орган Социал-демократической федерации «Justice» постоянно нападал на меня и возводил против меня всевозможные обвинения. Хотя не делалось никаких попыток доказать эти обвинения, но тем не менее их никогда и не опровергали, а с другой стороны, Социал-демократическая федерация никогда не отрекалась от того, что писала «Justice». Поэтому я был вынужден держаться совершенно в стороне от Социал-демократической федерации и не вижу оснований менять свое отношение, если только это препятствие не будет полностью устранено.

Искренне Ваш

188.

Карлу Эберле

в Бармен.

Лондон, 24 апреля 1894 г.

Уважаемый товарищ,

Ваше письмо от 21-го прошлого месяца, а также любезно присланный мне альбом города Бармена я получил несколько дней тому назад и прошу Вас передать социал-демократическому союзу в Бармене и в особенности лицу, изготовившему альбом, мою сердечную благодарность за этот для меня одинаково приятный и почетный дружеский подарок. Мне, действительно, доставила неожиданную радость возможность получить наглядное представление о тех огромных переменах, которые произошли в Бармене за двадцать лет моего отсутствия. Я совершенно ничего не могу узнать. За исключением вида у вокзала и одного старинного фасада Вертеровского бастиона, я не могу ориентироваться ни в одном месте на снимках. Даже вид с Новой дороги, находящийся, очевидно, на расстоянии нескольких

минут ходьбы от Бруха, представляет для меня совершенно незнакомую картину. Не изменился только наш старый дом.

Как ни приятны эти свидетельства переворота, благодаря которым Бармен из маленького филистерского гнезда, каким он был в пору моей юности, превратился в большой промышленный город, однако, больше всего радует меня то, что и в людях там произошли значительные перемены к лучшему. Не будь это так, Бармен и поныне был бы представлен в рейхстаге каким-нибудь дубиной-консерватором, истинным ханжой из «высшего общества», а о социал-демократическом союзе в Бармене не могло бы быть и речи, и барменским рабочим никогда не пришло бы в голову преподнести мне альбом. Но, к счастью, революции во внешнем облике города соответствует и революция в головах рабочих, а последняя является залогом еще более мощной и всеобъемлющей революции во всем мировом порядке.

С искренним приветом

Ваш Ф. Энгельс.

189.

Редакции французской социалистической газеты¹.

Лондон, 24 апреля 1894 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой гражданин,

Я получил Ваше письмо от 20-го сего месяца, но, к моему величайшему сожалению, я лишен какой-либо возможности дать статью для первомайского номера Вашей газеты.

Прежде всего, я в данный момент не вполне хорошо себя чувствую. Но будь я даже вполне здоров, неотложная работа, которой я занят (подготовка к печати III тома «Капитала» Маркса) и которую не могу прервать, воспрещает мне всякое сотрудничество в других литературных начинаниях. В свое время я предупредил об этом многих наших друзей, с которыми вел переписку, прося их извинить меня. И Вы поймете, что я не могу сделать для Вас то, в чем безоговорочно отказывал нашим друзьям в Испании, Австрии и в других странах.

Желаю Вашей газете всяческих успехов и посылаю членам редакции братский привет.

Ваш Ф. Э.

¹ Повидимому, редакция газеты «Le Réveil Ouvrier», органа местной организации Рабочей партии в г. Кале.

199.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 12 мая 1894 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Зорге,

Вчера мы послали тебе через Дж. У. Уитли и К° (адрес в г. Нью-Йорк, США, Экспресс К°, Broadway, 49) пакет с книгой Морриса и Бакса и берлинским изданием Лассалья в 50 выпусках; надеюсь, что ты его скоро получишь. Доставка *оплачена*. Одновременно отослал в Гамбург конец рукописи III тома, и теперь у меня точно тяжелая ноша свалилась с плеч. Два последних отдела заставили меня «здорово попотеть». Всего будет 60 листов, из них 20 уже набрано.

Меня очень успокоило известие о благополучном возвращении «Святого семейства» в твое лоно после его удивительного странствия. Зато чрезвычайно опечалило меня известие о твоих глазах. Надеюсь, что ты обратился к хорошему специалисту, тут многое можно сделать, если своевременно за это взяться. Мне тоже последние 15 лет то и дело приходилось возиться с глазами, но я следовал советам врача и теперь добился того, что глаза меня больше не беспокоят, если я только не слишком много пишу при искусственном освещении.

На-днях я простудился, и это убедило меня в том, что я стал, наконец, стариком. Болезнь, которую раньше я счел бы пустяком, на этот раз вывела меня из строя на восемь дней, а затем еще целых две недели продержала меня под полицейским надзором врача. Да и теперь еще мне нужно недели две быть поосторожнее. Это был легкий бронхит, к которому старикам никогда не следует относиться небрежно, в особенности, если они, подобно мне, вообще любители покутить. Предосторожности мне достаточно претят, но, в конце концов, Фрейбергер все-таки прав, когда их мне предписывает, а уж что касается выполнения предписаний, то об этом заботится Луиза, которая следит за мной с удвоенной, с утроенной бдительностью Аргуса. Я, кажется, писал тебе уже, что мы, насколько это было возможно, не изменили нашего домашнего уклада, а просто предоставили молодому супругу стол и квартиру. Это все очень мило и приятно, но, к сожалению, только до тех пор, пока не захворает. За всю мою жизнь мне не приходилось подвергаться такой медицинской муштровке, как за последние четыре недели. Я должен был утешаться лишь тем, что все это проделывалось для моей же пользы.

Дицген с женой провели у меня в воскресенье после обеда несколько часов, но, к сожалению, не застали Тусси. Я ему дал рекомендацию к Бебелю и Каутскому. Очень милые люди.

Надеюсь, что за это время твой сын снова нашел работу. Такой способный и опытный в делах молодой человек, который к тому же в результате практической деятельности, наверное, уже отделался от многих иллюзий, всегда сможет встать на ноги в Америке.

Здесь все по-старому. Нет возможности добиться хоть какого-нибудь единства между лидерами рабочих. Но, несмотря на это, *массы* движутся вперед, правда, медленно и только теперь с трудом пробиваясь к самосознанию, но все же неоспоримо движутся вперед. Здесь произойдет то же, что теперь во Франции и еще раньше было в Германии: единство будет достигнуто, как только в парламенте окажется некоторое количество независимых (а главное, выбранных без помощи либералов) рабочих. Либералы делают все возможное, чтобы помешать этому. Они: 1) даже не распространяют избирательных прав на тех людей, которые уже сейчас *на бумаге* ими обладают; напротив, они 2) вводят еще более дорогой *для кандидатов* порядок составления избирательных списков, чем был до сих пор, так как теперь списки должны составляться два раза в год, и расходы за их *исправление* падают на кандидатов или представителей политических *партий*, а не на государство; они 3) решительно отказываются переложить расходы по выборам на государство или общину; далее, отказываются 4) от уплаты депутатского вознаграждения и 5) от перебаллотировок. Сохранение всех этих старых злоупотреблений означает для рабочих кандидатов прямой запрет быть избранными в $\frac{3}{4}$ и даже больше избирательных округов. Пусть парламент остается *клубом богачей*. И все это в такое время, когда богачи, будучи довольны *status quo*, все становятся консерваторами, а либеральная партия *вырождается* и делается все более зависимой от рабочих голосов. Но либералы стоят на том, что рабочие должны выбирать *только* буржуа, а не рабочих, и уж во всяком случае не независимых рабочих.

Здесь-то либералов и ожидает гибель. Отсутствие у них мужества отталкивает от них рабочие голоса в стране, сводит на нет их незначительное большинство в парламенте, и если они в последнюю минуту не предпримут *очень смелых* шагов, то, вероятно, их участь решена. Тогда выступят тори и *проведут в жизнь то*, что собственно предстояло выполнить — а не только обещать — либералам. И тогда существование самостоятельной рабочей партии обеспечено.

Здесьняя Социал-демократическая федерация разделяет с вашими немецко-американскими социалистами право быть отмеченной, как единственная партия, ухитрившаяся превратить теорию развития Маркса в безжизненную ортодоксию, которую рабочему предлагается не постепенно освоить, руководствуясь своим классовым чутьем, а проглотить одним глотком и без рассуждений в качестве некоего символа веры. Поэтому обе партии остаются только лишь сектами и придут, как говорит Гегель, от ничего через ничто к ничему. У меня не было еще времени прочесть полемику Шлютера с вашими немцами, завтра, однако, примусь за нее. Судя по прежним его статьям в «*Volkszeitung*», тон взят правильный.

Сердечный привет твоей жене и поскорее сообщи о себе что-нибудь более утешительное.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

Сердечный привет от Луизы.

191.

Георгию Валентиновичу Плеханову

в Морне
(Савойя).

Лондон, 21 мая 1894 г.

Дорогой Плеханов,

Прежде всего, прошу Вас перестать величать меня «учителем». Меня зовут просто Энгельс.

Затем, благодарю Вас за Ваши сообщения. Я написал г. Кричевскому заказным письмом, что введение к «*Наемному труду и капиталу*»¹, а также статья о России в «*Internationales aus dem Volksstaat*»² являются, согласно Бернской конвенции, моей литературной собственностью и что на каждый перевод требуется мое разрешение; что я в интересах дела вынужден настаивать на своих правах, чтобы не допускать переводов, которые делались бы людьми неумелыми или в других отношениях некомпетентными (не облеченными доверием); что, следовательно, его первым долгом было предварительно попросить у меня разрешения на перевод, чего он не сделал; что в соответствии с этим я *официально заявляю протест против его образа действий и намерен сохранить за собой все свои права; что*

¹ Введение Энгельса к брошюре Маркса «*Наемный труд и капитал*», 1891 г. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 129—136.

² Речь идет о статье Энгельса «*Социальные отношения в России*», впервые опубликованной в 1875 г. и переизданной в 1894 г. с послесловием Энгельса. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 251—264 и т. XVI, ч. II, стр. 388—401.

в отношении статей о России мой протест является тем более решительным, что я уже связал себя, разрешив г-же Вере Засулич русский перевод как этих, так и других моих работ.

Если же он и далее будет упорствовать в своем намерении издать эту работу, посмотрим, как быть; во всяком случае, если издание выйдет в свет, не откажите известить меня и прислать мне один экземпляр.

Поскольку он также объявляет о выходе перевода «Эрфуртской программы» Каутского, я счел нужным предупредить последнего о тех приемах, которые были пущены в ход по отношению ко мне. Я не сообщаю ему ни слова из того, что Вы мне написали, а просто говорю, что дело нечисто и что ему следует за подробностями обратиться к Вам.

Я надеялся вчера вечером повидать Мендельсона, но узнал, что у него заболела жена. Если удастся, то зайду к нему на этой неделе.

Заранее благодарю Вас за экземпляр Вашего Чернышевского¹, жду его с нетерпением.

Здесь дело подвигается, хотя медленно и зигзагами. Возьмите, например, Моудслея, главу ланкаширских рабочих-текстильщиков. Он *тори*, в политике консерватор, в области религии — весьма набожный человек. Три года назад эти люди неистовствовали против 8-часового рабочего дня, теперь они настоятельно его требуют. В недавно выпущенном манифесте Моудслей, который год назад был ярким противником всякой независимой политики рабочего класса, заявляет, что рабочие-текстильщики должны заняться вопросом о непосредственном представительстве в парламенте, а одна манчестерская рабочая газета подсчитывает, что ланкаширские рабочие-текстильщики в одном только этом графстве могут распоряжаться двенадцатью местами в парламенте. Как видите, в парламент войдет тред-юнион; не класс требует себе представительства, а отрасль промышленности. Но все же это шаг вперед. Сначала разобьем рабочее подчинение рабочих двум сильным буржуазным партиям, — пусть у нас в парламенте будут текстильщики, как уже есть горняки. Стоит только, чтобы десяток отраслей промышленности были представлены, как классовое сознание прорвется само собой.

В довершение комизма, в этом же самом манифесте Моудслей требует биметаллизма, чтобы удержать господство английских хлопчатобумажных тканей на индийском рынке!

¹ Книга Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский. Историко-литературный очерк» была издана в 1894 г. на немецком языке в Штутгарте И. Дитцем.

Можно, действительно, прийти в отчаяние от таких людей, как эти английские рабочие с их чувством воображаемого национального превосходства, с их в высшей степени буржуазными идеями и взглядами, с их «практической» ограниченностью, с их вожаками, насквозь пропитанными заразой парламентской коррупции. И все же дело подвигается. Тільки «практические» англичане придут последними, но, когда они придут, они положат на чашу весов очень солидный груз.

Дружеский привет Аксельроду и его семейству.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

192.

Станиславу Мендельсону

в Лондон.

Лондон, 22 мая 1894 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Мендельсон,

Я получил длинное письмо от Георгия Плеханова, в котором содержится многое, касающееся Вас лично и польского движения. Я рассчитывал прочитать его Вам в прошлое воскресенье, но теперь узнаю, что г-жа Мендельсон больна и что это помешало Вам прийти. Если Вам удобно, я зайду к Вам послезавтра, в четверг, между 2 и 2.30 дня, с г-жей Фрейбергер, которая хочет навестить г-жу Мендельсон.

Ваш

Ф. Энгельс.

Передайте от нас привет г-же Мендельсон, надеемся, что ей лучше.

193.

Георгию Валентиновичу Плеханову

в Морнэ

(Савойя).

Лондон, 22 мая 1894 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Плеханов,

Вчера, вскоре после того как я отправил Вам письмо, ко мне явились Бернштейн и Каутский. Это, конечно, заставило меня изменить свои планы. Я счел нужным, и притом не дожидаясь Вашего

особого разрешения, прочитать им Ваше письмо и дать им возможность самим судить об образе действий Кричевского. Впечатление, которое оно произвело на них, в полной мере, мне думается, должно отвечать Вашим желаниям. Даже при самом искреннем намерении сохранить нейтралитет по отношению к внутренним делам и распрям русской эмиграции, трудно оправдать поведение Кричевского в вопросе о переводе «Социальных отношений в России» после того, как он был предупрежден, что перевод предпринят Верой Засулич. Впрочем, эти господа заручились согласием Карла Каутского на перевод его «Эрфуртской программы»; но он-то полагал, что работа будет печататься в России, и никак не представлял себе, что она будет издана в Швейцарии.

Игнатъев, как мне сообщает Каутский, это псевдоним Гельфанда (или что-то в этом роде), который сейчас в Штутгарте; Вы, вероятно, его знаете. Но, не имея разрешения Каутского на использование этого сообщения, прошу Вас считать его строго конфиденциальным. По словам Каутского и Бернштейна, этот Гельфанд будто бы честный малый, попавший скорее по неосторожности, чем со злым умыслом, в ловушку, расставленную ему Иогихесом. •

Искренне Ваш

Ф. Э.

194.

Борису Наумовичу Кричевскому

в Веггис

(Швейцария).

Черновик.

Лондон, 31 мая 1894 г.

Д-ру Б. Кричевскому.

Разрешаю Вам пустить в продажу уже отпечатанные экземпляры Вашего русского издания «Наемного труда и капитала» с моим введением¹; могу только выразить свое удовлетворение по поводу Вашего отказа от издания моих других работ.

Впрочем, должен поблагодарить Вас за Ваше письмо от 25 числа, как за весьма ценное дополнение к характеристике известных течений в русской эмиграции. Я не буду касаться его содержания, тем более, что Вы и сами, повидимому, не рассчитывали, чтобы кому-нибудь могли импонировать эти затасканные фразы в стиле Нечаева и сами, должно быть, чувствуете, насколько смешно разыгрывать из себя социал-демократа, когда хочешь действовать как анархист.

¹ Первое русское издание работы Маркса «Наемный труд и капитал», изд. «Социально-демократической Библиотеки», Женева 1894.

Если же Вы пишете: «Мы не имели *никакого представления* о том, что... Вы уже кому-то передали право на перевод», то Вы все же могли бы обойтись без этой явной лжи. Задолго до Вашего письма от 10 мая Вы знали, что В. Засулич и Плеханов готовят русский перевод «Социальных отношений в России». Из характера этих лиц и из их долготелетних дружеских отношений со мною было ясно каждому, что это делалось не без моего согласия, и об этом Вы безусловно имели больше чем «представление».

195.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 1 июня 1894 г.

Милостивый государь,

На прошлой неделе я выслал Вам листы III тома 7—16 включительно и надеюсь, что Вы их получили. Они были отправлены *заказным* с указанием моего имени (Л. К.) как отправителя на обороте.

Я рад слышать об успехе Ваших «Очерков» и надеюсь, что новое издание их уже находится в печати. Я был бы очень рад, если бы мог найти немецкого переводчика для этой книги, но, к несчастью, большинство переводов с русского на немецкий выполняется женщинами, которые большею частью не подготовлены для работы над экономическими трудами.

С большой благодарностью получил русский перевод «Происхождения семьи и т. д.». Перевод, насколько я видел, кажется, очень хорошо сделан, да и цензура, повидимому, обошлась с книгой в целом очень снисходительно.

Листы III тома посланы Вам с некоторым опозданием, но это вина издателя, который очень долго задерживал их. Чтение корректуры такой книги, как эта, представляет очень нелегкий труд. Вы найдете в посланных Вам листах решение вопроса о том, каким образом различные нормы прибавочной стоимости выравниваются в одну и ту же среднюю норму прибыли, а также описание закона о тенденции этой нормы прибыли к постоянному понижению и того способа, с помощью которого торговый капитал участвует в распределении прибавочной стоимости. Это заканчивается на листе 21, который открывает собой пятый отдел: распадение прибыли на процент и «предпринимательский доход» (Zins und Unternehmergeinn), денежный капитал вообще, банки и кредит. Этот отдел заполняет

целую треть книги и доставил мне больше хлопот, чем все остальное. Последняя треть книги состоит из шестого отдела — земельная рента — и седьмого отдела — три рода дохода: рента, прибыль (процент), заработная плата.

Конец рукописи уже в руках наборщика; и я только теперь вижу, какая огромная масса невыполненных работ накопилась у меня за это время, поскольку ради окончания III тома приходилось откладывать решительно все, что не было безусловно необходимым. Это должно послужить мне извинением за то, что я не возвращаюсь сейчас к некоторым экономическим вопросам, которые мы с Вами раньше обсуждали. В настоящее время мне сдается, что у нас обоих рабсты по горло, а потому мы лучше отложим этот спор до другого времени.

Искренне Ваш
Л. К.

Тома с данными о промышленном и земледельческом развитии России (выставка в Чикаго) мною получены. Примите мою сердечную благодарность. Они действительно очень полезны, особенно при сопоставлении с Вашими «Очерками».

196.

Полю Лафаргу ¹

в Париж.

Лондон, 2 июня 1894 г.

Прявяющийся у вас подъем в социалистическом движении может привести к решительному конфликту, в котором первые победы одержите вы; революционные традиции страны и столицы, характер вашей армии, реорганизованной с 1870 г. на значительно более массовой основе, — все это делает возможным такой оборот событий. Но чтобы обеспечить победу, чтобы сокрушить основы капиталистического общества, вам нужна будет активная опора социалистической партии, более сильной, более многочисленной, более испытанной, более сознательной, чем та, которой вы располагаете. Тогда осуществилось бы то, что мы предвидели и предсказывали в течение долгих лет: французы, подающие сигнал, открывающие огонь, и немцы, определяющие исход сражения.

¹ Отрывок, опубликованный в «Le Socialiste» № 115 от 24 ноября 1900 г.

197.

Станиславу Заблоцкому

в Вену.

Черновик.

Лондон, 7 июня 1894 г.

Многоуважаемый г. Заблоцкий,

Как увидите из прилагаемого, статья, о которой идет речь¹, уже напечатана здесь в Лондоне по-польски, сначала в здешнем журнале «Przedświt» № 1—3, март 1894 г.; теперь же решено издать ее отдельной брошюрой вместе с двумя другими моими работами: «Бакунисты за работой» и «Социальные отношения в России». Так как эта брошюра — в удобном для нелегального провоза карманном формате — скоро выйдет в свет, едва ли стоит затрачивать труд на новый перевод.

Дальнейшие разъяснения Вы всегда можете получить в редакции «Przedświt» (у Ал. Дебского), 7, Beaumont Square, Mile End Road, Лондон.

С полным уважением.

Посылаю Вам «Przedświt» бандеролью.

198.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 19 июня 1894 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Барон,

Если хочешь получить для «Neue Zeit» две главы III тома:

1) Процент и предпринимательский доход (гл. 23),

2) Выделение капиталистического отношения в форме капитала, приносящего проценты (гл. 24), то я их охотно тебе представлю. По содержанию они очень подходят для опубликования в таком виде, а с другой стороны, в них нет ничего касающегося тех крупных вопросов, разрешение которых может быть дано лишь в общей последовательности и которые именно потому не следует затрагивать до опубликования всего труда в целом. № 2 содержит, между прочим, историю надувательства со сложными процентами д-ра Прайса и Питта. Если ты эти главы возьмешь, то я вычеркну лишние для

¹ Статья Энгельса «Польская прокламация», опубликованная впервые в 1874 г. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 217—223.

вас примечания и т. п. в первой корректуре и пошлю ее тебе, как только получу листы, приблизительно дней через 8—10.

Далее, я снова извлек из-под спуда старую статью «О конце мира» и закончу ее, наконец, для тебя (продолжаю после 2¹/₂ часов перерыва из-за Либкнехта и Юлиуса, которые только что ушли), статья, однако, будет изменена и название тоже ¹. С тех пор как я сделал первый набросок, я имел возможность заново изучить много и в этой области истории раннего христианства.

Но чтобы закончить эту статью, прекращаю это письмо, из которого ты, надеюсь, видишь, что я снова вспоминаю о «*Neue Zeit*», как только мне это позволяют мои старые годы ².

Сердечный привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Энгельс.

199.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 26—27 июня 1894 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Барон,

Одновременно посылаю заказным две главы Маркса. Вы можете их назвать: «Из III тома «Капитала» К. Маркса — I и II», а в примечании оговорить, что это — главы 23 и 24, пятого отдела: «Распадение прибыли на проценты и предпринимательский доход. Капитал, приносящий проценты». Заглавие каждой главы должно остаться без изменения. Для упрощения я вычеркнул греческий текст и все — кроме одного, важного, — примечания.

Статья «К истории раннего христианства» — я, вероятно, так назову эту вещь — сейчас в работе и достаточно продвинулась. Но вчера было Генделевское торжество в Хрустальном дворце, и мы с Луизой и Эвелингами пошли послушать «Мессию». Сегодня я должен разделаться с письмами, а завтра, вероятно, опять примусь за статью, но приехал Либкнехт, и стоит сильная жара.

Спасибо за номер «*Volkswart*». Со статьей из «*Critica Sociale*» Виктор здорово меня подвел. После того как я дал свое согласие, он ее сперва продержал под сукном, а теперь хочет дожидаться

¹ Речь идет о статье Энгельса «К истории раннего христианства». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 407—431.

² У Энгельса непереводаемая игра слов: «*die Neue Zeit*» — «Новое время» и «*die alte Zeit*» — «старое время».

момента, когда она снова «станет актуальной». В другой раз буду с ним осторожнее; он очень своеобразно обращается со своими согрудниками. Теперь мне очень интересно, как будет с ежедневной газетой¹. Надеюсь, не так, как у Гада и Лафарга, «Socialiste», ежедневная газета, которая «имеет выйти в октябре», чем мы вчера еще дразнили бедного Бонье, когда он здесь был проездом.

Итак, Карно прикончили. Несчастное, глупое, скучное животное — первый француз, сделавший карьеру только благодаря тому, что он скучен — и это *во Франции!* Теперь Александр III призадумается над союзом с Францией и скажет: Благодарю покорно, все это я могу получить и у себя дома, да дешевле! Впрочем, здесь, вероятно, не без мести за Эг-Морт². Очень интересно, как будут себя вести теперь 60 так называемых «социалистов» в палате. Дело будет использовано так, как в свое время с Геделем, в этом нет никакого сомнения, но, с другой стороны, эти 60 окажут не малое влияние на ход выборов президента в среду.

Сердечный привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

27 июня. Вчера не отослал письма, помешало появление Б. Карпелеса. За последние три дня: 1) некий Г. фон Герлах из Берлина, 2) Либкнехт, 3) Карпелес, 4) сегодня — проф. Теннис из Киля, а вдобавок третьего дня Генделевский вечер. Вот тут и работай!

200.

Борису Наумовичу Кричевскому

в Веггис

(Швейцария).

Черновик.

Лондон, конец июня 1894 г.

Д-ру Б. Кричевскому.

1) Вы пишете: «о намерениях Веры Засулич и Плеханова нам, конечно, было известно задолго до 10 мая, но только из третьих рук». Эти «третьи руки» принадлежали г. И. Блюменфельду, адрес которого — Женева, 3, Chemin de la Roseaie, указан на обложке Вашего издания «Наемного Труда и Капитала» в качестве *единствен-*

¹ Центральный орган Австрийской социал-демократической партии «Arbeiter-Zeitung», редактируемый В. Адлером, с января 1895 г. начал выходить ежедневно.

² Имеется в виду кровавое столкновение, спровоцированное полицией, между французскими и итальянскими рабочими на соледобывающих промыслах в Эг-Морт (Южная Франция) в августе 1893 г.

ного адреса. Именно по этому адресу (*поскольку никакой другой не указан*) должны были, согласно этому объявлению, направляться даже *денежные взносы* на издание «Эрфуртской программы» Каутского. Следовательно, если Вера Засулич и Плеханов сделали соответствующее заявление по этому единственному официальному адресу вашей «Библиотеки», то этого было совершенно достаточно, и называть это сообщением из третьих рук — просто ребяческий, анархистский иезуитизм.

2) Коль скоро Вы это сообщение получили, Вы в первую очередь опять-таки были обязаны обратиться ко *мне*, как к единственному лицу, имеющему право решить спор между двумя претендентами. Вы этого не сделали, так как хотели нечестным путем обойти Веру Засулич и Плеханова и рассчитывали на то, что я примирюсь с этим, как с совершившимся фактом. Но Вы целиком просчитались, предполагая, что заранее знаете, каков будет мой ответ, — просчитались потому, что Вы вообще утратили ощущение эпохи и воображаете, что на современной стадии развития как европейского, так и русского социалистического движения все еще можно пускать в ход с расчетом на успех старые бакунистско-нечаевские, бесстыдные и лживые приемы.

201.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 5 июля 1894 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Шорлеммер,

Теперь, после того как последняя часть рукописи III тома «Капитала» сдана в типографию, я опять смог немного заняться Вашими делами и отвечаю Вам с большим опозданием на Ваши строки от 25 апреля.

С продолжением большого труда, изданного Фивегом¹, а также в отношении всех остальных работ Карла, вышедших в этом издательстве, имеется одна загвоздка. Я в свое время, еще в Манчестере, ознакомился с договорами: в них определено, что в случае смерти Карла до окончания его труда, Фивег может поручить его завершение *другому автору, по своему усмотрению*. Этим объясняется, почему он ничего не дает о себе знать и избегает переговоров об издании посмертных работ Карла: он явно хочет сохранить за собой полную свободу действий. Дальнейшей выплаты гонорара от него

¹ Речь идет о пятитомном учебнике химии, составленном К. Шорлеммером и Г. Э. Роско.

также нечего ждать. Ибо: 1) он платит, согласно договору, только за *готовую к печати* рукопись, следовательно, за неоконченные работы платить не будет; 2) за переиздания, печатающиеся *без изменений*, он тоже не платит.

Словом, Фивег имеет возможность делать что ему заблагорассудится, и если V том появится, то в немецком издании во всяком случае — как работа другого автора.

Рукопись Карла по истории химии Зибольд, как он мне пишет, еще не мог подготовить к печати из-за затянувшейся болезни; и его английский перевод еще не готов. Бедняге не везет со здоровьем, его нервы опять совершенно распатаны; чтобы поправиться, ему понадобится продолжительный отдых и пребывание на воздухе. Что касается денежных дел, то Вы можете быть спокойны: они в надежных руках; положение такое, что и тут все нити в руках Роско, и надо будет, в конце концов, удовлетвориться теми данными, которые он представит об оплате работы по проверке текста и т. п. Роско, возможно, слегка облегчил себе задачу, вступив в переговоры непосредственно с Зибольдом, а не со мной, как было обещано, но большой разницы это не составит, и мне все равно пришлось бы для разрешения всех вопросов отослать его к Зибольду и Клепшу и самому, в последнем счете, довольствоваться его заверениями. Все дело в том, что при нынешних быстрых успехах химии всякий учебник, если его постоянно не пересматривать, уже через год становится устаревшим, и поэтому в учебной литературе как в глазах издателя, так и в глазах публики прав оказывается тот, кто остался в живых.

Я надеялся этим летом снова побывать в Германии, но не смогу, так как мне именно в летние месяцы нужно будет, ввиду обстоятельств, связанных с наймом дома, быть неподалеку от Лондона, чтобы в случае надобности иметь возможность наезжать, и я даже сам еще не знаю, когда вообще мне удастся выехать хоть ненадолго к морю. Эти дела я в сущности должен был уладить еще в прошлом году, но тогда я упустил подходящее время, пока был на континенте, а когда вернулся, было уже поздно.

В ближайшем будущем Вы сможете прочесть в «Neue Zeit» две главы из III тома «Капитала», может быть, там появится и кое-что мое.

В понедельник отсюда уехал Либкнехт, он здесь пробыл больше недели.

Жара здесь стоит сильная, у вас, вероятно, тоже; в Париже, говорят, совершенно нестерпимо.

Сердечный привет шлет Вам

Ваш Ф. Энгельс.

202.

Иоганну Дитцу
в Штутгарт.

Лондон, 9 июля 1894 г.

По поручению К. Каутского и согласно его запросу из Гирсау от 7 июля 1894 г. сообщаю Вам, что в главе 23 «*Капитала*», стр. 359, строка 9—10 сверху, следует читать: «...какую валовую прибыль ему приносит он как функционирующий капитал». Точно также и на стр. 368, строка 3 сверху, выражение «функционирующий капитал» правильно.

Далее на стр. 363, строка 14 сверху, в фразе: «в форме которых существует весь капитал, за исключением относительно небольшой его части, существующей в виде денег», можно, конечно, после слов «его части» поставить запятую, благодаря чему содержание станет яснее.

Очень рад, что заметили опечатку на стр. 359, где вместо «функционирующий» напечатано было «функционирующему». Передайте, пожалуйста, К. Каутскому мою большую благодарность за это.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

203.

Карлу Каутскому
в Штутгарт.

Лондон, 16 июля 1894 г.

122, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Барон,

Одновременно с сегодняшним письмом отправляю заказным в редакцию «*Neue Zeit*», Furthbachstrasse, 12, свою статью о раннем христианстве. Это письмо пойдет туда же, так как у меня нет точного адреса в Гирсау, и я не знаю, сколько ты там еще пробудешь.

Так как рукопись очень неразборчива и в ней много поправок, то мне было бы очень приятно, если бы ты прислал мне ее корректуру в гранках. При такой обширной теме возможны, конечно, кое-какие мелкие изменения или дополнения.

В главе 23 «*Капитала*» действительно была описка, и то, что ты обратил на нее мое внимание,— с твоей стороны большая заслуга.

Из-за всякого рода дел я сейчас не могу уехать отсюда, надеюсь, что в начале августа смогу поехать к морю; с поездкой на континент в этом году ничего не выйдет. Сейчас — дождь льет, буквально как из ведра.

Сердечный привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

204.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 17 июля 1894 г.

Дорогой Виктор,

Я рад, что эти несколько марок пришлись тебе так кстати; надеюсь, ты употребишь их на то, чтобы обеспечить себе абсолютно необходимый покой и отдых в деревне. Ты непременно *должен* уехать, после тюремных испытаний тебе нужнее всего восстановить свои силы. Ты сам говоришь, что чувствуешь себя утомленным, и это, право, не удивительно; итак, как только выйдешь на свободу — сейчас же в деревню! Для полного восстановления здоровья твоей жены это тоже самое лучшее.

Дополненная глава в «Анти-Дюринге» (это — только расширенный вариант уже имевшейся главы) принадлежит Марксу¹, моя работа свелась лишь к переписке и редакционной правке.

Из III тома набрано около 36 листов, всего же будет, пожалуй, больше 50. Так как Мейснер всячески заинтересован в том, чтобы выпустить его в сентябре, к этому сроку том, вероятно, будет готов.

Поздравляю вас с собственной ежедневной газетой и заранее ей радуюсь. Действительно, необходимо показать несносному «Vorwärts», «как это делается». Тогда эти люди вынуждены будут следовать примеру. Впрочем, когда ты в тюрьме, то по «Arbeiter-Zeitung» иногда тоже можно заметить, что и в вашей среде есть ни на что не годные люди, которые пробираются туда, где им вовсе не место. Но как только будет ежедневная газета, тебе уже, естественно, придется ограничить свою ораторскую деятельность и выступать лишь изредка в имеющие решающее значение моменты, и поэтому ты будешь реже сидеть за решеткой; а в самой газете все равно не обойтись без редактора для отсидки, козла отпущения, который отвечает за грехи редакции.

К тому же в данный момент у вас, в Вене, почва лучше подготовлена для ежедневной газеты, чем в Берлине. Вас окружает нарастающее политическое движение; избирательная реформа вам обеспечена, и уже борьба за достижение подобной цели, за непосредственный политический прогресс, доставит огромное преимущество вашей газете; но избирательная реформа — лишь тот тол-

¹ См. «Анти-Дюринг», отдел 2, глава X, «Из «Критической истории», а также предисловие Энгельса к третьему изданию. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XIV, стр. 13, 234—256.

чок, который сдвинет камень с места и должен повлечь за собою другие уступки в отношении печати, союзов, собраний, судебной практики и т. д. Короче говоря, вы ведете наступление и притом такое, которое с самого начала дает уверенность в победе. Напротив, во Франции, Германии, Италии наши товарищи находятся в обороне, даже не всегда надежной, и должны выдерживать натиск все сильнее сплывающейся из самых различных партий реакции. Это доказывает, что — по крайней мере в Германии — наши действительно стали крупной силой в стране, а во Франции это доказывает, что на этой взрыхленной революциями почве наши во всяком случае *считаются* крупной силой. Но при всем этом ваше положение является в данный момент более благоприятным для борьбы: вы атакуете, шаг за шагом завоевываете плацдарм, и каждый новый, отвоеванный и занятый участок не только укрепляет ваше положение, но и привлекает к вам новые массы в подкрепление. При вашем примитивном конституционализме рабочие могут завоевать, во всяком случае, еще некоторые позиции — из тех, которые *должна* была бы завоевать буржуазия — и притом легальным путем, т. е. путем, который является для них самих политической школой. И в Германии тоже имеются еще такие незавоеванные позиции, но мы зайдем их только тогда, когда будет дан толчок извне. Его сможет дать страна, где соединение старых феодальных, бюрократических, полицейских форм с более или менее современными буржуазными учреждениями оставляет первым такой значительный перевес, что обстановка чревата невыносимыми осложнениями. И в таком счастливом положении находите вы, тем более счастливым, что ваше рабочее движение обладает достаточной широтой и силой, чтобы сыграть здесь решающую роль и тем самым, как я надеюсь, дать Германии, Франции и Италии толчок, необходимый там, чтобы снова на время расколоть слишком рано создавшуюся «единую реакционную массу» и вызвать к жизни, вместо хронического реакционного гнета, некоторые буржуазные реформы, обеспечивающие свободу для движения масс. Только тогда, когда вы завоеуете — все равно какую — избирательную реформу, только тогда агитация против трехклассной системы выборов в Пруссии приобретет какой-то смысл. И уже сейчас тот факт, что в Австрии намечается какая-то избирательная реформа, укрепил в Германии находившееся там под угрозой всеобщее избирательное право. Итак — на вас в настоящий момент возложена историческая миссия очень большого значения. Вы должны составить авангард европейского пролетариата, открыть общее наступление, которое, надо надеяться, не остановится до

тех пор, пока мы не добьемся победы по всей линии; ты же должен вести этот авангард, и если ты не отправишься немедленно в деревню и не наберешься там как следует новых сил, то пренебрежешь своим первейшим долгом.

А этот долг представляется тем серьезнее, чем больше думаешь об единственных соперниках, которые могли бы у вас оспаривать роль авангарда, — о французах. Ты писал Луизе, чтобы я тебя осведомил по этому поводу. Я откладывал это до сегодняшнего дня, так как 1) Тусси на прошлой неделе вернулась из Парижа со съезда стекольщиков, а 2) позавчера у нас был Бонье, и я хотел сначала послушать, что *они* расскажут. Итак, насколько я могу судить, дело обстоит следующим образом.

Последние выборы привели в палату около 25 «социалистов» — марксистов, бруссистов, аллеманистов, бланкистов, независимых. В то же время они положили конец существовавшей до сих пор «радикальной фракции» — группе республиканцев-социалистов, как они также себя называли, — главным образом в результате исключения всех прежних вождей этой группы. Тогда около 30 ее членов, вновь попавшие в парламент, объединились под руководством Мильерана и Жореса и предложили «социалистам» слиться. Это был очень верный маневр с их стороны; они ведь были не только многочисленнее старых социалистов, но и едины, тогда как последние дробились на *x* число групп. Итак, они снова образовали в палате значительную группу в 50—60 человек, причем им не понадобилось предлагать старым социалистам ничего, кроме очень платонической социалистической программы, политические радикальные пункты которой, как, например, вообще благожелательное отношение к рабочим, раньше стояли в их программе, между тем как обобществление средств производства звучало еще только невинной музыкой будущего, которая, пожалуй, могла бы приобрести практическое значение для третьего или четвертого поколения, но никак не раньше.

А наши 25 старых социалистов всячески за это ухватились. Они были не в состоянии ставить свои условия, для этого они были слишком разобщены. Правда, у них было намерение в парламенте действовать сообща, как было на выборах, но в остальном все обособленные организации должны были продолжать существовать одна рядом с другой. Та группа, которая захотела бы поставить новым социалистам особые условия, вступила бы в конфликт с остальными. Да к тому же они не были бы настоящими французами, если бы при неожиданной перспективе увеличить свое число в палате с 25 до 55 или 60 человек, они не пришли бы в восторг и не проглядели

бы из-за мгновенной видимости или даже действительного успеха опасностей, грозящих в будущем. Какого чорта, немцы так хвастаются своими 44, а у нас завтра же будет 55, если не 60! Франция снова занимает свое место во главе движения!

30 или 35 новых социалистов заключили с социализмом брак по расчету. Они охотно бы от этого отказались, но для них было самым разумным совершить этот прыжок. Они понимают, что никак не смогут продержаться без рабочих и, волей-неволей, должны к ним примкнуть. Но вначале это присоединение было не у *всех* вполне добровольным, а у *некоторых* оно несомненно осталось недобровольным и до сих пор.

Из видных представителей один из самых толковых и, я полагаю также, самых откровенных это — Мильеран, но боюсь, что некоторые буржуазно-юридические предрассудки засели у него в голове крепче, чем он сам подозревает. В политическом отношении он самый дельный человек из всей группы. Жорес — профессор, доктринер, который упивается своими речами и которому палата внимает охотнее, чем Гэду или Вайяну, так как он все же более сродни господам из большинства. Я думаю, что у него честное намерение сделаться настоящим социалистом, но ты ведь знаешь, что жажда подвигов у этих неофитов прямо пропорциональна их непониманию вещей, а последнее у Жореса очень велико. Поэтому-то и могло случиться, что Жорес в Париже внес в палату в качестве социалистического точно такое же предложение, какое граф Каниц внес в Берлине в интересах юнкеров: государственная монополия на ввоз хлеба в целях повышения цен на зерно. И так как у старых социалистов в палате невежество в экономических вопросах тоже достигает не меньших пределов — после провала Лафарга в Лилле в палате нет никого, кто бы что-нибудь в них понимал, — то Гэд не мог себе отказать в том, чтобы выступить в защиту хотя бы части этого предложения, как «социалистического» и направленного против «спекуляции». Уничтожить «спекуляцию» посредством передачи хлебной торговли в руки правительства и правительственной партии, состоящих из мошенников-панамистов, это поистине блестящая социалистическая идея. Об этом колоссальном промахе я также откровенно высказал свое мнение этим господам через Бонье и Лафарга.

Далее я заявил им: слияния — вместо простого союза — с новыми социалистами, пожалуй, нельзя было избежать. Но тогда не упускайте из виду, что тут налицо буржуазные элементы, с которыми вы, быть может, вступите в принципиальный конфликт, и

что, следовательно, разрыв может стать неизбежным. Будьте готовы к этому, и тогда в случае необходимости может быть легко совершен переход к простому союзу, и вы не наделаете глупостей, будучи застигнутыми врасплох. И в первую очередь, если люди в объединенной фракции внесут предложения, с которыми вы не можете согласиться, и против вас будет большинство, — сохраните за собой право не только воздерживаться от выступлений в их защиту в палате, но и право обосновывать свое отрицательное мнение в своей печати, даже если во имя единства вам придется голосовать за эти предложения. — Ну что ж, посмотрим, помогут ли эти советы.

Итак, с одной стороны, — новые социалисты, навязавшие различным группам старых социалистов известного рода единство. С другой стороны, люди за границей никак не возьмут в толк, как это вдруг «из ничего» возникла группа в 60 человек, и как это главные ораторы этой группы, Мильеран и Жорес, были до сих пор известны не как социалисты. Отсюда и совершенно естественное сомнение в подлинной чистоте этих 60, особенно после того блестящего впечатления, которое французские делегаты произвели в Цюрихе.

Между тем под сурдинку спокойно продолжают интриги и вражда различных сект. Особенно жалуются марксисты на Вайяна, который совершает множество пропагандистских поездок по провинции и якобы распространяет там по их адресу всякого рода ложные измышления. Раньше Вайян почти всегда шел вместе с марксистами. Но 1) он как ортодоксальный член бланкистской партии будет проводить постановления партии при всех обстоятельствах, а между бланкистами и марксистами вот уже два года как тянется распря, и 2) в его избирательном округе много POSSIBИЛИСТОВ, они ему нужны, и это отчасти объясняет его уклон в их сторону.

Очень возможно, что новые реакционные мероприятия во Франции послужат для новых социалистов дальнейшим толчком и что из этих 60 постепенно образуется подлинная социалистическая фракция. Но этого пока еще нет, и все может еще сложиться иначе.

Здесь все та же старая английская рутина. Экономическое и политическое развитие все более подталкивает массы английских рабочих в нашу сторону, но пока эти отвыкшие от всякого теоретического мышления, никогда не видящие дальше собственного носа «практики» придут к сознанию своих собственных чувств и потребностей, могут пройти целые годы, если только они прямо носом не наткнутся на это. А между тем среди «вождей» процветает политическое шулерство по буржуазно-парламентскому образцу, и здесь ежедневно совершаются новые чудеса.

Людвиг ¹ сегодня сдает экзамен, чтобы стать членом Королевского медицинского общества (а не оставаться простым лицензиатом). Дело тянется две недели. Затем мы, надеюсь, скоро сможем отправиться к морю, в этом году я по домашним обстоятельствам не смогу покинуть Англию.

Луиза шлет сердечный привет, она говорит, что и не думала сердиться на тебя; ты скоро узнаешь, почему еще не получил ответа.

Сердечный привет твоей жене, Адельгейде, Поппу и всем друзьям.

Твой Ф. Э.

205.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 28 июля 1894 г.

Дорогой Барон,

С печатанием статьи ² можно не спешить. После того как корректура будет мной прочитана, ты можешь печатать, когда хочешь, в сентябре или даже в октябре. Я интересовался этим вопросом с 1841 г., когда я прочел у Ф. Бенари доклад об «Откровении». С той поры мне стало ясно, что это самая древняя и самая важная книга «Нового завета». После такого 53-летнего вынашивания с появлением на свет нечего особенно спешить.

Что касается твоих вопросов, то:

1) Может быть, я неточно выразился, но я ни в коем случае не выделяю мелких буржуа и сельских рабов в качестве первых *последователей* христианства, а лишь причисляю их к тем классам, в среде которых христианство могло рассчитывать найти последователей. А к последним они безусловно принадлежали, в особенности во II и III веке. В том, что христианство со времени своего первого распространения из Иудеи в северную Сирию и Малую Азию и далее в Грецию, Египет и Италию начало развиваться и нашло первые группы последователей в *городах*, нет никакого сомнения.

2) Находится ли тысячелетнее царство в здешнем мире или в потустороннем? Все зависит от того, как это понимать. Я называю потусторонним — то, что *происходит после смерти*. На этот счет «Откровение» не оставляет никаких сомнений: тысячелетнее царство будет только для мучеников и, пожалуй, еще для тех христиан, при жизни которых оно наступит; *поэтому для последних*

¹ Л. Фрейбергер.

² Статья Энгельса «К истории раннего христианства».

тысячелетнее царство — в здешнем мире, тогда как для мучеников, которые для этого должны воскреснуть, — в потустороннем. Таким образом — это старая история: за свои деньги можешь выбрать! Решающим для меня является то, что все это невозможно без представления о бессмертии и веры в потустороннюю награду и возмездие. И еще менее в здешнем мире находится новый Иерусалим, который должен возникнуть после тысячелетнего царства и страшного суда.

Согласно же так называемым посланиям Павла, находящимся в живых верующим при втором «пришествии» Христа предстоит «преображение», «трансмагнификация» из смертных в бессмертные.

Само собой понятно, что при этом тысячелетнее царство изображалось в *земных красках*. Даже «Откровение» не может довольствоваться небесным блаженством, состоящим в том, чтобы воссесть голым задом на сыром облаке, бряцать на арфе более или менее обгащенной кровью рукой и распевать хоралы во веки веков.

Предисловие к III тому 1) еще не написано и 2) я не могу тебе его дать. Разрешение вопроса о цене на основе нормы прибыли, а также и о распределении цен может быть дано на подобающем ему уровне лишь в самой книге.

Во всей Америке нельзя найти ни одного толкового корреспондента, кроме Зорге и Шлютера, потому что немцы там упрямо держатся той же сектантской позиции по отношению к рабочей массе, на которой так упорно стоит здесь Социал-демократическая федерация. Вместо того чтобы разглядеть в американском движении элемент, который толкает его вперед и должен, в конце концов, привести его, пусть даже ложными и окольными путями, к тем же выводам, что были привезены ими самими из Европы, они видят в этом движении только ложные пути, презрительно взирают с высоты своего величия на глухих слепых американцев, похваляются своим ортодоксальным превосходством, отталкивают американцев, вместо того чтобы привлекать их, и сами поэтому остаются маленькой немощной сектой. Потому-то и литераторы их впадают в чистую идеологию и все отношения истолковывают извращенно и узко. Гепнер всегда был человеком, который жил в мире фантазий, когда же он становится сентиментальным, то творит нечто неопишное. Я как-то читал его комедию; смешные моменты довольно хороши, но серьезные любовные сцены — невероятны, можно умереть со смеху.

Сердечный привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

206.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 4 августа 1894 г.

Дорогой Виктор,

Прилагаемое письмо было оставлено здесь для меня вместе с пакетом и анонимной припиской на обороте. Вероятно, от анархиста филолога Неттлау...¹ Что делать с пакетом, ты уж сам решишь.

Я просил Черни передать вам вторичную просьбу испанского Национального совета послать им к их конгрессу, который должен состояться 29 августа, написанное на испанском или французском языке короткое приветствие. Для верности повторяю это еще раз, Адрес: Пабло Иглесиас, Hernan Cortès 8, 1 этаж, Мадрид. Сердечный привет твоей жене и тебе.

Твой Ф. Э.

Луиза и Людвиг также шлют тебе сердечный привет.

207.

Пабло Иглесиасу

в Мадрид.

Черновик.

Лондон, начало августа 1894 г.

Дорогой Иглесиас,

Получил твои письма от 8 июня и 27 июля. По поводу вашего конгресса я написал в Берлин (ответ положительный) и в Вену (ответа пока нет); написал также здешней Социал-демократической федерации (секретарь Г. В. Ли), Независимой рабочей партии (секретарь Том Мэн) и рабочим газовых заводов (секретарь В. Торн, тов. Элеонора Эвелинг — член исполнительного совета), они все пошлют вам по несколько строк. Далее — постоянному Парламентскому комитету конгресса тред-юнионов (секретарь Фенвик, член парламента), Лиге борьбы за 8-часовой рабочий день (секретарь Шеридан, — напишут вам наверняка) и Фабианскому обществу (секретарь Э. К. Пиз), от которого ответа не имею.

Из этого перечня ты получишь представление о раздробленности, соперничестве и личных дрязгах, которые украшают здешнее рабочее движение. Суди сам: в понедельник, 6-го сего месяца, состоялся конгресс Социал-демократической федерации. На нем

¹ В немецком тексте пропуск.

было внесено предложение о том, чтобы на ближайших парламентских выборах Социал-демократическая федерация поддержала кандидатов Независимой партии, если они будут выступать как социалисты. Это было отвергнуто. Однако, если бы независимые отказались голосовать за кандидатов Федерации и поддерживать их, то их сочли бы предателями! Далее, конгресс Социал-демократической федерации постановил, что так как Лондонский международный конгресс 1896 г. будет не исключительно социалистическим, то она, Социал-демократическая федерация, созовет *исключительно социалистический* международный конгресс, который соберется за три дня до общего рабочего конгресса! Что скажут социалисты других наций? Все это, как и многое другое, правда, не имеет практического значения, но представляет собой попытки различных групп использовать в своих частных интересах созыв международного конгресса. Пока все еще окончательно не определилось, лучше не поднимать в печати слишком большого шума по этому поводу. При всем том движение среди рабочих масс идет вперед, идея обобществления средств производства все более и более завоевывает почву, и настанет день, когда сознательные массы вышвырнут вон всех интриганов и развращенных вождей.

Товарищ Элеонора Маркс-Эвелинг помещает в «Workman's Times» еженедельные обзоры о развитии международного движения. Ты хорошо сделал бы, если бы, по возможности, высылал ей «El Socialista», она понимает по-испански. Адресуй его: Элеоноре Маркс-Эвелинг и т. д.

Будь здоров. Тебя крепко обнимает твой старый и верный друг.

208.

Английским социалистическим организациям.

Черновик.

Лондон, начало августа 1894 г.

Дорогие товарищи,

По поручению Исполнительного совета Испанской рабочей социалистической партии довожу до сведения английских рабочих социалистических организаций, что четвертый ежегодный конгресс вышеупомянутой Испанской социалистической партии состоится в Мадриде 29 августа и следующие дни, и что несколько приветственных строк по этому поводу — на испанском или французском языке, — направленных английскими друзьями по адресу, приложенному в конце этого письма, будут приняты с благодарностью.

[Поскольку конгресс тред-юнионов 1893 г. в Бельфасте, приняв резолюцию, требующую социализации всех средств производства и обмена, примкнул к международному социалистическому движению, я считаю своим долгом включить также и его орган — Парламентский комитет — в список тех организаций, которым адресуется это приглашение.]¹

Это приглашение адресуется:

Лиге борьбы за 8-часовой рабочий день,
Социал-демократической федерации,
Независимой рабочей партии,
Фабрианскому обществу,
Парламентскому комитету конгресса тред-юнионов,
Союзу рабочих газовых заводов и подсобных рабочих.

Уважающий вас

Ф. Э.

209.

Эдуарду Бернштейну

в Лондон.

Истберн, 14 августа 1894 г.

4, Royal Parade.

Дорогой Эде,

Мы здесь удачно разместились и пока, т. е. с половины третьего, очень довольны обслуживанием; хотим надеяться, что так будет продолжаться.

Мне очень любопытно, будет ли реагировать Либкнехт на твои язвительные намеки по поводу Арндта и как именно. Это дело не должно бы пройти бесследно; посмотрим, что будет дальше. Человеку, который так вел себя в Цюрихе, не место в «Vorwärts».

Твоего текстильщика² я отослал тебе обратно. Сплошное крючкотворство. Если действовать на подобной юридической почве, то нужно предварительно заручиться союзниками, не то оскандалишься.

Что касается Социал-демократической федерации и ее особого конгресса, то я уже сообщил об этом в Испанию и сообщу также в Италию и Париж, но прошу товарищей раньше времени не особенно раздувать это дело. Одно из двух: либо Социал-демократическая федерация выпустит теперь циркуляр, чтобы мотивировать свою резолюцию и развернуть агитацию в соответствующем духе, либо же со всей историей можно будет покончить путем простого заявления в континентальной печати, что на такой конгресс вовсе

¹ Квадратные скобки в рукописи Энгельса.

² Речь идет о газете «Textilarbeiter».

не стоит посылать делегатов. Но если появится циркуляр, он будет повсюду официально обсуждаться, и это было бы гораздо лучше.

Господа из Социал-демократической федерации, вероятно, пронохали, что Парламентский комитет собирается (как уже давно поговаривают) превратить конгресс 1896 г. в тред-юнионистский конгресс и сделать для этого все необходимое в Норвиче, — и явно захотели тогда перехватить у Парламентского комитета инициативу. Эти проектики легко могут привести к тому, что на континенте скажут: ни тот, ни другой конгресс не соответствует тому, который вы *должны* были созвать, а так как такой конгресс вы созвать *не хотите*, то мы поедем куда-нибудь в другое место, а вы сами разбирайтесь в своих дрязгах.

Глупость, которую проявляет Социал-демократическая федерация, принимая одновременно решение о кандидатах Независимой рабочей партии, даже если бы последние и были социалистами, — непостижима. Старая история: либо вы социалисты, и тогда вы должны состоять в Социал-демократической федерации, либо вы не хотите быть в Социал-демократической федерации, и тогда вы не социалисты. Но что континентальные рабочие, сопоставив эти два решения, потеряют всякую охоту иметь дело с конгрессом Социал-демократической федерации, — это, повидимому, этим людям совсем невдомек.

Впрочем, все это меня ничуть не волнует — до конгресса еще немало воды утечет в Темзе, произойдет многое такое, что ни в качественном, ни в количественном отношении еще нельзя учесть.

Августу я тоже напишу обо *всех* этих делах, в том числе об Арндте.

Сердечный привет Гине, Эрнсту, Кэте и тебе самому от Луизы, Людвига и твоего

Ф. Энгельса.

А Мендельсоны тоже в Бродстэйрсе?

210.

С. Делл'Аваллес

в Милан.

Черновик.

Истбери, начало сентября 1894 г.

Дорогой гражданин,

Ваше письмо от 30 августа не застало меня в Лондоне и его переслали мне сюда — вот причина задержки с ответом, о которой бесконечно сожалею.

Благодарю и Вас лично, и итальянских социалистов, которых Вы представляете, за любезно присланное вами приглашение¹. К сожалению, воспользоваться им я не смогу. Но хотя мне и не придется самому присутствовать на ваших заседаниях, я шлю вам самые сердечные пожелания успеха в той работе, которую вы проводите в интересах международного социализма. Против итальянских социалистов только что издан беспримерный исключительный закон, который, несомненно, сулит им несколько лет жестоких страданий. Что же, и другим пришлось пройти через подобные испытания. После разгрома Парижской Коммуны буржуазная реакция во Франции упивалась кровью пролетариев, а результат? Вот он: 50 депутатов-социалистов во французской палате. В Германии Бисмарк в течение двенадцати лет держал социалистов вне закона, но социалисты попрали исключительный закон, они прогнали Бисмарка и сейчас являются самой сильной партией в империи. Что сделали французские и немецкие рабочие, то смогут также сделать итальянские рабочие. Чего не сумели добиться Тьер, Мак-Магон, Бисмарк, того не добьется и Криспи. Победа за нами! Да здравствует международная социалистическая революция!

Братский привет.

211.

Эдуарду Бернштейну

в Лондон.

Истберн, 6 сентября 1894 г.
4, Royal Parade.

Дорогой Эде,

Шлютеру я напишу и сообщу ему, что ты очень занят и что он может перепечатать из «Neue Zeit»².

С опечатками можно подождать до моего возвращения — 18 сентября. Предисловие будет готово несколько позже, но ты сможешь просмотреть его у меня перед тем, как я его отправлю. Все, что относится к норме прибыли, ты найдешь в самой книге, в предисловии об этом не будет ничего нового, кроме критики попыток разрешить этот вопрос.

Что касается Эдвардса, то я на твоём месте прежде всего расспросил бы Эвелингов, в чем причина их отказа и что они знают об этом человеке; английское — «я его не знаю» можно понимать

¹ Приглашение на конгресс Социалистической рабочей партии Италии.

² Речь идет о помещенных в «Neue Zeit» статьях Э. Бернштейна о III томе «Капитала».

по-разному. Если ты готов пожертвовать своим временем, то было бы, конечно, неплохо с твоей стороны сделать так, чтобы статья не была написана каким-нибудь Арндтом или Гайндманом. С другой стороны, сотрудничество в таких сборных изданиях, предпринимаемых ни с того, ни с сего неизвестными лицами, может быть чревато различными последствиями. Этот господин не может быть на тебя в претензии, если ты его запросишь, какими еще сотрудниками он уже заручился; это бы тебе позволило составить себе более определенное мнение.

Пинкау я охотно пришлю свою фотографическую карточку, как только они опять у меня будут; как тебе известно, попытки Инки не увенчались успехом, а с тех пор я ни разу не снимался.

Большой привет Гине и детям от Луизы и твоего

Ф. Энгельса.

Фрейбергер сегодня в Лондоне на дежурстве в больнице.

212.

Эдуарду Бернштейну

в Лондон.

Лондон, 18 сентября 1894 г., вторник.

Вернулись сюда сегодня вечером. Барон просит дать ему что-нибудь «неопубликованное» об Интернационале. Я только что перерыл старые бумаги и нашел кое-что, более или менее подходящее; не сможешь ли ты зайти за этим для перевода? Дело в том, что, судя по письму Барона, время не терпит. Завтра я буду от 10 до 1 часа в городе, а потом опять дома, но Луиза знает, где это лежит.

Привет Гине и детям от всех нас.

Твой Ф. Э.

213.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 23 сентября 1894 г.

Дорогой Барон,

Твой запрос относительно документов Интернационала застал меня еще в Истберне. К сожалению, я не мог поручить Эде подыскать что-нибудь для тебя, так как ключи от шкафов были у меня с собой, и рыться пришлось бы в *нескольких* шкафах; я и сам с трудом разби-

раюсь в этом хаосе старых бумаг. К тому же на другой день (во вторник) мы вернулись, я кое-что разыскал для Эде, и мы просили его зайти вечером, но он должен был кончать статью для «Neue Zeit». В среду утром Эрнст пришел за документами, но вечером Эде принес их обратно, сказав, что уже поздно и что у вас и без того кое-что нашлось. То, что я разыскал, впрочем, ничего особенного не представляет. Трудно найти *неизвестный* документ Интернационала, который мог бы еще сейчас произвести сам по себе большое впечатление.

За армянский перевод «Развития» большое спасибо. Как хорошо, что я не могу этого прочитать.

Гонорар за главы из «Капитала» Маркса я прошу выписать за счет причитающегося мне за статью и прислать мне для передачи наследникам. Если моего гонорара нехватит, то прошу отнести разницу в счет моих будущих работ.

Само собою разумеется, что экземпляры *всего* номера мне сослужат ту же службу, что и отдельные оттиски статьи. Они нужны мне лишь для некоторых, совершенно определенных второстепенных целей.

Распоряжение о выплате гонорара австрийцам остается в силе впредь до дальнейшего извещения.

Итальянцы начинают приводить меня в ужас. Этот пустомеля Энрико Ферри прислал мне вчера полное собрание своих последних работ и письмо, преисполненное таких неумеренных выражений, что сделал мои чувства к нему еще более умеренными. И все-таки, изволь ему вежливо отвечать! Его книга о Дарвине, Спенсере и Марксе — страшно путаная, невероятная галиматья. Итальянцам долго еще предстоит терпеть от этой своей «образованной» буржуазной молодежи. Мне, вероятно, придется что-нибудь предпринять, чтобы положить конец угрожающему росту моей популярности (которая раздувается этими людьми не без известного расчета). Пока же я в предисловии к III тому дам Ахиллу Лориа небольшой предметный урок.

Война между Китаем и Японией означает конец старого Китая, коренное, хотя и постепенное, революционизирование всей экономической основы, вплоть до уничтожения древних связей между земледелием и промышленностью в деревне в силу развития крупной промышленности, железных дорог и т. д., и вместе с тем массовую эмиграцию китайских кули в Европу, а, следовательно, для нас — ускорение развала и усиление противоречий вплоть до кризиса. Новый пример великолепной иронии истории: капита-

листоческому производству остается завоевать только Китай, но, завоеывая его, наконец, оно само делает невозможным свое существование у себя на родине.

Сердечный привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

Мы скоро переезжаем на Regent's Park Road, 41, ближе к церкви св. Марка; подробности следующим письмом.

214.

Эмилю Вандервельде

в Брюссель.

Черновик.

Лондон, вторая половина октября 1894 г.

Дорогой гражданин Вандервельде,

Разрешите мне поздравить Вас лично — с избранием, а бельгийских товарищей вообще — с блестящими успехами, достигнутыми в прошлые два воскресенья. Эта вторая победа бельгийского пролетариата имеет для всех нас огромное значение¹. Маленькие страны, как Вельгия и Швейцария, — это современные политические лаборатории, опытные поля, где производятся эксперименты, впоследствии применяемые в крупных государствах. Очень часто именно эти маленькие страны дают первый толчок движению, призванному потрясти всю Европу. Так, например, накануне февральской революции — война швейцарского Зондербунда...

В данный серьезный момент мы переживаем, мне кажется, период прилива, период, который начался с завоевания избирательного права бельгийскими рабочими. Вслед за Вельгией в движение за избирательную реформу вступила Австрия; вслед за Австрией пролетариат в Германии потребовал, чтобы всеобщее избирательное право с рейхстага было распространено и на парламенты германских государств. Репрессивные законы, изданные против рабочих партий во Франции и в Италии, и аналогичные законы, подготавливаемые в Германии, будут иметь не больший успех, чем насильственные меры австрийского правительства. Сейчас социалистическое движение почти везде сильнее, чем так называемая государственная власть.

¹ Далее у Энгельса зачеркнуты слова: «Если таким маленьким странам, как ваша, не дано собственными силами разрешить великие исторические вопросы нашей эпохи...».

Что касается бельгийских рабочих, то 14 октября обеспечивает им гораздо более прочную позицию. Они впервые произвели подсчет своим силам и силам своих противников; отныне они смогут определять свою тактику с полным знанием дела; а Вы и другие социалистические депутаты получите больший вес, и к Вам будут прислушиваться гораздо внимательнее теперь, после официального признания того факта, что Вы являетесь рупором для 350 000 бельгийских граждан. Вместе с Вами совершает свое «радостное вступление» («joyeuse entrée») в парламент весь бельгийский пролетариат, и вступление это будет радостным не только для вас всех, но и для пролетариев всей Европы!

215.

Георгию Валентиновичу Плеханову
в Лондон.

Лондон, 1 ноября 1894 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Плеханов,

Я, разумеется, насколько возможно облегчу Вам просмотр «Новой Рейнской Газеты» и т. п., и я не вполне понимаю, к чему Вам было стесняться откровенно меня об этом просить. В настоящий момент мои книги еще не приведены в порядок; эта работа не была доведена до конца из-за множества других дел, которые надо было уладить, беготни по городу, совещаний с адвокатами и прочих неприятностей, сопряженных с юридическими формальностями и материальными затруднениями, без которых в Англии, а в особенности в Лондоне, невозможно снять дом. Все это еще не закончено...

Пока я не разобрал своих книг, едва ли можно приняться за дело, поэтому я просил бы Вас запастись еще немного терпением. Но можете быть уверены, что Вам будут предоставлены все книги, газеты и т. п., какие я только смогу найти, из интересующей Вас специальной литературы. Мы поговорим об этом при первой же встрече.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

Только что узнал, что у нас в кухне будут менять плиту и до будущей недели ничего нельзя будет готовить. Поэтому в воскресенье вечером мы не сможем Вас принять, так как нам нечем было бы Вас угостить. Тем не менее, если Вы зайдете ко мне в любой вечер после 8 часов, мы с Вами потолкуем об этих книжных делах.

216.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобовен.

Лондон, 10 ноября 1894 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Зорге,

Из вышеуказанного адреса ты видишь, что я переехал. После замужества Луизы в старом жилище нам стало немного тесно, и так как вскоре сказались и последствия брака, то оно уже больше совсем не годилось. Итак, мы сняли несколько дальше, возле самых ворот Риджентс-парка, подходящий более просторный дом и после бесконечной возни с квартирными маклерами, адвокатами, подрядчиками, мебельщиками и пр. переехали месяц тому назад, но еще не устроились: мои книги все еще в большом беспорядке. В нижнем этаже у нас общие комнаты, в бельэтаже — мой кабинет и спальня, на третьем этаже помещаются Луиза с мужем и появившаяся на свет во вторник 6 сего месяца маленькая девочка со своей няней, на четвертом — обе прислуги, кладовая и комната для гостей. В моем кабинете три окна на улицу; он настолько велик, что я смогу уместить в нем почти все свои книги (восемь ящичков), и несмотря на большие размеры, он без труда хорошо отапливается. Одним словом — мы сейчас устроились гораздо лучше. Луиза с ребенком чувствуют себя сравнительно очень хорошо, все обошлось вполне благополучно.

Сегодня ты получишь два больших пакета: 3 номера «Sozialdemokrat» (берлинский), 3 номера будапештского «Volksstimme», конец отчета о партийном съезде в «Vorwärts» и один номер «Critica Sociale» с моим письмом¹. Переезд несколько нарушил аккуратную отправку посылок. «Workman's Times» прекратил свое существование; очень жаль! Статьи Тусси в этой газете были единственными, в которых английским рабочим без утайки и без искажений сообщалась правда о движении на континенте.

Здесьнее движение все еще напоминает американское, с тою только разницей, что оно *несколько* впереди вашего. В массах инстинктивное понимание того, что рабочие должны образовать свою собственную партию в противовес обеим официальным партиям, все более крепнет и во время муниципальных выборов 1 ноября снова проявилось ярче, чем когда-либо. Но всякого рода застарелые традиционные воспоминания и отсутствие людей, способных претво-

¹ Статья Энгельса «Социализм международный и социализм итальянский»

рять этот инстинкт в сознательное действие, охватывающее всю страну, приводят к топтанию на месте на этой предварительной стадии неопределенности мыслей и разрозненности местных действий. Англо-саксонское сектантство господствует и в рабочем движении. Социал-демократическая федерация, точь в точь как ваша немецкая Социалистическая рабочая партия, ухитрилась превратить нашу теорию в окостенелую догму правоверной секты; она пребывает в своей замкнутой ограниченности и притом еще, по милости Гайндмана, придерживается в международной политике насквозь гнилой традиции, которую, правда, время от времени удается поколебать, но с которой далеко еще не покончено. Тактика Независимой рабочей партии в высшей степени неопределенна, и ее вождь, Кейр Гарди, — прехитрый шотландец, демагогическим фокусам которого нельзя доверять ни минуты. Он, будучи бедняком из шотландских углекопов, основал большую еженедельную газету «The Labour Leader», чего нельзя было сделать без больших денежных сумм, и эти суммы он получил от тори или либерал-юнионистов, т. е. от противников Гладстона и гомруля, в этом не может быть никакого сомнения. Это подтверждается его общеизвестными литературными связями в Лондоне и прямыми указаниями, а также его политической линией. Поэтому он легко может потерять свое место в парламенте на всеобщих выборах 1895 г. в результате отхода ирландских и радикальных избирателей, и это было бы очень кстати; в настоящий момент этот человек — главная помеха. В парламенте он выступает лишь когда есть повод для демагогии: чтобы выдвинуться разглагольствованиями о безработных, отнюдь не стремясь чего-нибудь добиться для них, или чтобы по случаю рождения принца пройтись по адресу королевы, что в здешних краях весьма банально и дешево, и т. п. Вообще же как в Социал-демократической федерации, так и в Независимой рабочей партии имеются очень хорошие элементы, особенно в провинции, но они разобщены, хотя и добились по крайней мере того, что все попытки вождей натравить эти организации друг на друга каждый раз терпят неудачу. Джон Бернс политически довольно одинок. На него яростно нападают как Гайндман, так и Кейр Гарди, а он ведет себя так, как будто разочаровался в политической организации рабочего класса и надеется только на тред-юнионы. Правда, с первыми у него имеется печальный опыт, и он мог бы умереть с голоду, если бы союз механиков не выплачивал ему его парламентское содержание. Он тщеславен и чересчур позволяет либералам, т. е. «социальному крылу» радикалов, водить себя за нос и безусловно придает слишком

большое значение тем многочисленным частным уступкам, которых ему удалось добиться; но при всем том он единственный действительно честный парень во всем движении, т. е. среди вождей, и обладает подлинно пролетарским чутьем, которое, мне кажется, в решительный момент поведет его более правильным путем, чем других их хитрость и корыстный расчет.

На континенте, по мере того как движение разрастается, увеличивается и стремление к еще большим успехам, а охота на крестьян, в буквальном смысле этого слова, входит в моду. Сначала французы устами Лафарга заявили в Нанте, что не только не наше дело (я им писал об этом) ускорять разорение мелкого крестьянства — за нас об этом позаботится капитализм, — но что нужно прямо-таки *защитить* крестьянина против фиска, ростовщиков и крупных землевладельцев. Но с этим мы уж согласиться никак не можем, ибо это, во-первых, глупо, а, во-вторых, — и невозможно. Вслед за этим во Франкфурте выступает Фольмар, который *вообще* намеревается подкупить *крестьян*, причем крестьянин, с которым он имеет дело в верхней Баварии, не то, что прирейнский мелкий, задавленный долгами крестьянин, а средний и даже крупный крестьянин, эксплуатирующий батраков и батрачек и торгующий скотом и хлебом. А с этим без отказа от всех принципов согласиться невозможно. Мы можем заполучить альпийского крестьянина, нижнесаксонского и шлезвиг-гольштинского крупного крестьянина лишь в том случае, если выдадим ему с головой и батраков и поденщиков, тогда мы политически проиграем больше, чем выиграем. Франкфуртский партийный съезд не занял определенной позиции по этому вопросу, и это хорошо постольку, поскольку теперь этот вопрос основательно изучается. Участники съезда знали о крестьянах и о столь отличных в различных провинциях земельных отношениях слишком мало, чтобы иметь возможность выносить решения иначе, чем наобум. Но все-таки, ведь придется когда-нибудь разрешить этот вопрос.

Кстати, вспомнил: парижский «Socialiste» жив еще или уже скончался? Никто этого не знает. Когда Тусси была летом в Париже, он еще существовал, но желающие его приобрести должны были ходить за ним в контору!! Я его не видел уже с февраля или марта. Дерер сошел с ума; он был там администратором и как посадил все дело в лужу, так оно там и осталось. Чисто по-французски.

После избирательных успехов в Бельгии бельгийцы и французы собираются наладить регулярную связь между социалистическими депутатами различных стран, с периодически созываемыми

конференциями. Выйдет ли что-нибудь из этого — еще под вопросом. Пока же 50 французских парламентариев (из которых человек 26 — новообращенные бывшие радикалы — ненадежны) поднимают большой шум, но тут есть одна загвоздка: среди 24 старых социалистов втихомолку, но упорно идет грызня марксистов с бланкистами, с одной стороны, и с аллеманистами (поссибилистами) с другой; дойдет ли дело до открытого разрыва — трудно сказать.

Помимо остальных социалистических газет мне присылают сейчас также румынскую («Мипса») и болгарскую (бывший «Работник», теперь «Социалист»), и я понемногу знакомлюсь с этими языками. Румыны будут издавать в Бухаресте ежедневную газету.

Что касается прочих мировых событий — смерть русского царя¹, вероятно, повлечет за собой перемену, либо в результате движения внутри страны, либо из-за финансовой нужды и невозможности получить деньги за границей. Не могу себе представить, чтобы теперешняя система пережила смену монарха, которая приведет к власти идиота, и морально и физически расслабленного онанизмом. (Этот факт известен во всех медицинских факультетах. Дерптский профессор Краузе, который пользовал Николая по требованию царя Александра, указал на онанизм как на непосредственную причину болезни, — за что и получил от царя пощечину; тогда он подал в отставку, отослал обратно присланный ему вдогонку орден Владимира и возвратился в Германию, где и рассказал всю эту историю.) Но если заварится каша в России, то и юнцу Вильгельму доведется увидеть кое-что новое. Тогда над всей Европой повеет либеральный ветер, который *теперь* может только быть нам кстати.

Война в Китае нанесла старому Китаю смертельный удар. Замкнутость стала невозможной, внедрение железных дорог, паровых машин, электричества и крупной промышленности сделалось необходимостью хотя бы в целях военной обороны. Но вместе с тем происходит распад и старинной экономической системы мелкой крестьянской культуры, при которой каждая семья сама вырабатывала для себя продукты промышленности, а следовательно, и всей старинной общественной системы, допускавшей сравнительно большую густоту населения. Миллионы окажутся выбитыми из колеи и будут принуждены эмигрировать, эти миллионы найдут дорогу и в Европу и хлынут туда массами. Но китайская конкуренция как у нас, так и у вас быстро приведет к крайнему обострению, коль

¹ Александра III.

скоро станет массовой, и, таким образом, завоевание капитализмом Китая одновременно даст толчок к низвержению капитализма в Европе и Америке.

Надеюсь, что здоровье твое и твоей жены улучшилось после твоего последнего письма. Я чувствую себя недурно, но понемногу становится заметно, что между 73 и 37 — большая разница.

Сердечный привет тебе и твоей жене.

Твой Ф. Энгельс.

217.

Августу Бебелю и Паулю Зингеру

в Берлин.

Лондон, 14 ноября 1894 г.

Августу Бебелю и Паулю Зингеру.

Тысячу фунтов — за вычетом налога на наследство, — которые я завещал вам «на избирательные нужды», я должен был завещать именно в такой форме потому, что ни в какой иной не мог их завещать непосредственно партии, так чтобы завещание было признано здесь законным. Вот единственная причина, почему сделано такое ограничение. Позаботьтесь прежде всего о том, чтобы получить эти деньги, а затем о том, чтобы они не попали в руки пруссаков. А принимая резолюцию по этому вопросу, распейте бутылку хорошего вина в память обо мне.

Фридрих Энгельс.

218.

Эдуарду Бернштейну

в Лондон.

Лондон, 14 ноября 1894 г.

Дорогой Эде,

Прилагаю два листа, № 21/22.

Мейснер спрашивает, есть ли еще опечатки. Если у тебя еще какие-нибудь обнаружены, пришли их мне, пожалуйста; вообще же, не утруждай себя больше, а я завтра напишу Мейснеру, чтобы он закончил список.

Если ты будешь писать Барону *сегодня*, упомяни, пожалуйста, что я посылаю ему по поручению Лабриолы книгу Ферри «Социализм и позитивная наука» с замечаниями Лабриолы. Впрочем, если ты уже отправил письмо, это не к спеху.

Большой привет. У нас все благополучно.

Твой Ф. Э.

219.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 15 ноября 1894 г.

Дорогой Барон,

Только что просмотрел с Тусси ее статью¹. В одном месте есть изменение, на котором она, как мне кажется, справедливо настаивает. Она написала его на отдельном листке бумаги, но не внесла. Это изменение относится к концу введения. Там должно стоять: «Вообще манера г. Брентано писать историю характеризуется тремя особенностями: 1) и т. д.»

Можешь ли ты еще внести это?

Когда получишь это письмо, тебе, вероятно, будет уже известно из «Vorwärts»², что я вынужден выступить со статьей о крестьянском вопросе³, над которой сейчас как раз работаю и которую скоро буду иметь честь предоставить в твое распоряжение.

Твой Ф. Э.

220.

Эдуарду Бернштейну

в Лондон.

Лондон, 20 ноября 1894 г.

Дорогой Эде,

В «Sozialdemokrat» (берлинском) помещен перевод доклада Лафарга об аграрной программе⁴. Лафарг ссылается на этот перевод, так как не имеет под рукой ни одного экземпляра оригинала. А я никак не могу разыскать у себя этот номер «Sozialdemokrat» (это в номере от 18 ноября или, может быть, еще раньше). Не можешь ли ты одолжить мне его на один день?

Твой сильно простуженный, но уже выздоравливающий

Ф. Э.

Большой привет.

¹ Статья Элеоноры Маркс-Эвелинг «Как цитирует Луио Брентано», «Neue Zeit» за 1894/95 г., т. 1, стр. 260—266.

² Письмо Энгельса в редакцию газеты «Vorwärts» см. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 436—437.

³ Статья Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», опубликованная в «Neue Zeit» за 1894/95 г., т. 1, стр. 292—306. См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 439—461.

⁴ Доклад П. Лафарга об аграрной программе на конгрессе Рабочей партии Франции в Нанте (14—16 сентября 1894 г.).

221.

Карлу Каутскому

в Штутгарте.

Лондон, 22 ноября 1894 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Барон,

Статья о крестьянском вопросе отправлена тебе сегодня *заказной* бандеролью. Так как рукопись грязновата, мне было бы желательно получить корректуру, которая будет просмотрена в кратчайший срок.

Сейчас читаю ответ Ледебура тебе. Это чрезмерное умничанье. Точно ты обязан был два года тому назад предвидеть нынешнего Фольмара. Из того, что мелким крестьянам говорят: вас вовсе не собираются насильно пустить по миру, — вывести заключение, что там-де хотят предоставить также и экономические условия для дальнейшего существования единоличного хозяйства — это уж чересчур. Ведь ясно же, что при нынешних обстоятельствах тот или иной вопрос ты поставил бы иначе. Но от придирок буквоедов никто не застрахован; меня с моей статьей может постигнуть та же участь.

Любопытно, как будет протекать дальше начатая Бебелем полемика¹. Давно было пора.

Заняться изучением позиции Интернационала в аграрном вопросе у меня сейчас абсолютно нет времени. Кроме того, этот вопрос был предметом больших споров в Интернационале. С одной стороны, из-за французских и бельгийских и прочих прудонистов, влюбленных в парцеллу, а с другой стороны, из-за отмены права наследования, которой козырял Бакунин, затемняя дело.

«Vorwärts», конечно, на стороне единства, т. е. за замазывание. Против этого пока ничего нельзя сделать. Но тот, кто замазывает, помогает теперь только Фольмару и должен будет нести ответственность за последствия. Я считаю единственно правильным для себя выступить по существу, оставляя личности совершенно в стороне. Иначе опять скажут, что я хочу управлять партией извне. и т. п.

Кстати, не можешь ли ты при случае поместить прилагаемую заметку², но так, чтобы не было видно, что она исходит от меня?

¹ Речь идет о выступлении Бебеля против Фольмара после Франкфуртского съезда Германской социал-демократической партии.

² Заметка Энгельса о IV томе «Капитала» Маркса была опубликована в «Neue Zeit» за 1894/95 г., т. 1, стр. 284. См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI. ч. II, стр. 438.

Писать опровержение в «Vorwärts» я не хочу; Либкнехт снова подал бы его под своим соусом, а так оставить это я ведь тоже не могу.

Поздравляю с парнишкой № 3. Как ты, вероятно, слышал, у нас здесь тоже появился младенец; у Луизы родилась здоровая девочка, все обошлось благополучно, и малютку следует назвать «Амалия-сосунок».

Твой Ф. Э.

222.

Иосифу Атабекянцу

в Штутгарт.

Лондон, 23 ноября 1894 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ,

Очень благодарю Вас за то, что Вы перевели на родной Вам армянский язык мое «Развитие социализма», а недавно и «Коммунистический Манифест». К сожалению, я не в состоянии исполнить Вашу просьбу и написать к последнему несколько строк введения. Мне трудно писать что-либо, предназначенное для опубликования на языке, которого я не понимаю. Если бы я это сделал из любезности к Вам, то не смог бы отказать в этом и другим, а тогда ведь могло бы случиться, что мои слова появились бы на свет в непреднамеренно или даже в преднамеренно искаженном виде, а я бы узнал об этом только много лет спустя, а может быть и вовсе не узнал.

Кроме того, как я ни благодарен Вам за Ваше интересное изображение положения в Армении, все же я не могу считать правильным и справедливым высказывать суждения о вещах, о которых я узнал не в результате *собственного исследования*. Тем более в данном случае, когда речь идет об угнетенном народе, который имеет несчастье находиться между *Сциллой* турецкого и *Харибдой* русского деспотизма, причем русский царизм спекулирует на роли освободителя, а лакейская русская пресса не упускает случая использовать каждое слово сочувствия освобождению армян в интересах агрессивного царизма.

Но если говорить откровенно, мое личное мнение таково, что освобождение Армении от турок, а также и от русских, станет возможным лишь в тот день, когда русский царизм будет свергнут.

Самые лучшие пожелания вашему народу.

Преданный Вам

Ф. Энгельс.

223.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 24 ноября 1894 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Я получил Ваши любезные письма от 7 и 11 июня, от 15 октября и 12 ноября.

Из работ Струве мне известна только его статья в «Zentralblatt» Брауна, а потому я ничего не могу сказать по поводу каких-либо его утверждений. Если в моих письмах Вы найдете какие-нибудь *факты*, которые могут быть Вам полезны для Вашего возражения, то Вы можете воспользоваться ими. Но что касается моих *мнений*, то боюсь, что Ваши оппоненты — если не сам Струве, то русская печать вообще, — пожалуй, используют их неподобающим образом. Мои русские друзья ежедневно и еженедельно осаждают меня просьбами выступить с возражениями против русских журналов и книг, в которых слова нашего автора¹ подвергаются не только ложным истолкованиям, но и неправильной передаче; причем они уверяют, что моего вмешательства будет достаточно, чтобы привести дело в надлежащий порядок. Но я постоянно и неизменно отклоняю все такие предложения, потому что я не могу — не отказавшись от своего настоящего и серьезного дела — позволить втянуть себя в полемику в далекой стране, на языке, на котором я не могу еще читать так легко и свободно, как на лучше известных мне западных языках, в печати, которая, в лучшем случае, попадает мне на глаза в виде отдельных отрывков, что решительно не дает мне возможности внимательно следить за спором во всех его фазах и подробностях. Повсюду имеются люди, которые, чтобы защитить однажды занятую позицию, ничуть не стесняются прибегать к искажению чужих мыслей и ко всяким нечестным уловкам, и если это имело место по отношению к трудам нашего автора, то я боюсь, что и со мною поступят не лучше; и, таким образом, принудят меня в конце концов вмешаться в спор в интересах как других, так и себя самого. В самом деле, если бы мои мнения, высказанные в частных письмах, появились в русской печати с моего предварительного согласия, то я оказался бы беззащитным перед моими русскими друзьями — здесь и на континенте, — которые настойчиво требуют моего активного вмешательства в рус-

¹ Маркса.

ские споры с целью исправить мнение того или другого по тому или иному пункту. У меня не было бы тогда никаких веских оснований для отклонения подобных предложений, так как они были бы в праве сказать мне: но вы *уже вмешались* однажды в русские споры; вы должны сознаться, что данный случай совершенно так же важен, как и случай с г. Д., а потому поступите с нами, пожалуйста, так же, как вы поступили с ним. И тогда я перестал бы располагать своим временем, а мое вмешательство в русские споры все же оказалось бы, в конце концов, весьма неполным и мало-успешным.

Вот те причины, которые принуждают меня, к моему глубокому сожалению, просить Вас не настаивать на Вашем желании приводить мои мнения или, по крайней мере, не приводить их *как мои*.

Я постараюсь выслать Вам продолжение того, что Вы уже получили ¹.

Искренне Ваш

Л. К.

224.

Вильгельму Либкнехту

в Берлин.

Лондон, 24 ноября 1894 г.

Дорогой Либкнехт,

Я написал Бебелю и растолковал ему, что в политических спорах нужно все обдумывать спокойно и ничего не делать второпях или сгоряча, и что сам я на этом часто обжигался. Но у меня и для тебя имеется небольшое наставление.

Вел ли себя Бебель на собрании ² *неумело*, это вопрос спорный. Но по существу он несомненно прав. Тебе, конечно, как редактору центрального органа подобает поддерживать равновесие, устранить в ходе спора даже действительно существующие разногласия, все улаживать к общему удовольствию и содействовать единству в партии до самого дня раскола. Поэтому тебе как *редактору* поведение Бебеля могло быть неприятно. Но то, что неприятно *редактору*, должно бы отвечать желаниям *вождея партии*, а именно, что есть люди, которые не вынуждены постоянно носить на носу неотъемлемые редакторские очки и напоминают самому редактору,

¹ Листы III тома «Капитала» Маркса.

² Имеется в виду партийное собрание в Берлине 16 ноября 1894 г., на котором Бебель выступил с критикой оппортунистического поведения Фольмара и баварских социал-демократов.

что и ему в качестве партийного вождя не мешает временами, отбросив розовые очки гармонии, взглянуть на мир своими собственными, данными природой глазами.

Баварцы создают перед самым Франкфуртским партийным съездом настоящий *Зондербунд* в Нюрнберге. Они являются во Франкфурт с прямым *ультиматумом*. Вдобавок Фольмар толкует о *разных путях* (*getrennt marschieren*), а Грилленбергер заявляет: выносите какие угодно решения, *мы не подчинимся*. Они провозглашают особые права для Баварии и третируют своих противников в партии как «пруссаков» и «берлинцев». Они требуют, чтобы партия санкционировала голосование за бюджет и одобрила такую крестьянскую политику, которая заходит *правее* даже мелкобуржуазной политики. Вместо того чтобы, как прежде постоянно бывало, энергично поставить этому предел, партийный съезд не осмеливается принять никакого решения. Если даже и тут не настало время для Бебеля заговорить об активизации мелкобуржуазных элементов в партии, то я, право, не знаю, когда же это время наступит.

Что же^я делает «Vorwärts»? Он придирается к форме бебелевского нападения, заявляет, что дело не так уж плохо, и до такой степени подчеркивает свою «диаметральную противоположность» Бебелю, что только неизбежные «кривотолки» в лагере противников Бебеля вынуждают тебя заявить, что твоя диаметральная противоположность относится лишь к *форме* бебелевского нападения, а по существу — в вопросе об утверждении бюджета и крестьянском вопросе — он прав, и ты на его стороне. Как мне кажется, уже один тот факт, что ты *задним числом вынужден был сделать это заявление*, должен бы тебе самому доказать, что ты гораздо более уклонился вправо, чем Бебель мог бы уклониться влево.

Во всем этом споре речь идет, в конце концов, лишь о тактике баварцев, которая наиболее ярко выразилась в двух пунктах: в оппортунистическом одобрении бюджета для уловления мелких буржуа и в оппортунистической пропаганде Фольмара в деревне для уловления средних и крупных крестьян. Эти пункты и сепаратистская позиция баварцев — вот из поставленных вопросов единственные практические, и если Бебель берется как раз за них там, где партийный съезд подвел партию, то вы должны были бы благодарить его за это. Если он характеризует невыносимое положение, созданное партийным съездом, как результат влияния растущего филистерства в партии, то он просто рассматривает частный вопрос с правильной общей точки зрения, и это также заслуживает признания. Если же он торопится с дискуссией, то он тут лишь выполняет

свою тяжелую обязанность и заботится лишь о том, чтобы ближайший партийный съезд с полным знанием дела решил те неотложные вопросы, перед которыми Франкфуртский съезд остановился, как баран перед новыми воротами.

Опасность раскола угрожает не со стороны Бебеля, который назвал вещи своими именами. Эта опасность угрожает со стороны баварцев, которые позволили себе неслыханный до сих пор в партии образ действий и вызвали восторг вульгарных демократов из «Frankfurter Zeitung», признающих в Фольмаре и баварцах *своих* людей; эта газета радуется и сделалась еще нахальнее.

Ты говоришь, что Фольмар не изменник. Допустим. Думаю также, что он сам не считает себя изменником. Но как же ты назовешь человека, который требует от пролетарской партии, чтобы она увековечила для верхнебаварских крупных и средних крестьян, владеющих от 10 до 30 гектаров, их нынешнее положение, в основе которого лежит эксплуатация батраков и поденщиков? Пролетарская партия, специально учрежденная для того, чтобы увековечить наемное рабство! Этот человек может быть антисемитом, буржуазным демократом, баварским партикуляристом, чем угодно, — но социал-демократом?!

Впрочем, прирост мелкобуржуазного элемента в *растущей* рабочей партии неизбежен и в этом нет беды, точно так же, как и прирост «академиков», провалившихся студентов и т. п. Еще несколько лет тому назад они были опасны. Теперь мы в состоянии их переварить. Но необходимо дать ход этому процессу. Для этого требуется соляная кислота; если ее недостаточно (как показывает Франкфурт), надо поблагодарить Бебеля, когда он ее подбавляет для того именно, чтобы мы как следует переварили непролетарские элементы.

В этом-то и состоит восстановление действительной гармонии в партии, а не в том, чтобы отрицать и замалчивать всякий, действительно спорный вопрос внутри партии.

Ты говоришь, дело в том, чтобы «вызывать эффективное действие». Все это великолепно, но когда же собственно это действие начнется?

225.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобовен.

Лондон, 4 декабря 1894 г.

Дорогой Зорге,

Спасибо тебе и твоей жене за поздравления! На 75-й год, между нами будь сказано, уже не смотришь так бодро, как на прежние. Я, правда, еще полон сил и крепко стою на ногах, не потерял охоты

к работе и сравнительно работоспособен, но все же обнаруживаю, что желудочные заболевания и простуды, к которым я раньше относился с высокомерным презрением, требуют теперь весьма почти-тельного к себе отношения. Впрочем, это все ничего, если только и дальше будет ничего.

Вчера я отправил тебе три оттиска «Предисловия» к III тому¹. Один для злополучного Штибелинга, который прислал мне свои писания в нескольких экземплярах. Один для д-ра философии П. Фиремана, если ты знаешь или можешь узнать его адрес. Третий прошу тебя, когда прочтешь, передать Шлютеру, который, пожалуй, сможет его использовать. Примерно через неделю, не больше, я надеюсь послать тебе экземпляр самой книги; уже объявлено об ее выходе.

Далее, посылаю сегодня бандеролью:

1) «Sozialdemokrat»,

2) «Justice»; я снова буду регулярно ее тебе посылать из-за полемики с немцами, которые не могут оставить ее в покое. То, что газета говорит о триумфах Социал-демократической федерации, — все почти сплошное вранье. Социал-демократическая федерация идет на убыль по сравнению с другими организациями, в особенности по сравнению с Независимой рабочей партией. Если так будет продолжаться, то она скоро пойдет на убыль и абсолютно. К сожалению, Независимая рабочая партия уже не имеет порядочной газеты.

3) «Glühlichter» из Вены и «Wahrer Jacob» из Штутгарта для того, чтобы и ты ознакомился с «юмором», которым располагает партия.

4) Речь Бебеля в Берлине и его четыре статьи против Грилленбергера и Фольмара.

Этот последний казус интереснее всего. Баварцы сделались очень и очень оппортунистичны и превратились чуть ли не в простую народную партию (я говорю о большинстве вождей и о многих новичках, вошедших в партию); в баварском ландтаге они голосовали за бюджет в целом, а особенно Фольмар организовал агитацию среди крестьян с целью привлечь на свою сторону *не батраков*, а верхнебаварских крупных земледельцев — людей, владеющих от 25—80 акров земли (от 10—30 гектаров), т. е. *совершенно не могущих обойтись без наемных рабочих*. От Франкфуртского съезда партии они ничего хорошего для себя не ожидали. Они поэтому

¹ Предисловие к III тому «Капитала». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XIX, ч. I, стр. 1—21.

созвали *за восемь дней* до Франкфуртского съезда специально баварский съезд партии, на котором организовали настоящий Зондербунд тем, что обязали баварских делегатов во Франкфурте голосовать по всем баварским вопросам *коллективно* согласно заранее принятым баварцами решениям. Итак, они являются туда и заявляют, что *должны* были в Баварии одобрить весь бюджет, иначе было невозможно; к тому же это-де чисто баварский вопрос, до которого другим нет дела. Другими словами: если вы вынесете какое-либо решение, негодное нам, баварцам, если вы отвергнете наш ультиматум, то, в случае раскола — вина падет на вас!

С такими до сих пор неслыханными в партии претензиями они выступают перед неподготовленными к этому остальными делегатами, а так как в последние годы вопли об единстве партии в высшей степени поощрялись, то неудивительно, что при большом количестве примкнувших за последнее время к партии элементов, не прошедших там еще окончательной школы, подобное поведение, при котором существование партии невозможно, сошло им безнаказанно, не встретив заслуженного решительного отпора, и по вопросу о бюджете не было вынесено решения.

Но ты представь себе, что прусские социал-демократы, которые на партийном съезде имеют большинство, также захотели бы провести предварительный съезд, вынести на нем по поводу позиции баварцев или еще чего-либо резолюции, обязательные для всех прусских делегатов, и затем эти последние все, и большинство и меньшинство, коллективно голосовали бы на общем партийном съезде за эти резолюции; к чему было бы тогда вообще созывать общие партийные съезды? И что сказали бы баварцы, если бы прусские делегаты стали делать то, что они делали недавно сами?

Словом, так дело нельзя было оставить, и тут-то вмешался Бебель. Он снова поставил этот вопрос в порядок дня, и теперь происходит дискуссия. Из всех этих людей у Бебеля, безусловно, самая ясная и светлая голова. Я уже лет 15 регулярно переписываюсь с ним, и мы почти всегда сходимся во мнениях. Зато Либкнехт¹ идейно очень отстал. В нем все еще прорывается старый южно-германский демократ, федералист и партикулярист, и, что хуже всего, он не может примириться с тем, что Бебель, который давно его перерос, хотя и охотно терпит его около себя, но уже не желает больше подчиняться его руководству. К тому же он так

¹ Эта часть письма до конца абзаца была умышленно опущена в немецком издании писем к Зорге.

плохо организовал центральный орган «Vorwärts» в значительной степени из-за слишком ревнивого отношения к своему положению лидера; он хочет всем руководить и ничем в действительности не руководит, следовательно, всему мешает, так что газета, которая могла бы быть первой в Берлине, годна только на то, чтобы давать партии 50 000 марок дохода, но не доставляет ей никакого политического влияния. Конечно, Либкнехт хочет теперь во что бы то ни стало примирения и ругает Бебеля, но я считаю, что последний прав. В Берлине Правление и лучшие люди уже теперь на его стороне, и я убежден, что если он обратится к партийной массе, то его поддержит значительное большинство. Пока надо переждать. Я послал бы тебе также фольмариады и прочее, но у меня есть только один экземпляр для себя.

Луиза и малютка здоровы.

Сердечный привет тебе и твоей жене; желаю улучшения твоим глазам и избавления от прочих недугов!

Твой старый Ф. Э.

226.

**Лондонскому Коммунистическому Рабочему Просветительному
Союзу
в Лондон.**

Лондон, 6 декабря 1894 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ,

Прошу Вас передать Союзу мою искреннюю благодарность за дружеское поздравление ко дню моего рождения. Надеюсь, что Союз, который четыре года тому назад уже справлял свой полувековой юбилей, доживет до выпавших на мою долю 74 лет и что у него и тогда еще хватит сил и юношеской бодрости, чтобы просуществовать до своего столетнего юбилея.

С искренним приветом,

Ваш Ф. Энгельс.

227.

**Фридриху-Альберту Зорге
в Хобокен.**

Лондон, 12 декабря 1894 г.

Дорогой Зорге,

Сегодня тебе отправлен заказной бандеролью один экземпляр III тома «Капитала» Маркса, который ты, вероятно, уже получил.

Ума не приложу, чем мы заслужили такое незаслуженное счастье — Вильгельмхен преследует наших людей, приписывая

им оскорбление величества за то, что они отказались встать в *рейхстаге*¹. Большой услуги нам не могли бы оказать. Вильгельмхен и сумасшедший г. фон Келлер, кажется, очень подходящая парочка, чтобы всех посадить в лужу, а нас вывести.

Бебель победил. Во-первых, после статей Бебеля Фольмар прекратил дискуссию, во-вторых, его апелляция к Правлению партии была очень решительно отвергнута, и, в-третьих, он апеллировал к фракции, но фракция, объявленная Бебелем некомпетентной, признала свою некомпетентность, и, таким образом, дело пойдет на рассмотрение ближайшего партийного съезда, где Бебелю *обеспечено* большинство в две трети — три четверти.

Это уже третий поход Фольмара за то, чтобы занять руководящее место в партии и вне Баварии. В первый раз он требовал, чтобы мы активно поддержали Каприви и превратились в правительственных социалистов; во второй раз — мы должны были заняться государственным социализмом и ассистировать нынешней германской империи в ее социалистических экспериментах. Оба раза он провалился. Теперь опять².

Отказ от вставания в рейхстаге произвел на французов больше впечатления, чем вся тридцатилетняя работа партии. Между нами говоря, парижане — не французы, а именно парижане — *сильно* опустили. Это фразерство и преклонение перед всякой мелодрамой, в конце концов, становятся нестерпимы.

Надеюсь, что ты и твоя жена здоровы.

Сердечный привет вам обоим.

Твой Ф. Э.

В благодарность за присланные мне отчеты «Переписи и т. д.» я Шлютеру тоже послал экземпляр III тома *заказной* бандеролю. Но так как не знаю, действителен ли еще адрес Вашингтон 935, то я адресовал на «*Volkszeitung*», почтовый ящик 1512, г. Нью-Йорк. Не будешь ли ты так добр, сообщить об этом Шлютеру.

¹ На заседании рейхстага 6 декабря 1894 г. члены социал-демократической фракции демонстративно остались сидеть на местах, когда юнкеры и антисемиты провозгласили «ура» императору.

² Все место в письме, относящееся к критике Фольмара, было опущено в немецком издании писем к Зорге.

228.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 14 декабря 1894 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Виктор,

Твой письма от 12-го и 26-го я своевременно получил. Итак, история с К. Каутским улажена. За твои поздравления ко дню моего рождения шлю сердечную благодарность вместе с заверением, что на 75-ом году жизни я осознал и почувствовал необходимость избегать в дальнейшем тех неосторожностей, за которые ты меня ругаешь. Напротив! Я в точности соблюдаю диету, обращаюсь с моим пищеварительным трактом, как с ворчливым начальником-бюрократам, под дудку которого приходится постоянно плясать, и во избежание кашля, бронхиального катарра и пр. позволяю себя укутывать и обогревать и вообще всячески мучить, как подобает хворому старику. Довольно об этом.

Что решительное выступление Бебеля, после бесхребетного партийного съезда, обрадовало меня — говорить не приходится. В равной мере и то, что Фольмар косвенно вынудил меня тоже сказать свое словечко по этому поводу¹. Фактически мы одержали победу по всей линии. Сначала отказ Фольмара от борьбы после четырех статей Бебеля, что уже было решительным отступлением; затем отпор, данный Правлением; затем отклонение требования, предъявленного фракции, чтобы она решала вместо партийного съезда. Итак, поражения одно за другим в этом третьем злосчастном походе Фольмара. Даже бывшему папскому зуаву этого должно было бы показаться достаточно. Либкнехту я по этому поводу написал два письма, которые доставили ему мало радости. Этот человек все больше становится помехой. Он говорит, что у него еще самые крепкие нервы в партии; это и видно, и его позавчерашняя речь в рейхстаге тоже была плоха. Это, повидимому, подмечают и в правительственных кругах и явно хотят немного помочь ему снова встать на ноги посредством обвинения его в оскорблении величества, которое он якобы нанес тем, на чем сидят.

Эта история доказывает, впрочем, что Вильгельм и фон Келлер или совсем рехнулись или же планомерно добиваются государственного переворота. Гогенлоэ в своей речи выказывает себя совер-

¹ Речь идет о письме Энгельса в редакцию «Vorwärts» и об его статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии».

шенно поглупевшим, слабоумным, безвольным стариком, простым подставным лицом г. фон Келлера. Последний же — типичный самонадеянный, дерзкий, ограниченный юнкер — готов увидеть в Вильгельмхене человека, призванного положить конец «революции» и осуществить вплоть до последней точки над «i» свое высочайшее намерение о восстановлении королевского полновластия. И Вильгельм готов ответить: Вы-то мне и нужны! Если дело обстоит так — а каждый день приносит новые доказательства этого — тогда «...плыви, мой челн!» Наступят веселые денечки.

А теперь — главное. Ты удивляешься, что ничего не слышно от Луизы. Но прежде всего, будь любезен, отвечай на те в высшей степени важные письма, которые она тебе написала, — не только по поводу порядка ее корреспонденции отсюда, и должен ли писать еще кто-нибудь и кто именно? — но и специально по поводу предложенных средств.

Уже несколько месяцев тому назад, в сентябре или в начале октября она написала тебе: здесь образовался консорциум из людей, стоящих вне партии, но которые доверяют тебе и в частности считают, что ты как раз подходящий человек, чтобы добиться для ежедневной «*Arbeiter-Zeitung*» и финансовых успехов при том условии, что тебе будет принадлежать руководящая роль. В соответствии с этим они готовы перевести тебе для ежедневной «*Arbeiter-Zeitung*» значительную сумму, говорят примерно до 5 000 флоринов, при условии что:

- 1) ты займешь руководящее положение в газете,
- 2) все будет рассматриваться как чисто деловое соглашение и проценты регулярно выплачиваться,
- 3) все переговоры, платежи и пр. будут осуществляться через тебя в Вене и Луизу здесь.

Таковы, насколько я помню, условия предложения. Но на это, равно как и на все последующие письма Луизы, от тебя ответа не было. На прошлой неделе она написала еще раз, требуя немедленного ответа, который должен был быть здесь самое позднее во вторник 11-го сего месяца. Тщетно. Остается предположить две вещи: или ты так опутан в твоей корреспонденции почтовыми и другими интригами, что письму почти невозможно до тебя дойти; или же твое отвращение к переписке заходит так далеко, что ты охотнее лишишься денег, которые тебе предлагают, чем напишешь Луизе.

Во всяком случае мы должны знать, что и как. Эти люди торопят с решением, так как, если ты откажешься от денег, они их вложат в какое-нибудь другое дело. Мы вынуждены поэтому послать это

письмо г-же Анне Пернерсторфер с просьбой передать его тебе и только тебе лично, и просим теперь, *но уже в самый последний раз*, чтобы ты сооблаговолит ответить, хочешь ты или нет вступить с нами — г. е. с Луизой — в переговоры относительно денег. Если да, то сообщай ей, куда направлять тебе письма, тогда мы ответим «заказным».

Луиза и малютка вполне здоровы, малютка растет, цветет и кричит, мать сама ее кормит, и этого больше чем достаточно. Она и Людвиг шлют привет, а также

Твой Ф. Э.

229.

Петру Лавровичу Лаврову

в Париж.

Лондон, 18 декабря 1894 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Лавров,

Г-жа Лафарг переслала мне Ваше письмо. Спешу заверить Вас, что я Вас несколько не забываю. Но

1) «*Дюринг*», 3-е издание; у меня его было всего *шесть* экземпляров, которые я никому не рассылал, кроме г-жи Лафарг и г-жи Эвелинг. Остальные у меня расхватили, как всегда бывает; все же нашелся еще один экземпляр, который я немедленно Вам пошлю.

2) «*Капитал*»; III том. Если он поступил в продажу в Париже и других местах, то это потому, что мне издатель прислал очень мало экземпляров. В *Риме* книга появилась тогда, когда я еще не получил ни одного экземпляра! Однако я жду через несколько дней новой посылки и тогда смогу переправить Вам тот экземпляр, который Вам уже давно предназначен.

Надеюсь, что Вы чувствуете себя хорошо; что до меня — мне жаловаться не приходится, но я начинаю замечать, что 74 года это не 47. Однако события должны помочь нам сохранить жизненные силы; вся Европа кипит, повсюду назревают кризисы, особенно в России. Долго там не может так продолжаться. Тем лучше.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

Прошу обратить внимание на перемену адреса!

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, erster Theil.

Buch III:

Der Gesamtprocess der kapitalistischen Production.

Kapitel I bis XXVIII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Das Recht der Uebersetzung ist vorbehalten.

Николай Субботин
Фридрих Энгельс
Лондон, 1. Dec. 1895.

Hamburg

Verlag von Otto Meissner.

1894.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ III тома «КАПИТАЛА» К. МАРКСА
С АВТОГРАФОМ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

230.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 22 декабря 1894 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Виктор,

Наконец-то мы с предложением денег продвинулись достаточно далеко, чтобы можно было начать деловые переговоры. Подробности тебе сообщит Луиза.

Что касается здешних корреспондентов, то М. Бееру дай, пожалуйста, такой корреспондентский значок, который бы достаточно ясно отличался от остальных, чтоб его нельзя было спутать. Это еще *совсем* новичок в Англии, наделенный галицийско-талмудистскими очками. Э. Бернштейн едва ли сможет много давать: ему часто нехватает времени даже для корреспонденций в «Vorwärts», он охотнее работает для «Neue Zeit».

Лафарг спрашивает, понадобится ли вам его сотрудничество. Я сказал ему, что вам надо будет в первую очередь подумать о Франкеле, но что точно я не знаю и напишу. Он — Лафарг — пишет живо и интересно, но, так же как и свои французские корреспонденции в «Vorwärts», *только по-французски*. Его жена также по-немецки *не пишет* и говорит сравнительно редко и не так свободно, как Тусси. Удобно ли вам самим делать переводы на месте — не знаю. Конечно, Лафарг рассчитывает на гонорар, так как он лишился своего депутатского вознаграждения; и об этом я тоже не мог ему ничего сказать.

Дела на континенте осложняются. В то время как у вас обеспечена избирательная реформа — а камни, которые раз уж покатались, останутся не так скоро, — в России начало конца царского всемогущества, так как самодержавие едва ли переживет эту последнюю смену монарха; в Италии дело идет прямо к революции, которая может стоить жизни монархии, а в Германии Вильгельмхен во что бы то ни стало хочет перейти через Галис и разрушить обширное царство. Лучшего момента для основания ежедневной газеты ты не мог бы и пожелать. Материала достаточно и притом такого, о котором другие партии должны судить вкривь и вкось, между тем как наша партия — единственная, которая с самого начала оценит его правильно.

А теперь желаю тебе, твоей жене (которой прошу передать сердечный привет) и детям веселого рождества!

Твой Ф. Э.

1895 год.

231.

Эмме Адлер

в Вену.

Лондон, 1 января 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемая г-жа Адлер,

Большое спасибо за любезные поздравления — Ваши, Вашего мужа и Ваших детей! От всего сердца отвечаю тем же и надеюсь, что Новый год будет радостным для Вас во всех отношениях. Для Вас и для Виктора открывается теперь новое, полное перспектив поле деятельности; мы, конечно, не раз сможем обнаружить следы Вашего участия в работе. Все мы здесь желаем этому новому делу — ежедневной «Arbeiter-Zeitung» — наилучшего практического успеха.

Передайте, пожалуйста, Виктору, на последнее письмо которого я отвечу на-днях, что я послал ему сегодня «заказным» экземпляр III тома «Капитала» Маркса. Он, вероятно, уже прибыл до получения этого письма. Адресован он, как и это письмо: Windmühlgasse, 30 A.

Еще раз сердечные поздравления и привет вам всем.

Ваш Ф. Энгельс.

232.

Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 1 января 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Кугельман,

От всего сердца благодарю тебя, твою жену и дочь за ваши дружеские пожелания и искренне желаю вам того же. А теперь — сразу к делу, потому что я завален перепиской и т. п.

Насколько я тебя понял прежде, собрание работ Маркса в Америке касалось, главным образом, его статей из «Трибуны». Эти статьи имеются у меня здесь в двух отдельных собраниях, из которых, во всяком случае, одно неполное, а возможно и оба, так как «Трибуна» печатала статьи Маркса и в качестве передовых, без подписи. Таким образом, третье собрание могло бы мне пригодиться лишь для пополнения, вот почему я тогда и посоветовал поместить его пока в архив, откуда в случае надобности я всегда смог бы его получить.

Теперь же ты говоришь о *ранних* произведениях, следовательно, о работах, относящихся к периоду до 1851 г., а это, конечно, совсем другое дело; в Берлине я тебя не так понял. Эти вещи, действительно, представляют огромную ценность, и только из-за их отсутствия я не смог предпринять полного издания этих мелких произведений — статей Маркса и моих, вышедших за 1842—1852 годы. Моя давнишняя мечта — издать эти работы, как только буду в состоянии это сделать, и если ты сумеешь предоставить в мое распоряжение возможно большее их количество, то и ты внесешь свою долю в это дело. Я тоже попробую снова поискать комплект «Рейнской Газеты» за 1842 г., главным образом ради статей Маркса.

Сообщи мне, пожалуйста, еще раз, кто составлял это собрание и, если нельзя прислать самих работ, добудь хотя бы список книг, журналов и т. п., вошедших в него, помимо статей из «Трибуны».

Г-жа Каутская с начала прошлого года уже не г-жа Каутская, а г-жа Фрейбергер. Ее муж — очень толковый молодой врач из Вены, бывший ассистент Нотнагеля, он рассорился там с факультетом, потому что читал рабочим лекции с демонстрацией трупов и разъяснял им социальные причины их заболеваний. Теперь он думает заняться здесь научной медициной, и я не сомневаюсь в том, что он очень скоро добьется успеха, потому что знает гораздо больше, чем большинство англичан. Чтобы не вносить чересчур больших изменений в мой домашний быт, мы сняли на той же улице более просторный дом, где и живем втроем или, вернее, вчетвером (ибо семь недель тому назад появилась еще маленькая девочка).

Итак, Луиза и я от всей души поздравляем вас всех еще раз с Новым годом и шлем сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

Что касается опечатки, которая сама является опечаткой, то я проверю.

233.

Герману Шлютеру

в Хобокен.

Лондон, 1 января 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Шлютер,

Я еще не ответил на твое письмо от 11 августа и, кроме того, должен еще поблагодарить тебя за отчеты «Переписи и т. д.», которые я получил своевременно. Но я был очень перегружен всякого рода работой, а неотложная партийная и деловая корреспонденция почти лишила меня возможности вести частную переписку, от чего пришлось пострадать также и Зорге. Ты, вероятно, знаешь от него, что Луиза Каутская стала теперь женой д-ра Фрейбергера и матерью крепкой и здоровой девочки и что мы все переселились в № 41 по Риджентс-парк-род.

Зорге, вероятно, сказал тебе, что я тебе послал экземпляр III тома «Капитала» на адрес «Volkszeitung», так как не знаю, действителен ли еще твой адрес в Хобокене. Во всяком случае, адрес «Volkszeitung» казался мне более надежным. Твое поручение к Эде я не мог выполнить, так как «Neue Zeit» давно уже пригласила его для этой же цели, о чем, собственно говоря, я должен был бы тебе написать раньше; извини, пожалуйста, что не сделал этого.

Здесь дела обстоят приблизительно так же, как и у вас. В *mass* социалистический инстинкт становится все сильнее, но как только дело доходит до того, чтобы претворить инстинктивные стремления в ясные требования и мысли, начинается разброд: одни идут в Социал-демократическую федерацию, другие в Независимую рабочую партию, третьи остаются в тред-юнионах и т. д. и т. д. Коротче говоря, налицо одни секты, а партии нет. Из вождей почти никому нельзя доверять, кандидатов на высшее руководство очень много, но они отнюдь не обладают выдающимися способностями для такого поста, и к тому же обе большие буржуазные партии стоят наготове с кошельком в руках и высматривают, кого бы можно купить. При этом здешняя, так называемая «демократия» крайне сужена *косвенными* ограничениями. Печатный орган стоит бешеных денег, равно как и кандидатура в парламент и расходы члена парламента, хотя бы вследствие обширной корреспонденции, связанной с этим. Проверка скверно составленных списков избирателей также стоит больших денег, и до сих пор никто, кроме двух официальных партий, не в состоянии нести эти расходы. Поэтому, кто не запи-

шется в одну из этих двух партий, тот едва ли попадет в список избирателей. Во всех этих делах здешняя публика значительно отстала от континента и начинает замечать это; кроме того, здесь не существует перебаллотировки и достаточно относительного большинства или, как говорите вы, американцы, plurality. При этом все организовано в расчете *только на две* партии, третья может в лучшем случае дать перевес одной из них, пока не сравняется с ними в силе.

Здешние тред-юнионы не способны осуществить даже что-либо подобное бойкоту пивоваренных заводов в Берлине. Третейский суд, вроде того, какой завоеван там, является здесь чем-то пока недосягаемым.

А между тем — так же как и у вас — когда рабочие осознают, чего они хотят, в их руках будет и государство, и земля, и промышленность, и все.

Все это для тебя, а не для «*Volkszeitung*».

Луиза шлет тебе привет, и мы оба от души желаем тебе счастливого Нового года.

Твой Ф. Энгельс.

234.

Виктору Адлеру

в Вену.

Черновик:

Лондон, начало января 1895 г.

Дорогой Виктор,

Прошу тебя передать австрийским рабочим мои поздравления по случаю основания ежедневной газеты. В жизни каждой партии, а в особенности рабочей партии, первая ежедневная газета знаменует огромный шаг вперед. Это первая позиция, с которой партия может бороться со своими противниками равным оружием, по крайней мере в области печати. Эту позицию вы себе завоевали; теперь вам надо завоевать вторую: избирательное право, парламент. Это вам тоже обеспечено, если вы так же умело используете все более благоприятствующее вам политическое положение, как использовали его в течение последних пятнадцати месяцев, если вы сумеете в нужную минуту решительно действовать и, как это тоже часто бывает необходимо, в нужную минуту выждать и предоставлять обстоятельствам действовать за вас.

Желаю счастья и успеха ежедневной рабочей газете!

Твой

235.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 3 января 1895 г.

Дорогой Барон,

Прежде всего — мы все от всего сердца поздравляем вас с Новым годом. Большое спасибо за потешное сообщение о великом открытии Либкнехта. Из первых же написанных тобой строк я понял, что дело могло идти лишь об этом старом письме к Швейцеру¹, и вдвойне оценил комизм положения. Достаточно, впрочем, если ты в своем экземпляре отметишь разночтения между оригиналом и печатным текстом и сообщишь их мне при случае для внесения в мой экземпляр. Вступать в переписку с Либкнехтом по поводу права собственности на рукопись мне не хочется: это вряд ли к чему-нибудь приведет.

Статья Фиремана, действительно, местами настолько запутана, вследствие чреватых ошибками вторжений в другие области марксовой теории, а также из-за всяких метафизических, т. е. антидиалектических отступлений, что тот удачный прием, благодаря которому он ближе, чем кто-либо подходит к существу вопроса, почти затушевывается. Поэтому статья и не произвела абсолютно никакого впечатления. Только не упуская совершенно из поля зрения специальный вопрос, которому посвящена статья, можно обнаружить в ней верно, дальнейшее развитие которого ведет к разрешению всего вопроса.

Вам предстоит, повидимому, очень оживленный год в Германии. Если г. фон Келлер и дальше так будет действовать, то возможно все: конфликт, роспуск, октроирование, государственный переворот. Удовлетворятся, конечно, и меньшим. Юнкеры вполне довольствовались бы увеличением подачек, но чтобы этого добиться, им пришлось бы апеллировать к известной жажде личной власти и до некоторой степени потакать ей, причем в игру вмешались бы факторы сопротивления, а затем на сцену выступил бы случай, т. е. непредвиденное и не поддающееся учету. Чтобы обеспечить себе подачки, надо угрожать конфликтом, но еще шаг вперед — и первоначальная цель, подачка, превратится во второстепенную, корона встанет против рейхстага — согнуть или сломить! — и тут может начаться пляска. Я как раз читаю «Едиличное правление Карла I» Гарди-

¹ Речь идет о письме Маркса Швейцеру «О Прудоне» от 24 января 1865 г. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 23, примечание.

нера. Все иной раз до смешного совпадает с нынешней Германией. Например, доводы относительно неприкосновенности депутатов в связи с их деятельностью в парламенте. Революционный конфликт был бы неизбежен, если бы Германия была романской страной, а так — «nix Gewisses weiss man nit», как говорил Жоллимейер¹.

История с крестьянским вопросом между тем незаметно заглохла, но атака Августа была все же большой заслугой и исправила многое, упущенное во Франкфурте. Господа баварские социалисты с оговорками (Reservatrechtssozialisten), конечно, не скоро снова захотят играть с огнем.

Здесь среди различных мелких фракций пока попрежнему продолжается старая канитель. Они уже с меньшим пылом участвуют в обоюдной склоке, но с тем большим азартом интригуют за кулисами. Зато в массах, которых инстинкт влечет к социализму, все сильнее становится стремление к сознательному и объединенному действию. Массы хотя и менее ясно видят, чем отдельные вожди, все же они во много раз лучше, чем все вожди в совокупности; только процесс развития сознательности протекает медленнее, чем где бы то ни было, потому что почти *все* старые вожди заинтересованы в том, чтобы направить это пробуждающееся сознание в том или ином особом направлении или, попросту говоря, его извратить. Что же, надо вооружиться терпением.

Итак, еще раз поздравляю с Новым годом, большой привет.

Твой Ф. Энгельс.

. 236.

Людвигу Шорлеммеру

в Дармштадт.

Лондон, 3 января 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Шорлеммер,

Я должен еще поблагодарить Вас за Ваши дружеские пожелания ко дню моего рождения и за новогоднюю открытку; со своей стороны, от всего сердца поздравляю и Вас с Новым годом!

У нас за это время тоже произошли различные перемены. В начале прошлого года г-жа Каутская вышла замуж за здешнего молодого врача из Вены, доктора Фрейбергера, и так как мы хотели попрежнему оставаться вместе, то решили снять более просторный

¹ Жоллимейер — дружеское прозвище К. Шорлеммера. Энгельс приводит его слова на местном диалекте. Смысл их: «Ничего нельзя знать определенно».

дом, который и нашелся по соседству. Едва мы успели переехать и устроиться, как у г-жи Фрейбергер родилась девочка; мать и ребенок здоровы и чувствуют себя превосходно. Пумпс с семьей с лета снова в Лондоне, дела ее мужа шли на острове Уайт неважно, и он решил снова попытаться счастья здесь.

Книгу Карла «Возникновение и развитие...»¹ я тоже получил на-днях. Что касается большого учебника, издаваемого совместно с Роско, то I том (заново переработанный двумя молодыми химиками) недавно вышел; по принятым для таких работ условиям оплаты, наследникам Карла едва ли многое перепадет, если вообще перепадет что-нибудь.

Партийный съезд во Франкфурте прошел несколько вяло по сравнению с прежними съездами, главным образом потому, что Фольмар и баварцы своим баварским ультиматумом буквально захватили врасплох остальных делегатов, и те, из страха перед возможным расколом, не приняли никакого решения по важнейшим вопросам; но преодолеть все эти мелочи поможет нам глупость наших врагов. Не довольствуясь законопроектом против попыток к ниспровержению существующего строя (Umsturzvorlage), эти гении вздумали еще возбудить преследование против Либкнехта в связи с некоей разыгравшейся в рейхстаге историей, и таким образом превратить нас в защитников конституционных прав рейхстага! И именно этот новый конфликт дает нам возможность завершить берлинский пивной бойкот победой, влияние которой за границей, и в особенности здесь, в Англии, было очень велико. Ибо несмотря на семидесятилетнее легальное существование профессиональных союзов и широкую свободу союзов, здешние рабочие еще далеки от того, чтобы добиться такого третейского суда, какой завоеван в Берлине. Одна газета пишет: «Императору Вильгельму следует подумать о том, что люди, сумевшие справиться с пивной бочкой, справятся и со скипетром». И вот чего мы достигли: в Германии осталось только два человека, к словам которых прислушиваются все: это — кайзер Вильгельм и Август Бебель. Последняя речь Бебеля была блестяща, но ее следует читать по стенограмме.

Мое здоровье опять в порядке. Я замечаю, правда, что 74 это не 47, что я не могу больше позволять себе прежних вольностей в еде, питье и т. п. и не так легко, как раньше, переношу перемену погоды. Но все-таки для своего возраста я еще вполне крепок и

¹ Книга К. Шорлеммера «Возникновение и развитие органической химии» вышла в Лондоне в 1894 г.

надеюсь еще много чего увидеть, особенно если господа в Берлине — а на это очень похоже — захотят поиграть немного в конституционный конфликт. Прусские юнкеры способны довести дело до того, что социал-демократам придется выступить в роли защитников имперской конституции против нарушающего конституцию, жаждущего государственного переворота юнкерства. Нам это только наруку. Итак, вперед!

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса.

237.

Паулю Штумпфу

в Майнц.

Лондон, 3 января 1895 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой старина,

В ответ на твои поздравления по поводу моего 74-летия (ты настолько любезен, что на год убавляешь мой возраст) я, как видишь, отвечаю энергичным возгласом: «С Новым годом!» Надеюсь, что будущий год застанет нас обоих еще здоровыми и бодрыми. У меня еще есть такое желание — заглянуть в новое столетие, а к 1 января 1901 г. я уже вообще ни на что не буду годен, и тогда может наступить конец.

Партийные разногласия меня не очень взволновали: гораздо лучше, когда время от времени происходит нечто подобное, и люди как следует высказываются, чем когда они впадают в спячку. Именно непрерывный и неудержимый рост партии вширь и приводит к тому, что новые элементы переварить труднее, чем те, которые влились раньше. Рабочие больших городов, т. е. наиболее интеллигентные и сознательные, уже с нами; приходят теперь либо рабочие провинциальных городов или сельских округов, либо студенты, приказчики и т. д., либо же борющиеся с разорением мелкие буржуа и сельские кустари, которые еще владеют клочком земли или арендуют его; теперь, кроме того, приходят еще и подлинные мелкие крестьяне. И так как наша партия фактически является единственной действительно прогрессивной партией, и притом единственной партией, достаточно мощной для того, чтобы добиться каких-либо успехов, то не трудно поддаться соблазну — слегка воздействовать при помощи социалистической агитации также и на становящихся мятежными, обремененных долгами, средних и крупных крестьян, в особенности в тех областях, где они среди сельского населения преобладают. При этом, конечно, выходят также за границы принципиально

допустимого для нашей партии, что влечет за собой известную борьбу, но наша партия обладает настолько здоровым организмом, что ей все это не вредит. Нет человека, настолько глупого, чтобы всерьез пожелать оторваться от широкой партийной массы, и настолько самоуверенного, чтобы вообразить, будто он сможет *рядом* с нашей великой партией основать еще крошечную частную партию, вроде швабской народной партии, число членов которой благополучно было доведено с семи до одиннадцати швабов. Все эти раздоры только способствуют разочарованию буржуазии, которая вот уже двадцать лет все рассчитывает на раскол и в то же время в течение тех же двадцати лет заботливо оберегает нас даже от самой опасности возникновения раскола. Так обстоит дело и теперь с законопроектом против попыток к ниспровержению существующего строя, с возведением Либкнехта в защитники прав рейхстага и имперской конституции и с угрозами государственного переворота и нарушения законов сверху. Конечно, и у нас совершаются глупости, но чтобы дать возможность таким противникам нас победить, мы должны были бы обладать уж такой совершенно непроходимой глупостью, какую сейчас не купишь ни за какие богатства в мире. Впрочем, твой план — дать молодому поколению разочек поруководить партией, чтобы оно запуталось, был бы вовсе не так плох, но я думаю, что они наберутся ума-разума и без этого эксперимента.

Как ты можешь судить по адресу, я, как говорят у нас, «переселился одним домом подальше»; этот дом много лучше и удобнее и расположен у самого входа в парк.

Надеюсь, что «Святой Дух», где мы в свое время осушили не мало кружек, все еще процветает; я бы не прочь опять укрыться от летней жары под его готическими сводами. Кто знает, что будет впереди; не надо ничего считать невозможным.

Итак, еще раз: с Новым годом и сердечный привет

Твой Ф. Энгельс.

238.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 9 января 1895 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Ваше письмо от 1 декабря получил своевременно. Что хочет сказать г. Струве, говоря, будто Маркс *дополняет* теорию народонаселения Мальтуса, но не *опровергает* ее, — этого я не понимаю. Мне кажется, что примечание 75 о Мальтусе в I томе, глава XXIII, 1)

должно быть достаточно ясно для каждого. Больше того, я не понимаю, как можно сейчас говорить о *дополнении* теории Мальтуса, когда основой этой теории является утверждение, что *рост народонаселения обгоняет рост средств существования*, между тем как хлеб продается в Лондоне по 20 шиллингов за четверть, более чем наполовину дешевле средней его цены в период от 1848 до 1870 гг., и когда, по всеобщему признанию, *рост средств существования обгоняет теперь рост народонаселения*, которое недостаточно велико, чтобы потребить их! И если в России крестьянин вынужден продавать тот хлеб, который он должен был бы съесть сам, то, конечно, он делает это не под воздействием возросшего населения, а под воздействием сборщика податей, землевладельца, кулака и пр. и пр. Насколько мне известно, низкая цена аргентинской пшеницы имеет на аграрные бедствия во всей Европе, включая и Россию, большее влияние, чем что-либо другое.

Как мы только что узнали, одному петербургскому ученому сообщено, что он может свободно получить III том, если специально обратится за этим в цензурное ведомство. Я счел не бесполезным сообщить Вам этот факт, так как он может побудить Вас дать мне указания о способе доставки Вам остальных листов, которые я держу для Вас наготове.

Искренне Ваш

Л. К.

Прошу обратить внимание на изменение номера дома.

239.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 9 января 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Виктор,

Пишу тебе сегодня, собственно говоря, только затем, чтобы известить, что в воскресенье вечером Луиза бандеролью послала в адрес редакции «Arbeiter-Zeitung», 10, Schwarzspanierstrasse, рукопись, состоящую из трех заметок; в них содержится:

1. кое-что о хлопчатобумажной промышленности,
2. кое-что о деятельности Парламентского комитета конгресса тред-юнионов («Arbeiter-Zeitung» отчасти уже предвосхитила это),
3. кое-что из одной парижской корреспонденции г-жи Крауфорд.

Так как у вас бывали раньше затруднения при пересылке рукописей бандеролью, считаю нужным уведомить об этом.

Если вновь попытаются взыскать с вас дополнительно плату за пересылку под предлогом, что рассматривают это отправление, *как письмо*, то пора, наконец, подать жалобу. Согласно официально приведенной в английском почтовом справочнике цитате (она приведена там в кавычках) «рукописи книг или других литературных произведений» для международных отправок всемирного почтового союза принимаются бандеролью из расчета $\frac{1}{2}$ пенни за 2 унции веса. Полагаю, что можно добиться применения этого и у вас. Или, быть может, «Arbeiter-Zeitung» хочет добровольно уплачивать при пересылке двадцатикратный штраф ($2\frac{1}{2}$ пенни за $\frac{1}{2}$ унции)?

Далее. Из России нам сообщили, что в декабрьском номере «Вестника Европы» помещена очень резкая, в условиях русской цензуры просто неслыханной резкости, статья об Александре III¹. Так как твоя жена вполне владеет русским языком, то, пожалуй, стоило бы ей просмотреть эту статью и по возможности ее использовать. Было бы презабавно, если бы «Arbeiter-Zeitung» опередила буржуазные газеты и в таких вещах.

До сих пор сюда дошли №№ 1 и 3—8 «Arbeiter-Zeitung», все это было адресовано на имя Людвига Фрейбергера, и один экземпляр № 1, адресованный твоей рукой, мне. Переход от газеты, выходящей два раза в неделю, к ежедневной, в смысле расположения материала еще не вполне закончен, но уже заметно, что он происходит; номер, вышедший в четверг вечером, как и воскресный номер — каждый со своим особым характером и предназначенный для особой публики — отличаются от остальных номеров. Вполне понятно, что у тебя пока нехватает времени для передовых статей; с Марксом в «Новой Рейнской Газете» было то же самое: за весь первый месяц он написал только две передовые, а за всю первую четверть года не больше пяти. У главного редактора вначале достаточно хлопот с организационными делами, и это самое важное. Вообще же газета уже совсем хороша для первой недели; то, чего еще недостает, приложится.

Твое поручение Вандервельде мы передали 1 января, когда он к нам зашел ненадолго.

¹ Энгельс имеет в виду статью «Внутреннее обозрение», опубликованную в «Вестнике Европы», книга 42, декабрь 1894 г.

Лауре я сообщил из твоего письма все необходимое, но с тех пор — ни слуху ни духу; возможно, что Лафарг написал прямо тебе.

Относительно «Маркса в Вене в 1848 г.» я не могу тебе доставить много материала. Посмотрю в «Новой Рейнской Газете», может быть, найду там данные, а также более подробные сведения о Бехере. Нашим венским корреспондентом был некий Мюллер-Теллеринг из Кобленца, фанатик, как и все кобленцы, и склочник первого разряда; по возвращении в Германию он только в конце 1849 г. явился в Кельн и затеял склоку с красным Беккером. Затем он приехал в Лондон, из-за пустяковой личной истории (которая могла бы быть улажена двухминутным разговором, если бы он все так не извратил) тотчас затеял также склоку против нас и немедленно выпустил брошюру «Предвкушение диктатуры Маркса и Энгельса». Затем он уехал в Америку, пытался нам нагадить, но очень скоро сошел со сцены. Его венские отчеты до вступления Виндишгреца были преувеличенно революционны, что, в противовес выступавшей повсюду все сильнее реакции, было нам на руку; но о том, что он писал об отдельных лицах, мы в то время не могли издалика иметь суждение; несомненно, однако, что в этом было много субъективного. В то бурное время нам приходилось возлагать именно на наших корреспондентов большую ответственность за такие вещи и, в соответствии с этим, предоставлять им также большую свободу.

Еще одно политическое известие, которое, может быть, пригодится тебе, если речь снова пойдет о подобных вещах: третьего дня вечером здесь передавались политические сплетни о министерском кризисе: будто канцлер казначейства Харкерт хотел подать в отставку. Харкерт немедленно опроверг это утверждение, заявив, что *в том виде, в каком оно сделано (as made)*, оно-де безусловно вымышлено. Было бы неправдоподобно, чтобы канцлер казначейства *один* захотел уйти в отставку в тот момент, когда у него активный баланс в 3 миллиона фунтов, и он может, следовательно, блестяще составить бюджет. Но дело заключалось в следующем: Харкерт стоит за введение депутатских вознаграждений для членов парламента еще до роспуска и встречает сильное противодействие в кабинете, вероятно, также и у королевы. Он угрожал, повидимому, уходом и добился уступок в этом вопросе — во всяком случае, пока все опять вошло в колею. Видишь, как неустойчиво здесь положение вещей в официальном мире.

Относительно денег все нужные шаги предприняты, думаю, что через несколько дней ты получишь более подробные сведения и, надеюсь, деньги наличными.

Луиза хочет еще приписать несколько строк для тебя. Она и Людвиг шлют тебе привет. Привет тебе и твоей жене также от меня.

Твой Ф. Энгельс.

5-го сего месяца мы послали тебе три экземпляра английских социалистических газет: «Clarion», «Justice», «Labour Leader» (Кейр Гарди) и в дальнейшем тоже будем время от времени посылать тебе различные номера этих газет, чтобы ты сам мог выбрать ту, которая тебе больше нравится. Просмотри их, пожалуйста.

240.

Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 9 января 1895 г.

Дорогой Кугельман,

Напиши, пожалуйста, сейчас же Ливингстону в Питтсбург насчет мейеровского списка собрания *более ранних* вещей; судя по твоему последнему письму, их, вероятно, там не очень много, но в старых журналах и сборниках за 1843—1847 гг. тоже кое-что найдется, частично без подписи. Узнай также, цело ли еще то собрание статей из «Трибуны». Одновременно я попрошу других друзей в Америке тоже начать там розыски у букинистов, так чтобы дело сдвинулось с места.

Сердечный привет твоей жене и дочери

Твой Ф. Э.

Не можешь ли ты достать мне небольшое количество твоих красных металлических скрепок?

241.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 12 января 1895 г.

Дорогой Виктор,

В последний раз я писал тебе 9-го сего месяца на Schwarzspanier. Сегодня вторично уведомляю тебя для верности, что Луиза послала тебе вчера заказным письмом на Ferstelgasse, 10, чек на 3 500 гульденов, выписанный 10 сего месяца Англо-иностранной банковской компанией на Юнион банк в Вене, на имя д-ра Виктора Адлера; деньги подлежат выплате в восьмидневный срок.

Если ты его получил своевременно, то извести, пожалуйста, об этом Луизу в двух строках, тогда можно будет уведомить здеш-

них людей, чтобы они не беспокоились. Формальный документ с необходимыми подписями может быть послан потом.

Если же ты не получил чека, то беги немедленно в банк и приостанови платеж. Международная почта не разрешает, к сожалению, объявления стоимости, т. е. страхования, поэтому имеются оговаривания для известных опасений.

По поводу Маркса я просмотрел «Новую Рейнскую Газету». Нашел только следующее: номер от 25 августа 1848 г. извещает, что «К. М. отправился вчера на несколько дней в Вену». (Но не из Кельна, оттуда он уже уехал; думаю, что он дал указание поместить это извещение, будучи в Гамбурге.) И затем позднее, из Вены, 31 августа, («Новая Рейнская Газета» от 6 сентября), сообщение, что Маркс накануне читал в Венском рабочем союзе в Иозефштадте доклад о социальных отношениях в Западной Европе (после него говорил Штифт в том же союзе) и согласно номеру от 8 сентября. Маркс говорил 2 сентября «на собрании Первого венского рабочего союза о социально-экономическом положении». — Это все. Между тем. 7 сентября в Берлине имело место решающее голосование предложения Штейна, министерство Ганземана пало, конфликт был налицо. и Маркс спешно возвратился. 12 сентября он опять писал передовую для номера от 13 сентября 1848 г., который вышел в тот же вечер.

Вчера вечером Луиза снова послала две заметки бандеролью.

Твой Ф. Э.

«Clarion» и «Labour Leader» снова отправлены сегодня в адрес редакции.

Тебе и твоей жене огромное *спасибо* за великолепный календарь!

242.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

12 января 1895 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Барон,

Я только что получил заказное письмо от г. Штибелинга с комичным ответом на мое предисловие и, пожалуй, еще более комичным требованием устроить этот его ответ в «Neue Zeit». Я могу только ответить этому господину, что я не распоряжаюсь столбцами «Neue Zeit», но был бы очень рад, если бы редакция способствовала возможно более широкому распространению *этого* его ответа. И на

этом я распрощаюсь со Штибелингом и предоставляю его собственной судьбе.

По поводу прений о «ниспровержении»: Игнац¹, кажется, прекрасно сделал свое дело, а в остальном, слава богу, есть еще ослы в Берлине!

Твой Ф. Э.

243.

Герману Энгельсу

в Бармен.

Лондон, 12 января 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W

Дорогой Герман,

Итак, наконец-то! Но у меня нет времени извиняться. Прежде всего благодарю за твои сообщения, которые опять до некоторой степени ввели меня в курс дела. В виде компенсации я также тебе кое-что сейчас расскажу. Во-первых, ты заметил в начале письма измененный адрес. Это произошло следующим образом.

Год с лишним тому назад состоялась помолвка моего товарища-домочадца г-жи Каутской с ее земляком, молодым, чрезвычайно дельным врачом из Вены, д-ром Фрейбергером, который поселился здесь два года тому назад; вскоре возникло желание завершить помолвку браком. Но так как у меня не было никакого желания попасть на старости лет к чужим людям, то мы условились поселиться всем вместе, втроем, и в связи с этим возникла потребность в большем доме. В начале февраля молодые люди поженились. Мы оставались пока в доме № 122, но вскоре нашли очень хороший, большой и исключительно подходящий по цене дом в гораздо лучшей части той же улицы и сняли его. Мы живем там с начала октября, а в начале ноября Луиза с редкой пунктуальностью подарила своему супругу девочку.

Дом находится примерно на 500 шагов ближе к городу, от него до Примроз-хилл 100 шагов, а до входа в Риджентс-парк и того меньше. В подвальном этаже расположена, кроме кухни и т. п., еще уютная комната для завтрака, в первом этаже — гостиная и столовая, в которой свободно могут сесть за стол 24 человека; в бельэтаже находится мой кабинет с тремя окнами на улицу, но, несмотря на это, довольно хорошо отапливаемый, на противоположной стороне — моя спальня, тоже просторная; третий этаж — четыре комнаты, занимаемые семьей Фрейбергер; четвертый этаж — также

¹ Игнац Ауэр.

четыре комнаты для прислуги, для гостей, под кладовую и т. д. Перед домом — садик, позади — второй побольше, по здешним понятиям уже совсем приличный. Все вместе взятое обходится в 85 фунтов стерлингов в год, между тем как раньше мне приходилось платить 60 фунтов стерлингов. Секрет заключается в том, что хозяин дома живет в Ланкашире и хочет не вкладывать в дом деньги, а только извлекать их из него. Поэтому я выложил около 200 фунтов стерлингов на ремонт, но соответственно в течение двух с половиной лет не буду вносить квартирной платы. Последний жилец, врач, платил 130 фунтов стерлингов; вот видишь, как сильно может колебаться здесь стоимость дома.

Эта история с домом тянулась все лето, и так как я снял дом на семь лет с правом возобновления найма еще на семь лет, то в связи с этим, а также по поводу обеспечения моего аванса пришлось вести долгие переговоры с адвокатами, что не позволяло мне уезжать далеко от Лондона. Я пробыл поэтому только около пяти недель в Истберне на южном побережье. Это все же самый красивый из всех мне известных морских курортов и на деле постепенно становится морским пригородом Лондона для людей, которым надо бывать в Лондоне только раза два в неделю.

Поздравь, пожалуйста, еще раз Елизавету с ее уже состоявшейся помолвкой, а Вальтера с благополучным, надеюсь, исходом экзаменов. Собственно говоря, я еще не ответил Вальтеру на одно письмо, но извинения перед ним, также как и перед тобой, я вынужден, к сожалению, отложить. Не сердись!

Теперь насчет хереса. День на день не приходится, и то же можно сказать о годах для вина. Раздобыть вторично тот же херес вне наших возможностей. Я ждал посещения Бретта, моего поставщика, но он явился гораздо позже, чем обычно. Я просил его прислать мне на пробу три бутылки хереса различных сортов, возможно более похожего на тот, который был послан тебе ранее. Ящичек только что прибыл. В понедельник я его доставлю в Международную транспортную контору, ты получишь его, вероятно, багажом, так как он превышает предельный вес в семь фунтов, положенный для международных почтовых сообщений. Я посоветовал бы тебе при пробе сохранить полбутылки понравившегося тебе сорта. Бутылки пронумерованы №№ 1, 2 и 3 и при заказе достаточно указать номер. Цена всех трех сортов — 42 шиллинга за дюжину или 3 шиллинга 6 пенсов за бутылку франко-Лондон. Если ты не распорядишься иначе, я отправлю вино пароходом прямым сообщением на Кельн или Дюссельдорф.

Еще одно. Так как теперь вам приходится производить меньше платежей за мой счет на континенте, то мое сальдо у вас снова увеличивается. Переезд на новую квартиру также стоил денег, кроме аванса хозяину дома; поэтому если ты в течение этого месяца мог бы прислать мне, скажем, 40 фунтов стерлингов, это было бы очень приятно.

В заключение могу сообщить тебе приятное известие, что я, наконец, стал стариком. Прошлой весной у меня был бронхит, который, хотя и протекал в легкой форме, все же продолжался не менее шести недель; а затем в течение последнего года я сильно страдал от давления в области желудка, запоров и т. п. Тут я в конце концов вынужден был согласиться с Фрейбергером, что былого легкомыслия я себе больше позволять не могу. А когда большая лысина со все возрастающим презрением смотрит на тебя из зеркала, то ты уже не можешь не признать того, что 74 и 47 — совсем разные вещи. Я очень ограничиваю себя в еде и питье и приходится также мириться со всякими непривычными для меня мерами предосторожности от простуды. Что ж, ничего не поделаешь, хорошее настроение меня из-за этого все же не покидает.

Ну, вот теперь мы, надеюсь, расквитались. Передай, пожалуйста, сердечный привет Эмме, твоим детям и внукам, а также Рудольфу и Гедвиге и их семьям.

Всегда твой старый

Фридрих.

244.

Фридриху-Альберту Зорге

в Хобокен.

Лондон, 16 января 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Зорге,

Получил открытку от 6-го и письма от 19 и 31 декабря. Большое спасибо за новогодние пожелания от тебя и твоей жены. Еще раз от души отвечаю вам тем же!

Штибелинг прислал мне в качестве новогоднего поздравления свой нелепый ответ с тем, чтобы я побудил «Neue Zeit» напечатать его!! Я ответил, что столбцами этого органа я не распоряжаюсь, но что сказал К. Каутскому (и это правда), что он доставит мне особенное удовольствие, если обеспечит этой вещи возможно более широкое распространение. Этот Штибелинг — совершенный тупица.

Мне непонятно, каким образом ты получил III том на пять дней позже Шлютера. Я сдал оба экземпляра одновременно, 12 декабря;

обе квитанции *до сих пор еще скреплены вместе*, прилагаю их на тот случай, если ты захочешь жаловаться.

Временный упадок движения в Америке мне бросился в глаза уже с некоторых пор, и немецкие социалисты его не приостановят. Америка *самая молодая*, но в то же время и *самая старая* страна в мире. Так же, как наряду со стародавней мебелью, у вас имеется новая, изобретенная вами совершенно самостоятельно, как в Бостоне в ходу дрожки, какие я видал в Лондоне в последний раз в 1838 г.¹, а в горах — дилижансы XVII века наряду с пульмановскими вагонами, точно так вы сохраняете и все сброшенные в Европе старые духовные одежды. Все, что здесь отжило свой век, может в Америке просуществовать еще одно — два поколения. Например, Карл Гейнцен, не говоря уже о религиозных и спиритических суевериях. Так, у вас сохранились еще старые лассальянцы, а люди вроде Саниаля, которого во Франции рассматривали бы в наши дни как антикварную редкость, могут там еще играть роль. Это происходит, с одной стороны, оттого, что в Америке лишь теперь начинают находить время не только для заботы о материальном производстве и обогащении, но и для свободного духовного развития и необходимой для того подготовки; а, с другой стороны, это происходит и из-за раздвоенности развития Америки, которая, с одной стороны, занята еще *первоначальной* задачей: освоением огромной нетронутой целины, а с другой — принуждена уже бороться за первое место в промышленном производстве. Отсюда — приливы и отливы в движении, в зависимости от того, что берет перевес в голове среднего американца — сознание промышленного рабочего или сознание поднимающего целину крестьянина. Через несколько лет положение изменится, и тогда можно будет констатировать большой прогресс. Развитие англо-саксонской расы с ее древнегерманской свободой идет совершенно своеобразным, медленным, зигзагообразным путем (здесь, в Англии, зигзаги маленькие, у вас — гигантские); это какое-то лавирование против ветра, — но в силу этого все же получается движение вперед.

Здесь, в Европе, уже в этом году станет очень беспокойно. Крестьянский вопрос в Германии отеснен на задний план законопроектом против попыток к ниспровержению существующего строя и благодаря молодому Вильгельму (его гимн Эгиру, повелителю вод, — просто следствие морской болезни, которой он каждый раз

¹ У Энгельса, очевидно, описка — впервые в Лондоне он был весной 1840 г., а в 1838 г. он жил в Бармене и Бремене (Германия).

страдает, поэтому он постоянно и отправляется со своим флотом в тихие норвежские фиорды). Этот молодой человек привел все в беспорядок в Германии, никто не знает, что делать и что будет завтра, смятение в правящих слоях, как и вообще в господствующих классах, все больше растет с каждым днем, так что наши люди были единственными, у которых во время дебатов о законопроекте были веселые лица. Но это, действительно, великолепно: во главе противников «испровержения» стоит человек, который даже на пять минут не желает отказаться от покушений на государственный строй. И этот молодой Вильгельм попал теперь в руки юнкеров, которые, чтобы удержать его в настроении, когда он готов оказать им усиленную государственную помощь для их обанкротившихся дворянских поместий, заманивают его перспективой новых налогов, новых солдат и новых военных судов, напыщенно выступают за *regis voluntas suprema lex*¹ и толкают его на роспуск рейхстага и на государственный переворот. Но в то же время гг. Келлеры и присные, столь надменные в своих речах, настолько трусливы на деле, что уже и сейчас испытывают всякого рода страхи; большой вопрос, не испугаются ли они в самый решительный момент.

А Франция! Там, как и в Италии, буржуазия очертя голову предалась коррупции и превзошла в этом отношении Америку. Вот уже три года, как в обеих странах основная проблема в том, где бы найти буржуазное министерство, не то, что совсем неподкупное, но хоть менее *непосредственно* скомпрометированное в ставших *известными* скандалах, чтобы парламент мог его поддерживать, не слишком оскорбляя самые элементарные чувства приличия. В Италии Криспи продержится еще некоторое время лишь потому, что не менее, чем он сам, замешаны в банковских скандалах король и наследный принц. Во Франции наши 45—50 социалистических депутатов свалили теперь третье министерство из-за его явной продажности, а вслед за ним полетел и Казимир-Перье. Он, повидимому, хочет, в качестве единственного спасителя общества, вновь быть избранным подавляющим большинством и этим обеспечить себе более прочное положение. Но эта игра — рискованная. Во всяком случае, во Франции тоже все шатается, и в этом году нам, возможно, предстоит не только в Англии, но и в Германии и Франции переборы, которые на этот раз будут иметь *решающее значение*. К тому же в Италии свирепствует перворазрядный кризис, а в Австрии неизбежна избирательная реформа, словом — по всей Европе положение становится критическим.

¹ *Лат.* — воля монарха — высший закон.

Меня очень обрадовало, что тебе и твоей жене лучше, надеюсь, что так будет продолжаться.

Сердечный привет тебе и твоей жене от Фрейбергеров и меня.

Твой Ф. Энгельс.

245.

Фердинанду Теннису

в Киль.

Лондон, 24 января 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый г. профессор,

Я еще не поблагодарил Вас за Вашу критику книги Барта и интересную статью о Песталоцци, любезно присланные мне. Причиной этого опоздания — за которое приношу извинения — были мои занятия, усугубленные к тому же переездом (прошу обратить внимание на перемену адреса!).

С г. Бартом Вы обошлись, по-моему, несколько снисходительно, от меня он во всяком случае так легко бы не отделался. Приходится, правда, привыкать к тому, что в литературных спорах противник, подобно адвокату, замалчивает то, что ему не выгодно, и привлекает то, что к делу не относится, рассчитывая пустить этим читателю пыль в глаза. Но г. Барт все же проделывает это таким образом и в таких размерах, которые неизбежно влекут за собой вопрос: простое ли это невежество и ограниченность или же преднамеренное и сознательное искажение? Взять хотя бы только раздел о Марксе, — чем объяснить встречающиеся там чудовищные ошибки, почти все совершенно непостижимые у человека, который якобы читал моего «Анти-Дюринга» и «Фейербаха», где все эти ошибки в достаточной мере предупреждены. И что сказать о приписываемой мне идиотской причинной связи на стр. 135: «Во Франции кальвинизм был побежден, и потому в XVIII веке христианство оказалось неспособным служить идеологической маскировкой для какого-либо прогрессивного класса». Когда я сопоставляю с этим оригинал «Фейербаха», стр. 65¹, то я почти не в состоянии поверить, что здесь нет сознательного искажения.

Меня заинтересовали Ваши замечания относительно Огюста Конта. Что касается этого «философа», то, по-моему, предстоит еще проделать значительную работу. Конт был в течение пяти лет секретарем и приближенным Сен-Симона. Последний положительно

¹ См. Маркс, Избранные произведения в двух томах, т. I, 1941, стр. 423—424.

страдал от избытка мыслей; он был одновременно и гением и мистиком. Разработать вопрос до полной ясности, расположить материал и систематизировать его — на это он не был способен. И вот в лице Конта он привлек к себе такого человека, который должен был после смерти учителя предложить миру эти бьющие ключом идеи в упорядоченном виде. Математическая выучка и мышление Конта, казалось, в противоположность другим ученикам-мечтателям — особенно предназначала его для этого. Но Конт внезапно порвал с «учителем» и отошел от школы; спустя долгое время он выступил со своей «позитивной философией».

В этой системе три характерных элемента: 1) ряд гениальных мыслей, которые, однако, почти как правило, в той или иной степени испорчены тем, что были недостаточно развиты; 2) в соответствии с этим узкое филистерское мировоззрение, находящееся в резком противоречии с этой гениальностью; 3) безусловно имеющая своим источником сен-симонизм, но освобожденная от всякого мистицизма, доведенная до крайней степени трезвости, иерархически организованная религиозная конституция с форменным папой во главе, что дало возможность Гексли сказать про контизм, что это — католицизм без христианства.

Бьюсь об заклад, что пункт 3 дает ключ к разрешению необъяснимого иначе противоречия между пунктами 1 и 2; Конт все свои гениальные идеи заимствовал у Сен-Симона, но, при группировке их и исправлении на свой лад, он изуродовал их; сорвав с них свойственный им мистицизм, он в то же время опошлил их, переработал их на свой собственный филистерский лад. Во многих случаях легко доказать сен-симонистское происхождение этих идей; и я убежден, что это удалось бы и в отношении остальных, если бы только нашелся человек, который серьезно взялся бы за это. Это было бы, конечно, уже давным-давно обнаружено, если бы сочинения самого Сен-Симона не были совершенно заглушены после 1830 г. шумом сен-симонистской школы и религии, которые выпячивали и развивали отдельные стороны его учения в ущерб всей величественной концепции в целом.

Еще я хотел бы уточнить один пункт, а именно — примечание на стр. 513. Маркс никогда не был генеральным секретарем Интернационала, а только секретарем для Германии и России. А из лондонских контистов никто не принимал участия в основании Интернационала. Во времена Коммуны большой заслугой профессора Э. Бизли было то, что он защищал в печати Интернационал от ярых нападок; Фредерик Гаррисон также публично защищал Ком-

муну. Но несколько лет спустя контисты значительно охладели к рабочему движению; рабочие стали уж слишком сильны, и для сохранения надлежащего равновесия между капиталистами и рабочими (ведь производителями по Сен-Симону являются и те и другие) пришлось снова поддерживать первых, и с тех пор интерес контистов к рабочему вопросу совершенно заглох.

С почтением,

Ваш Ф. Энгельс.

246.

Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 25 января 1895 г.

Дорогой Кугельман,

Указать тебе сборники и т. п., в которых находятся соответствующие работы, я сейчас еще не могу, потому что 1) я должен сперва узнать, чем, кроме моих собственных работ, мы сейчас уже располагаем (частью в Германии, о чем я скоро узнаю, частью в Америке, откуда жду известий); 2) сам я уже плохо помню, что и как, но когда получу новые материалы, то многое опять припомню; 3) как только будет выяснен пункт 1, нам придется так организовать дело, чтобы не конкурировать друг с другом и не взвинчивать цены. Тем временем хорошо было бы, если бы ты поискал специально *вест-фальскую* литературу 1845—1847 гг. — «Dampfboot» и сборники, а также прочие издания этой братии за этот период.

Мне кажется, что мейеровское собрание статей из «Трибуны» у меня здесь *имеется*, оно, вероятно, полнее двух других собраний, потому что Мейер вскоре после смерти Маркса получил много материала из-за океана.

Сердечный привет от всех.

Твой Ф. Э.

«Frankfurter Zeitung» получил, благодарю.

247.

Виктору Адлеру

в Вену.

Лондон, 28 января 1895 г.

Дорогой Виктор,

Искреннейшее поздравление с быстрым успехом «Arbeiter-Zeitung» от меня и всех наших! Я, правда, этого и ожидал, но очень ценно то, что это подтверждается на деле.

По поводу редактирования не стоит очень беспокоиться. В первые недели ты гораздо нужнее как организатор, чем как редактор в собственном смысле слова. Лишь когда все войдет в колею, ты сумеешь заняться и тем, чтобы газета взяла правильный тон. Ты совершенно прав, газета пока еще немного слишком серьезна, побольше юмора не помешало бы, особенно на первой странице, которая, когда издание выходило два раза в неделю, всегда бывала очень занимательной. Но это еще придет.

Телеграммы собственных корреспондентов из столиц иностранных государств вам абсолютно ни к чему. Для этого нужно было бы иметь в каждом городе по-настоящему организованное бюро, возглавляемое специальным корреспондентом, который занимался бы этим исключительно для вас; здесь, в Лондоне, это обходилось бы в 600—1 000 фунтов в год, и все же самых важных сообщений из руководящих министерских и оппозиционных кругов вы бы не получали — по той простой причине, что такие известия редакция газеты по привилегии получает *раньше* всех и до того, как они стали общим достоянием, только если сама может оказать информаторам ответные услуги, публикуя целиком и защищая присылаемые ими рекламные статьи. Но именно этого-то наша пресса и не может. Стало быть, в отношении известий из *официальных* кругов вы никогда не сможете конкурировать с крупными буржуазными газетами, которые не только монополизируют источники, но и могут поставить информационное дело на широкую ногу, как крупное предприятие.

Вам не повезло в том отношении, что первые недели вам приходится довольствоваться мелкими ландтагами, но рейхсрат ведь скоро опять начнет заседать, тогда вы получите достаточно материала, и тут уж твое личное участие станет необходимым.

Разногласия в здешнем министерстве не существенны с точки зрения практических последствий. В либеральном правительстве столько же оттенков, сколько голов. С тех пор, как крупная буржуазия и вместе с ней виги — аристократы и университетские идеологи переметнулись в консервативный лагерь (это началось после 1848 г., усилилось после реформы 1867 г., и очень решительный поворот в этом направлении сделан со времени билля о гомруле), либерализм представляет собой по преимуществу мешанину всех сект и сектантских причуд этой богатой сектами страны. А так как каждая отдельная секта считает *свою* особую причуду единственной панацеей, то отсюда — вечная склока. Однако еще сильнее, чем склока, действует твердое сознание того, что только сплоченность против внешних сил может оставить их еще на два-три месяца у

власти. И только от случайности зависит, какое именно течение одержит верх.

Я посылая тебе попеременно отдельные номера трех еще выходящих здесь рабочих газет. Так как «Clairion» ты получаешь в порядке обмена, то я избавляю тебя от нее в дальнейшем. Много материала ты во всех трех не найдешь, но все же тебе время от времени не мешает заглядывать в очередной номер. «Labour Leader» существует специально для обоготворения Кейр Гарди; это хитрый, лукавый шотландец, лицемер, много умничает, но, пожалуй, чересчур уж хитер и тщеславен. Источники, откуда он черпает деньги на газету, весьма сомнительны, что при перевыборах может оказаться неприятным.

Кстати. Сюда не прибыло *ни одного экземпляра* номера от четверга (конфискованного). Но мне все же хотелось бы прочесть статью «К. Маркс в Вене». Не можешь ли ты доставить мне еще один экземпляр? Вообще же это неслыханная дерзость заявить, будто конфискация была проведена так блестяще, что вы можете не обременять себя расходами на вполне излишнее второе издание. Хорошо вам в Австрии: скажи что-нибудь подобное в Пруссии, и тебе обрушатся на голову сразу три законопроекта против попыток к ниспровержению существующего строя.

Когда в парижских письмах Крауфорд встретится что-либо интересное, мы будем посылать тебе выдержки. Я особенно обращаю на это твое внимание. Она живет в Париже свыше 40 лет, лично знает каждого, собирает биографические данные о всех политических деятелях и хорошо разбирается в характерах. По части личного знания людей с ней в Париже никто не может равняться, и потому тебе следовало бы откладывать для справок, которые могут понадобиться в будущем, те ее статьи, которых в данный момент использовать нельзя. Она была свидетелем того, как все ее радикальные и республиканские друзья погрязли в тине коррупции, и потому, несмотря на всю свою буржуазность, она удивительно близко подошла к социалистам. В одном только не удается ее разубедить: что Ж. Гэд — не зять Маркса.

Вчера тебе были опять посланы выдержки из ее корреспонденции.

Луизу особенно радует решительное отклонение петиций женских обществ — см. статью Клары Цеткин в приложении к «Vorwärts» от четверга. Клара права и добилась того, что ее статья, вопреки долговому и упорному сопротивлению, была принята. Bravo, Клара!

Привет от Луизы и Людвиг и от беби, которая всегда встречает появление «Arbeiter-Zeitung» радостными криками, а также от твоего

248.

Вере Ивановне Засулич

в Лондон.

Дорогая гражданка Вера,

Лондон, 30 января 1895 г.

Вы застанете меня дома завтра между тремя и пятью или в пятницу от трех до четырех; я буду очень рад видеть Вас у себя.

Книга Георгия¹ появилась очень кстати; сегодня газеты сообщают, что Николай только что заявил земствам, что будет стоять за **самодержавие** так же крепко, как и его отец. Нет лекарств против глупости государей. Тем лучше, если Георгий произвел фурор.

Всегда Ваш

Ф. Э.

249.

Рихарду Фишеру

в Берлин.

Лондон, 2 февраля 1895 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Фишер,

У вас своеобразная манера — приставлять человеку нож к горлу. Если ты собирался издавать статьи Маркса², то можно было уведомить меня об этом несколько раньше, а не сейчас, в самый последний момент. В таких делах, где мне приходится распорядиться чужим добром, я *не могу* так быстро решать, как в делах, касающихся только меня самого. К тому же я как раз теперь готовлю для тебя лассалевские письма, а для них законопроект против попыток к ниспровержению существующего строя является гораздо более грозной опасностью, чем для статей Маркса. И вот *эту-то* работу мне пришлось бы отложить!

Итак, скажи мне прежде всего, каким форматом и шрифтом ты думаешь воспользоваться, а также каковы будут тираж и цена. Ибо на этот раз я, по всяким соображениям, предоставляю вам право только на *одно* издание с *определенным тиражом*. Я тем временем переговорю с Тусси; как только получу от тебя ответ, сообщу тебе свое окончательное решение.

¹ Книга Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Петербург 1895.

² Р. Фишер просил Энгельса написать введение к отдельному изданию работы Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 463—486.

Если ты не можешь точно указать цены всей книги, достаточно будет сообщить продажную цену одного печатного листа.

Я предполагаю, что у вас имеется экземпляр «Обозрения Новой Рейнской Газеты», с которого вы сможете печатать. У меня своего собственного экземпляра нет; да если бы и был, я не мог бы его отдать.

Теперь еще вот что. Когда учреждалось издательство «Vorwärts», Август писал мне, что мне будут присылать по *два экземпляра* всех ваших изданий. Но в последнее время это совершенно не выполнялось. Так, например, я не получил *ни одного* экземпляра вашего последнего издания «Манифеста»¹ и вообще не имею ни одного экземпляра его в берлинском издании. У меня нет, кроме того, еще целого ряда мелких изданий — я перечислю тебе лишь те из них, которые мне в данный момент приходят на ум. Ты очень обяжешь меня, если пошлешь их мне, и именно, — ваше издание дебатов по поводу *законопроекта против попыток к ниспровержению существующего строя* в двух выпусках и *несколько экземпляров «Коммунистического Манифеста»* в последнем издании. Что касается других недостающих мне вещей, то из вашего каталога я только что узнал, что вы в этом не повинны, так как эти вещи вышли не в вашем издании. Кроме того, мне еще нужны:

Протоколы *Виденского* съезда 1880 г.

Протоколы *Брюссельского* конгресса 1891 г., а также протоколы *Цюрихского* конгресса, если вы их опубликовали.

Каталог, по которому я справлялся, вышел в 1893 г., поэтому там кое-что может и отсутствовать.

Итак, жду ответа, и я тогда возможно скорее пришлю тебе окончательный заказ.

Сердечный привет твоей жене, детям и всем друзьям.

Твой Ф. Энгельс.

250.

Георгию Валентиновичу Плеханову

в Цюрих.

Лондон, 8 февраля 1895 г.

Дорогой Плеханов,

Фрейбергер охотно осмотрит Веру, но что нам предпринять, чтобы она-то согласилась на это? Не может же, в самом деле, Фрейбергер явиться к ней со словами: Георгий Плеханов поручил мне Вас выслушать. Вы сами должны заговорить с ней на эту тему,

¹ «Манифест Коммунистической партии», Берлин, изд. «Vorwärts», 1895.

добиться ее согласия, затем лучше всего, чтобы она мне об этом сказала, а остальное я беру на себя. Или же, если ей это больше нравится, пусть поговорит с Луизой Фрейбергер, а Луиза все устроит. Вот что я могу Вам предложить, но если Вы видите другой путь для достижения желаемой цели, сообщите его мне, и мы обсудим.

Вера вручила мне Вашу книгу¹, за которую благодарю, я приступил к чтению, но оно потребует известного времени. Во всяком случае, большой успех уже то, что Вам удалось добиться ее издания *в самой стране*. Это еще один этап, и если даже нам не удастся удержать новую, только что завоеванную позицию, то все же это прецедент, лед сломан. Запрещение газеты «Русская жизнь» уже, повидимому, знаменует начало реакции. Николай, очевидно, хочет *подготовить* своих мужиков к свободе, подвергнув их принудительному воспитанию так, что для конституции созреет только грядущее поколение; еще новая формула для старого: после нас хоть потоп! Но потоп этот — как дьявол в «Фаусте»:

Народец! Дьявол среди них, а им не догадаться.

Хоть прямо их за шиворот бери.

А уж если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, так это — Николай II.

Здоровье мое лучше, чем было все последнее время. Пищеварение наладилось, дыхательные пути в полном порядке, сплю по семь часов в сутки и работаю с удовольствием — счастлив, что могу, наконец, вернуться к своим занятиям после почти годового перерыва из-за корректур III тома, переписки, переездов, болезненного состояния кишечника и т. д. и т. д.

Кланяйтесь г-же Плехановой и Аксельроду от меня и от Людвига и Луизы Фрейбергер.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

Вы не указываете адреса, поэтому пишу по старому.

251.

Рихарду Фишеру

в Берлин.

Лондон, 12 февраля 1895 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Фишер,

Если ты сам считаешь, что разница в цене между 60 пфеннигами и одной маркой мало отразится на сбыте, то я, разумеется, за изда-

¹ Речь идет о книге Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

ние в одну марку. Итак, за гонорар в размере 400 марок я даю тебе право на издание тиражом по 3 000 экземпляров; и ты можешь немедленно приступить к печатанию. За введение я примусь тотчас же и пришлю его как можно скорее. Экземпляр «Обозрения Новой Рейнской Газеты» мне предоставили здесь с неперемным условием, что я не выпущу его из дома, да и кроме того он мне самому весьма необходим для корректуры, так как текст, который печатался по рукописи Маркса, правился в *Гамбурге* и кишмя кишит опечатками. Он мне понадобится также и при составлении введения — для справок. Поэтому я прошу прислать мне первую корректуру *в гранках*. Я смогу тогда вставить необходимые пояснительные примечания.

Nota bene! Я оставляю за собой право на 36 бесплатных экземпляров, так как значительную часть их мне придется уступить наследникам.

Письма Лассалья пока я, следовательно, отложу; так как для составления пояснительного введения и примечаний мне нужно будет произвести всевозможные изыскания в своих бумагах, то я не могу заранее сказать, когда я это закончу.

При наборе статей Маркса прошу обратить внимание на следующее: в оригинале слова конституция, класс, коллизия печатались по большей части с латинской буквы С, но иногда и с буквы К. *Проставьте, пожалуйста, всюду К* — это сильно сократит корректуру.

Поздравляю тебя с твоей первой речью в рейхстаге, — она, вероятно, сильно разозлила буржуазию!

Все шлют тебе сердечный привет.

Твой Ф. Энгельс.

Различные брошюры — в двух посылках — прибыли своевременно. Большое спасибо!

252.

Рихарду Фишеру

в Берлине.

Лондон, 13 февраля 1895 г.

Дорогой Фишер,

Прилагаю заглавие для брошюры и отдельных глав¹. В дополнение к трем статьям необходимо добавить в качестве четвертой главы места, касающиеся Франции из пятого и шестого (двойного) выпуска.

¹ Речь идет о работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», вышедшей отдельным изданием в Берлине в 1895 г.

Материал следует расположить, как указано в прилагаемом листе: сначала (в прямых скобках) мои несколько слов введения, затем место на стр. 150—153, как указано, затем строка многоточий, обозначающих пропуск, а в конце — главное место, стр. 160—171. Это составит вполне приличную главу, а в сочетании с местом об отмене всеобщего избирательного права, которым Бонапарт воспользовался, как предлогом для декабрьского переворота 1851 г., послужит существенным завершением работы в целом, без чего брошюра носила бы фрагментарный характер.

За введение ко всей книге я примусь завтра.

У вас положение тоже довольно сильно обостряется. Мне трудно себе представить, чтобы центр стал сам подпиливать тот сук, на котором сидит. Но глупость наших противников растет с каждым днем, а потому, в конце концов, все возможно. Если эти господа окончательно провалятся, то это означает, что они целиком уступят нам Рейнскую область и Вестфалию.

Привет.

Твой Ф. Э.

(К заглавию следовало бы еще прибавить: перепечатано из «Новой Рейнской Газеты. Политико-экономического обозрения», Гамбург, 1850 г.)

253.

Пабло Иглесиасу

в Мадрид.

Черновик.

Лондон, 16 февраля 1895 г.

Дорогой друг Иглесиас,

Не мог ответить раньше на твое письмо от 19 октября 1894 г., так как не знал, вышел ли ты уже из малагской тюрьмы или нет; затем — на твое письмо от 1 февраля, так как заканчивал для берлинских друзей подготовку кое-каких изданий, которые нужно было пустить в ход до того, как новые реакционные законопроекты получат силу закона.

Друзья из Барселоны еще до твоего письма от 19 октября обратились к товарищу Элеоноре Маркс-Эвелинг с просьбой информировать английские тред-юнионы о положении малагских стачечников, и она сделала все, что могла, так что мне уже больше нечего делать. И, как ты знаешь, некоторые из тред-юнионов оказали помощь.

Что касается социалистических организаций в Англии, то они так раздроблены и так бедны, что на их помощь надеяться нечего.

Я с большим интересом следил за ходом этой забастовки, восхищаясь упорством и мужеством этих рабочих и работниц. Имя маркиза Лариос напомнило мне одну историю, происшедшую около 1850 года.

В то время в Гибралтаре имелся торговый дом братьев Лариос (евреев). Один английский купец посылал им свои товары на комиссию, с тем чтобы они *контрабандно* сбывали их другим коммерсантам на испанской территории. Товары эти постоянно задерживались испанскими таможенными властями, и братья Лариос, как это принято в такого рода сделках, уплачивали за них англичанину гарантированную страховую сумму. Однако англичанина это не устраивало: он растерял своих клиентов в Испании и лишился значительных прибылей. Он приехал в Гибралтар, чтобы лично выяснить, почему эти неприятности приключались всегда с его товарами, а не с другими. Однако ему не удавалось найти причину. Но однажды, прогуливаясь по городу, он увидел телегу, с которой соскочило колесо и упало несколько ящиков с товарами, которые, падая на землю, разбились. Ящики эти были его, на них было его клеймо, но он увидел, что вместо товаров в них был... песок. Загадка была разгадана. Было ясно, что братья Лариос извещали испанских пограничников об отправке ящиков с песком, ящики задерживались, и англичанин получал страховую сумму; затем, братья Лариос от своего имени отправляли товары верным путем своим испанским контрагентам, присваивая себе таким образом без всякого риска всю прибыль от операции.

Взбешенный англичанин отправился в контору Лариос. «Я все это предаю гласности, я устрою скандал, я вас в суд потащу!» — «Милостивый государь, к чему все эти волнения? Мы оплатим Вам Ваш товар и дадим Вам такое удовлетворение, какого Вы пожелаете». И после долгих споров англичанину была уплачена известная сумма, а братья Лариос подписали следующее заявление:

«Мы, братья Лариос, являемся самыми отъявленными мошенниками из всех имеющихся в городе Гибралтаре, и никому не советуем заключать с нами сделки, так как мы обязательно надуем.

Гибралтар, такого-то числа и месяца, такого-то года.

Братья Лариос.»

Это заявление было вывешено ко всеобщему сведению на гибралтарской бирже в том месте, где обычно сидел старик Лариос

и где он продолжал еще в течение 20 лет совершать сделки по купле-продаже с вывешенным над его головой объявлением.

Быть может, маркиз принадлежит к этим Лариос из Гибралтара?

254.

Юлиусу Моттелеру

в Лондон.

Лондон, 23 февраля 1895 г.

Дорогой Юлиус,

Некий Герман Барлен, с членским билетом Дортмундского союза, дезертир, бежавший из Шпандау, якобы в прошлом очень активный член партии в Герде, Дортмунде и т. д., явился ко мне с просьбой о помощи. Я направил его в Союз. Сегодня он снова пришел и говорит, что Союз отказывается дать ему рекомендацию ко мне, так как не знает, действительно ли предъявляемые им документы принадлежат ему. Я все же хотел бы получить сведения об этом человеке, чтобы знать, должен ли я ему окончательно отказать, и поэтому прошу тебя сообщить мне, так ли это, и какое мнение сложилось о нем в Союзе после расследования дела.

Сердечный привет твоей жене и тебе.

Твой Ф. Энгельс.

255.

Георгию Валентиновичу Плеханову

в Женеву.

Лондон, 26 февраля 1895 г.

Дорогой Плеханов,

Вот уже неделя, как все улажено. Вера написала мне, что очень охотно будет лечиться у Фрейбергера. Последний был у нее неделю тому назад и с тех пор еще два раза. Он нашел у нее сильный бронхит и прописал необходимые лекарства. Но он говорит, что для нее важнее всего переменить систему питания. Ей нужно есть мясо вместо всяких фруктовых желе и прочей растительной пищи. Фрейбергера сейчас нет дома, поэтому я еще вернусь к ее здоровью в конце этого письма.

Теперь, после того, как Вы в известной степени поручили мне заботу о ее здоровье, Вы должны мне сказать, не нуждается ли она в деньгах. Если да, то я попрошу у Вас разрешения предложить Вам для нее немного денег, хотя бы на время ее болезни. Я Вам пошлю, скажем, для начала пять фунтов, которые Вы ее заставите

принять, как бы *от себя*, так чтобы я вовсе не упоминался. Вы можете ей сказать, что посылаете эти деньги для того, чтобы у нее не было никакого предлога отказать от перемены режима, и что Фрейбергер такую перемену считает необходимой. Или придумайте еще что-нибудь.

У меня не будет времени прочитать критику, которую дает «Русское Богатство» на мою книгу¹. Я уже достаточно прочел по этому поводу в январском номере за 1894 год². Что касается Даниельсона, боюсь, что с ним ничего не поделаешь. Я переслал ему письмом материалы о русских делах из моего сборника «Статьи на международные темы» из газеты «Volksstaat», и особенно приложение 1894 г., *отчасти* направленное прямо по его адресу³. Он это получил, но, как видите, все ни к чему. Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов.

Впрочем, в такой стране, как ваша, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же окруженной более или менее прочной интеллектуальной китайской стеной, возведенной деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей. Возьмите хотя бы беднягу Флеровского, который воображает, что столы и кровати мыслят, но не имеют памяти. Это стадия, через которую страна должна пройти. Постепенно, с ростом городов, изолированность талантливых людей исчезнет, а с нею исчезнут и эти идейные блуждания, вызванные одиночеством, бессистемностью случайных знаний этих чудаков-мыслителей, а отчасти также — у народников — отчаянием при виде крушения их надежд. В самом деле, народник, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет монархистом.

Чтобы ввязаться в эту полемику, мне пришлось бы познакомиться с целой литературой, а затем следить за ней и отвечать. Это отняло бы все мое время в течение года и единственным полезным результатом было бы, вероятно, то, что я знал бы русский язык гораздо лучше,

¹ Рецензия на «Происхождение семьи, частной собственности и государства», опубликованная в «Русском Богатстве» № 5 за 1894 г.

² Речь идет об обзоре Н. К. Михайловского «Литература и жизнь», опубликованном в «Русском Богатстве» № 1 за 1894 г.

³ Послесловие Энгельса к статье «Социальные отношения в России».

чем сейчас. Но меня просят о том же для Италии, по поводу почтенного Лориа. А я и так уже завален работой!

Жорес стоит на верном пути. Он *учится* марксизму и не следует его слишком торопить. Он уже сделал довольно большие успехи, гораздо бóльшие, чем я ожидал. Впрочем, не будем требовать излишней ортодоксальности! Партия так велика, а теория Маркса настолько распространена, что отдельные путаники не могут принести особого вреда на Западе. У вас же дело другого рода, — так же как было у нас в 1845—1859 годах.

Относительно Николая я с Вами согласен. Земский собор состоится наперекор этому маленькому человечку.

Фрейбергер вернулся и говорит, что Вере гораздо лучше, и что до сих пор он не прослушал у нее абсолютно ничего, кроме застарелого и запущенного катарра бронхов.

Искренне Ваш

Ф. Э.

256.

Юлиусу Моттелеру

в Лондон.

Лондон, 2 марта 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Юлиус,

Возвращаю тебе письмо Мейера и прилагаю полученное мною в связи с тем же делом письмо Лютгенау из Дортмунда, которое прошу мне вернуть. Человек этот — действительно Барлен; Барльсин, повидимому, просто ошибка людей, не выдавших его фамилии на бумаге. Он *смог* назвать доверенное лицо в Бохуме, сообщил также то, что Мейер писал о Крицлере и о деньгах, но эти деньги, по его словам — 10 марок, — попали в руки полиции. Я дал ему в первый раз 3 шиллинга, затем сегодня, когда он снова пришел, 10 шиллингов, но он сказал, что все это должен отдать *хозяину ночлежки* и опять останется без гроша; тогда я дал ему еще 5 шиллингов, в общем 18 шиллингов, но и после этого положение его бедственное — он живет в воровском притоне в матросском квартале; у него большое горло, говорить он не в состоянии, так что я не мог учинить ему продолжительного допроса.

Если Союз ничего другого сделать не в силах, он все же мог бы позаботиться хоть о том, чтобы помочь бедняге переселиться из матросского квартала в такое жилище, где его не будут так эксплуатировать и где он сможет поискать работу; все же члены Союза могли бы тоже что-нибудь для него сделать. Ему нужно дать какой-

нибудь адрес для получения писем, так как то, что приходит в его теперешнее логово, становится, повидимому, добычей хозяина. Я бы сам зашел к тебе по этому делу, а также по случаю твоей болезни и когениады, но у меня опять один из моих обычных весенних приступов, из-за которого я в настоящее время не могу передвигаться.

Выражаю свое искреннее сожаление по поводу твоей болезни и болезни твоей жены, надеюсь, что все скоро пройдет; поздравляю с кровавой взбучкой, устроенной великому анархисту¹. Он может опять отлежаться у Кропоткина.

Сердечный привет тебе и твоей жене.

Твой Ф. Энгельс.

257.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 5 марта 1895 г.

Милостивый государь,

К моему величайшему сожалению, я должен сообщить Вам в ответ на Ваше любезное письмо от 29 января, что наш автор² не оставил после себя никаких, могущих быть полезными русскому переводчику, заметок относительно своих взглядов на положение земельной собственности в России и своих выводов на этот счет. Все, что я мог разыскать, это — просто чрезвычайно многочисленны выписки из русских источников, статистических и вообще экономических; но, что в известной мере *противоречит* его обыновению, они не содержат никаких принадлежащих ему лично замечаний.

Прилагаю письмо, полученное для Вас из Берлина³, причем упоминаемый в нем г. Э.⁴ просит меня дополнить его следующим: некоторое время тому назад Э. получил от некоего д-ра Люкса, пишущего на экономические темы, запрос — стоит ли переводить Ваши «Очерки» на немецкий язык, и если да, то окажет ли он содействие изданию такого перевода⁵. На это Э. ответил, что он будет рад увидеть эту книгу в немецком переводе и не только согласен рекомендовать ее Дитцу для издания, но охотно напишет о ней,

¹ В письме к Энгельсу Ю. Моттелер сообщал о своем столкновении с двумя анархистами, одним из которых был А. Коген.

² Маркс.

³ От А. Конова.

⁴ Т. е. сам же Энгельс.

⁵ Повидимому, это издание осуществлено не было.

когда она выйдет, статью в «Neue Zeit», причем укажет на важность результатов Ваших исследований, но в то же время заявит, что расходится с Вами в некоторых из сделанных Вами выводов. При этом он прибавил, что он, Э., не имеет никакого права давать разрешение на перевод, а потому переводчику, другу д-ра Люкса, лучше было бы обратиться за разрешением непосредственно к Вам. Желая устранить возможность не деликатности, Э. настоял на том, чтобы письмо было послано Вам через его посредство.

Переводчик — проживающий в Берлине молодой русский, — судя по отзывам (жена д-ра Люкса русская) способен выполнить эту работу, а д-р Люкс обещал просмотреть немецкий текст, чтобы обеспечить правильность перевода. Переводчик, говорят, занимался экономическими вопросами, а потому содержание Вашей книги ему не будет чуждо.

Автор прилагаемого письма, повидимому, полагает, что Ваше согласие уже дано; по крайней мере я не могу найти в нем никакого следа формальной просьбы к Вам по этому поводу. Я знаю, что *некоторые* из молодых русских за границей придерживаются того мнения, что это — ненужная формальность, но это мнение я не разделяю; и если Вы склонны вообще обсудить предложения г. Конова, то мне кажется, что намек в этом смысле пошел бы молодому человеку на пользу.

Что касается до меня лично, то я ровно ничего не знаю о предполагаемом переводе.

Если Вы пришлете мне Ваш ответ г. Конову, то я позабочусь о том, чтобы он сейчас же был ему направлен.

Искренне Ваш

Л. К.

258.

Эдуарду Вайяну

в Париж.

Лондон, 5 марта 1895 г.

Дорогой гражданин Вайян,

Я не имел возможности ответить раньше на Ваше письмо от 8 января: в настоящий момент нашим друзьям в Германии необходимо насколько можно ускорить выход в свет всех подготовляемых работ, брошюр, статей и т. п., пока не вступило в силу угрожающее им новое реакционное законодательство. Это обстоятельство заставило меня, да и заставляет еще, отдавать все свое время, с утра до вечера, как непосредственно литературной работе, так и связанной с ней переписке.

Возвращаюсь к Вашим законопроектам. Первый, § 384, о сельскохозяйственных делегатах, посвящен бесспорно полезному учреждению; как средство пропаганды среди сельскохозяйственных рабочих, он окажет очень благотворное действие; но очень мало шансов на то, чтобы он прошел как закон, особенно во Франции, где фабричной инспекцией до сих пор еще так пренебрегают.

§ 928, о сельскохозяйственных общинных владениях. Этот проект входит в слишком большие подробности, чтобы я мог судить о нем с полным знанием дела. Прежде всего необходимо было бы знать, не состоят ли в большинстве случаев общинные владения главным образом из лесов, зарослей и пустошей или, в лучшем случае, из земель, пригодных только для пастбищ, где земледелие в собственном смысле слова не может применяться с выгодой. Именно так обстоит дело в Германии и, если я не ошибаюсь, в значительной части северной и восточной Франции. В таком случае есть опасность, что обработка этих владений, если только она не будет ограничена очень узкими рамками, может повторить ошибки национальных мастеровских 1848 года. Но, повторяю, чтобы составить себе мнение по этому вопросу, необходимо иметь специальные знания.

§ 933, о 8-часовом рабочем дне и минимуме заработной платы для рабочих государственных предприятий и пр. более или менее соответствует тому, что было введено здесь Советом графства, а отчасти также военным и морским министерствами. Это мероприятие очень полезно как пример для капиталистов и как средство пропаганды; тем не менее, позавчера рабочие не поддержали *прогрессистов* Совета графства, которые эти мероприятия провели в жизнь. Трое из этих прогрессистов были забаллотированы вследствие того, что незначительное меньшинство (от 50 до 300 голосов) было подано за «социалистических», более или менее «революционных» кандидатов, но этого меньшинства было достаточно, чтобы обеспечить избрание «умеренных» реакционеров.

§ 939, о министерстве труда и т. д. Это разделение труда, благодаря которому часть функций министерства внутренних дел оказалась бы у него отнята и соединена с новыми, остававшимися до настоящего времени без внимания, кажется мне очень полезным. Что касается подробного определения компетенции нового министерства, то об этом можно будет поговорить подробнее, когда это дело станет осуществимым.

Эти предложения я рассматриваю просто как средства пропаганды, ибо при нынешнем составе палаты нет никаких шансов на то, что они будут приняты. С этой точки зрения речь может идти

о силе их воздействия, а затем о том, не свяжут ли они деятельность партии в будущем, в тот момент, когда мы будем в силах приступить к положительному законодательству. Именно с этой точки зрения я и сделал свои критические замечания, и тут один только пункт представляется мне сомнительным: разумно ли обещать крестьянам 40 миллионов в год в такой определенной форме и для столь определенной цели? Крестьяне смогут в один прекрасный день предъявить этот вексель и притом, возможно, в такой момент, когда для этой суммы нашлось бы и лучшее применение.

Благодарю Вас за Ваши замечания по поводу Врублевского. Я высчитал, что имеющиеся примерно 45 социалистических депутатов в совокупности получают от государства около 400 000 франков в год и что было бы, пожалуй, вполне возможно из этой суммы предоставить единственному оставшемуся в живых генералу Коммуны ежегодную ренту, скажем, в 1 200 франков. Я прекрасно знаю, что избирательные округа предъявляют своим депутатам по сравнению с их депутатским вознаграждением неумеренные требования, но в данном случае, мне кажется, дело идет о чести всей революционной Франции. Люди с трудом поверят, что хотя бывшие участники и преемники Коммуны и представлены в палате 45 депутатами, столь сильная партия все же не достаточно сильна, чтобы избавиться от самой крайней нищеты своего старого генерала. И, право, я продолжаю надеяться, что способ дать ему возможность кое-как просуществовать, не прибегая к унижительной публичной подписке, все же найдется.

Здесь социалистическое чувство (это в гораздо большей степени чувство, чем отчетливая идея) продолжает развиваться в массах, но существующие организации и их вожди попрежнему упорствуют в своих спорах и соперничестве, которые обрекают их на бессилие. Это может привести в отчаяние человека, незнакомого с английским характером; во всяком случае, европейский континент, повидимому, собирается дать англичанам тот толчок, который им необходим. Во Франции банда мошенников, которая управляет страной и нагло ее эксплуатирует, не будет дольше пользоваться поддержкой. То же и в Италии, где коррупция еще значительно беззастенчивее. В Германии все ведет к кризису, а генералы и высшие чиновники открыто проповедуют государственный переворот. Конец столетия принимает решительно революционный оборот. Во Франции социалисты являются единственной по существу честной, а в Германии единственной действительно оппозиционной партией; в случае кризиса, кроме этой партии, нет ни одной, к которой можно было бы прибегнуть.

В Австрии все убеждены, что социалисты войдут в парламент, остается лишь решить — через какую дверь. А в России Николай маленький поработал на нас, сделав революцию абсолютно неизбежной.

Сердечный привет.

Ф. Энгельс.

259.

Лондонскому Коммунистическому Рабочему
Просветительному Союзу

в Лондон.

Лондон, 11 марта 1895 г.

Уважаемый товарищ,

К моему сожалению, я на этот раз не смогу принять участия в Вашем мартовском торжестве. Вследствие одного из повторяющихся у меня время от времени приступов болезни, вообще говоря не серьезной, но поддающейся лечению только при условии абсолютного покоя, я опять прикован на несколько недель к дому. Надеюсь и желаю, чтобы мое отсутствие не помешало успеху Вашего торжества и остаюсь,

С сердечным приветом,

Ваш Ф. Энгельс.

260.

Конраду Шмидту

в Цюрих.

Лондон, 12 марта 1895 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Шмидт,

Передо мной лежат оба Ваши письма от 13 ноября прошлого года и 1 сего месяца. Я начинаю с № 2, как более актуального.

Что касается Фиремана, то оставьте это дело, как оно есть. Лексис вопрос только поставил, Вы в $\frac{\sum m}{\sum (c + v)}$ так же. Он только сделал шаг вперед по правильному пути, классифицировав суммированный Вами ряд $\frac{m'}{(c' + v')} + \frac{m''}{(c'' + v'')} + \frac{m'''}{(c''' + v''')} \dots$ и т. д. и подразделив его соответственно различному строению капитала по группам отраслей промышленности, между которыми затем благодаря конкуренции происходит выравнивание. Что этот шаг был следующим по важности шагом, показывает Вам сам текст Маркса, в котором вплоть до этого пункта исследование велось именно таким образом. Ошибка Фиремана состояла в том, что он на этом остановился

и успокоился, а поэтому ему суждено было остаться незамеченным до тех пор, пока не вышла сама книга. Но Вам нечего беспокоиться, и Вы, право, можете быть довольны. Ведь Вы самостоятельно открыли причину тенденции нормы прибыли к понижению и образования торговой прибыли, причем не на две трети, как это сделал Фиреман с нормой прибыли, а целиком и полностью.

Мне кажется, Ваше письмо мне до некоторой степени объясняет, почему в вопросе о норме прибыли Вы отклоняетесь от прямого пути. Я нахожу в нем все тот же уклон в сторону деталей и приписываю это тому распространенному с 1848 г. в германских университетах эклектическому методу философствования, при котором вопрос перестает охватываться в целом и очень часто все сводится к бесконечному и бесцельному умничанию по поводу частных. Ведь из классиков Вы раньше больше всего занимались именно Кантом, а Кант, вследствие современного ему уровня немецкой философии и вследствие своего противопоставления педантичному вольфовскому лейбницизму, был более или менее вынужден в отношении формы делать кажущиеся уступки этому вольфовскому умничанию. Так я объясняю себе Вашу склонность углубляться в детали, которая также проявилась в Вашем эпистолярном экскурсе в область закона стоимости; причем, как мне кажется, общая взаимосвязь Вами не всегда принимается в соображение, и Вы, таким образом, низводите закон стоимости до роли необходимой фикции, подобно тому, как Кант, например, низводит бытие божие к постулату практического разума.

Ваши упреки по адресу закона стоимости относятся ко *всем* понятиям, рассматриваемым с точки зрения действительности. Тождество мышления и бытия, выражаясь по-гегелевски, вполне соответствует Вашему примеру с кругом и многоугольником. Иначе: то и другое, понятие о вещи и ее действительность, движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно *и* есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой действительности. По той причине, что понятие обладает основной природой понятия, что оно, следовательно, не совпадает прямо и непосредственно с действительностью, от которой его сначала надо абстрагировать, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенным окольным путем, да и то лишь в асимптотическом приближении.

Не так ли обстоит дело с общей нормой прибыли? Она в каждый данный момент существует лишь приближенно. Если она когда-нибудь и осуществляется в двух предприятиях одинаково точно в точку, если оба эти предприятия и получают в данном году *точно одинаковую норму прибыли*, то это чистая случайность, в действительности нормы прибыли изменяются в зависимости от различных обстоятельств в каждом отдельном предприятии и из года в год; общая норма прибыли существует только как средняя величина, взятая для многих предприятий и за целый ряд лет. Но если бы мы вздумали потребовать, чтобы норма прибыли под угрозой разжалования ее в фикцию была точь в точь одинаковой, скажем, 14,876934... с точностью до ста десятичных знаков в каждом предприятии и в каждом году, то мы бы совершенно превратно поняли природу нормы прибыли и экономических законов вообще; все они не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в *непосредственной* действительности. Это происходит отчасти вследствие того, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же вследствие их природы как понятий.

Или возьмите закон заработной платы, реализацию стоимости рабочей силы, которая осуществляется, да и то не всегда, только в среднем, с отклонением в каждой местности и в каждой отрасли в зависимости от привычного жизненного уровня. Или земельную ренту, — эту превышающую общую норму добавочную прибыль, которая возникает из монополизированной силы природы; здесь также действительная добавочная прибыль и действительная рента не совпадают безоговорочно, а совпадают лишь приблизительно, в среднем.

Точно так же обстоит дело с законом стоимости и распределением прибавочной стоимости посредством нормы прибыли.

1) И то и другое наиболее полно достигает приближенной реализации лишь при условии, если повсюду полностью установлено капиталистическое производство, т. е. если общество сведено к современным классам землевладельцев, капиталистов (промышленников и торговцев) и рабочих, все же промежуточные слои устранены. Этого нет еще даже в Англии и этого никогда не будет — мы до этого не допустим.

2) Прибыль, включая ренту, состоит из различных составных частей:

а) Из прибыли в результате надувательства, которая в алгебраической сумме отпадает.

б) Из прибыли от повышения стоимости товарных запасов (например, остаток от старого урожая, если год неурожайный). Эта

прибыль также *должна* теоретически в конечном счете выравняться, если только она уже не сведена на нет падением стоимости других товаров, причем либо капиталист-покупатель должен столько же доплатить, сколько выручает продавец, либо, если речь идет о средствах существования рабочих, заработная плата со временем должна повыситься. Однако наиболее существенные из этих повышений стоимости *не продолжительны*, выравнивание происходит, таким образом, только в среднем в течение ряда лет, в высшей степени неполно и, разумеется, за счет рабочих; они производят больше прибавочной стоимости, так как их рабочая сила оплачивается не полностью.

с) Из совокупной суммы прибавочной стоимости, от которой, однако, опять-таки отпадает та часть, которая *дарится покупателю*, в особенности в период кризисов, когда избыточное производство сокращается до действительного содержания в нем общественно-необходимого труда.

Отсюда уже само собой вытекает, что совокупная прибыль и совокупная прибавочная стоимость могут совпадать только с приближением. Учтите еще, что как совокупная прибавочная стоимость, так и совокупный капитал суть не постоянные, а переменные величины, изменяющиеся изо дня в день, и тогда станет очевидным, что иное выражение нормы прибыли формулой $\frac{\sum m}{\sum(c+v)}$, кроме как при помощи приближенного ряда, и иное совпадение совокупной цены с совокупной стоимостью, кроме такого, которое стремится постоянно к единству и все же снова от него постоянно отделяется, совершенно невозможны. Другими словами, единство понятия и явления выступает, как процесс по существу бесконечный, и таковым оно является в данном случае, как и во всяком другом.

Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший на западе во Франкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и южной Италии — он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в Иерусалимских ассизах наиболее классическое выражение феодального порядка. Неужели же этот порядок был фикцией, оттого что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то — в значительной мере — на бумаге?

Разве понятия, господствующие в естественной науке, — фикции, потому что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью? С того момента, как мы приняли теорию эволюции, все наши понятия

об органической жизни только с приближением соответствуют действительности. В противном случае не было бы вообще никаких изменений; в тот день, когда понятие и действительность в органическом мире абсолютно совпадут, наступит конец развитию. Понятие рыба включает жизнь в воде и дыхание жабрами; как же Вы хотите перейти от рыбы к земноводному, не пробив брешь в этом понятии? И эта брешь была пробита; ведь мы знаем целый ряд рыб, у которых воздушный пузырь развился далее в легкие и которые могут дышать воздухом. Как хотите Вы перейти от яйценосного пресмыкающегося к млекопитающему, родящему живых детенышей, не приводя одно или оба понятия в столкновение с действительностью? И, в самом деле, однопроходные представляют из себя целый подкласс кладущих яйца млекопитающих, — я видел в 1843 г. в Манчестере яйца утконоса и с высокомерной ограниченностью высмеивал глупость утверждения, будто млекопитающее может класть яйца, — а теперь это доказано! Итак, не делайте по отношению к понятию стоимости то, за что мне впоследствии пришлось извиняться перед утконосом!

В статье Зомбарта о III томе, в остальном очень хорошей, я нахожу ту же склонность смягчать теорию стоимости; он, очевидно, тоже ожидал несколько иного решения.

Ваша статья в «Zentralblatt» *очень хороша*, и доказательство специфического отличия марксовой теории нормы прибыли — благодаря ее количественной определенности — от старой политической экономии дано очень хорошо. Почтенный Лориа со свойственной ему смысленностью усматривает в III томе прямой отказ от теории стоимости, и на это Ваша статья является готовым, четким ответом. Этим вопросом интересуются два человека, Лабриола в Риме и Лафарг, который ведет в «Critica Sociale» полемику с Лориа. Итак, если бы Вы могли послать один экземпляр профессору Антонио Лабриола, Corso Vittorio Emanuele, 251, Рим, то он сделал бы все от него зависящее, чтобы выпустить итальянский перевод; второй экземпляр, посланный Полю Лафаргу, Ле Перре, департамент Сены, Франция, дал бы ему возможность Вас цитировать. Я поэтому написал обоим, что Ваша статья содержит готовый ответ по основному пункту. Если Вы не сможете послать эти экземпляры, прошу Вас дать мне об этом знать.

На этом я, однако, должен поставить точку, иначе я никогда не закончу.

Сердечный привет.

Ваш Ф. Энгельс.

261.

Карлу Каутскому
в Штутгарт.

Лондон, 13 марта 1895 г.

Дорогой Барон,

Спешу сообщить, что Плеханов либо неправильно прочел, либо неправильно истолковал мое письмо. Мне *и в голову не приходило* братья за Лориа, и я тут же написал Плеханову, чтобы это его ни в коем случае не останавливало. Лориа ответил на предисловие, а я только *в случае крайней необходимости* напишу несколько слов в возражение, не больше. Из Рима мне прислали все, выпущенное им.

За сочинение Платтера благодарю. В. Зомбарт у меня есть, вещь хорошая. Очень рад, что ты отказал Энрико Ферри, он совершенно не способен написать о III томе. Мое предисловие появилось на итальянском языке, кажется, попало в точку.

Твой Ф. Э.

262.

Виктору Адлеру
в Вену.

Лондон, 16 марта 1895 г.

Дорогой Виктор,

Начну с разъяснений, которых ты просишь. Статья Зомбарта очень хороша, но на его толковании закона стоимости отразилось известное разочарование в связи с разрешением вопроса о норме прибыли. Он, очевидно, ожидал какого-то чуда, а вместо этого нашел простое рациональное объяснение, которое менее всего чудодейственно. Поэтому он и сводит значение закона стоимости к проявлению производительной силы труда, как решающего экономического фактора. Это слишком обще и неопределенно. Очень хороша статья маленького Конрада Шмидта в «*Sozialpolitisches Zentralblatt*». Статьи Э. Бернштейна были очень путаны; он все еще страдает неврастением и притом отчаянно переутомлен, делает слишком много вещей сразу. Работу эту он отложил, но К. Каутский внезапно напал на него и потребовал статью.

Так как ты в тюрьме собираешься засесть за II и III тома «Капитала», то я для облегчения дам тебе некоторые указания.

Том II.

Отдел I. Прочти главу 1 основательно, тогда с главами 2 и 3 тебе будет легче справиться, главу 4 опять-таки прочти внимательнее, так как в ней резюме. Главы 5 и 6 легкие, особенно глава 6, которая рассматривает второстепенные вещи.

Отдел II. Главы 7—9 важны. Особенно важны главы 10 и 11. Точно так же 12, 13 и 14. Зато главы 15, 16 и 17 прочти пока только бегло.

Отдел III. Это превосходнейшее изображение всего кругооборота товаров и денег в капиталистическом обществе, рассматриваемого здесь впервые со времени физиократов; по содержанию великолепно, форма же страшно тяжеловесна, потому что: 1) здесь соединены две разработки вопроса, сделанные по двум различным методам, и 2) вторая была через силу доведена Марксом до конца в болезненном состоянии, когда мозг страдал от хронической бессонницы. Я отложил бы этот отдел *на самый конец, после первой проработки III тома*. К тому же для твоих занятий без него вначале можно обойтись.

Затем III том.

Здесь важны: в I отделе главы 1—4; главы 5, 6, 7, напротив, менее важны для *общего* понимания хода мыслей, и поэтому на них пока не стоит тратить много времени.

Отдел II. *Очень важны* главы 8, 9, 10. Бегло прочесть 11 и 12.

Отдел III. *Очень важен*, все, 13—15.

Отдел IV. Тоже очень важен, но в то же время легко читается, главы 16—20.

Отдел V. Очень важны главы 21—27. Менее важна 28. Важна глава 29. Для твоих целей в общем несущественны главы 30—32; важны, поскольку речь идет о бумажных деньгах и т. д., главы 33 и 34; по поводу международного вексельного курса важна 35, очень *интересна для тебя* и легко читается 36.

Отдел VI. Земельная рента. 37 и 38 важны. Менее важны, но все же надо прочесть 39 и 40. Пробежать более поверхностно главы 41—43 (дифференциальная рента II, отдельные случаи). Главы 44—47 опять важны, а также, по большей части, легко читаются.

Отдел VII очень хорош, к сожалению, один лишь остов, и изложение тоже носит на себе сильные следы бессонницы.

Если ты по этим указаниям усвоишь основательно главное, а менее важное просмотришь на первых порах поверхностно (лучше всего предварительно прочитать еще раз важнейшее из I тома), то у тебя получится общее представление целого и после этого будет легче проработать и бегло просмотренные места.

Твои сообщения о газете нас очень обрадовали. *Политический успех* — это самое главное, финансовый последует значительно легче и скорее, если обеспечено будет первое. Я с удовольствием узнал твою руку в заметках об избирательной реформе на первой странице — вот основа для решающего успеха.

Я опять прихварываю из-за старой истории, которая периодически, особенно весной, несколько мучает меня, но на этот раз меньше, чем обычно, и болезнь протекает легче; я думаю, что через две недели все пройдет, и мне не придется, как в 1893 и 1894 гг., ездить лечиться к морю.

Сущность здешнего движения в следующем: в массах неуклонно продолжается инстинктивное движение вперед, сохраняется *тенденция*; но как только дело доходит до того, чтобы дать сознательное выражение этому инстинкту, этой стихийной тенденции, то по вине сектантских вождей это происходит в такой глупой и ограниченной форме, что хочется надавать оплеух направо и налево. Но таков уж подлинно англо-саксонский метод.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

263.

Карлу Гиршу

в Кельн.

Лондон, 19 марта 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Гирш,

Я выполню твою просьбу¹, но только при двух условиях: 1) дело это останется *совершенно между нами*, ибо в противном случае мне пришлют на отзыв сотню таких же работ, а в том, что я делаю для одного, я не могу отказать другим, — и тогда мне житья не будет; 2) пусть это будет в последний раз; не проси меня больше о чем-либо подобном. Мне присылают в неделю больше, чем я могу прочесть за месяц, и если к тому же мне еще придется заниматься критикой, я буду еще меньше справляться со своим делом. Стр. 4 — *односторонне!* В *крупной* промышленности это случается гораздо реже, чем в мануфактуре. Наоборот, крупная промышленность *устраняет* в значительной мере то, что уродует рабочего при мануфактуре, хотя вновь создает *свои собственные* условия для того же; эти условия усугубляются интенсификацией труда. Насколько я знаком с крупной промышленностью, мне кажется, что этот пункт здесь подчеркнут *больше*, чем соответствует положению вещей. Ибо разделение труда есть и будет основной причиной уродования ра-

¹ К. Гирш просил Энгельса дать отзыв на его статьи, опубликованные в 1894 и 1895 гг. в «Sozialpolitisches Zentralblatt». Энгельс получил статьи отдельными оттисками, поэтому нумерация страниц не совпадает с нумерацией страниц в «Sozialpolitisches Zentralblatt».

бочих. Стр. 6 — «Каждый раз перепроизводство, кризис», это, *возможно*, есть такая тенденция, но реализуется отнюдь не обязательно. «Движение по спирали», — мне кажется, что это выражение слишком обще. Какой способ производства здесь подразумевается? «Минимум общественно-необходимого рабочего времени» — если это должно означать время, необходимое для производства совокупного общественного продукта, то в капиталистическом обществе это не имеет никакого смысла, ибо при распределении его среди отдельных рабочих вся резервная армия труда оставляется без внимания. Стр. 15 — «Всюду, где...» (и т. д. до конца положения) — это по меньшей мере очень неясно выражено и, в таком виде, противоречиво. Сначала от увеличения количества продуктов труда получается «прибыль, сама по себе», а затем «потеря стоимости, которая по крайней мере возможна». Так не годится — без указания разъясняющих и ограничивающих средних звеньев. Стр. 18 — «Капитал рабочего это — он сам». Это звучит очень красиво, но слово капитал теряет здесь последний остаток своего смысла. Зачем тебе переводить разумные вещи на неразумный язык филистерских фраз? То, что ты тут говоришь, мне совершенно непонятно. Точно так же ниже, стр. 18, № 2. Уплотнение работы, являющееся следствием улучшения механизмов, названо здесь вдруг нездоровым явлением и сравнивается на следующей странице с едой и пищеварением. Оно не только не прекратится, но мы сможем его еще значительно увеличить, ибо в основе его будут у нас компенсации для рабочих. Остальные замечания — на полях. Я советовал бы тебе, если ты позже выступишь второе издание, обосновать эти все же очень общие рассуждения специальными примерами, привести факты из различных отраслей промышленности и вообще указать, какие отрасли промышленности ты имеешь в виду. Так, например, по отношению к развитой английской текстильной промышленности твои положения действительно лишь в очень ограниченной степени. Зато они в гораздо большей степени применимы к Германии, где крупная промышленность еще молода и только еще начинает утверждаться в целом ряде отраслей производства в результате вытеснения старых методов и внезапной интенсификации труда. Однако это лишь переходные стадии. Основное в подобных экономических и промышленных вопросах — не поддаваться под влияние местной точки зрения. Взятые, как они есть, эти переходные стадии имеют свое большое значение, но нужно отдавать себе отчет в том, что они представляют собой именно *это*, а не что-либо иное, и сказать об этом. И тут-то в твоём непосредственном распоряжении окажется прекраснейшая возможность

представить твои положения как выводы из живой действительности, и на этом ты и сам многому научишься. — А теперь желаю вам успеха при перевыборах в Кельне, чтобы мы прошли хотя бы в этих выборах. Если ты мне при случае снова напишешь, то сообщи, все ли тот старый дом, что позади Хутмахера, в котором помещалась «Новая Рейнская Газета», носит номер 17 и как зовут портного, который теперь в нем живет — Саломон или Леви, я забыл.

Свою борьбу с центром вы проводите пока неплохо, но, по-моему, ты мог бы почаще громить в передовых поведении Либеры и К^о.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

264.

Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 19 марта 1895 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Кугельман,

Скрепки благополучно прибыли и уже пущены в употребление; с техникой легко справиться тому, кто запечатывает, а каково тому, кто распечатывает, — об этом может дать заключение германская и австрийская почта, которой мы уже почтительнейше доставили несколько образцов. Большое спасибо! Надо надеяться, что Келлер воздержится от внесения законопроекта против попыток к ниспровержению существующего строя для ниспровержения этих скрепок, о которые так злобно разбиваются самые благие порывы черных кабинетов.

Спасибо за твои поиски в Билефельде. Если в «Dampfboot» и напечатано что-нибудь мое или Маркса, то по большей части анонимно.

От Ливингстона никаких известий.

Холода подействовали на меня превосходно, как сильное тонирующее средство, я чувствовал себя на 20 лет моложе, пока они держались! Зато Лондон эти холода, по обыкновению, ввергли опять в состояние варварства. Водопроводные трубы замерзли; вода у нас шла до тех пор, пока компания не закрыла вводы в главные магистрали, после чего вода в них замерзла. Наша труба находилась на глубине $4\frac{1}{2}$ —5 футов; после двухнедельной оттепели ее откопали, и она еще была вся забита льдом. Затем нам пришлось ждать еще два дня, пока не оттаяла наша соединительная труба. Восемь дней тому назад, в 8 часов вечера вода, наконец, появилась. Но тут оказалось, что из-за недостаточного притока воды засорилась канализация.

И только на прошлой неделе все, наконец, опять пришло в порядок, после того как приходилось в течение четырех недель таскать на четвертый этаж, на чердак, по 40 ведер воды ежедневно, чтобы поддерживать действие нашего домашнего водопровода и обезопасить себя от взрыва котла каждый раз, когда топили кухонную печь.

По поводу пошлины на скрепки ты волновался совершенно напрасно, с промышленных изделий налог здесь не взимается.

Сердечный привет тебе и твоим от Луизы и твоего

Ф. Энгельса.

265.

Герману Энгельсу

в Бармен.

Лондон, 20 марта 1895 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Герман,

Большое спасибо за ваше любезное приглашение на свадьбу, которым я, к сожалению, не смогу воспользоваться. Не говоря уже о других препятствиях, у меня опять приступ моей болезни, которая вот уже в течение 4—5 лет каждую весну в эту пору приковывает меня на несколько недель к постели. Немного покоя опять приведет все в порядок и позволит мне через неделю осушить бокал лучшего вина за здоровье Елизаветы и ее жениха, что я выполню самым добросовестным образом.

Впрочем, я чувствую себя хорошо, более или менее привык уже настолько соблюдать в быту и питании режим, приличествующий старому человеку, что всякое уклонение тотчас сказывается на мне различными маленькими недомоганиями, и я получаю благожелательный, но настойчивый совет воздерживаться от подобных вещей. Я никогда не думал, что педантизм сможет быть вторично навязан мне в качестве житейского и нравственного долга.

Надеюсь, что вы и без меня проведете день свадьбы весело и бодро и желаю Елизавете в ее новом положении супруги всяческого счастья и потомства, не столько многочисленного, сколько здорового.

Сердечный привет Эмме и всем детям.

Твой старый *Фридрих.*

266.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 25 марта 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Барон,

На твою телеграмму сейчас же ответил: «С удовольствием». Пошлю бандеролью текст в корректуре, под заглавием: Ф. Энгельс. «Введение к новому изданию «Классовой борьбы во Франции в 1848—1850 гг.» Маркса». Что содержание является перепечаткой старых статей из «Обозрения Новой Рейнской Газеты», сказано в тексте. *Мой* текст несколько пострадал из-за нерешительности наших берлинских друзей, опасавшихся законопроекта против попыток ниспровержения существующего строя, — нерешительности, с которой мне при данных обстоятельствах все же пришлось считаться.

Плеханову я немедленно разъяснил его ошибку. Ты очень правильно сделал, что отказал Ферри; это — беллетрист, бьющий в любой области на сенсацию, и он, как и большинство итальянцев, считает Лориа гигантом в области политической экономии; «досто-чтимый» вбил им это в голову своим «повторным явлением» (как говорил Руге) и мастерской организацией приятельской круговой поруки.

Стенограмму речи Либкнехта о милиции я не читал, по газетным отчетам судить нельзя. О милиции и постоянной армии можно было бы написать многое. Если бы Франция и Германия пришли к соглашению о превращении своих армий в милицию с одинаковым сроком обучения, то вопрос был бы исчерпан; России можно предоставить поступать, как ей угодно, Австрия же и Италия с восторгом последуют этому примеру. Но, из-за внутреннего положения, Франция и Германия не могут себе этого позволить, а если бы даже они и могли, то ничего бы не вышло из-за Эльзас-Лотарингии. Об это разбивается вся история с милицией.

Твоих «Предшественников социализма» я, к сожалению, до сих пор еще не получил; жду эту работу с нетерпением не только из-за анабаптистов — хотя из-за этого особенно; в предшествующих движениях столь многое тоже нуждается в разъяснении. Очень жаль, что, работая над таборитами, ты не мог обратиться к чешским источникам, но этого совершенно нельзя было сделать без длительного пребывания в Богемии и без особого доступа к рукописным

материалам. Там, на месте, конечно, найдется какой-нибудь молодой чех, который восполнит этот пробел.

Та часть работы Эде, которую я читал, мне очень понравилась, особенно в части, касающейся материала и отправных точек зрения. Однако в расположении материала, по-моему, заметна известная поспешность. Впрочем, об этом можно будет судить лишь имея перед собой всю работу в целом.

С историей Интернационала у вас будут большие затруднения. Надо, прежде всего, собрать материал из отдельных стран. В отношении Испании это сейчас делает Мора — но крохотными дозами — в фельетонах в «Socialista». По Италии до Гаагского конгресса у меня имеется довольно обширный материал, но там многое происходило за кулисами. По Франции до 1870 г. Франкель и Лафарг кое-что могли бы, пожалуй, собрать. По Швейцарии имеются «Tagwacht», «Vorboten», «Egalité» и «Bulletin Jurassien». (Статьи Эритье в «Berliner Volkstribüne» можно использовать лишь *очень* осторожно, автор бессознательно стремится оправдать бакунистов. Он настолько не сознавал, что делает, что я должен был разъяснить ему уже потом, как этими статьями он оскорбил память своего учителя Беккера!) Остальные страны имеют лишь второстепенное значение.

Материал, которым я располагаю, я уже много лет собираю и использовать для биографии Маркса и как раз *начну с этой наиболее важной части*. К этому меня побуждают различные обстоятельства: во-первых, в решающий момент, в 1870—1872 гг. я сам участвовал в движении и могу пополнить материал на основании собственного опыта. Во-вторых, это все же наиболее важные эпизоды из общественной деятельности Маркса и в то же время те, которые труднее всего правильно осветить на основе печатного материала. В-третьих, сюда относится большая часть той клеветы, с которой нужно покончить. В-четвертых, мне уже 74 года и надо спешить. И в-пятых, другой период, когда деятельность Маркса носила публичный характер (1842—1852), может быть освещен и позже и, в крайнем случае, не мной, а другим, так как публичная полемика, до «Господина Фогта» включительно, почти все разъяснила, и Маркс настолько решительно опроверг тогда клевету вульгарных демократов, что ныне она уже больше не нуждается в опровержении в каждом отдельном случае.

За эту работу, о которой я уже давно с радостью мечтаю, я примусь, как только смогу. Мешают лишь еще несколько небольших работ, собственно говоря — только переработка введения к новому

изданию «Крестьянской войны»¹ (для чего мне также нужна твоя книга). Я освобожусь тогда от всей переписки (которая отнимает у меня чудовищно много времени) и всех эпизодических работ (не поможет ли тут законопроект против попыток ниспровержения!), и тогда дело пойдет на лад.

Твои сообщения относительно «Arbeiter-Zeitung» печальны; я думаю, однако, что она пребудет. Они, возможно, поставили сначала дело на несколько слишком широкую ногу и им приходится теперь сократиться. Но *политический* успех, повидимому, обеспечен, и если не окажется, наконец, возможен и *финансовый* успех, то это чорт знает что! Я считаю, что в Австрии совершенно обеспечена избирательная реформа, которая приведет нас в парламент, если только не начнется внезапно период всеобщей реакции. В Берлине этого, повидимому, изо всех сил добиваются, но берлинцы, увы, сами никогда не знают, чего хотят. Может случиться то же, что с новобранцем из Ланкашира, которому унтер-офицер на учении командовал: ружье на караул, — ружье к ноге, — ружье на караул, к ноге, — на караул, — к ноге. «Я не хочу!» воскликнул рекрут. — «Вы не хотите?» — «Нет, я не хочу!» — «Вы отказываетесь повиноваться вашему начальству?» — «Я не хочу!» — «Почему?» — «Потому что вы сами две минуты подряд не знаете, чего хотите!»

Большой привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

Пусть то, что я написал тебе о своих планах, останется между нами. В партии столько нескромных литераторов!

267.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 1 апреля 1895 г.

Дорогой Барон,

Открытку получил. К моему величайшему изумлению, я нахожу сегодня в «Vorwärts» напечатанное *без моего ведома* извлечение из моего «Введения», которое обкарнали таким образом, что я предстаю в нем в виде миролюбивого поклонника законности во что бы то ни стало. Тем более хотел бы я, чтобы «Введение» целиком появилось в «Neue Zeit», и это позорное впечатление было изглажено.

¹ Предполагаемое Энгельсом немецкое издание «Крестьянской войны в Германии» при его жизни осуществлено не было.

Я очень определенно выскажу свое мнение на этот счет Либкнехту, а также и тем, которые — кто бы они ни были, — предоставили ему эту возможность исказить мои взгляды, не сообщив мне при этом ни слова.

Платтера с благодарностью получил. Вещь очень незначительная, но автор все более и более уклоняется в сторону. Если так будет продолжаться, то скоро нам некуда будет деваться от одних только профессоров. Очень хорошо, что Ю. Вольф тоже отвечает. Я присоединю его к остальным рядом со Штибелингом и Лориа. *Sic transit mundi gloria*¹.

Сердечный привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Э.

«Die Deutsche Worte» мы получаем в двух экземплярах, один для Фрейбергера, другой для меня.

268.

Гарри Квелчу

в Лондон.

Черновик.

Лондон, 2 апреля 1895 г.

Дорогой товарищ,

Я был вынужден, во всяком случае в этом году, отвечать отказом на все просьбы об участии в специальных номерах газет и журналов и к 18 марта, и к 1 мая, и поэтому не могу допустить исключения в виде «интервью» для «Justice». Это, однако, вовсе не значит, что я отказываюсь обсудить с Вами *частным образом* и в дружеской беседе развитие и нынешнее положение движения в Англии и за границей, если Вы этого пожелаете.

Если это совпадает с Вашими намерениями и если Вы не откажетесь указать день и час, когда Вы могли бы зайти ко мне, я постараюсь быть в это время дома.

Преданный Вам

269.

Полю Лафгару²

в Париж.

Лондон, 3 апреля 1895 г.

Либкнехт сыграл со мной недурную шутку. Из моего «Введения» к статьям Маркса о Франции 1848—1850 гг. он взял все, что могло послужить ему для защиты *мирной во что бы то ни стало*,

¹ *Лат.* — Так преходяща слава мирская.

² Отрывок, опубликованный в «Le Socialiste» 24 ноября 1900 г.

противонасильственной тактики, которую ему с некоторого времени угодно проповедывать, особенно теперь, когда в Берлине готовятся исключительные законы. Но эту тактику я рекомендую лишь для *Германии сегодняшнего дня*, да и то *со значительной оговоркой*. Для Франции, Бельгии, Италии, Австрии нельзя было бы придерживаться целиком этой тактики, а для Германии она уже завтра может стать неприемлемой.

270.

Рихарду Фишеру

в Берлине.

Лондон, 5 апреля 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Фишер,

Мое письмо от 3 числа¹ ты вероятно уже получил. Сегодня утром пришла твоя открытка. Итак, опять неприятность.

Прошу тебя сейчас же посоветоваться с адвокатом относительно того, *в какой мере наследники Маркса обладают еще правом литературной собственности на статьи Маркса в «Рейнской Газете» за 1842 год*. Статьи эти появились без подписи. Но в анонимном виде они не обладают никакой ценностью для г. Бааке. Для него они ее приобретают лишь благодаря подписи Маркса. Но публикуя их за подписью Маркса, не признает ли он тем самым за нами право литературной собственности, если даже первоначальное появление этих статей в анонимном виде могло угрожать потерей этого права?

Если юридически ничего предпринять нельзя, — что нужно сначала выяснить, чтобы соответственно наметить образ действий, — то было бы лучше всего, если бы ты немедленно посадил кого-нибудь в библиотеке переписать все три статьи и прислал их мне; тогда я их быстро просмотрю и напишу к ним введение. Речь идет о следующих трех статьях:

- 1) о заседаниях Рейнского провинциального ландтага,
- 2) о краже дров,
- 3) о положении мозельских крестьян-виноделов.

Затем вам нужно будет тотчас же объявить, что статьи будут изданы *вашим издательством с моим* введением и (возможно) примечаниями².

Что русские, не испрашивая разрешения, нарушают авторское право «в интересах пропаганды», а иногда и в интересах своей соб-

¹ Это письмо не разыскано.

² Это издание не было осуществлено при живни Энгельса.

ственной типографии и издательства и в ущерб другим, — это бывает¹. Но со стороны немцев я до сих пор не привык к таким поступкам.

Знай я то, что я лишь *предполагал*, а именно, что старая «Рейнская Газета» имеется в Берлинской библиотеке, я бы зашел туда и просмотрел ее еще в 1893 г., и тогда мы оказались бы в значительно лучшем положении и в других отношениях.

Бааке не брат ли Курта Бааке?

Привет от всех.

Твой Ф. Э.

271.

Конраду Шмидту

в Цюрих.

Лондон, 6 апреля 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Шмидт,

Я весьма обязан Вам за Ваше упорство в отношении «фикции». Здесь, действительно, имеется трудность, которую я преодолел лишь благодаря тому, что Вы настаивали на «фикции». Решение вопроса дано в III томе, I, стр. 154—157, но оно слабо разработано и не выделено, и это последнее обстоятельство заставляет меня вкратце развить в «*Neue Zeit*»² этот пункт в связи со статьей Зомбарта и Вашими возражениями. Кроме того, в III томе есть еще и другой пункт, который я хотел бы дополнить и, учтя некоторые изменения в экономических отношениях после 1865 г., привести его в соответствие с современным положением³.

Но мне было бы легче осветить вопрос о действительности и значимости закона стоимости, если бы Вы разрешили мне сослаться не только на «гипотезу», о которой Вы говорите в Вашей статье в «*Zentralblatt*», но и на «фикцию», о которой Вы упоминаете в Ваших обоих письмах, и привести из этих последних одно или два письма в пояснение того, что именно Вы подразумеваете под «гипотезой» в Вашей статье. Итак, прочтите, пожалуйста, еще раз указанное выше место и скажите мне затем, разрешаете ли Вы мне привести эти цитаты, как цитаты из писем ко мне д-ра Конрада Шмидта. Если

¹ Энгельс имеет в виду Б. Кричевского, который без разрешения издал в 1894 г. работу Маркса «Наемный труд и капитал» с предисловием Энгельса.

² Энгельс, Дополнение к третьему тому «Капитала». I. Закон стоимости и норма прибыли. См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 487—509.

³ Энгельс, Дополнение к третьему тому «Капитала». II. Биржа. См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 510—512.

же соответствующее место у Маркса убедит Вас, что закон стоимости для товарного производства является чем-то большим, чем необходимая фикция, и таким образом наши взгляды совпадут, то я, разумеется, с удовольствием откажусь от этого.

Г-жа Фрейбергер, бывшая Луиза Каутская I, шлет Вам сердечный привет от себя и своей маленькой девочки. Передайте, пожалуйста, сердечный привет Вашей жене.

Ваш Ф. Энгельс.

272.

Стефану Бауэру

в Брюсс.

Лондон, 10 апреля 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Приношу Вам свою глубокую признательность за любезную присылку факсимиле таблицы Кенэ и Вашей монографии о ней, которую я читаю сейчас с большим интересом. Вы правильно подчеркиваете, что со времени Бодо никто не понял этого крупного произведения экономической мысли, за исключением Маркса, который вообще первый извлек физиократов из того мрака неизвестности, куда их отеснили последующие успехи английской школы. Если мне суждено будет выпустить еще и IV том *«Капитала»*, то Вы найдете там еще более подробно обоснованное признание заслуг Кенэ и его учеников.

С глубоким уважением,

Ваш Ф. Энгельс.

273.

Рихарду Фишеру

в Берлине.

Лондон, 15 апреля 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Фишер,

400 марок получил — благодарю. Завтра я поручу их разменять и разделить между наследниками.

Со статьями в старой «Рейнской Газете» случилось то, чего я опасался: авторское право утрачено, и свое право собственности мы можем спасти только быстрыми действиями. Так что будет вполне уместно, если ты сейчас же дашь объявление, что статьи появятся в вашем издательстве с моим введением и примечаниями. Заглавие приблизительно такое:

«Первые литературные произведения Карла Маркса. Три статьи из (первой) «Рейнской Газеты» за 1842 год. I. Рейнский провинциальный ландтаг о свободе печати. II. Он же о законе о краже дров. III. Положение мозельских крестьян-виноделов. Под редакцией и с введением Ф. Энгельса».

Заглавие мне не особенно нравится, следовало бы по возможности воздержаться от указания определенного заглавия, пока мы не придумали более подходящего. Что касается статьи о Мозеле, то в ней я вполне уверен, поскольку постоянно слышал от Маркса, что именно изучение закона о краже дров и исследование положения мозельских крестьян побудило его перейти от чистой политики к экономическим отношениям и, таким образом, к социализму. В наших разговорах мы всегда говорили о мозельской статье, как о статье, написанной им. Я ее не читал, я был тогда уже в Англии. Но с тех пор, как мы об этом говорили, прошло очень много времени, поэтому не исключена и возможность недоразумения; когда же статья будет передо мной, я уже никак не смогу ошибиться.

Что же касается твоего широкого плана, то мне кажется, что лучше было бы его отложить, пока не будет решена судьба законопроекта против попыток к ниспровержению существующего строя. Библиотека, в которой переиздаются исторические документы или сочинения более ранних периодов, не допускает никакой цензуры; печатать нужно полностью и дословно, или не печатать вовсе. И меньше всего я мог бы допустить, чтобы старые работы Маркса и мои подвергались бы даже самым незначительным искажениям, в целях приспособления к существующим в данный момент условиям печати. А так как мы писали совершенно не стесняясь и на каждом шагу оправдывали такие дела, которые в императорских германских землях являются проступками и преступлениями, то перепечатка этих статей в Берлине после утверждения этого образцового закона была бы совершенно невозможна без больших сокращений.

Во-вторых, у меня есть план — снова выпустить в свет менее крупные произведения Маркса и мои в виде *полного собрания сочинений* и притом не выпусками, а сразу целыми томами. Я уже по этому поводу обменялся письмами с Августом, и наши переговоры об этом продолжаются. Поговори с ним, когда он вернется; я еще не совсем уверен, подходит ли такое дело для вас, как не уверен и в том, являетесь ли вы, т. е. издательство «Vorwärts», наиболее подходящими для этого людьми, — не говоря уже об убийственном законодательстве о печати, из-за которого мне приходится уже

подумывать об издателе вне пределов Германской империи, как, пожалуй, о неизбежном выходе.

Маркс *никогда* не согласился бы на издание выпусками; он однажды разрешил Мейснеру выпустить второе издание I тома «Капитала» семью *большими* выпусками, приблизительно по семь листов в каждом, но с него хватило и этого. Такие книги, как «Святое семейство», «Господин Фогт» и т. д., кромсать на выпуски по два листа или около того совершенно неприемлемо. Читателям такое чтение ничего не дает, это чтение по кускам приводит лишь к непониманию.

Статьи, помещенные в «Трибуне», имеются только на *английском языке*.

Праздники миновали при вполне благоприятной погоде и без особенных неприятностей. Помимо этого — ничего нового. Как только тебе перепишут какую-нибудь из трех статей в «Рейнской Газете», пришли мне ее, пожалуйста, немедленно, чтобы я мог приступить к работе. Ее следует послать заказной бандеролью или принять какие-либо иные меры предосторожности.

Привет от всех.

Твой Ф. Э.

274.

Людвигу Кугельману

в Ганновер.

Лондон, 18 апреля 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Кугельман,

Приношу извинения за то, что не выполнил твоего желания и не написал тебе сейчас же по поводу Ливингстона, письмо которого, как мне казалось, вряд ли нуждалось в особом ответе. Не думаю, чтобы у Якоби или М. Беккера имелось что-либо ценное; если Ливингстон им напишет, мы узнаем об этом. С Зорге мы уже много-много лет состоим в регулярной переписке.

Большое спасибо за твои сообщения. Как отыскать в «Westfälisches Dampfboot» наши анонимные статьи, если они там имеются, я сам, право, не знаю; возможно, что когда я начну работать, кое-что и встанет в моей памяти. Вообще же, *если* там что-нибудь и имеется, то материал этот не представляет особой ценности, — разве лишь как доказательство нашего несогласия с тогдашним билефельдским сентиментальным социализмом.

В конце концов, мне придется, вероятно, сделать так, как ты советуешь; я тоже давно уже того мнения, что в худшем случае надо

действовать именно так. Между тем всегда подвертывается еще то или иное — теперь, например, старая «Рейнская Газета» в Берлинской библиотеке. Но что может весьма спутать все расчеты, — так это законопроект против попыток ниспровержения. Пока этот вопрос не разрешен, нечего и думать о каком-либо плане действия.

Сердечный привет от Фрейбергеров и меня твоим и тебе.

Твой Ф. Э.

Одну вещь ты получишь по почте ¹.

275.

Рихарду Фишеру

в Берлин.

Лондон, 18 апреля 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Фишер,

Дополнительно еще одна просьба: посмотри, пожалуйста, еще раз в старой «Рейнской Газете», не завязалось ли там по поводу мозельских статей что-либо вроде полемики и нет ли статей с обычным корреспондентским значком Маркса, написанных в его стиле, — краткие, заостренные в виде антитез предложения, — а также нет ли *других* мелких статей с тем же значком и в том же стиле, и дай мне знать об этом.

Своих собственных статей — лучшие из них были уничтожены цензурой — и даже своего значка я уже не помню; большинство более крупных статей, т. е. представляющих собой нечто большее, чем обычные корреспонденции на злобу дня, помещено в приложении или как фельетон.

Кроме статей в «Рейнской Газете» я нашел еще одну статью Маркса того же периода, тоже о неистовствах цензуры ², которую можно перепечатать вместе с остальными. Но говорить об этом не следует, так как статья эта была тоже *анонимной*. В ней приблизительно $1\frac{1}{2}$ — 2 листа. Возможно, что я найду еще несколько более мелких статей. Тогда у нас были бы собраны основные произведения Маркса, относящиеся к *досоциалистическому* периоду его деятельности. Позаботься только о том, чтобы мне поскорее прислали переписанные статьи, о дальнейшем мы сговоримся.

Твой Ф. Э.

¹ Немецкое издание работы Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»

² *Маркс*, Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции. См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. I, стр. 109—132.

276.

Правлению Независимой Рабочей Партии

в Лондон.

Черновик.

Лондон, вторая половина апреля 1895 г.

Приношу Комитету благодарность за любезное приглашение¹, которое я вынужден отклонить, так как мой лечащий врач именно в настоящий момент решительно возражает против того, чтобы я совершал какие бы то ни было выезды. Так как билет может пригодиться для кого-нибудь другого, то я позволяю себе возвратить его при сем.

277.

Францу Мерингу

в Берлине.

Лондон, конец апреля 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый г. Меринг,

С большим удовольствием и благодарностью принимаю Ваше предложение помочь мне в розыске старых работ Маркса для их переиздания. Первое же затруднение возникло из-за «Рейнской Газеты» 1842 г.; я, правда, подозревал, что она имеется в Берлинской библиотеке, но, несмотря на неоднократные запросы, не мог точно установить, действительно ли это так. Теперь этот вопрос решен, и мы можем начать.

До октября 1842 г. Маркс был в Бонне; когда я в конце сентября или в начале октября проездом на обратном пути из Берлина посетил редакцию, то, насколько я помню, там были только М. Гесс и д-р Рава, бывший редактор «*Elberfelder Zeitung*» (мне кажется, тогда она называлась иначе); Рутенберг, кажется, был уже выслан, однако, я в этом не уверен. Когда в конце ноября, проездом по пути в Англию, я опять зашел в редакцию, то встретил там Маркса, и тогда состоялась наша первая, весьма холодная, встреча. Маркс тем временем выступил против Бауэров, т. е. высказался против того, чтобы «Рейнская Газета» стала преимущественно распространителем пропаганды *теологических* вопросов, атеизма и т. п., вместо того, чтобы служить политической дискуссии и действию; он также выска-

¹ Ответ на присланное Энгельсу 16 апреля 1895 г. приглашение на первомайское гулянье.

зался против основанного на одном лишь стремлении прослыть «самым крайним» фразерского коммунизма Эдгара Бауэра, который вскоре затем был вытеснен у Эдгара другими радикально звучащими фразами. Так как я состоял в переписке с Бауэрами, то слыл их союзником и из-за них относился в то время к Марксу подозрительно.

Насколько я могу вспомнить, 1 января 1843 г. Маркс оставил место главного редактора, во всяком случае — официально. Но это не помешало ему еще и в феврале негласно сотрудничать в газете. Я также как будто хорошо помню, что указ, согласно которому газета должна была закрыться 31 марта 1843 г., был ей вручен самое позднее 31 декабря; затем начались переговоры, давшие отрицательный результат. Поэтому указ был опубликован только 28 января, и одновременно была введена двойная цензура, которая в действительности существовала много раньше; некоторое время существовала даже тройная цензура: 1) обычный цензор; 2) присланный из Берлина ассессор фон Сен-Поль; 3) правительственный президент. Сен-Поль оставался, пока газета не прекратила свое существование. Колебания 12—18 февраля более или менее совпадают с отъездом Маркса из Кельна.

Если Вам удастся, сопоставляя эти данные с самой газетой, что-нибудь установить более точно или исправить, это будет очень желательно и для Вашей и для моей работы.

С мозельскими статьями дело обстоит, вероятно, именно так, как Вы говорите. Маркс был тогда прикован к Кельну и ни в коем случае не мог лично собирать такого рода материал.

Статья, о которой я писал Фишеру, действительно является статьей о цензурной инструкции из «Anekdota» Руге.

Одна из лучших работ в «Рейнской Газете» — это помещенная в фельетоне большая критическая статья об «Истории французской революции» Лео. Она написана другом Маркса К. Ф. Кеппеном (который написал также работу о старом Фрице и о северной мифологии) и дает правильное объяснение периода террора (впервые на каком бы то ни было языке).

Что Вы очень основательно изучили период до 1848 г., для меня ясно из некоторых цитат и экскурсов в прошлое в Ваших статьях в «Neue Zeit». Я рад, что обработка как этого, так и позднейшего периода в Германии выпала на Вашу долю.

Возможно, что и до октября 1842 г. кое-где в приложении найдется еще кое-что, принадлежащее Марксу, искать же в самой газете мелкие сообщения из Бонна, пожалуй, не стоит труда.

Мое искреннее соболезнование по поводу закрытия «Свободного народного театра». Ниспровержение существующего строя сверху не могло не коснуться этого учреждения!

Еще раз благодарю!

С искренним уважением,

Ваш Ф. Энгельс.

278.

Францу Мерингу

в Берлин.

Лондон, 9 мая 1895 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый г. Меринг,

Очень благодарен Вам за Ваше длинное, содержательное письмо с приложениями. Отвечу на него подробно, как только это позволит моя голова, которая, к сожалению, вот уже восемь дней стянута и сдавлена, как железным обручем, ревматической болью. Я надеюсь, на следующей неделе отделаться от этой боли и связанной с нею бессонницы. Я согласен с Вашим предложением дать из «Рейнской Газеты» полностью только две большие статьи и статью о коммунизме¹ (равно как и статью из «Anekdoty»). Что же касается остального, то следовало бы переписать (отмечая, в какой связи они сказаны) лишь самые важные места, которые Вы не откажете в любезности сами выбрать. Что касается статей о Мозеле, то желательно было бы для моего введения получить краткий обзор хода прений и их содержания.

Не будете ли Вы столь добры снести по этому поводу с Фишером.

Еще раз благодарю Вас и до следующего раза, когда я смогу написать больше.

Искренне Ваш

Ф. Энгельс.

279.

Рихарду Фишеру

в Берлин.

Лондон, 9 мая 1895 г.

41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Фишер,

Из-за ревматических болей кожи головы и связанной с этим бессонницы я сейчас так изнурен, что не способен ни на какую работу.

¹ *Маркс*, Коммунизм и «Всеобщая Аугсбургская Газета». См. *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. I, стр. 217—220.

К будущей неделе надеюсь снова стать на ноги. А пока что, я думаю — раз уж вы оба имеете возможность просмотреть экземпляр «Рейнской Газеты» — лучше всего тебе самому решить вместе с Мерингом, как быть с мелкими статьями и статьями о Мозеле, и прислать мне затем копии только самого необходимого. Я напишу об этом несколько строк также и Мерингу.

Рукопись только что прибыла ¹.

Твой Ф. Э.

280.

Карлу Гиршу

в Кельн.

Лондон, 20 мая 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Гирш,

Вы ставите перед нами нелегкую задачу — разыскать «журналиста Толлита в Англии» и те «английские газеты, где был напечатан известный материал о Браувейлере». Во-первых, в сообщениях английской периодической печати по данному вопросу название *Браувейлер* ни разу не упоминается, отчет же Парламентского комитета появляется только по окончании его деятельности. Следовательно, заметка эта была, вероятно, помещена в какой-нибудь малоизвестной специальной промышленной газете и потому ее здесь не найдешь. Во-вторых, журналист Толлит, который по другим сведениям зовется Поллит, здесь нигде не известен. Д-р Фрейбергер тщетно разыскивал его след в Национальном либеральном клубе, в котором состоят членами множество журналистов. Мы предприняли также дальнейшие шаги, чтобы, где только можно, разыскать этого человека — он, повидимому, вовсе не живет в Лондоне и в *политической* прессе не работает, скорее всего в какой-либо специальной промышленной газете, но на все это требуется время. С вашей стороны очень наивно надеяться, что этот человек согласится свидетельствовать в вашу пользу. Он ведь сам говорит, что посетил тюрьмы незаконным образом; поэтому в Кельне его сейчас же посадили бы под замок и привлекли бы к судебной ответственности за подкуп чиновников или тому подобное. План Гоффрихтера — допросить его здесь в судебном порядке — также невыполним. Правда, *если он захочет*, то может дать перед мировым судьей affidavit (письменное заявление, подтвержденное присягой, которое, если оно ложно, влечет за собою все последствия клятвопреступления), в котором подтвердит

¹ Копии статей Маркса из «Рейнской Газеты».

то, что заявил перед комитетом; это заявление после засвидетельствования у немецкого консула будет и в Германии иметь значение судебного документа.

Бернштейн всю неделю не был в Лондоне, а Беер не имеет абсолютно никаких связей в том мире, где надо искать этого Толлита.

Как только узнаем что-либо новое, известим тебя. Но времени чертовски мало. *Откуда* вы получили эту заметку? Наведите справки и выясните, *как и через кого* она попала в немецкую прессу, это даст нам нить.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

281.

Карлу Каутскому

в Штутгарт.

Лондон, 21 мая 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Дорогой Барон,

На твое письмо от 6-го числа я ответил бы тебе тотчас же, но пренеприятная опухоль шейных желез с очень сильной болью и неизбежной бессонницей почти совершенно лишила меня трудоспособности на целых две недели. Но теперь тебе не придется дольше ждать.

Вы предприняли некоторое время тому назад издание истории социализма. Из всех живых людей тогда был лишь один, — это я смело могу сказать, — сотрудничество которого казалось совершенно необходимым, и это был я. Я даже должен сказать, что без моей помощи в такого рода работе в настоящее время неизбежны ошибки и пробелы. И вы знали об этом не хуже меня. Но из всех мало-мальски пригодных для этой работы людей именно я был единственным, которого *не* пригласили сотрудничать. У вас, следовательно, должны были быть очень веские основания для того, чтобы исключить именно меня. Я не жалею на это, отнюдь нет. Вы имели полное право так поступать. Я лишь констатирую факт.

Что меня, однако, задело — но на один лишь миг — так это та странная таинственность, в какую вы облекли по отношению ко мне все это дело, в то время как о нем говорили решительно все. Лишь через третьих лиц я узнал о вашем замысле, лишь по печатному проспекту ознакомился с планом издания. Ни от тебя, ни от Эде — ни слова; казалось, что у вас совесть была не чиста. К тому же еще осторожные расспросы разных людей — так, между прочим, — как я отношусь к этому делу, отказался ли я от сотрудничества и т. д.

И, наконец, когда уже нельзя было больше молчать, милейший Эде заговорил об этом деле, но со смущением и растерянностью, достойными более неблагоприятного поступка, — в то время как ничего дурного не произошло, за исключением этой смешной комедии, которая, между прочим, как может подтвердить Луиза, мне доставила много веселых минут.

Ну, хорошо — вы поставили меня перед совершившимся фактом: история социализма без моего участия. С этим фактом я с самого начала, не протестуя, согласился, но этот, вами же созданный факт вы не можете уже стереть с лица земли, не можете его игнорировать, когда это вам почему-либо заблагорассудится. Точно так же и я не могу уничтожить этот факт. Если вы по зрелом размышлении захлопнули передо мной парадную дверь в такое время, когда мой совет и моя помощь могли принести вам существенную пользу, то не требуйте, пожалуйста, от меня теперь, чтобы я пробирался к вам с черного хода, чтобы помочь вам выпутаться из затруднения. Признаюсь, при обратном распределении ролей я бы очень и очень задумался, прежде чем сделать тебе подобное предложение¹. Неужели так трудно понять, что каждый должен нести последствия своих поступков? Как постелешь, так и спать ляжешь. Если в этом деле нет для меня места, то лишь потому, что вы сами так захотели.

Итак, с этим покончено. И сделай одолжение, считай этот мой ответ окончательным. Забудем оба про этот случай. Я и с Эде не стану об этом говорить, если только он первый не заговорит.

Между прочим, я собираюсь дать тебе для «*Neue Zeit*» работу, которая тебя порадует: дополнения и добавления к «Капиталу», т. III, № 1 «Закон стоимости и норма прибыли», ответ на сомнения Зомбарта и К. Шмидта. Затем следует № 2: весьма значительно изменившаяся роль биржи с тех пор, как Маркс писал об этом в 1865 году. В зависимости от потребности и времени следует продолжение. Первая статья была бы готова, если бы моя голова была свободна.

О твоей книге могу сказать, что дальше она становится лучше; Платон и раннее христианство разобраны еще слишком недостаточно, в соответствии с первоначальным планом, средневековые секты уже значительно лучше, и дальше идет *crescendo*². Лучше

¹ Не желая допускать Энгельса к руководству работой по изданию «Истории социализма», Каутский хотел использовать знания Энгельса и просил его дать материалы для главы по истории I Интернационала.

² *Итал.* — все возрастая.

всего — табориты, Мюнцер, анабаптисты. Во многих местах весьма серьезные экономические обоснования политических событий, но наряду с этим — общие места, там, где сказалась недостаточность знаний. Я из этой книги многое узнал; для моей переработки «Крестьянской войны» это необходимый материал. Мне кажется, что главных ошибок две: 1) весьма недостаточно исследовано развитие и роль элементов, стоявших совершенно вне феодально-сословной структуры, деклассированных, поставленных в положение чуть ли не париев, появление которых было неизбежно при образовании любого города, которые составляли самый низший, бесправный слой населения любого средневекового города и находились вне общины, вне феодальной зависимости и вне цехового союза. Такое исследование — трудно, но это *главная основа*, потому что постепенно, с распадом феодальных связей, из этих элементов образуется тот *предпролетариат*, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях, вобрав в себя всех отверженцев феодального и цехового общества. Ты говоришь о пролетариях — выражение мало подходит — и включаешь сюда ткачей, большое значение которых ты изображаешь совершенно правильно: но только *после того*, как появились деклассированные, не цеховые, ткачи-батраки и лишь *поскольку* таковые были, ты только и можешь причислить их к своему «пролетариату». Тут еще много придется доработать.

2) Ты не вполне уловил положение на мировом рынке — поскольку о нем может идти речь, — международное экономическое положение Германии в конце XV века. *Только* это положение объясняет, почему то буржуазно-плебейское движение в религиозной форме, которое потерпело поражение в Англии, Нидерландах, Богемии, могло в XVI веке в Германии иметь *известный* успех: это успех его *религиозной маскировки*, тогда как успех буржуазного содержания достался на долю следующего столетия и на долю стран, расположенных по возникшему к тому времени новому направлению мирового рынка: Голландии и Англии. Это обширная тема, которую я надеюсь широко развить в «Крестьянской войне», — только бы дошли до этого *руки!*

По части стиля, ты — желая сохранить популярность изложения — впадаешь то в стиль передовой статьи, то в стиль школьного учителя. Этого можно было бы избежать. Далее: неужели ты в угоду Янсену до сих пор не желаешь понять игру слов Ульриха фон Гуттена с *obscuri viri*? Ирония в том, что это означает *и то*,

и другое: неизвестные (*obscur*) и невежественные (*obscurant*), и именно это и хотел сказать Гуттен¹.

Однако все это между прочим. Ты и Эде разработали совершенно новую тему, а это никогда не удастся полностью с первого раза. Вы можете гордиться тем, что написали книгу, которую не стыдно показать даже сейчас, когда имеется всего лишь, так сказать, первоначальный набросок. Но теперь вы оба обязаны не забрасывать раз уже затронутую область, а продолжить исследование, с тем чтобы через несколько лет выпустить переработанное издание, удовлетворяющее всем требованиям.

Из Петербурга мне прислали русский перевод твоей старой работы о браке и семье (из «Kosmos»), не знаю, кем сделанный. Я посылаю его тебе.

Большой привет всем вам от нас всех.

Твой Ф. Энгельс.

Еще вот что: я предложил Зорге издать отдельной книгой его статьи об американском движении, когда они будут закончены. Он согласился, но говорит, что там многое придется доработать, исправить и дополнить, для чего у него до ближайшего летнего перерыва не найдется времени. Мое предложение — передать дело Дитцу — он принял. Не будешь ли ты так любезен спросить Дитца, хочет ли он взяться за это дело, а если да, то на каких условиях. Эти статьи — лучшее и *единственно достоверное*, что имеется у нас об американском движении, и я считаю очень желательным, чтобы они были предложены читателю в связном виде отдельной книгой.

282.

Редакции «Rheinische Zeitung»

в Кельн.

Лондон, 22 мая 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемая редакция,

Человек обнаружен, зовут его Джемс Поллит, и он готов выполнить все, что от него могут потребовать. Он уже доставил нам весь имеющийся материал. Статьи были опубликованы в «The Hardwanger» от 11 и 18 мая: это — стенографические отчеты заседаний Комитета торгового совета (Board of Trade Committee), на котором

¹ Речь идет об анонимном памфлете группы немецких гуманистов — Ульриха фон Гуттена, Крота Рубеана и др. «Письма темных людей» («*Epistolae obscurorum virorum*»), изданном в 1515—1517 гг.

он сделал свое сообщение о труде заключенных за границей. Отчеты эти посылаются вам в оригинале с переводом тех мест, в которых говорится о Браувейлере. Далее, он доставит нам образцы изготавливаемых в Браувейлере и продаваемых здесь товаров, а также засвидетельствованное заявление — вместо присяги — о правильности как его показаний комитету, так и приведенных вами извлечений из них.

Но так как материал очень обширен и его в такое короткое время нельзя обработать в письме в таком виде, чтобы вы могли должным образом использовать его перед судом, то личные переговоры чрезвычайно желательны. Поэтому я сегодня утром телеграфировал Гиршу, 37, Numergasse, Кельн: «Немедленный приезд Гирша, Гофрихтера или адвоката весьма важен. Энгельс».

Надеюсь, что кто-нибудь уже выехал и по прибытии явится на 41, Regent's Park Road, где найдет приют и сможет сейчас же приступить к делу. В течение 12 часов все будет закончено, и можно будет, в случае необходимости, пуститься в обратный путь.

Я пока что оплачу связанные с этим расходы, а потом рассчитаюсь.

Человека, который продает здесь, в Англии, браувейлеровские изделия через своего лондонского агента С. А. Ротшильда, зовут Христиан Абнер, и живет он в Кельне. Это самый важный для вас свидетель. Его следовало бы допросить под присягой относительно товаров, получаемых им из Браувейлера и пересылаемых в Англию. Поллит проследил нагруженные до верху телеги от браувейлеровского заведения до его конторы в Кельне. Абнер также напечатал по-английски заявления, что не продает товаров, изготовляемых заключенными; он утверждает, будто Браувейлер не тюрьма, а лишь исправительный дом. Но установлением подобных различий здесь никого не проведешь.

Завтра напишу больше, если за это время никто не приедет.

Сердечный привет от Вашего

Ф. Энгельса.

283.

Рихарду Фишеру

в Берлин.

Лондон, 29 мая 1895 г.

Дорогой Фишер,

Спасибо за посылку. Я еще не в состоянии за нее приняться. Тем временем прошу прислать также копии всех статей о мозель-

ских крестьянах. Дело в том, что здесь был Гоффрихтер из Кельна, он хочет получить их, чтобы использовать там. Я условился с ним, что попрошу прислать их мне; если я не смогу их использовать полностью либо вообще не смогу использовать, то передам их ему. В таком случае «Rheinische Zeitung» оплатит вам расходы по переписке. Следовательно, в любом случае ваши расходы будут покрыты.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

284.

Николаю Францевичу Даниельсону

в Петербург.

Лондон, 4 июня 1895 г.
41, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Я в настоящее время довольно плохо себя чувствую (ничего, впрочем, серьезного) и должен ограничиваться лишь абсолютно необходимым.

Я препроводил г-ну Конову присланные вами дополнения и изменения и, сообщив ему Ваш адрес, просил его обратиться непосредственно к Вам. Его адрес:

Андрей Конов,
Augsburgerstrasse, 37, 3-й этаж.
Берлин.

В надежде, что скоро смогу сообщить Вам лучшие известия, остаюсь

Искренне Ваш

Л. К.

285.

Эдуарду Бернштейну

в Лондон.

Истбери, 18 июня 1895 г.
4, Royal Parade.

Дорогой Эде,

Спасибо за твое письмо, — я чувствую себя лучше, но согласно принципам диалектики: усиливаются обе стороны — как положительная, так и отрицательная. Я окреп, ем больше и с большим аппетитом, говорят, что очень хорошо выгляжу — следовательно, общее состояние лучше. Но в то же время усиливается и процесс болезни: увеличилась опухоль, усилились боли, ухудшился сон и т. д. Болезнь протекает острее, не так вяло, как в Лондоне, но нормально. В результате моя патологическая благоприобретенная

глупость, пожалуй, увеличилась, и потеря работоспособности также. Сегодня у меня опять особенно скверный день, но с пяти часов вечера голова начала немного проясняться.

Луиза, Людвиг и малютка приехали в субботу; Людвиг в воскресенье уже снова дежурит в своей клинике в Лондоне и вернется, вероятно, в пятницу или субботу.

В субботу или воскресенье приедут Эвелинги, а, может быть, и Сэм Мур. К сожалению, все они должны будут развлекаться сами; я скучен как субъективно, так и объективно.

Сердечный привет Гине и детям. Все мои ушли из дому, я пытался немножко поспать.

Твой Ф. Э.

286.

Филиппо Турати

в Милан.

Черновик.

Истбери, 28 июня 1895 г.

Дорогой гражданин Турати,

Краткое изложение трех томов «Капитала» — одна из самых трудных задач, какую может поставить себе писатель. По-моему, во всей Европе найдется не более полдюжины человек, способных взяться за это дело. Помимо прочих неперемennых условий, нужно основательно знать буржуазную политическую экономию и владеть в совершенстве немецким языком. А Вы говорите, что в этом последнем пункте Ваш Лабрполино¹ не особенно силен, в то время как его статьи в «Critica Sociale» доказывают мне, что ему следовало бы сначала хорошенько понять I том, прежде чем браться за самостоятельную работу над всем произведением в целом. Я не имею законного права помешать ему, но считаю своим долгом заявить, что полностью умываю руки в этом отношении.

Что касается другого Лабриола², то злой язык, который Вы ему приписываете, возможно и имеет некоторое право на существование в такой стране, как Италия, где социалистическая партия, как впрочем и все другие партии, подверглась нашествию своего рода саранчи, этой «деклассированной буржуазной молодежи», которой так гордился Бакунин. Результат: засилье литературного дилетанства, весьма падкого на сенсацию, и неизбежно сопровождаемого кумовством, которое господствует в прессе. В том, что это так, Вы несколько не виноваты, но Вы, как и все, испытываете на себе влияние

¹ Артуро Лабриола.

² Антонио Лабриола.

этой среды. Я, впрочем, мог бы и дольше говорить с Вами о Лабриола, но если уж я нахожу в «Critica Sociale» обрывки из моих частных писем, воспроизведенные без моего ведома, то согласитесь, что мне лучше молчать.

Впрочем партия в целом, после всех споров и пререканий, по-видимому, вела себя во время последних выборов так, как того требовала обстановка: утверждение своей независимости в первом туре, там где это не могло пойти на пользу всяким Криспини, и поддержка радикалов и республиканцев при баллотировке там, где о наших не могло быть речи.

Д-р и г-жа Эвелинг, которые сейчас у меня, и я сам шлем Вам самый сердечный привет, так же как и гражданке Анне Кулишовой.

Ваш Ф.

Пишите, пожалуйста, попрежнему на лондонский адрес.

287.

Рихарду Фишеру

в Берлин.

Истбери, 29 июня 1895 г.
4, Royal Parade.

Дорогой Фишер,

Статьи Маркса прибыли в Лондон своевременно. Спасибо.

По поводу окончания работы над рукописью и введения, которое можно написать только в Лондоне, я тебе, к сожалению, ничего определенного сказать не могу. Я еще не в состоянии хоть сколько-нибудь работать, да к тому же и не знаю, сколько времени у меня еще отнимет это заболевание, протекающее, правда, при моем возрасте нормально, но чертовски медленно.

Хорошая погода здесь удерживается дольше, чем это желательно крестьянам, здесь царит настоящая засуха.

Привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

288.

Эдуарду Бернштейну

в Лондон.

Истбери, 4 июля 1895 г.
4, Royal Parade.

Дорогой Эде,

Письмо получил. Спасибо. Пока все по-старому, т. е. частые смены настроения, в зависимости от физического состояния. О работе

нечего еще и думать, только — самая необходимая корреспонденция. Вчера уехала Лаура, а Луиза снова здесь; она, как и я, шлет сердечный привет тебе, детям и Гине.

Твой Ф. Э.

289.

Л. Зибольду¹

в Сейль (Чешир).

Черновик.

Лондон, 28 июля 1895 г.

Милостивый государь,

По поручению г. Ф. Энгельса, который вследствие болезни в настоящее время лишен возможности писать собственноручно, возвращаю Вам прилагаемое письмо.

Г-н Энгельс считает, что отрывки эти, конечно, не могут сойти за «Историю химии». Но если Вы озаглавите их: «Исследования (или материалы) по истории химии из рукописного наследства К. Шорлеммера» или что-нибудь в этом роде, то Вам не нужны будут ни редактор, ни какие-либо дополнения. В худшем случае Вам придется обратиться в такой журнал, который интересуется историей химии.

Сообщая Вам это мнение г. Энгельса, согласно его просьбе, остаюсь и т. д.

¹ Письмо написано карандашом рукой брата Ф. Энгельса — Германа Энгельса.

II

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПИСЬМА

1849 — 1891

I.

Маркс — Эдуарду Мюллер-Теллерингу

в Вену.

Кельн, 15 января 1849 г.

Дорогой Теллеринг,

Вы всегда неправильно рассчитываете дни доставки почты, так как предполагаете, что почта из Австрии и Берлина приходит сюда аккуратно, а она всегда запаздывает на один-два дня и приходит весьма неаккуратно. Ваше первое письмо из Вены я получил 10-го вечером. 11-го я немедленно написал в *Одерберге* до востребования со вложением 50 талеров кредитными билетами. Следовательно, Вам во всяком случае придется вернуться в Одерберг, чтобы получить эти деньги.

Газеты Вы получите, как только, по возвращении из Одерберга, сообщите мне, где Вы решили искать временный приют.

Я надеюсь, что вопреки злой воле Гейгера, Ваши паспортные дела удастся, наконец, уладить в два-три дня. Но Вы должны мне тоже сообщить, куда берлинский друг должен отправить Вам паспорт.

Если Вам необходимо избегать пребывания в Вене, — что принесло бы газете невозместимый урон, и в таком случае Вы должны найти себе заместителя для ежедневных сообщений, — то мне Бреславль представляется еще наиболее подходящим для Вас местом пребывания. Я часто с печалью думаю о Вашей жене, которая заслуживает менее беспокойной участи.

Посылаю Вам при сем один номер «Новой Рейнской Газеты», который — из-за передовой статьи о мадьярах — надеюсь, представит для Вас интерес.

Напишите мне как можно скорее. Во Франции весной снова начнется пляска. Бесчестная буржуазная республика слишком быстро дошла до «расцвета своих грехов».

Ваш К. Маркс.

2.

Маркс — редактору газеты «La Presse»

в Париж.

Париж, 27 июля 1849 г.

Заметка, которую Вы поместили в «La Presse» от 26 июля относительно моего пребывания в Париже и которую текстуально воспроизвели другие газеты, содержит факты, до такой степени искаженные, что я вынужден ответить на нее несколькими строками.

Прежде всего «Новая Рейнская Газета», издателем и главным редактором которой я был, вовсе не была закрыта. Ее выход был приостановлен в течение пяти дней вследствие осадного положения. Как только осадное положение было снято, газета вновь появилась и продолжала выходить в течение последующих семи месяцев. Прусское правительство, увидев невозможность закрыть ее на законном основании, прибегло к своеобразному средству — устранило издателя, т. е. запретило мне пребывание в Пруссии. Является ли эта мера законной, это решит прусская палата депутатов, которая должна вскоре собраться.

После того как мне было запрещено пребывание в Пруссии, я отправился сначала в великое герцогство Гессен, где так же, как и в других частях Германии, мне вовсе не воспрещалось обосноваться. Если же я приехал в Париж, то отнюдь не в качестве изгнанника, как это говорит ваша газета, а вполне добровольно, имея на руках исправный паспорт и преследуя единственную цель — пополнить материалы, собранные мной для труда по истории политической экономии, который я начал уже пять лет тому назад.

Я также вовсе не получал приказа покинуть Париж *немедленно*; напротив, мне было дано время для того, чтобы заявить протест министру внутренних дел. Этот протест я заявил и жду его результатов.

Примите и пр.

Д-р К. Маркс.

3.

Маркс — Герману Беккеру

в Кельи.

Лондон, 2 декабря 1850 г.

64, Deanstreet, Soho.

Дорогой Беккер,

Я знаю, что ты почувствовал себя очень обиженным моим письмом к Бюргерсу. Однако в этом письме, написанном при весьма тревожных обстоятельствах, я так же мало хотел обидеть тебя, как и

других моих кельнских друзей. Я полагаю, что это объяснение тебя удовлетворит и что я могу, не возвращаясь к прошлому, прямо перейти к предложениям, которые имею тебе сделать.

1. Ты знаешь, каким жалким образом г. Шуберт вел наше «Обозрение». Я думаю, что в ближайшие дни он выпустит последние две тетради. Я хотел бы продолжать издание в виде квартальных выпусков (начиная с февраля), по 20 печатных листов каждые три месяца. Бóльший объем дал бы возможность помещать более разнообразный материал. Можешь ли ты взять на себя издание и на каких условиях?

2. Один из моих друзей перевел с французского на немецкий мою книгу против Прудона и написал к ней предисловие. По этому поводу ставлю тебе тот же вопрос, что и выше.

3. Я набросал план, по которому можно было бы предложить широким кругам читателей серию выпусков социалистической литературы, состоящую из ряда небольших брошюр. Раньше марта этого нельзя было бы начать. Если ты согласен взять на себя такое дело, то можно было бы пока подготовить отдельные работы. Мне кажется, что немецкий читатель после недавнего утешительного опыта в области высокой политики постепенно вынужден будет обратить свое почтенное внимание на истинное содержание современной борьбы.

Прошу не задерживать ответа.

Твой К. Маркс.

4.

Маркс — Вильгельму Либкнехту¹

в Лондон.

Лондон, 17 сентября 1859 г.

Дорогой Либкнехт,

Письмо Блинда от 8 сентября, которое ты мне передал для ознакомления, я бы уже вернул тебе раньше, если бы некоторые содержащиеся в нем места не ставили меня в *необходимость* предпринять дальнейшие шаги для установления фактического положения дела.

Блинд утверждает в письме, что не принимал в *этом деле* (т. е. в *публичном* разоблачении Фогта), *решительно никакого участия*. Он утверждает далее, что сделанные им в *частной беседе*

¹ Данное письмо относится к одному из эпизодов борьбы Маркса против К. Фогта. См. работу Маркса «Г-н Фогт», *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XII, ч. I, стр. 247—543.

(он, следовательно, только *«частным образом»* высказался о Фогте) «замечания» «были *совершенно ложно* истолкованы». Это обвинение в ложном толковании относится ко *мне*. Я эти сделанные Блиндом в *«частной беседе»* замечания истолковал *совершенно ложно* и, следовательно, *«совершенно ложно»* информировал тебя и Бискампя. Речь идет здесь не о *сознательном, преднамеренном* ложном толковании, а об искажении, являющемся следствием либо присущей Блинду трудности изложения, либо слабости моего понимания и природной склонности схватывать превратно.

По этому поводу я делаю следующие замечания:

1. Фогт служил Бонапарту орудием для подкупа либералов в Германии и немецких революционеров за границей. Далее, Фогт предложил некоему либеральному писателю в Германии 30 000 гульденов для того, чтобы переманить его на сторону бонапартистской пропаганды. — Оба эти слуха Блинд в самом серьезном тоне сообщил *мне* 9 мая, в день первого митинга, созванного Уркартом. Он сообщил их Фрейлиграту. Он сообщил их *другим*. Он их повторил или вернее вновь *подтвердил* в твоём присутствии, в присутствии Холлингера, в моем присутствии в день нашей совместной беседы с ним. В отношении этих двух пунктов, следовательно, не может быть речи о толковании, ложном или правильном. Они признаны. Они могут быть подтверждены свидетельскими показаниями. Это факты, поскольку мы рассматриваем *высказывания* Блинда как *факты*.

2. Что же касается *«толкования»* Блинда, то — за исключением имени Фогта в качестве агента бонапартистской коррупции и истории с 30 000 гульденов, — оно напечатано в *лондонской «The Free Press»* от 27 мая под заголовком *«Великий князь Константин — будущий король Венгрии»*. Блинд является автором этой статьи, в которой он говорит, что *он* «знает фамилию одного швейцарского сенатора, с которым он (принц Жером Наполеон) говорил об этом деле» и знает даже, что именно Плон-Плон говорил швейцарскому сенатору; что он, Блинд, далее, знает о «попытке... привлечь на сторону русско-наполеоновского плана некоторых немецких эмигрантов-демократов, а также некоторых влиятельных германских либералов»; он *знает*, что *«крупные денежные суммы»* были предложены этим лицам в качестве *взятки*, и в заключение он высказывает «свое удовлетворение по поводу того, что эти предложения были с возмущением отвергнуты». Это «толкование» *напечатано* и, следовательно, было высказано не только в *«частной беседе»*. И из него видно, что Блинд «в этом деле»

не только принимал «участие», но даже «участвовал» в нем в качестве инициатора.

3. Собери воедино, во-первых, рассказанные Блиндом и затем подтвержденные факты и, во-вторых, «толкование», которое *напечатал* (это юридически может быть доказано) Блинд, и что же получится? Анонимный памфлет «Предостережение», за вычетом нескольких незначительных фраз. Поэтому совершенно безразлично, является ли Блинд составителем этой листовки или нет. Он является *ответственным издателем* тех элементов, из которых она состоит.

Фамилию Фогт и историю с 30 000 гульденов он сообщил в «частной беседе». В беседе не только со мной, но и с Фрейлигратом и с другими. И не как «секретное» частное сообщение, а как политическое разоблачение. Свое «толкование» этих двух пунктов он *сам* пустил в печать.

Тем более безразлично, была ли составлена им или нет появившаяся позже листовка! В ней только сведен воедино изустный и напечатанный Блинд; это *есть* сведенный воедино Блинд. Поэтому я считаю его не только автором этой листовки. То же самое и Фрейлиграт. Он расспрашивал его об этом.

Следовательно, составил ли он листовку или нет — это *совершенно* не меняет дела. Он остается ответственным *инициатором*.

Ты помнишь, как он при вышеупомянутой встрече давал *честное слово*, что не он составлял этот памфлет. *Составить* и *написать* — действительно, разные вещи. Однако я имею теперь в руках *документальные*, имеющие *юридическую силу* доказательства (*они в твоём распоряжении*), что листовка напечатана у Ф. Холлингера, что она была передана ему Блиндом, написана *почерком* Блинда и рассматривалась Ф. Холлингером как продукция Блинда.

Остается, следовательно, *мое* не просто «ложное», а «совершенно ложное толкование».

Что касается аугсбургской «Allgemeine Zeitung», то между мной и ей всегда были, и есть и по сей день, определенно *враждебные* отношения. В процессе, который будет происходить публично 28 октября в Аугсбурге, речь идет не о ссоре между «Allgemeine Zeitung» и Фогтом, а о *судебном решении* по поводу отношений между бывшим германским имперским регентом Фогтом и французским императором Луи Бонапартом. По моему мнению, в данном случае для *каждого* немецкого революционера, даже если он и не принадлежит к «Отечественному союзу», речь идет не «о делах совершенно

чуждой ему газеты», а об *его собственных* делах. Это дело вкуса. De gustibus etc.¹

Привет.

Твой К. М.

5.

Маркс — Вильгельму Либнехту

в Берлин.

Лондон, февраль 1865 г.

Дорогой Library,

Мне больше всего хотелось бы, чтобы перевод адреса² появился в «Reform» и в «Rheinische Zeitung». Необходимо, конечно, сказать, что оригинал на английском языке; и не помешает, если я буду назван в качестве автора. Буржуазные газеты все еще злятся на нас за то, что из всех ответов Линкольна на различные поздравительные адреса в связи с его переизбранием, только его ответ на наш адрес был не просто *формальным* подтверждением в получении.

Привет.

Твой К. М.

6.

Маркс — Вильгельму Либнехту

в Берлин.

Лондон, 24 июня 1865 г.

Дорогой Либнехт,

Мое долгое молчание объясняется затяжным недомоганием с периодами неработоспособности и массой работы в промежутках. Кроме того, в твоих письмах не было ничего такого, что хотя сколько-нибудь требовало бы срочного ответа.

«Nordstern», повидимому, некоторое время не выходила из-за отсутствия денег? Во всяком случае, она здесь несколько недель не получалась. Что за дрянная газетка! Заявление различных союзов, провозглашающее государственным преступником каждого, кто посягнет хотя бы на одну букву в символах веры лассалевских открытий, просто великолепно! Тонкий вкус, нечего сказать!

Что поделявает г. Б. Беккер из Берлина, и как «держится» «Social-Democrat»?

С д-ром Кугельманом ты попал пальцем в небо. Я уже много лет, как состою с ним в переписке. Он уже был социалистом в 1848 г.

¹ Лат. — De gustibus non est disputandum — о вкусах не спорят.

² Маркс, Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих. См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 5—13.

в Дюссельдорфе. Что до Пипера, то он даже имени Кугельмана не знал, когда был здесь.

Штумпфу я еще не писал, потому что вообще за это время писем не писал. Что касается записки, которую он вверил Бруну, она, разумеется, до меня не дошла.

Международное Товарищество очень хорошо развивается *вопреки* той «широкой поддержке», которую получает из Германии.

Что касается «Луи Бонапарта», то из твоего внезапного молчания по этому поводу я догадался, что дело провалилось. Этому я, пожалуй, рад, так как в дальнейшем помещу его в собрании своих работ.

Что поделывает старуха Гатцфельд? Как пачкотня с наследством?

Привет.

Твой К. М.

Чем занимаются гг. Э. Бауэр, Бухер и компания? Эдгар, вероятно, останется здесь еще на продолжительное время.

7.

Маркс — Вильгельму Либкнехту

в Ганновер.

Лондон, 11 сентября 1865 г.

Дорогой Либкнехт,

Как только я узнаю, находишься ли ты еще в Ганновере, то сообщу тебе о причинах перерыва в переписке и вообще напишу подробно.

25 сентября здесь состоится (частная) *конференция* здешнего Совета Интернационала с делегатами швейцарского, французского и бельгийского правлений. Не можешь ли ты сам себя делегировать в качестве представителя от Германии?

Привет.

Твой К. М.

8.

Энгельс — Вильгельму Либкнехту

в Ганновер.

Манчестер, 21 сентября 1865 г.

Дорогой Либкнехт,

Тебе не везет; надо же было тебе написать мне как раз тогда, когда я уехал отсюда на три недели на континент и поэтому получил твое письмо лишь после своего возвращения сюда. При сем прилагаю пять фунтов, о которых ты просил, — банкнота $\frac{B}{V}$ 68754, Манчестер, 16 января 1865 г.

Я не могу сегодня написать много, так как хочу еще успеть отправить банкноту; скажу лишь, что Маркс, конечно, имеет основание сердиться на тебя. Ты в своей берлинской защитительной речи чрезвычайно слабо и вяло выступал против пошлостей, высказанных Беккером по адресу Маркса, а в истории с Бандя и во многих других вопросах ты также неправильно изложил факты, как и г. Беккер, хотя ты из «Господина Фогта» легко мог почерпнуть более правильные сведения. Это чрезвычайно неприятные вещи, которые теперь в этом искаженном виде мадам Гатцфельд распространяет по всему миру, ссылаясь на тебя. А ты еще требуешь, чтобы Мавр к этому относился спокойно.

Твой Ф. Э.

9.

Маркс — Герману Юнгу

в Лондон.

Лондон, 30 сентября 1865 г.

Дорогой Юнг,

Жду Вас завтра (воскресенье) к обеду — очень скромному. Я пригласил также Де Папа и Беккера. Не откажите *от моего имени* пригласить Кауба. Я сегодня утром настолько занят делами всякого рода, что не могу позволить себе написать второе письмо.

С братским приветом

К. Маркс.

10.

Маркс — Вильгельму Либкнехту

в Ганновер.

Лондон, 21 ноября 1865 г.

Дорогой Миллер ¹,

После состоявшейся здесь конференции я опять серьезно заболел. Потом я уезжал из Лондона по семейным делам. Этим объясняется мое долгое молчание. Что касается твоего доклада, то я не мог огласить его на конференции, так как мне лично уделялось в нем слишком много внимания. В твоей берлинской речи было несколько очень неприятных промахов, виновником которых мог быть только ты, поскольку они касались фактов, известных одному тебе, но наполовину забытых и неправильно изложенных тобой. Но это дело прошлое.

¹ Конспиративная фамилия В. Либкнехта.

Я получил берлинское письмо и ответчу на него. Сейчас у меня нет ни *времени*, ни средств на поездку в Берлин. И даже если бы я смог туда поехать, ты прекрасно понимаешь, что ни о какой агитации не могло бы быть и речи. Прусское правительство недаром объявило, что амнистия, поскольку дело касается меня, все же не дает мне права проживать в Пруссии, а лишь проезжать в качестве иностранца через владения Бисмарка.

На-днях пошлю тебе несколько номеров «*Workman's Advocate*». Можешь писать им на *любую* социальную или политическую тему, какая тебе понравится. Пока что это газета, полная добрых намерений, но еще весьма посредственная. Сам я, конечно, еще не имел и не имею времени сотрудничать в ней, хотя и состою в числе ее редакторов. Постоянные рецидивы проклятой болезни помешали мне в завершении моей книги, и сейчас мне приходится уделять ей все мое время, часть которого, к тому же, поглощает Международное Товарищество. Энгельс обещал свое сотрудничество, но пока еще ничего не прислал. То же относится и еще к нескольким лицам.

Конференция решила в конце мая созвать *открытый конгресс* в Женеве. Утвержден перечень вопросов, которые будут на нем обсуждаться. Но на конгресс будут допущены только лица, принадлежащие к примкнувшим к нам организациям и посланные ими в качестве делегатов. Теперь я *очень серьезно* предлагаю тебе (то же самое я сделаю в Майнце через Штумпфа и об этом же напишу берлинцам) вступить в Товарищество еще с несколькими лицами, мало или много — безразлично. Я пошлю тебе готовые *билеты*, которые ты сможешь *раздать*. Но только — действуй! Всякая *организация* (сколько бы членов она ни насчитывала) может вступить в Товарищество коллективно, уплатив 5 шиллингов. *Билеты* же, которые стоят 1 шиллинг каждый, дают право на *индивидуальное* членство, что особенно важно для всех рабочих, едущих за границу. Но рассматривай этот денежный вопрос как второстепенный. Главнсе — это завербовать в Германии членов, как отдельных лиц, так и общества. На конференции были представлены только золингенцы. (Они дали делегатские полномочия нашему старому другу Беккеру, в котором ты очень ошибаешься, если видишь в нем орудие мегеры Гатцфельд.) Программу вопросов, подлежащих обсуждению конгресса, я пришлю тебе в следующем письме. В Париже все либеральные и республиканские газеты подняли большой шум вокруг нашего Товарищества. Известный историк *Анри Мартен* поместил в «*Siècle*» восторженную передовицу, посвященную ему!

О *Куйнитедте* я ничего не слышал.

Вот что, вероятно, удивит тебя: незадолго до того, как пришло письмо рабочих из Берлина, я получил из этого же города — «центра и очага просвещения», разумеется, — письмо от *Лотара Бухера*, с предложением стать лондонским корреспондентом по финансовым вопросам для «*Preussische Staatsanzeiger*» и с намеком, что всякий, кто хочет в наши дни оказывать какое-нибудь влияние на Германию, должен «примкнуть к правительству». Я написал ему в ответ несколько строк, которые он едва ли обнародует. *Печатать* об этой истории в газетах, конечно, не следует, но можно под секретом сообщить о ней друзьям.

Лондонская лавочка Фрейлиграта, т. е. Лондонское отделение Швейцарского банка, закрывается и откроется уже в 1866 году.

Передай мой сердечный привет твоей супруге и Алисе.

Твой А. Вильямс.

Мне попалось несколько любопытных писем к д-ру Роде, написанных Бернгардом Беккером еще давно, когда он жил в Лондоне.

Я снова вскрыл это письмо и при этом немного разорвал его, чтобы приписать, что прошлой весной я послал д-ру Кугельману письмо и несколько членских билетов нашего Товарищества. Он ничего мне *не ответил*. Письмо, о котором ты говоришь, я не получил. Пожалуйста, напиши ему об этом. Если он будет писать мне, пусть пишет по адресу «А. Вильямс эсквайр», а не по другому.

II.

Маркс — Вильгельму Либнехту

в Лейпциг.

Лондон, 15 января 1866 г.

Дорогой Library,

С Новым годом!

Ты должен простить мое молчание, а также краткость этих строк. Ты не поверишь, как мало у меня свободного времени. *Недомогание*, все время периодически повторяющееся, *неудачи* из-за всяческих случайностей, *занятость* в связи с Международным Товариществом и т. д. — не оставляют мне времени для переписки начисто моей рукописи. Я надеюсь, что I том я в марте сам смогу отвезти издателю для печати. (Все в целом, оба тома, выйдут, однако, *одновременно*. Работа *удачная*.)

Итак, совсем кратко:

Я посылаю тебе сегодня по почте два последних номера «*Workman's Advocate*», редактором которого теперь является Эккариус. Если будешь присылать для него *статьи*, на что я надеюсь, то адресуй их мне (политические, социальные, что захочешь).

Прилагаю также *членские билеты*. Я за них уплатил, и ты, следовательно, можешь дать их, кому захочешь, и вписать только фамилию и в графе «фунты» поставить — 0, а во второй графе — 2 шиллинга 1 пенни.

Условия в общем следующие: *Общество*, присоединяющееся как таковое, получает *коллективный членский билет*, за что уплачивает 5 шиллингов в год. Если же все члены такого общества вступают *индивидуально*, то они получают такие членские билеты, какие я тебе посылаю. Это удобно для рабочих. Членские билеты служат за границей в качестве удостоверения, и собратья по Обществу в Лондоне, Париже, Бристоле, Лионе, Женеве и т. д. достанут им работу.

Общество добилось больших успехов. Оно уже имеет один английский официальный журнал — «*The Workman's Advocate*», один в Брюсселе — «*La Tribune du peuple*», один французский в Женеве — «*Journal de l'Association Internationale des Travailleurs, section de la Suisse Romande*» и один немецкий в Женеве — «*Der Vorbote*», который на-днях должен выйти. Адрес: 6, rue du Môle, Женеве, И.-Ф. Беккеру, — на случай, если ты захочешь, как я надеюсь, время от времени писать для старика.

Я надеюсь, что ты скоро дашь мне возможность объявить здесь об организации лейпцигской секции, а также и огласить ее корреспонденцию на Совете. (На английском языке. Тогда она сможет пригодиться и для «*Workman's Advocate*».) Неважно, сколько будет народу, хотя чем больше, тем лучше.

Если люди хотят вступить в члены коллективно (en masse) в качестве целой организации, то, как видишь, *общий взнос* в 5 шиллингов, который им придется платить ежегодно, — *пустяк*.

И.-Ф. Беккер пишет мне:

«В Лейпциге, Готе, Штутгарте и Нюрнберге будут организованы секции; следует ли нам принять их временно здесь до тех пор, пока их наберется большое число, и в Германии организуется центральный комитет?»

Я ответил на это *утвердительно*. Но так как в одном городе может быть несколько различных секций, то ты по своей секции можешь держать связь непосредственно с нами. От берлинцев я получил второе письмо. Сегодня я им, наконец, напишу.

То же о д-ре Кугельмане.

Привет.

Твой К. М.

В следующий раз сообщу тебе вопросы, которые будут обсуждаться на конгрессе в Женеве в конце мая.

12.

Маркс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Маргейт, 6 апреля 1866 г.
5, Lansell's Place.

Дорогой Миллер,

Ты видишь по адресу, что врач сослал меня на побережье.

С тех пор, как я получил твое последнее письмо и несколько писем от наших берлинских друзей, моя болезнь приняла прямо-таки угрожающий оборот. Одно время нельзя было сказать, не одолеет ли меня окончательно эта болезнь крови, которой я страдаю. Только к середине марта я смог кое-как перебраться сюда. Теперь я выздоровел и скоро возвращаюсь в Лондон. Но опять три месяца пропало даром!

Напиши мне немедленно по лондонскому адресу.

По возвращении в Лондон я начну регулярно высылать тебе «Commonwealth» (новое название, под которым теперь выходит «Workman's Advocate»). Его всего несколько недель как внесли в список для пересылки за границу. Эккариус теперь уже не редактор, а просто сотрудник. Можно было предвидеть, что как только газета завоюет себе какое-то положение, иностранцу не позволят дольше осуществлять в ней формальное руководство.

Пиши мне:

- 1) о состоянии «нашего» движения в Германии,
- 2) о политической обстановке в Германии вообще.

Твой К. М.

Сердечный привет супруге.

13.

Маркс — Вильгельму Либкнехту

в Лейпциг.

Лондон, 4 мая 1866 г.

Дорогой друг,

Так как после такого долгого перерыва в работе я усиленно наверстываю потерянное время, ты простишь мне, если на этот раз пишу тебе всего несколько строк.

Сегодня вышлю тебе последний номер «Commonwealth». Финансовое положение этой газеты таково, что она едва перебивается с недели на неделю и не в состоянии заплатить ни фартинга за корреспонденции из-за границы. Тираж ее растет, но ты ведь знаешь, что дешевой газете нужно иметь не менее 20 000 подписчиков, да и тогда

она может сводить концы с концами только при условии достаточного количества объявлений. А «Commonwealth» основана слишком недавно, чтобы удовлетворять этим требованиям.

Конгресс в Жэневе отложен до 3 сентября. Общество быстро растет, особенно во Франции. Недавно присоединились также несколько итальянских обществ. Пропаганда получила в Лондоне новый толчок, главным образом потому, что успех забастовок лондонских портных и проволочников был вызван нашим вмешательством, которое помешало хозяевам осуществить свое намерение — выписать рабочих из Франции, Швейцарии и Бельгии. Такое доказательство непосредственной практической пользы Общества произвело впечатление на практический ум англичан.

С той же целью я прилагаю на последней странице этого письма «Предостережение»¹ немецким портным, которое прошу тебя поместить в тех немецких газетах, в какие ты имеешь доступ. Не откажи также прислать мне один-два экземпляра тех газет, в которых «Предостережение» будет помещено, и сообщить мне названия всех других газет, которые его перепечатали. Можно бы использовать для этого и Кугельмана.

Поклонись от меня г-же Либкнехт. От всей души благодарю ее за дружескую заботу о моем здоровье.

С братским приветом

А. Вильямс.

14.

Маркс — Фридриху Лесснеру

в Лондон.

Лондон, 11 августа 1868 г.

Дорогой Лесснер,

Из-за орфографических ошибок я здесь переписал все воззвание. Ты должен теперь переписать его *своим почерком*.

Привет.

Твой К. М.

Воззвание к немецким рабочим в Лондоне.

Рабочие!

7 сентября текущего года в Брюсселе собирается III Международный конгресс рабочих.

¹ Маркс, Предостережение. См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 162—163.

На этом конгрессе должны быть обсуждены наилучшие способы для расширения, укрепления и организации совместной деятельности Международного Товарищества Рабочих, а также те вопросы, которые ближе всего затрагивают интересы рабочего класса и настоятельно требуют разрешения. Необходимо, наконец, прийти к взаимному соглашению относительно средств пропаганды.

Генеральный Совет предлагает конгрессу следующие вопросы:

1. Сокращение и регулирование рабочего дня.
2. Влияние применения машин классом капиталистов.
3. Природа земельной собственности.
4. Воспитание рабочего класса.
5. Создание кредитных учреждений в целях содействия социальному освобождению рабочего класса.
6. Лучшие способы для создания кооперативных производственных обществ.

Добиваясь осуществления продиктованного временем и обстоятельствами начинания, мы призываем и вас принять в этом посильное участие и в качестве целых организаций, и в качестве отдельных лиц. Необходимо путем добровольных взносов собрать сумму, достаточную для того, чтобы немецкие рабочие Лондона могли быть представлены одним или несколькими делегатами. Было бы позорно, если бы в нынешнее бурное время среди тысяч немецких рабочих в Лондоне не оказалось достаточно людей, воодушевленных общим пониманием своих собственных классовых интересов, чтобы обеспечить свое представительство на конгрессе в Брюсселе.

Итак, за дело! Давно пора объединиться рабочим всех стран и понять, что для успешной борьбы против основанного на насилии господства капиталистов необходим мощный союз всех отрядов рабочего класса.

Не следует забывать, что в Соединенных Штатах Северной Америки 8-часовой рабочий день уже объявлен *законом* для всех государственных предприятий. Вспомним также те исторические, имеющие большое значение слова, которые Карл Маркс написал в предисловии к своему труду «Капитал. Критика Политической Экономии» в 1867 году:

«Подобно тому, как американская война XVIII века за независимость прозвучала набатным колоколом для европейского среднего класса, так американская гражданская война XIX века прозвучала набатом для европейского рабочего класса».

Взносы принимаются в Немецком просветительном рабочем союзе по понедельникам, средам и субботам с 9 часов вечера секретарем и кассиром, Windsor Castle, 27, Long Acre, W. C.

От имени Немецкого рабочего просветительного союза

*Немецкая секция
Международного Товарищества Рабочих.*

15.

Маркс — Энгельсу ¹

в Манчестер.

Лондон, 16—17 апреля 1869 г.

Я писал Вильгельму, чтобы он прекратил свою злобную болтовню и писания против Эйхгофа, так как теперь Боркгейм сам признал свою ошибку. Вильгельм, конечно, не подозревает, что, со слов Кугельмана и старика Беккера, я знаю и об *его собственных* подозрениях в отношении Эйхгофа.

Ты, вероятно, получил рукопись Лафарга. Ты о ней не упоминаешь в своем сегодняшнем письме.

Кстати, «*Hermann*» является теперь официальным органом Штибера. Юх был вынужден своими многочисленными кредиторами продать его. В сегодняшнем номере Штибер уже на первой странице начинает печатать приказы об аресте, например, некой Егер, обвиняемой в незаконном изгнании плода. Штибер, конечно, представлен здесь национал-либеральным «под-Штибером». Я разужнаю тщательно «засекреченную» фамилию.

Попробуй для твоего глаза промывание спиртом. Мне это помогло. Вначале немного больно. При первом опыте слегка разведи спирт водой. Ты тогда сразу почувствуешь, сколько можешь вытерпеть. Кроме того, ты ничем не рискуешь при этом опыте.

Привет.

Твой К. М.

¹ Приписка к письму В. Либкнехта к Марксу, которое Маркс переслал Энгельсу для ознакомления. См. письмо Маркса Энгельсу 15 апреля 1869 г. и ответ Энгельса 19 апреля 1869 г. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXIV, стр. 192 и 193.

16.

Маркс — Давиду Уркарту

в Лондон.

Лондон, 19 февраля 1870 г.

Милостивый государь,

Когда я получил Ваше последнее письмо, я был опасно болен и поэтому не смог ответить.

Русские железнодорожные займы составляют *минимум* 100 миллионов фунтов стерлингов. Эта сумма была собрана, главным образом, в Голландии, во Франкфурте-на-Майне, в Лондоне, Берлине и Париже.

Как явствует из московской легальной печати, русское правительство рассчитывает *в течение ближайших двух лет* собрать, если возможно, *не менее 500 миллионов фунтов стерлингов*.

Что касается *последнего* железнодорожного займа на 12 миллионов фунтов стерлингов, то его история сводится к следующему.

Как Вам, вероятно, известно, русское правительство тщетно пыталось достать денег, сначала через Томпсона и Бонара, потом через Баринга. Крайне нуждаясь в деньгах, оно, наконец, добилося от *Ротшильда*, через его берлинского агента *Блейхредера*, ссуды на сумму около 2 миллионов фунтов стерлингов.

Чтобы лучше обеспечить возврат этой ссуды, Ротшильд и решил выпустить последний железнодорожный заем.

Он поставил следующие условия:

1) 4% комиссионных для себя самого, что с 12 миллионов фунтов стерлингов составляет приличную кругленькую сумму в 480 000 фунтов стерлингов;

2) дополнительная сумма в 5 000 фунтов стерлингов, выплачиваемая ему ежегодно в течение 80 лет за его заботы по оплате купонов.

Ротшильд действовал весьма осмотрительно. Он ограничил *английскую* долю займа всего 4 миллионами фунтов стерлингов, часть которых он взял лично на себя, а остальное разместил исключительно среди действующих с ним заодно биржевиков и деловых друзей. Таким образом, когда облигации займа были выброшены на вольный рынок, было просто детской игрой довести их до цены на 4% выше номинала.

Однако успех займа даже превзошел ожидания Ротшильда. Его так забросали заявками, что он выразил сожаление, почему не выпустил заем сразу на 20 миллионов фунтов стерлингов.

Об отчаянном финансовом положении русского правительства в настоящее время можно судить по следующим фактам.

Около года тому назад русское правительство выпустило «серию» бумажных денег на 15 миллионов рублей, подлежащих погашению через известное количество лет. Официальным поводом для новой эмиссии было то, что путем этой операции предполагалось изъять из обращения и заменить более твердой валютой на 15 миллионов рублей *старых ассигнаций*. Но едва новая «серия» была пущена в обращение посредством государственных платежей, как петербургская *официальная газета* в сухой, короткой заметке объявила, что *никакие ассигнации пока что изъяты из обращения не будут*.

За *последние несколько месяцев* русское правительство выпустило еще не менее 12 «серий» этих новых бумажных денег, всего на 36 миллионов рублей.

Курс русских денег в Лондоне сейчас 28—29 пенсов за рубль, тогда как *нормальный их курс* — 40 пенсов за рубль.

Одну из причин такого положения вещей *открыто признает и сама русская пресса*, а именно: вследствие нескольких недородов в северо-восточных губерниях, а еще больше — вследствие *возобновившейся конкуренции Америки* вывоз хлеба из России сократился на $\frac{1}{3}$.

Уважающий Вас

Карл Маркс.

17.

Энгельс — Вильгельму Либнехту
в Лейпциг.

Лондон, середина августа 1871 г.

Врублевский, Лонге, Бастелика находятся здесь.

Для чего реабилитировать негодяя Б. Беккера? А ослу Геггу позволять распространять свои глупости?

К дочерям Маркса, в Баньер-де-Люшон в Пиренеях, явились префект, великий Кератри, и генеральный прокурор Дельпек и дали им почувствовать необходимость покинуть Францию. Лафарг благополучно перебрался через горы в Испанию. К ним в сад поставили двух жандармов, которые оставались там до самого их отъезда! Все это, однако, не следует оглашать (кроме того, что, возможно, попадет в прессу из французских газет) до тех пор, пока они не прибудут благополучно сюда. Тьер хочет сделать себя окончательно смешным.

Твой Фридрих Энгельс.

18.

Энгельс — Карло Терцаги

в Турин.

Черновик.

Лондон, 29 января 1872 г.

Обществу «Освобождение пролетария»
секции Интернационала, Турин.

Дорогой Терцаги,

Написал Вам 15-го сего месяца и после этого получил Ваше письмо от 14 того же месяца. Я сообщил его содержание Генеральному Совету, и там с удовольствием отметили большую активность туринских рабочих.

Пока что Рабочая федерация Турина не обращалась к Генеральному Совету. Если бы она это сделала, то Совет, *выслушав обе стороны*, должен был бы решить, может ли эта федерация быть принята временно или нет. Обещать вам заранее, что она ни в коем случае не будет принята, я не могу. Во-первых, я ведь не Совет; а кроме того позиция Совета следующая.

Действительно, Базельский конгресс предоставил Генеральному Совету право отклонять прием новых секций до ближайшего конгресса, но Совет это право никогда фактически не применял, кроме случаев совершенно настоятельной необходимости и лишь *предварительно выслушав защиту данной секции*. Как же мы можем обязать к чему-либо Генеральный Совет, не выслушав и другую сторону? Вы можете быть уверены, что Совет во всех случаях будет охранять интересы Интернационала.

Что же касается г. Бегелли, то мы не можем провести голосованием такое официальное заявление, какое Вы просите. Бегелли не принадлежит к Интернационалу и не подлежит юрисдикции Совета, да если бы это и не было так, то это лицо, по-моему, не настолько значительное, чтобы выделять его таким образом из числа других журналистов, враждебных Интернационалу.

Однако должен Вам сказать: мы не ожидали подобных заявлений с Вашей стороны. Вы присоединились к требованию созыва чрезвычайного конгресса, единственная цель которого — обвинить Генеральный Совет в авторитарности и отменить полномочия, данные Генеральному Совету Базельским конгрессом. И едва только Вы успели высказаться за это требование, как сами требуете от Генерального Совета действий, в десять раз более авторитарных, чем те, которые он когда-либо совершал! Вы требуете, чтобы он воспользовался теми самыми полномочиями, которые Вы только что заранее

осудили, и отказал в приеме новой секции, даже не выслушав того, что она может сказать в свою защиту! Что сказали бы Ваши друзья из Юрской федерации, если бы мы оказались виновными в подобной *авторитарности*? Вы, конечно, приняли свое решение в связи с циркуляром Юрской федерации, и хотя и косвенно, но одобрили содержащиеся в нем ложь и клевету, не дожидаясь ответа Генерального Совета. Вы — секция, принятая совсем недавно, и в силу этого совершенно не сведующая в вопросе. Вы имели на это право как автономная секция, и поскольку ваша автономия не ограничена уставом Интернационала. Но Генеральный Совет является ответственным органом и не может разрешить себе такую свободу.

Благодарю Вас за присланные 20 франков членских взносов, которые я передал казначею и в ответ на которые посылаю Вам 200 марок по 10 сантимов. Такая марка, приклеенная на одну из страниц Общего устава, который должен быть на руках у каждого члена Интернационала, означает, что владелец является членом Интернационала.

Вы, быть может, теперь сами убедитесь в том, что такие *авторитарные* полномочия были предоставлены Генеральному Совету не без основания, что они могут оказаться полезны, и что вместо того чтобы начать свою деятельность членов Интернационала с косвенного осуждения Генерального Совета, Вам совершенно незнакомо, и с решений, направленных лишь к разжиганию раздоров в такой момент, когда повсеместные правительственные репрессии должны бы побудить всех настоящих интернационалистов к самому тесному союзу, — что, вместо всего предпринятого Вами, лучше было бы повременить с Вашим суждением до получения более полной информации.

19.

Энгельс — Адольфу Гепнеру

в Лейпциг.

Лондон, 2 июля 1872 г.

Дорогой Гепнер,

Когда будут рассылаться мандаты, то безусловно необходимо послать один также и Куно, который теперь в Бельгии. Его присутствие чрезвычайно важно в противовес итальянским бакунистам; эти люди пришлют исключительно адвокатов и других буржуазных доктринеров, которые разыгрывают из себя представителей рабочих и приложили все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать всякой непосредственной связи рабочих с нами. Именно благодаря Куно

была пробита первая брешь, и если бы он там остался, то всему делу был бы положен конец. К тому же Куно — один из наших самых лучших людей; все недоверие Либкнехта к нему не имеет под собой почвы и вызвано лишь тем, что Либкнехт видел в нем агента И.-Ф. Беккера, действовавшего в интересах женевской «главной секции» («Muttersection»), а Куно о ней и понятия не имел; я сам вынужден был потом разъяснить ему весь этот смехотворный вздор с совершенно неизвестной ему «главной секцией». Когда я *знаю*, что человек *действительно сделал*, то я не даю ввести себя в заблуждение такими вещами.

Само собой разумеется, что работа конгресса будет вестись на всех трех языках — немецком, английском и французском, следовательно, незнание двух последних языков никого не должно отпугивать.

При сем возвращаю письмо *Боруттау*. Это человек несомненно честный, но ужасный путаник; он охвачен жадной похлесткой, которая стоит в вопиющем противоречии с его способностями. Эти черты делают его очень подходящим объектом для интриг бакунистов, которые его окружают и используют. Если Вы прочтете «Bulletin de la Fédération Jurassienne», то Вы заметите, что эти господа как раз теперь, перед конгрессом, всеми силами стремятся заполучить наши частные письма и пр. и узнать, каким материалом мы располагаем против них. И письмо Боруттау также не имеет никакой иной цели. Мы вовсе не обязаны делать какую-либо дополнительную работу для этих господ во вред нам же самим. Если Боруттау настолько незнаком с *общеизвестными* вещами, которые Бакунин сам никогда не отрицал, то вовсе не наше дело указывать ему на номер «Колокола», в котором все это напечатано; конечно, если он только знает русский язык — в противном случае ему не поможет и указание номера. Одно несомненно, *материалом* мы располагаем. Впрочем, ведь Боркгейм уже три года тому назад в «Русских письмах» внес в этот вопрос больше ясности, нежели этого могли бы пожелать шесть Боруттау. Я думаю, что Вы поступите правильно, если будете поосторожнее с Боруттау. Трескучие фразы бакунистов совершенно вскружили голову этому мудрецу, а такого рода напыщенная честность на практике очень часто превращается в двурушничество.

«Мнимые расколы»¹ циркуляр *негласный* и, следовательно, не предназначен для широкой публики. Как он попал в руки парижского (легитимистского) «Courrier de France» — он его публикует —

¹ Работа Маркса «Мнимые расколы в Интернационале».

нам неизвестно. То же самое с газетой «Radical», которая, возможно, перепечатала его из первой газеты. Немецкий перевод в «Volksstaat» (который вам пришлось бы сделать самим) окажется желательным лишь в том случае, если буржуазная пресса в Германии будет по этому поводу вопить о скандале, *но тогда — весьма желательным*. Тем временем «Bulletin de la Fédération Jurassienne» публично выступил против циркуляра, так что статья по этому поводу в «Volksstaat» безусловно не сможет повредить. Я полагаю, что Либкнехт оставил Вам посланный ему экземпляр. В противном случае, я пришлю Вам один экземпляр в письме — бандероль не годится: полиция выкрала все, посланное мною в Германию этим путем.

Анри Перре (Temple Unique, Женева) получил задание переслать в адрес «Volksstaat» 50 экземпляров для распространения в Германии; если они Вами еще не получены, будьте любезны написать ему несколько слов.

Виганду я напишу.

«Шульце — Бастиа»¹. Маркс по уши ушел в работу над вторым немецким и первым французским изданием «Капитала». Но помимо этого он, несомненно, никогда не согласится написать дополнение, частично исправляющее ошибки в такой совершенно ненаучной книге, как книга Лассаля; ведь пришлось бы исправлять большую часть книги. Между нами говоря, *если* Маркс когда-нибудь возьмется исправлять Лассаля, то от Лассаля останется очень мало. От этого до сих пор воздерживались, считаясь с тем, что много лассальянцев перешло в партию, но когда-нибудь все же придется это сделать.

«Жилищный вопрос»². Либкнехт говорил о намерении напечатать мою статью отдельным изданием. Если это так, то прошу прислать мне корректуру, так как там имеются некоторые досадные опечатки. Кроме того, надо обдумать еще следующее.

Вы пишете мне относительно *Закса*. Стоит ли писать особую статью по поводу этой вышедшей в 1869 г. книги? Если да, то я как следует разделаюсь с этим человеком, и было бы, пожалуй, неплохо сопоставить критику буржуазного разрешения жилищного вопроса с мелкобуржуазным. В таком случае можно было бы напечатать обе статьи вместе отдельным оттиском, и тогда сам вопрос

¹ Речь идет о работе Лассаля «Г. Бастиа — Шульце-Делич. Экономический Юлиан или капитал и труд».

² Работа Энгельса «К жилищному вопросу». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 4—81.

получит более исчерпывающее освещение. Напишите мне, пожалуйста, поскорее на этот счет, чтобы я мог ориентироваться.

По поводу последней склоки в Америке я также приплю Вам короткую статью¹.

Ваш Ф. Э.

20.

Маркс — редактору «Times»

в Лондон.

Лондон, 15 августа 1872 г.
1, Maitland Park Road, N. W.

Милостивый государь,

В сегодняшнем номере Вашей газеты помещена заметка под заглавием «Интернационал», которая воспроизводит по «парижским газетам» мнимый циркуляр «Верховного Совета» этого Товарищества с моей подписью в качестве «Генерального секретаря».

Разрешите заявить, что этот документ с начала до конца является фальшивкой. Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих никогда не издавал такого циркуляра, я же не мог подписать ничего подобного в качестве генерального секретаря, поскольку никогда этой должности не занимал.

Прошу Вас поместить этот ответ в ближайшем номере Вашей газеты и остаюсь

Уважающий Вас

Карл Маркс.

21.

Энгельс — Э. Лароку

в Бордо.

Черновик.

Лондон, 9 декабря 1872 г.

Доверенность Э. Лароку.

Я, нижеподписавшийся, уполномоченный Генеральным Советом Товарищества получать и передавать ему все денежные суммы, вручаемые мне для него, в силу доверенности от 27 октября 1872 г.

уполномачиваю гражданина Э. Ларока, из Бордо, собирать и пересылать мне денежные суммы, причитающиеся Генеральному Совету как прошлого, так и нынешнего состава — членские взносы, почтовые расходы, печатные издания и т. п. в Южной Франции.

¹ Энгельс, Интернационал в Америке. См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 462—468.

Эта доверенность подлежит утверждению Генерального Совета, который поставлен в известность о выдаче ее.

Подписал Ф. Э.

От Генерального Совета подписал

О. Серраиё.

22.

Маркс — Габриелю Девиллю

в Париж.

Черновик.

Лондон, 23 января 1877 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Дорогой гражданин,

По получении Вашего дружеского письма от 15 декабря я написал нашему другу Гиршу о тех обусловленных договором обязательствах по отношению к издателю «Капитала» г. Лашатру, которые не позволяют мне принять Ваш проект без его санкции. Затем я написал Лашатру и со дня на день ждал от него ответа, но напрасно. Наконец, несколько дней тому назад я послал ему заказное письмо, так как первое, по всей вероятности, было перехвачено, что стало повседневным явлением в прусско-германской империи. В ожидании ответа от г. Лашатра я должен заметить, что даже в случае его согласия г. А. Кэст был бы вполне способен конфисковать любое «изложение» «Капитала». Поскольку г. Лашатр был заочно осужден за свою «коммунарскую» деятельность и живет в изгнании за границей, министерство Брөльи передало юридические права на книжное дело Лашатра этому г. Кэсту, который принадлежит к подонкам консервативной партии и который сделал все для того, чтобы сперва задержать печатание моей книги, а затем помешать ее распространению. Этот человек как раз может сыграть с Вами скверную штуку, несмотря на разрешение г. Лашатра, с которым сам я связан частным договором, но который совершенно бессилен перед Кэстом, потому что этот управляющий секвестрированным имуществом является по закону его опекуном.

В этих условиях, как мне кажется, лучше всего было бы отложить на некоторое время «изложение» «Капитала», а пока, если это нужно, издать обзор его в виде небольшой брошюры, что было бы тем более полезно, что г. Блок (в «Journal des Économistes») и г. Лавеле (в «Revue des deux mondes») дали французской публике совершенно превратное представление о «Капитале». Об этом, в сущности, мы с самого начала и договорились с г. Гиршем.

Очень благодарю Вас за Вашу книгу, которую Вы были так любезны мне прислать и которая отличается живостью изложения и солидностью содержания.

Надеюсь, что случай, который столкнул нас, послужит исходной точкой для постоянной переписки.

Искренне Ваш
К. М.

23.

Маркс — Зигмунду Шотту
во Франкфурт-на-Майне.

Лондон, 3 ноября 1877 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

Милостивый государь,
Сердечно благодарю Вас за посылку.

Ваше предложение прислать мне еще кое-какие материалы из Франции, Италии, Швейцарии и т. д. с благодарностью принимаю, хотя мне и неприятно Вас слишком затруднять. Впрочем, я могу спокойно подождать, ни в коей мере не задерживая своей работы, так как я попеременно пишу различные части своего труда. На самом деле, для себя, я начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с третьей, исторической, части), только с той оговоркой, что первый том, к которому я приступил в последнюю очередь, сразу был подготовлен к печати, в то время как оба другие тома остались в необработанной форме, свойственной каждому исследованию в его первоначальном виде.

Прилагаю фотографию, так как посылаемый Вам одновременно с этим письмом экземпляр французского издания лишь воспроизводит лондонскую фотографию, еще более, и отнюдь не приятно идеализированную парижским художником.

С глубоким почтением

Карл Маркс.

24.

Энгельс — Амелии Энгель.

Черновик.

Лондон, конец 70-х — начало 80-х гг.

Сударыня,

Долголетний опыт вынудил меня держаться принципа ни при каких условиях не оказывать денежной помощи незнакомым мне лицам.

К тому же в данный момент я не могу предоставить Вам требуемую сумму; если бы я даже мог это сделать, то я был бы обязан употребить эту сумму, как и *каждый пфенниг*, без которого я могу обойтись, на поддержку наших партийных товарищей, преследуемых Бисмарком.

Так как Вы, впрочем, имаете связи, дающие Вам возможность получать аудиенции у принцесс, то Вам легко будет выйти из Вашего временного затруднения.

В заключение я не могу не заметить, что насколько Ваш визит был для меня неожиданностью, настолько после него я с уверенностью ожидал просьбу, подобную той, которая содержится в Вашем письме.

С почтением

25.

Энгельс — Г. Мейеру

в Лондон.

Черновик.

Лондон, конец марта 1880 г.

Г-ну Г. Мейеру.

Ваше любезное письмо от 25 марта попало мне в руки лишь поздно вечером в субботу, 27 марта, так что я уже поэтому не мог бы воспользоваться Вашим приглашением.

При тех расколах и разногласиях, которые, за последнее время, возникли здесь и в других местах среди германских социал-демократов, я не могу пока высказаться ни за ту, ни за другую сторону, тем более, что я в равной мере осуждаю и позицию цюрихского «*Sozialdemokrat*», и позицию лондонской «*Freiheit*».

Прошу Вас сообщить об этом Правлению.

Остаюсь с полным почтением

26.

Энгельс — С. Леоновичу

в Женеву.

Черновик.

Лондон, сентябрь 1884 г.

Да¹. — Единственное, но совершенно неперемное условие, которое я вынужден поставить, — это чтобы Вы *ничего* не печатали на польском языке, прежде чем вся работа выйдет в свет по-немецки. В Германии книга будет немедленно запрещена, и малейшая нескромность или преждевременный намек могут возбудить подозрения немецкой полиции и помешать распространению немецкого издания,

¹ В письме от 12 августа 1884 г. С. Леонович просил у Энгельса разрешения на перевод «Происхождения семьи, частной собственности и государства» на польский язык.

а возможно даже и привести к конфискации значительной части тиража. Поэтому очень прошу Вас подтвердить получение этого письма и дать мне обязательство, что Вы выполните это условие, к сожалению необходимое.

27.

Энгельс — Шарлотте Энгельс

в Энгельсврхен.

Лондон, 1 декабря 1884 г.

Дорогая Лоттхен,

Сегодня около 10 часов утра я получил твою телеграмму. Я уже с некоторых пор был подготовлен к этому известию, после того как Герман написал мне более подробно о состоянии Эмиля и особенно после того как меня две недели назад посетил твой зять Кольсман. Мы много говорили об Эмиле, Кольсман был полностью осведомлен о врачебном диагнозе — надежды не было никакой, исход был предрешен, конец был лишь вопросом недель. И все же я не ожидал его так скоро. Он наступил, и мы должны это принять.

Закончился такой период в твоей жизни, дорогая Лоттхен, какого ты уже никогда снова не сможешь вернуть: зачеркнута целая сумма таких радостей в жизни, которым безвозвратно положен конец. Я знаю, каким мрачным и пустым должен казаться тебе мир в этот момент, я знаю — в глубине души ты бы хотела, чтобы можно было тебе сейчас найти покой рядом с твоим Эмилем. Это естественно, это желание каждого, стоящего у гроба любимого супруга. Но вспомни, что и моей матери пришлось пройти через то же испытание. 41 год она была счастлива, затем она стала вдовой. А ведь немногие женщины любили своих мужей так глубоко, как она — моего отца. И все же в своих детях и среди своих детей и детей своих детей она вновь ожила и прожила среди нас еще 14 лет, во всяком случае не несчастливо. А она была старше тебя, и все дети ее были взрослые и обеспечены, в то время как ты имеешь еще несколько детей, по отношению к которым не выполнен долг, действительно выполнить который может только мать, долг, тем более ответственный теперь, когда они лишились отца.

Между мной и Эмилем всегда были особенно сердечные отношения, и как бы глубоко ни расходились наши взгляды, между нами все же было то общее, что мы оба занимались научными вопросами, не считаясь с непосредственной практической пользой. Но одного я никогда не забуду. Когда я после смерти отца очутился

здесь в труднейших обстоятельствах и физически находился в таком болезненном состоянии, что не способен был с трезвым рассудком и здравыми мыслями принять какое-либо решение, тогда именно Эмиль своим ясным взглядом на вещи, твердым решением и полным знанием дела вырвал меня из этого положения и благополучно закончил в Манчестере переговоры, от которых зависела вся моя будущность. Если я нахожусь теперь в Лондоне как независимый человек, то я в значительной степени обязан этим Эмилю.

Все еще ненадежное состояние моего здоровья не помешало бы мне сегодня вечером выехать к вам, чтобы отдать последний долг моему дорогому брату. Однако возможно, и даже вероятно, что мое присутствие вызовет придирки со стороны полиции, а этому я, особенно в данный момент, ни за что в мире не хотел бы подвергнуть тебя и вас всех. Ведь недавно еще к всемирно известному химику¹, принявшему английское подданство, члену здешней Академии наук, придрались в его родном городе Дармштадте только за то, что он присутствовал на похоронах Маркса, и так придрались, что он немедленно уехал. Чего же мне ожидать? Очевидно, мне пока придется рассматривать себя как политического эмигранта.

Ну, дорогая Лоттхен, я знаю одно: вы, женщины, мужественнее и сильнее нежели мы, мужчины. То, что переносите вы, когда это нужно, то нам не под силу. Ты, с твоим удивительным самообладанием, которое часто было предметом моей зависти, ты преодолешь и это самое тяжелое, эту боль, которую мы все разделяем с тобой и самую большую часть которой ты все же должна нести одна.

Поцелуй за меня всех твоих ребят.

Искренне любящий тебя, твой верный старый

Фридрих.

28.

Энгельс — редактору «Северного Вестника»

в Петербург.

Джерси, 25 августа 1885 г.

Милостивый государь,

В бумагах моего покойного друга Карла Маркса я нашел ответ на статью г. Михайловского «Карл Маркс перед судом Жуковского»².

¹ К. Шорлеммер.

² *Маркс*, Письмо в редакцию «Отечественных Записок». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 375—378.

Поскольку этот ответ, не опубликованный в свое время по неизвестным мне причинам, и сейчас сможет заинтересовать русского читателя, предоставляю его в Ваше распоряжение.

Примите и т. д.

29.

Энгельс — Бруно Шенланку

в Лейпциг.

Истберн, 29 августа 1887 г.

Уважаемый г. Шенланк,

Ваше письмо, пересланное мне сюда Каутским, меня несколько смутило. Я с интересом прочел напечатанные в «Neue Zeit» выдержки из Вашей ценной работы о зеркальной промышленности и по существу не имел бы ничего против того, чтобы Вы мне оказали честь посвятить мне эту книгу. Однако, во-первых, посвящения порядочно уже вышли из моды, а, во-вторых, Маркс и я всегда испытывали какую-то неловкость к таким более или менее неожиданным знакам уважения. Именно теперь мне особенно кажется, что мои заслуги многими сильно переоцениваются. Тот, кому выпало на долю счастье в течение сорока лет проработать вместе с человеком, который стоял выше его и с которым он мог каждый день сравнивать себя, — тот имел случай научиться правильно оценивать свои собственные достижения. И всякая чрезмерная оценка моей деятельности кажется мне невольным умалением того, чем мы все обязаны Марксу.

Я также не могу согласиться с Вами, когда Вы называете меня основоположником описательной экономики. Описательную экономию Вы найдете у Петти, Буагильбера, Вобана, А. Смита и у многих других. Описания, в частности положения пролетариев, еще до меня дали французы и англичане. Мне просто посчастливилось быть заброшенным в центр современной крупной промышленности и оказаться первым, у кого раскрылись глаза на взаимосвязи — хотя бы самые поверхностные.

Итак: мне *лично* было бы приятнее, если бы Вы отказались от Вашего намерения, причем *исключительно* по приведенным выше причинам. Если, однако, я Вас этим не убедил, то я не хочу давать Вам никаких предписаний.

С глубоким и искренним уважением

Ф. Энгельс.

30.

Энгельс — Моргенну

в Бармен.

Лондон, 9 декабря 1890 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Уважаемый товарищ Моргенн,

Не могу не выразить Вам свою искреннюю благодарность за Ваши хлопоты в связи со снимком моего родительского дома в Брухе. Вы мне доставили этим необычайную радость и напомнили мне многие буйные юношеские проказы, воспоминание о которых связано с этой лестницей, с той или иной комнатой или окном. Старая г-жа Демут совершенно права, дом в Брухе, который в дни моей юности носил № 800, именно и есть наш дом; позади него был наш сад, дальше белильня до переулка Энгельса, а напротив стояли дома моего деда Каспера и его брата Венъямина Энгельса, в которых позднее жили мои дяди Каспер и Август. Мне кажется, что я еще смутно припоминаю г-жу Демут; она, вероятно, тоже видела меня несколько раз у моего двоюродного брата Каспера, когда мы оба были еще молоды. Она, вероятно, может еще описать Вам старый родовой дом моей семьи, где родился мой дед. Дом этот стоял наверху, в конце переулка Энгельса, там, где переулок упирается в Брух, против дороги, которая вела на Бекен, но в то время еще не имела названия. Это был двухэтажный дом, типичный для мелкой буржуазии; в дни моей юности внизу был склад, а наверху жили две старые служанки моего деда и бабушки, доживавшие свой век в нашей семье, известные под именем Дрючхен и Минхен, которые часто угощали нас, детей, яблочным повидлом с хлебом. Железная дорога уничтожила дом.

Что Брух, как мы тогда уже говорили, далеко не так благочестив, как раньше, это мне несколько лет тому назад разъяснил мой брат Рудольф. Указывая на дом напротив, где раньше жил некий Оттенбрух и на котором теперь была вывеска трактира, он сказал мне: «видишь, туда также часто приходят социал-демократы». Социал-демократы в Брухе — несомненно это колоссальная революция по сравнению с тем, что было 50 лет назад.

Эта революция, однако, была бы еще большей, если бы наш старый дом стал социал-демократической типографией. Но это Вы должны были бы начать осуществлять очень умело. Дом принадлежит теперь моему брату Герману, если он его еще не продал, и он вряд ли продаст, если только узнает, для какой цели его

предназначают. Впрочем, из этого так скоро ничего не выйдет, — это было бы слишком хорошо.

Желаю Вам доброго здоровья. Я еще как-нибудь соберусь в Бармен и тогда навещу Вас, и Вы мне расскажете о свинствах, которые имели здесь место во время законов против социалистов¹.

С искренним приветом

Ф. Энгельс.

31.

Энгельс — Филиппо Турати

в Милан.

Лондон, 7 марта 1891 г.
122, Regent's Park Road, N. W.

Милостивый государь,

Тысяча благодарностей за Ваше любезное письмо от 23 февраля, за три номера «*Critica Sociale*» и за предложение регулярно мне высылать это издание в дальнейшем. Как бывший секретарь Генерального Совета Интернационала для Италии я, разумеется, очень интересуюсь развитием социалистического движения в Вашей стране, в особенности в Ломбардии, где я в молодости провел три месяца, о которых до сих пор сохраняю приятное воспоминание.

Благодарю Вас также за доброжелательные чувства, высказанные Вами по моему адресу в связи с появлением статьи Маркса в «*Neue Zeit*»². Публикуя эту статью, я только исполнил свой долг: перед памятью Маркса, с одной стороны, перед немецкой партией — с другой.

Вы совершенно правы в своем предположении, что у меня нехватит времени сотрудничать ни в Вашем журнале, ни в социалистической библиотеке, которую Вы собираетесь издавать. И, действительно, подготовка новых изданий работ Маркса и моих собственных брошюр даже не оставляет мне времени на окончание работы над рукописью III тома «*Kapitala*» Маркса; сейчас необходимо пересмотреть, дополнить и снабдить новыми предисловиями четыре брошюры. Где же найти время для других работ? Тем не менее, желаю Вам всяческих успехов и с интересом готовлюсь прочесть хороший

¹ Последний абзац написан Энгельсом на местном диалекте.

² Речь идет о «Критике Готской программы». См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 265—287.

итальянский перевод нашего «Манифеста» 1847 г.; а если Вам покажется, что та или иная из моих статей может заинтересовать итальянского читателя, я с удовольствием перечитаю самого себя на Вашем прекрасном и богатом языке.

С совершенным почтением. Приветствую Вас

Ф. Энгельс.

Ваш друг Степняк сейчас совершает путешествие по Америке.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абнер (Abner), *Христиан* — немецкий коммерсант, владеец торговой конторы в Кельне. — 420.

Август — см. Бебель, Август.

Август-Октавиан (63 до н. э.—14 н. э.) — первый римский император. — 285.

Адамс Вальтер — см. Вальтер.

Адельгейда — см. Дворжак, Адельгейда.

Адлер (Adler), *Виктор* (1852—1918) — один из вождей австрийской социал-демократии, организатор объединительного съезда австрийской социал-демократии в Гайнфельде (1889); с 1889 г. редактор центрального органа партии «Arbeiter-Zeitung»; впоследствии — яркий представитель реформизма во II Интернационале, центрист. — 4, 19, 43, 55, 105, 108, 112, 113, 131, 138, 149, 158, 159, 213, 244, 250, 252, 256, 261, 263, 271, 279, 281, 287, 293, 297, 313, 318, 325, 350, 353, 354, 357, 363, 366, 375, 396.

Адлер (Adler), *Эмма* — жена В. Адлера. — 20, 105, 108, 113, 139, 151, 281, 283, 323, 325, 353, 354, 364, 366, 367.

Аксельрод, Павел Борисович (1850—1928) — русский социал-демократ, меньшевик; в 1883 г. совместно с Плехановым и другими основал марксистскую группу «Освобождение труда». — 308, 380.

Александр III (1845—1894) — русский царь (1881—1894). — 32, 33, 153, 278, 314, 337, 364.

Александров — артиллерийский поручик в Ташкенте. — 200.

Алиса — см. Гейзер, Алиса.

Альбер (Albert) (настоящее имя Александр Мартэн) (1815—1895) — французский рабочий, участник июльской революции 1830 г. и лионского восстания 1834 г.; один из вождей бланкистских тайных обществ; член Люксембургской комиссии во временном правительстве 1848 г. — 115.

Анна — см. Падлевский.

Анцегрубер (Anzengruber), *Людвиг* (1839—1889) — австрийский беллетрист и драматург, описывавший быт крестьянства и городской бедноты. — 74, 106.

Аншютц (Anschütz), *Рихард* (род. в 1852 г.) — немецкий химик, профессор химии в Боннском университете. — 148, 149, 166.

Арбиб (Arbib), *Эдуард* (1840—1906) — итальянский буржуазный публицист, писатель и политический деятель, член парламента в 1879—1895 гг. — 194.

Аргюриадес (Argyriades), *Панажиотис* (1849—1901) — французский социалист, бланкист; адвокат и публицист, родом из Македонии; издатель «Almanach de la Question Sociale» (1891—1901). — 80.

Аристотель (384—322 до н. э.). — 197.

Арндт (Arndt). — 135, 327, 328, 330.

Атабекянц (Atabekjanz), *Иосиф* (1870—1916) — армянский социалист, переводчик «Коммунистического Манифеста» на армянский язык; по специальности агроном; в 1892—1895 гг. учился в Германии и Италии. — 341.

Ауэр (Auer), *Игнац* (1846—1907) —

немецкий социал-демократ, член рейхстага; с 1874 г. бессменный секретарь правления партии, один из лидеров оппортунизма. — 368.

В

Вааке (Вааке), *Ганс* — немецкий социал-демократ. — 406, 407.

Вааке (Вааке), *Курт* — немецкий социал-демократ, журналист, один из редакторов «*Berliner Volksblatt*» и затем «*Vorwärts*». — 407.

Вааре (Вааре) — главный директор стеллительного союза в Бохуме. — 179.

Вагинский (Baginsky), *Макс* — немецкий социал-демократ; одно время был редактором «*Proletarier aus dem Eulengebirge*». — 103.

Байер (Bayer) из Эльберфельда. — 7.

Бакс (Вах), *Эрнст Бельфорт* (1854—1926) — английский социалист; в 1881 г. вместе с Гайндманом основал Демократическую федерацию; один из редакторов «*Justice*» и «*To-Day*»; в 1884 г. временно порвал с Гайндманом и был одним из организаторов Социалистической лиги; впоследствии один из лидеров Британской социалистической партии. — 73, 89, 94, 100, 103, 161, 225, 292, 295, 304.

Бакунин, *Михаил Александрович* (1814—1876). — 184, 188, 196, 340, 422.

Бандя (Bangua), *Иоганн* (1817—1868) — венгерский авантюрист; был связан с Кошутом; в эмиграции в 50-х годах международный политический агент; впоследствии офицер и начальник полиции на турецкой службе. — 434.

Баннер (Banner), *Роберт* — английский рабочий, член Фабианского общества. — 114.

Бар (Bahr), *Герман* (1863—1934) — австрийский писатель и критик. — 225.

Барлен (Barlen), *Герман*. — 384, 386.

Баринг (Baring). — 442.

Барон — прозвище К. Каутского.

Барри (Barry), *Мальтман* (1842—1909) — английский радикальный журналист; в 1871—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала, делегат Гаагского конгресса. — 186, 221.

Барт (Barth), *Пауль* (1858—1922) — немецкий социолог-идеалист; с 1897 г. профессор в Лейпциге. — 228, 230, 373.

Бастелика (Bastelica), *Андре* (1846—1880) — французский рабочий, бакунист, участник Парижской Коммуны; с 1871 г. член Генерального Совета

I Интернационала; в 1873 г. исключен из Интернационала за связи с бонапартистами. — 443.

Бауэр (Bauer), *Бруно* (1809—1882) — немецкий публицист, один из лидеров младогегельянства; подвергнут резкой критике в работе Маркса и Энгельса «Святое семейство». — 241, 412, 413.

Бауэр (Bauer), *Стефан* (род. в 1865 г.) — швейцарский буржуазный экономист; с 1889 г. профессор политической экономии в Базельском университете. — 408.

Бауэр (Bauer), *Эдгар* (1820—1886) — брат Бруно Бауэра, публицист. — 241, 412, 413, 433.

Бахем (Bachem) — немецкий буржуазный политический деятель, член рейхстага. — 197.

Бebel (Bebel), *Август* (1840—1913) — рабочий-токарь; один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала; с 1867 г. член рейхстага; состоял в постоянной переписке с Марксом и Энгельсом, советами которых руководствовался в своей партийно-политической деятельности; выступал против ревизионизма в германской социал-демократии и во II Интернационале, но не проявил в борьбе против оппортунизма достаточной непримиримости и к концу жизни занял центристскую позицию. — 4, 6, 9, 22, 30, 36, 40, 46, 51, 55, 56, 59, 60, 62, 70—72, 80, 85, 86, 90, 98, 99, 101, 106, 107, 109, 111, 114, 116, 123, 134, 139, 143, 144, 151—155, 158, 162, 167, 172, 173, 177, 182, 188, 191, 192, 197, 202, 209, 211, 214, 215, 219, 220, 232, 233, 234, 236, 237, 239, 240, 242, 245, 248, 256, 257, 263, 264, 266, 273, 289, 294, 305, 328, 338, 340, 343—350, 359, 360, 409.

Бebel (Bebel), *Юлия* (1843—1910) — жена А. Бебеля. — 26, 35, 41, 46, 74, 82, 86, 88, 92, 99, 103, 119, 147, 158, 161, 171, 177, 201, 203, 214, 238, 240, 242, 250, 253, 273.

Бегелли (Beghelli), *Джозеппе* (ум. в 1877 г.) — итальянский журналист; член рабочей федерации в Турине, последователь Мадзини. — 444.

Бeer (Beer), *Макс* (род. в 1864 г.) — немецкий социал-демократ; с 1894 г. жил в Лондоне; автор «Истории социализма в Англии» (1913). — 353, 416.

Бейст (Beust), *Адольф* — сын Анны Бейст. — 91, 237.

- Бейст* (Beust), *Анна* — двоюродная сестра Энгельса. — 91, 237.
- Бейст* (Beust), *Фриц* — сын Анны Бейст. — 91, 237.
- Беккер* (Becker), *Бернгард* (1826—1882) — немецкий публицист, лассальянец; стоял во главе Всеобщего германского рабочего союза в 1864—1865 гг.; впоследствии примкнул к эйзенхациам; автор клеветнической «Истории и теории революционной Парижской Коммуны». — 432, 434, 436, 443.
- Беккер* (Becker), *Герман* («Красный Беккер») (1820—1885) — член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; в дальнейшем национал-либерал. — 365, 428.
- Беккер* (Becker), *Иоганн-Филипп* (1809—1886) — немецкий коммунист, участник революции 1848 г.; один из организаторов и вождей секции I Интернационала в Швейцарии; последователь и друг Маркса и Энгельса. — 184, 187, 219, 403, 434, 435, 437, 441, 446.
- Беккер* (Becker), *Макс Иосиф* — участник революции 1848—1849 гг. в Германии; эмигрант в Швейцарии, затем в Америке. — 410.
- Бенари* (Benary), *Франц Симон Фердинанд* (1805—1880) — немецкий буржуазный филолог-ориенталист и богослов, профессор в Берлинском университете, гегельянец. — 323.
- Беннигсен* (Bennigsen), *Рудольф* (1824—1902) — немецкий буржуазный политический деятель, вождь партии национал-либералов; член рейхстага в 1871—1883 и в 1887—1898 гг. — 199.
- Берви* (псевдоним Флеровский), *Василий Васильевич* (1829—1918) — русский публицист-народник, автор книги «Положение рабочего класса в России» (1869). — 385.
- Бергесс* (Burgess), *Джозеф* (псевдоним Аутоликос) (род. в 1853 г.) — английский социалист, рабочий-текстильщик; в 1891—1894 гг. издатель «The Workman's Times» в Лондоне; в 1893 г. один из основателей Независимой рабочей партии, член ее Национального административного совета. — 101, 110, 123, 127, 134, 137, 264, 265.
- Бернрейтер* (Bährnreiter), *Иосиф Мария* (1845—1925) — австрийский помещик, член палаты депутатов; впоследствии лидер немецкой либеральной партии. — 264.
- Бернс* (Burns), *Джон* (род. в 1858 г.) — английский рабочий, механик; один из лидеров Социал-демократической федерации и руководитель движения безработных и стачки докеров в 1889 г.; с 1892 г. член парламента; в 1893 г. вступил в Независимую рабочую партию; в дальнейшем — оппортунист. — 5, 82, 87, 89, 90, 100, 122, 127, 137, 146, 186, 200, 201, 214, 288, 298, 335.
- Бернс* (Burns), *Лиззи* (ум. в 1878 г.) — вторая жена Энгельса, ирландка. — 36.
- Бернштейн* (Bernstein), *Арон* (1812—1884) — немецкий демократический публицист, редактор берлинской «Volkzeitung», дядя Э. Бернштейна. — 252.
- Бернштейн* (Bernstein), *Регина* (Гина) — жена Э. Бернштейна. — 55, 70, 83, 90, 92, 104, 125, 142, 161, 192, 252, 266, 289, 328, 330, 422, 424.
- Бернштейн* (Bernstein), *Эдуард* (1850—1932) — немецкий социал-демократ; с 1881 по 1890 г. редактор нелегального органа германской социал-демократической партии «Sozialdemokrat». После смерти Энгельса Бернштейн выступил с ревизией марксизма по основным вопросам теории и тактики в статьях в «Neue Zeit» и в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899); в дальнейшем вождь и теоретик оппортунизма, ренегат. — 33, 41, 55, 70, 83, 88, 92, 93, 103—105, 107, 113, 115, 123, 125, 126, 142, 161, 169, 172, 193, 211, 213, 240, 252, 261, 262, 266, 278, 289, 295, 308, 327, 329—331, 338, 339, 353, 356, 396, 403, 416, 417, 419, 421.
- Берт* (Burt), *Томас* (1837—1922) — английский либеральный рабочий политик, один из деятелей английского тредьюнионизма; с 1874 г. член парламента. — 58.
- Берта* (Bertha) — невестка Г. Энгельса. — 237.
- Безер* (Becher). — 365.
- Бизли* (Beesly), *Эдуард Спенсер* (1831—1915) — английский радикал, профессор политической экономии, глава школы политиков в Англии. — 374.
- Бискамп* (Biskamp), *Элард* — немецкий демократический публицист, член редакции лондонской немецкой газеты «Das Volk» в 1859 г. — 430.
- Бисмарк* (Bismarck), *Отто* (1815—1898). — 35, 37, 85, 171, 191, 230, 232, 237, 329, 435, 451.
- Бланк* (Blank), *Карл Эмиль* (1817—1893) — муж сестры Энгельса, Марии. — 7.

- Бланк** (Blank), *Мария* (1824—1901) — сестра Энгельса. — 7.
- Бланк** (Blank), *Рудольф* — племянник Энгельса, сын его сестры Марии Энгельс и Карла Эмиля Бланка. — 7.
- Блашко** (Blaschko), *Альфред* (род. в 1858 г.) — немецкий врач. — 175.
- Блейхрöder** (Bleichröder), *Герсон* (1822—1893) — глава немецкого банкирского дома, через который производились железнодорожные займы в Пруссии. — 442.
- Блечфорд** (Blatchford), *Роберт* (род. в 1851 г.) — английский социалист и журналист; один из основателей Независимой рабочей партии. — 3.
- Блинд** (Blind), *Карл* (1826—1907) — немецкий публицист, мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания 1849 г.; эмигрант в Лондоне; впоследствии национал-либерал. — 429—431.
- Блок** (Block), *Морис* (1816—1901) — французский буржуазный экономист и статистик. — 449.
- Блос** (Blos), *Вильгельм* (1849—1927) — немецкий журналист и историк; один из типичных представителей правого крыла германской социал-демократии. — 156.
- Блогер** (Blocher), *Герман*. — 240.
- Блюменфельд**, *Иосиф Соломонович* (род. в 1865 г.) — русский социал-демократ, меньшевик; с 1891 г. в эмиграции в Женеве; примыкал к группе «Освобождение труда»; в 1893—1894 гг. работал по изданию «Социал-демократической библиотеки» Л. Иогихеса-Тышко. — 314.
- Бовио** (Bovio), *Джованни* (1841—1903) — итальянский буржуазный политический деятель; написал ряд работ по философии. — 15—17, 26.
- Бодо** (Baudéau), *Никола* (1730—1792) — французский экономист. — 408.
- Бональд** (Bonald), *Луи Габриель Амбруаз* (1753—1840) — французский политический деятель и писатель; один из идеологов крайнего роялизма в период Реставрации. — 140.
- Бонапарт III** — см. Наполеон III.
- Бонар** (Bonar). — 442.
- Бонги** (Bonghi), *Руджiero* (1826—1895) — итальянский буржуазный политический деятель и писатель; в 1874—1876 гг. — министр просвещения. — 194.
- Бонье** (Bonnier), *Шарль* (род. в 1863 г.) — французский социалист, профессор в Оксфорде, гадист; с 1889 г. член Французской рабочей партии. — 151, 153, 166, 168, 173, 298, 314, 320, 321.
- Боркгейм** (Borkheim), *Сигизмунд Людвиг* (1825—1885) — немецкий публицист, участник Баденского восстания 1849 г.; жил в Англии. — 441, 446.
- Боруттау** (Boruttau), *Карл* (ум. в 1873 г.) — врач в Женеве, член I Интернационала, бакунист. — 446.
- Брайт** (Bright), *Джон* (1811—1889) — манчестерский фабрикант; один из руководителей борьбы за отмену хлебных законов и за избирательную реформу в 40—50-х годах; лидер левого крыла либеральной партии. — 81.
- Браун** (Braun), *Адольф* (1862—1929) — немецкий социал-демократ, журналист; один из редакторов «Sozialpolitisches Zentralblatt», член Правления социал-демократической партии; с 1920 г. член рейхстага; принадлежал к правому крылу партии. — 142, 238, 342.
- Браун** (Braun), *Генрих* (1854—1927) — брат предыдущего, немецкий социал-демократ, журналист; один из редакторов «Sozialpolitisches Zentralblatt», в 1903—1907 гг. член рейхстага, ревизионист. — 142.
- Брентано** (Brentano), *Луио* (1844—1931) — немецкий буржуазный экономист; выступал против Маркса с клеветническими обвинениями в фальсификации цитат; Энгельс дал резкую отповедь Брентано в предисловии к четвертому изданию I тома «Капитала». — 223, 260, 339.
- Бретт** (Brett). — 369.
- Брисак** (Brissac), *Анри* (1823—1906) — член Французской рабочей партии; участник Парижской Коммуны; с 1882 г. член редакции «Égalité». — 45.
- Брогли** (Broglie), *Жак Виктор Альбер* (1821—1901) — французский реакционер, клерикал; в 1873 и в 1878 гг. премьер-министр. — 449.
- Брун** (Bruhn), *Карл* (род. в 1803 г.) — редактор «Nordstern» в Гамбурге. — 433.
- Бруно** (Bruno), *Джордано* (1548—1600) — итальянский философ и мыслитель, провозвестник нового буржуазного мировоззрения эпохи Возрождения. — 289.
- Брусс** (Brousse), *Поль* (1844—1912) — французский социалист, реформист; один из организаторов Рабочей партии в 1880 г.; после ее раскола возглавил группу послепосибилитов; с 1885 г. муниципальный советник в Париже. — 73.
- Буагильбер** (Boisguillebert), *Пьер* (1646—

- 1714) — французский экономист, предшественник физиократов; отстаивал интересы крестьянства. — 37, 454.
- Буланже** (Boulangier), *Жорж Эрнест* (1837—1891) — французский бонапартистский генерал; в 1886—1887 гг. военный министр; вдохновитель реакционно-шовинистического движения за военную диктатуру, получившего название буланжизма; после неудавшегося заговора (1889) бежал из Франции и покончил жизнь самоубийством. — 152, 171, 176, 180.
- Бунте** (Bunte) — немецкий социал-демократ, один из руководителей стачки горнорабочих в 1889 г. — 72.
- Бухер** (Bucher), *Лотар* (1817—1892) — прусский журналист; в 1848 г. буржуазный радикал; в 50-х годах лондонский корреспондент берлинской «National Zeitung»; с 1864 г. примкнул к Бисмарку. — 433, 436.
- Бэрли** (Burleigh) — рабочий кандидат в парламент от Глазго на выборах 1892 г. — 87.
- Бюргерс** (Bürgers), *Генрих* (1820—1878) — кельнский коммунист; входил в редакцию «Новой Рейнской Газеты»; один из обвиняемых в Кельнском процессе коммунистов; в дальнейшем буржуазный журналист; примкнул к прогрессистам. — 428.
- В**
- Вайян** (Vaillant), *Эдуард* (1840—1915) — французский социалист, бланкист, член Коммуны; в 1871—1880 гг. эмигрант в Лондоне; член Генерального Совета I Интернационала; член парижского муниципалитета (1884—1893) и палаты депутатов (1893—1914); вместе с Ж. Гёдом руководил Социалистической партией Франции. — 20, 135, 244, 257, 275, 321, 322, 388.
- Вакс** (Wachs) — майор прусской армии. — 198, 203.
- Ваксмут** (Wachsmuth), *Вильгельм* (1784—1866) — немецкий историк, профессор в Лейпциге; автор многих работ по всеобщей истории. — 230.
- Вальтер** (Walter) — переводчица книги Бебеля «Женщина и социализм» на английский язык. — 249, 257.
- Вандервельде** (Vandervelde), *Эмиль* (1866—1938) — лидер Бельгийской рабочей партии; впоследствии один из виднейших представителей оппортунизма во II Интернационале. — 332, 364.
- Варкен** (Warken) — делегат от Саарской области (Германия) на международном конгрессе горнорабочих (7—10 июня 1892 г.). — 72.
- В. В.** — псевдоним В. П. Воронцова (см.).
- Вебб** (Webb), *Сидней* (род. в 1859 г.) — историк и теоретик английского тред-юнионизма, один из основателей Фабианского общества. — 115, 210.
- Вебьма** — см. Каутская, Луиза.
- Вейлер** (Weiler), *Адам* — немецкий социал-демократ, рабочий; эмигрант в Лондоне, участник английского тред-юнионистского движения. — 53.
- Вейтлинг** (Weitling), *Вильгельм* (1808—1871) — немецкий портной, коммунист-утопист, сторонник уравнительного коммунизма; имел значительное влияние на первые организации немецких рабочих в конце 30-х — начале 40-х годов. — 16, 17.
- Вера** — см. Засулич, В. И.
- Вестермарк** (Westermarck), *Эдуард* (1862—1939) — финляндский буржуазный этнолог и социолог, автор книги «История человеческого брака», 1889 г. — 223.
- Вестфален** (Westphalen), *Эдгар*, (1819—1890) — брат Женни Маркс; учился вместе с Марксом в Трирской гимназии; в 1846 г. примыкал к коммунистам; долгое время прожил в Америке; впоследствии возвратился в Берлин. — 433.
- Виганд** (Wigand) — книгоиздательство в Лейпциге, основанное О. Вигандом в 1826 г. — 11, 25, 49—51, 55, 447.
- Визен** (Wiesen), *Ф.* — немецкий социалист в Америке. — 207, 211.
- Виктор** — см. Адлер, Виктор.
- Виктория** (Victoria) (1819—1901) — английская королева (1837—1901). — 335.
- Вилли** — см. Либкнехт, Вильгельм.
- Вильгельм** — см. Вильгельм II.
- Вильгельм I** (Wilhelm) (1797—1888) — прусский король (1861—1888) и германский император (1871—1888). — 230.
- Вильгельм II** (Wilhelm) (1859—1941) — германский император и прусский король (1888—1918). — 21, 28—30, 32, 108, 151, 153, 154, 157, 211, 337, 349—351, 353, 360, 371, 372.
- Вильгельмхен** — см. Вильгельм II.
- Вильсон** (Wilson), *Джозеф Хавелок* (род. в 1858 г.) — с 1887 г. секретарь профессионального союза моряков и грузчиков; был арестован в 1891 г. в связи со стачкой в Кардифе. — 87, 90.

- Вильямс* (Williams), *А.* — псевдоним Маркса.
- Виндшигрец* (Windischgrätz), *Альфред*, князь (1787—1862) — австрийский фельдмаршал, известный кровавым подавлением Венского и Пражского восстаний 1848 г. — 365.
- Виндшигрец* (Windischgrätz), *Альфред* (1851—1927) — австрийский консерватор, премьер-министр в коалиционном министерстве 11 ноября 1893 г. — 18 июня 1895 г. — 264, 282.
- Винсент* (Vincent), *Чарльз Эдвард Говард* (1849—1908) — английский консерватор; член парламента в 1885—1908 гг. — 200.
- Вишневецкая-Келли* (Wischnewetzky-Kelly), *Флоренс* (1859—1932) — член Социалистической рабочей партии США; переводчица книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» на английский язык; впоследствии буржуазная реформистка. — 49, 72, 75, 265.
- Вишневецкий* (Wischnewetzky), *Лазарь* — русский врач; член Социалистической рабочей партии США; муж Флоренс Келли-Вишневецкой. — 49.
- Вобан* (Vauban), *Себастьян* (1633—1707) — французский военный и экономист; автор сочинения о тяжелом положении французского крестьянства под гнетом феодальных повинностей. — 37, 454.
- Волговской*, *Феликс Вадимович* (1846—1914) — русский революционер-народник; был сослан в Сибирь; в 1890 г. бежал в Лондон; участвовал в работе «Общества друзей русской свободы». — 161.
- Вольф* — телеграфное агентство. — 190.
- Вольф* (Wolf), *Фердинанд* («Красный Вольф») (1812—ум. ок. 1900) — немецкий журналист; член Союза коммунистов, член редакции «Новой Рейнской Газеты»; с 1850 г. эмигрант в Лондоне. — 168.
- Вольф* (Wolf), *Юлиус* (род. в 1862 г.) — немецкий буржуазный экономист, автор статьи «Тайна средней нормы прибыли у Маркса» (1891). — 12, 14, 193, 405.
- Воронцов*, *Василий Павлович* (1847—1918) — известный под псевдонимом В. В. — один из виднейших представителей русского либерального народничества 80—90-х годов. — 68.
- Врублевский* (Wróblewski), *Валерий* (1836—1908) — польский революционер, участник восстания 1863 г. в Польше; генерал Парижской Коммуны; умер в нищете. — 390, 443.
- Вышнеградский*, *Иван Алексеевич* (1831—1895) — русский политический деятель, министр финансов в 1888—1892 гг. Для устранения дефицита из государственного бюджета увеличил прямые и косвенные налоги, одновременно дав ряд финансовых льгот дворянству и буржуазии. — 69.
- Вьетт* (Viette), *Жюль Франсуа* (1843—1894) — французский буржуазный политический деятель; в 1892—1893 гг. министр общественных работ. — 145.

Г

- Гавас* — телеграфное агентство. — 190.
- Гайндман* (Hundman), *Генри Мейерс* (1842—1921) — английский социал-реформист; один из основателей Демократической федерации, преобразованной в 1884 г. в Социал-демократическую федерацию; редактор ее органа «Justice». — 5, 40, 73, 89, 94, 119, 123, 126—127, 132, 135, 136, 157, 184, 185, 210, 292, 330, 335.
- Галлер* (Haller), *Карл Людвиг* (1768—1854) — реакционный немецкий историк, специалист в области государственного права, идеолог Реставрации. — 139.
- Ганземан* (Hanseman), *Давид Юстус Людвиг* (1790—1864) — рейнский банкир, лидер либеральной буржуазии; в 1848 г. — прусский министр. — 367.
- Гарди* (Hardie), *Джеймс Кейр* (1856—1915) — английский политический деятель, реформист, один из основателей Независимой рабочей партии. — 34, 82, 84, 87, 89, 90, 100, 122, 127, 134, 137, 146, 186, 188, 189, 200, 201, 213, 335, 366, 377.
- Гардинер* (Gardiner), *Сэмюэль* (1829—1902) — английский буржуазный историк; главный его труд — восемнадцатитомная история английской революции. — 358—359.
- Гарибальди* (Garibaldi), *Менотти* (1840—1903) — сын Джузеппе Гарибальди, член итальянского парламента в 1876—1900 гг. — 194.
- Гарни* (Harney), *Джордж Джулиан* (1847—1897) — один из вождей левого крыла чартистского движения в Англии; основатель «Общества братских демократов» (1844); редактор главного органа чартистов «Northern Star» в 1848—1849 гг.; в 70—80-х годах жил в Америке. — 18.

- Гаррисон* (Harrison), *Фредерик* (1831—1923)—публицист, один из видных представителей английских позитивистов, последователей Огюста Конта. — 374.
- Гартман, Лев Николаевич* (1850—ок. 1911) — народолец; с 1880 г. в эмиграции; заграничный представитель «Народной Воли»; был знаком с Марксом и Энгельсом. — 28.
- Гатцфельд* (Hatzfeld), *София*, графиня (1805—1881) — друг и сторонница Лассалья. — 433—435.
- Гегг* (Gögg), *Аманд* (1820—1897) — немецкий журналист, буржуазный демократ, один из лидеров Лиги мира и свободы. — 443.
- Гегель* (Hegel), *Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831). — 14, 229, 306.
- Гедвига* — см. Энгельс, Гедвига.
- Гедель* (Hödel), *Макс* (1857—1878) — лейпцигский жестянщик; в 1878 г. покушался на жизнь германского императора Вильгельма I. — 314.
- Гейгер* (Geiger), *Вильгельм Арнольд* — начальник полиции в Кельне с 1848 по 1867 г. — 427.
- Гейзер* (Geiser), *Алиса* (урожд. Либкнехт) — старшая дочь В. Либкнехта от первого брака, жена Бруно Гейзера. — 295, 436.
- Гейзер* (Geiser), *Бруно* (1846—1898) — немецкий социал-демократ, писатель, зять В. Либкнехта; один из лидеров правого крыла социал-демократической партии; находился под сильным влиянием мелкобуржуазных элементов. — 11.
- Гейне* (Heine), *Генрих* (1797—1856). — 405, 262, 266.
- Гейнце* — предполагаемый убийца ночного сторожа, процесс против которого в 1891—1892 гг. послужил поводом для издания законов против проритуции. — 173.
- Гейнцен* (Heinzen), *Карл Петер* (1809—1880) — немецкий публицист, буржуазный радикал; в 50-х годах эмигрировал в Америку. Резко выступал против пролетарского коммунизма, особенно против Маркса и Энгельса. — 371.
- Гексли* (Huxley), *Томас Генри* (1825—1895) — английский естествоиспытатель и философ, друг и сподвижник Дарвина, содействовавший распространению его учения. — 374.
- Гельфанд, А. Л.* (псевдоним Парвус) (1869—1924) — русский эмигрант, с конца 90-х годов работал в германской социал-демократической партии, примыкая к ее левому крылу; во время первой мировой войны крайний социал-шовинист, ставший агентом германского империализма. — 309.
- Гендель* (Haendel), *Георг Фридрих*, (1685 — 1759) — композитор. — 313, 314.
- Генерал* — прозвище Энгельса.
- Георг* (Georg). — 91.
- Георг Саксонский* (1832—1904) — прусский генерал-фельдмаршал. — 11.
- Геннер* (Herper), *Адольф* (1846—1923) — немецкий социал-демократ; в 1869 г. член редакции «Volksstaat»; делегат Гаагского конгресса I Интернационала; после введения исключительного закона против социалистов эмигрировал в Америку, где занимался литературно-издательской деятельностью. — 111, 324, 445.
- Гериш* (Gerisch), *Альвин* — австрийский социал-демократ, член рейхстага. — 294.
- Геркнер* (Herchner), *Генрих* (1863—1932) — немецкий экономист, буржуазный социал-реформист. — 9.
- Герлах* (Gerlach), *Хельмут* (род. в 1866 г.) — немецкий буржуазный публицист. — 314.
- Герлет* (Gurlet) — кандидат на выборах в Совет графства в Лондоне. — 73.
- Герц* (Herz), *Корнелиус* — французский авантюрист, замешанный в панамском скандале; в результате разоблачений был вынужден в 1892 г. бежать в Англию. — 180.
- Гесс* (Hess), *Моисей* (1812—1875) — немецкий публицист, представитель «истинного социализма» в 40-х годах; в дальнейшем — буржуазный демократ. — 412.
- Гижицкий* (Gizycki), *Георг* (1851—1895) — профессор философии в Берлинском университете. — 266, 288.
- Гизо* (Gizot), *Франсуа Пьер Гильом* (1787—1874) — французский либеральный историк периода Реставрации; в 1840—1848 гг. — глава реакционного министерства. Его исторические работы представляют интерес как одна из первых попыток истолкования исторического процесса с точки зрения борьбы классов и теоретического обоснования прихода к власти буржуазии. — 285.
- Гиллес* (Gilles), *Фердинанд* — немецкий журналист в Лондоне; в 1891 г. был разоблачен германской социал-демократической печатью как полицейский шпион. — 4, 5, 10, 40, 72, 94, 108, 149, 157.

- Гильом-Шак** (Guillaume-Schack), *Гер-труда* — немецкая анархистка. — 75.
- Гильомен** (Guillaumin) — издатель в Париже. — 262.
- Гина** — см. Бернштейн, Регина.
- Гира** (Hirsch), *Карл* (1841—1900) — немецкий социал-демократ, журналист; в 1878—1879 гг. издавал в Бельгии еженедельник «Die Laternen»; в 90-х годах вернулся в Германию и редактировал «Rheinische Zeitung» в Кельне. — 53, 398, 415, 420, 449.
- Гитце** (Hitze), *Франц* (1851—1921) — в 1884—1921 гг. член германского рейхстага, клерикал. — 197.
- Гладстон** (Gladstone), *Вильям* (1809—1898) — лидер английской либеральной партии во второй половине XIX в.; премьер-министр в 1868—1874, 1880—1885, 1886 и 1892—1894 гг. — 33, 82, 84, 86, 87, 89, 90, 93, 106, 112, 189, 201, 203, 290, 335.
- Гогенлоэ** (Hohenlohe), *Хлодвиг* (1819—1901) — германский имперский канцлер в 1894—1900 гг. — 350.
- Годскин** (Hodgskin), *Томас* (1787—1869) — английский мелкобуржуазный экономист, критик капиталистического строя. — 27.
- Гомперс** (Gompers), *Сэмюэль* (1850—1924) — один из руководителей профессионального движения в США, решительный противник социализма и политической борьбы рабочего класса; с 1882 г. бессменный председатель Американской федерации труда; во время первой мировой войны ярый защитник империалистической политики. — 3.
- Гобрихтер** (Hofrichter) — ответственный редактор «Rheinische Zeitung» в 1895 г. — 415, 420, 421.
- Гоггюртель** (Hochgürtel) — рабочий. — 103.
- Граднауэр** (Gradnauer). — 197.
- Гребен** (Gröben) — ландрат в Лике (Восточная Пруссия). — 199.
- Грейлих** (Greulich), *Герман* (1842—1925) — один из основателей социал-демократического движения в Швейцарии; с 1869 г. редактор цюрихской газеты «Tagwacht»; один из лидеров правого крыла II Интернационала. — 101—103.
- Гриллабергер** (Grillenberger), *Карл* (1848—1897) — один из организаторов социал-демократического движения в Баварии, реформист; с 1881 г. член рейхстага, в 1884 г. вошел в оппортунистическую группу социал-демократических депутатов, боровшихся против Бебеля и других по вопросу о паровой субсидии; в 1894 г. вместе с Фольмаром выступил от имени баварской социал-демократии с развернутой реформистской программой. — 344, 346.
- Грумбков** (Grumbkow). — 116.
- Гудсон** (Hudson) — крупнейшая мыловаренная фирма в Англии. — 296.
- Гумперт** (Gumpert), *Эдуард* (ум. в 1893 г.) — немецкий врач в Манчестере, друг Маркса и Энгельса. — 54, 55, 57, 59—64, 72, 77, 78, 95, 150, 198, 218.
- Гурвич**, *Исаак Адольфович* (1860—1924) — русский эмигрант в Америке, с 90-х годов активно участвовал в социалистическом движении; впоследствии — ревизионист. — 222.
- Гуттен** (Hutten), *Ульрих*, фон (1488—1523) — немецкий гуманист, поэт, один из вождей немецкого рыцарства во время восстания 1522 г. — 418—419.
- Гэд** (Guesde), *Жюль* (1845—1922) — руководитель марксистского крыла французского рабочего движения; один из основателей Французской рабочей партии; в 80—90-х годах вел борьбу против POSSИБИЛИСТОВ, решительно выступил против миллеранизма; в дальнейшем представитель центристского течения во II Интернационале. — 60, 110, 135, 145, 151, 153, 154, 173, 244, 275, 289, 314, 321, 377.
- Гюго** (Hugo), *Виктор* (1802—1885) — 15.
- Гюлих** (Gülich), *Густав* (1791—1847) — немецкий мелкобуржуазный экономист, автор «Исторического изложения торговли, ремесел и земледелия в странах, наиболее развитых в торговом отношении в наше время» (1830). — 285.

Д

Дальциль (Dalziel), *Юл.* — журналист. — 190.

Даниельсон, *Николай Францевич* (псевдоним Николай — он) (1844—1918) — русский экономист, один из идеологов народничества; перевел I, II и III тома «Капитала» (I том совместно с Г. Лопатиным); снабжал Маркса и впоследствии Энгельса книгами и материалами о России; автор книги «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893). — 36, 64, 127, 203, 222, 253, 278, 295, 310, 342, 343, 362, 385, 387, 421.

- Данте* (Dante), *Алигьери* (1265—1321). — 286.
- Дарвин* (Darwin), *Чарльз Роберт* (1809—1882). — 331.
- Дворжак* (Dworzak), *Адельгейда* — фабричная работница из Вены; в дальнейшем писательница, участница австрийского женского рабочего движения. — 237, 248, 283, 298, 323.
- Дебский* (Debski), *Ал.* — 312.
- Девиль* (Deville), *Габриель* (род. в 1854 г.) — французский социалист, автор популярного изложения I тома «Капитала», впоследствии отошел от социалистического движения. — 449.
- Девоншир* (Devonshire), *Спенсер* (1833—1908) — английский либерал, в 1885 г. стал одним из лидеров либерал-юнионистов и поддерживал консервативный кабинет Солсбери в 1886—1892 гг. — 294.
- Декунс* (Dakuns), *Джон Роч* (ум. в 1910 г.) — английский геолог, член I Интернационала. — 280.
- Де Леон* (De Leon), *Даниель* (1852—1914) — деятель американского социалистического движения, вождь Социалистической рабочей партии США. — 244.
- Делл'Аваллес* (Dell'Avallez) — член Социалистической партии Италии. — 328.
- Дельпек* (Delpech). — 443.
- Де Местр* (De Maistre), *Жозеф* (1753—1821) — французский реакционный публицист, ярый враг французской буржуазной революции конца XVIII века. — 140.
- Демут* (Demuth), *Елена* (Ленхен) (1823—1890) — с ранней молодости жила в семье Маркса в качестве домашней работницы, близкий друг всей семьи; после смерти Маркса жила у Энгельса. — 162.
- Демут* (Demuth), г-жа. — 455.
- Де Пап* (De Paere), *Цезарь* (1842—1890) — один из основателей социалистического движения в Бельгии, врач, публицист; видный деятель I Интернационала, где поддерживал линию Маркса. — 434.
- Дере* (Dereure), *Симон* (1838—1900) — французский социалист; член Парижской Коммуны, после ее падения эмигрировал в Швейцарию, затем в США; возвратился во Францию по амнистии 1880 г.; член Рабочей партии. — 336.
- Деруге* (Deroulède), *Поль* (1846—1914) — французский политический деятель и литератор, основатель реакционной и шовинистической «Патриотической лиги» (1882 г.). — 152.
- Джевонс* (Jevons), *Вильямс Стенли* (1835—1882) — профессор логики, философии и политической экономии в Манчестере (1866—1876) и Лондоне (1876—1881), теоретик субъективной теории стоимости. — 120, 143.
- Дизраэли* (Disraeli), *Бенджамин*, лорд Биконсфилд (1804—1881) — английский писатель и политический деятель, лидер консервативной партии, идеолог и организатор британской колониальной экспансии; премьер-министр в 1868 и 1874—1880 гг. — 33, 81, 272.
- Дилк* (Dilke), *Чарльз Уэнтворт* (1843—1911) — английский либерал, член парламента. — 73.
- Дитц* (Dietz), *Иоганн Генрих Вильгельм* (1843—1922) — немецкий социал-демократ; основатель и руководитель крупнейшего немецкого социал-демократического издательства. — 3, 4, 11, 21, 25, 43, 49—52, 55, 56, 71, 76, 108, 109, 112, 169, 170, 172, 175, 192, 212, 256, 259, 260, 271, 279, 288, 317, 387, 419.
- Дицген* (Dietzgen), *Евгений* (1862—1930) — сын Иосифа Дицгена, также писал на философские темы. — 305.
- Доманико* (Dománico), *Джиованни*. — 226.
- Домела* — см. Нивенгейс, Фердинанд Домела.
- Драгоманов*, *Михаил Петрович* (1841—1895) — украинский буржуазный историк и общественный деятель, идеолог украинского национал-либерализма. — 192.
- Дрешфельд* (Dreschfeld), *Юлиус* (1846—1907) — немецкий врач, профессор медицины в Оуэновском колледже в Манчестере. — 59, 60.
- Дюма* (Dumas), *Александр* (Дюма-отец) (1803—1870). — 106.

Е

Елизавета — см. Энгельс, Елизавета.

Ж

Жоллимейер — см. Шорлеммер, К.

Жорес (Jaurès), *Жан* (1859—1914) — один из виднейших деятелей французского социалистического движения, блестящий оратор, историк; примыкал к правому крылу партии и поддерживал Мильерана; в 1904 г. основал центральный орган партии.

- «Humanité» и редактировал его до самой своей смерти; активно боролся с милитаризмом. — 275, 288, 289, 298, 320—322, 386.
- Жуковский, Юлий Галактионович (1822—1907) — русский буржуазный экономист; автор статьи «Карл Маркс и его книга о капитале» («Вестник Европы» № 9—10 за 1877 г.), в которой пытался дать критику экономического учения Маркса. — 38, 205, 453.

3

- Заблочкий (Zablocki), Станислав — польский социалист в Вене. — 312.
- Зайбель (Seidel), Роберт (род. в 1850 г.) — швейцарский социал-демократ, педагог; в 1890—1898 г. редактировал «Arbeiterstimme» в Цюрихе. — 101, 102.
- Закс (Sax), Эмиль (1845—1927) — австрийский буржуазный экономист; автор книги «Жилищные условия рабочего класса и их реформа» (1869), в ответ на которую Энгельс написал вторую часть своего «Жилищного вопроса». — 447.
- Засулич, Вера Ивановна (1851—1919) — одна из основательниц группы «Освобождение труда» в 1883 г.; после II съезда РСДРП примыкала к меньшевикам, затем к ликвидаторам. — 307, 309, 310, 314, 315, 378—380, 384, 386.
- Закер (Sacher), (род. в 1854 г.) — автор книги о I Интернационале. — 196.
- Зибольд (Siebold) — немецкий химик в Манчестере. — 61, 77—79, 94, 149, 218, 273, 274, 316, 424.
- Зигель (Siegel), Август (род. в 1856 г.) — немецкий социал-демократ, горнорабочий, эмигрант в Англии. — 34, 57, 71, 72, 92.
- Зингер (Singer), Пауль (1844—1911) — немецкий социал-демократ; с 1887 г. член Правления германской социал-демократической партии; боролся против ревизионизма. — 40, 51, 55, 60, 62, 70, 116, 189, 240, 253, 294, 338.
- Зомбарт (Sombart), Вернер (род. в 1863 г.) — немецкий буржуазный экономист; в своих работах пытался опровергнуть теорию трудовой стоимости Маркса. — 395, 396, 407, 417.
- Зонненшейн (Sonnenschein), Сван — один из участников издательства Сван Зонненшейн, Лоурей и К^о, выпустившего английский перевод I тома «Капитала». — 19, 43, 47, 76, 84, 131, 132, 260, 271, 292.

- Зорге (Sorge), Адольф — сын Фридриха-Альберта Зорге. — 305.
- Зорге (Sorge), Екатерина — жена Фридриха-Альберта Зорге. — 4, 30, 71, 72, 111, 181, 187, 211, 222, 244, 265, 267, 269, 274, 291, 297, 306, 338, 345, 348, 349, 373.

Зорге (Sorge), Фридрих-Альберт (1828—1906) — немецкий социал-демократ, участник баденского восстания 1849 г.; эмигрировал в Америку, где был одним из руководителей Всеобщего немецкого рабочего союза, примкнувшего к I Интернационалу; после перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк — генеральный секретарь I Интернационала; друг Маркса и Энгельса. — 1, 28, 69, 76, 84, 109, 143, 154, 158, 178, 184, 209, 219, 242, 265, 267, 274, 289, 295, 304, 324, 334, 345, 348, 356, 370, 410, 419.

И

- Иglesias (Iglesias), Пабло (1850—1925) — испанский социалист, член I Интернационала; в 1879 г. один из основателей испанской Социалистической партии, председатель ее Национального комитета; с 1885 по 1896 г. — председатель Всеобщего объединения рабочих Испании, выступал на международных социалистических конгрессах; впоследствии — один из оппортунистических вождей II Интернационала. — 215, 299, 325, 382.

Иосифес — см. Тышко, Лео.

К

- Каблуков, Николай Алексеевич (1849—1919) — русский статистик и экономист, представитель либерального народничества. — 68.
- Каган (Cahan), Абрам — делегат из Нью-Йорка на Брюссельском конгрессе II Интернационала (1891). — 127.
- Казимир-Перье (Casimir-Perier), Жан (1847—1907) — французский буржуазный политический деятель, премьер-министр в 1893—1894 гг., президент французской республики в 1894—1895 гг. — 372.
- Калонн (Calonne), Шарль Александр (1734—1802) — генеральный контролер финансов в 1785—1787 гг. во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века. — 69.
- Кальвин (Calvin), Жан (1509—1564) — идеолог реформации во Франции и

- Швейцарии, основатель кальвинизма, одной из разновидностей протестантизма. — 229.
- Кампфмейер* (Kampfmeyer), *Пауль* (род. в 1864 г.) — немецкий социал-демократ, участник полуанархической оппозиции «молодых» в германской социал-демократической партии; впоследствии ревизионист. — 121.
- Канепа* (Сапера), *Джузеппе* — итальянский социалист. — 286.
- Каниц* (Kanitz), *Ганс* (1841—1913) — член германского рейхстага, консерватор; в 1894 г. внес предложение об искусственном установлении цен на зерно путем скупки всего ввозимого хлеба («предложение Каница»). — 321.
- Кант* (Kant), *Иммануил* (1724—1804). — 229, 392.
- Канет*, *Людвиг* — см. Людвиг XVI.
- Каприви* (Caprivi), *Лео*, граф (1831—1899) — германский имперский канцлер в 1890—1894 гг. — 30, 85, 157, 187, 191, 219, 224, 225, 232, 349.
- Карно* (Carnot), *Сади* (1837—1894) — президент французской республики в 1887—1894 гг.; был убит анархистом Казерио. — 154, 176, 278, 314.
- Карпелес* (Karpeles), *Венно* — австрийский социал-демократ, лидер кооперативного движения. — 314.
- Карышев*, *Николай Александрович* (1855—1905) — русский экономист, статистик и публицист либерально-народнического направления. — 68.
- Кауб* (Kaub), *Карл* — немецкий эмигрант в Париже, участник Лондонской конференции I Интернационала 1865 г.; был близок к Марксу. — 434.
- Каутская* (Kautsky), *Луиза* (урожд. Штрассер) — австрийская социалистка, по профессии акушерка, первая жена К. Каутского, с 1890 г. секретарь Энгельса; делегат на Брюссельском (1891) и Цюрихском (1893) конгрессах II Интернационала. — 3, 4, 11, 12, 18, 20, 22, 25, 30, 34, 36, 41, 43, 46, 47, 52—55, 59, 60, 62, 64, 72—76, 83, 84, 86, 88, 90, 91, 93, 99, 102, 106, 109, 110, 112, 113, 116, 119, 125, 126, 131—134, 136, 138, 139, 147, 149, 151, 155, 158, 160—162, 166, 181—183, 187, 191, 192, 195, 198, 199, 201, 203, 206, 208, 209, 211, 218, 219, 222, 236, 238—240, 242, 247, 248, 253, 256, 264, 267, 269, 270, 273, 274, 277, 289, 291, 293, 294, 297, 298, 304, 306, 308, 313, 320, 323, 325, 328, 330, 334, 341, 348, 351—353, 355—357, 359, 363, 366—368, 373, 377, 380, 401, 408, 417, 422, 424.
- Каутская* (Kautsky), *Луиза* (урожд. Роншпергер) — вторая жена К. Каутского (с 1890 г.). — 5, 54, 75, 259.
- Каутская* (Kautsky), *Минна* (1836—1912) — немецкая писательница, мать К. Каутского, автор романов на социальные темы. — 75, 83, 295.
- Каутский* (Kautsky), *Карл* (1854—1938) — теоретик германской социал-демократии и II Интернационала, экономист и историк; редактор социал-демократического журнала «Neue Zeit»; впоследствии ренегат марксизма, теоретик социал-пацифизма; перед первой мировой войной создатель теории «ультра-империализма», центрист; после войны один из основателей Венского (2^{1/2}) Интернационала; ярый враг Советского Союза. — 3, 4, 6, 8, 26, 41, 42, 47, 53, 62, 74, 76, 82, 83, 99, 103, 107, 108, 113, 122, 126, 133, 136, 138, 139, 142, 157, 169, 171, 177, 192, 211, 223, 238, 259, 260, 270, 278, 281, 287, 293, 294, 305, 307—309, 312, 313, 315, 317, 323, 330, 338—340, 350, 358, 367, 396, 402, 404, 416, 454.
- Квелч* (Quelch), *Гарри* (1858—1913) — популярный вождь английского рабочего класса, один из организаторов Социал-демократической федерации, редактор ее органа «Justice»; член Международного социалистического бюро и делегат ряда международных конгрессов, отстаивал марксистскую линию в английском рабочем движении. — 124, 125, 293, 405.
- Келлер* (Köller), *Эрнст* (1841—1928) — прусский консерватор; в 1894—1895 гг. министр внутренних дел, сторонник исключительных мер против социал-демократов. — 9, 349—351, 358, 372, 400.
- Келли-Вишневецкая* — см. Вишневецкая-Келли.
- Келлог* (Kellog), *Эдуард* (1790—1858) — американский экономист. — 209.
- Кеннингем-Грехем* (Cunningham-Graham), *Роберт* (1852—1936) — английский социалист и писатель, выходец из аристократии; в 1886—1892 гг. член парламента. — 34, 87.
- Кенэ* (Quesnay), *Франсуа* (1694—1774) — французский экономист, основатель и крупнейший представитель школы физиократов, автор «Экономической таблицы» (1758). — 408.
- Кеппен* (Коерреп), *Карл Фридрих* (1808—1863) — берлинский педагог,

- радикальный публицист и историк, младогегельянец, друг Маркса в начале 40-х годов; позднее специалист по истории буддизма. — 413.
- Кератри* (Kératry), *Эмиль* (1832—1905) — французский буржуазный политик, реакционер; с 4 сентября по 12 октября 1870 г. — префект полиции. — 443.
- Кинкель* (Kinkel), *Готфрид Иоганн* (1815—1882) — немецкий публицист и поэт, мелкобуржуазный демократ; в лондонской эмиграции вел борьбу против Маркса. — 75.
- Кинкель* (Kinkel), *Иоганна* (урожд. Моккель) (1810—1858) — жена Готфрида Кинкеля, писательница. — 75.
- Клепш* (Klersch), *Филипп* — один из душеприказчиков К. Шорлеммера. — 61, 77—79, 94, 149, 218, 316.
- Кливленд* (Cleveland), *Стифен Гровер* (1837—1908) — президент США в 1885—1889 и 1893—1897 гг., деятель демократической партии, пытался несколько снизить протекционистский тариф. — 209.
- Кнейп* (Kneipp), *Себастьян* (1821—1897) — немецкий приходский священник и врач, автор метода водолечения. — 175.
- Книс* (Knies), *Карл* (1821—1898) — немецкий буржуазный экономист. — 120.
- Кобден* (Cobden), *Ричард* (1804—1865) — английский буржуазный политический деятель, идеолог свободы торговли; в 1839 г. вместе с Джоном Брайтом основал Лигу борьбы против хлебных законов. — 81.
- Ковалевский*, *Максим Максимович* (1851—1916) — русский юрист, историк и социолог либерального направления. — 122, 142.
- Коген* (Cohen), *Александр* — анархист. — 387.
- Кольбер* (Colbert), *Жан Батист* (1619—1683) — министр Людовика XIV, проводил меркантилистскую политику в интересах укрепления абсолютизма. — 37, 65.
- Кольсман* (Colsman). — 452.
- Конов* (Kонов), *Андрей* — переводчик с русского на немецкий. — 388, 424.
- Констан* (Constans), *Эрнест* (1833—1913) — французский министр внутренних дел в 1880—1881 и в 1889—1892 гг.; одновременно боролся против буланжизма и против социалистического движения. — 22, 29, 176, 180.
- Константин*, великий князь (1827—1892) — сын русского царя Николая I. — 430.
- Комт* (Comte), *Огюст* (1798—1857) — французский философ-идеалист, основоположник позитивизма. — 373, 374.
- Котар* (Cotar), *М. Р.* — 215.
- Крачинский*, *Сергей Михайлович* (лит. псевдоним Степняк) (1852—1895) — русский народник, сторонник террористических методов борьбы против правительства; в 1872 г. вошел в кружок чайковцев и в числе первых «пошел в народ»; в 1878 г. убит в Петербурге шефа жандармов Мезенцева и бежал за границу; с 1884 г. поселился в Лондоне, где организовал общество «Друзей русской свободы». — 131, 132, 150, 260, 271, 457.
- Краузе* (Krause) — врач, профессор медицины в Дерпте. — 337.
- Крауфорд* (Crawford), *Эмилия* (род. в 1841 г.) — английская буржуазная журналистка, парижская корреспондентка «Daily News». — 363, 377.
- Креза*, царь Лидии, покоренный царем Персии Киром в 546 г. до н. э.; имя Креза, славившегося своим богатством, стало нарицательным. — 232.
- Криспи* (Crispi), *Франческо* (1818—1901) — итальянский буржуазный политический деятель; до начала 60-х годов республиканец, затем монархист и реакционер. В 1887—1891 и 1893—1896 гг. — премьер-министр; вел широкую колониальную политику и выступал против рабочего движения; был связан с итальянскими финансовыми кругами и замешан в раскрытой в 1892 г. «итальянской панаме». — 329, 372, 423.
- Крицлер* (Kritzler). — 386.
- Кричевский*, *Борис Наумович* (1866—1919) — русский социал-демократ, публицист. — 306, 309, 314.
- Кромвель* (Cromwell), *Оливер* (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII века, лорд-протектор Англии. — 285.
- Кроткин*, *Петр Алексеевич* (1842—1921) — русский теоретик анархизма, непримиримый враг марксизма. — 387.
- Кроснел* (Crosnell). — 108.
- Кугельман* (Kugelman), *Гертруда* (урожд. Оппенгейм) — жена Л. Кугельмана. — 144, 147, 354, 366, 401, 411.
- Кугельман* (Kugelman), *Людвиг* (1830—1902) — ганноверский врач; участник революции 1848 г., член I Интернационала; с 1862 до 1874 г. вел

- постоянную переписку с Марксом, информируя его о положении дел в Германии, и содействовал изданию и распространению I тома «Капитала». — 116, 134—136, 143, 147, 238, 239, 354, 366, 375, 400, 410, 432, 436, 437, 439, 441.
- Кугельман* (Kugelmann), *Франциска* — дочь Л. Кугельмана. — 144, 147, 238, 354, 366, 401, 411.
- Куинштедт* (Queenstedt). — 435.
- Кулишова, Анна* — русская социалистка, жена Ф. Турати. — 423.
- Куно* (Cuno), *Теодор* (1847—1934) — немецкий социалист; принимал участие в организации Миланской секции I Интернационала; на Гаагском конгрессе I Интернационала председатель комиссии, принявшей постановление об исключении Бакунина из Интернационала; в 1872 г. эмигрировал в Америку, где был одним из руководителей Рыцарей труда и сотрудником «New-Yorker Volkszeitung». — 445—446.
- Кунов* (Cunow), *Генрих* (род. в 1862 г.) — немецкий социал-демократ, историк и социолог. — 27, 279.
- Квст* (Quest) — французский издатель. — 449.
- Кате* (Käte) — дочь Р. Бернштейн от первого брака. — 125, 127, 289, 328.
- Л**
- Лабриола* (Labriola), *Антонио* (1843—1904) — итальянский публицист; в конце 70-х годов отошел от либерализма и приблизился к марксизму, находясь под влиянием Энгельса, с которым он переписывался; написал книгу «Об историческом материализме», которую В. И. Ленин назвал «превосходной»; в этот период Лабриола вел борьбу с различными извращениями марксизма, с ревизионизмом. — 8, 194, 274, 276, 277, 338, 395, 422, 423.
- Лабриола* (Labriola), *Артууро* (род. в 1875 г.) — итальянский экономист, один из теоретиков анархосиндикализма. — 422.
- Лабриолино* — см. Лабриола, Артууро.
- Лабушэр* (Labouchère), *Анри дю Пре* (1831—1912) — английский либерал, член парламента в 1866—1867 гг.; в 1880—1906 гг. один из владельцев газеты «Daily News». — 73.
- Лавеле* (Laveleye), *Эмиль Луи Виктор* (1822—1892) — бельгийский буржуазный экономист и публицист; писал о социализме и рабочем движении. — 196, 449.
- Лаверьн-Пегиллен* (Lavergne-Peguilhen), *Мориц* — прусский экономист; в 40-х годах принадлежал к так называемой «романтической школе». — 140, 141, 217.
- Лавров, Петр Лавровиц* (1823—1900) — виднейший теоретик народничества, автор «Исторических писем», в 60-х годах примкнул к организации «Земля и Воля»; в 1873—1877 гг. редактор издававшегося в Цюрихе и Лондоне журнала «Вперед», делегат Парижского конгресса II Интернационала (1889 г.). — 122, 195, 222, 278, 352.
- Лайблери* (Library) — прозвище В. Либкнехта.
- Ланде* (Lande), *Гуго* — автор статьи «Прибавочная стоимость и прибыль» (1893). — 212.
- Лариос* (Larios), маркиз. — 383, 384.
- Ларок* (Larroque), *Е.* — 448.
- Лассаль* (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — деятель немецкого рабочего движения; основатель Всеобщего германского рабочего союза, родоначальник оппортунизма в германской социал-демократии. — 104, 107, 146, 157, 258, 295, 304, 381, 447.
- Лаура* — см. Лафарг, Лаура.
- Лафарг* (Lafargue), *Лаура* (1845—1911) — вторая дочь Маркса, с 1868 г. жена П. Лафарга; активная участница французского социалистического движения. — 3, 52, 54, 118, 134, 135, 169, 209, 213, 215, 216, 262, 277, 279, 352, 353, 365, 424, 443.
- Лафарг* (Lafargue), *Поль* (1842—1911) — один из вождей марксистского крыла во французском рабочем движении; член I Интернационала, в 1870—1871 гг. вел организационную и агитационную работу в Париже и Бордо; после падения Коммуны бежал в Испанию, где боролся за линию Генерального Совета I Интернационала, потом поселился в Лондоне; по возвращении во Францию — один из основателей Французской рабочей партии; после кровавого 1 мая в Фурми (1891) был приговорен к году тюремного заключения; боролся против реформизма и мильеранизма; в своих литературных работах и политической деятельности допускал ряд ошибок и отступлений от марксизма. — 3, 29, 44, 56, 60, 110, 135, 137, 139, 144—146, 155, 174, 173, 209, 215, 216, 219, 244, 257, 262, 291, 292, 298, 311, 314, 336, 339, 353, 365, 395, 403, 405, 443.

- Лашатр* (Lachâtre), *Морис* (1814—1900) — первый издатель «Капитала» на французском языке. — 449.
- Ледебур* (Ledebour), *Георг* (род. в 1850 г.) — немецкий социал-демократ; в течение ряда лет член Правления германской социал-демократической партии; центрист, один из вождей Независимой с.-д. партии Германии. — 340.
- Леве* (Löwe) — владельцы оружейных заводов. — 179.
- Лейбниц* (Leibniz), *Готфрид Вильгельм* (1646—1716). — 143, 392.
- Лексис* (Lexis), *Вильгельм* (1837—1914) — немецкий буржуазный экономист, автор статьи «Теория капитала Маркса» (1885). — 391.
- Леман* (Lehmann) — немецкий эмигрант в Лондоне. — 257.
- Лемплог* (Lampugh), *Дж. Вильям* (1859—1926) — английский геолог, впоследствии академик, председатель геологического общества в Лондоне. — 216, 279.
- Ленхен* — см. Демут, Елена.
- Лео* (Leo), *Генрих* (1799—1878) — немецкий буржуазный историк, консерватор, профессор университета в Берлине, с 1830 г. — в Галле; написал «Историю французской революции», (1842). — 413.
- Леонович* (Leonowicz), *С.* — 451.
- Лессепс* (Lesseps), *Шарль* (1849—1923) — сын Фердинанда Лессепса, строителя Суэцкого канала, был замешан в панамском скандале и осужден вместе с отцом. — 176.
- Лессинг* (Lessing), *Готгольд Эфраим* (1729—1781) — немецкий просветитель, поэт, критик, драматург и писатель. — 41.
- Лесснер* (Lessner), *Фридрих* (1825—1910) — немецкий портной, член Союза коммунистов и Генерального Совета I Интернационала, друг Маркса и Энгельса. — 211, 212, 219, 439.
- Ли* (Lee), *Генри Вильям* (род. в 1865 г.) — секретарь Социал-демократической федерации в Англии. — 302, 325.
- Либер* (Lieber), *Эрнст* (1838—1902) — немецкий буржуазный политический деятель; с 1891 г. лидер партии центра. — 224, 400.
- Либих* (Liebig), *Юстус* (1803—1873) — один из крупнейших химиков XIX века, основоположник агрономической химии и почвоведения. — 166.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Вильгельм* (1826—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократической партии; участник революции 1848 г. в Германии, сторонник Маркса и Энгельса; в 1869 г. один из инициаторов создания социал-демократической партии в Эйзенахе; в 1875 г. при объединении эйзенахцев и лассальянцев допустил ошибки оппортунистического характера, которые подверглись критике Маркса; после введения закона против социалистов был настроен примиренчески к оппортунистам; под руководством Маркса и Энгельса выправил свои ошибки; редактор центрального органа германской социал-демократической партии «Vorwärts». — 6, 10, 25, 31, 70, 91, 137, 145—147, 149, 153, 158, 164, 165, 171, 193, 197, 198, 202, 206, 235, 236, 253, 257, 266, 267, 274, 295, 313, 314, 316, 327, 341, 343, 347, 348, 350, 358, 360, 362, 402, 405, 432—434, 436, 438, 441, 443, 446, 447.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Гертруда* — младшая дочь В. Либкнехта от первого брака. — 194, 206, 267, 274, 295.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Карл* (1871—1919) — сын В. Либкнехта, один из вождей немецкого пролетариата и основатель компартии Германии; в 1889—1893 гг. изучал юридические и экономические науки в Лейпцигском и Берлинском университетах. — 164—165, 236, 266, 267, 274.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Наталья* (урожд. Ре) (1837—1909) — вторая жена В. Либкнехта. — 149, 164, 236, 253, 265, 274, 295.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Теодор* (род. в 1870 г.) — старший сын В. Либкнехта, адвокат в Берлине; после первой мировой войны казначей Независимой социал-демократической партии Германии. — 164, 266, 267, 274.
- Либкнехт* (Liebknecht), *Эрнестина* (урожд. Ландольт) (ум. в 1867 г.) — первая жена В. Либкнехта. — 436, 438, 439.
- Ливингстон* (Livingston), *Макс* — служащий «Standard Oil Co» в Питтсбурге (Америка). — 366, 400, 410.
- Линкольн* (Lincoln), *Абраам* (1809—1865) — президент США в период гражданской войны (1860—1865); член республиканской партии; вождь буржуазно-демократического движения Северных штатов против рабовладельческого Юга. — 219, 432.
- Ллойд* (Lloyd), *Генри Демарест* (1847—1903) — американский экономист и журналист; с 1903 г. член Социалистической партии США. — 207.

- Лонге* (Longuet), *Шарль* (1833—1903) — французский социалист, прудонист; член Парижской Коммуны и редактор ее официального органа; позднее эмигрант в Лондоне, где женился на дочери Маркса, Женни; после амнистии возвратился во Францию и сотрудничал в газете Клемансо «La Justice». — 443.
- Лонге* (Longuet), *Женни* (1844—1883) — старшая дочь Маркса; жена Ш. Лонге с 1872 г. — 443.
- Лоттин*, *Герман Александрович* (1845—1918) — народник; с начала 60-х годов участвовал в революционном движении; организовал побег П. Лаврова за границу; в Лондоне сблизился с Марксом и в дальнейшем информировал его о русских делах; член Генерального Совета I Интернационала; перевел часть I тома «Капитала»; впоследствии член Исполнительного Комитета «Народной Воли»; в 1884 г. был арестован и осужден на пожизненную каторгу, откуда его освободила революция 1905 г. — 222.
- Лоренцо* (Lorenzo), *Ансельмо* (1841—1915) — испанский бакунист, организатор испанской секции Интернационала и в 1872 г. ее секретарь; в дальнейшем порвал с рабочим движением. — 299.
- Лориа* (Loria), *Акилл* (род. в 1857 г.) итальянский буржуазный экономист. — 331, 395, 396, 402, 405.
- Лубе* (Loubet), *Эмиль* (1838—1929) — французский политический деятель, умеренный республиканец; в 1892 г. министр-президент. — 145.
- Луиза* — см. Каутская, Луиза.
- Луи-Филипп* (Louis-Philippe) (1773—1850) — французский король (1830—1848). — 170.
- Людвиг* — см. Фрейбергер, Людвиг.
- Людовик XIV* (Louis) (1638—1715) — французский король (1643—1715). — 37.
- Людовик XVI* (Louis) (1754—1793) — французский король (1774—1792). — 286.
- Люкс* (Lux) — экономист. — 387, 388.
- Лютгенау* (Lütgenau) — немецкий социал-демократ в Дортмунде. — 386.
- Лутер* (Luther), *Мартин* (1483—1546) — основатель протестантизма (лютеранства) в Германии. — 8, 27, 229.
- Мак-Кинлей* (Mac-Kinley), *Вильям* (1844—1901) — президент США в 1896—1901 гг., деятель республиканской партии; в 1890 г. добился принятия крайне протекционистского тарифа. — 270.
- Мак-Магон* (Mac-Mahon), *Мари Эдмон* (1808—1893) — французский маршал; в 1871 г. стоял во главе версальских войск, подавивших Парижскую Коммуну; в 1873 г. выдвинут монархическим большинством Национального собрания на пост президента французской республики; после неудачных попыток совершить государственный переворот был вынужден подать в отставку в 1879 г. — 329.
- Максуэлл* (Maxwell), *Шоу* (род. ок. 1855 г.) — член Ирландской земельной лиги, секретарь Независимой рабочей партии в 1893—1894 гг. — 186, 213.
- Мак-Эвен* (Mac-Ewen) — хирург. — 150.
- Мальтус* (Malthus), *Томас Роберт* (1766—1834) — английский буржуазный экономист, автор реакционной теории перенаселения. — 362, 363.
- Марвиц* (Marwitz), *Фридрих Август Людвиг* (1777—1837) — прусский генерал кавалерии. — 139.
- Маркс* (Marx), *Карл* (1818—1883). — 16, 42, 45—47, 54, 80, 91, 111, 119, 120, 134—136, 139, 140, 159, 160, 178, 179, 185, 187, 192, 194—196, 205, 207, 213, 214, 216, 219, 223, 226—228, 241, 276, 285, 286, 301, 303, 306, 313, 318, 331, 342, 348, 354, 355, 362, 364, 367, 373—375, 377, 378, 381, 387, 391, 395, 397, 403, 405, 406, 408—413, 417, 434, 440, 443, 453, 454, 456.
- Маркс-Эвелинг* (Marx-Aveling), *Элеонора* (1855—1898) — младшая дочь Маркса, активная деятельница английского социалистического движения, жена Эдуарда Эвелинга; организатор лондонского Союза рабочих газовых предприятий и женского английского рабочего движения, автор обзоров европейского рабочего движения в социалистической прессе (с 1884 г.) и многочисленных переводов социалистической литературы на английский язык; участница конгрессов II Интернационала в 1889, 1891 и 1893 гг. — 3, 5, 8, 12, 30, 47, 48, 54, 57—59, 63, 64, 83, 90—94, 100—103, 108, 110, 114, 115, 117, 118, 122, 132, 134, 142, 146, 161, 185, 192, 210, 213, 215, 216, 240, 257, 259, 262, 266, 292, 298, 305, 313, 320, 325, 326, 329, 334,

M

Мавр — прозвище Маркса.
Майер (Maiers) — из Сен-Луи. — 135.

- 336, 339, 352, 353, 382, 422, 443.
- Мартен* (Martin), *Анри* (1810—1883) — французский историк и публицист, буржуазный республиканец. — 435.
- Мартини* (Martini), *Фердинанд* (1841—1928) — итальянский министр народного просвещения в 1892—1893 гг. — 194.
- Матье* (Mathieux) — книготорговец в Кельне. — 75.
- Медине* — см. Самаров.
- Мейер* (Meuer), *Г.* — член Лондонского коммунистического немецкого рабочего просветительного союза. — 386, 451.
- Мейер* (Meuer), *Герман* (1821—1875) — американский социалист, друг Вейдемейера. — 375.
- Мейер* (Meuer), *Рудольф* (1839—1899) — немецкий консервативный публицист, последователь Родбертуса. — 21, 53, 232.
- Мейсснер* (Meissner), *Отто* (1850—1930) — гамбургский издатель. — 262, 279, 318, 338, 410.
- Менгер* (Menger), *Антон* (1841—1906) — австрийский юрист, социолог; в 1871—1899 гг. профессор Венского университета; автор ряда работ по истории социалистических учений. — 27, 120, 143.
- Менделеев*, *Дмитрий Иванович* (1834—1907). — 39.
- Мендельсон* (Mendelson), *Мария* (1850—1909) — польская социалистка, жена Станислава Мендельсона. — 18, 52, 182, 183, 191, 194, 208, 214, 307, 308, 328.
- Мендельсон* (Mendelson), *Станислав* (1858—1913) — польский социалист, журналист, один из основателей польской социалистической печати; в 1890 г. выслан из Парижа после покушения Падлевского на генерала Селиверстова; впоследствии жил в Лондоне, занимался адвокатурой. — 17, 52, 70, 143, 208, 214, 307, 308, 328.
- Меринг* (Mehring), *Франц* (1846—1919) — литературный критик и историк, в 80-х годах стал марксистом; автор истории германской социал-демократической партии; впоследствии один из вождей левого крыла германской социал-демократии, член компартии Германии. — 33, 34, 41, 139, 142, 143, 217, 225, 227, 412, 414, 415.
- Мецеровский*, *Владимир Петрович*, князь (1839—1914) — с 1872 г. издавал в Петербурге реакционную газету «Гражданин»; один из идеологов реакции. — 180.
- Микель* (Miquel), *Иоганн* (1828—1901) — прусский национал-либерал, банкир, адвокат; в молодости член Союза коммунистов, вскоре отошел от революционного движения; в 1859 г. принял участие в создании «Национального союза»; в 1867—1877 и 1887—1890 гг. член рейхстага; в 1890—1901 гг. — прусский министр финансов. — 30, 111, 143, 258.
- Миллер* — см. Либкнехт, В.
- Мильвуа* (Millevoeue), *Люсьен* (1850—1918) — французский журналист и политический деятель, сторонник Буланже; с 1889 г. член палаты депутатов. — 144.
- Мильеран* (Millerand), *Александр* (1859—1943) — французский политический деятель, проделавший эволюцию от социализма к решительной защите буржуазии; первый из социалистов вошел в буржуазное министерство (1899—1902), где оказался рядом с палачом Коммуны генералом Галифе. — 244, 275, 320—322.
- Мишье* (Mignet), *Франсуа Огюст Мари* (1796—1884) — французский историк либерального направления; его главная работа «История французской революции»; один из первых обратил внимание на роль борьбы классов в истории. — 285.
- Михайловский*, *Николай Константинович* (1842—1904) — русский публицист, идеолог либерального народничества, враг марксизма, сотрудник, затем редактор «Отечественных Записок». — 453.
- Момбергер* (Mombberger), *Август* — социалист. — 292.
- Монтескье* (Montesquieu), *Шарль* (1689—1755) — французский мыслитель эпохи просвещения, теоретик конституционной монархии. — 229.
- Мор* (More), *Томас* (1478—1535) — английский социалист-утопист, автор «Утопии» (1516). — 8.
- Мора* (Mora), *Франческо* — один из основателей секции I Интернационала в Испании. — 403.
- Морган* (Morgan), *Льюис Генри* (1818—1881) — американский ученый-этнолог, изучал первобытное общество; независимо от Маркса пришел к материалистическому пониманию истории. Свое учение он изложил в работе «Первобытное общество» (1877); труды Моргана высоко ценились Марксом

- и Энгельсом и послужили материалом для работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — 285.
- Моренн** (Mohrhenn). — 455.
- Моррис** (Morris), **Вильям** (1834—1896) — английский социалист-утопист, поэт и художник; в 1883 г. примкнул к Социал-демократической федерации; в 1884 г. один из организаторов Социалистической лиги, редактор журнала «Commonweal». — 292, 295, 304.
- Моттелер** (Motteler) — жена Ю. Моттелера. — 10, 132, 161, 295, 384, 387.
- Моттелер** (Motteler), **Юлиус** (1838—1908) — немецкий социал-демократ, один из основателей эйзенахской партии; в 1873—1878 гг. заведывал лейпцигской кооперативной типографией, в которой печатался «Volksstaat»; в годы исключительных законов организовал доставку газеты «Sozialdemokrat» из Цюриха контрабандой в Германию, за что получил прозвище «Красного почтмейстера»; с 1888 по 1905 г. жил в Лондоне. — 10, 46, 63, 132, 135, 161, 252, 295, 313, 384, 386.
- Моудслей** (Mawdsley), **Джеймс** (род. в 1848 г.) — лидер текстильных рабочих Ланкашира в 90-х годах. — 307.
- Мур** (Moore), **Сэмюэль** (1830—ум. ок. 1912 г.) — член I Интернационала, близкий друг Маркса и Энгельса, переводчик I тома «Капитала» на английский язык; с 1889 г. судья в Асаба на Нигере (Африка). — 75, 161, 271, 422.
- Мусою** (Musoiu), **П.** — румынский социалист. — 291.
- Мэн** (Mann), **Том** (1856—1941) — видный деятель английского рабочего движения, лидер нового тред-юнионизма; с 1920 г. член компартии Великобритании, принимал участие в создании Красного Профинтерна. — 122, 325.
- Мэткин** (Matkin) — деятель английского рабочего движения. — 117, 124, 125.
- Мюллер** (Müller), **Адам Генрих** (1779—1829) — немецкий реакционный социолог и экономист. — 139.
- Мюллер** (Müller), **Ганс** (род. в 1867 г.) — немецкий журналист и писатель; в начале 90-х годов член германской социал-демократической партии; участник полуанархической оппозиции «молодых». — 121, 146, 149, 152, 155.
- Мюллер-Теллеринг** (Müller-Telling), **Эдуард** — журналист, корреспондент «Новой Рейнской Газеты»; в 1850 г. жил в Лондоне; после конфликта с Марксом и Энгельсом переехал в Америку, где продолжал свои выступления против Маркса и Энгельса. — 365, 417.
- Мюльбергер** (Mülberger), **Артур** (1847—1907) — прудонист, автор статьи «Жилищный вопрос», напечатанной в «Volksstaat» (1872), в ответ на которую была написана первая часть работы Энгельса «К жилищному вопросу». — 223.
- Мюнцер** (Münzer), **Томас** (1490—1525) — один из главных руководителей крестьянской войны 1524—1525 гг. в Германии; вождь анабаптистов, проповедывал идеи утопического коммунизма. — 418.

Н

- Надежде** (Nadejde), **Иоан** (род. в 1854 г.) — румынский социал-демократ, профессор Ясского университета, редактор «Revista Sociala»; в 1885—1886 гг. перевел на румынский язык «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. — 153.
- Назе** (Nase). — 175.
- Наполеон I** (1769—1821). — 284, 285.
- Наполеон III** (**Луи Бонапарт**) (1808—1873) — французский император (1852—1870). — 170, 382, 430, 431.
- Наполеон, Жозеф-Шарль-Поль**, принц (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III, сын Вестфальского короля Жерома Бонапарта, известный под прозвищем «Плон-Плон»; считался лидером «левых» бонапартистов. — 430.
- Нейлор** (Naylor), **Томас Эллис** (род. в 1868 г.) — английский рабочий, наборщик, затем журналист, член парламента. — 100, 126, 127.
- Неккер** (Necker), **Жак** (1732—1804) — генеральный контролер финансов во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века. — 69.
- Неттлау** (Nettlau), **Макс** (род. ок. 1865 г.) — историк анархизма, биограф М. Бакунина. — 325.
- Нечаев, Сергей Геннадиевич** (1847—1882) — русский анархист-заговорщик. — 309.
- Нивенгейс** (Nieuwenhuis), **Домела** (1846—1919) — голландский анархист; участник раннего социал-демократического движения в Голландии; в 1888—1891 гг. член парламента; на конгрессах II Интернационала выступал с ультра-«левой» критикой парламентаризма; в 1896 г. открыто перешел в ряды анархистов. — 118, 154.

- Николай* — см. Николай II.
Николай II (1868—1918)—русский царь (1894—1917). — 337, 378, 380, 386, 391.
Ноков (Nokoff), *Стоян* — болгарский социал-демократ. — 226.
Нотнагель (Nothnagel), *Герман* (1841—1905) — австрийский врач; с 1882 г. профессор в Вене. — 355.
Нэши (Nash). — 49.

II

- Падлевский* (Padlewski), *Станислав* (1857—1891) — польский социалист; в ноябре 1890 г. убил в Париже русского генерала жандармерии Селиверстова; бежал в Лондон, затем в Америку, где покончил жизнь самоубийством. — 18, 28.
Пальмерстон (Palmerston), *Генри Джон Темпл* (1784—1865) — английский буржуазный государственный деятель, виг; министр иностранных дел в 1830—1841 и 1846—1852 гг., внутренних дел — в 1852—1855 гг. и премьер-министр в 1855—1858 и 1859—1865 гг. — 143.
Парето (Pareto), *Вильфредо* (1848—1923) — итальянский буржуазный экономист, профессор Лозаннского университета, представитель математической школы. — 262.
Парнелл (Parnell), *В.* — 117, 124, 125.
Парнелл (Parnell), *Чарльз* (1846—1891) — ирландский националист; член английского парламента, один из первых в парламентской борьбе применял тактику obstruction. — 88, 188—189.
Паули (Pauli), *Филипп Виктор* (род. в 1836 г.) — химик, друг Шорлеммера. — 182.
Пауль — см. Зингер, Пауль.
Перкинс (Perkins), *Вильям Генри* (1838—1907) — английский химик; с 1892 г. профессор химии в Оуэновском колледже в Манчестере. — 182, 183.
Пернерсторфер (Pernerstorfer), *Анна*. — 352.
Пернерсторфер (Pernerstorfer), *Энгельберт* (1851—1918) — австрийский социал-демократ; с 1885 г. член рейхсрата. — 283.
Перре (Perret), *Анри* — швейцарский социалист, секретарь Романского федерального комитета в Женеве. — 447.
Перси — см. Рошер, Перси.
Песталоцци (Pestalozzi), *Иоганн Генрих* (1746—1827) — швейцарский педагог-демократ. — 373.
Петти (Petty), *Вильям* (1623—1687) — английский экономист и статистик; родоначальник теории трудовой стоимости. — 454.
Пеус (Reus), *Генрих* (род. в 1862 г.) — немецкий социал-демократ; в 1893 г. кандидат на выборах в рейхстаг. — 24, 28.
Пиз (Pease), *Эдуард* — генеральный секретарь Фабианского общества. — 325.
Пий (Pio) IX (1792—1878) — римский папа с 1846 г.; начал свою деятельность с либеральных реформ, но с 1848 г. стал оплотом реакции и обскурантизма. — 247, 272.
Пинкау (Pinkau). — 330.
Пипер (Pieper), *Вильгельм* (род. в 1826 г.) — немецкий журналист, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне; позднее возвратился в Германию. — 135, 433.
Питт (Pitt), *Вильям* (1759—1806) — английский премьер-министр, лидер партии вигов, один из главных организаторов войн против Франции в период французской буржуазной революции конца XVIII века. — 312.
Платон (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ. — 417.
Платтер (Platter), *Юлиус* (1844—1923) — буржуазный юрист и экономист; с 1879 г. профессор Цюрихского университета. — 396, 405.
Пленер (Plener), *Эрнст* — австрийский буржуазный политический деятель, министр финансов в 1893 г. — 264.
Плеханов, *Георгий Валентинович* (1856—1918). — 183, 306, 308, 310, 314, 315, 333, 378, 379, 384, 396.
Плеханова, *Розалия Марковна* (урожд. Боград) — жена Г. В. Плеханова. — 380.
Плон-Плон — см. Наполеон, Жозеф-Шарль-Поль.
Поллит (Pollitt), *Джеймс* — английский журналист. — 415, 416, 419, 420.
Попп (Popp), *Юлиус* — австрийский социал-демократ, входил в редакцию «Arbeiter-Zeitung». — 248, 283, 323.
Прайс (Price), *Ричард* (1723—1791) — английский публицист и экономист; писал по вопросам государственных финансов. — 312.
Прото (Protot), *Эжен* — французский адвокат, бланкист, член Коммуны; после поражения Коммуны эмигрировал в Англию, затем вернулся во Францию; противник марксизма. — 151—153, 167.
Прудон (Proudhon), *Пьер-Жозеф* (1809—

1865) — французский мелкобуржуазный социалист, анархист. — 42, 104, 115, 429.
Пумпс — см. Рошер, Мэри Эллен.
Пфлюгер (Pflüger) — химик. — 166.

Р

Раве (Rave) — был редактором «Elberfelder Zeitung». — 412.

Равэ (Ravé), *Анри* — французский журналист; перевел в 1891 г. на французский язык работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — 279, 280.

Радицкий (Radimsky), *Август* (род. в 1862 г.) — чешский социал-демократ; в 1891—1897 гг. сотрудник «Arbeiter-Zeitung» в Вене, переводчик «Коммунистического манифеста» на чешский язык. — 213.

Рапппорт (Rapport), *Шарль* (род. в 1865 г.) — русский социалист; в 1887 г. эмигрировал за границу; впоследствии один из основателей компартии Франции. — 278.

Резген (Roesgen), *Чарльз* — служащий фирмы «Эрмен и Энгельс» в Манчестере. — 163.

Рейман (Reumann), *Якоб* — австрийский социал-демократ, первый социал-демократический бургомистр Вены; входил в редакцию «Arbeiter-Zeitung»; делегат Брюссельского конгресса II Интернационала в 1891 г. — 248, 283.

Рейс (Reuss), *Карл Теодор* — немецкий журналист; разоблачен в конце 80-х годов как полицейский шпион и провокатор. — 287.

Рейтер — телеграфное агентство. — 190.

Режю (Réclus), *Эли* (1827—1904) — французский анархист, географ; во время Парижской Коммуны — директор Национальной библиотеки; автор книги «Первобытные народы. Очерки сравнительной этнологии» (1885). — 224.

Ренан (Renan), *Эрнест* (1823—1892) — французский филолог и историк, идеалист; автор «Жизни Иисуса» и много-томной «Истории происхождения христианства». — 106.

Риба (Riba), *Амалия* — в 1893—1894 гг. была присуждена австрийскими властями к трем неделям ареста за «призывы к противозаконным действиям». — 283.

Ривс (Reeves), *Вильям* — английский издатель социалистической литера-

туры, издавал журнал «То-Дау». — 248, 249, 257.

Рихтер (Richter), *Евгений* (1838—1906) — немецкий публицист, член рейхстага, лидер партии прогрессистов, затем «свободомыслящих»; ярый враг социализма. — 22, 33, 197, 211, 224.

Ричард I «Львиное Сердце» (1157—1199) — король Англии в 1189—1199 гг.; участник третьего крестового похода. — 229.

Родбертус (Rodbertus), *Йоганн-Карл* (1805—1875) — прусский помещик, экономист, теоретик так называемого «государственного социализма». — 42.

Роде (Rode) — участник немецкого студенческого движения 30-х годов; в эмиграции в Париже и Лондоне; был связан с французской полицией. — 436.

Роджерс (Rogers), *Джеймс Эдвин Горрольд* (1823—1890) — английский буржуазный экономист, фритредер, автор книг «Труд и вознаграждение за шесть веков» (1884) и «Экономическое понимание истории» (1888). — 8, 120.

Розвери (Rosebery), *Арчибальд Филипп* (1847—1929) — английский политический деятель, либерал, ярый империалист; министр иностранных дел в 1886 и 1892—1894 гг., премьер-министр в 1894—1895 гг. — 106.

Роско (Roscoe), *Генри Энфильд* (1833—1915) — английский химик, профессор химии в Оуэнсовском колледже в Манчестере с 1857 по 1885 г.; в 1885 г. член парламента, либерал; вместе с К. Шорлеммером написал учебник органической химии. — 59, 78, 95, 149, 183, 273, 316, 360.

Ротшильд (Rothschild) — банкирский дом, основанный Амшелем Ротшильдом (1743—1812). — 135, 176.

Ротшильд (Rothschild), *Лионель* (1808—1879) — крупнейший английский банкир, финансовый агент русского правительства; через его руки прошли все русские консолидированные железнодорожные займы. — 442.

Ротшильд (Rothschild), *С. А.* — 420.

Рошер (Roshier), *Мэри Эллен* (урожд. Бернс), по прозвищу Пумпс — племянница жены Энгельса. — 5, 54, 55, 91, 93, 96, 98, 99, 101, 103, 105, 109, 113, 119, 148, 165, 166, 183, 206, 360.

Рошер (Roshier), *Перси* — английский коммерсант, муж Мэри Эллен Рошер. — 5, 101, 103, 105, 109, 113, 148, 360.

- Рошер, П. В.* — так Энгельс подписывал свои письма к Н. Ф. Даниельсону.
- Рошфор* (Rochefort), *Анри* (1830—1913) — французский публицист, один из вождей французского левореспубликанского движения в период Второй Империи; с 1880 г. стал во главе радикальной газеты «L'Intransigeant»; в 1885—1889 гг. член палаты депутатов; в 1889 г. примкнул к заговору Буланже; в 1898—1900 гг. стал на сторону военно-монархической клики в деле Дрейфуса. — 176, 180.
- Руве* (Rouvier), *Морис* (1842—1911) — французский политический деятель, умеренный республиканец; в 1887 и в 1905—1906 гг. — премьер-министр. — 176.
- Руге* (Ruge), *Арнольд* (1802—1880) — немецкий радикальный публицист, младогегельянец; в 1844 г. издавал совместно с Марксом «Немецко-Французский Ежегодник»; в 1848 г. член Франкфуртского национального собрания, мелкобуржуазный демократ; с 1866 г. сторонник Бисмарка. — 35, 241, 402, 413.
- Рудольф* — см. Энгельс, Рудольф.
- Руссо* (Rousseau), *Жан-Жак* (1712—1778). — 229.
- Рутенберг* (Rutenberg), *Адольф* (1808—1869) — немецкий учитель, младогегельянец; в 1848 г. редактор «National-Zeitung», впоследствии сторонник Бисмарка. — 412.
- С**
- Самаров* (Samarow), *Грегор* (1829—1903) — псевдоним немецкого романиста Оскара Мединга, автора бульварных романов на исторические темы. — 295.
- Саняль* (Sanial), *Люсьен* — член Социалистической рабочей партии в Америке, делегат на Брюссельском и Цюрихском конгрессах II Интернационала. — 244, 371.
- Сен-Поль* (Saint-Paul), *Вильгельм* (ок. 1815—1852) — прусский офицер, одно время чиновник министерства внутренних дел, в 1843 г. специальный цензор «Рейнской Газеты». — 413.
- Сен-Симон* (Saint-Simon), *Анри* (1760—1835). — 373—375.
- Серрайль* (Serrailleur), *Огюст* (род. в 1840 г.) — французский рабочий, член Генерального Совета Интернационала (1869—1872), секретарь-корреспондент для Франции, сторонник Маркса, член Коммуны, делегат Лондонской конференции (1871) и Гаагского конгресса (1872) I Интернационала. — 449.
- Симон* (Simon), *Фердинанд* — немецкий врач, зять Бебеля, муж его дочери Фриды. — 47, 99, 103, 109, 177.
- Симон* (Simon), *Фрида* (урожд. Бебель) (род. в 1869 г.) — дочь Августа и Юлии Бебель. — 35, 47, 99, 103, 109, 177.
- Смит* (Smith), *Адам* (1723—1790). — 229.
- Смит-Хидингли* (Smith-Headingley), *Адольф* — английский журналист, выступал с клеветой против Генерального Совета I Интернационала; член Социал-демократической федерации. — 101.
- Смителс*, *А.* — профессор химии. — 273.
- Солон* (ок. 638—558 до н. э.) — афинский государственный деятель; автор ряда реформ, подрывающих влияние земледельческой знати и укрепляющих социально-экономическое положение средних прослоек — крестьян, ремесленников и торговых людей. — 255, 268.
- Солсбери* (Salisbury), *Роберт Сесиль*, маркиз (1830—1903) — английский политический деятель, консерватор; в 1885—1886, 1886—1892 и 1895—1902 гг. премьер-министр. — 294.
- Спацек* (Spatzek). — 199, 203.
- Спенсер* (Spencer), *Герберт* (1820—1903) — английский философ-позитивист, буржуазный социолог. — 331.
- Станислав* — см. Мендельсон С.
- Стенли* (Stanley), *Генри Мортон* (1841—1904) — известный английский путешественник, исследователь Африки; в 1895—1901 гг. — член английского парламента. — 89.
- Степняк* — см. Кравчинский, С. М.
- Струве*, *Петр Бернгардович* (1870—1944) — русский публицист, «легальный марксист»; в дальнейшем член ЦК партии надетов, белогвардеец. — 254, 342, 362.
- Т**
- Тааффе* (Taaffe), *Эдуард* (1833—1895) — австрийский консерватор, в 1868—1870 и в 1879—1893 гг. — премьер-министр; в 1893 г. выступил с демагогическим проектом введения всеобщего избирательного права, но феодально-клерикальная партия не поддержала проекта Тааффе, и он был вынужден уйти в отставку. — 245,

- 248, 251, 259, 261, 262, 264, 271, 272, 282, 290.
- Теллеринг* — см. Мюллер-Теллеринг.
- Теннис* (Tönnis), *Фердинанд* (род. в 1855 г.) — немецкий буржуазный социолог. — 314.
- Терцаги* (Terzaghi), *Карло* — итальянский адвокат, участвовал в рабочем движении в Турине; разоблачен Марксом и Энгельсом как агент итальянской полиции. — 444.
- Тетка* — прозвище жены Ю. Моттелера.
- Толлит* — см. Поллит, Джемс.
- Томпсон* (Thompson). — 442.
- Торн* (Thorne), *Вилл* (род. в 1857 г.) — английский тред-юнионист, в 1889 г. основатель и генеральный секретарь Союза рабочих газовых предприятий и чернорабочих; с 1894 г. член Генерального совета тред-юнионов, лейборист. — 117, 123, 125, 325.
- Торичелли* (Toricelli), *Эванджелиста* (1608—1647) — итальянский математик и физик; открыл существование атмосферного давления. — 283.
- Тук* (Tooke), *Томас* (1774—1858) — английский буржуазный экономист и статистик. — 120.
- Турати* (Turati), *Филиппо* (1857—1932) — итальянский социалист, адвокат; в 1892 г. один из лидеров Итальянской социалистической партии; в 1896—1926 гг. — член парламента, социал-шовинист. — 15, 226, 422, 456.
- Тусси* — прозвище Элеоноры Маркс-Эвелинг.
- Тутцауэр* (Tutzaue) — немецкий социал-демократ; в 1893 г. — член рейхстага. — 191.
- Тышко* (Tyszko), *Лео* (Иогихес, Лев Грозовский) (1867—1919) — деятель польского рабочего движения; в 90-х годах вместе с Б. Кричевским занимался изданием социал-демократической литературы в Швейцарии. — 309.
- Тьер* (Thiers), *Луи Адольф* (1797—1877) — французский политический деятель и историк; премьер-министр в 1836—1840 гг.; глава контрреволюционного версальского правительства в 1871 г., палач Коммуны, первый президент Третьей республики в 1871—1873 гг. — 329, 443.
- Тьерри* (Thierry), *Огюстен* (1795—1856) — французский историк либерального направления. — 285.
- У**
- Ульбинг* (Ulbing), *Рихард* — австрийский социал-демократ, писал в «Arbeiter-Zeitung» по юридическим вопросам. — 248, 283.
- Уотс* (Watts), *Хантер* — английский социалист, один из основателей Социал-демократической федерации. — 5, 301.
- Уркхарт* (Urquhart), *Давид* (1805—1877) — английский консерватор, дипломат и писатель, туркофил; в 1847—1852 гг. член парламента; боролся против внешней политики Пальмерстона. — 430, 442.
- Ф**
- Фенвик* (Fenwick), *Чарльз* (1850—1918) — английский рабочий-шахтер; в 1890 г. секретарь Парламентского комитета тред-юнионов; в 1891 г. член парламентской комиссии. — 58, 122, 151, 325.
- Ферри* (Ferri), *Энрико* (1856—1929) — итальянский адвокат и профессор университета, один из лидеров Социалистической партии Италии; пытался связать марксизм с дарвинизмом и позитивизмом Спенсера; автор книги «Социализм и позитивная наука» (1894). — 331, 338, 396, 402.
- Фивег* (Vieweg), *Фридрих* — книгоиздательство в Брауншвейге. — 315, 316.
- Филипп - Август* (Philippe - Auguste) (1165—1223) — французский король (1180—1223), участник третьего крестового похода. — 229.
- Филострат* (Philostratus) (III в. н. э.) — греческий философ-софист. — 106.
- Фирман* (Fireman), *Петр* (род. в 1863 г.) — русский химик и экономист, эмигрировавший в Америку. — 119, 346, 358, 391, 392.
- Фиште* (Fichte), *Иоган Готлиб* (1762—1814). — 229.
- Фишер* (Fischer), *Инка*. — 161, 162, 330.
- Фишер* (Fischer), *Рихард* (1855—1926) — немецкий социал-демократ, руководитель социал-демократического издательства; в 1890—1893 гг. секретарь Правления партии; в 1893—1918 гг. член рейхстага; в 90-х годах совместно с А. Бебелем боролся против полунархической оппозиции «молодых» в германской социал-демократической партии. — 138, 286, 378, 380, 381, 406, 408, 411, 413, 414, 420, 423.
- Фишер* — жена Р. Фишера. — 379, 423.
- Флеклес* (Fleekles), *Фердинанд* (ум. ок. 1894 г.) — врач в Карлсбаде. — 47.
- Флеровский* — см. Берви, В. В.
- Фогт* (Vogt), *Карл* (1817—1895) — немецкий ученый, буржуазный демократ,

- член Франкфуртского национального собрания; натуралист, представитель вульгарного материализма, в 50—60-х годах бонапартист; разоблачен Марксом как агент Наполеона III. — 429, 431.
- Вольмар** (Vollmar), *Георг Генрих* (1850—1922) — баварский социал-демократ, член рейхстага; один из идеологов реформизма; на Эрфуртском съезде (1891) выступил с теорией мирного вращающегося капитализма в социализм; в 1894 г. на Франкфуртском съезде германской социал-демократической партии выступил от имени баварской социал-демократии с развернутой реформистской программой, включавшей союз с кулачеством и голосование за государственный бюджет. — 91, 115, 135, 157, 169, 289, 336, 340, 344—346, 349, 350, 360.
- Вома Аквинский** (1225—1274) — итальянец, один из крупнейших представителей средневековой схоластики. — 197.
- Франкель** (Frankel), *Лео* (1844—1896) — венгерский социалист, один из руководителей Парижской Коммуны; член Генерального Совета Интернационала, сторонник Маркса; один из основателей венгерской социал-демократической партии. — 353, 403.
- Франц-Иосиф** (1830—1916) — австрийский император с 1848 г. — 153, 271, 272, 282.
- Фрейбергер**, *Луиза* — см. Каутская, Луиза (урожд. Штрассер).
- Фрейбергер** (Freiberger), *Людвиг* — врач из Вены, муж Луизы Каутской. — 191, 273, 289, 291, 297, 298, 304, 323, 325, 328, 330, 352, 355, 356, 359, 364, 366, 368, 370, 373, 377, 379, 380, 384—386, 405, 411, 415, 422.
- Фреилграат** (Freiligrath), *Фердинанд* (1810—1876) — немецкий поэт, член Союза коммунистов, член редакции «Новой Рейнской Газеты»; в Лондоне в 50-х годах примкнул к буржуазно-демократическим элементам немецкой эмиграции; в 1868 г. вернулся в Германию. — 430, 431, 436.
- Фрейсинг** (Freysinet), *Шарль Луи* (1828—1923) — французский политический деятель, умеренный республиканец; в 1879—1882, 1886 и 1890—1892 гг. — премьер-министр. — 145.
- Фрибур** (Fribourg) — один из основателей парижской секции I Интернационала, прудонист; после Брюссельского конгресса 1868 г. отошел от Интернационала; автор книги «Международное Товарищество Рабочих» (1871). — 196.
- Фрида** — см. Симон, Фрида.
- Фридрих II** (1712—1786) — прусский король (1740—1786). — 41, 89, 413.
- Фридрих-Вильгельм** (1620—1688) — курфюрст Бранденбургский с 1640 по 1688 г. — 230.
- Фриц**, старый — см. Фридрих II.
- Фроме** (Frohme), *Карл Эгон* (1850—1933) — немецкий социал-демократ, лассальянец, участник объединительного съезда в Готе. — 156, 197.
- Фулартон** (Fullarton), *Джон* (ок. 1780—1849) — английский буржуазный экономист, автор книги «О регулировании денежного обращения». — 120.
- Фульджер** (Foulger) — издатель. — 249, 257.

X

- Харкерт** (Harcourt), *Вильям* (1827—1904) — английский буржуазный политический деятель; с 1892 г. — канцлер казначейства. — 365.
- Хауэлл** (Howell), *Джордж* (1833—1910) — английский тред-юнионист, либеральный рабочий-политик, секретарь Лондонского совета тред-юнионов; в 1864—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала; в своих статьях выступал с клеветой на Генеральный Совет; автор книги «Конфликты капитала и труда с исторической и экономической точки зрения» (1890). — 260.
- Хегер** (Höger), *Карл* (1847—1913) — австрийский социал-демократ, журналист, делегат Цюрихского конгресса II Интернационала (1893); участник первого конгресса австрийских профессиональных союзов в Вене в 1893 г. — 244, 281.
- Холл** (Hall) — рабочий кандидат в английский парламент от Сэлфорда на выборах 1892 г. — 87.
- Холлингер** (Hollinger), *Фиделио* — в конце 50-х годов владелец типографии в Лондоне, где печатались немецкие эмигрантские издания. — 430, 431.

Ц

- Цезарь**, *Гай Юлий* (100—44 гг. до н. э.). — 285.
- Цеткин** (Zetkin), *Клара* (1857—1933) — крупнейшая деятельница немецкого революционного рабочего движения, член ЦК Компартии Германии и руководящих органов Коминтерна; всту-

пила в рабочее движение в 70-х годах; в 90-х годах редактировала газету германских работниц «Gleichheit»; активно выступала против ревизионизма Бернштейна. — 377.

Ч

Чемберлен (Chamberlain), *Джозеф* (1836—1914) — английский либерал; в 1886 г. возглавил группу либерал-юнионистов, поддерживавших консерваторов в ирландском вопросе; будущим министром колоний в кабинете Солсбери, стал вдохновителем и проводником британской империалистической политики. — 290, 294.

Чемпион (Champion), *Генри Хайд* (1857—1928) — английский социалист, издатель «Labour Elector»; в 1887 г. был исключен из Социал-демократической федерации за тайную финансовую и избирательную сделку с консерваторами; эмигрировал в Австралию, где вместе с Томом Мэном в течение долгих лет стоял во главе социалистической партии. — 73, 127, 186, 189, 200, 221, 296.

Черны (Cerny), *Вильгельм* — чешский социал-демократ. — 325.

Чернышевский, *Николай Гаврилович* (1828—1889). — 307.

Черчилль (Churchill), *Генри Спенсер*, лорд Рендольф (1849—1895) — английский консерватор; отец Уинстона Черчилля, идеолог так называемого «демократического торизма»; в 1885 г. статс-секретарь по делам Индии в кабинете Солсбери; в 1886 г. канцлер казначейства. — 294.

Ш

Шак — см. Гильом-Шак.

Шахерль (Schacherl), *Михаель* — австрийский социал-демократ, член парламента, член редакции «Arbeiter-Zeitung» с 1889 г. — 298.

Швейдниц (Schweidnitz), *Ганс Лотар* (1822—1901) — прусский генерал; с 1875 по 1892 г. германский посол в Петербурге. — 32.

Швейцер (Schweitzer), *Жан Батист* (1833—1875) — франкфуртский адвокат и писатель; после смерти Лассалья вождь лассальянцев; в 1864 г. основал газету «Social-Demokrat»; поддерживал политику Бисмарка. — 358.

Шей (Scheu), *Андреас* (1844—1927) — австрийский социал-демократ жур-

налист; с 1876 г. в эмиграции в Англии; деятель Социал-демократической федерации. — 132.

Шенланк (Schönlank), *Бруно* (1859—1901) — немецкий социал-демократ, журналист; в 1882—1890 гг. редактор-издатель ряда социал-демократических изданий в Мюнхене и Нюрнберге; в 1891—1893 гг. член редакции «Vorwärts»; в 1894—1901 гг. главный редактор «Leipziger Volkszeitung». — 454.

Шеридан (Sheridan) — секретарь Лиги борьбы за 8-часовой рабочий день. — 325.

Шипли (Shipley), *Джон*. — 241.

Шиптон (Shipton), *Джордж* — английский тред-юнионист, либеральный рабочий, редактор «Labour Standard». — 40, 48.

Шлютер (Schlüter), *Герман* (ум. в 1919 г.) — немецкий социал-демократ; после высылки из Дрездена (1883) руководил в Цюрихе книжным издательством «Sozialdemokrat»; один из организаторов архива германской социал-демократии; в 1889 г. выслан из Швейцарии, эмигрировал в США, где принял участие в немецком социал-демократическом движении; автор ряда работ по истории английского и американского рабочего движения. — 43, 111, 179, 253, 269, 270, 324, 329, 346, 349, 356, 370.

Шлютер (Schlüter) — жена Г. Шлютера. — 253.

Шмидт (Schmidt), *Конрад* (1863—1932) — немецкий социал-демократ, неокантианец, редактор «Berliner Volkstribüne» (1890), затем доцент политической экономии в Цюрихском университете; впоследствии ревизионист, один из основателей ревизионистского органа «Socialistische Monatshefte». — 12, 88, 143, 172, 192, 212, 241, 391, 396, 407, 417.

Шмулов (Schmuilow), *Владимир*. — 195, 257, 258.

Шорлеммер (Schorlemmer), *Анна* (ум. в 1893 г.) — дочь Людвиг Шорлеммера. — 60, 62, 64, 79, 96, 149, 166, 218.

Шорлеммер (Schorlemmer), *Карл* (1834—1892) — немецкий химик, коммунист, близкий друг Маркса и Энгельса; был профессором в Манчестере; автор ряда учебников и работ по истории химии. — 24, 28, 54—55, 57, 59—64, 71, 72, 76—79, 82, 85, 94—96, 148, 149, 166, 182, 183, 218, 273, 315, 316, 359, 360, 424, 453.

Шорлеммер (Schorlemmer), *Людвиг* —

брат Карла Шорлеммера. — 54, 57, 59, 60, 62, 64, 77, 78, 94, 96, 148, 165, 218, 272, 315, 359.

Шорлеммер — жена Людвиг Шорлеммера. — 60, 62, 64, 79, 166, 274.

Шорлеммер (Schorlemmer), г-жа (1811—1892) — мать Карла и Людвиг Шорлеммеров. — 57, 60, 62, 64, 77—79, 95, 96.

Шотт (Schott), *Зигмунд* (род. в 1818 г.) — немецкий журналист, демократ. — 450.

Шоу (Shaw), *Джордж Бернард* (род. в 1856 г.) — известный английский драматург и политический деятель; с конца 80-х годов один из лидеров Фабричного общества. — 5, 88, 114, 160, 210.

Шпигель (Spiegel) — немецкий химик. — 218, 273.

Шраммель (Schrammel), *Антон* — австрийский социал-демократ, член рейхсрата. — 283.

Шредер (Schröder), *Людвиг* (1848—1914) — социал-демократ, один из лидеров горнорабочих в Германии. — 34, 58, 72.

Штадтгаген (Stadthagen), *Артур* (1857—1917) — немецкий социал-демократ, член рейхстага с 1890 по 1894 г. — 165.

Штаркенбург (Starkenbourg), *Гейнц* — немецкий социалист; писал в «Neue Zeit». — 283.

Штейн (Stein), *Юлиус* — один из лидеров буржуазно-демократического движения в Бреславле; в 1848 г. крайний левый прусского Национального собрания. — 367.

Штейнталь (Steinthal) — унитарный проповедник в Манчестере. — 78.

Штеккер (Stöcker), *Адольф* (1835—1909) — член рейхстага в 1881—1893 и 1898—1908 гг.; лидер антисемитизма в Германии. — 197.

Штегнберг, *Лев Яковлевич* (1861—1927) — русский ученый, родоволец, исследователь быта гилляков; после революции профессор в Ленинграде, член-корреспондент Академии Наук. — 173.

Штибелинг (Stiebeling), *Гео* — член Центрального комитета секций I Интернационала в США. — 212, 346, 367, 368, 370, 405.

Штибер (Stieber), *Вильгельм* (1818—1882) — директор прусской политической полиции; организатор Кельнского процесса коммунистов в 1852 г.; во время войн 1866 и 1870—1871 гг. стоял во главе прусско-германской контрразведки. — 441.

Штифт (Stift). — 367.

Штумм — см. Штумм-Гальберг.

Штумм-Гальберг (Stumm-Halberg), *Карл Фердинанд* (1836—1901) — крупнейший немецкий промышленник; руководитель партии «свободных консерваторов», злейший враг рабочего движения; в 1867—1881 и в 1889—1901 гг. — член рейхстага. — 23, 24, 30.

Штумпф (Stumpf), *Пауль* (1827—1913) — член Союза коммунистов с 1847 г., участник революции 1848—1849 гг. в Майнце, член I Интернационала, социал-демократ эйзенаховец. — 163, 361, 433, 435.

Шуберт (Schuberth), *Юлиус* — издатель «Оборения Новой Рейнской Газеты» в Гамбурге. — 429.

Шувалов, *Павел Андреевич*, граф (1830—1908) — русский посол в Берлине (1885—1894). — 32.

Шумачер (Schumacher), *Георг* (род. в 1844 г.) — немецкий социал-демократ; в 1884—1898 гг. член рейхстага, оппортунист; на выборах 1898 г. перешел на сторону либералов, за что был исключен из социал-демократической партии. — 156.

Шустер (Schuster), *Артур* (1851—1934) — профессор физики в Манчестерском университете. — 77.

Э

Эберле (Eberle), *Карл* — немецкий социал-демократ, председатель социал-демократического союза в Бармене. — 302.

Эвелинг (Aveling), г-жа — см. Маркс-Эвелинг Элеонора.

Эвелинг (Aveling), *Эдуард* (1851—1898) — английский литератор, социалист; с начала 80-х годов под влиянием Энгельса стал приближаться к марксизму; член Социал-демократической федерации, один из основателей Социалистической лиги (1884), активный деятель движения так называемых «неорганизованных» рабочих, а в 1893—1895 гг. — Независимой рабочей партии; муж Элеоноры Маркс. — 5, 12, 18, 19, 26, 28, 30, 40, 47, 48, 63, 64, 73, 93, 94, 101—103, 114, 115, 118, 120, 125, 126, 132, 133, 136, 138, 142, 150, 156, 160, 161, 178, 184, 185, 188, 202, 210, 213, 221, 240, 259, 260, 262, 266, 286, 287, 292, 313, 329, 422.

Эдвардс (Edwards), *Джозеф*. — 329.

Эдгар — см. Вестфален, Эдгар.

Эде — см. Бернштейн, Эдуард.

Эдуард — см. Эвелинг, Эдуард.
Эйхгоф (Eichhoff), *Вильгельм* — немецкий демократ, затем социалист, журналист и писатель; в 1868 г. издал в Берлине брошюру «Международное Товарищество Рабочих». — 196, 219, 441.
Эккариус (Eccarius), *Иоганн Георг* (1818—1889) — портной из Тюрингии, член Союза коммунистов; в 1864—1872 гг. член и одно время секретарь Генерального Совета I Интернационала; сторонник Маркса; после Гаагского конгресса выступил против перевода Генерального Совета в Америку; впоследствии деятель английского движения тред-юнионов. — 436, 438.
Эллис (Ellis), *Бен.* — 127.
Эльстер (Elster). — 192.
Эмма — см. Энгельс, Эмма.
Энгель (Engel), *Амелия.* — 450.
Энгельс (Engels), *Август* — дядя Энгельса. — 455.
Энгельс (Engels), *Вальтер* (род. в 1869 г.) — племянник Энгельса, сын его брата Германа, врач. — 237, 369.
Энгельс (Engels), *Венъямин* — брат деда Энгельса. — 455.
Энгельс (Engels), *Гедвига* (1830—1904) — сестра Энгельса. — 7, 370.
Энгельс (Engels), *Герман* (1822—1905) — брат Энгельса, фабрикант в Бармене; компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене. — 6, 18, 96, 97, 193, 236, 368, 424, 455.
Энгельс (Engels), *Елизавета* (род. в 1874 г.) — племянница Энгельса, дочь его брата Германа, в 1895 г. вышла замуж за А. Шухарда. — 237, 369, 401.
Энгельс (Engels), *Елизавета Франциска Мауриция* (урожд. Ван-Хаар) (1797—1873) — мать Энгельса. — 96, 266, 452.
Энгельс (Engels), *Каспер* — дед Энгельса. — 455.
Энгельс (Engels), *Каспер* — дядя Энгельса. — 455.
Энгельс (Engels), *Каспер* — двоюродный брат Энгельса. — 455.
Энгельс (Engels), *Рудольф* (1831—1903) — брат Энгельса, фабрикант в Бармене. — 6, 7, 97, 370, 455.
Энгельс (Engels), *Фридрих* (1820—1895). — 6, 116, 132, 292, 387, 424, 435.
Энгельс (Engels), *Фридрих* (1796—1860) — отец Ф. Энгельса. — 452.
Энгельс (Engels), *Шарлотта* — жена Эмиля Энгельса. — 452, 453.

Энгельс (Engels), *Эмиль* (1828—1884) — брат Энгельса, фабрикант, компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» в Энгельскирхене. — 452, 453.
Энгельс (Engels), *Эмма* (род. в 1834 г.) — жена Германа Энгельса. — 7, 18, 97, 193, 237, 370, 401.
Эритуе (Héritier), *Луи* (1863—1899) — швейцарский социалист; с 1892 г. член швейцарского кантонального совета; автор статей по истории I Интернационала. — 184, 187, 196, 403.
Эрнст (Ernst), *Пауль* (1866—1933) — немецкий драматург и критик; в конце 80-х годов примкнул к социал-демократической партии; редактор «Berliner Volkstribüne»; в 1890—1892 гг. один из руководителей полуанархической оппозиции «молодых»; в дальнейшем — ярый противник марксизма. — 121.
Эрнст (Ernst) — сын Регины Бервштейн. — 104, 105, 328, 331.

Ю

Юлиус — см. Моттелер, Ю.
Юлия — см. Бебель, Ю.
Юнг (Jung), *Герман* (1830—1901) — часовщик из Швейцарии; в 1864—1872 гг. член Генерального Совета I Интернационала и секретарь для Швейцарии; в первые годы поддерживал линию Маркса; со времени Гаагского конгресса резко выступил против него. — 434.
Юрэ (Huret). — 154.
Юх (Juch), *Герман* — немецкий журналист в Лондоне в 50—70-х годах. — 441.

Я

Яворский (Jaworski), *Апполинарий* (1825—1904) — польский дворянин, член австрийского парламента с 1870 г.; министр в коалиционном кабинете Виндигшгнца (1893—1895). — 264.
Якоби (Jacoby), *Абрагам* (род. в 1832 г.) — врач в Кельне; член Союза коммунистов; один из обвиняемых по Кельнскому процессу коммунистов; впоследствии эмигрировал в Америку. — 410.
Янсен (Janssen), *Иоганн* (1829—1891) — немецкий историк, католик; автор «Истории германского народа с конца средних веков» (1877—1894). — 8, 418.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ.

- «*Вестник Европы*» — журнал, основанный М. М. Стасюлевичем в 1866 г. и просуществовавший до 1918 г., умеренно-либерального направления, соответствующего идеологии более состоятельной части буржуазной интеллигенции. — 364.
- «*Вестник финансов, промышленности и торговли*» — указатель правительственных распоряжений по министерству финансов; издавался в С.-Петербурге с 1885 г. — 69.
- «*Голокол*» — журнал, издававшийся А. И. Герценом в Лондоне и Женеве с 1857 по 1867 г. — 446.
- «*Немецко-Французский Ежегодник*» — см. «*Deutsch-Französische Jahrbücher*».
- «*Новая Рейнская Газета*» — см. «*Neue Rheinische Zeitung*».
- «*Обозрение Новой Рейнской Газеты*» — см. «*Neue Rheinische Zeitung Politisch-Ökonomische Revue*».
- «*Рейнская Газета*» — см. «*Rheinische Zeitung für Handel, Politik und Gewerbe*».
- «*Русская Жизнь*» — ежедневная газета без предварительной цензуры; издавалась в С.-Петербурге в 1890—1895 гг. — 380.
- «*Русское Богатство*» — ежемесячный журнал; издавался в С.-Петербурге в 1876—1918 гг.; первоначально умеренно-прогрессивного направления, затем либерально-народнического; с 1892 г. редактором был Н. К. Михайловский. — 385.
- «*Социалист*» — Орган на Работнической Социал-Демократической Партии — орган социал-демократической партии Болгарии; издавался с 25 октября 1894 г. в Софии. — 337.
- «*Северный Вестник*» — ежемесячный журнал; выходил в С.-Петербурге с 1885 по 1897 г.; в 80-х годах отражал в основном народнические тенденции; в нем принимал участие Н. Михайловский. — 453.
- «*Трибуна*» — см. «*New-York Daily Tribune*».
- «*Allgemeine Literaturzeitung*» («*Всеобщая литературная газета*») — ежемесячная газета; издавалась в 1844 г. в Шарлоттенбурге и Лейпциге. Издатель Б. Бауэр. — 241.
- «*Allgemeine Zeitung*» («*Всеобщая Газета*») — ежедневная газета; выходила в Аугсбурге с 1797 г. — 431.
- «*Almanach de la Question Sociale et de la Libre Pensée*» («*Альманах по социальному вопросу и свободомыслию*») — ежегодный обзор международного социалистического движения; издавался в Париже с 1891 г. П. Аржериадесом. — 80.
- «*Almanach du Parti Ouvrier*» («*Альманах Рабочей партии*»). — 1, 80.
- «*Anekdoten*» — см. «*Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publizistik*».
- «*Anekdoten zur neuesten deutschen Philosophie und Publizistik*» («*Сборник статей по новейшей немецкой философии и публицистике*»); издавался Арнольдом Руге в Цюрихе и Винтертуре в 1843 г. В этом сборнике были напечатаны две статьи Маркса: «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» и «Лютер как третейский судья между Штраусом и Фейербахом». — 413, 414.
- «*Arbeiterinnen-Zeitung*» («*Газета работниц*») — социал-демократическая двух-

- недельная газета; основана в 1892 г. в Вене; редактор А. Попп-Дворжак, издатель А. Бошек. — 3, 75, 297, 298.
- «*Arbeiter-Zeitung*» («Рабочая газета») — центральный орган австрийской социал-демократической партии; основана в 1889 г. в Вене; с января 1895 г. выходила ежедневно. Редакторы: В. Адлер, Л. Бретшнейдер. — 75, 110, 252, 269, 293, 297, 298, 314, 318, 351, 354, 363, 364, 375, 377, 404.
- «*Berliner Volkstribüne*» («Берлинская народная трибуна») — еженедельная социально-политическая газета; издавалась в 1887—1892 гг. в Берлине; орган полуанархической группы «молодых». В 1892 г. газету редактировал М. Шиппель. — 158, 184, 196, 403.
- «*Bulletin de la Fédération Jurassienne de l'Association Internationale des Travailleurs*» («Бюллетень Юрской Федерации Международного Товарищества Рабочих») — двухнедельный орган бакунистов в Швейцарии; издавался с февраля 1872 по март 1878 г. сначала в Сонвилле, затем в Локле и Шо-де-Фон. — 403, 446, 447.
- «*Bulletin Jurassien*» — см. «*Bulletin de la Fédération Jurassienne de l'Association Internationale des Travailleurs*».
- «*Chronicle*» — см. «*Daily Chronicle*».
- «*Clarion*» («Горн») — социалистический еженедельник; издавался в Лондоне с 12 декабря 1891 г. — 366, 367, 377.
- «*Commonweal*» («Общее благо») — еженедельный орган Социалистической лиги; издавался в Лондоне с февраля 1885 по май 1894 г. Редактор В. Моррис. — 142.
- «*Commonwealth*» («Республика») — рабочий еженедельник, был органом Генерального Совета I Интернационала; издавался в Лондоне с февраля 1866 по 1867 г. Редактор — Оджер. — 438, 439.
- «*Concordia*» («Согласие») — еженедельный журнал, орган крупных промышленных кругов; издавался в 1871—1876 гг. в Берлине. Редактор Л. Негель. — 223.
- «*Courrier de France*» («Французский курьер») — газета монархического направления; выходила в Париже в 1872 г. — 446.
- «*Critica sociale*» («Социальная критика») — социалистический (впоследствии реформистский) двухнедельный журнал; издавался в Милане с января 1891 г. Редактор Филиппо Турати. — 15, 17, 22, 43, 286, 287, 293, 298, 300, 313, 334, 395, 422, 423, 456.
- «*Daily Chronicle*» («Ежедневная хроника») — ежедневная политическая газета, выходила в Лондоне; орган либерал-юнионистов. — 126, 143, 156, 160, 190, 248, 250, 286.
- «*Daily News*» («Ежедневные новости») — ежедневная либеральная газета; издавалась в Лондоне с 1846 по 1912 г. — 11, 133, 136, 170, 250.
- «*Daily Telegraph*» («Ежедневный телеграф») — умеренно-консервативная газета, издавалась в Лондоне с 1855 г. Была в свое время первой однопенсовою массовой газетой. — 133, 136.
- «*Das Dampfboot*» — см. «*Das Westphälisches Dampfboot*».
- «*Dělnické Listy*» («Рабочий листок») — чешская социал-демократическая газета. — 213.
- «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» («Немецко-французский ежегодник») — радикальный журнал; издавался в 1844 г. в Париже Марксом совместно с левогегельянцем А. Руге; вышел только один выпуск, в котором были помещены первые коммунистические работы Маркса и Энгельса. — 122.
- «*Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst*» («Немецкий ежегодник науки и искусства») — литературно-философский журнал, орган младогегельянцев; издавался в Дрездене в 1841—1843 гг.; ранее (в 1838—1841 гг.) выходил под названием «*Hallsche Jahrbücher*». — 241.
- «*Die Deutsche Worte*» («Немецкое Слово») — ежемесячный литературно-художественный журнал социал-демократического направления; выходил в Вене с 1881 по 1905 г. под редакцией Пернерсторфера. — 405.
- «*Deutsche Zeitung*» («Немецкая Газета») — ежедневная газета антисемитского направления; основана в Вене в 1871 г. — 226.
- «*L'Éclair*» («Молния») — ежедневная политическая газета; издавалась в Париже с 1888 г. — 138.
- «*Egalité*» («Равенство») — еженедельная газета, орган I Интернационала в Швейцарии; издавался в Женеве с 1869 по 1872 г.; с января 1870 г. под фактическим руководством Утина проводила линию Маркса в борьбе против бакунистов. — 188, 403.
- «*Elberfelder Zeitung*» («Эльберфельдская газета») — ежедневная либеральная газета; издавалась в 1834—1904 гг. в Эльберфельде. — 412.

- L'Ère Nouvelle* («Новая эра») — ежемесячное обозрение научного социализма; издавалось в Париже с июля 1893 по ноябрь 1894 г. В редакции входил Лео Франкель. В числе сотрудников были Ф. Энгельс, П. Лафарг, Г. Плеханов и др. — 279.
- Evening Standards* — см. «*Standards*».
- Figaro* («Фигаро») — ежедневная газета консервативного направления; издавалась в Париже с 1854 г. — 9, 44, 138, 153, 220.
- Fortnightly Review* («Двухнедельное обозрение») — ежемесячный журнал либерального направления; издавался в Лондоне с 1865 г. — 264.
- La France* («Франция») — ежедневная консервативная газета; издавалась в Париже с 1861 по 1919 г. — 144, 145.
- Frankfurter Zeitung* — см. «*Frankfurter Zeitung und Handelsblatt*».
- Frankfurter Zeitung und Handelsblatt* («Франкфуртская газета и торговый листок») — ежедневная буржуазно-либеральная газета; основана в 1856 г. во Франкфурте-на-Майне. — 134, 289, 345, 375.
- The Free Press* («Свободная печать») — ежемесячный журнал по вопросам внешней политики; орган Д. Уркарта, который боролся в нем против политики Пальмерстона; издавался в Лондоне в 1856—1866 гг., позже (1866—1877) выходил под названием «*Diplomatic Review*». В этом журнале печатались отдельные статьи и сообщения Маркса и Энгельса. — 430.
- Free Russia* («Свободная Россия») — большой журнал; издавался в Лондоне с июня 1890 г. Степняком-Кравчинским; в журнале печатались сообщения о преследованиях революционеров в России. — 191.
- Freiheit* («Свобода») — еженедельная газета на немецком языке; издавалась в Лондоне в 1879—1882 гг. под редакцией И. Моста; с социал-демократической позиции постепенно перешла на открыто анархистские позиции, что привело к исключению Моста из социал-демократической партии в 1880 г. — 451.
- Le Gaulois* («Галл») — ежедневная реакционная националистическая газета; издавалась в Париже с 1868 г. — 145.
- Gazeta Robotnicza* («Рабочая газета») — польская газета в Германии; издавалась в Берлине с 1891 г. — 194.
- Glühlichter* («Жгучие лучи») — двухнедельный сатирико-юмористический журнал; издавался в Вене в 1891—1895 гг. — 346.
- Hallische Jahrbücher* — см. «*Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst*».
- The Hardwareman* («Чернорабочий»). — 419.
- Hermann* («Арминий») — еженедельная газета на немецком языке, орган мелкобуржуазных слоев немецкой эмиграции в Лондоне; основана в 1859 г. поэтом Готфридом Кинке-лем. — 441.
- L'Intransigeant* («Непримиримый») — ежедневная радикальная газета; издавалась в Париже с июля 1880 г. Анри Рошфором; в 90-х годах приобрела демагогическо-шовинистический характер. — 138.
- Journal de l'Association Internationale des Travailleurs* («Газета Международного Товарищества Рабочих») — орган I Интернационала в романской Швейцарии; издавался в Женеве с декабря 1865 г. — 437.
- Journal des Economistes* («Журнал экономистов») — ежемесячный журнал по вопросам политики и народного хозяйства; издавался в Париже с 1841 г. — 449.
- Justice* («Справедливость») — еженедельная газета, орган Социал-демократической федерации; издавалась в Лондоне с января 1884 по 1925 г.; основана Г. Гайндманом. Издатель Г. Квелч. — 73, 89, 94, 100, 132, 136, 142, 156, 157, 210, 293, 301, 302, 346, 366, 405.
- La Justice* («Справедливость») — ежедневная радикальная газета; издавалась в Париже с 1880 г. Главный редактор — К. Пеллетан; одним из редакторов был Ж. Клемансо. — 138.
- Kölnische Zeitung* («Кельнская газета») — ежедневная политическая газета; основана в Кельне в 1763 г.; во второй половине XIX в. — национал-либерального направления. — 28, 30.
- Kosmos* («Космос») — ежемесячный научный журнал для пропаганды дарвинизма; выходил в Штутгарте в 1877—1886 гг. — 419.
- Labour Elector* («Рабочий избиратель») — социалистический еженедельник; издавался в Лондоне с июня 1888 по июль 1894 г. Г. Чемпионом. — 142, 186, 221.
- The Labour Leader* («Лидер рабочих») — социалистический еженедельник, орган Независимой рабочей партии; из-

- давался в Лондоне с октября 1891 г. — 335, 366, 367, 377.
- «*The Manchester Guardian*» («Манчестерский страж») — ежедневная газета либерального направления, основанная в 1821 г. в Манчестере; орган английских текстильных фабрикантов-фритредеров и английских промышленных кругов. — 77.
- «*Le Matin*» («Утро») — ежедневная газета бульварного характера; издавалась в Париже с 1884 г. — 138.
- «*Munca*» («Труд») — румынская социалистическая газета; издавалась в Бухаресте с октября 1894 г. — 153, 337.
- «*La Nation*» («Нация») — ежедневная буржуазно-радикальная газета; издавалась в Париже с 1884 г. — 169.
- «*Nature*» («Природа») — еженедельный научно-популярный журнал, основанный в Лондоне в 1869 г. — 183.
- «*Neue Freie Presse*» («Новая свободная печать») — ежедневная либеральная газета с вечерним выпуском; издавалась в Вене в 1864—1896 гг. — 12.
- «*Neue Rheinische Zeitung*» («Новая Рейнская Газета») — ежедневная политическая газета; издавалась Марксом и Энгельсом в Кельне с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г.; орган последовательно-демократических и пролетарских элементов в революции 1848—1849 гг. — 143, 364, 365, 367, 400, 427, 428.
- «*Neue Rheinische Zeitung Politisch-Ökonomische Revue*» («Политико-экономическое обозрение Новой Рейнской газеты») — ежемесячный журнал; издавался Марксом в Гамбурге в 1850 г. (вышло шесть номеров). — 143, 212, 379, 381, 382, 402, 429.
- «*Die Neue Zeit*» («Новое Время») — еженедельный теоретический журнал, официальный орган германской социал-демократии; издавался с 1883 по 1923 г. в Штутгарте. Редактором с 1883 по 1917 г. был К. Каутский. С 1885 г. Энгельс печатал в «*Neue Zeit*» свои статьи, систематически давая указания редактору и резко критиковал его за отступление от марксизма. В дальнейшем журнал отражал позицию центристов. — 26, 28, 30, 33, 34, 41, 43, 47, 56, 63, 71, 82, 84, 88, 90, 103, 104, 107, 110, 112, 114, 120, 122, 139, 156, 157, 168, 169, 172, 173, 192, 212, 230, 261, 263, 272, 279, 293, 313, 316, 317, 329, 331, 353, 356, 367, 370, 388, 404, 407, 413, 417, 454.
- «*New-York Daily Tribune*» («Нью-Йоркская ежедневная трибуна») — ежедневная радикально-демократическая, аболиционистская газета; издавалась в Нью-Йорке с 1841 г. Редактором иностранного отдела был Ч. А. Дана. В газете в течение ряда лет (1853—1863) сотрудничал Маркс. — 355, 366, 375.
- «*New-Yorker Volkszeitung*» («Нью-Йоркская народная газета») — ежедневная газета немецких социал-демократов в Америке; издавалась в 1878—1932 гг. — 210, 211, 306, 349, 356, 357.
- «*Nordstern*» («Северная Звезда») — еженедельная газета демократического направления; издавалась в Гамбурге в 1860—1866 гг.; одно время была органом лассальянских организаций и графини Гатцфельд. — 432.
- «*The Pall Mall Gazette*» («Газета Пэл-Мэл») — вечерняя газета консервативного направления; издавалась в Лондоне с 1865 г. — 126, 138.
- «*Le Parti Ouvrier*» («Рабочая партия») — ежедневная газета, орган POSSИБИЛИСТОВ; издавалась в Париже с 1888 г. под редакцией Ж. Аллемана. — 138.
- «*Le Parti Socialiste*» («Социалистическая партия») — еженедельник, орган бланкистского «Центрального революционного комитета»; издавался в Париже с 1890 г. при участии Аржириадеца, Вайяна и др. — 138.
- «*The People*» («Народ») — еженедельник, орган Социалистической рабочей партии; издавался в Нью-Йорке с 1891 г. — 43.
- «*La Petite République Française*» («Птит Републик Франсэз») — ежедневная газета, первоначально республиканско-радикальная, позднее социалистическая; издавалась в Париже с 1875 г. С 1893 г. во главе газеты стал Мильеран. — 244, 275.
- «*Pionier. Illustrierter Volkskalender*» («Пионер. Иллюстрированный народный календарь») — социал-демократическое издание на немецком языке; выходило в Нью-Йорке в 1883 г. и в 1887—1893 гг. — 269, 296.
- «*Pionierkalender*» — см. «*Pionier. Illustrierter Volkskalender*».
- «*La Presse*» («Пресса») — ежедневная политическая газета, основанная в Париже в 1836 г. — 428.
- «*Preussische Staatsanzeiger*» («Прусский государственный вестник»). — 436.
- «*Przedświt*» («Рассвет») — социал-демократический еженедельник на польском языке; издавался с 1891 г. в Лондоне. Редактор Ал. Дебский. — 43, 199, 203, 312.

- «*Le Radical*» («Радикал») — ежедневная газета республиканского направления; издавалась в Париже в 1871—1872 гг. — 447.
- «*Die Reform*» («Реформа») — журнал буржуазно-демократического направления; издавался в Берлине в 1861—1868 гг. Э. Мейеном. — 432.
- «*Rheinische Zeitung*» («Рейнская Газета») — издавалась Бюргером в Дюссельдорфе в 60-х годах. — 432.
- «*Rheinische Zeitung*» («Рейнская Газета») — издавалась Гиршем в Кельне в 90-х годах. — 419, 421.
- «*Rheinische Zeitung für Handel, Politik und Gewerbe*» («Рейнская торговая, политическая и промышленная газета») — ежедневная радикально-демократическая газета; издавалась с 1 января 1842 по 31 марта 1843 г. в Кельне. С октября 1842 г. редактором был Маркс. — 355, 406—415.
- «*Revue des deux Mondes*» («Обозрение старого и нового света») — литературно-политический журнал либерального направления; издавался в Париже с 1829 г. — 449.
- «*Siècle*» («Век») — ежедневная политическая газета либерального направления; основана в Париже в 1836 г. — 435.
- «*Social-Demokrat*» («Социал-Демократ») — ежедневная газета, орган ласальянского Всеобщего германского рабочего союза; издавалась в Берлине в 1864—1871 гг. Ж. Б. Швейцером. — 334, 339, 346, 432.
- «*Le Socialiste*» («Социалист») — еженедельный центральный орган социалистической партии Франции; издавался в Париже с 1885 по 1913 г. В редакцию входили Гэд, Девиль, Лафарг и др. — 31, 209, 314, 336.
- «*El Socialista*» («Социалист») — ежедневная газета, орган Социалистической рабочей партии Испании; издавалась с марта 1885 г. в Мадриде; издателем был Пабло Иглесиас. — 299, 326, 403.
- «*Socialpolitisches Zentralblatt*» («Социально-политическая центральная газета») — еженедельная газета социал-реформистского направления; издавалась в Берлине в 1891—1895 гг. Издателем был Г. Браун. — 142, 254, 342, 395, 396, 407.
- «*Le Soleil*» («Солнце») — ежедневная монархическая газета орлеанистского направления; издавалась в 1872 г. в Париже. — 57.
- «*Sozialdemokrat*» («Социал-демократ») — еженедельная газета Германской социал-демократической партии; основана по решению Кельнского партийного съезда в 1893 г.; издавалась в 1894—1895 гг. — 42, 263.
- «*Sozialdemokrat*» («Социал-демократ») — еженедельная газета, центральный орган германской социал-демократической партии в эпоху исключительного закона против социалистов; выходила в Цюрихе (Швейцария) с 1879 по 1888 г., затем в Лондоне до сентября 1890 г. Редактор — Э. Бернштейн. — 451.
- «*Der Sozialist*» («Социалист») — еженедельная газета, орган «независимых» социалистов, исключенных на Эрфуртском съезде из Германской социал-демократической партии; издавалась в Берлине в 1891—1899 гг. — 14, 121.
- «*Standard*» («Знамя») — ежедневная консервативная газета; издавалась в Лондоне с 1827 по 1905 г.; до 1857 г. выходила под заголовком «*Evening Standard*». — 32, 247.
- «*Die Tagwacht*» («Дневная стража») — еженедельная газета Швейцарского рабочего союза; издавалась в 1869—1880 гг. в Цюрихе. Газета подерживала Генеральный Совет I Интернационала. Редактор Г. Грейлих. — 403.
- «*Le Temps*» («Тан») — большая ежедневная политическая газета умеренно-республиканского направления; основана в Париже в 1861 г. — 138.
- «*Der Textilarbeiter*» («Рабочий-текстильщик») — еженедельная социально-политическая газета; основана в ноябре 1889 г. в Хемнице. Редактор П. Вагнер. — 327.
- «*Times*» («Таймс») — крупнейшая ежедневная политическая газета, официальное английское правительство; издается в Лондоне с 1788 г. — 448.
- «*To-Day*» («Сегодня») — ежемесячный социалистический журнал; издавался в Лондоне с апреля 1883 по июль 1889 г. В 1884—1885 гг. в числе сотрудников были: Э. Маркс-Эвелинг, Э. Б. Бакс. С 1886 г. журнал стал органом фабианцев. — 142.
- «*Trade Unionist*» («Тред-юнионист») — ежемесячный тред-юнионистский журнал; издавался в Лондоне в 1892 г. — 49.
- «*La Tribune*» («Трибуна») — либерально-прогрессивная газета; издавалась в Риме с 1883 г. — 15.
- «*Tribune*» — см. «*Berliner Volkstribüne*».
- «*La Tribune du Peuple*» («Народная Трибуна») — еженедельный орган бель-

- гийских демократических и рабочих организаций; издавался в Брюсселе с 1862 по 1869 г. — 437.
- «*Volksanwalt*» («Защитник народа») — газета, основанная в октябре 1889 г. после раскола в Социалистической рабочей партии Америки; издавалась отстраненным от руководства реформистским исполнительным комитетом партии. — 313.
- «*Volksstaat*» («Народное государство») — орган Германской социал-демократической рабочей партии (Эйзенахской). Газета издавалась в 1869—1876 гг. в Лейпциге; выходила три раза в неделю. Редактор В. Либкнехт. — 145, 175, 385, 447.
- «*Volksstimme*» («Голос народа») — еженедельная газета, орган социал-демократической партии Венгрии; основана в феврале 1872 г. в Будапеште. — 334.
- «*Volkstribüne*» («Народная трибуна») — еженедельная социал-демократическая газета; основана в 1891 г. в Вене. — 187, 261.
- «*Volkszeitung*» («Народная газета») — ежедневная мелкобуржуазная газета; выходила в Берлине с 1853 г. Редактор А. Бернштейн. — 252.
- «*Volkszeitung*» — см. «New-Yorker Volkszeitung».
- «*Vorbote*» («Предвестник») — ежемесячный журнал, центральный орган немецких секций I Интернационала; издавался И.-Ф. Беккером; выходил в Женеве в 1866—1870 гг. — 403, 437.
- «*Vorwärts*» («Вперед») — ежедневный центральный орган Германской социал-демократии; издавался в Берлине с 1890 г. Редактором был В. Либкнехт. — 4, 9—11, 21, 31, 33, 40, 48, 70, 71, 76, 77, 81, 85, 86, 89, 94, 103, 111, 115, 121, 132, 135, 145, 152, 171, 173, 182, 183, 189, 191, 194, 197, 202, 256, 257, 263, 287, 295, 318, 327, 334, 339—341, 344, 348, 353, 377, 379, 404, 409.
- «*Der wahre Jacob*» («Подлинный Якоб») — двухнедельный иллюстрированный сатирико-юмористический журнал социал-демократической партии Германии; основан в 1878 г. в Штутгарте. — 346.
- «*Das Westphälische Dampfboot*» («Вестфальский пароход») — ежемесячный журнал «истинных социалистов»; издавался в 1845—1846 гг. в Билефельде, в 1847 г. — в Падерборне. В журнале сотрудничал Энгельс. — 375, 400, 410.
- «*Woman's Journal*» («Женский журнал»). — 3.
- «*Workman's Advocate*» («Защитник рабочего») — еженедельная газета английских горняков; выходила в Лондоне; с сентября 1865 г. стала органом Генерального Совета I Интернационала; в феврале 1866 г. преобразована в «Commonwealth» (см.). — 435—438.
- «*Workman's Times*» («Рабочий Таймс») — рабочий еженедельник; издавался с августа 1890 по сентябрь 1894 г. в Хеддерсфилде, затем в Лондоне и Манчестере. Редактор—Бергесс.—3, 5, 20, 49, 91, 101, 110, 123, 127, 133—134, 137, 138, 145, 157, 184, 186, 202, 264, 291, 293, 326, 334.
- «*Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*» («Журнал политической и экономической истории») — издавался в 1893—1899 гг. в Лейпциге и Фрейбурге. — 171.
- «*Zentralblatt*» — см. «Socialpolitisches Zentralblatt».

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКА ОРИГИНАЛОВ.

- На английском языке написаны письма*
№№: I 11, 18, 36, 41, 75, 95, 119, 121, 130, 135, 148, 152, 168, 182, 186, 187, 195, 208, 223, 238, 257, 268, 276, 284; II 10, 12, 13, 16, 20.
- На испанском языке написаны письма*
№№: I 73, 128, 185, 207, 253.
- На итальянском языке написаны письма*
№№: I 8, 138; II 18.
- На немецком языке написаны письма*
№№: I 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 108, 110, 112, 113, 114, 116, 117, 118, 120, 122, 124, 125, 126, 127, 129, 131, 132, 133, 136, 137, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 149, 150, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 167, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 177, 179, 180, 181, 183, 184, 188, 190, 194, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 204, 205, 206, 209, 211, 212, 213, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 228, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 251, 252, 254, 256, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 285, 287, 288, 289; II 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 14, 15, 17, 19, 23, 24, 25, 27, 29, 30.
- На французском языке написаны письма*
№№: I 9, 22, 48, 87, 88, 99, 105, 107, 109, 111, 115, 123, 134, 139, 166, 169, 172, 178, 185, 189, 191, 192, 193, 196, 210, 214, 215, 229, 248, 250, 255, 258, 269, 286; II 2, 21, 22, 26, 28, 31.

СОДЕРЖАНИЕ.

<i>Предисловие</i>	Стр. V
------------------------------	-----------

I. Письма Ф. Энгельса 1892—1895 гг.

1892 год

1. Ф.-А. Зорге, 6 января	1
2. К. Каутскому, 26 января	4
3. К. Каутскому, 28 января	6
4. Г. Энгельсу, 28 января	6
5. К. Каутскому, 1 февраля	8
6. А. Бебелю, 2 февраля	9
7. К. Шмидту, 4 февраля	12
8. Ф. Турати, 6 февраля	15
9. С. Мендельсону, 11 февраля	17
10. Г. Энгельсу, 17 февраля	18
11. Э. Эвелингу, середина февраля	18
12. В. Адлеру, 19 февраля	19
13. А. Бебелю, 19 февраля	22
14. К. Каутскому, 5 марта	26
15. Ф.-А. Зорге, 5 марта	28
16. А. Бебелю, 8 марта	30
17. Ю. Бебель, 8 марта	35
18. Н. Ф. Даниельсону, 15 марта	36
19. А. Бебелю, 16 марта	40
20. К. Каутскому, 30 марта	42
21. Г. Шлютеру, 30 марта	43
22. А. Брисаку, около 10 апреля	45
23. А. Бебелю, 16 апреля	46
24. К. Каутскому, 20 апреля	47
25. И. Дитцу, 23 апреля	49
26. И. Дитцу, 23 апреля	50
27. И. Дитцу, 26 апреля	50
28. И. Дитцу, 5 мая	51

	<i>Стр.</i>
29. А. Бебелю, 6 мая	51
30. И. Дитцу, 12 мая	52
31. К. Каутскому, 17 мая	53
32. Л. Шорлеммеру, 17 мая	54
33. В. Адлеру, 19 мая	55
34. Л. Шорлеммеру, 19 мая	57
35. А. Зигелю, 28 мая	57
36. Г. Роско, 28 мая	59
37. Л. Шорлеммеру, 28 мая	59
38. Л. Шорлеммеру, 5 июня	60
39. К. Каутскому, 11 июня	62
40. Л. Шорлеммеру, 16 июня	64
41. Н. Ф. Даниельсону, 18 июня	64
42. Ф.-А. Зорге, 18 июня	69
43. А. Бебелю, 20 июня	72
44. К. Каутскому, 25 июня	74
45. К. Каутскому, 27 июня	76
46. Л. Шорлеммеру, 30 июня	77
47. Л. Шорлеммеру, 1 июля	78
48. П. Аржириадесу, начало июля	80
49. А. Бебелю, 5 июля	80
50. К. Каутскому, 5 июля	82
51. А. Бебелю, 6 июля	85
52. А. Бебелю, 7 июля	86
53. Э. Бернштейну, 14 июля	88
54. А. Бебелю, 23 июля	90
55. Р. Бернштейн, 25 июля	92
56. Л. Шорлеммеру, 25 июля	94
57. Л. Шорлеммеру, 28 июля	96
58. Г. Энгельсу, 28 июля	96
59. Г. Энгельсу, 8 августа	97
60. А. Бебелю, 8 августа	98
61. К. Каутскому, 12 августа	99
62. А. Бебелю, 14 августа	101
63. Р. Бернштейн, 15 августа	104
64. В. Адлеру, 19 августа	105
65. А. Бебелю, 20 августа	107
66. Ф.-А. Зорге, 23 августа	109
67. А. Бебелю, 25 августа	111
68. К. Каутскому, 4 сентября	113
69. Л. Кугельману, 5 сентября	116
70. А. Бебелю, 11 сентября	116
71. К. Шмидту, 12 сентября	119
72. К. Каутскому, 16 сентября	122
73. Национальному совету Испанской социалистической партии, 16 сентября	123
74. Р. и Э. Бернштейн, 17 сентября	125
75. И. Ф. Даниельсону, 22 сентября	127

	<i>Стр.</i>
76. В. Адлеру, 25 сентября	131
77. К. Каутскому, 26 сентября	133
78. А. Бебелю, 26 сентября	134
79. В. Адлеру, 27 сентября	138
80. Ф. Мерингу, 28 сентября	139
81. К. Каутскому, 29 сентября	142
82. Л. Кугельману, 4 октября	143
83. А. Бебелю, 7 октября	144
84. Л. Кугельману, 10 октября	147
85. Л. Шорлеммеру, 18 октября	148
86. В. Адлеру, 23 октября	149
87. Ш. Бонье, вторая половина октября	151
88. Ш. Бонье, 24 октября	153
89. Ф.-А. Зорге, 5 ноября	154
90. А. Бебелю, 6 ноября	155
91. А. Бебелю, 15 ноября	158
92. А. Бебелю, 19 ноября	158
93. Ю. Бебель, 29 ноября	161
94. А. Бебелю, 29 ноября	162
95. Ч. Резгену, 29 ноября	163
96. П. Штумпфу, 30 ноября	163
97. Н. и В. Либкнехт, 1 декабря	164
98. Л. Шорлеммеру, 1 декабря	165
99. Ш. Бонье, 3 декабря	166
100. А. Бебелю, 3 декабря	167
101. К. Каутскому, 4 декабря	171
102. А. Бебелю, 22 декабря	173
103. К. Каутскому, 24 декабря	177
104. Ф.-А. Зорге, 31 декабря	178

1898 год

105. М. Мендельсон, 10 января	182
106. Ф. Паули, 11 января	182
107. М. Мендельсон, 16 января	183
108. Ф.-А. Зорге, 18 января	184
109. Л. Эритье, 20 января	187
110. А. Бебелю, 24 января	188
111. М. Мендельсон, 24 января	191
112. К. Каутскому, 26 января	192
113. Г. Энгельсу, 26 января	193
114. В. Либкнехту, 29 января	193
115. М. Мендельсон, 7 февраля	194
116. В. Шмуиллову, 7 февраля	195
117. А. Бебелю, 9 февраля	197
118. А. Бебелю, 24 февраля	202

	<i>Стр.</i>
119. Н. Ф. Даниельсону, 24 февраля	203
120. В. Либкнехту, 7 марта	206
121. Г. Ллойд, середина марта	207
122. Ф. Визену, 14 марта	207
123. М. Мендельсон, 15 марта	208
124. Ф.-А. Зорге, 18 марта	209
125. К. Каутскому, 20 марта	211
126. А. Радимскому, 21 марта	213
127. Ю. Бебель, 31 марта	214
128. П. Иглесиасу, апрель	215
129. М. Р. Котару, 8 апреля	215
130. Дж. В. Лемпло, 11 апреля	216
131. Ф. Мерингу, 11 апреля	217
132. Л. Шорлеммеру, 29 апреля	218
133. Ф.-А. Зорге, 17 мая	219
134. П. Л. Лаврову, 21 мая	222
135. И. А. Гурвичу, 27 мая	222
136. К. Каутскому, 1 июня	223
137. Г. Бару, начало июня	225
138. Дж. Доманико, 7 июня	226
139. С. Нокову, 9 июня	226
140. Ф. Мерингу, 14 июля	227
141. Р. Мейеру, 19 июля	232
142. В. Либкнехту, 27 июля	235
143. Н. Либкнехт, 27 июля	236
144. Г. Энгельсу, 16 августа	236
145. К. Каутскому, 25 сентября	238
146. Ю. Бебель, 3 октября	238
147. Г. Блохеру, 3 октября	240
148. Дж. Шипли, 3 октября	241
149. Ф.-А. Зорге, 7 октября	242
150. В. Адлеру, 11 октября	244
151. А. Бебелю, 12 октября	248
152. Н. Ф. Даниельсону, 17 октября	253
153. А. Бебелю, 18—21 октября	256
154. К. Каутскому, 3 ноября	260
155. В. Адлеру, 10 ноября	263
156. Ф.-А. Зорге, 11 ноября	265
157. Н. Либкнехт, 1 декабря	265
158. Лондонскому коммунистическому рабочему просветительному союзу, 1 декабря	267
159. Ф.-А. Зорге, 2 декабря	267
160. Г. Шлютеру, 2 декабря	269
161. Г. Шлютеру, 2 декабря	270
162. К. Каутскому, 4 декабря	270
163. Л. Шорлеммеру, 19 декабря	272
164. В. Либкнехту, 21 декабря	274
165. Ф.-А. Зорге, 30 декабря	274

1894 год

	<i>Стр.</i>
166. П. Л. Лаврову, 4 января	278
167. К. Каутскому, 9 января	278
168. Дж. В. Лемпло, 10 января	279
169. А. Равэ, 10 января	280
170. В. Адлеру, 11 января	281
171. Г. Штарненбургу, 25 января	283
172. Дж. Канепа, январь	286
173. Р. Фишеру, 1 февраля	286
174. К. Каутскому, 13 февраля	287
175. Г. Гижичкому, 17 февраля	288
176. Э. Бернштейну, 22 февраля	289
177. Ф.-А. Зорге, 23 февраля	289
178. П. Лафаргу, 6 марта	291
179. П. Мусою, начало марта	291
180. А. Момбергеру, 9 марта	292
181. В. Адлеру, 20 марта	293
182. Н. Ф. Даниельсону, 20 марта	295
183. Ф.-А. Зорге, 21 марта	295
184. В. Адлеру, 22 марта	297
185. П. Иглесиасу, 26 марта	299
186. Х. Уотсу, 3 апреля	301
187. Г. В. Ли, 16 апреля	302
188. К. Эберле, 24 апреля	302
189. Редакции французской социалистической газеты, 24 апреля	303
190. Ф.-А. Зорге, 12 мая	304
191. Г. В. Плеханову, 21 мая	306
192. С. Мендельсону, 22 мая	308
193. Г. В. Плеханову, 22 мая	308
194. Б. Н. Кричевскому, 31 мая	309
195. Н. Ф. Даниельсону, 1 июня	310
196. П. Лафаргу, 2 июня	311
197. С. Заблоцкому, 7 июня	312
198. К. Каутскому, 19 июня	312
199. К. Каутскому, 26 — 27 июня	313
200. Б. Н. Кричевскому, конец июня	314
201. Л. Шорлеммеру, 5 июля	315
202. И. Дитцу, 9 июля	317
203. К. Каутскому, 16 июля	317
204. В. Адлеру, 17 июля	318
205. К. Каутскому, 28 июля	323
206. В. Адлеру, 4 августа	325
207. П. Иглесиасу, начало августа	325
208. Английским социалистическим организациям, начало августа	326
209. Э. Бернштейну, 14 августа	327
210. С. Делл'Аваллес, начало сентября	328
211. Э. Бернштейну, 6 сентября	329

	<i>Стр.</i>
212. Э. Бернштейну, 18 сентября	330
213. К. Каутскому, 23 сентября	330
214. Э. Вандервельде, вторая половина октября	332
215. Г. В. Плеханову, 1 ноября	333
216. Ф.-А. Зорге, 10 ноября	334
217. А. Бебелю и П. Зингеру, 14 ноября	338
218. Э. Бернштейну, 14 ноября	338
219. К. Каутскому, 15 ноября	339
220. Э. Бернштейну, 20 ноября	339
221. К. Каутскому, 22 ноября	340
222. И. Атабекянцу, 23 ноября	341
223. Н. Ф. Даниельсону, 24 ноября	342
224. В. Либкнехту, 24 ноября	343
225. Ф.-А. Зорге, 4 декабря	345
226. Лондонскому коммунистическому рабочему просветительному союзу, 6 декабря	348
227. Ф.-А. Зорге, 12 декабря	348
228. В. Адлеру, 14 декабря	350
229. П. Л. Лаврову, 18 декабря	352
230. В. Адлеру, 22 декабря	353

1895 год

231. Э. Адлер, 1 января	354
232. Л. Кугельману, 1 января	354
233. Г. Шлютеру, 1 января	356
234. В. Адлеру, начало января	357
235. К. Каутскому, 3 января	358
236. Л. Шорлеммеру, 3 января	359
237. П. Штумпфу, 3 января	361
238. Н. Ф. Даниельсону, 9 января	362
239. В. Адлеру, 9 января	363
240. Л. Кугельману, 9 января	366
241. В. Адлеру, 12 января	366
242. К. Каутскому, 12 января	367
243. Г. Энгельсу, 12 января	368
244. Ф.-А. Зорге, 16 января	370
245. Ф. Теннису, 24 января	373
246. Л. Кугельману, 25 января	375
247. В. Адлеру, 28 января	375
248. В. И. Засулич, 30 января	378
249. Р. Фишеру, 2 февраля	378
250. Г. В. Плеханову, 8 февраля	379
251. Р. Фишеру, 12 февраля	380
252. Р. Фишеру, 13 февраля	381
253. П. Иглесиасу, 16 февраля	382
254. Ю. Моттелеру, 23 февраля	384
255. Г. В. Плеханову, 26 февраля	384

	<i>Стр.</i>
256. Ю. Моттелеру, 2 марта	386
257. Н. Ф. Даниельсону, 5 марта	387
258. Э. Вайнну, 5 марта	388
259. Лондонскому коммунистическому рабочему просветительному союзу, 11 марта	391
260. К. Шмидту, 12 марта	391
261. К. Каутскому, 13 марта	396
262. В. Адлеру, 16 марта	396
263. К. Гиршу, 19 марта	398
264. Л. Кугельману, 19 марта	400
265. Г. Энгельсу, 20 марта	401
266. К. Каутскому, 25 марта	402
267. К. Каутскому, 1 апреля	404
268. Г. Квелчу, 2 апреля	405
269. П. Лафаргу, 3 апреля	405
270. Р. Фишеру, 5 апреля	406
271. К. Шмидту, 6 апреля	407
272. С. Бауэру, 10 апреля	408
273. Р. Фишеру, 15 апреля	408
274. Л. Кугельману, 18 апреля	410
275. Р. Фишеру, 18 апреля	411
276. Правлению Независимой рабочей партии, вторая половина апреля	412
277. Ф. Мерингу, конец апреля	412
278. Ф. Мерингу, 9 мая	414
279. Р. Фишеру, 9 мая	414
280. К. Гиршу, 20 мая	415
281. К. Каутскому, 21 мая	416
282. Редакции «Rheinische Zeitung», 22 мая	419
283. Р. Фишеру, 29 мая	420
284. Н. Ф. Даниельсону, 4 июня	421
285. Э. Бернштейну, 18 июня	421
286. Ф. Турати, 28 июня	422
287. Р. Фишеру, 29 июня	423
288. Э. Бернштейну, 4 июля	423
289. Л. Зибольду, 28 июля	424

II. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса 1849—1891 гг.

1. Маркс — Э. Мюллер-Теллерингу, 15 января 1849 г.	427
2. Маркс — редактору газеты «La Presse», 27 июля 1849 г.	428
3. Маркс — Г. Бекнеру, 2 декабря 1850 г.	428
4. Маркс — В. Либкнехту, 17 сентября 1859 г.	429
5. Маркс — В. Либкнехту, февраль 1865 г.	432
6. Маркс — В. Либкнехту, 24 июня 1865 г.	432
7. Маркс — В. Либкнехту, 11 сентября 1865 г.	433
8. Энгельс — В. Либкнехту, 21 сентября 1865 г.	433
9. Маркс — Г. Юнгу, 30 сентября 1865 г.	434
10. Маркс — В. Либкнехту, 21 ноября 1865 г.	434

	<i>Стр.</i>
11. Маркс — В. Либкнехту, 15 января 1866 г.	436
12. Маркс — В. Либкнехту, 6 апреля 1866 г.	438
13. Маркс — В. Либкнехту, 4 мая 1866 г.	438
14. Маркс — Ф. Лесснеру, 11 августа 1868 г.	439
15. Маркс — Ф. Энгельсу, 16—17 апреля 1869 г.	441
16. Маркс — Д. Уркарту, 19 февраля 1870 г.	442
17. Энгельс — В. Либкнехту, середина августа 1871 г.	443
18. Энгельс — К. Терцаги, 29 января 1872 г.	444
19. Энгельс — А. Гепнеру, 2 июля 1872 г.	445
20. Маркс — редактору «Times», 15 августа 1872 г.	448
21. Энгельс — Э. Лароку, 9 декабря 1872 г.	448
22. Маркс — Г. Девиллю, 23 января 1877 г.	449
23. Маркс — Э. Шотту, 3 ноября 1877 г.	450
24. Энгельс — А. Энгель, конец 70-х — начало 80-х годов	450
25. Энгельс — Г. Мейеру, конец марта 1880 г.	451
26. Энгельс — С. Леоновичу, сентябрь 1884 г.	451
27. Энгельс — Ш. Энгельс, 1 декабря 1884 г.	452
28. Энгельс — редактору «Северного Вестника», 25 августа 1885 г.	453
29. Энгельс — Б. Шенланку, 29 августа 1887 г.	454
30. Энгельс — Моргенну, 9 декабря 1890 г.	455
31. Энгельс — Ф. Турати, 7 марта 1891 г.	456

Указатели

Указатель имен	461
Указатель периодических изданий	486
Указатель языка оригиналов	492

Иллюстрации

1. Фридрих Энгельс. Снимок сделан в 1893 г.	между IV—V
2. Дом в Бармене, где родился Фридрих Энгельс	между 160—161
3. Дом в Лондоне на Риджентс-парк-род, в котором Фридрих Энгельс жил в 1894—1895 гг.	между 278—279
4. Титульный лист III тома «Капитала» К. Маркса с автографом Фридриха Энгельса.	между 352—353

К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIX. Госполитиздат, 1946 г.

*

Сдано в набор 25/1 1946 г. Подписано к печати 24/X 1946 г. М-07277. Формат 68×100^{1/16}.
Объем 32 п. л. Тираж 30 000 экз. (1—15 тыс.). Заказ № 390. Цена 10 р.

*

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького треста «Полиграфинга» ОГИЗА при
Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.